ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Подъ редакціей В. В. ЧУЙКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЛЕРМОНТОВА, ЕГО БІОГРАФІЕЙ И 41 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ ХУДОЖНИКА В. А. ПОЛЯКОВА

ШЕСТОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНІЕ

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный Дв., 18 и Невскій, 13.
МОСКВА
Кузнецкій М., 12 и Моховая, 22.

Arbuthnot 1626/2

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

1835

МАСКАРАДЪ

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арбенинъ, Евгеній Александровичъ.
Нина, жена его.
Князь Звѣздичъ.
Баронесса Штраль.
Казаринъ, Аѳанасій Павловичъ
Шприхъ, Адамъ Петровичъ.
Маска.
Чиновникъ.

Игроки, гости, слуги и служанки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Игроки, князь Звѣздичъ, Казаринъ и Шприхъ. (За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ).

Первый понтеръ. Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ. Извольте.
Первый понтеръ. Сто рублей.
Банкометъ. Идетъ.
Второй понтеръ. Ну, добрый путь.
Третій понтеръ. Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо...
Четвертый понтеръ. Надо гнуть.
Третій понтеръ. Пусти.
Второй понтеръ. На все?.. Нѣтъ, жжется!
Четвертый понтеръ. Послушай, милый другъ: кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.
Третій понтеръ (тихо первому). Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ. Ва-банкъ!
Второй понтеръ. Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь—играйте не сердясь.
Князь. На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.
Банкометъ. Убита.
Князь. Чортъ возьми!
Банкометъ. Позвольте получить.
Второй понтеръ (насмѣшливо). Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить.
Что стоятъ ваши эполеты?
Князь. Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.
Второй понтеръ (сквозь зубы, уходя). Скромнѣй бы надо быть.
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

(Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается).

Шприхъ (подходитъ, съ участіемъ). Не нужно ль денегъ, князь?.. Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу,

(Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Арбенинъ и прочіе. (Арбенинъ входитъ; кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казариномъ).

Арбенинъ. Ну, что? ужь ты не мечешь?.. а — Казаринъ?

Казаринъ. Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ
И позабылъ товарищей своихъ!
Арбенинъ. Да, я давно ужь не былъ съ вами.
Казаринъ. Дѣлами занятъ все?
Арбенинъ. Любовью... не дѣлами.
Казаринъ. Съ женой по бáламъ?
Арбенинъ. Нѣтъ.
Казаринъ. Играешь?
Арбенинъ. Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?
Казаринъ. Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!.. Я васъ познакомлю разомъ.
(Шприхъ подходитъ и кланяется).
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ — Арбенинъ.
Шприхъ. Я васъ знаю.
Арбенинъ. Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.
Шприхъ. По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.
Арбенинъ. Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ).
Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза—стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.
Казаринъ. Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный,—
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ—
Вѣрнѣй всего что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей—іезуитъ, межъ нами — злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.
Арбенинъ. Портретъ хорошъ — оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?
Казаринъ. Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужь въ самомъ дѣлѣ.
Арбенинъ. А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?
Казаринъ. Трушовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
И крестъ на шею получилъ.
Арбенинъ. Да вы разборчивы на новыя знакомства!
Игроки (кричатъ). Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!
Казаринъ. Иду! (Съ притворнымъ участіемъ).
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!
Первый понтеръ. Скорѣй!
Казаринъ. Какая тамъ бѣда?
(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ).
Арбенинъ. Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?
Князь (недовольно). Я то-же самое хотѣлъ спросить у васъ.
Арбенинъ. Я вашъ отвѣтъ предупрежу, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!
Князь (съ чувствомъ беретъ его за руку). Я проигрался!
Арбенинъ. Вижу.—Чтожъ? Топиться?
Князь О, я въ отчаяньи!
Арбенинъ. Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовѣки не садиться,
Или опять сейчасъ-же сѣсть.

Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли;—годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы,
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать
свободы —
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ
равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»

(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи).

Князь. Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?
Арбенинъ. Что хотите.
Князь. Быть-можетъ, счастіе...
Арбенинъ. О, счастія здѣсь нѣтъ!
Князь. Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте
мнѣ совѣтъ!
Арбенинъ. Совѣтовъ не даю.
Князь. Ну, сяду...
Арбенинъ (вдругъ беретъ его за руку). Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды—я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе,
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже,
И если-бъ... (останавливается) кто-нибудь меня
остановилъ...
То... (смотритъ на него пристально).
(Перемѣнивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку
смѣло,
А остальное ужь не ваше дѣло!
(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто)
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она старинаго раба?
Казаринъ. Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое.
(Тихо). Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.
Игроки. Извольте, вамъ и книги въ руки; вы
хозяинъ,
Мы гости.
Первый понтеръ (на ухо второму). Берегись —
имѣй теперь глаза!..
Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола, иногда разные возгласы. Въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола).

(Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина).

Шприхъ (лукаво). Столпились въ кучку всѣ;
кажись, нашла гроза.
Казаринъ. Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!
Шприхъ. Видно,
Что мастеръ.
Казаринъ. Былъ
Шприхъ. Былъ? А теперь...
Казаринъ. Теперь?..
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ—а право, тотъ-же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить!—Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится.
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хоть
передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.

(Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ).

Первый игрокъ. Я говорилъ тебѣ.
Второй игрокъ. Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрилъ — нѣтъ, всѣхъ какъ на
подрядъ!
Подумать стыдно...
Казаринъ (подходитъ). Что, господа, иль не
подъ силу—а?
Первый игрокъ. Арбенинъ вашъ мастакъ.
Казаринъ. И! что вы, господа!
(Волненіе у стола между игроками).
Третій понтеръ. Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто
Четвертый понтеръ (всторону). Обрѣжется...
Пятый понтеръ. Посмотримъ!
Арбенинъ (встаетъ). Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ).

Князь. Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!..
Вы жизнь мою спасли...
Арбенинъ. И деньги ваши тоже.
(Горько). А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.
Князь. Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.
Арбенинъ. Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ
волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть — какъ вы пошли бы на сраженье.
Князь. Но проиграться вы могли?
Арбенинъ. Я? нѣтъ!.. Тѣ дни блаженные
прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.
Князь. Вы избѣгаете признательность мою...

Арбенинъ. По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.
Князь. Я вамъ не вѣрю.
Арбенинъ. Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ,
И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(Помолчавъ). Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ не худо,
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.
Князь. Да.
Арбенинъ. Поѣдемте.
Князь. Я радъ.
Арбенинъ (въ сторону). Въ толпѣ я отдохну.
Князь, Тамъ женщины есть—чудо!..
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...
Арбенинъ. Пусть говорятъ—а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны:
У маски ни души, ни званья нѣтъ—есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло.
(Уходятъ).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Тѣ-же, кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.
Первый игрокъ. Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!..
Второй игрокъ. Хотя бъ опомниться онъ далъ по крайней мѣрѣ.
Слуга (входитъ). Готово ужинать.
Хозяинъ. Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.
(Уходятъ).

Шприхъ (одинъ). Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу...
И даромъ ужинать желаю.
(Приставивъ палецъ ко лбу).
Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю
И въ маскарадъ за ними полечу.
(Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою).

СЦЕНА ВТОРАЯ

МАСКАРАДЪ

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Маски, Арбенинъ, потомъ князь Звѣздичъ.
(Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Налѣво канапе).

Арбенинъ (входитъ). Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!
(Князь подходитъ, зѣвая).
Вотъ нынѣшнее поколѣнье;
И то ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? Не набрели еще на приключенье?
Князь. Какъ быть! а цѣлый часъ хожу!
Арбенинъ. А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.
Князь. Все маски глупыя...
Арбенинъ. Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ—таинственна, говоритъ—такъ мило
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ—
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышетъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть-можетъ, гордая графиня иль княжна:
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Князь и женская маска. (Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости).
Князь. Все такъ! разсказывать легко!
Однако же я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!
(Одна маска отдѣляется и, ударивъ его по плечу):
Маска. Я знаю
Тебя!
Князь. И, видно, очень коротко.
Маска. О чемъ ты размышлялъ — и это мнѣ извѣстно.
Князь. А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
(Заглядываетъ подъ маску).

Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.
Маска. Я нравлюся тебѣ—тѣмъ хуже.
Князь. Для кого?
Маска. Для одного изъ насъ.
Князь. Не вижу отчего?..
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ
Но узнаю, кто ты...
Маска. Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?..
Князь. Поговоримъ и разойдемся.
Маска. Право?
Князь. Налѣво ты, а я направо.
Маска. Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что вовѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!..
Князь. Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?
Маска. Ты! безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя...
Князь. Мнѣ это очень лестно.
Маска. Ты сдѣлалъ много зла...
Князь. Невольно, можетъ быть.
Маска. Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.
Князь. Я не ищу любви.
Маска. Искать ты не умѣешь.
Князь. Скорѣй—усталъ искать.
Маска. Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?
Князь. Но ктожъ она?.. конечно, идеалъ.
Маска. Нѣтъ, женщина... а дальше — что за дѣло?
Князь. Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.
Маска. Ты хочешь многаго—обдумай, что сказалъ.
(Нѣкоторое молчаніе).
Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...
Князь. Клянусь землей и небесами,
И честію моей...
Маска. Смотри-жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами...
(Уходятъ подъ руку).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И ДВѢ МАСКИ. (Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску).

Арбенинъ. Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете-ль, кто я?
Маска. Я знаю, кто вы были.
Арбенинъ. Снимите маску—и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.
Маска. Къ чему? Мое лицо вамъ такъ-же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.
Арбенинъ. Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!
Маска. Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье будетъ съ вами въ эту ночь
(Исчезаетъ въ толпѣ).
Арбенинъ. Постой!.. пропалъ!.. Кто жъ онъ?
Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой-нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ШПРИХЪ И АРБЕНИНЪ. (Шприхъ является). (На канапе сидятъ двѣ женскія маски, кто-то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки).

Шприхъ. Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?
Арбенинъ. Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.
Шприхъ. Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранилъ.
Арбенинъ. Кому?
Шприхъ. Какой-то маскѣ.
Арбенинъ. Слухъ завидный
У васъ.
Шприхъ. Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

Арбенинъ. Это видно.
Такъ, стало быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...
Шприхъ. О чемъ это-съ?
Арбенинъ. Да нѣтъ, я такъ шучу...
Шприхъ. Скажите...
Арбенинъ. Говорятъ, у васъ жена красотка...
Шприхъ. Ну-съ, чтожъ?
Арбенинъ (перемѣнивъ тонъ). А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?

(Насвистываетъ пѣсню и уходитъ).

Шприхъ (одинъ). Чтобъ у тебя засохла глотка!..
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.

(Теряется въ толпѣ).

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

Первая маска (одна).

(Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе).

Ахъ!.. я едва дышу... онъ все бѣжитъ за мною.
Что если бы онъ сорвалъ маску... нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!..
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой-нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!. рискъ ужасный!
(Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ).
Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему... Прекрасно!..
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ

ПЕРВАЯ МАСКА И КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. (Князь съ лорнетомъ торопливо пробирается).

Князь. Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю.
(Садится на канапе и беретъ ее за руку).
О, ты не убѣжишь...
Маска. Я васъ не убѣгаю,
Чего хотите вы?
Князь. Васъ видѣть.
Маска. Мысль смѣшна:
Я передъ вами...
Князь. Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя—другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...
Маска. Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.
Князь. Я вспомню голосъ твой.
Маска. Пожалуй—вотъ ужь чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ—лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы не худо!
Князь. Но счастіе мое неполно.
Маска. А какъ знать!
Вы, можетъ-быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть-можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!
Князь. Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?
Маска (хочетъ идти). Прощай навѣки!
Князь. О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?
Маска (отойдя два шага). Вы правы: жаль мнѣ васъ—возьмите мой браслетъ.

(Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ).

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

Князь (ищетъ ее глазами напрасно). Я въ дуракахъ!.. есть отчего разсудка
Лишиться... (Увидѣвъ Арбенина). А!
Арбенинъ (идетъ задумчивъ). Кто этотъ злой пророкъ?..
Онъ долженъ знать меня... и врядъ-ли это шутка.
Князь (подходя). Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній урокъ.
Арбенинъ. Душевно радуюсь.

Князь. Но счастье налетѣло
Само собой.
Арбенинъ. Да, счастье—вѣчно такъ.
Князь. Лишь-только я схватилъ и думалъ: кончилъ дѣло!
Какъ вдругъ (дуетъ на ладонь)... Теперь себя могу увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.
Арбенинъ. Не знаю ничего, и потому не спорю.
Князь. Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу... (Нѣсколько словъ на ухо)
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась—и вотъ (показываетъ браслетъ) какъ-будто сонъ!..
Конецъ прежалобный...
Арбенинъ (улыбаясь). А начали не худо...
. . . . . .
Не покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой-же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...
Князь. Гдѣ отыскать ее?
Арбенинъ. Любую подцѣпите:
Здѣсь много ихъ—искать недалеко!
Князь Но если не она?
Арбенинъ А можетъ быть легко.
Не чтоже за бѣда?.. Вообразите...
Князь. Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ, браслетъ
Поможетъ мнѣ.
Арбенинъ. Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ (входитъ); СЛУГА.

Арбенинъ. Ну, вотъ и вечеръ конченъ—какъ я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ—весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится,
И чтоже я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?..
Давалъ любовницу совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей-Богу, мнѣ такая роль
Ужь не подъ лѣты!
(Слугѣ). Что, барыня пріѣхала домой
Слуга. Нѣтъ-съ.
Арбенинъ. А когда же будетъ?
Слуга. Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.
Арбенинъ. Теперь ужь часъ второй—
Не ночевать же тамъ она осталась!
Слуга. Не знаю-съ.
Арбенинъ. Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я вскричу.
(Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Арбенинъ (одинъ). Богъ справедливъ! и я теперь едва-ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали;
Теперь я жду жены своей..
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужь ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить—ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?..
(Задумывается).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ и НИНА. (Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ въ лобъ сзади).

Арбенинъ. Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.
Нина. Неужели такъ поздно?
Арбенинъ. Я жду тебя ужь цѣлый часъ.
Нина. Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!
Арбенинъ. А думаетъ—глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...
Нина. Ахъ, мой Творецъ!..

Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся—ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетъ,
Съ утра до вечера, тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой-нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова!»
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу... Но къ чему
Меня воображеніе умчало!..
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

Арбенинъ (улыбаясь). Какъ быть! Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

Нина. Конечно.

Арбенинъ. Ты сердишься?

Нина. Нѣтъ, я благодарю.

Арбенинъ. Ты опечалилась.

Нина. Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенинъ. Нина!

Нина. Что вы?

Арбенинъ. Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть
Не мнѣ и не тебѣ судить.
(Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ)
Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ,
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все любилъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О днях, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный;
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ,
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ,
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ).

Нина. Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

Арбенинъ. Часто?

Нина. Нѣтъ, но—иногда!..

Арбенинъ. Я сердцемъ слишкомъ старъ ты, слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно,
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

Нина. Опять ты недоволенъ... Боже мой!

Арбенинъ. О, нѣтъ! я счастливъ, счастливъ...
Я жестокой,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ . . . . . я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.
(Цѣлуетъ ея руки и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ).

Нина. Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

Арбенинъ (вскакиваетъ). Я? ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

Нина. Потерянъ.

Арбенинъ. А! потерянъ!

Нина. Чтоже?

Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцать пять рублей, конечно, не дороже.
Арбенинъ (про себя.). Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это—пробужденье?
Нина. Тебя понять я, право, не могу.
Арбенинъ (Пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки). Браслетъ потерянъ?
Нина. (обидѣясь). Нѣтъ, я лгу!
Арбенинъ (про себя). По сходство, сходство!
Нина. Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его—велите обыскать.
Конечно бъ я его не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

выходъ четвертый.

Прежніе и слуга.

Арбенинъ (звонитъ; слуга входитъ). (Слугѣ). Карету обыщи ты вдоль и поперекъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебя вернуться безъ него! (Ей). О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.
(Слуга уходитъ).
(Послѣ паузы ей). Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?
Нина. Такъ, стало-быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.
Арбенинъ. Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?
Нина. Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра-жъ закажу такой же точно новый.
(Слуга входитъ).
Арбенинъ. Ну, что?.. скорѣе отвѣчай...
Слуга. Я перешарилъ всю карету-съ...
Арбенинъ. И не нашелъ тамъ?
Слуга. Нѣту-съ.
Арбенинъ. Я это зналъ... Ступай!
(Значительный взглядъ на нее).
Слуга. Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.
Арбенинъ. А! въ маскарадѣ!.. такъ вы были тамъ?

выходъ пятый.

Прежніе, кромѣ слуги.

Арбенинъ (слугѣ). Иди! (Ей). Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?
Нина. Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто кратъ,
Чѣмъ если бъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(Смѣется). Смѣшно, смѣшно, ей-Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?
Арбенинъ. Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ!
Нина. О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.
Арбенинъ. Кто знаетъ, можетъ-быть...
Послушай, Нина!.. я смѣюсь, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надежды и нѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науку погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ и безъ гроша—былъ скукою томимъ,
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ—пока они мои;
Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта... если точно
Я правду отгадалъ... и лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья—
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!
(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону).

Нина. Не подходи... О, какъ ты страшенъ!
Арбенинъ. Неужели?..
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада —
И этой лишь недостаетъ.
Нина. Такъ вотъ какое подозрѣнье?
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ!
Арбенинъ. Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ, глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете, какъ святые
Въ раю... увы!.. Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!
Прощай! я знаю все! (Ей). Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ, во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да я бъ смягчился, если бъ увидалъ
Одну слезу... одну. . Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!
Нина. Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.
Арбенинъ. О, замолчи, прошу тебя... довольно:..
Нина. Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ! — послушай...
Арбенинъ. Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.
Нина. Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.
Арбенинъ. Ну, по чести,
Признанье въ пору...
Нина. Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего жъ ты хочешь?
Арбенинъ. Мести!
Нина. Кому жъ ты хочешь мстить?
Арбенинъ. О, часъ придетъ
И, право, мнѣ вы надивитесь!
Нина. Не мнѣ ль?.. чтожъ медлишь ты?
Арбенинъ. Геройство къ вамъ нейдетъ.
Нина (съ презрѣньемъ). Кому жъ?
Арбенинъ. Вы за кого боитесь!
Нина. Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.
Арбенинъ. Лишній трудъ.
Нина. Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.
Арбенинъ. Жалѣю!

(Она въ слезахъ уходитъ).

Одинъ). Вотъ женщина!.. О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?
(Подходитъ къ двери жены и слушаетъ).
Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!..
Нѣтъ, плачетъ... (уходя) жаль, что поздно...

конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

выходъ первый.

(Баронесса сидитъ въ креслахъ, въ усталости, бросаетъ книгу).

Баронесса. Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда? Жоржъ Зандъ почти чи правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей или прихотей другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
Боязнь, разсудокъ мысли гонитъ,
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
Но платью встрѣтитъ честность и порокъ,—
Но не снесетъ приличіямъ обиду
И въ наказаніяхъ жестокъ!.. (Хочетъ читать).
Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что было,
Сама себѣ еще дивлюсь. (Входитъ Нина).

МАСКАРАДЪ

Нина.—Не подходи... О, какъ ты страшенъ!..

Нина. Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.
Баронесса. C'est une idée charmante, vous en avez toujours.
(Садятся). Ты что-то прежняго блѣдна̀
Сегодня, несмотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза—конечно, не отъ слезъ?
Нина. Я дурно ночь спала и нынче нездорова.
Баронесса. Твой докторъ нехорошъ — возьми другого.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Князь Звѣздичъ (входитъ).

Баронесса (холодно). Ахъ, князь!
Князь. Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстроенъ.
Баронесса. Прошу садиться, князь.
Князь. Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы,—но видъ вашъ такъ спокоенъ...
Баронесса. Мнѣ, право, жаль.
Князь. А я—такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ
Нина. Вчера вы были въ маскарадѣ?
Князь. Былъ.
Баронесса. А въ какомъ нарядѣ?
Нина. Тамъ было много?..
Князь. Да; и тамъ
Подъ маскою узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно, вы охотницы рядиться. (Смѣется).
Баронесса (горячо). Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтреникъ обидитъ, осмѣетъ;
Рискнуть быть узнанной... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.
Князь. Отречься не могу; стыдиться же готовъ.
(Входитъ чиновникъ).

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Прежніе и чиновникъ.

Баронесса. Откуда вы?
Чиновникъ. Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.
Баронесса. Его рѣшили?
Чиновникъ. Нѣтъ, но скоро... Можетъ-быть,
Я помѣшалъ...
Баронесса. Ничуть. (Отходитъ къ окну и говоритъ
Князь (всторону). Вотъ время объясненья! (Нинѣ).
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.
Нина. Въ какомъ же?
Князь. Въ англійскомъ.
Нина. Давно ль?
Князь. Сейчасъ.
Нина. Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.
Князь. Вы были заняты.
Нина (скоро). Браслетъ я прибирала. (Вынимаетъ изъ ридикюля).
Вотъ къ этому...
Князь. Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ жъ другой?
Нина. Потерянъ.
Князь. Въ самомъ дѣлѣ?..
Нина. Чтожъ страннаго?
Князь. И не секретъ—
Когда?
Нина. Третьеводня, вчера, на той недѣлѣ—
Зачѣмъ вамъ знать, когда?
Князь. Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть-можетъ...
(Всторону).
Смущается она—вопросъ ее тревожитъ.
Охъ, эти скромницы! (Ей). Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...
Нина. Пожалуйста... Но гдѣ?
Князь. А гдѣ жъ потерянъ онъ?
Нина. Не помню.
Князь. Какъ-нибудь на балѣ?
Нина. Можетъ статься.
Князь. Или кому-нибудь на память подаренъ?
Нина. Откуда вывели такое заключенье,
И подарю его кому-жъ?..
Не мужу-ль?
Князь. Будто въ свѣтѣ только мужъ?
Пріятельницъ у васъ толпа — въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Но, пусть потерянъ онъ—а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?
Нина (улыбается). Смотря...
Князь. Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ—и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земного?
Но если сами вы когда-нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ,—если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О!.. но поймите же!
Нина. Изъ этого всего

Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И нынче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.
Князь. О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились.
(Про себя). Ты отвертѣлася! добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли.
(Нина отходитъ къ баронессѣ).
(Чиновникъ раскланивается и уходитъ).
Нина. Adieu, ma chère—до завтра: мнѣ пора.
Баронесса. Да подожди, mon ange, съ тобой мы не успѣли
Сказать двухъ словъ (цѣлуются).
Нина (уходя). Я завтра жду тебя съ утра.
(Уходитъ).
Баронесса. Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ НИНЫ И ЧИНОВНИКА.

Князь (въ сторону). Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась!
Пожалуй, я дуракъ—пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.
Баронесса. Задумался, князь?
Князь. Да, многое раздумать мнѣ придется.
Баронесса. Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ—о чемъ былъ споръ?
Князь. Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...
Баронесса. Кого?
Князь. Ее.
Баронесса. Какъ, Нину?
Князь. Да.
Я доказалъ ей.
Баронесса. Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.
Князь. Изъ странности рѣшаюсь иногда.
Баронесса. Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же доказательствъ нѣтъ.
Князь. Нѣтъ! Только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ,
И у нея такой-же точно.
Баронесса. Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.
Князь. Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ
И тутъ увѣрился, что только два такихъ.
(Послѣ молчанія).
Баронесса. Я завтра-жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.
Князь. А мнѣ совѣтъ какой?
Баронесса. А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.
Князь. За два совѣта я благодаренъ вдвое.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

Баронесса. Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему—со мной бы было то-же?
И такъ прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія! о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была—
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю, отчего, но я его люблю—
Быть-можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя бъ на счетъ другой
Отъ этого стыда... хотя бъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой...
(Задумывается).
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

БАРОНЕССА И ШПРИХЪ.

Шприхъ (входитъ, раскланивается).

Баронесса. Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.
Шприхъ. Помилуйте, я былъ бы очень радъ,
Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...
Баронесса. Всегда ль ты такъ любезенъ?
Шприхъ. Блаженной памяти, баронъ...
Баронесса. Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.
Шприхъ. Занялъ тысячъ...
Баронесса. Знаю!
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.
Шприхъ. Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ.
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.
Баронесса. Скажи, что новаго?
Шприхъ. У графа одного
Наслушался—сейчасъ лишь вышелъ—
Исторій въ свѣтѣ тьма.
Баронесса. А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?
Шприхъ (въ недоумѣніи). Нѣтъ... слышалъ... какъ же... нѣтъ...

Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужь свѣтъ...
(Встороиу). А что-бишь, я не помню, вотъ ужасно!..
Баронесса. О, если это такъ ужь гласно,
То нечего и говорить!
Шприхъ. Но я бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?
Баронесса. Они осуждены ужь свѣтомъ—
А впрочемъ, я бъ могла ихъ подарить совѣтомъ—
Сказала бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболѣ...
Прощайте, мосье Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то бъ осталась съ вами долѣ.
(Уходя, встороиу).
Теперь я спасена — полезный мнѣ урокъ!

выходъ восьмой.

Шприхъ (одинъ). Не безпокойтеся; я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья;
Тутъ есть интрига... да! вмѣшаюсь въ эту связь —
Мнѣ благодаренъ будетъ князь.
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу,
И ужь, авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинетъ Арбенина.

выходъ первый.

Арбенинъ одинъ; потомъ слуга.

Арбенинъ. Все ясно ревности—а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы;
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ гро[б]—
То жизнь завидная!
Слуга (входитъ). Ждетъ человѣкъ внизу:
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.
Арбенинъ. Да отъ какой?
Слуга. Не разобралъ-съ.
Арбенинъ. Записка? къ Нинѣ!..
(Идетъ, слуга остается).

выходъ второй.

Аоанасій Павловичъ Казаринъ и слуга.

Слуга. Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.
Казаринъ. Хорошо.
Слуга. Я тотчасъ же имъ доложу-съ. (Уходитъ)
Казаринъ. Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосье Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ къ тому жъ
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ:
Пріятеля онъ поддержать сумѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ.
А эта молодежь
Мнѣ просто — ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать.
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи.
А все вѣдь отчего? — умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ — глядь:
При нихъ и честь и милліоны!.

выходъ третій.

Казаринъ и Шприхъ. (Входитъ Шприхъ).

Шприхъ. Ахъ, Аоанасій Павловичъ! вотъ чудо.
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ
Казаринъ. Я также! Ты съ визитомъ?
Шприхъ. Да-съ.
А вы?
Казаринъ. Я также.
Шприхъ. Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно бъ съ вами.
Казаринъ. Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

Шприхъ. Bon mot вамъ ни почемъ,
А, право, нужное...
Казаринъ. Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.
Шприхъ. Итакъ, мы сладимъ дружно
Казаринъ. Не знаю... говори!
Шприхъ. Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что вашъ пріятель,
Арбенинъ... (дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ).
Казаринъ. Что?.. не можетъ быть!
Ты точно знаешь?..
Шприхъ. Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ — тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?
Казаринъ. Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.
Шприхъ. Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни,
Иль въ маскарадѣ, встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ,
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся — и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотчасъ же доставилъ.
Казаринъ. Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.
Шприхъ. Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...
Казаринъ. И даже не былъ битъ?
Шприхъ. У васъ все шутка, смѣхъ..
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.
Казаринъ. И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать — великій грѣхъ.
Шприхъ. Но это всторону; вѣдь я о важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.
Казаринъ. Чтожъ это?
Шприхъ. Анекдотъ! А дѣло вотъ въ чемъ...
Казаринъ. Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.
Шприхъ. Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.
Казаринъ. Твой анекдотъ, ей-Богу, презабавный.
Шприхъ. Вашъ братъ охотникъ, вотъ купить бы славно!
Казаринъ. Итакъ, Арбенинъ — какъ дуракъ...
Шприхъ. Послушайте...
Казаринъ. Попалъ въ-просакъ
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!
Шприхъ. Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.
Казаринъ. Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе — все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!
Шприхъ. Да я давно женатъ..
Послушайте, одна особенно—вотъ кладъ
Казаринъ. Жена?
Шприхъ. Собака.
Казаринъ. Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену — что Богъ дастъ—неизвѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.
(Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли налѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ).
Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать бы интересно..

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Прежніе и Арбенинъ.

Арбенинъ (не замѣчая ихъ). О, благодарность! И давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти кто онъ таковъ—и что же?.. О, змѣя!
Неслыханная низость!.. Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!..
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней,
Я, какъ дитя, незнающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ—онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ—не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!.. Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.
(Перечитываетъ письмо)
«Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
«Признаться...» Скромность кстати чрезвычайно!—
«Вы правы... что страшнѣй молвы?
«Подслушать насъ могли бъ случайно.
«Такъ! не презрѣніе, но страхъ
«Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
«Вы тайны любите—и это будетъ тайной!
«Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ».
Шприхъ. Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все, какъ разъ!

Арбенинъ. Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
(Казарину). А! ты былъ здѣсь?
Казаринъ. Я жду ужь цѣлый часъ.
Шприхъ (встороиу). Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ.
(Приближается къ двери).

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ ШПРИХА, (Шприхъ уходитъ незамѣченъ).

Казаринъ. Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! (Встороиу).
Письмо! такъ вотъ что! понимаю! (Ему)
Ты въ размышленьи...
Арбенинъ. Да, я размышляю.
Казаринъ. О брениости надеждъ и благъ земныхъ?
Арбенинъ. Почти... О благодарности.
Казаринъ. Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но чтобъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.
Арбенинъ. Твое же мнѣніе?
Казаринъ. Я думаю, мой другъ,
Что благодарность—вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти-что тысячъ пять,
И я, ей-Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ иль сплю,
Все думаю о немъ.
Арбенинъ. Ты шутишь все, Казаринъ.
Казаринъ. Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... изволь; возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ или Декартъ,
Міръ для меня—колода картъ,
Жизнь—банкъ: рокъ мечетъ, я играю,
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію — я въ картахъ суевѣръ —
Положимъ, что случайно, безъ обману,
Онъ выигралъ—я очень радъ;
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,
И буду гнуть—да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую—подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый?
Арбенинъ (въ размышленіи). Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!
Казаринъ (встороиу). Задумался. (Ему). Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься,
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: «эй! остерегися, братъ!..»
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоятъ ничего,
И ты случайно, такъ, послушаешь его,—
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ, безъ замедленья,
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье;
А отъ игры онъ спасъ — такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться:
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только что отдашь урокомъ за урокъ.
Арбенинъ. Ты славный моралистъ! (Встороиу).
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А! князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.
Казаринъ (не обращая вниманія). Послѣдній пунктъ осталось объяснить:
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ее.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.
Арбенинъ (разстроенно). Да, да, ты правъ; что женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —

Смѣшонъ сей видъ и голосъ твой плачевный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

Казаринъ. Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

Арбенинъ. Право?

Казаринъ. А развѣ нѣтъ?

Арбенинъ. О, счастливъ... да...

Казаринъ. Я очень радъ.
Однакожъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

Арбенинъ. А что-же?

Казаринъ. Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову—не знаю,
Хоть оба мы—ребята съ головой!..
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино—Рауля честь—
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ—душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда-ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... вошли... игра ужь въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой;
Тотъ весь горитъ, другой
Блѣднѣе, чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы—и загорѣлся бой!..
Тутъ, тутъ, сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.

Арбенинъ отворачивается).

Арбенинъ. О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды;
Безпечность и покой—не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю—
Прощай—прощай...

(Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо).

Казаринъ. Теперь онъ мой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.

выходъ первый.

Иванъ, потомъ Арбенинъ.

(Слуга смотритъ на часы).

Иванъ. Седьмой ужь часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по-русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить,
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ—и съ рукъ долой скорѣе.

(Арбенинъ входитъ).

Арбенинъ. Князь дома?

Слуга. Дома нѣтъ-съ.

Арбенинъ. Неправда.

Слуга. Пять минутъ
Тому назадъ уѣхалъ

Арбенинъ (прислушивается). Лжешь! онъ тутъ.

(Показываетъ на кабинетъ).

И, вѣрно, сладко спитъ: прислушайся какъ дышетъ...
(Встороиу). Но скоро перестанетъ.

Слуга (встороиу) Онъ все слышитъ... (Ему).
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

Арбенинъ. Онъ любитъ спать,—тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. (Слугѣ). Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется.

(Слуга уходитъ).

выходъ второй.

Арбенинъ (одинъ). Удобный мигъ насталъ—теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
И головѣ своей не потерплю я даромъ.

(Растворяетъ дверь)

Онъ спитъ! что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?
(Страшно улыбаясь)
Я думаю, что онъ умретъ ударомъ—
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!
(Входитъ въ комнату).
(Минуты двѣ—и выходитъ блѣденъ).
Не могу!
(Молчаніе).
Да, это свыше силъ и воли.
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?.. Трусъ?.. Кто это сказалъ?..
Я самъ и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, красивѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О, жалко... право жалко... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ! (Молчаніе).
Садится).
Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить; убійство ужь не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ! въ образованномъ я родился народѣ:
Языкъ и золото—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!
(Беретъ чернила и пишетъ записку; беретъ шляпу).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И БАРОНЕССА.

(Арбенинъ идетъ къ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ).

Дама (въ вуали). Ахъ, все погибло!..
Арбенинъ. Это что?
Дама (вырывается). Пустите!
Арбенинъ. Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели!
(Ей, строго). Молчите!
Ни слова—или сей-же мигъ...
Какое подозрѣнье... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.
Дама. Я не туда зашла, ошиблась.
Арбенинъ. Да, немного
Ошиблись, кажется и мнѣ;
Но временемъ, не мѣстомъ.
Дама. Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.
Арбенинъ. Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...
Дама. Все знаете?..
(Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя).
Арбенинъ. Благодарю, Творецъ,
Что Ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!
Баронесса. О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!
Арбенинъ. Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ—а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то, была-бы въ городѣ тревога.
Баронесса. Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.
Арбенинъ. Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ уйду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами!
А вы, вы здѣсь одни...—вы, женщина съ душой
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! (Въ бѣшенствѣ).
Зачѣмъ, зачѣмъ?
Баронесса (рѣшительно). Я поняла, о чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...
Арбенинъ. Какъ! кто жъ вамъ разсказалъ?
(Опомнившись). А что вы знаете?..
Баронесса. О, я васъ умоляю
Простите мнѣ...
Арбенинъ. Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.
Баронесса. Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но, слушайте...
Арбенинъ. Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.
Баронесса. Но если-бы не я, то не бывать письму,
Ни...
Арбенинъ. А! ужъ это слишкомъ много!..

письмо... какое?.. а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ!.. Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?.. Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ?
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?
Да—признаюсь!.. вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужь не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!..

Баронесса. О, Боже мой!..

Арбенинъ. Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

Баронесса (упадаетъ въ кресла). Но вы безчеловѣчны!..

Арбенинъ. Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
(Хочетъ идти).

Баронесса. О! я лишусь ума... Постойте!... онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...

Арбенинъ. Что-жъ, продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, Боже сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!..
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ—на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ!
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: взамѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. (Уходитъ).

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Баронесса одна.

Баронесса (вслѣдъ ему). Послушайте, клянусь, то былъ обманъ... она...
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало,—буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

Баронесса и князь.

Князь (въ другой комнатѣ). Иванъ! Кто тамъ!.. Я слышалъ голоса!..
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса. (Входитъ).
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица—я очень радъ. (Узнаетъ и отскакиваетъ).
Ахъ, баронесса! нѣтъ, невѣроятно...

Баронесса. Что отскочили вы назадъ? (Слабымъ голосомъ).
Вы удивляетесь?

Князь (смущенно) Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

Баронесса. И было бъ странно, если бъ ожидали.

Князь. О чемъ я думалъ? О, когда-бъ я зналъ...

Баронесса. Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

Князь. Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите; я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое незнанье—
Проступокъ... и теперь не нахожу я словъ...
(Беретъ ее за руку).
Но ваши руки—ледъ! въ лицѣ у васъ страданье!
Уже ль сомнительны для васъ слова мои?

Баронесса. Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ — все, свойственное намъ,
Нѣтъ, то обязанность святая
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужь ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла
И, свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя—спасу другого.

Князь. Что это значитъ?

Баронесса. Не мѣшайте мнѣ:
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Несмотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что—
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня... и даже, можетъ-быть,
Я бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ—это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ—это ложно, ложно!
Не вѣрьте—ради неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубить—всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ... ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужь здѣсь... онъ васъ убьетъ..
онъ пріученъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

Князь. Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ—и слишкомъ онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку

И сдѣлать наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ—и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага—
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

Баронесса. Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой..,
Но если васъ убьютъ?—убьютъ!.. о, Боже!
И я всему виной...

Князь. Вы?

Баронесса. Пощадите!

Князь (подумавъ). Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ—его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

Баронесса. Средство есть.

Князь. Солгать—не это-ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ-же пойду.

Баронесса. Минуту... не ходите,
И слушайте меня. (Беретъ его за руку).
Вы всѣ обмануты!.. Та маска...
(Облокачивается на столъ, упадая). Это я!..

Князь. Какъ? вы?.. о, Провидѣнье! (Молчаніе).
Но Ширихъ?.. Онъ говорилъ.. онъ виноватъ во всемъ...

Баронесса (опомнясь и отходя). Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное—теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло—забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ—онъ былъ найденъ случайно,
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... Мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
(Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней).
Не слѣдуйте за мной. (Уходитъ).

выходъ шестой.

Князь (одинъ).

Князь (послѣ долгаго размышленія). Я, право, думать что не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.
(Подходитъ къ столу).
Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!.. прочитаю!..
«Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый вечеръ. — Прощай! Жду непремѣнно, твой искренній
Евгеній Арбенинъ».
Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната у N.

выходъ первый.

Казаринъ, хозяинъ и Арбенинъ (садятся играть).

Казаринъ. Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?..
Мысль превосходная!.. ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній
Тѣснитъ тебя домашній кругъ!
Дай руку, милый другъ,
Ты нашъ?

Арбенинъ. Я вашъ! Былого нѣтъ и тѣни.

Казаринъ. Пріятно видѣть, ей-же-ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда-ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

Хозяинъ. А князя надо поощрять слегка!

Казаринъ. Да... да... (Встороиу). Забавна будетъ стычка!

Хозяинъ. Посмотримъ.—Транспортъ!.. (Слышенъ шумъ).

Арбенинъ. Это онъ.

Казаринъ. Рука
Твоя дрожитъ?..

Арбенинъ. О, ничего,—отвычка!
(Князь входитъ).

выходъ второй.

Прежніе и князь.

Хозяинъ. Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

Князь. О! я смотрѣть готовъ.
Арбенинъ. А все играть съ тѣхъ поръ еще боитесь?
Князь. Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. (Встороиу).
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю.
(Садится).
Арбенинъ. Я нынче былъ у васъ.
Князь. Записку я читалъ,
И, видите, послушенъ.
Арбенинъ. На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.
Князь. И вы узнали?
Арбенинъ (смѣясь). Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...
Князь (встороиу). Онъ ничего не понялъ — это ясно.
(Отходитъ и кладетъ саблю).
Арбенинъ. Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.
Князь (разсѣянно). Почему же?
Арбенинъ. Такъ! добродѣтелью, которой нынче въ мужѣ
Любовники,—не обладаю я. (Встороиу).
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду подолью...
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою..
(Играютъ.—Арбенинъ мечетъ)
Казаринъ. Я ставлю пятьдесятъ рублей.
Князь. Я тоже.
Арбенинъ. Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите: одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ...—твоя взяла, Казаринъ,—
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ,—
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ.—
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И чтожъ? мнѣ неизвѣстно
Какой судьбой,—но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужь слишкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.
Князь. Чтожъ сдѣлалъ мужъ?
Арбенинъ (будто не слыхалъ вопроса). Князь, вы игру забыли:
Вы гнете не глядя. (Взглянувъ на него пристально).
А любопытно вамъ
Узнать, что сдѣлалъ мужъ?.. Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили, Князь?
Князь. Я бы сдѣлалъ то-же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?
Арбенинъ. Нѣтъ!
Казаринъ. Рубились?
Арбенинъ. Нѣтъ, нѣтъ!
Казаринъ. Такъ помирились?
Арбенинъ (горько улыбаясь). О, нѣтъ!
Князь. Такъ что же сдѣлалъ онъ?
Арбенинъ. Остался отомщенъ—
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.
Князь (смѣется). Да это вовсе противъ правилъ.
Арбенинъ. Въ какомъ указѣ есть
Законъ иль правило на ненависть и месть?
(Играютъ.—Молчаніе).
Взяла... взяла!
(Вставая).
Постойте: карту эту
Вы подмѣнили.
Князь. Я? Послушайте...
Арбенинъ. Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужь нѣту
Вы (задыхаясь) —шулеръ и подлецъ!
Князь. Я? я?
Арбенинъ. Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.
(Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать).
(Понизивъ голосъ). Теперь мы квиты.
Казаринъ. Что съ тобой?
(Хозяину). Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужь, спустилъ бы тысячъ двѣсти.
Князь (опомнясь, вскакиваетъ). Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!
Арбенинъ. Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьи?
Князь. Вы трусъ! (Хочетъ броситься на него).
Арбенинъ (грозно). Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую—ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ—да вамъ не испугать
И труса.
Князь. О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы—не я подлецъ...
Арбенинъ. На это я готовъ.

Князь (подходя ближе). Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!.. вспомните браслетъ...
Арбенинъ. За это вы наказаны ужь мною...
Князь. О, бѣшенство!.. да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!..
Арбенинъ. И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ—
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.
Князь. О, гдѣ ты, честь моя?.. Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его,—и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святого,
Вы человѣкъ, иль демонъ?
Арбенинъ. Я?—игрокъ.
Князь (упадая и закрывая лицо). Честь, честь моя!..
Арбенинъ. Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство;
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви и, красѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить,—
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... (уходя). желаю долго жить.
(Уходитъ).

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

БАЛЪ

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Хозяйка. Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ-ли. Мнѣ, право, было-бъ жаль
За васъ.
Первый гость. Я васъ не понимаю.
Второй гость. Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.
Многіе. Куда? зачѣмъ? давно-ли?
Второй гость. Въ деревню, нынче утромъ.
Дама. Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?
Второй гость. Фантазія! романы!.. хоть рукой
Махни! (Расходятся; другая группа мужчинъ).
Третій гость. Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.
Четвертый гость. Напротивъ, выигралъ — да, видно, не путемъ,
И получилъ пощечину.
Пятый гость. Стрѣлялся?
Четвертый гость. Нѣтъ, не хотѣлъ.
Третій гость. Какимъ-же подлецомъ
Онъ показалъ себя!..
Пятый гость. Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.
Шестой гость. И я! какой поступокъ скверный!
Четвертый гость. Онъ будетъ здѣсь?
Третій гость. Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.
Четвертый гость. Вотъ онъ! (Князь подходитъ; ему едва кланяются).

(Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестого гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванѣ).

Князь. Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другого. (Ей).
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.
Нина. Должна?
Князь. Для вашего же счастья!
Нина. Какое странное участье!
Князь. Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою-же рукой,
Которая убьетъ васъ, не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же навѣкъ; злодѣй не обнаруженъ
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ—я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ. онъ больше мнѣ не нуженъ.
(Арбенинъ смотритъ на нихъ издали).
Нина. Князь! вы сошли съ ума—на васъ
Теперь сердиться было-бъ стыдно.
Князь. Прощайте навсегда! прошу въ послѣдній разъ...
Нина. Куда-жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?
Князь (уходя). Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.
Хозяйка (нимъ). Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда.
(Уходятъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Арбенинъ (одинъ, про себя). Я сомнѣвался—я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?..
—Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю—и такъ неистово обмануть!..
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу—моя-жъ пусть будетъ тутъ.

(Показываетъ на сердце).

Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? (Какъ-бы испугавшись себя).
Рѣшено:
Она умретъ—я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другого!.. это ясно... какъ-же можно жить
Ей послѣ этого!.. Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!
Какъ свой залогъ Тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я—не Богъ, и не прощаю...

([illegible]).
(Ходитъ по комнатѣ, вдругъ останавливается).

Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну, я все до капли проигралъ—
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи—ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу, въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку никъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ—рискъ, право, былъ великъ;
Но счастье вынесло—и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ,
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день—и день тотъ недалекъ.

(Уходитъ быстро).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Хозяйка, Нина, нѣсколько дамъ и кавалеровъ.

(Во время послѣднихъ строкъ входятъ).

Хозяйка. Не худо бы немного отдохнуть.
Дама (другой). Такъ жарко здѣсь, что я растаю.
Петковъ. Настасья Павловна споетъ намъ что-нибудь.
Нина. Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.
Дама. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина, спой!
Хозяйка. Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.
Нина (садясь за піано). Но слушать со вниманьемъ—мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправимъ! (поетъ):

«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.

«Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою.
И чтожъ? я радъ, что онъ не можетъ
Тебя любить, какъ я люблю.

«Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей».

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Прежніе и Арбенинъ.

(Въ концѣ 3-го куплета мужъ входитъ и облокачивается на фортепіано. Она, увидѣвъ, останавливается).

Арбенинъ. Чтожъ, продолжайте.
Нина. Я конецъ совсѣмъ
Забыла.
Арбенинъ. Если вамъ угодно,
То я напомню.
Нина. (въ смущеніи). Нѣтъ, зачѣмъ?
(Всторону хозяйкѣ). Мнѣ нездоровится. (Встаетъ).
Гость (другому). Во всякой пѣсни модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.
Второй гость. Къ тому-же, слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,

И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.
Третій гость. Вы правы: какъ дикарь, свободѣ
лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
За то ужь мы какъ гнемся добродушно!

(Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и, по одному, уходятъ въ другія комнаты, такъ что наконецъ Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра).

Нина (хозяйкѣ). Такъ жарко; отдохнуть я сяду
всторонѣ.
(Мужу). Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.
(Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и вспоминаетъ ядъ).
Арбенинъ (всторону). Смерть! помоги.
Нина (ему). Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно, ждетъ меня бѣда.
Арбенинъ (всторону). Предчувствіямъ я вѣрю
иногда.
(Подавая). Возьми; отъ скуки вотъ лекарство
Нина. Да! это прохладитъ. (Ѣстъ).
Арбенинъ. О, какъ не прохладить!
Нина. Здѣсь нынче скучно.
Арбенинъ. Какъ-же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство —
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!
Нина. Ты правъ! ужасно!..
Арбенинъ. Да, ужасно!..
Нина. Душъ непорочныхъ нѣту..:
Арбенинъ. Нѣтъ. Я думалъ, что нашелъ одну,
и то напрасно!
Нина. Что говоришь ты?
Арбенинъ. Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я,
Тебя.
Нина. Ты блѣденъ.
Арбенинъ. Много танцовалъ.
Нина. Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не
вставалъ.
Арбенинъ. Такъ, вѣрно, потому, что мало тан-
цовалъ я...
Нина (отдаетъ пустое блюдечко). Возьми, поставь
на столъ.
Арбенинъ (беретъ). Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?.. Жестоко!
(Въ размышленіи).
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ идти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
(Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ).
Нина. Какъ ты неловокъ!
Арбенинъ. Ничего: я боленъ —
Поѣдемъ поскорѣй домой.
Нина. Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче насмуренъ? ты мною недоволенъ?
Арбенинъ. Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой.
(Уходятъ).
Неизвѣстный (оставшись одинъ). Я чуть не сжа-
лился — и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...
(Задумывается).
Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать — потомъ настанетъ мой чередъ.
(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Входятъ Нина, за ней служанка.

Служанка. Сударыня, вы что-то блѣдны стали!
Нина (снимая серьги). Я нездорова.
Служанка. Вы устали.
Нина (всторону). Мой мужъ меня пугаетъ! отчего —
Не знаю. Онъ молчитъ и страненъ взглядъ его.
(Служанкѣ). Мнѣ что-то дурно: вѣрно отъ
корсета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?
(Идетъ къ зеркалу).
Ты права, я блѣдна, какъ смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!
(Снимаетъ букли и завертываетъ косу)
Брось гдѣ-нибудь и дай мнѣ шаль.
(Садится въ кресло).
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то
упоеньи
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять —
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда... вотъ бредъ!
Служанка (показывая на наряды). Прикажете
убрать?
Нина. Оставь. (Погружается въ задумчивость).
Арбенинъ показывается въ дверяхъ).
Служанка. Прикажете идти?
Арбенинъ (служанкѣ тихо). Ступай.
(Служанка не уходитъ). Иди же!
(Уходитъ. Онъ запираетъ дверь).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Арбенинъ и Нина.

Арбенинъ. Она тебѣ ужь больше не нужна.
Нина. Ты здѣсь?

Арбенинъ. Я здѣсь.
Нина. Я, кажется, больна,
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку — чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда —
Не правда ли?
Арбенинъ (разсѣянно). Мороженое? да!..
Нина. Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужь прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой и холоденъ твой взоръ,—
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...
Арбенинъ (встороиу). Не мудрено! теперь безъ нихъ ужь можно...
Нина. Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!
Арбенинъ. Неосторожно! О!..
Нина. И въ этомъ вся бѣда.
Арбенинъ. Обдумать все заранѣ надо было.
Нина. О, если-бы я правъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно-бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!
Арбенинъ. И то! къ чему тебѣ моя любовь?
Нина. Какая тутъ любовь? но что мнѣ жизнь такая?
Арбенинъ (садится возлѣ нея). Ты права! Что такое жизнь? Жизнь — вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей —
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? — давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое — обманъ!
Нина (показывая на грудь). Здѣсь что-то жжетъ
Арбенинъ (продолжая). Пройдетъ, пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?.. Жизнь какъ балъ:
Кружишься — весело; кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ—
И все забылъ и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба —
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.
Нина. О, нѣтъ? я жить хочу!
Арбенинъ. Къ чему?
Нина. Евгеній,
Я мучусь, я больна!
Арбенинъ. А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!
Нина. Пошли за докторомъ.
Арбенинъ. Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.
Нина. Но я — я жить хочу!
Арбенинъ. И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!
Нина (въ испугѣ). Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!
Арбенинъ (встаетъ холодно). Не пошлю.
Нина (послѣ молчанія). Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно.
Я умереть могу, пошли скорѣй.
Арбенинъ. Чтожъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?
Нина. Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...
Арбенинъ. Да! знаю, знаю!
Нина. О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...
Арбенинъ (смотритъ на часы). Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.
Нина. О, ты меня не любишь!
Арбенинъ. А за что-же
Тебя любить? за то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало я любилъ тебя — скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?
Улыбку нѣжную, привѣтный взглядъ очей
И чтожъ нашелъ: — коварство и измѣну!
Возможно ли? меня продать —
Меня — за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!..
Нина. О! если бы вину свою сама
Я знала, то...
Арбенинъ. Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?
Нина. Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ-нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.
Арбенинъ. Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ,
И все прошло, какъ бредъ больного.
Быть-можетъ, я бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде —

Ты не хотѣла, ты!..
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—вода.
Я-жъ плакалъ—я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ—да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ и адъ въ груди.

Нина (въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу). Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь, Ты все знаешь—
И Ты меня, Всесильный, оправдаешь!

Арбенинъ. Остановись, хоть передъ Нимъ не лги.

Нина. Нѣтъ, я не лгу—я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу.
Онъ—твой судья—защитникъ будетъ мой.

Арбенинъ (который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложивъ руки). Теперь молиться время, Нина:
Ты умерѣть должна чрезъ нѣсколько минутъ—
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

Нина. Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?.. нѣтъ, быть не можетъ!

Арбенинъ (смѣясь). Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

Нина. Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...

Арбенинъ. Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.
(Молчаніе).

Нина. Не вѣрю, невозможно—нѣтъ! ты надо мною (бросается къ нему).
Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...
(Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ).
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
(Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза)
(Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее).

Арбенинъ. Да, ты умрешь—и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру—и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся! міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ. (Плачетъ).
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она.—Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...
(Молчаніе).

Нина (вырывается и вскакиваетъ). Сюда! сюда!.. на помощь!.. умираю...
Ядъ, ядъ!—не слышатъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого... не́йдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
(Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ).

Арбенинъ (горько смѣясь). Проклятіе! Что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (Подходитъ). Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье...
(Стоитъ сложа руки).
Блѣдна (содрогается). Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?

Нина (слабо). Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй.

Арбенинъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно—будь спокойна...

Нина. Теперь мнѣ все равно... Я все-жъ
Невинна передъ Богомъ... (Умираетъ).

Арбенинъ (подходитъ къ ней и быстро отворачивается).
Ложь!
(Упадаетъ въ кресло).

конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

выходъ первый.

Арбенинъ (сидитъ у стола на диванѣ). Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства, наконецъ, вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!.. Дни пройдутъ — придетъ забвенье,

Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ-же покой когда-нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
(Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову.)
Я ошибался? Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!.. Какъ живо нижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо!
Ты, пробужденная змѣя! .
(Упадаетъ головой на руки)

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Казаринъ (тихо). Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ. (Ему).
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. (Молчаніе).
Да полно, братъ... личину ты сними—
Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики—а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ,
О, старый плутъ!.. да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Родственники приходятъ.

Дама (племянницѣ). Ужь, видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ.
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ—
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ
Племянница Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?
Дама. А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужь доживете вы до бѣдъ!
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходятъ изъ комнаты покойницы докторъ и старикъ.

Старикъ. При васъ она скончалась?
Докторъ. Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!
Старикъ. Покровъ богатъ! парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь-въ-точь такой.
(Уходитъ).

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

Докторъ (подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку). Вамъ надо отдохнуть.
Арбенинъ (вздрагиваетъ). А!.. (встороиу сердце сжалось.
Докторъ. Вы слишкомъ предались печали эту ночь—
Усните
Арбенинъ. Постараюсь.
Докторъ. Ужь помочь
Нельзя ничѣмъ, но вамъ осталось
Беречь себя.
Арбенинъ. Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя не предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье—
Смотрите—холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужого,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ—смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все—и черезъ часъ.
(Уходитъ).
Докторъ. Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
(Уходя, сталкивается съ двумя)

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

Входятъ неизвѣстный и князь.

Неизвѣстный. Позвольте васъ спросить: Арбенина нельзя-ль
Намъ видѣть?
Докторъ. Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчера скончалась.
Неизвѣстный. Очень жаль.
Докторъ. И онъ такъ огорченъ...
Неизвѣстный. Я и о немъ жалѣю.
Однако-жъ дома онъ?
Докторъ. Онъ? дома,—да.

Неизвѣстный. Я дѣло до него преважное имѣю
Докторъ. Вы изъ друзей его, конечно, господа?
Неизвѣстный. Покамѣстъ нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.
Докторъ. Онъ боленъ не шутя.
Князь (испугавшись). Лежитъ
Безъ памяти?
Докторъ. Нѣтъ, ходитъ, говоритъ —
И есть еще надежда!..
Князь. Слава Богу!

(Докторъ уходитъ).

выходъ седьмой.

Князь. О, наконецъ!..
Неизвѣстный. Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньи?
Князь. А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?
Неизвѣстный. Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки. — Подозрѣнья
Ей стоятъ доказательствъ. Ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье —
Зотъ цѣль его тогда и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги — и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете — я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.
Князь. Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?
Неизвѣстный. Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ наскучитъ!
Къ тому жъ весь городъ говоритъ.
Князь. Мысль нестерпимая!
Неизвѣстный. Она васъ слишкомъ мучитъ.
Князь. О, вы не знали, что такое стыдъ!
Неизвѣстный. Стыдъ? — нѣтъ! и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.
Князь. Но кто вы?
Неизвѣстный. Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. — Онъ точно. Удалитесь
На мигъ; есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.

(Князь отходитъ второну).

выходъ восьмой.

Арбенинъ (со свѣчей).

Арбенинъ. Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ, — я имъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ; безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько расцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался? — Невозможно!
Мнѣ ошибиться? — кто докажетъ мнѣ
Ея невинность? — ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? есть у меня они?
Я не повѣрилъ ей — кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный. — Кто же разувѣритъ
Меня осмѣлится?
Неизвѣстный. Осмѣлюсь — я!
Арбенинъ (сначала пугается и, отойдя, подноситъ къ лицу свѣчу). А кто же вы?
Неизвѣстный. Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня — а были мы друзья.
Арбенинъ. Но кто вы?
Неизвѣстный. Я твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ.
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.
Арбенинъ (вздрогнувъ). Пророковъ не люблю, и вамъ
Прошу немедленно — я говорю серьезно.
Неизвѣстный. Все такъ, но, несмотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. — Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру — но ужь назадъ не сдѣлаю ни шагу.
Арбенинъ. Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. (Садится). Я слушаю.
Неизвѣстный (второну). Доселѣ
Мои слова не тронули его
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. (Ему). Семь лѣтъ тому назадъ
Ты узналъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужь крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,

Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ—я разбирать не буду
Твоей души — ее поймет лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ.
Арбенинъ. Дебютъ хорошъ.
Неизвѣстный. Конецъ не будетъ хуже.
Разъ, ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ; и къ тому же
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой —
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться,
Но ты, хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ — и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были —
Ты помнишь, можетъ-быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ!
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.
(Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается).
И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все—женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги — царь земли;
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь;
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье —
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.
Арбенинъ. Прочь! я узналъ тебя — узналъ!..
Неизвѣстный. Прочь! Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся —
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце заропталo,
И долго думалъ я: за чтожъ.
Онъ счастливъ? — и шепталo
«Мнѣ чувство внятное: «иди, иди, встревожь!»
И сталъ я слѣдовать, мѣшаясь съ толпой;
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узналъ — и наконецъ
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай — я узналъ, и... и открою
Тебя я истину одну...
(Протяжно).
Послушай: ты убилъ свою жену!..
(Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ).
Арбенинъ. Убилъ?—я?—Князь!—О! что такое!..
Неизвѣстный (отступая). Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.
Арбенинъ (приходя въ бѣшенство). А! заговоръ!.. прекрасно!.. я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ... я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ.. Я глупецъ, дитя,
И противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ, обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею!..
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!..
Да! сцена хорошо придумана; но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?.. Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины — нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? не странно: жизнь глупца,
Жизнь площаднаго волокиты!
Утѣшьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — съ именемъ и смертью подлеца.
Князь. Увидимъ; но скорѣй...
Арбенинъ. Идемъ, идемъ!
Князь. Теперь я счастливъ!
Неизвѣстный (останавливая). Да, а главное забыли?..
Князь (останавливая Арбенина). Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.
Арбенинъ. Что? Что?
Неизвѣстный. Твоя жена невинна, слишкомъ строго
Ты обошелся...
Арбенинъ (хохочетъ). Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.
Князь. Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.

Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй — мнѣ дороги мгновенья...
(Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ).

Неизвѣстный (поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно).
Казнитъ злодѣя Провидѣнье;
Невинная погибла — жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная гроза!..
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!.. о, ужасно!

Арбенинъ (бросается на него). Я задушу васъ, палачи!
(Вдругъ слабѣетъ и падаетъ на кресла).

Князь (только грубо). Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты — споръ нашъ не рѣшенъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?..

Неизвѣстный. Быть можетъ..

Князь. Вы помѣшали мнѣ.

Неизвѣстный. Мы цѣлимъ розно
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужь поздно!

Арбенинъ (встаетъ съ дикимъ взглядомъ). О, что сказали вы?.. Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже!. Мнѣ прощенья?
(Хохочетъ).
А слезы, жалобы, моленья!
А ты простилъ?
(Становится на колѣна).
Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна:
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили.
Она невинна? Развѣ вы тутъ были,
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила!..
Ошибка... я ошибся... чтожъ?
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь... (Встаетъ).
Я это ей сказалъ. (Молчаніе).
Вотъ что я вамъ открою:
Не я ея убійца. (Взглядываетъ пристально на неизвѣстнаго).
Ты, скорѣй!
Признайся, говори, смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ — но я тебѣ прощаю!
(Упадаетъ на грудь ему и плачетъ).

Неизвѣстный (отталкивая его грубо). Приди въ себя — опомнись... (Князю). Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... (Беретъ его за руку).
Арбенинъ!

Арбенинъ. Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...
Сюда... сюда... (Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины).

Князь. Остановите!..

Неизвѣстный. И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ

Арбенинъ (возвращаясь съ дикимъ стономъ). Здѣсь посмотрите! посмотрите!..
(Прибѣгая на средину сцены).
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!
(Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ).

Неизвѣстный. Давно хотѣлъ я полной мести —
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

Князь. Онъ безъ ума — счастливъ; а я навѣкъ лишенъ
Покойствія и чести!

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ
и
ПРОЗАИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

(1839—1840)

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко 2-му изданію.

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ иронии; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ «Герой Нашего Времени»; другія же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва-ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

«Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что если вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого [illegible]! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и къ его и къ вашему несчастію, слишкомъ [illegible] встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить — это ужъ Богъ знаетъ!—(1841).

I.

БЭЛА.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна; а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужь солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя; красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами; а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ,—отвѣчалъ я

Онъ улыбнулся вторично

— А чтожъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіяты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужь я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужь здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ *),—отвѣчалъ онъ, пріосанившись.—Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ,—прибавилъ онъ,—и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?.

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ го-

*) Ермолова.

ры нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—Вѣдь этакой народъ!—сказалъ онъ:—и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку?» Ужь татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи оста валось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода!—сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Чтожъ это?—спросилъ я.

— Гутъ-Гора.

— Ну, такъ чтожъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать,—сказалъ онъ съ досадою:—въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой?—спросилъ онъ извозчика.

— Не было, господинъ,—отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ,—а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блѣютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе наподобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посереди трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! — сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ!—отвѣчалъ онъ.—Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужь по крайней мѣрѣ наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужь подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода—знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужь гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и карауритъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!..

— А, чай, много съ вами бывало приключеній?—сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣ

склонилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую-нибудь исторйку—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ-будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: здравствуйте (потому что фельдфебель говоритъ здравія желаю). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите ли подбавить рому?—сказалъ я моему сосѣдинку:—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Пьтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ; да ужь и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропащій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы,—продолжалъ онъ,—какъ напьются бузы на свадьбѣ, или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ... (он[illegible] трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, [illegible]ртъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно»,—спросилъ я его,—«переведены сюда изъ Россіи?»—Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ,—отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ; «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить пріятельски. Да пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста—къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали?—спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить, только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ-на-одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужь иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и должно-быть богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

— А долго онъ съ вами жилъ?—спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужь зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!.. Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя?—воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужь точно, набаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужь какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь; шашку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и чтожъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ.—«Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы»,—говорилъ я ему:—«зманъ будетъ твоя башка!»

— Разъ, пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ

нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ ауле множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. — «Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ»,— сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ. — Погодите! — отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

— У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіятовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однакожъ, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидѣннаго случая.

— Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу?— спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ.. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ и вотъ къ нему подошла меньшая дѣвушка, дѣвушка лѣтъ шестнадцати; и [illegible] ему... какъ бы сказать въ родѣ комплимента...

— А чтожъ такое она пропѣла, не помните-ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду». Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю по-ихнему и перевелъ его отвѣтъ.

— Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорью Александровичу: ну что, какова? — «Прелесть!»—отвѣчалъ онъ;—«а какъ ее зовутъ?»—Ее зовутъ Бэлою,—отвѣчалъ я.

— И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной, не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запросишь, давай,—хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, [illegible] сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплатахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—струнки, и глаза не [illegible] чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена— какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!..

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда-нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга. — «Не даромъ на немъ эта кольчуга»,—подумалъ я:— «ужь онъ вѣрно что-нибудь замышляетъ».

— Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужь ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по [illegible].

— Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужь не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: якши тхе, чекъ якши!

— Пробираюсь вдоль забора и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» — подумалъ я: — «ужь не о моей ли лошадкѣ?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ

голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— «Славная у тебя лошадь!—говорилъ Азаматъ: — если-бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!»

— А! Казбичъ! — подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— «Да»,—отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія:—«въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужь я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мной былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица пырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣш ом, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужь слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они, вѣрно, думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу — смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они съ нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ — и вижу: мой Карагёзъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, чтожъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагёза, это былъ онъ, мой товарищъ!.. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались»,

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукой по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— «Если-бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ,—сказалъ Азаматъ,—то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза».

— «Полно, не хочу»,—отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— «Послушай, Казбичъ,—говорилъ, ласкаясь къ нему, Азаматъ:—ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что только пожелаешь — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга такая, какъ твоя, ни почемъ».

— Казбичъ молчалъ.

— «Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня,—продолжалъ Азаматъ, — когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылѣло: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ-будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!»— сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— «Послушай,—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ:—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью. тамъ въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ — и она твоя. Неужли не стоитъ Бэла твоего скакуна?»

— Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса: *)

---

*) Я прошу прощенія у читателей въ томъ, что

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молоденькая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

— Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ, Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— «Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни».

— «Меня!»—крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужь въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужь былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло—въ чужомъ пиру похмѣлье», — сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: «не лучше ли намъ поскорѣй убраться?»

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужь, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіятовъ все такъ. натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ?—спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается!—отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая,—вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ?—спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ. вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.—Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

— Никогда себѣ не прощу одного; чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ: онъ посмѣялся — такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужь нечего дѣлать! началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

— Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорью Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужь такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна—ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

— Засверкали глазенки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Что за диво?..

— Вотъ видите, я ужь послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ, онъ ему и скажи: «Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, что бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?..»

— Все, что онъ захочетъ, — отвѣчалъ Азаматъ.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагёзъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.

— Азаматъ молчалъ.

— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...

— Азаматъ вспыхнулъ.

— А мой отецъ?—сказалъ онъ.

— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

— Правда...

— Согласенъ?..

— Согласенъ,—прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть.—Когда-же?

— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное—мое дѣло. Смотри-же, Азаматъ!

— Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ—разбойникъ, котораго надобно было нака-

---

переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется, прозой; но привычка—вторая натура.

зать. Сами посудите, чтожъ я могъ отвѣчать противъ этого?.. Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привести на другой день. «Азаматъ!» — сказалъ Григорій Александровичъ, — «завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...»

— Хорошо! — сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости; какъ они сладили это дѣло — не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперекъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я попотчивалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ *)

— Стали мы болтать о томъ, о семъ.. Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье. — «Что съ тобой?» — спросилъ я.

— Моя лошадь!.. лошадь! — сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: — Это, вѣрно, какой-нибудь казакъ пріѣхалъ...

— Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ! — заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужь на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль — Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагёзѣ; на бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ, съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его въ дребезги, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости — онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ — онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, онъ тамъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь?.. Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.

— Чтожъ отецъ?

— Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не нашелъ; онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

— А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, если-бъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ, или за Кубанью; туда и дорога!..

— Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось.. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ — только онъ притворялся, будто не слышитъ.

— Господинъ прапорщикъ! — сказалъ я какъ можно строже: — развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? — отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если-бъ вы знали, какая мучитъ меня забота!

— Я все знаю, — отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать.

— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!..

— Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ мой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что нехорошо».

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужь эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся, — сказалъ я ему.

---

*) Кунакъ значитъ пріятель.

БЭЛА

...все грустила, напѣвая свои пѣсни вполголоса...

— Да когда она мнѣ нравится?..

— Ну, что прикажете отвѣчать на это?.. Я сталъ въ-тупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Вовсе не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ въ-тупикъ.—«Послушайте, Максимъ Максимычъ!»—сказалъ Печоринъ, приподнявшись:—«вѣдь вы добрый человѣкъ—а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...»

— Да покажите мнѣ ее,—сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и приучитъ ее къ мысли, что она моя; потому что она никому не будетъ принадлежать кромѣ меня! — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться.

— А что?—спросилъ я у Максима Максимыча:—въ самомъ ли дѣлѣ онъ приучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула—а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что-нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!.. Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу, она приучилась на него смотрѣть, сначала изподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголосъ, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. «Послушай, моя пери», говорилъ онъ: «вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею—отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой».— Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой. — «Или», продолжалъ онъ, «я тебѣ совершенно ненавистенъ?»—Она вздохнула.—«Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?»—Она поблѣднѣла и молчала.—«Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?»—Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслью; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бэла!—продолжалъ Печоринъ:—ты видишь, какъ я тебя люблю; все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить: я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?—Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: «поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала.—«Я твоя плѣнница», говорила она: «твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить!»—и опять слезы.

— Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ сложа руки прохаживался угрюмый взадъ и впередъ. «Что, батюшка?»—сказалъ я ему.—«Дьяволъ, а не женщина!»—отвѣчалъ онъ:—«только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...» Я покачалъ головою. «Хотите пари?»—сказалъ онъ;—«черезъ недѣлю!»—Извольте!—Мы ударили по рукамъ и разошлись.

— На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ,—сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки,—устоитъ ли азіятская красавица противъ такой батареи?—Вы черкешенокъ не знаете,—отвѣчалъ я:—это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки—совсѣмъ не то. У нихъ свои правила; онѣ иначе воспитаны. — Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе—да и только; такъ что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкесски, вооружился и вошелъ къ ней.

«Бэла!»—сказалъ онъ,—«ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: — прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу — ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду — куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки; тогда вспомни обо мнѣ и прости меня».—Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль — такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ — и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужь былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею.—Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ — глупость!..

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, — сказалъ онъ потомъ, теребя усы:—мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

— И продолжительно было ихъ счастіе? — спросилъ я.

— Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія. — Да, они были счастливы!

— Какъ это скучно! — воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!..—Да неужели, — продолжалъ я, — отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?

— То-есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

Вниманіе мое пробудилось снова

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца украл у него лошадь, по крайней мѣрѣ я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за аломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали—это было въ сумерки—онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его наземь, схватилъ поводья — и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ, — сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— Конечно, по-ихнему, — сказалъ штабсъ-капитанъ,—онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость, или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужь былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все подымалась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать: кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ—чувство дѣтское, не спорю, но, уда

ляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то-есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во стократъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?—сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то-есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите,—прибавилъ онъ, указывая на востокъ:—что за край!

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы похожія одна на другую — и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. «Я говорилъ вамъ», — воскликнулъ онъ,—«что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!» — закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой— осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ,—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: «И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые!»—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали. И если бъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ-быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы? — Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки: слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ, только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору (или, какъ называетъ ея ученый Гамба, le Mont St.-Christophe) достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гутъ-горы въ Чертòву долину... Вотъ романтическое названіе. Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами — не тутъ-то было: названіе Чертòвой долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ» — ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія милыя мѣста нашего отечества.

«Вотъ и Крестовая!» — сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертòву долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извозчики объявили, что обваловъ еще не было, и [illegible]гая лошадей, повезли насъ кругомъ. П[illegible]ротѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддер-

живать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная; направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; — налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору — двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ пост[illegible] по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, [illegible], такъ укоренилось, что, право, не [illegible] чему вѣрить, [illegible], что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

[illegible] должно было спускаться еще верстъ пять по [illegible] скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ [illegible] станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли, мятель гудѣла сильнѣе и [illegible], [illegible], [illegible] были [illegible]. «[illegible]», думалъ я, [illegible] о [illegible], [illegible]! [illegible], а [illegible] душно и [illegible], какъ орлу, [illegible] о рѣшетку [illegible].

— [illegible]! — [illegible] штабсъ-[illegible]: — [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] въ [illegible], а [illegible], [illegible], [illegible].

[illegible], [illegible], [illegible] мѣста, [illegible]. «[illegible]», — [illegible]: — [illegible] до Коби [illegible]; не [illegible], покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется — вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку», — прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! — сказалъ штабсъ-капитанъ. — Ужь эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, — сказалъ я, — что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ, — пробормоталъ онъ: — ужь эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно пользоваться; будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею. — Все къ лучшему, — сказалъ я, присѣвъ у огня: — теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось.

— А почему жъ вы такъ увѣрены? — отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не въ порядкѣ вещей: что началось необыкновеннымъ образомъ, то должно такъ же и кончиться.

— Вѣдь вы угадали...

— Очень радъ

— Хорошо вамъ радоваться; а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка, эта Бэла. Я къ ней наконецъ такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужь не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше — такъ теперь ужь, знаете, и не къ лицу! я и радъ былъ, что нашелъ кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни, или [illegible]... [illegible]! [illegible], а разъ былъ-съ и [illegible], [illegible], — [illegible]! — [illegible]... Григорій Александровичъ наряжалъ ее, [illegible], холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ похорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужь какая, бывало, веселая, и [illegible] мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два плакала, а потомъ забыла.

— Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужь кажется говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами или козами— а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ, однакожъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться; ходитъ по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять—цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... «Нехорошо», — подумалъ я:—«вѣрно между ними черная кошка проскочила».

— Одно утро захожу къ нимъ—какъ теперь передъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ, шелковомъ бешметѣ, блѣденькая, такая печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ?—спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ?—Она молчала, какъ-будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера,—наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужь не случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала, — отвѣчала она сквозь слезы;—придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужь кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

— Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба—я княжеская дочь!..

— Я сталъ ее уговаривать. — Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью — походитъ да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь.

— Правда, правда,—отвѣчала она:—я буду весела.—И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Препепріятное положеніе-съ!

Наконецъ я ей сказалъ: — «Хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ, погода славная!» — Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ [illegible], наконецъ она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая-нибудь нянька.

— Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками *), оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ чистый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главною цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и наконецъ остановился по ту сторону рѣчки, саженяхъ во ста отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою какъ бѣшеный. Что за притча!.. — «Посмотри-ка, Бэла, — сказалъ я: — у тебя глаза молодые, что это за джигитъ: кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?..

— Она взглянула, и вскрикнула: — «это Казбичъ!»

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться, что ли пріѣхалъ надъ нами? — Вематриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный, какъ всегда.—«Это лошадь отца моего»,— сказала Бэла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали.—Ага!— подумалъ я: — и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда,—сказалъ я часовому: — осмотри ружье, да сядь мнѣ этого молодца — получишь рубль серебромъ. — [illegible] высокоблагородіе; только онъ не [illegible] гѣ...»—Прикажи! — сказалъ я, [illegible]. — Да! побезный!»—закричалъ часовой, махая ему рукой: — «подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?» — Казбичъ остановился въ [illegible] мъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры — какъ не такъ!.. Мой гренадеръ приложился... бацъ!.. мимо,—только-что порохъ на пол[illegible]. Казбичъ толкнулъ лошадь, и она [illegible] въ сторону. Онъ привсталъ на стр[illegible] крикнулъ что-то [illegible] кой—и былъ таковъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!—[illegible]

*) Овраги.

— Ваше высокоблагородіе! умирать отправился,—отвѣчалъ онъ,—такой проклятый народъ, съ разу не убьешь.

— Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужь на него разсердился. — Помилуйте, говорилъ я:—вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкою Казбичъ и мы по немъ стрѣляли; ну, долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный; вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что, годъ тому назадъ, она ему больно нравилась—онъ мнѣ самъ говорилъ — и если бъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то вѣрно бы посватался... — Тутъ Печоринъ задумался.—Да,—отвѣчалъ онъ: —надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ.

— Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе: мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало спросишь: о чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна? «Нѣтъ». Тебѣ чего-нибудь хочется? «Нѣтъ». Ты тоскуешь по родномъ? «У меня нѣтъ родныхъ». Случалось, по цѣлымъ днямъ, кромѣ «да» да «нѣтъ», отъ нея ничего больше не добьешься.

— Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить. «Послушайте, Максимъ Максимычъ», отвѣчалъ онъ: «у меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ — не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе—только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава — удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ — и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной также надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь — только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй — не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она; во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало; къ печали я также легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день-ото-дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь — только не въ Европу, избави Боже! — поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію — авось гдѣ-нибудь умру на дорогѣ. По крайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ». — Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипяти-лѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ:—вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно—неужто тамошняя молодежь вся такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ.— Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!..—отвѣчалъ онъ:—да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!..

БЭЛА

Выстрѣлъ раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади..

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздерживаться отъ вина, онъ конечно старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

— Казбичъ не являлся снова. Только не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ прѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

— Вотъ, разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался: ну, что мнѣ былъ за диковинка кабанъ! Однакожъ утащилъ-таки онъ меня съ собою.—Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу—нѣтъ звѣря. «Эй, не воротиться ли?» —говорилъ я. «Къ чему упрямиться? Ужь, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорій Александровичъ, несмотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужь былъ человѣкъ: что задумаетъ—подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана—пафъ! пафъ! не тутъ-то было: ушелъ въ камыши... такой ужь былъ несчастный день!.. Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

— Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужь почти у самой крѣпости: только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ—смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла—и туда; я за нимъ.

— Къ счастію, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе.., И наконецъ я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поровнялся съ Печориным и кричу ему: это Казбичъ!.. Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головой и ударилъ коня плетью.

— Вотъ наконецъ мы были ужь отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, несмотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагёза...

— Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... «Не стрѣляйте»!—кричу я ему: «берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ».— Ужь эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Эта была Бэла... бѣдная Бэла!—Онъ что-то намъ закричалъ по-своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего; я выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бэла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда—да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй: хоть бы въ сердце ударилъ—ну, такъ ужь и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже. Напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы—ничто не могло привести ее въ себя.

— Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: «Послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую».—«Правда!»—сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ.—Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа. Осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лекаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...

— Выздоровѣла?—спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—а ошибся лекарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?

— А вотъ какъ: несмотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ ночью крался—какъ-нибудь ее, зажалъ ротъ и пота-

щилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу! Она, между тѣмъ, успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

— Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужь въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужь съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только-что она открыла глаза, начала звать Печорина. — «Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка!» (то-есть, по-нашему, душенька). — отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. — Я умру!—сказала она.

— Мы начали ее утѣшать; говорили, что лекарь обѣщалъ ее вылечить непремѣнно. Она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ. Ей не хотѣлось умирать!..

— Ночью она начала бредить; [illegible] горѣла; по всему тѣлу [illegible] лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи: [illegible] отецъ, братъ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она только звала о Печоринѣ; давала ему разныя [illegible] названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее [illegible], опустивъ голову на руки; и только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—[illegible]; что до меня, то я ничего жальче этого не видалъ...

— Къ утру бредъ прошелъ; она [illegible] лежала неподвижная, блѣдная, и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышетъ; поэтому ей стало лучше, и она начала говорить. «Скажи, какъ вы думаете, о чемъ?». Такая мысль придетъ вѣдь только умирающему!.. Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорья Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругою. Мнѣ пришло на мысль [illegible] ее передъ смертію: я ей это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе; губы горѣли. Она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней [illegible] желѣзо.

— Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только-что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ: она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, чтобы съ ней сталось, если бъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось, рано или поздно...

— Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лекарь припарками и микстурой.—Помилуйте!— говорилъ я ему: — вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ эти препараты? «Все-таки лучше, Максимъ Максимычъ, — отвѣчалъ онъ, — чтобъ совѣсть была покойна». Хороша совѣсть!

— Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ; поставили льду около кровати—ничего не помогало. Я зналъ, что эта невыносимая жажда — признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.

— Воды, воды!..— говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

— Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву— не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а, кажется, я ее любилъ, какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!.. И вправду молвить: чтожъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!..

— Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы,

на его мѣстѣ, умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

— Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обвилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея же.

— На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка...

— А что Печоринъ?—спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ же!—Мѣсяца три спустя, его назначили въ е—й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже—вѣроятно для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и о Печоринѣ.

— А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ?—спросилъ я.

— Съ Казбичемъ? А, право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко; да врядъ ли это тотъ самый!..

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ; я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ по причинѣ тяжелой поклажи не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однакожъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія?.. Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой можетъ-быть, слишкомъ длинный разсказъ.

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ между тѣмъ некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатеринограда еще не пришла и слѣдовательно отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!.. Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей, видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!.. А вы можетъ-быть не знаете что такое «оказія»? Это—прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатеринодаръ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ, въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ! Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!..

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его чеченскимъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухоядѣніи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?.. Онъ ужъ разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревъ; а дальше спѣлись зубчатою стѣною горы и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой архіерейской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостинницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина—нѣчто вродѣ русскаго Фигаро.—«Скажи, любезный,—закричалъ я ему въ окно,—что это—оказія пришла, что-ли?»—Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него,—что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно.—«Слава Богу!»—сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время.—«Экая чудная коляска!»—прибавилъ онъ:—«вѣрно какой-нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую!—А кто бы это такое былъ — подойдемъ-ка узнать...» —

Мы вышли въ корридоръ. Въ концѣ корридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извозчикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ, — спросилъ у него штабсъ-капитанъ:—чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!..—Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтиво по плечу и сказалъ:—я тебѣ говорю, любезный...

— Чья коляска?.. Моего господина..

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?.. Ахъ, Боже мой!.. да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?..— воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?.. Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ барином были пріятели,—прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете,— сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!.. да знаешь ли, мы съ твоимъ барином были друзья закадычные, жили вмѣстѣ!.. Да гдѣ же онъ самъ остался?..

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда? — сказалъ Максимъ Максимычъ:—или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужь онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..—сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ:—пойду за ворота его дожидаться... Эхъ, жалко, что я незнакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя, по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ.—«Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю»? — закричалъ я ему въ окно

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй вышейте! Смотрите, вѣдь ужь поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно! — Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку—да я все ждалъ. Ужь человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно что-нибудь задержало!

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужь было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать: онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе—онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, еслибъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался.

— Не клопы ли васъ кусаютъ?—спросилъ я.

— Да, клопы... — отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ, сидящаго на скамейкѣ.— «Мнѣ надо сходить къ коменданту», — сказалъ онъ:— «такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...»

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье; босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ; мнѣ было не до нихъ—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать

подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его замачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками — вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва или душевнаго безпокойства. Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные — признакъ породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся.—Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?.. Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ-быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ-быть, на другого видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то по неволѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. — «Если вы захотите еще немного подождать», — сказалъ я, — «то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ»...

— Ахъ, точно!—быстро отвѣчалъ онъ:—мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, прилепились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете?—сказалъ Печоринъ.

— А... ты?.. а вы?..—пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ:—сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Ѣду въ Персію—и дальше...

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько [illegible] не видались...

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ

Бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?.. какъ?.. что подѣлывали?..

— Скучалъ!—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житьё-бытьё въ крѣпости?.. Славная страна для охоты!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?..

Печоринъ чуть-чуть побѣдѣлъ и отвернулся...

— Да, помню!—сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. «Мы славно пообѣдаемъ», — говорилъ онъ: — «у меня есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житьё въ Петербургѣ... А?..»

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли...— прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забыть!»—проворчалъ онъ: — я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...»

— Ну, полно, полно! — сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески:—неужели я не тотъ же? Что дѣлать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!..—Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ ужь началъ подбирать возжи.

— Постой, постой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:— совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что съ ними дѣлать?..

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?.. а когда вернетесь?..—кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли! да и не зачѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

«Да»,—сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ:—«конечно, мы были пріятели—ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!.. Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь какимъ онъ франтомъ слѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!..» Эти слова были произнесены съ ироническою улыбкой. «Скажите, — продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ:—ну, что вы объ этомъ думаете?.. ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?.. Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!.. Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!.. Ужь я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!..» Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ: — поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что, я развѣ другъ его какой, или родственникъ?.. Правда мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?..

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку, онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кои-какія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ, запинаясь,— да его дома не было... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для собственной надобности, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю, а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, немногимъ преходящими, но зато не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ

ЖУРНАЛЪ ПЕЧОРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той непъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственныя слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ-быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. — «Да это злая ироніа!»—скажутъ они.—Не знаю.

ТАМАНЬ.

Таманъ — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной тележкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ: «кто идетъ?» Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ — занята. Было холодно: я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться.—Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ черту, только къ мѣсту! — закричалъ я.— «Есть еще одна фатера»,—отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ, — «только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!» — Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышу и бѣлыя стѣны моего новаго жилища, на дворъ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла, избочась, другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темносиніе волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. «Суда въ пристани есть, — подумалъ я: — завтра отправлюсь въ Геленджикъ».

При мнѣ исполнялъ должность деньщика линейный казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина— молчатъ; стучу — молчатъ... что это? Наконецъ изъ сѣней вышелъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— «Гдѣ хозяинъ?»—Не-ма.—«Какъ, совсѣмъ нѣту?»—Совсимъ.—«А хозяйка?»—Побигла въ слободку. — «Кто же мнѣ отопретъ дверь?» — сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно, и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою; какъ-будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ, я началъ разсматривать лицо слѣпого: но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?.. Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать?—я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

— «Ты хозяйскій сынъ?» — спросилъ я его наконецъ.—Ни.—«Кто же ты?»—Сирота, убогій.—«А у хозяйки есть дѣти?»—Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ.—«Съ какимъ татариномъ?»—А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа—дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать

вещи, поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно; кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; на встрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ.— «Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ»—подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ, луна начала одѣваться тучами и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшуюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что, слѣпой?—сказалъ женскій голосъ:—буря сильна; Янко не будетъ.—«Янко не боится бури»,—отвѣчалъ тотъ.—Туманъ густѣетъ,—возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ,—былъ отвѣтъ.—«А если онъ утонетъ?»—Ну, чтожъ? въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я правъ,—сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши:—Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь—это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой! — сказала она: — я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка.—«Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься черезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая». — Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны;—и вотъ,—я думалъ,—она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится въ дребезги;—но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою—и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему, однакожъ, не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но—увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоявшія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться.— «Можетъ-быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно,—сказалъ комендантъ:—и тогда мы увидимъ». — Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе! — сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ: — Здѣсь нечисто! Я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ — былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!.. Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой!.. ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ, за хлѣбомъ и за водой... ужь, видно, здѣсь къ этому привыкли.

— Да чтожъ? по крайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?..

— Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

— Какая дочь? у нея нѣтъ дочери. — А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. — «Ну-ка, слѣпой чертенокъ, — сказалъ я, взявъ его за ухо: — говори, куда ты ночью таскался съ узломъ — а?» — Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: — куды я ходивъ?. никуды не ходивъ... съ узломъ?.. якимъ узломъ? — Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: — «Вотъ выдумаютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?» — Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мною тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный рокоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ-быть, и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ — но откуда?.. Прислушиваюсь: напѣвъ строенъ — то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова — звуки какъ-будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ —
По зелену морю,
Ходятъ все корабliки
Бѣлопарусники.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не снашеная
Двухвесельная.

Буря ль разыграется —
Старые корабliки
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низехонько:
„Ужь не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка“.

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя индина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ-будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія, напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностію останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ-будто ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и на счетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т.-е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой

кожи. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ—все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что нашелъ Гётеву Миньону — это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Скажи-ка мнѣ, красавица,—спросилъ я:—что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?—А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.—Зачѣмъ тебѣ?—Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье. — Что же? развѣ ты пѣснею зазывала счастье?—Гдѣ поется, тамъ и счастливится. — А какъ неравно наносишь себѣ горе?—Ну, что-жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко.—Кто жъ тебя выучилъ этой пѣснѣ?—Никто не выучилъ; вздумается — запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ. — А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья? — Кто крестилъ, тотъ знаетъ.—А кто крестилъ? — Почему я знаю.—Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ (она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ-будто не объ ней дѣло). Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ.—И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло. — Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, то держите подъ замочкомъ.—А если бъ я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту? — и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не у мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по походному, засвѣтилъ свѣчку и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужь я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся—то была она, моя ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный непъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій тренетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то-есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: «нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ», и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую наполу.—«Экой бѣсъ-дѣвка!»—закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака. — Если я выстрѣлю изъ пистолета,—сказалъ я ему,—то бѣги на берегъ».—Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ:—«слушаю, ваше благородіе». — Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ оноясывалъ ея гибкій станъ.

— Иди за мной! — сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломалъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темносинемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу.—«Войдемъ въ лодку»,—сказала моя спутница. Я колебался—я не охотникъ до сантиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. — «Что это значитъ?»—сказалъ я сердито.—«Это значитъ,—отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками: — это значитъ, что я тебя люблю...» И щека ея прижалась къ моей, я по-

чувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду; я хвать за поясъ—пистолета нѣтъ. О, тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь—мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя — она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости...—«Чего ты хочешь!»—закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустнули, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ, — отвѣчала она: — ты донесешь!—и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ, мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ея мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ ..

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночного иловца. Луна уже катилась по небу и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась [illegible] быстро приближалась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ.—«Янко,—сказала она:—все пропало!» Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать.—А гдѣ же слѣпой?—сказалъ наконецъ Янко, возвысивъ голосъ.—«Я его послала»,—былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой!—сказалъ Янко:—ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... Скажи (имени я не разслушалъ), что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ!—Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ:—Она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.

— А я?—сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя?—былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукою; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ:—«На, купи себѣ пряниковъ».—Только?—сказалъ слѣпой.—«Ну, вотъ тебѣ еще»—и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ ч е с т н ы х ъ к о н т р а б а н д и с т о в ъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догоравшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шапка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ—подарокъ пріятеля, все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восемнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Славу Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ—не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!..

ТАМАНЬ

— Сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море...

II

КНЯЖНА МЕРИ.

11-го мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче, въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бешту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо синё—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?.. Однако, пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору; то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ: объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ, вся водяная молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе; у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ-быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ — однако, не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлей надъ ванной, а подальше галлерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли — блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходили взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были три-четыре хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, [illegible] кала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ,

гдѣ построенъ павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лечиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы, и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

— Печоринъ! давно ли здѣсь?

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды, съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носитъ, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производитъ эффектъ — ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только-что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остёръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль — сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ машетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!.

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ — и одному изъ насъ не сдоброватъ.

Пріѣздъ его на Кавказъ — также слѣдствіе его романтическаго фанатизма. Я увѣренъ, что наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: — «нѣтъ, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? что я для васъ? Поймете ли вы меня?..» и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

— Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, — сказалъ онъ, вздохнувъ: — пьющіе утромъ воду — вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру — несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ. Моя солдатская шинель — какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело какъ милостыня.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лицъ за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье gris de perles; легкая шелковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки couleur puce стягивали у щиколки ея сухощавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея пахнуло тѣмъ пріятнымъ

мымъ ароматомъ, которымъ дышитъ иногда записка милой женщины.

— Вотъ княгиня Лиговская,—сказалъ Грушницкій,—и съ нею дочь ея Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.

— Однако ты ужь знаешь ея имя?

— Да, я случайно слышалъ,—отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ.—Признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?

— Бѣдная шинель!—сказалъ я, усмѣхаясь.— А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подастъ имъ стаканъ?

— О! это московскій франтъ Раевичъ. Онъ игрокъ: это видно сейчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ; да и борода кстати, и прическа à la moujik.

— Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго?

— И есть за что...

— О! право?

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по-французски:

— Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ, любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

— Эта княжна Мери прехорошенькая,—сказалъ я ему.—У нея такія бархатные глаза — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ; нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... А что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади,—сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

— Mon cher,—отвѣчалъ я ему, стараясь подѣлаться подъ его тонъ:—je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по винограднымъ аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между ними кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галереи, чтобъ вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣли на лавкѣ въ крытой галереѣ, и оба были заняты, кажется, серьёзнымъ разговоромъ. Княжна, вѣроятно, допивъ ужь послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкій стоялъ у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и успѣвалъ нагнуться, чтобъ его поднять: больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все это лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести; потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галерею, и убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный — даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного изъ лучшихъ домовъ Пятигорска; за нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— Ты видѣлъ?—сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:—это просто ангелъ!

— Отчего? — спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— Развѣ ты не видалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу...

— И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?..

— Нѣтъ.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было — зависть; я говорю смѣло «зависть», потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другого, ей равно незнакомаго, врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ (разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе), который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча, съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?..

— —

13-го мая.

Нынче поутру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ и поэтъ не на шутку — поэтъ на дѣлѣ всегда, и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылечить отъ лихорадки. Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага: онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ карикатуры на своихъ больныхъ—больные взбѣленились; почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упадшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной; оттого-то, можетъ-быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе, черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстухъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей, всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да, притомъ, у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера

въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ...—сказалъ докторъ.

— Въ чемъ это?—спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

— Въ томъ,—отвѣчалъ онъ,—что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче васъ,—сказалъ я:—у меня кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а, право, изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьёзно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать, и нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи—и мы оба замолчали.

— Замѣтьте, любезный докторъ,—сказалъ я, —что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно; а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать, и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите же мнѣ какую-нибудь новость.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ...

Онъ отвѣчалъ, подумавши:—Въ вашей галиматьѣ однакожъ есть идея.

— Дѣв,—отвѣчалъ я.

— Скажите мнѣ одну; я вамъ скажу другую

— Хорошо, начинайте!—сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

— Вамъ хочется знать какія-нибудь подробности на-счетъ кого-нибудь изъ пріѣхавшихъ на воды, и я ужь догадываюсь о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали.

— Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что-нибудь; во-первыхъ, потому, что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ-третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ-четвертыхъ, потому что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ разсказчиковъ. Теперь къ дѣлу; что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?

— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?..

— Совершенно убѣжденъ.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ.

— У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...

— Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи...

— Разумѣется...

— Завязка есть!—закричалъ я въ восхищеніи: —объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно,

— Я предчувствую,—сказалъ докторъ,—что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой...

— Дальше, докторъ.

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей замѣтилъ, что вѣрно она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шума... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя вѣроятно къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ.

— Достойный другъ!—сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

— Если хотите, я васъ представлю...

— Помилуйте! — сказалъ я, всплеснувъ руками: — развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную...

— И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!.. Докторъ,—наконецъ я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ,—продолжалъ я послѣ минуты молчанія:—я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу, при случаѣ, отъ нихъ отпереться. Однакожъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что онѣ за люди?

— Во-первыхъ, княгиня—женщина сорока-пяти лѣтъ,—отвѣчалъ Вернеръ;—у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ и тутъ, на покоѣ, растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?.. Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу. Княгиня лечится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего. Я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать: она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ не любезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ—московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками.

— А вы были въ Москвѣ, докторъ?

— Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч. Она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли.

— Вы никого у нихъ не видали сегодня?

— Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужѣ, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили-ль вы ее у колодца? — она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью.

— Родинка!—пробормоталъ я сквозь зубы.— Неужели?

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: — «Она вамъ знакома!..» Мое сердце, точно, билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Теперь ваша очередь торжествовать,—сказалъ я,—только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но, увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ встарину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнеситесь обо мнѣ дурно.

— Пожалуй! — сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?.. и какъ мы встрѣтимся?.. и потомъ, она ли это?.. Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю—ничего!

Послѣ обѣда часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ: тамъ была толпа; княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ, и началъ имъ что-то разсказывать; видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать, какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало-по-малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ; мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

— Что онъ вамъ разсказывалъ? — спросила она у одного изъ молодыхъ людей, возвратившихся къ ней изъ вѣжливости;—вѣрно очень занимательную исторію — свои подвиги въ сра-

женіяхъ?..—Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня. — «А-га!»—подумалъ я:—«вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!»

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ: бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто-нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими узнами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ—и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ!

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!.. Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня окаянѣніе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла: онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкою.

— Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими?—сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Рѣшительно.

— Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...

— Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?

— Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится.. Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты.

— Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты, просто, не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да, солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ.

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— Какой вздоръ!—сказалъ онъ.

— Я увѣренъ,—продолжалъ я,—что княжна въ тебя ужь влюблена.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!..

— У тебя все шутки!—сказалъ онъ, показывая, будто сердится:—во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...

— Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

— Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться; я, просто, хочу познакомиться съ пріятнымъ домомъ, и было бы очень смѣшно, если бъ я имѣлъ какія-нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло вы, побѣдители петербургскіе; только посмотрите, такъ женщины таютъ... А знаешь ли, Печоринъ, что княжна о тебѣ говорила?..

— Какъ? Она тебѣ ужь говорила обо мнѣ?..

— Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было:—«Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный, тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда...»—Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку.—«Вамъ не нужно сказывать дня,—отвѣчалъ я ей,—онъ вѣчно будетъ мнѣ памятенъ...» Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!..

Надобно замѣтить; что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее моя Мери, моя Sophie, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серьёзный видъ и отвѣчалъ ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью ни-

гаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно—ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ—никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить; а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобой накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой, сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы: оно мнѣ показалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные—и тутъ-то я буду наслаждаться!..

. . . . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу—никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя мохнатыя тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ наполненъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ? Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ?—Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ, сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрывала ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

— Вѣра!—воскликнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я знала, что вы здѣсь,—сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами—въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались,—сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало быть, ужь ты меня не любишь?..

— Я замужемъ!..—сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?..

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что-жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе; на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ,—наконецъ прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій... Ея голосъ задрожалъ; она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— «Можетъ-быть», подумалъ я, «ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мелькомъ на бульварѣ; она вышла за него для сына. Онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ какъ отца—и будетъ обманывать какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще, и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ. Вѣра часто бываетъ у княгини; я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ, мои планы ни мало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!.. Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины; напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это?—оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это—магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я, точно, не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!..

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердой волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами—и то, можетъ-быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки, или той болѣзни, которую называютъ lièvre lente—болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставляла меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она вѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью—и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ-быть, навѣки: оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей; я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужь не молодость ли со своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ — на память?.. А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воздухъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль — все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвающіе на своихъ вышкахъ, видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо вѣрно по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго; оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій; поговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешметъ бѣлый, черкеска темнобурая. Я долго изучалъ горскую посадку; ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ и никогда со мной не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать. Лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую коло-

нію, куда часто водяное общество ѣздитъ en piquenique. Дорога идетъ извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ враговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи балками, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь черкесскаго съ нижегородскимъ; впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ; онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрывалъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сантиментальный. Наконецъ они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?—говорила княжна.

— Что для меня Россія?—отвѣчалъ ея кавалеръ:—страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь—здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... — сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если бы Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ подобный тому...

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

— Mon Dieu, un circassien!.. — вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier...

Она смутилась—но отчего?—отъ своей ошибки, или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т. е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ; только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Окрики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался... Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?.. «Что дѣлаетъ теперь Вѣра?» — думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Грушницкій... Такъ и есть!

— Откуда?

— Отъ княгини Лиговской, — сказалъ онъ очень важно.—Какъ Мери поётъ!..

— Знаешь ли что?—сказалъ я ему,—я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...

— Можетъ-быть. Какое мнѣ дѣло!.. — сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить. Она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самого высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

«Ого!» — подумалъ я:— «у него видно есть уже надежды».

— Впрочемъ, для тебя же хуже,—продолжалъ Грушницкій:—теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними—а жаль! Это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый пріятный домъ для меня теперь мой, —сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобъ идти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?..

— Какой вздоръ! Если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ...

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, я ну волочиться за княжной...

Да, если она захочетъ говорить съ тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...

— А я пойду шататься; я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...

— Желаю тебѣ проиграться...

Я пошелъ домой.

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій какъ тѣнь слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда же онъ ей наскучитъ?.. Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ не женихъ. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два, три нѣжные взгляда—надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ явилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

— Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?.. Мы только тамъ можемъ видѣться...

Упрекъ!.. скучно! но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ рестораціи, и я буду танцовать съ княжной мазурку.

29-го мая.

Зала рестораціи превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явилась изъ послѣднихъ; многія дамы посмотрѣли на нее съ завистью и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократами, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкій, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская съ глазъ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула ему головой. Онъ просіялъ, какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи—счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская препесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... C'est impayable... И чѣмъ она гордится? ужь ее надо бы проучить...

— За этимъ дѣло не станетъ! — отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бокъ — и мы пустились. Я не знаю талій болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура (она вальсируетъ удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое: merci, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я сказалъ ей, приняв самый покорный видъ:

— Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... Неужели это правда?

— И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи?—отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

— Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ-нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще бо́льшую дерзость: просить у васъ прощенія... И, право, я бы очень желалъ доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...

— Вамъ это будетъ довольно трудно...

— Отчего же?..

— Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы вѣроятно не часто будутъ повторяться.

«Это значитъ», — подумалъ я: — «что ихъ двери для меня навѣки закрыты».

— Знаете, княжна,—сказалъ я съ нѣкоторой досадой,—никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъявившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ, потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

— Пермете... ну, да что тутъ!.. просто: ангажирую васъ на мазурку...

— Что вамъ угодно? — произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ нея никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

— Что же?—сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками: — развѣ вамъ не угодно? Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!.. Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться — потому,—прибавилъ я,—что княжна давно ужь обѣщалась танцовать мазурку со мною.

— Ну, нечего дѣлать!.. въ другой разъ!— сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

— Я не знаю, какъ случилось что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, — прибавила она: — но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда ли?

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ съ хоръ загремѣла мазурка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало-по-малу разсѣялось; личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту, живъ и своболенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

— Вы странный человѣкъ!—сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами знакомиться,—продолжалъ я:—потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боюсь въ ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! — они всѣ прескучные...

— Всѣ!—неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, старалась будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и наконецъ произнесла рѣшительно: всѣ!

— Даже мой другъ Грушницкій?

— А онъ вашъ другъ? — сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

— Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...

— Но въ разрядъ несчастныхъ,—сказалъ я, смѣясь.

— Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...

— Чтожъ? Я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А развѣ онъ юнкеръ?.. — сказала она быстро, и потомъ прибавила:—а я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужь болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались— до свиданія. Дамы разъѣхались. Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

— А-га!—сказалъ онъ:—такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.

— Я сдѣлалъ лучше, — отвѣчалъ я ему: — спасъ ее отъ обморока на балѣ...

— Какъ это? Разскажите.

— Нѣтъ, отгадайте—о вы, отгадывающій все на свѣтѣ!

———

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ; какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?..

Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стоитъ благодарности,—отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

— Какъ? А вчера? Ты развѣ забылъ?.. Мери мнѣ все разсказала...

— А что? Развѣ у васъ ужь нынче все общее? И благодарность?..

— Послушай, — сказалъ Грушницкій очень важно:—пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю, я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! Женщины! Кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны.

— Это, можетъ-быть, слѣдствіе дѣйствія водъ, — отвѣчалъ я.

— Ты во всемъ видишь худую сторону... Матеріалистъ!—прибавилъ онъ презрительно.— Впрочемъ, перемѣнимъ матерію — и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли: она находитъ, что томность къ ней идетъ, и, можетъ-быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

— довольна ль ты моимъ послушаніемъ, Вѣра?—сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ; но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепіано; всѣ просили ее спѣть что-нибудь — я молчалъ, и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло—вздоръ.

Между тѣмъ княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!..

Она запѣла; ея голосъ не дуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. За то Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: charmant! délicieux!

— Послушай,—говорила мнѣ Вѣра:—я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ мужемъ, но ты долженъ непремѣнно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...

— Только?..

Она покраснѣла и продолжала:—Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя—ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣньями и притворной холодностью; я, можетъ-быть, скоро умру; я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то на счетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

— Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно,—сказала она,—что вы меня вовсе не слушали; но вы, можетъ-быть, не любите музыки?..

— Напротивъ... послѣ обѣда особенно.

— Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.

— Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ: у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово; слѣдовательно, я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно или слишкомъ весело. То и другое томительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сантиментальный разговоръ; кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе—вамъ не удастся! И если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой наконецъ удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!.. Какъ быть? У меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и до сыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ—право не знаю! Тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?..

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Ну, что?

«Ты глупъ», — хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.

13-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ: я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами: это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сантиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой, но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада, или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій—на Грушницкаго.

— У васъ очень мало самолюбія! — сказала она мнѣ вчера. — Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

— И мнимъ,—прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива; нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой, но только-что завидѣла меня, она стала хохотать (очень не кстати), показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить.

13-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; если бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ни чуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство — истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности—только въ невозможности достигнуть цѣли, то есть конца.

Изъ чего же я хлопочу?—Изъ зависти къ

Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но необѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

— Мой другъ, со мною было то же самое, и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ.

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Если бъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи — созданія органическія, — сказалъ кто-то: — ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть, или сойти съ ума, точно также, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ: душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью — лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?.. Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ современемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

. . . . . .

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею: онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Я васъ не поздравляю, — сказалъ онъ Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ, и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ, сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь пойдете подъ общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться.—Онъ не знаетъ,—прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо: — сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О... эполеты! эполеты! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ, я теперь совершенно счастливъ.

— Ты идешь съ нами гулять къ провалу?— спросилъ я его.

— Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?..

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!.. какъ можно такъ скоро?.. Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...

— Хорошо! И, вѣроятно, по твоему, порядочная

дочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

— Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она?..—отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: — мнѣ жаль тебя, Печоринъ!..

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ; сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— Вы опасный человѣкъ!—сказала она мнѣ:— я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычокъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня—я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно.

— Развѣ я похожъ на убійцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко-тронутый видъ:

— Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло— никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы: я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже. я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ — меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я похоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе — не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины: но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ—нѣтъ; особенно, когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала—а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу: дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора, но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно

— Любили ли вы?—спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой—и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая, что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня; а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

— Не правда ли, я была очень любезна се-

годня? — сказала мнѣ княжна съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой: она себя обвинитъ въ холодности... О, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно.

12-го іюня. . . .

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

— Я отгадываю, къ чему все это клонится,— говорила мнѣ Вѣра:—лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображеніе!.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣ завтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ: мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ; внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?..

Я обѣщалъ, и въ этотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

— Наконецъ я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь!—прибавилъ онъ.

— Когда же балъ?

— Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить...

— Пойдемъ на бульваръ...

— Ни за что, въ этой гадкой шинели...

— Какъ, ты ее разлюбилъ?..

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ,—сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

— Вы будете завтра пріятно удивлены, — сказалъ я ей.

— Чѣмъ?..

— Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ?..

Вѣра все это замѣтила; на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви— разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты, непомѣрной величины, были загнуты кверху, въ видѣ крылышекъ амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а правою взбивалъ ежеминутно въ мелкія кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстушникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху до ушей; отъ этой трудной работы— ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ—лицо его налилось кровью.

— Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился

за моей княжной?—сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

— Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!—отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

— Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?.. Охъ, проклятый жидъ!.. какъ подъ мышками рѣжетъ!.. Нѣтъ ли у тебя духовъ?

— Помилуй, чего тебѣ еще? Отъ тебя и такъ ужь несетъ розовой помадой.

— Ничего. Дай-ка сюда...

Онъ налилъ себѣ полстакана за галстукъ, въ носовой платокъ, на рукава.

— Ты будешь танцовать?—спросилъ онъ.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку — я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звалъ ее на мазурку?

— Нѣтъ еще...

— Смотри, чтобъ тебя не предупредили...

— Въ самомъ дѣлѣ!—сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу.—Прощай... Пойду дожидаться ее у подъѣзда.—Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія, или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели,—думалъ я,—мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ-будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача, или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужь не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ — или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для «Библіотеки для Чтенія»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?..

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ: она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

— Вы меня мучите, княжна! — говорилъ Грушницкій:—вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ...

— Вы также перемѣнились,— отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

— Я? Я перемѣнился?.. О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?..

— Потому что я не люблю повтореній, — отвѣчала она, смѣясь.

— О, я горько ошибся!.. Я думалъ, безумный, что по крайней мѣрѣ эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ: она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсьё Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсьё Грушницкому? .

— Я съ вами не согласенъ,—отвѣчалъ я:— въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчики, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думалъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

— А признайтесь,—сказалъ я княжнѣ:—что хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интереснъ... въ сѣрой шинели?..

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужь ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? — спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.—Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что-жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется,.. Я долженъ былъ этого ожи-

КНЯЖНА МЕРИ

— М.ѣ дурно!—проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обнять рукою ея гибкую талію..

дать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужь я отомщу!

— Пеняй на свою шишель, или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю; а кто жъ надѣется?

— Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ,— сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали; это явно былъ заговоръ противъ меня — тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ—ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ея руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ!—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ замолчали; видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ; а теперь, кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шептался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой: во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто жъ виноватъ? Зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь, — безъ пищи гаснетъ. Авось ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла: больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла въ самомъ дѣлѣ грозный видъ. Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ; онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!..

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. Я не видалъ ея! Она больна! Ужь не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?.. Какой вздоръ!

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра—часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ—я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю, людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепіано, упершись одной рукой на спинку кресель; эта рука чуть-чуть дрожала. Я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала головой; ея губы хотѣли проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Что съ вами?—сказалъ я, взявъ ея руку.

— Вы меня не уважаете!.. О, оставьте меня!..

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ; глаза ея засверкали.

Я остановился, взявшись за ручку двери и сказалъ:

— Простите меня, княжна! Я поступилъ какъ безумецъ... Этого въ другой разъ не случится; я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте.

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

— Правда ли,—спросилъ онъ,—что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?

— А что?

— Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью; а ужь эти больные такой народъ: все знаютъ!

«Это штуки Грушницкаго»,—подумалъ я.

— Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ..,

— И княжна также?..

— Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...

— Такъ вы не женитесь?..

— Докторъ, докторъ! Посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи...—прибавилъ онъ, хитро улыбаясь,—въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя по крайней мѣрѣ не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь, на водахъ, преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи, и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе — пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужь распущены въ городѣ разные дурные слухи: это Грушницкому даромъ не пройдетъ.

18-го іюня.

Вотъ ужь три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и вижу лорнетъ на ея балконѣ; она давно ужь одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключомъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышетъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно—и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами; и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны; и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи; и постоянный сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно въ запуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужь много каретъ проѣхало по этой дорогѣ—а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ рестораціи, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа.

Грушницкій съ своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ, и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну; рѣшительно —несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

22-го іюня.

Наконецъ они пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты: у меня сердце затрепетало... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?.. Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать...

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно, и не отходитъ отъ дочери... плохо! За то Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ — до-

бился же я этого благополучія. Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинъ трудно убѣдить въ чемъ-нибудь; надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

— Этотъ человѣкъ любитъ меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

— Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ—слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ ужь ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется.

Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ?—«Клевета!»—закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ и женщины ихъ читаютъ (за что имъ глубочайшая благодарность), ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Перона полубогомъ...

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе —

Ума холоднихъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ-же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати: Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». «Только приступи»—говорилъ онъ,—«на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а идти прямо; мало-помалу чудовища исчезаютъ и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!»

— —

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельи, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала, называемая Кольцомъ; это — ворота, образованныя природой; они подымаются на высокомъ холмѣ и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свои послѣдніе, пламенные взгляды. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки, самыя мелкія, опасны особенно тѣмъ, что дно ихъ совершенный калейдоскопъ: каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется—гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что, проѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на срединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. «Мнѣ дурно!» — проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

— Смотрите на верхъ! — шепнулъ я ей: — это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ.

— Что вы со мной дѣлаете?.. Боже мой!..

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ѣхали сзади: никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова — изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

— Или вы меня презираете, или очень любите!—сказала она наконецъ голосомъ, въ которомъ были слезы. — Можетъ-быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! Не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности:—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!..

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите!—продолжала она:—вы, можетъ-быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю ..

Я молчалъ.

— Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ?—отвѣчалъ я; пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужь она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное, на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто первическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе. есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободу. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались.

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

— Господа,—сказалъ онъ,—это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскіе слѣпки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ,—да, трусъ!

— Я думаю то же,—сказалъ Грушницкій.— Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...

— Грушницкій на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну,—сказалъ кто-то.

— Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.

— Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то есть Печоринъ, а не Грушницкій,— а Грушницкій молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ!—сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? Тѣмъ лучше! Хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...

— Хотимъ, только какъ?

— А вотъ слушайте:—Грушницкій на него особенно сердитъ—ему первая роль! Онъ придерется къ какой-нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ и штука... Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это — вызовъ, приготовленія, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе—я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужь я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ—на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано!.. Согласны!.. Почему же нѣтъ?..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій?

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что

если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно:—«Хорошо, я согласенъ!»

Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами Первое было грусть. «За что они всѣ меня ненавидятъ?»—думалъ я.—«За что? Обидѣлъ ли я кого нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?» И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало-по-малу наполняла мою душу. «Берегитесь, господинъ Грушницкій!»—говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ: — «со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!..»

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ покойникъ.

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

— Вы больны?—сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... Я васъ обвиняла... можетъ-быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй—сжальтесь... вы меня не презираете—не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія

— Я вамъ скажу всю истину,—отвѣчалъ я княжнѣ:—не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

— Оставьте меня,—сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... Не оттого ли я презираю и другихъ?.. Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы, на моемъ мѣстѣ, предложилъ княжнѣ son coeur at sa fortune; но надо мною слово жениться—имѣетъ какую-то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь! Мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? Куда я себя готовлю? Чего я жду отъ будущаго?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе. Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли? Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ смерть отъ злой жены; это меня тогда глубоко поразило: въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже.

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ Апфельбаумъ. На дверяхъ ресторація явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія (иначе—въ ресторація); билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются идти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

«Сегодня въ десятомъ часу вечера приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ; я имъ всѣмъ раздала билеты, также

и людямъ княгини.—Я жду тебя; приходи непремѣнно».

А-га!»—подумалъ я—«наконецъ таки вышло по моему».

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо, и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужь нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинѣ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако я, изъ осторожности, обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою; человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась; маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видалъ?—сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О! Я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

— Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?.. А она думаетъ... знаешь ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!..

. . . . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ обшитымъ кружевами; большой пуховый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные непъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо:

— А-га! — сказалъ грубый голосъ: — попался!.. Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!

— Держи его крѣпче! — закричалъ другой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

— Воры! Карауль!..—кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

— Печоринъ! Вы спите? Здѣсь вы?.. — закричалъ капитанъ.

— Сплю,—отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте!—воры... черкесы...

— У меня насморкъ, — отвѣчалъ я: — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бы еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога, между тѣмъ, сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ — и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ.

Выпивши положенное число стакановъ Нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только-что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. «Какъ она перепугалась нынче ночью!»—говорилъ онъ:—«вѣдь надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи». Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ, и слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы?—сказалъ кто-то.—Видѣлъ ли ихъ кто-нибудь?

— Я тебѣ разскажу всю исторію,—отвѣчалъ Грушницкій,—только пожалуйста не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, если бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но ослѣпленный ревностью, онъ и не подозрѣвалъ ея.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ Грушницкій:—мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ—ужь Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что за колонной,—наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто-то съ балкона... Какова княжна?—а? Ну, ужь признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

— Вы не вѣрите?—продолжалъ онъ:—даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто же онъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ,—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза — я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужь дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

— Прошу васъ,—продолжалъ я тѣмъ же тономъ:—прошу васъ сейчасъ же отказаться отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка, и рискуете жизнію.

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была не продолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что говорю, такъ я это думаю, и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Послѣднее вы ужь доказали,—отвѣчалъ я ему холодно, и взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно?—спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали,—отвѣчалъ онъ:—я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ; я былъ съ нимъ вчера ночью,—прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?..

Онъ пожелтѣлъ, поблѣднѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта,—прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторація я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, съ слезами на глазахъ.—Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!.. Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры до времени,—продолжалъ онъ.—Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру; засталъ его дома и разсказалъ ему все—отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ—подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но ни мало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ, точно, есть заговоръ,—сказалъ онъ.—Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ... «Ни за что не соглашусь!»—говорилъ Грушницкій:—«онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...»—«Какое тебѣ дѣло?»—отвѣчалъ капитанъ:—«я все беру на себя. Я былъ секундантомъ на пяти дуэляхъ, и ужь знаю какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Пострашать не худо. А за чѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?..»—Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полчаса послѣ ихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ—этого требовалъ самъ Грушницкій. Убитаго—на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то-есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіятской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, неблагородитъ своихъ товарищей. Какъ вы думаете: должны ли мы показать имъ, что догадались?

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Это моя тайна.

— Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ!

— Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей звать меня къ княгинѣ— я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій... и тогда... тогда... что, если его счастье перетянетъ? если моя звѣзда наконецъ мнѣ измѣнитъ?.. И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Чтожъ? умереть, такъ умереть! Потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужь скучно. Я—какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А вѣрно, она существовала, и вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жад-

ностью, поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья—и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ, въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ-быть, я завтра умру!.. и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ.... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь—изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!.. Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу:—смѣшно! Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій, и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

Я помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго: тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были: «Шотландскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлъ въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!..

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ эту маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

— Отчего вы такъ печальны, докторъ?—сказалъ я ему.—Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть и могу умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной—и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ; Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились—мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой, и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе свѣжаго и блестящаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню—въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе?—вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите-ли, докторъ,—отвѣчалъ я ему,—чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли, я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого.—Друзья, которые завтра меня забудутъ, или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему—Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей—и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть-можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?.. Посмотрите, докторъ: видите ли вы на скалѣ, направо, чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ, были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

— Мы давно ужь васъ ожидаемъ,—сказалъ драгунскій капитанъ съ иронической улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно.

— Я готовъ,—сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ его было какое-то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условія,—сказалъ онъ:—и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены...

— Вотъ мои условія: вы нынче же публично откажитесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія...

— Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?..

— Чтожъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?..

— Мы будемъ стрѣляться.

Я пожалъ плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я такъ увѣренъ въ противномъ...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ:—вы вѣрно забыли про ихъ заговоръ?.. Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе—и они не посмѣютъ... Что за охота? подстрѣлятъ васъ, какъ птицу...

— Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться...

— Господа! это становится скучно,—сказалъ я имъ громко:—драться, такъ драться, вы имѣли время вчера наговориться...

— Мы готовы,—отвѣчалъ капитанъ.—Становитесь, господа! Докторъ извольте отмѣрить шесть шаговъ...

— Становитесь!—повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

— Позвольте!—сказалъ я:—еще одно условіе; такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ

краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ и разобьется въ дребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй!—сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой, въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или наконецъ оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ.—Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали, но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой.—Ты дуракъ!—сказалъ онъ Грушницкому довольно громко:—ничего не понимаешь!.. Отправимтесь же, господа!

Узкая тропинка вела между кустарниками на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты, а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь,—сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку. — Дайте пощупать пульсъ!.. Ого!.. лихорадочный!.. но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, если бъ его секунданты не поддержали.

— Берегитесь!—закричалъ я ему: — не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря!

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыхъ ужь бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ; голова чуть-чуть у меня не закружилась: тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣряли шесть шаговъ, и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія—и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

— Бросьте жребій, докторъ! — сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и подялъ ее кверху.

— Рѣшетка! — закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

— Орелъ!—сказалъ я.

Монета взвилась и упала, звеня; всѣ бросились къ ней.

— Вы счастливы, — сказалъ я Грушницкому: — вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь—даю вамъ честное слово.

Онъ покраснѣлъ; ему было стыдно убить человѣка безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?.. Ему оставалось одно средство—выстрѣлить на воздухъ. Я былъ увѣренъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ. Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

— Пора!—шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ:—если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ ужь заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ,—отвѣчалъ я, удерживая его за руку:—вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— О, это другое!.. только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнувъ ему что-то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонился немного напередъ, чтобы въ случаѣ легкой раны не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣни его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ.

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

— Не могу,—сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Трусъ!—отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣй удалиться отъ края.

— Ну, братъ Грушницкій, жаль, что промахнулся! — сказалъ капитанъ. — Теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужь не увидимся! — Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха.—Не бойся,— прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго:—все вздоръ на свѣтѣ... Натура—дура, судьба—индѣйка, а жизнь—копѣйка!

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто. Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить какъ собаку, ибо раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу,—сказалъ я ему.

— Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ васъ прошу: стрѣляйте скорѣе.

— И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? Не просите у меня прощенія?.. Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего-нибудь совѣсть!

— Господинъ Печоринъ!—закричалъ драгунскій капитанъ:—вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе; неравно кто-нибудь проѣдетъ по ущелью—и насъ увидятъ.

— Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! Онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій, десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ:

— Докторъ, эти господа, вѣроятно въ торопяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова—и хорошенько!

— Не можетъ быть!—кричалъ капитанъ:—не можетъ быть! Я зарядилъ оба пистолета: развѣ что изъ вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! А вы не имѣете права переряжать... никакого права... это совершенно противъ правилъ; я не позволяю...

— Хорошо!—сказалъ я капитану: если такъ, то мы будемъ [съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ...

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ!—сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора.—Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки: —Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ же ты, братецъ!—сказалъ онъ: —пошлый дуракъ!.. Ужь положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По дѣломъ же тебѣ! Околѣвай себѣ какъ муха...—Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ:—«А все-таки это совершенно противъ правилъ»

— Грушницкій!—сказалъ я,—еще есть время: откажись отъ своей клеветы и я тебя прощу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали...

— Стрѣляйте!—отвѣтилъ онъ:—я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ тѣсно...

КНЯЖНА МЕРИ

...и вотъ онъ остался одинъ противъ меня..

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю обрыва...

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— Finita la comedia!—сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся. Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза...

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой; у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая до слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ: я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужь солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ, и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

«Все устроено какъ можно лучше: тѣло привезено обезображенное; пуля изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...»

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?.. Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично: я не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это—не правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: я обязана сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя — ты поступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчина: ты любилъ меня какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣясь, что когда-нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла.

«Мы разстаемся навѣки; однако ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя, не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! Но въ твоей природѣ есть что-то особенное — тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

«Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего поспѣшнаго отъѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

«Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про твою ссору съ Грушницкимъ. Видно, я очень перемѣнилась въ лицѣ, потому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза; я едва не упала безъ памяти при мысли, что ты нынче долженъ драться и что я этому причиной; мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Но теперь, когда я могу разсуждать, я увѣрена, что ты останешься живъ: невозможно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой мужъ долго ходилъ по комнатѣ: я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что подъ конецъ нашего разговора онъ оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала какъ онъ велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужь три часа, какъ я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь умереть?.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла—но что за нужда? Если бъ я могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить—не говорю ужь

любить — нѣтъ, только помнить... Прощай; идутъ... я должна спрятать письмо...

«Не правда ли, ты не любишь Мери? Ты не женишься на ней?—Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!.. При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ— дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшенные замыслы роились въ [illegible] моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно.—И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два ужь споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ—казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если бъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ. Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ; хочу поднять его, дергаю за поводъ—напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; чрезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ идти пѣшкомъ—ноги мои подкосились: изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе—исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно?— ее видѣть? — зачѣмъ? Не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ однако пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ-быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! Это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ вѣроятно, если бъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужь было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ — и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее окнающихъ, мелькали огни въ строеньяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ: лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ, противъ обыкновенія, не протянулъ мнѣ руки.

— Откуда вы, докторъ?

— Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна— разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается и, хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичокъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ рестораціи. Я пришелъ васъ предупредить.—Прощайте. Можетъ-быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда-нибудь.

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и если бъ я показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился бы мнѣ на шею, но я остался холоденъ, какъ камень—и онъ вышелъ.

Вотъ люди! Всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другого средства — а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тя-

гость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я сказать что-нибудь особенно важное, я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

— А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьёзно.

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлыя ея пальцы стучали по столу; наконецъ она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушайте, мсьё Печоринъ, я думаю, что вы благородный человѣкъ.

Я поклонился.

— Я даже въ этомъ увѣрена, — продолжала она: — хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно, но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее — слѣдственно рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкій убитъ (она перекрестилась). Богъ ему проститъ — и, надѣюсь, вамъ также!.. Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю все: вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей (тутъ княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она не признается, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ-быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства—разувѣрьтесь, я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться: вы имѣете состояніе: васъ любитъ дочь моя; она воспитана такъ, что составитъ счастіе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?.. Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь — вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала...

— Княгиня, — сказалъ я: — мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...

— Никогда!—воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

— Какъ хотите,—отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась и вошла она. Боже! Какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее—а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до кресель.

Я сталъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться, ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣнахъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна,—сказалъ я: — вы знаете, что я надъ вами смѣялся?.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ погасъ болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ:—Слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой!—произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою: — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бы вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: мнѣ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь — вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

— Я васъ ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня чрезъ Кисловодскъ. За нѣсколько верстъ отъ Е...

туковъ, я узналъ близъ дороги трупъ моего лихого коня; сѣдло было снято, вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мысленно прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни манитъ его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающій къ пустынной пристани

ФАТАЛИСТЪ.

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у маіора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказываетъ, — сказалъ старый маіоръ, — вѣдь никто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія!

— Конечно, никто,—сказали многіе:—но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

— Все это вздоръ! — сказалъ кто-то: — гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?.. И если точно есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный носъ — принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его—все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ: за молодыми казачками—которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ—онъ никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда ей объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. «Поставь на-банкъ! — кричалъ Уличъ, не подымая головы, одному изъ самыхъ горячихъ понтёровъ. — Идетъ семерка, — отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Несмотря на всеобщую суматоху, Уличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была уже сильная перестрѣлка. Уличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтера.

— Семерка дана!—закричалъ онъ, увидѣвъ его наконецъ въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ, и отдалъ ихъ счастливцу, несмотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Уличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа!—сказалъ онъ (голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго):— господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать

на себѣ: можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ! — раздалось со всѣхъ сторонъ. — Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!..

— Предлагаю пари, — сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія, — сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ — все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу, — отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ. — Маіоръ, вы будете судьею: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите [illegible] къ этимъ.

— [illegible], — [illegible] — [illegible] понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?..

Вуличъ молча вышелъ въ спальню маіора, [illegible] за нимъ [illegible]. Онъ [illegible] къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и на удачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе! — закричали ему.

— Господа! — сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку: — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его [illegible], несмотря на его хладнокровіе мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣд[illegible]. [illegible] — [illegible] воины подтверждали мое замѣчаніе — что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ... — Потомъ, обратясь къ маіору, спросилъ: — заряженъ ли пистолетъ? — Маіоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ! — закричалъ кто-то: — ужь вѣрно заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!..

— Глупая шутка! — подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ! — закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія. — Послушайте, — сказалъ я: — или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать.

— Разумѣется, — воскликнули многіе, — пойдемте спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ [illegible]! — [illegible]ъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

[illegible] будто окаменѣли. — Господинъ Печоринъ, — прибавилъ онъ, — возьмите карту и бросьте вверхъ.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно; въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... осѣчка!

— Слава Богу! — вскрикнули многіе: — не заряженъ...

— Посмотримъ, однакожъ, — сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ; выстрѣлъ раздался — дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что вѣроятно полка была засорена; другіе говорили [illegible], что прежде порохъ былъ сырой и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе не[illegible]ливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

— Вы счастливы въ игрѣ! — сказалъ я Вуличу...

— Въ первый разъ отъ роду, — отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь: — это лучше банка и штосса.

— За то немножко опаснѣе.

— А что? Вы начали вѣрить предопредѣленію?

ФАТАЛИСТЪ

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста!—сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу...

— Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...

Этотъ же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

— Однакожъ довольно!—сказалъ онъ, вставая:—пари наше кончилось и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...

Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ—и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы, мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія нибудь вымышленныя права. И чтожъ? Эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но зато какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя пѣмымъ, но неизмѣннымъ!.. А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?.. Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души, и постоянство воли, необходимое для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю наѣрное, вѣрю ли я теперь въ предопредѣленіе или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ; доказательство было разительно и я, несмотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею: но я остановилъ себя во-время на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не вѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но повидимому не живое. Наклоняюсь — мѣсяцъ уже свѣтилъ прямо на дорогу — и что же? передо мной лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, котораго гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его пѣстовой храбрости.

— Экой разбойникъ!—сказалъ второй казакъ — какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ Ефимычъ; надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ большею осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у [illegible] литки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. «Прощай, Настя!»—сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать бо-

лѣе обыкновеннаго. Ужь востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?..

Вставай, одѣвайся!» — кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ. «Знаешь, что случилось?» — сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть.

— Что?

— Вуличъ убитъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да, убитъ! — продолжали они. — Пойдемъ скорѣе.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній насчетъ странности предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубивши свинью и, можетъ-быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, еслибъ Вуличъ, вдругъ остановясь, не сказалъ: «Кого ты, братецъ, ищешь?» — Тебя! — отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи, и сказалъ только два слова: «Онъ правъ!» — Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мои пистолеты не обманули меня, и точно прочелъ на его помутившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы: мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по-временамъ, отдѣльный казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣжалъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, причитывая и причитывая. Среди ихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по-временамъ шевелились... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ, надо было на что-нибудь

шиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня: блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ маіору, что напрасно онъ не велитъ выломать двери и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ, — сказалъ есаулъ, — такъ ужь нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь! — отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужь коли грѣхъ твои тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричалъ казакъ грозно, и слышно было какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

— Эй, тетка! — сказалъ есаулъ старухѣ: — поговори сыну, авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужь два часа дожидаются.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

— Василій Петровичъ, — сказалъ есаулъ, подойдя къ маіору: — онъ не сдастся — я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? Въ ставнѣ щель широкая.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

— Погодите, — сказалъ я маіору: — я его возьму живого.

Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

— Ахъ, ты окаянный! — кричалъ есаулъ: — что ты надъ нами смѣешься, что ли? али думаешь, что мы съ тобой не совладаемъ? — Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія — и вдругъ оторвалъ ставень и бросился

въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ; но дымъ, наполнивши комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались и, не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся; офицеры меня поздравляли — и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?.. И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ, или промахъ разсудка!.. Я люблю сомнѣваться во всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что для меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится—а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожедалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

— Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!.. Впрочемъ, эти азіатскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны, или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ: онъ какъ-то нашему брату неприличны: прикладъ маленькій—того и гляди, носъ обожжетъ... Зато ужь шашки у нихъ — просто, мое почтеніе!

Потомъ онъ промолвилъ, нѣсколько подумавъ:

— Да, жаль бѣднягу... Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!.. Впрочемъ, видно ужь такъ у него на роду было написано!..

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

АШИКЪ-КЕРИБЪ

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Давно тому назадъ, въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ бѣдный [illegible]. Богатый [illegible] далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небесахъ, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ. Играя на саазѣ (балалайкѣ) и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидалъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и наконецъ заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидавъ спящаго Ашика (балалаечника), отстала и подошла къ нему. «Что ты спишь подъ виноградникомъ», — запѣла она, — «вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо». Онъ проснулся: дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. «Если бъ ты знала», — отвѣчала та, — «кому я пѣла эту пѣсню, не бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ-Керибъ». — «Веди меня къ нему!» — сказала Магуль-Мегери, и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — «Какъ мнѣ не грустить», — отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ, — «я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею!» — «Проси мою руку у отца моего», — говорила она: — «и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ». — «Хорошо», — отвѣчалъ онъ, — «положимъ, Аллахъ-Ата [illegible] не пожалѣетъ для своей дочери; но [illegible], что после ты не будешь мною [illegible] въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ [illegible] обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я [illegible] далъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который уже давно за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. — «Добрый путь!» — кричалъ ему бекъ, — «куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ». Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать.

Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни брода. — «Плыви впередъ», — сказалъ Куршудъ-бекъ, — «я за тобою послѣдую». Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршудъ-бекъ, взявъ его одежду, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ; только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю.

Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. — «Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ», — говоритъ онъ, — «вотъ его одежда». Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ паре-

ченной невѣстѣ своей, Магуль-Мегери.—«Мой сынъ утонулъ»,—сказала она ей:—«Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала:—«Не вѣрь: это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ». Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Керіба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, [illegible] до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили—ни одинъ ему не понравился. Его чауши [illegible] чились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ Они туда. «Иди съ нами къ великому пашѣ»,—закричали они,—«или ты отвѣчаешь намъ головою».—«Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса»,—говоритъ Ашикъ-Керибъ:—«хочу—пойду, хочу—нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ». Однако, несмотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. «Пой!»—сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ понравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Керіба. Посыпалось къ нему серебро и золото, забѣгали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ—не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ не готовился къ отъѣзду.

Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. Въ то время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо.—«Возьми ты это блюдо»,—говоритъ она,—«и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его и, вдобавокъ, вѣсъ его золотомъ».

Отправился купецъ; вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери, но никто не при[illegible] хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ прод[illegible] почти всѣ свои товары и пріѣхалъ [illegible] съ ост[illegible] ными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца.—«Это мое!»—сказалъ онъ, схвативъ его рукою.—«Точно твое»,—сказалъ купецъ:—«я [illegible] налъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай же скорѣе въ Тифлисъ: твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другого». Въ отчаяніи, Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ, измученный бѣгунъ упалъ безъ [illegible] на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что [illegible] два мѣсяца ѣзды, а ос[illegible] —«Аллахъ всемогущій!»—воскликнулъ онъ.—«если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!» И хочетъ онъ броситься с[illegible] сокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ, и слышитъ громкій голосъ:—«Огланъ (юноша), что ты хочешь дѣлать?»—«Хочу умереть»,—отвѣчалъ Ашикъ.—«Слѣзай же сюда, если такъ, я тебя убью». Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса.—«Ступай за мною»,—сказалъ грозно всадникъ.—«Какъ я могу за тобою слѣдовать»,—отвѣчалъ Ашикъ:—«твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою».—«Правда. Повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй». Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать.—«Чтожъ ты отстаешь?»—спросилъ всадникъ.—«Какъ же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ».—«Правда. Садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?»—«Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче»—отвѣчалъ Ашикъ.—«Закрой же глаза».—Онъ закрылъ.—«Теперь открой». Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума.—«Виноватъ, Ага»,—сказалъ Ашикъ:—«я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо ѣхать въ Карсъ».—«То-то же!»—отвѣчалъ всадникъ,—«я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ:—«Виноватъ, Ага, трижды вино[illegible] твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты [illegible] что если человѣкъ рѣшился лгать съ у[illegible] долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по[illegible] надо въ Тифлисъ».—«[illegible] сказалъ сердито всадникъ:—«но, нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой»,—

приблизились они по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиза. Принеся искреннюю благодарность и снимая суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: — «Ага, конечно, благодѣяніе твое велико; но сдѣлай еще больше. Если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзрума въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое-нибудь доказательство».— «Наклонись»,—сказалъ тотъ, улыбнувшись, — «и возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху, и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза—и она увидитъ». Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову — всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель былъ не кто иной, какъ Хадериліазъ (св. Георгій).

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря:—«Ана, ана (мать), отвори! Я—Божій гость, и холоденъ и голоденъ: прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня». Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: — «Для ночныхъ путниковъ есть домы богатыхъ и сильныхъ, есть теперь въ городѣ свадьбы—ступай туда: там можешь провести ночь въ удовольствіи». — «Ана»,—отвѣчалъ онъ:—«я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына, впусти меня!» Тогда сестра его говоритъ матери. — «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная! —отвѣчала старуха:—ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе». Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила дверь и впустила Ашикъ-Кериба.

Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: — «Что виситъ у тебя на стѣнѣ?» — Любопытный ты гость», — отвѣчала она;—«будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ». — «Я ужъ сказалъ тебѣ!»—возразилъ онъ,—«что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?»—«Это саазъ, саазъ», — отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему.—«А что значитъ саазъ?»—«Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни». И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему.—«Нельзя»,—отвѣчала старуха:—«это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ и ничья живая рука до нея не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву:—«О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ также стройна, какъ въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней!» И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ, и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть:—«Я бѣдный Керибъ [illegible], и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутого утеса. Хотя я бѣденъ, и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника».

Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: — «Какъ тебя зовутъ?» — «Рашидъ (простодушный)», — отвѣчалъ онъ. — «Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ», — сказала она: — «своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ уже семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ. Скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: — «Позвольте, матушка, взять саазъ и идти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба; сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами». — «Не позволю»,—отвѣчала старуха:—«съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому». Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны.—«А если хоть одна струна порвется»,—продолжалъ Ашикъ,—«то отвѣчаю моимъ имуществомъ». Старуха ощупала его суму и, узнавъ, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой (занавѣсомъ) съ своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ:—

«Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ позвольте мнѣ, бѣдному страннику, рѣсть съ вами, и зато я спою вамъ пѣсню».— «Почему же нѣтъ?»—сказалъ Куршудъ-бекъ.— «Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, потому что здѣсь свадьба. Спой же что-нибудь, ашикъ (пѣвецъ), и я отпущу тебя съ полной горстью золота».

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его:—А какъ тебя зовутъ, путникъ?» — «Шиди-гёруресез (скоро узнаете)».—«Что это за имя?»—воскликнулъ тотъ со смѣхомъ:—«я въ первый разъ такое слышу».—«Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: шиди-гёруресез (скоро узнаете). И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя». Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

— «Въ городѣ Халафѣ я пилъ императорское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья и я прилетѣлъ сюда въ три дня».

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ кинжалъ, воскликнувъ:—«Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня?

— «За чтожъ ты меня хочешь убить?» — сказалъ Ашикъ.—«Пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте».

— «Пускай продолжаетъ»,—сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

— «Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской долинѣ, полуденный намазъ — въ городѣ Арзерумѣ; предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ, и вечерній намазъ — въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ (Господь нашъ) далъ Ашику крылья, и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую.—«Такъ-то ты сдержала свою клятву»,—сказала ея подруга:—«стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?» — «Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ»,—отвѣчала Магуль-Мегери и, взявъ ножницы, отрѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею и объ[illegible] чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на [illegible] съ кинжаломъ, намѣреваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, примолвивъ: «Успокойся и знай, что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ».

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

— «Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ»,—сказалъ женихъ:—«но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?»—«Въ доказательство истины»,—отвѣчалъ Ашикъ:—«сабля моя перерубитъ камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите ко мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видѣла свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе».

Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери.—«Матушка!»—закричала она:—«это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ!»—и, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда Ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя:—«Знайте всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадериліазъ!»—и мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашикъ-Керибъ сказалъ ему:—«Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя, и будьте такъ же счастливы, какъ я съ моей дорогою Магуль-Мегери».

ДВѢ НЕОКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

I.

У графини В*** былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три модныя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ, и одинъ гвардейскій офицеръ; около десятка доморощенныхъ львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ; было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ, пришпиленный къ голубому банту, сверкалъ бриллiантовый вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движенiяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на лицѣ сіяла печать мысли.

— Здравствуйте, мсье Лугинъ, — сказала Минская кому-то. — Я устала... Скажите что-нибудь.

И она опустилась въ широкое пате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывало ясно, что онъ не принадлежалъ къ числу ея обожателей.

— Скучно! — сказала Минская и снова зѣвнула. — Вы видите, я съ вами не церемонюсь, — прибавила она.

— И у меня сплинъ!.. — отвѣчалъ Лугинъ.

— Вамъ опять хочется въ Италію, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — не правда ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

— Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми— и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галереѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все остальное какъ и прежде: одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора,—сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплинъ!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить.

— Въ кого?

— Хоть въ меня.

— Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно, и потому скажу вамъ откровенно: ни одна женщина не любитъ меня.

— А эта... какъ бишь ее? итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?..

— Вотъ видите, — отвѣчалъ задумчиво Лугинъ: — я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ точно случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю,

что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: «могу ли я влюбиться въ дурную?» Вышло: нѣтъ; я дуренъ и, слѣдственно женщина меня любить не можетъ—это ясно. Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости. Все это грустно, а правда!..

— Какой вздоръ!—сказала Минская, но, [illegible] нувъ его острымъ взглядомъ, [illegible] нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ почти не привлекательна, несмотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія. Во всемъ его существѣ вы не встрѣтили бы ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ, говорилъ рѣзко и отрывисто, большіе и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица—признаки постояннаго и тайнаго недуга—дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лѣчился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылѣчился, но по крайней мѣрѣ нашелъ средство развлекаться съ пользою: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ всегда дышало какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ изъ сердца его первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской. Ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился и оба, казалось, заслушались [illegible]. Минская пѣла балладу Шуберта на слова Гете «Лѣсной царь». Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

— Куда вы?—спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Онъ опять сѣлъ.

— Знаете ли,—сказалъ онъ съ какою-то важностью,—что я начинаю сходить съ ума?

— Право?

— Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: [illegible] надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ: кто-то [illegible] мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и—[illegible] какъ вы думаете, что—адресъ. Вотъ и тепе[illegible]

[illegible] потира нумеръ 27». и такъ шибко, шибко [illegible] точно торопится... Несносно!..

Онъ поблѣднѣлъ, но Минская этого не замѣтила.

— Вы, однако, не видите того, кто говоритъ?—спросила она разсѣянно.

— Нѣтъ; но голосъ з[illegible] онкій, рѣзкій дискантъ.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? Я не могу сказать навѣрное... не знаю.. вотъ что, право, презабавно!—сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ушахъ звенитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться?

— Самое лучшее средство,—сказала Минская, подумавъ съ минуту:—идти къ Кокушкину мосту, отыскать этотъ нумеръ, и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой-нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то для приличія закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... Вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы...—прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ угрюмо Лугинъ:—я непремѣнно пойду.—Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ съ удивленіемъ

II.

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; [illegible] казались грязны[illegible] зелены; извозчики на бирж[illegible] рыжими полостями своихъ саней; мокрая, длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась ба-

рашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ какой-то сѣро-лиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ напримѣръ, у Кокушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто, и вообще одѣтый со вкусомъ. Легко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости видѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство.

— Гдѣ Столярный переулокъ?—спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извозчика, который въ ту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извозчикъ посмотрѣлъ на него, хлыстнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. — «Ужь полно есть ли Столярный переулокъ?»—Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

— Столярный?—сказалъ мальчикъ:—а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо, первый переулокъ и будетъ Столярный.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидѣлъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ: — гдѣ домъ Штосса?

— Штосса? Не знаю, баринъ; здѣсь этакихъ нѣтъ, а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...

— Да мнѣ надо Штосса...

— Ну, не знаю!.. Штосса? — сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ, и потомъ прибавилъ:—нѣтъ, не слыхать-съ?

Лугинъ самъ пошелъ смотрѣть надписи: что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда увидетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка и ни одна надпись ни чѣмъ не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи. Онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и, сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи; доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно небритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

— Эй, дворникъ!—закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Чей это домъ?

— Проданъ!—отвѣчалъ грубо дворникъ.

— Да чей онъ былъ?

— Чей?—Кифейкина, купца.

— Не можетъ быть! вѣрно Штосса!—вскрикнулъ невольно Лугинъ.

— Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса, — отвѣчалъ дворникъ, не поднимая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ будто предчувствуя несчастіе. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои изслѣдованія? Не лучше ли во-время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сорошенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя видимъ ожидающую насъ бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами, наконецъ обратился къ дворнику съ вопросомъ:

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же?

— А чортъ его знаетъ!

— Ты ужь давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— А есть въ этомъ домѣ жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуйста, — сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый:—кто живетъ въ 27 нумерѣ?

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

— Въ 27 нумерѣ?.. Да кому тамъ жить? Онъ ужь Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.

— Развѣ его не нанимали?

— Какъ не нанимать, сударь, нанимали?

— Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...

— А Богъ ихъ знаетъ! такъ-таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.

— Ну, а кто же послѣдній нанималъ?

— Полковникъ, изъ инженеровъ, что ли?

— Отчего же онъ не жилъ?

— Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его послали въ Вятку—такъ нумеръ пустой за нимъ и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде его было нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.

— А прежде барона?

— Нанималъ купецъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...

«Странно!»—подумалъ Лугинъ.

— А можно посмотрѣть нумеръ?

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

— Какъ нельзя? Можно! — отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь, за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попуги и золотыя лиры, изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще комнаты имѣли какую-то странную, несовременную наружность. Она, не знаю почему, понравилась Лугину.

— Я беру эту квартиру, — сказалъ онъ.— Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри сколько паутины!.. да надо хорошенько вытопить. — Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими, сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, руки, перстни — все было очень плохо сдѣлано; за то въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ, или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу — вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашомъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій — и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе—и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только генію или случаю.

«Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру?»—подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресло, опустилъ голову на руку и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

— Чтожъ, баринъ? — проговорилъ онъ наконецъ.

— А?

— Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостиницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

«Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить!» — думалъ Лугинъ: — «моимъ предшественникамъ, видно, не суждено было въ нее перебраться—это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!.. Чтожъ? — ничего».

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... Надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, чтобъ лечь спать, онъ подошелъ со свѣчей къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: середа.

— Какой нынче день?—спросилъ онъ Никиту.

— Понедѣльникъ, сударь...

— Послѣ завтра середа,—сказалъ разсѣянно Лугинъ...

— Точно такъ-съ.

Богъ знаетъ, почему Лугинъ на него разсердился.

— Пошелъ вонъ!—закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головой и вышелъ. Послѣ того Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и [illegible] картинъ.

III.

Въ числѣ неоконченныхъ картинъ, большею [illegible] Посреди холста неочерченная [illegible] бы вниманіе знатока; но, несмотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ-быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ —женщину ангела—причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько нибудь испыталъ жизнь. Однако, есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ несчастныхъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что [illegible] страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ—это правда, однако [illegible] находили даже выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степени [illegible] сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія посторонніе и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ; но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу, любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, ничего особеннаго съ Лугинымъ не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ рисовать — кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать — взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчъ и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣти[illegible] вдругъ на [illegible] [illegible]рала шарманка; она играла какой-то ста[illegible] вальсъ. Лугинъ слушалъ, слу[illegible]лъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ: небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной и истинной— и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ чѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него—сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся; ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла, глаза его не могли оторваться отъ двери. «Кто тамъ?»—вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто [illegible] туфли; известка посыпалась съ печи [illegible]. «Кто это?» — повторилъ онъ сла[illegible] голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежь, въ ней показалась фигура въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сгорбленный старичокъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его,

блѣдное и длинное было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ Лугина, другую передъ собой, и улыбнулся.

— Что вамъ надобно? — сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незваннаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

— Это несносно! — сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичокъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съеживался, наконецъ, принялъ прежній видъ.

«Хорошо», — подумалъ Лугинъ: — «если это привидѣніе, то я ему не поддамся».

— Не угодно ли, я вамъ промечу штоссъ?— сказалъ старичекъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

— А на что же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе). А если хотите,—продолжалъ онъ:—я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ.

Старика эта шутка ни мало не сконфузила.

— У меня въ банкѣ вотъ это! — отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

— Это?—сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво.—Что это?

Возлѣ него лежало что-то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Мечите! — потомъ сказалъ онъ, оправившись и, вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту.—Идетъ, темная.

Старичокъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она съ-онька была убита; старичокъ протянулъ руку и взялъ золотой.

— Еще талью!—сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

— Что же это значитъ?

— Въ середу,—сказалъ старичокъ.

— А, въ середу!—вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ.—Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу! завтра или никогда! Слышишь ли?

Глаза страннаго гостя засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

— Хорошо!—наконецъ сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась, въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли и мало-по-малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молотомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. «Однакожъ я не поддался ему!» — говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить: — «Переупрямилъ! Въ середу! какъ бы не такъ! что я за сумасшедшій! Это хорошо!.. очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается... А какъ похожъ на этотъ портретъ!.. ужасно, ужасно похожъ!.. А! теперь я понимаю!..»

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, проспалъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера.

«Однако я не посмотрѣлъ хорошенько [illegible], что у него въ банкѣ!» — думалъ онъ:—«вѣрно что-нибудь [illegible]».

Когда наступила полночь, онъ всталъ съ своего кресель, вошелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичокъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнетическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

— Позвольте!..—сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду.

Старичокъ сидѣлъ неподвиженъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?.. Позвольте... да!..

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ [illegible] проговорилъ:

— Хорошо... я съ вами буду [illegible]... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

Старичокъ улыбнулся.

— Я иначе не играю,—проговорилъ Лугинъ; а межъ тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

— Что-съ? — проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

— Штосъ? — У Лугина руки опустились, онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя что-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, стыдливое прикосновеніе. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ, онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобы [illegible] его проиграть душу. То было чудное и божественное видѣніе: склонясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнатъ, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго и [illegible]аменной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства; то не былъ также пустой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда... то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ на колѣняхъ и плачемъ, и молимъ, и радуемся, Богъ знаетъ чему; одно изъ тѣхъ божественныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ для себя новую природу, лучше и полнѣе той, къ которой она прикована!

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичокъ сталъ метать: карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

— Завтра!—сказалъ Лугинъ.

Старичокъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія, и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась. Всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ: онъ былъ увѣренъ, что наконецъ хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ — свиданія, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она—не знаю какъ назвать ее—она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ: казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: «смѣлѣе, не унывай духомъ, подожди: я буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю!»—и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тѣнію ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что-нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился..,

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видѣли и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большого свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли—и слава Богу! потому что, иначе, я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая, пріятельницы—что она преглупенькая, соперницы—что она предобрая, молодыя женщины—что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность; иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ не достаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что, хотя она вовсе не хороша, но непзъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. При томъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень—да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ, послѣ этихъ строкъ, закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на-дняхъ, тогда какъ съ бо́льшею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни и забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволнованному сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже вѣрно другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть, они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиной, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ—возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинаковыя дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ и, порой, двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать—и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора—признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!..

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвочекъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ кристалловой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ, потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ презбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но—увы! никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію!..

ВАДИМЪ

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

(юношеская повѣсть).

Глава I

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечернѣ; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантіи съ шорохомъ обметали пыль вслѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладона трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣснились вокругъ сѣрыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости богомольцевъ, они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посконныхъ мѣшкахъ; это были люди, отвергнутые природой и обществомъ (только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природой); это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надеждъ, олицетворенные упреки Провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющія ни одной добродѣтели потому, что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ колѣняхъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: нищета! Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ!

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ—онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на расписанныя святыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ, какъ лобъ ученаго, мраченъ, какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы тонкія, блѣдныя были растягиваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ, и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда; они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастіе — демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ: въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную,—его душа еще не жила по настоящему, но собирала всѣ свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ, сложа руки, и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими

красками на св. вратахъ, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: «если-бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!.. Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти».

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами: все было согласно въ чергахъ нищаго, одна страсть владѣла его сердцемъ или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью,—но за то совершенно!

— Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Христа ради копѣечку! — раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, обернулся — и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына, не больше.

Глава II.

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, запрятанныя въ огромные сапоги, производили непріятный звукъ, ступая на пыльные камни; онъ шелъ съ важностью, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливые нищіе обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобострастіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, оттолкнувъ нищихъ, воскликнулъ: «прочь вы, лѣнтяи!—экіе молодцы, а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію,—только чуръ, не перекусайтесь за него».

Между тѣмъ горбатый нищій, молча, приблизился и устремилъ яркіе черные глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ остановившаяся молнія, и человѣкъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать ему тѣмъ же, какъ будто свинцовая печать тяготѣла на его вѣкахъ: если магнетизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнетизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. «Что тебѣ надобно?»

— Очень мало. Я хочу работы...

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣднякъ нимало не смутился и остался хладнокровенъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца,—нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ мѣткости руки своей.

— Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенести труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ.

Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть, какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

— Хочешь ли быть моимъ слугою?

Нищій нагнулся, въ одну минуту принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя; изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ,—ужели даромъ? И какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность,—воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

— Твое имя?

— Вадимъ.

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлыя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

— Слѣдуй за мной! — сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ оттѣнковъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижный памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

Глава III.

Поздно, поздно вечеромъ пріѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его громкимъ лаемъ, и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ, шумя, качалъ ветелки, насажденныя вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ быть

что-нибудь получше. Палицынъ взошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, окошницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусѣ XVIII-го вѣка: разноцвѣтные обои, три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канапе; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печьми, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный въѣздъ Петра I-го въ Москву послѣ Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ. Добрая женщина!.. жирѣть, зѣвать, бранить служанокъ, приказчика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ .. какая завидная жизнь!.. и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ оплакивать ея кончину... и будутъ помнить ее, и хвалить ея ангельскій нравъ, и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнить съ нею наши бури, поглощающія цѣлые годы и, что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человѣка, какъ листья съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны (такъ я назову жену Палицына) сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница. Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густою тѣнью, и только, когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а на-яву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя косы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза, и тогда выходила на свѣтъ бѣлая рука съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ вошелъ; обѣ встали. — Я привезъ новаго холопа, — сказалъ онъ. — Кладъ!.. нищій, который захотѣлъ работать... Онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ... это видно по лицу... но за то будетъ послушенъ... вотъ ты увидишь сама... Эй, Вадимка!.. живо! — Вошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... «Какой уродъ!» — воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ — его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ, и вовсе забылъ о нищемъ; онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? онъ открылъ новую страну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ онъ простоялъ, никто не замѣтилъ. Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату, и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

— Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?

— Уродъ! — отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то похожее на скрежетъ зубовъ. — Охота приводить такихъ пугалъ, — продолжала она: — намъ бѣднымъ плѣннымъ птичкамъ и безъ нихъ худо.

— Отъ того худо, что ты не хочешь согласиться, — возразилъ Борисъ Петровичъ, и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна; развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ? — А было бы тебѣ хорошо!.. если бы — выслушай... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки; у меня есть деньги, деньги, деньги. .

— У васъ нѣтъ стыда! — отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее и вспыхнулъ, но услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

— Боже!..— Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ — на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть первая слеза — и слеза отчаянія!..

Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту милліонъ сладкихъ надеждъ! Онѣ для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для всей вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

— Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга? — сказалъ Вадимъ.

— Странный вопросъ...— отвѣчала она.

— Знаешь ли ты ихъ? — повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ будто припоминая нѣчто давно, давно прошедшее.

— Я сирота, мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ — и отправился Богъ знаетъ куда — вѣрно очень далеко, потому что онъ не возвращался.

Чело Вадима омрачилось, и горькая, язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчей, что-то демонское.

— Хочешь ли знать, куда?

— Хочу! — и влажные глаза ея ярко заблистали.

— Подумай, я для тебя человѣкъ чужой... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ: все, что ихъ любитъ и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другого, — узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ руки опаснаго человѣка: онъ не сумѣетъ лелѣять цвѣтокъ этотъ — онъ изомнетъ его...

— Хочу знать непремѣнно! — воскликнула неопытная дѣвушка.

Она посмотрѣла вокругъ, — ничего уже не было въ комнатѣ.

Глава IV.

Прошло двое сутокъ, — Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? Если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной пустой комнатѣ Вадима, и странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найти — и тогда просьбы, ласки, всѣ хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными разсказами, — но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для [illegible] и это [illegible] къ нему [illegible]; не мудрено, — власть разлучаетъ горныя души, а [illegible] ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразенъ? — воскликнулъ Вадимъ; она пустила его руку. — Да, — продолжалъ онъ, — я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь... на что мнѣ беречь тебя. О, если бъ... не укоряй за долгое молчаніе... быть можетъ, настанетъ время, и ты подумаешь: — зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ, — если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его, сколько можно, слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:

— Замѣть, Оедька, что кто изъ грязи вышелъ, тотъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился, — этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ приказчикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ онъ подольститься: словно щенокъ! — Экой вѣкъ сталъ нехристіанскій...

— Не скажу, дядя Ипатъ!.. онъ всегда со мной ласковъ, парень лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпитъ — вонъ напримѣръ вчера...

— Что вчера?..

— Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай... Вчера баринъ разгнѣвался на Алешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Алешку на конюшню, самъ приказчикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говоритъ: это за барина, а вотъ за меня — и занесъ руку... Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу: брови его сходились и расходились... въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ приказчику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ... на губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить — и не могъ.

— Жаль! — возразилъ старикъ, — не доживетъ этотъ человѣкъ до сѣдыхъ волосъ. — Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣсто нихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія высокія дерева и щадитъ ниі столѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ? — на это отвѣтятъ происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевскаго.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались. каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить ношу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсненный дѣлается притѣснителемъ и платитъ сторицею — и тогда горе побѣжденнымъ!..

Русскій народъ, этотъ сторукій исполинъ, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ же-

ластъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и проститъ въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII столѣтіи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведенія своего: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ!

Глава V.

Но обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Суры, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ двѣ линіи по краямъ дороги, какъ нищіе, кланяющіеся прохожимъ; но ту сторону рѣки видны въ отдаленіи березовыя рощи и еще далѣе лѣсистые холмы съ чернѣющимися елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатостью, и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенные рѣзные ставни, колеблемые вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходитъ деревянная, рѣзной работы, галлерейка, служащая вмѣсто балкона. Здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгерами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ—и новыя надежды! Пѣсни крестьянъ, плывшихъ съ сѣнокоса, отдаленный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе — кто ѣдетъ: купецъ, баринъ, почта?.. но на что ей?.. не все ли равно?.. а все-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галлерейку... Чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка: Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена—въ монастырь слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей навстрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула; она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

— Что съ тобою?—сказалъ онъ.

— Ничего...

— А! понимаю...—онъ закусилъ губы;—ты меня испугалась.

— Зачѣмъ мнѣ бояться тебя?—отвѣчала гордо Ольга.

— Тѣмъ лучше,—продолжалъ онъ.—Это уже много значитъ. Такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... О, мой Создатель! вотъ великое блаженство; право, мнѣ кажется, это первое...

Онъ остановился.

— Послушай, что, если душа моя хуже моей наружности? но развѣ я виноватъ?.. я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба—они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшки... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда—берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здѣсь?—спросила она съ нетерпѣніемъ.

— Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.

— А я совсѣмъ не для того...

— Опять, опять! — воскликнулъ Вадимъ. — Послушай, если хочешь чего нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи: я завистливъ, я золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня.

Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: этотъ человѣкъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе, чѣмъ онъ, беззащитной, сожалѣнія—или нѣтъ. . меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала непріятное молчаніе.—Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ?

Онъ задумался.

— Обѣщай никогда не укорять меня за то; что я тебѣ открылъ свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ—и, подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...

— О, если это ничего, то не продолжай!

— Нѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и пріятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его,—сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою — чтожъ... развѣ этого не довольно для погибели

человѣка? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, текущій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... Слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ: этой минуты началась непримиримая вражда,—пять лѣтъ спустя, твой отецъ уже не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!.. Другъ твоего отца отрылъ старинную тяжбу о земляхъ и выигралъ ее, и отнялъ у него все имѣніе. Я видѣлъ отца твоего передъ кончиной... его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она осталась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо, и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... Я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... Но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ?.. Какъ, небо!.. въ продолженіе 17-ти лѣтъ ни одинъ мускъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови—твоей, его крови!—и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщенія, безъ уродливаго нищаго, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадимъ, что сказалъ ты?

— Благодарность!—продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ,—благодарность: слово изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово, превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, кидающую мнѣ остатки пира... о, благодарность!..

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки—и, казалось, забылъ, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и, казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страха неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытный.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, геній блисталъ на челѣ его,—и глаза, если бъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска, но они были обращены вверхъ!..

— Я отгадала!—воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостью къ Вадиму:—я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцѣ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всѣми ея оттѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги—и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ, онъ воспиталъ ее, какъ рабу, и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами, и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ! сколько страданій за то, что одна собака обогнала другую... Какъ ничтожны люди!.. какъ вѣрить общему мнѣнію! Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, и точно! онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами, и лучъ ея сливался съ лучомъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и каменьями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга на колѣни; спина и плечи ее отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампады озарялъ ея лицо, вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземного существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я невиновна... Ты, Ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе, Боже! Если бы Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ—я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежатъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хочешь—но сердце въ моей власти...

Слезы покатились изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

— Я твой братъ!—воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опу-

стились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удерживали дыханіе.

— Я твой братъ!—повторилъ онъ дрожащимъ страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя за голову и вышелъ, но, выходя, остановился у двери... и въ продолженіе одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову объ косякъ... но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

— Братъ!—сказала Ольга, смотря ему вослѣдъ,—братъ!

И безъ силъ упала на стулъ.

Глава VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачемъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ вездѣ почти слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и, если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства—всѣ, кромѣ одного, любимаго,—сокровища, хранимаго на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ;—а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполняемъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе дворни,—взглядомъ, движеніями помогалъ имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, чтобы могло быть пересказано во вредѣ его—къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не знаю зачѣмъ, Палицынъ велѣлъ его позвать; искали горбача—не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжелѣли ежечасно, и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нея валялись груды кирпичей, между ними выростала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользнувъ мимо соломенной крыши, упадалъ на его колѣнко, и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинокъ, которыя кружились и подымались къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ, онъ нашелъ ее, онъ встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, наконецъ... О! чудна природа... далеко ли отъ брата до сестры? А какое различіе! Эти ангельскія черты, эта демонская наружность... Впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ одного начала?..

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сходство съ его душой, которое обѣщало ему многое... обѣщало со временемъ и любовь ея... Эта надежда была для него нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно мгновеніе,—и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ плескъ волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что, слишкомъ привязавшись къ мечтѣ, мы теряемъ существенность, а въ его существенности было одно мщеніе

Постепенно мысли его становились туманнѣе, и онъ, полусонный, легъ на траву,—и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки, одна сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всѣми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, огдѣланный въ золото и оживленный какою-нибудь волшебницею. Оба мотылька старались сѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ относилъ его прочь; наконецъ, разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, усѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружился надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима былъ прутикъ на рукѣ; онъ ударилъ по цвѣтку и убилъ счастливое насѣкомое... и съ какимъ-то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепетъ!..

И Богъ знаетъ, отчего въ эту минуту онъ вспомнилъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его, лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ

его тяжелое дыханіе—и слова: «отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденымъ кускомъ!..» И вспомнилъ Вадимъ его похороны: не обитый гробъ, поставленный на телѣгѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ... дьячекъ и священникъ сзади; они пѣли дрожащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... вотъ стали опускать въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шопотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... Но сестра!.. если... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало: странно! онъ любилъ ее—или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ арапника, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскочилъ Вадимъ... передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами.

Кланяясь, слушалъ онъ, и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынымъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

Глава VII.

Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, [illegible] сушеными и свѣжими. Геннадій Васи[illegible] Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку, и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго роста, бѣлокурый, и вообще [illegible]льно ловокъ для деревенскаго жителя того [illegible], и это потому, быть можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампаніахъ; 25-ти лѣтъ вышедъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговорами о хозяйствѣ, о Москвѣ, и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще, если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали, что начать, зѣвали въ руку, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

— Малый! Египетскаго!—закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки; начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись, и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

— Потѣшитъ ли тебя, сосѣдъ любезный! — воскликнулъ Палицынъ.

— А что?

— Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть дѣвочка—чудо... а какъ пляшетъ!.. жжетъ, а не пляшетъ!.. Я не монахъ, и ты не монахъ, Василычъ...

— Избави, Христосъ..

— И точно такъ!

— Ну, что же?

— Да ужъ то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергѣевна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святочный сарафанъ, да выйти поплясать, а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-то намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо...

Онъ захохоталъ, самъ вѣрно не зная чему, и началъ потирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки; этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣевна приказала собраться пѣсельникамъ, а сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты, она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала; она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день итти къ нему, сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его

Со свѣчой въ рукѣ вошла Наталья Сергѣевна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшанныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столикъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекала половина жизни молодой дѣвушки, прекрасной, пылкой... Здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые; снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимой шумѣла

метелица и снѣгъ бѣлыми клоками упадалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя степи, сѣрое небо и ветлы, обвѣшанныя инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ, и тайныя, неизъяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея, и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ...

— Вставай, Ольга!—закричала Наталья Сергѣевна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила, и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

— Что, спала, лѣнивая?

— У меня голова болитъ.

— Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣетъ голова болѣть!.. Просто лѣнь... ужь такъ бы и говорила... а то еще лжетъ... отвѣчай: спала, лѣнтайка?

— Я никогда не лгу.

— Какъ! еще смѣетъ отвѣчать, когда я говорю... спорить... ахъ, грубіянка! Да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ! этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодѣяній! какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рожъ, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись,—ты забываешь, кто я?

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющеюся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

— Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! Да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!.. вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала,—но вся вспыхнула... и если-бъ Наталья Сергѣевна не удалилась, то она не вытерпѣла бы долѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозрѣваютъ, упрекаютъ! и въ чемъ?.. о!.. гдѣ ея братъ! пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву: помогать ему во всемъ, что дышетъ местію и разрушеніемъ; пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство,—она готова!..

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости;—эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное: она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ въ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ, она вошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упадала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка, показываясь по временамъ, обѣщала тайныя совершенства, которыхъ ищутъ молодые люди глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если-бъ не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она вошла... и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести; но она не смутилась, не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни: она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. — Начинай же, Оленька!—закричалъ Палицынъ,—не стыдись!— Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцей отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго; и всѣ обиды, всѣ несправедливости, униженія рабства,—однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если-бъ можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она не лишилась разсудка, потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатыя дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха.—Что же! красотка моя, начинай! небось! ты такъ хороша сегодня!—кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли!

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтили ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней,—они завидовали! «Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе».

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны,

даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуту вдохновеннаго страданія, бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающія глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія...

Она посмотрѣла вокругъ, ужаснулась... махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, послѣдовалъ за нею; раскаленныя щеки его обнаруживали преступное желаніе, и съ дрожащихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ и крючокъ разскочился. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала, какъ онъ вошелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: «отецъ мой! не вини меня...»

— Теперь ты не вывернешься!—воскликнулъ, захохотавши, Борисъ Петровичъ.—Я человѣкъ добрый — и ты человѣкъ добрый... слѣдовательно...

Она вскочила, и, устремивъ на него мутный взоръ, казалось, не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не могла; сѣвъ на постель, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ — и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ, и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря [illegible] нарамъ, удалось [illegible] мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и [illegible] дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ, все утихло; и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце и чувствовала странную боль въ шеѣ, бѣдная дѣвушка!.. немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!.. Всталъ мѣсяцъ; скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности, и красное пятно не могло утонуть въ его сіяніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ пріемной пробило одиннадцать.

Глава VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?.. На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ кверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслію въ вѣчность,—ему снилось на-яву давно желанное блаженство: свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которыя представлялись ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшного — и ничего жалкаго. Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра; Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно, и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломинокъ, упадалъ на противную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочекъ моха, высунувшійся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни... Наконецъ, они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... О! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

— Братъ!—сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣняхъ.

— Все понимаю,—воскликнулъ онъ, прочитавши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

— Точно? — отвѣчала Ольга измѣнившимся

голосомъ: — точно? Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!

Другъ мой! Впервые существо земное такъ называло Вадима; онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ, не сновидѣніе; улыбка остановилась на устахъ его, и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко,—вотъ мой отвѣтъ: любовь—вездѣ любовь, т.-е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣе всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ, въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному! — По какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣстить въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ, и божество падаетъ передъ смертнымъ.

— Братъ! слушай!—продолжала Ольга, — я все обдумала, и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ, ни мнѣ не возвратиться... все равно... они всѣ ведутъ къ смерти, но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Братъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... Ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое; станешь лелѣять его, пока оно вырастетъ и созрѣетъ и смоетъ мой позоръ страданьями и кровью... Да, позоръ... Онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь...

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновенье на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

— Клянусь этимъ Богомъ, Который создалъ насъ несчастными, клянусь Его святыми таинствами, Его крестомъ спасительнымъ—во всемъ, во всемъ тебѣ повиноваться.—Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... о! ты великій человѣкъ!

— Да, теперь, потому что ты меня любишь.

Она ничего не отвѣчала.

— Успокойся, опомнись,—сказалъ Вадимъ,— ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе, и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить страшную душу мою... ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

Помню, какъ послѣ смерти отца, я покидалъ тебя, ребенка въ колыбели,—тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы,—а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; ты протянула ко мнѣ свои ручонки, улыбалась... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія, кормили, потому что я былъ не собака, и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣніемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молиться!.. у меня въ сердцѣ были одни проклятія. Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ, и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою;—она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслію все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ — смѣялись, потому что люди

не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глупыя отъ рожденія или отъ старости, неспособныя ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и поневолѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, сей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой клѣткѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь, не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ...

Можно прійти въ отчаяніе!

Однажды, Ольга, я замѣтилъ безногаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ:—ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.

— Я безъ ногъ, — отвѣчалъ онъ съ недовольнымъ видомъ Это меня поразило: я ошибся! однако продолжалъ свои вопросы. — «Что былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?»

— Нищій! — отвѣчалъ онъ, — рожденъ нищимъ и умру нищимъ; только разница въ томъ, что я рожденъ съ ногами, а умру безногій.

— Отчего же?

— Отчего!..—тутъ онъ призадумался; потомъ продолжалъ равнодушно:—я былъ проводникомъ одного слѣпого; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ нищимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не даромъ кормился и былъ полезенъ, теперь меня возятъ на телѣжкѣ,— и даютъ деньги...

— Зналъ ли ты своихъ родителей?—спросилъ я посѣдѣвшаго.

— Какъ же!

— А кто были они?

— Нищіе! — Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю, что было въ его улыбкѣ, насмѣшка надъ судьбой или надо мною, потому что я слушалъ его съ видомъ полной довѣренности.

Итакъ есть состояніе, въ которомъ безобразіе не порокъ, подумалъ я.

На другой день бѣжалъ изъ монастыря и сдѣлался нищимъ...

Вадимъ остановился.

— Понимаю тебя!—воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это зналъ!.. развѣ ты не сестра мнѣ?— продолжалъ Вадимъ.

— Послушай, вѣрно само Небо хочетъ, чтобы мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно согласило всѣ обстоятельства, какъ оно привело тебя къ цѣли...

— Небо или адъ... а можетъ быть и не они; твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ природѣ — и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ поселился въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскрешалъ умершія надежды, жажду любви!.. Онъ странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрачной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ отдаленіи; но чтобъ достигнуть рая, надобно было перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился: кому завѣщать свое мщеніе? кому его уступить?

Долго я бродилъ безъ крова и пристанища, преданный зимнимъ метелямъ, какъ южная птица, отставшая отъ подругъ своихъ: долго жить — было цѣлью моей жизни.

Но судьба мнѣ послала человѣка, который случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься у Палицына, что онъ богатъ, доволенъ, счастливъ;— это меня взорвало... Я не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ счастливъ—и не будетъ отнынѣ; въ этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона; его дыханіе—чума для счастливцевъ, чума... Сестра! ты мнѣ простишь... О! я преступникъ... вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ, безъ меня не потеряла бы свою безпечность.. теперь все кончено, отъ моего прикосновенія увяли твои надежды, махни рукой твоему спокойствію... Цвѣты не растутъ посреди бунтующаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога..

— Какъ!—воскликнула Ольга, —неужели ты раскаиваешься! Правда, я женщина; но развѣ всякая женщина промѣняетъ печали и безпокойства на блистательный позоръ... блистательный! о! быть любовницей старика, злодѣя моего семейства... ты желалъ этого, Вадимъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.

— А теперь—кто мѣшаетъ?

— Теперь? теперь...—Онъ опустилъ глаза въ землю и замолкъ. Глубокое страданіе было видно въ слѣдующихъ словахъ:—теперь, убить тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоихъ колѣняхъ... плакать! о! это величайшее наслажденіе для того, чей смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!.. Нѣтъ, я еще не такъ дуренъ, какъ ты полагаешь; — человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ.

— Меня убить, значитъ сдѣлаться моимъ

благодѣтелемъ,—отвѣчала Ольга, улыбаясь, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

— А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ, когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятіемъ?

— Я удивляюсь тебѣ, другъ мой.

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обѣими руками.

Глава IX.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой Оки? Кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣдныя воспоминаніями, богатыя природнымъ, собственнымъ блескомъ! Читатель, не онѣ ли были свидѣтелями твоего счастія или кровавой гибели твоихъ прадѣдовъ! Но нѣтъ! волна, окропленная слезами твоего восторга или ихъ кровью, теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣли и надежды, или въ минуту гнѣва расшиблась объ утесъ гранитный! Она потеряла дорогой слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется надъ перемѣнами столѣтій, протекающихъ надъ нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; — сдѣлавшись могилой какого-нибудь несчастнаго сердца, она не теряетъ своей прелести, живого, безпокойнаго своего нрава, и въ ея погребальномъ ропотѣ больше утѣшеній, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синимъ, холоднымъ волнамъ, подвластнымъ одному закону природы, который для насъ не годится съ тѣхъ поръ, какъ мы выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густою липой, и упоительный запахъ разливался вокругъ его головы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго напряженія души, растаяли постепенно,—и, отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду, и, давъ ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокойствіемъ разсматривалъ рѣчныя травы и густой хмѣль, который яркими зелеными кудрями висѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ наѣздниковъ, подымались, выходили изъ полосатой пашни; еловыя, березовыя рощи казались опрокинутыми въ водѣ, и мрачный цвѣтъ первыхъ пріятно отдѣлялся желтоватой зеленью и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснью, съ разсказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ, и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домѣ, который нѣкогда былъ нашимъ, и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится непзъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины;—онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ, и гдѣ дорога, желтѣя, терялась за холмами;—тамъ сѣрая пыль клубилась вслѣдъ за простою кибиткой... «Не къ намъ ли, подумалъ Вадимъ; но этого не можетъ быть! кому?..» Его тревожилъ колокольчикъ, и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу; онъ побрелъ вдоль по рѣкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ?—Тамъ также слышали колокольчикъ,—но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого непріятнаго вліянія; Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ — вѣрно это онъ!..

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны, или, лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ; родные посылали ходока къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ вышла замужъ за другого; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель. «Она моя!» —говорилъ онъ—и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестомъ и святой водою и выгнали опоздавшаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его;—ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, а супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки. Мѣсяцъ тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о своемъ прибытіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко, топотъ, крикъ ямщика, шумъ ко-

лось... кибитка въѣхала въ ворота... Вся дворня столпилась... Это онъ... въ военномъ мундирѣ... выскочилъ... и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... Это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ, такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя рѣчи—и догадался. Съ досадой смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упреки... и потомъ, обратившись къ дому, сказалъ: «такъ точно! слухъ этотъ не лживъ... черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь, и больше; почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего они любимцы Неба, а не я!—О! Создатель! если бъ Ты меня любилъ, какъ сына,—нѣтъ,—какъ пріемыша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но Ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну Твое владычество въ часъ моей кончины...»

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало, смѣялось...

— Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ!—воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

Глава X.

Смерклось, подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣднюю комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ у дверей, на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія,—и больше нежели пустое любопытство понудило ее къ этому. Юрій былъ такъ хорошъ!.. именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ «матушкой», и которая каждому гвардейскому солдату дозволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья.

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. «Если бъ обо мнѣ такъ говорили, если бъ и на мнѣ блистали кружева и дорогіе камни... о! я была бы счастливѣе!..» Всякой 18-тилѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ голову. Наряды необходимы счастію женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства: маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однакожъ какъ уйти? Юрій говоритъ такъ пріятно; въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благодарныя чувства, что еслибъ даже невозможно было разобрать словъ его, то—ей казалось... она поняла бы смыслъ разговора!..

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ.. и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... Оно существуетъ, должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно питалось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человѣчества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народомъ и царемъ? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О! какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни, невинной, обѣщающей жизни было въ стѣсненномъ дыханіи этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась.

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упадала на губы, скривленныя ужасной, оскорбительной улыбкой; все кругомъ покрывала темнота—этого было ей довольно, чтобы

тотчасъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ одни были освѣщены.

Онъ приблизился; отъ него вѣяло холодомъ.

— Поздравляю, Ольга...

— Съ чѣмъ?

— Не правда ли, какъ хорошъ собою молодой твой господинъ!..

— И твой!—обидѣвшись, возразила Ольга.

— Нимало... я добровольно сталъ слугою... и не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты... о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадетъ подъ рукою казни,—продолжалъ шопотомъ Вадимъ;— эти мягкіе, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... Ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась... О, мой отецъ, мой отецъ!.. Скоро настанетъ минута, когда безпокойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ,—скоро, скоро...

— Скоро!..

— Я вижу твое восхищеніе!—холодно возразилъ ей братъ:—скоро!—мы довольно ждали... но за то не напрасно! Богъ потрясаетъ нѣмый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разскажу... слушай и благодари: на Дону родился дерзкій безумецъ, который выдастъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ какъ мужикъ, обратился къ нему; дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ!.. вино безъ крови для нихъ стало слабо... Ты дрожишь отъ радости, Ольга!

Она молча поникла головою, и удалилась. У нея въ сердцѣ ужь не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего; хотѣла молиться,— ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ напраснаго раскаянія. «Какой красавецъ сынъ моего злодѣя»,—думала Ольга, и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрыла ихъ полусвѣтлою пеленою; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, за то кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красотою молодого Палицына, и такъ забылся, что не слыхалъ, какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ:—«эй, малый...Вадимка!»—Опомнясь, онъ вошелъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

— Какъ тебѣ нравится мой горбачъ, — сказалъ Борисъ Петровичъ,—преуморительный!

— Каждый человѣкъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій,—имѣетъ недостатки; онъ не виноватъ, что изувѣченъ природой.

— Если ты будешь хорошо мнѣ служить,— продолжалъ онъ, обратясь къ мрачному Вадиму,— то будь увѣренъ въ моей милости... Теперь ступай.

— Пошелъ вонъ!—воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогался съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его,—и зависть возвратилась въ его душу только тогда, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь—мучительное чувство!..—Какъ бѣшеный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собой огромнаго волка: блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножемъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима, даже господа вышли подивится его отважности. Наконецъ и онъ насладился минутой торжества! «Ты будешь моимъ стремяннымъ»,—сказалъ Борисъ Петровичъ

Глава XI.

Борисъ Петровичъ отправился въ отъѣзжее поле съ новымъ своимъ стремяннымъ и большою свитою, состоящею изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно, сѣдлалъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію, въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцомъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными, онъ остался дома, бродитъ по комнатамъ, ищетъ развлеченія, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ

любимой, тотъ вѣрно пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породнился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ въ себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди;—этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга!—сказалъ засмѣявшись молодой Палицынъ: —вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣнью—и какъ обманутъ!..

— Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить какъ тѣнь, то есть очень мало... и потомъ...

— Ради Бога, не мало, любезная Ольга!—я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаетъ,—ради Неба, говори, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!..

— Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! думайте объ нихъ, это васъ займетъ.

— Думать объ нихъ—и говорить съ тобою, Ольга? это нейдетъ вмѣстѣ.

— А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лѣкарствомъ отъ скуки: всякое лѣкарство, со всей своей пользой, очень непріятно.

— Ты не въ духѣ сегодня, — воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть;— ты сердишься на меня или на матушку... Если тебя кто-нибудь обидѣлъ,—скажи мнѣ: клянусь честію, этому человѣку худо будетъ...

— Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку! Вы хотите забавляться?—призовите другихъ, болѣе покорныхъ, чѣмъ я, болѣе способныхъ настраивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... и такъ...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота, — но умна, прекрасна,—въ моихъ словахъ нѣтъ лести; они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжалься... я здѣсь одинъ среди получеловѣковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ, и хочетъ, чтобъ я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему? Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!..

— Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ, я не спорю, все это очень ново для меня... со всѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому нимало не расположенную забавлять васъ... Повѣрьте слову: гибель вокругъ меня...

— Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!..

— Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ... но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы!—съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

— Не сердись!—возразилъ Юрій, и, улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взялъ въ руки ея длинную темную косу, упадавшую на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; онъ взглянулъ на нее пристально, и на этотъ разъ удивительная рѣшимость блистала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

— Перестаньте,—сказала Ольга съ важностью, —мнѣ надо быть одной

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки—помучить; ему не удалось!

— Ты довольна будешь мною,—сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе почти всегда было одно и то же; и если бъ они читали эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX-го вѣка, то заснули бъ отъ скуки, но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочетъ пробудить погаснувшія силы. Этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человѣчество; оно приблизилось къ кончинѣ своей, пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга, стараніемъ утаить свою любовь, еще болѣе ее обнаруживала. Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ, и, выученъ привычкой, читалъ въ ея глазахъ больше; чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ.

Она думала о немъ и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ ея сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужасъ Макбета, когда, готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ пира, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко; но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ;— то же самое случилось съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ нѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти,—но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣпь скуетъ до гроба его существованіе съ участью этой женщины.

Когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его, но, приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя и благословлялъ свой плѣнъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты. — Пожалѣйте объ немъ.

Глава XII

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея притворная холодность все болѣе и болѣе воспламеняли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству, но чаще по недовѣрчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать у нея полнаго признанія... или получить совершенный отказъ.

Какое ребячество! — скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви: она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны, какъ игрушки, и разбить эти игрушки въ минуту досады доставляетъ не мало удовольствія, особливо когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ вошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не противилась, не отвела глазъ отъ шитья своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга! — сказалъ Юрій невѣрнымъ голосомъ, — я люблю тебя.

— Знаю, — отвѣчала она.

— Знаю, знаю! только-то! и я больше отъ тебя не слышу!

— Что же вамъ больше!.. я слушаю... молчу...

— О, разумѣется, этого слишкомъ много! я недостоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто споритъ; но развѣ это даетъ право не имѣть сердца?

— Я у Бога ни того, ни другого не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ! — Все на свѣтѣ можетъ поправиться!.. Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... Отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь, какихъ жертвъ?

— Забыть меня!—воскликнула Ольга съ удивительною твердостію?

— Нѣтъ, никогда!.. я совершу невозможное, чтобъ обладать тобою,—но забыть... нѣтъ власти...

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрывъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обернулся и сказалъ:—Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно,—я ошибался... Ахъ! это была минута, но райская минута, это былъ сонъ, но сонъ божественный; о теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ ложныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра въ любовь и счастье... Ольга, прощай — ты меня обманывала — обманъ всегда обманъ; не все ли равно: глаза или языкъ? Чего желала ты? не знаю... можетъ быть... О, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ выйти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми, кажется, стѣны должны бы были рушиться; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и, рыдая, упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднялъ онъ ее, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ усердіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли

въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, уносившій неопредѣленное, какое не всякій испыталъ и никто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ безпорядкѣ отрывались отъ ихъ трепещущихъ губъ и каждое слово стоило поэмы... Само по себѣ незначущее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ—каждое слово было нѣлое блаженство.

— Я любимъ, любимъ, любимъ! — говорилъ Юрій;—я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ...

— Пускай же ангелы — только не люди.

— Отчего же, мой ангелъ?

— Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...

— Ты прекрасна! что за пустой страхъ!. ты моя, моя...

— Не раба, надѣюсь!

— Больше, сокровище!

— О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупого... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... Я счастлива! не правда ли?

— Ты счастлива? позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...

— Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ-нибудь.

— Эти волосы... прочь ихъ! вотъ такъ!.. чтобъ твой поцѣлуй и мой слились въ одинъ.

— Боже, Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!.

Глава XIII.

— Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье..

— Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обоимъ, — отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ, и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ, и потомъ устилала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезали въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ, и свѣжая роса ужь падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плаватели, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобъ разсердить, испугать свою подругу; но она умѣла отомстить за это невинное коварство: непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ его усилія дѣлались тщетны, и челнокъ останавливался, вертѣлся... Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если бъ демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и Небо должно было заплатить ей за будущее—въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ, и по крайней мѣрѣ хотѣла жить — пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

— Будетъ ли конецъ нашей любви!—сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову,—нѣтъ, о, нѣтъ!—она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если бъ наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанія—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вмѣсто отвѣта, она запѣла виолголоса слѣдующую пѣсню:

Воетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ..
Дѣвушка плачетъ —
Милый въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

— Прочь эту пѣсню!—воскликнулъ Юрій;— кто тебя ей выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ обѣщаешь — мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца..

— Три мѣсяца! Боже!— Она содрогнулась и сердце облилось холодомъ.

— А потомъ, — сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого «Боже»,— потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... Тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсудкамъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!.. онъ далъ мнѣ жизнь, а ты меня даришь милліономъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца и нѣсколько дней, — повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной, неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужь было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольней рисовалась на полусвѣтломъ небосклонѣ запада, подобно тѣни великана, и попеременно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и поровнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса.

— Посмотримъ, что такое?—шепнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросилъ первый голосъ.

— На-дняхъ; ужь въ округѣ начинается кутерьма; да будетъ ли у васъ готово? — сказалъ другой.

— Все будетъ... ужь это наше дѣло... одно только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ?

— Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслышалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ,—сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

— Куда ты? — сказалъ онъ съ удивленіемъ, —что съ тобою?

— Скорѣй, скорѣй! — больше она не могла говорить.

— Это должны быть воры!—подумалъ Юрій, и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ; теперь мужъ ея вѣрно не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она, — молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову, знаетъ Царь Небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрьюшка,—сказала она вошедшему сыну:—Борисъ Петровичъ еще долго проторскаетъ... Куда я рада, что ты не въ него!..

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ льстилъ ея самолюбіе, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ взыскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной — иные нравы!

Глава XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврага, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мирная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ виденъ издалека, и солнце утра золотило ея соломенныя крыши прежде, нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ, и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя обѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ полграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и безпокойно; собаки, раздѣленныя по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ, и бѣдные всадники помышутно находились принужденными оставлять котелъ съ кашей, чтобъ нагайками поднимать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба, и вершины лѣсовъ шумѣли, подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположась подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрьми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ и сожалѣнію, къ большой приверженности; вино, буйство, охота — ихъ единственныя занятія — не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей; и если между ними и былъ одинъ вѣрный,

честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича.—Вздоръ,—сказалъ онъ,—какъ это можетъ быть?—Такая безпечность погубила многихъ нашихъ прадѣдовъ, они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дня въ городъ, здѣсь намъ разсказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ Красной Шапкой, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу, ха, ха, ха!—Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посовѣтоваться... видно, хватъ!—Такъ говорилъ Вадиму старый ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю,—отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой,—и вы его скоро увидите!—Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что поневолѣ старый ловчій вздрогнулъ. «Ты чортъ или Гуммель»,—сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?!—воскликнули многіе, и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ—и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему вслѣдъ и по частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вскачь.

Куда? зачѣмъ?—О, еслибъ разсказывать всѣ ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налѣво разстилались кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные—а въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытыя мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро—и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная—
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ этой груди
Прижаться.
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Вольность волюшка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.

Съ ней нашлись другіе у меня
Мать, отецъ и семья;
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
А братья мои—въ лѣсахъ
Березы да сосны.

Скачу ли я на конѣ,—
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой,—
Небо свѣтитъ лупой;
Мои братья въ жаркій день
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

Такъ пѣлъ казакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ повода и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія, и молодой казакъ на свободѣ предавался мечтамъ своимъ; его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ казака сильно подѣйствовалъ на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукой, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

— Стой!—сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подъѣхавшаго казака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голосъ или взоръ, но казакъ остановился и хотѣлъ ухватиться за саблю.—Не нужно,—продолжалъ Вадимъ,—поѣзжай, скажи Бѣлобородкѣ, что послѣзавтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить и третью... Итакъ, послѣ завтра... Скажи, что Красная Шапка ему кланяется. Ступай!

При имени Красной Шапки, казакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Ва-

диму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ головой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускакалъ.

Надобно имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобъ такъ играть жизнью и смертью... Однимъ словомъ Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, незамѣтный въ пьяной, окровавленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество! Какая слава, если бъ онъ избралъ другое поприще, еслибъ то, что сдѣлалъ для своей личной мести, еслибъ это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, еслибъ, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... А теперь? имѣя въ виду одну цѣль — смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужели онъ родился только для ихъ казни! Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (былъ ли то случай?) непримѣтно подъѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свои услуги Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь спять онъ здѣсь, теперь, когда, видя близкій конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенесть тягость одной насмѣшки самолюбія — спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко, и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ сосѣднихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ: — кто же здѣсь? вѣрно Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало: одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово — и человѣкъ дѣлается снова демономъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи, и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырскомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упадала на нихъ, и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распустивъ радужный хвостъ, неподвиженъ, какъ новый памятникъ. Не знаю съ какою цѣлью, но эта птица находится почти во всѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нищіе—прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ непзъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя, подобно червямъ, ползаютъ у ногъ богатства, которыя безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!.. Но люди ко всему привыкаютъ, и если подумаешь, то ужаснешься: какъ знать? можетъ-быть, и чувства святѣйшія—одна привычка, и еслибъ это было такъ-же рѣдко, какъ добро, а послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой?!

Вадимъ, сказалъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько мѣдныхъ грошей, онъ каждому бросалъ по одному; они благодарили нараспѣвъ давно затверженными словами и даже не поднявъ глазъ, чтобы разсмотрѣть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ идти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плечо. — Постой, постой, кормилецъ! — пропищалъ хриплый женскій голосъ сзади его. И рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся, и отвратительное зрѣлище представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать повисла на немъ; ея засученные рукава обнажали двѣ руки, похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какою-то неизъяснимою низостью, какою-то гнилостью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили въ сравненіи съ глазами нищенки! Вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обве-

денныхъ красными каймами: ни рѣсницъ, ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ, тяготѣющій на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное стѣсненіе! Вадимъ не былъ суевѣръ, — но волосы у него встали дыбомъ; онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ ея чертахъ цѣлую повѣсть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаяніе; не мудрено, если онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя на высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ всѣ способности, кромѣ первой и послѣдней: жить!

— Ты позабылъ меня, дорогой, позабылъ,— дай копѣечку — не для Бога, для чорта... дай копѣечку... али позабылъ меня? Не гордись, что ты холопъ барскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ.

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ!—кричала въ бѣшенствѣ старуха: — чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черви твой языкъ подточили, чтобъ вороны глаза проклевали, чтобъ тебѣ ходить—спотыкаться, пить—захлебнуться; горбатый, уродъ, холопъ... проклятъ, проклятъ!..

И снова она уцѣпилась за полу Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слыхалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣніемъ всенощную. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче! И они, крестясь и кланяясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина, и готовы были растерзать его на мѣстѣ, но еще не смѣли: еще ни одинъ казакъ не привозилъ кровавыхъ приказаній въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самаго клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокій, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ пять рядовъ, и огромныя паникадила, висящія среди церкви, бросали сквозь дымъ ладана таинственные лучи на блестящую рѣзьбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темнотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготѣющія тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, еслибъ голова порою не наклонялась, и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ царскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали сліяніемъ скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченныя морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей унизительныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣе, чѣмъ исчислить, и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ, и показывались щеки полныя, раскрашенныя здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину передъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, непъяснимое, и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую-нибудь новую мысль — и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ пестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ, и озаренные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному живому, вѣчно движущемуся существу; однимъ словомъ, это была—толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна, и къ тому-же всѣ мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній внѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ, и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный занавѣсъ.

Направо, между царскими вратами и боковыми дверьми, былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ, и множество свѣчей, разставленныхъ на висячемъ паникадилѣ, кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзьбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка — это была милость у ногъ

Спасителя—и надъ ней внизу образа было написано крупными выпуклыми буквами: придите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы.

Многіе приближались къ образу и, приложившись, послѣ земного поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упадая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ грудным младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и ушибленный ребенокъ громко закричалъ. «Немудрено, что завтра,—подумалъ Вадимъ,—эта богатая женщина будетъ издыхать на висѣлицѣ, тогда какъ бѣдная, хлопая въ ладоши, станетъ указывать на нее дѣтямъ своимъ»,—и, отвернувшись, онъ хотѣлъ идти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ—и... онъ зналъ эту женщину...

Ея кровь—была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье—не было его счастіемъ, потому что она любила другого, прекраснаго юношу; а онъ—безобразный, хромой, горбатый,—не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворное, искреннее люблю, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумиръ—свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдано... и навѣки. Итакъ она для него погибла... и совсѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ ей открылъ свою тайну; большіе глаза ея были устремлены на ликъ Спасителя; это была ея единственая молитва, и, еслибъ Богъ былъ человѣкъ, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханія, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемѣна, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность: это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула, какъ алмазъ, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобъ удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы; каждая жила ея сердца вздрогнула, дыханіе остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяніемъ. (Все это время дьячекъ читалъ козлинымъ голосомъ посланіе апостола Павла, и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа зѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... Что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія?)

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: придите ко Мнѣ вси труждающіеся, и Азъ успокою вы. Что дѣлать! онъ вѣрилъ въ Бога, но также и въ дьявола.

И, выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій, небрежно чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ непзъяснимой муки... Можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ и любовь потеряла надежду?..

— Итакъ, она точно его любитъ,—шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движенію такъ глубоко врѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ молча, стряхнулъ кровавыя капли на землю, и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди нихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

— Какой-то проходящій толкнулъ ее; мы думали, что онъ шутитъ... она упала, да и окачурилась... чортъ ее зналъ! вольно жъ было не закричать!—такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что онъ толкнулъ старуху.

— Итакъ, она его любитъ!—бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на нетерпѣливаго коня.—Итакъ она его любитъ!

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла пріобрѣсти неограниченную власть. Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

Глава XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-гдѣ показывались казацкія шапки, блистали копья и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышащія мятежомъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту—поцѣлуй Іуды. Что-то ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемою своеволіемъ, возбужденною новыми пришельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро и въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; понемногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные—такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдемъ, потому что... какъ не посмотрѣть, что тамъ дѣлается?

Народъ, столпившійся передъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный безпрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ею насытиться вполнѣ; тутъ онъ понялъ бы, что такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиліемъ ребенка, но, несмотря на то, сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсъ и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ, невѣжественный и нечувствующій себя, хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ неблагопристойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія, грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета—душа порока и преступленій; теперь насталъ часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣяться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи; это былъ пуриръ въ своемъ родѣ: чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе; надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданій хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было обида, — одинъ, но смертельный,

Когда служба въ монастырѣ отошла, и пріѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ, и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ мятежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ, и неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подалъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барынѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначущій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобъ совершенно обнаружить свою ненависть. Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостію своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непремѣнно, чтобъ суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово, и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Наталіи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ; чувствуя теплоту дѣвственнаго тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся: онъ обвилъ круглый станъ Ольги одною рукою, а другой отодвинувъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова. Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой засохшей

отъ старости ветлы, косй черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась: странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея; они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходитъ у монастыря,—воскликнула Ольга:—моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій! ослибъ ты зналъ... Мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви, и замѣтилъ ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились... О, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ съ помощью толстыхъ сучьевъ взобрался почти на самый верхъ.

— Что видишь ты? — спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвется, но рука Юрія какъ бы машинально впилась въ безчувственное дерево. Наконецъ онъ слѣзъ, молча сѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками.—Что видѣлъ ты?—говорила дѣвушка,—отчего твои руки такъ холодны, и лицо такъ влажно? — Это роса, — отвѣчалъ Юрій, отирая холодный потъ съ чела и вставая съ земли.

— Все кончено... Напрасно... я безсиленъ противъ этой толпы... она погибла... О, Провидѣніе!—что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій! — воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе, и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю возрастающимъ вѣтромъ; вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались по дорогѣ; они постепенно приближались, и вскорѣ подъѣхалъ къ нашимъ страшникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую-то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ пріостановилъ свою буланую лошадь.—Что, бояринъ?—сказалъ онъ, насмѣшливо поглаживая рыжую бороду,—аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; семъ-ка довезу!..

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ уздцы.—Что ты, что ты, бояринъ?—закричалъ грубо мужикъ, — ужь не впрямь ли хочешь со мною съѣздить; экъ всполошился, — продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвистнувъ; добрый конь рванулся, но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударилось о камень, и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ вожжи; онъ уже занесъ ногу, чтобъ опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергъ его на землю, и сильная рука вырвала вожжи...— Разбой!—заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать:—разбой! Колесо переѣхало ему черезъ грудь и онъ замолкъ — вѣроятно, навѣки.

Ужасна была эта ночь. Толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшные огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валялись на полянѣ; иные изъ нихъ ужь собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣсто угаснаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три, не болѣе... одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но, обезображенный, онъ едва походилъ на бренные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

Глава XVI.

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ со своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операціонныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досадуя на то, что его стремянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка-вдова, солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, несмотря на серебристый оттѣнокъ волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ

взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужь давно лучина была погашена; ужь пѣтухъ, хлопая крыльями, сбирался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужь кони, сытые по горло, изрѣдка только жевали остатки хрупкаго овса, и въ избѣ на полатяхъ, рядомъ съ полногрудою хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ неномилованно; вѣроятно, утомленный трудами дня и (вѣроятнѣе) упоенный сладкой водочкой и поцѣлуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, еслибъ вдругъ, среди глубокой тишины, сильная, невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота такъ, что они затрещали; собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила:— Господи, Боже мой! да кто это тамъ!.. наше мѣсто свято!.. да что это какъ стучатъ!..— Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую потную грудь и она, съ досадой высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлеѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. —Отопри проворнѣе, — закричалъ онъ громомъ голосомъ. — Экой скорой! — пробормотала солдатка, захлопнувъ окно,—подождешь, не замерзнешь.. Не спится, видно, тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый. — Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника, и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, брань пріѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался на дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

— Батюшка! — сказалъ Юрій, котораго вы, вѣроятно, узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощупывая предметы, — проснитесь, гдѣ вы? проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти!.. Послушай,—продолжалъ онъ шопотомъ, обратясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло,—гдѣ мой отецъ? что вы съ нимъ сдѣлали?

— Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся што ли... я закричу... да пусти... пусти меня, окаянный... да развѣ не слышишь, какъ онъ на полатяхъ-то храпитъ, — и, задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

— Что за шумъ? кто тамъ развозился? Петрушка, Терешка, Фотька! эй, вы!..—закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая подобно лютому звѣрю.

— Батюшка!—говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину, — сойдите скорѣе... жизнь и смерть, говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада.

— Да что ты за человѣкъ?— бормоталъ Борисъ Петровичъ, сползая съ печи.

— Я! вашъ сынъ... Юрій...

— Юрій.., что это значитъ?.. объясни... зачѣмъ ты здѣсь?.. и въ это время!..

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ...

— Батюшка! мы погибли!.. народъ бунтуетъ! да! и у насъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ церкви толпились кучи народа... и нѣкоторыя восклицанія, долетѣвшія до меня, показываютъ, что они ждутъ, если не самого Пугачева... то казаковъ его... Спасайтесь!..

— А Наталья Сергѣевна?.. а вещи мои?..

— Матушка... не говорите объ ней... она... Спасайтесь! — сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала, какъ искра, на щеку старика и обожгла его...

— О!..—завопилъ онъ,—кто бъ могъ подумать, повѣрить? кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ! О, Господи, Господи! куда мнѣ дѣваться? всѣ противъ насъ... Богъ и люди... и кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ губить... кого же? — русское дворянство! простой казакъ... Боже мой! святые отцы!

— Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться? — сказалъ быстро Юрій.

— Нѣтъ, нѣтъ! никого нѣтъ!

— Фотька Атуевъ!

— Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналью!

— Терешка?.

— Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники! антихристы!.. О, спаси меня, сынъ мой!

— Мы погибли! — молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу. — Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!... Молитесь Ему, если можете.

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣна, и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца и

унесетъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридевять земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: я спасу тебя.

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра геройства, неизвѣстно доселѣ тлѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего ему не случалось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруетъ. Есть простая пословица: Москва сгорѣла отъ конѣчной свѣчки.

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стремянной Палицына, и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони, или охотникъ произносилъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на соломѣ подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали амбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, коноплями, рѣдькой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ клади, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посрединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно одного изъ пробудившихся псарей. — Кто тамъ?—спросилъ онъ.—Развѣ не видишь, что хозяева, — отвѣчала солдатка. Замѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

— А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ? — сказалъ, почесывая бока, пьяный псарь и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

— И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работки-то не больно разжируешь!

— Ужь не ломайся, знаемъ мы! экая гладкая! У барина видно губа не дура... Экъ ты призрѣла себѣ стараго чорта... да не бойся! не сдобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слезки.... дай срокъ!.. батюшка Пугачевъ ему рыло-то обтешетъ... пусть себѣ не вѣритъ... А ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась, и нашъ проворный рыцарь сильно наткнулся на оглоблю телѣги, споткнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ,—не знаю, но крайней мѣрѣ не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой непріятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги; сильно билися сердца ихъ, стѣсненныя неопредѣленнымъ предчувствіемъ; они шли, удерживая дыханіе, скользя по росистой травѣ, продираясь между коноплей и вязкихъ грядъ, зацѣпляя поминутно ногами или за кирпичъ, или за хворостъ; вороны пугала казались имъ людьми и каждый разъ, когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали; Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за пистолетъ... Но къ счастію, всѣ ихъ страхи были напрасны, и они благополучно приблизились къ темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одному темному углу, гдѣ находилось два сусѣка — одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломою.

— Полѣзай сюда, баринъ,—сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенько съ головой въ солому, и кто-бы ни приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылѣзай безъ меня; а я, коли жива буду, тебя не выдамъ; что бы ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: — прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословеніе! можетъ быть, мы больше не увидимся.—Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; взойдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакалъ гумно, махнулъ рукой удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочивъ черезъ ветхій обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различать мѣрный топотъ скачущаго коня, — онъ постепенно становился тише и тише, и наконецъ совершенно слился съ шопотомъ листьевъ дубравы.

— Куда этотъ верченый пустился?—подумала удивленая хозяйка, — видно, голова крѣпка на плечахъ, а то, кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!.. спрятала-то я стараго, спрятала, а какъ станутъ меня бить да мучить.... Ну, ужь коли на то пошло, такъ берегись, баба!.. не давши слова дер-

жись, а давши крѣпись... только бы онъ самъ не оплошалъ.

Глава XVII

Въ эту же ночь, богатую событіями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу, но конь, уставъ продираться сквозь колючій кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицыно.

Задумавшись, ѣхалъ мрачно горбачъ, сложа руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть металась на передней лукѣ казанкаго сѣдла, и добрый степной конь его, горячій, шекотливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ спокойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать... Вадимъ опомнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу присѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его, и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю

— Куда торопишься, чему обрадовался, лихой товарищъ?—сказазъ Вадимъ,—но тебя ждетъ покой и теплое стойло... ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получилъ отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданіяхъ... О, еслибъ я могъ вырвать изъ души своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ!—и онъ, наклонясь, вырвалъ изъ земли высокій стебель полыни.—Но нѣтъ!—продолжалъ онъ,—одной капли яда довольно, чтобъ отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ...—Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются; два раза шапка чуть-чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка поталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужь и село... церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкнутъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ... Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу Эти огни, эти пѣсни—все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго празднества, и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена—Дидо и Ладо—могли бы ввести въ заблужденіе неопытнаго чужестранца.

— Ну, Вадимка! — сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной,—какъ слышно... скоро ли нашъ батюшка-то пожалуетъ?..

— Завтра, въ обѣдъ, — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

— Ой ли,—подхватилъ другой,—такъ стало быть не нонче, а завтра; такъ... такъ! А что, какъ слышно? чай, много съ нимъ рати военной... чай, казаковъ-то видимо-невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то? .

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка,—сказалъ третій, покачивая головой;—эко диво серебряный... чай, не только кафтанъ, да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью?.. чай, все старики...

— Вѣстимо. Послушай, братъ Вадимъ,—продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами,—гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужь я бы его попотчивалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ,—это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія—кромѣ меня... Онъ мой... я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіе коихъ мысленно я пожиралъ всевозможныя чувства, чтобъ подъ конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшой гремучій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался, позади небольшого сада, господскій домъ съ многочисленными службами; онъ былъ теменъ, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто всѣ его жители отправились въ дальнюю дорогу. Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами. Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ.

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, за-

каленное противу всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ, при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, еслибъ среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: — спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!.. Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори... — и онъ, задержавъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай, мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ, еслибъ на этомъ порогѣ было написано судьбою: смерть, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Міръ безъ тебя—что такое? храмъ безъ божества... Зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ Провидѣніе не настигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай... черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли, и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ опять захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ перескочилъ черезъ плетень, перерѣзывающій оврагъ, и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... Кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ вошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился: на полу стоялъ фонарь, и возлѣ него сидѣла, приклонивъ блѣдную голову къ дубовой скамьѣ, Ольга!

Убійственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были всѣ надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижно сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ, и сжатыя губки казались растянуты постоянной улыбкой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ Провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица бѣдной дѣвушки: ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшей Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ нему обернулась, но она осталась въ прежнемъ положеніе, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?..

— Еще?.. а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?—говори, Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя принести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?..

— О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!

— Ольга! твой отецъ былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобъ онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ погибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не братъ мой... Прочь! я ненавижу, презираю тебя!...

— Ненавидишь, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня...—Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!.. ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣетъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!.. я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже! — прошептала, вздрогнувъ, несчастная дѣвушка; сердце ея сжалось, и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай!—сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру; посадивъ ее на лавку, онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ: — послушай, было время, когда я думалъ твоею любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня— тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ, какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты

прекрасна, ты ангелъ; тебя не любить — невозможно... я это знаю... О! да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!.. Да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О! да это невозможно тебѣ постигнуть... еслибъ я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ тебѣ на колѣна... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя умирая...

— Проклинай!—отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ, неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, коп донынѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ нею, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... Это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай — между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ; мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небеснаго правосудія. Но... довольно!.. довольно!.. Послушай: еслибъ бѣдная собака, изсохшая, полуживая отъ голода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя былъ бы кусокъ хлѣба... одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?

— Сердце — не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти!.. А! Но развѣ я это у тебя спрашивалъ.

— Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала..

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!..

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься, — воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ, — онъ непремѣнно долженъ умереть... и очень скоро!..

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!..

— Я надѣюсь на Бога... Онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ себѣ или спасетъ его, несмотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!.. Онъ меня не знаетъ; Онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву — Ему все равно... И не думаешь ли ты смягчить Его слезами и просьбами?.. Ха, ха, ха!.. Ольга, Ольга!.. Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ; ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — и, если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову...—Онъ отвернулся, хотѣлъ повидимому что-то прибавить, но голосъ замеръ на посинѣвшихъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или незольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе...

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери.

Глава XVIII

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ крочѣ для медвѣдей, волковъ и самыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, коп въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 г.; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойди нѣсколькихъ верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе: «Чортово Логовище», а суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой уединенной пещеры, должно бы было переплыть рѣку и версты двѣ идти болотистой долиной, усѣянной кочками, вѣтло-

выми кустами и покрытой высокимъ камышемъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мхомъ обманывала неопытнаго путника, и высокій тростникъ скрывалъ ямы и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и, спустясь съ него, поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ. На опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось, простирали огромныя вѣтви, чтобы заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта; «lasciate ogni speranza voi ch'entrate». Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ, какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ. Наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо, и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми [illegible] цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый трудолюбіемъ какого нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидуя ея свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до «Чортова Логовища», но тропинки уже нѣтъ нигдѣ, и должно идти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія. Лѣсъ не такъ высокъ, но колючіе кусты, хмѣль и другія растенія переплетаютъ неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти различить стоящаго человѣка; [illegible] глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющемъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, преграждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимой косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ, непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ. Тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокій оврагъ. Его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые, нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездной длинными хвостами: глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ: на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться, придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая, бѣлѣе пуха лебяжьяго, останавливается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рытвины и, наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна, уставленная нѣсколькими высокими дубами; посерединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ-нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но, войдя въ середину между нихъ, мнѣніе наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галлереи; отверстія такъ малы, что едва на колѣняхъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и, наконецъ, три человѣка могутъ идти рядомъ безъ труда, не задѣвая почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ повидимому въ разныя стороны, сначала довольно круто спускаясь внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галлерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько саженъ она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачиваетъ направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію,—она оканчивается обрывомъ или, лучше сказать, поворачиваетъ вертикально внизъ; должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобы спрыгнуть туда — какъ ни говори, двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искуственныя препятствія; она идетъ назадъ параллельно вер[illegible] одной съ нею верти[illegible] склоняется налѣво, [illegible] круглую залу, куда также примыкаютъ двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей

(niches); посредині одинъ четвероугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ, служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы, слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленькій ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго вѣроятно съ намѣреніемъ въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и наконецъ, скрываясь въ другомъ отверстіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ; немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсни узника оживляютъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ, камни и земля — все поросло мохомъ: при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ скромныхъ звѣрьковъ, любителей мрака и неизвѣстности; нынѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подъѣзжалъ къ нему, хотя ни разу не осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то «Чортово Логовище», несмотря на это адское прозваніе, представилось его мысли какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овинѣ, такъ близко отъ спящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, милые слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти! Чувство, равно свойственное человѣку и собакѣ, вообще всѣмъ животнымъ, — но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, понимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизиціей упасть въ колючія объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, богохульнаго страшнаго изображенія святѣйшей святыни... О, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который, въ первый разъ обшаривая пустые карманы, слышитъ за дверьми шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти; Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ: слово смерть, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ, но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ, то грозная, высокая, съ распростертыми руками, какъ висѣлица, то неожиданная, внезапная какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по его влажнымъ членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга... Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?.. молитвой!.. Но напрасно!.. уста его шептали затверженныя слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостью большой крысы или другого столь же мирнаго животнаго, казался ему шопотомъ злодѣевъ... Онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастіе—женщина: коли полюбитъ вдругъ сначала, такъ разлюбитъ подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понялъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ, онѣ пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы, сорванные вихремъ съ березы, мелькая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ, и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы!..

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?.. гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей?.. Никого, рѣшительно никого!.. Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводитъ? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились?.. и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?..

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ коп-

скій, крикъ, брань и по временамъ призывный звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса; наконецъ, все умолкло; прошло еще полчаса,— вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ:—баринъ! баринъ!—вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба — и вылѣзъ изъ сусѣка.

— Это ты, хозяйка! — пролепеталъ онъ невнятно.

— Я, я!.. да не бось... они всѣ уѣхали, поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка,—прервалъ Палицынъ,—ужь свѣтаетъ... Послушай... я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто.. говорятъ, недоброе... да это все равно... ты знаешь Чортово Логовище?..

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась, посмотрѣла пристально на Палицына.—Охъ, кормилецъ! бѣда! сатанинское это гнѣздо...

— Нѣтъ другого! — возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кончу... ужь мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платье, скинь-ка свой балахонъ, а я тебѣ дамъ сына въ проводники... Онъ малый глупенекъ, да за то не болтливъ, и ужь противъ материнскаго слова не пойдетъ...

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малой, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь; онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо. Почесывая затылокъ и кивая головой, онъ зѣвалъ безпощадно и только по временамъ отвѣчалъ: — хорошо, мачка! — Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужь былъ готовъ. — Съ Богомъ! — прошептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ задніе ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ, пробирающихся къ грозному Чортову Логовищу, обоихъ [illegible] какъ листъ: одинъ — опасаясь погони, другой — боясь духовъ и привидѣній, [illegible] ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

Глава XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячи предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснились въ умѣ его; но спасти Ольгу, или, по крайней мѣрѣ, погибнуть возлѣ нея — было первымъ чувствомъ, господствующею мыслію его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслуживавшая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возросла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій его шпага, ударяясь объ бока лошади, непримѣтно возбуждала ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодыя нивы,—какъ молодой народъ, онѣ волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись — налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими очами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногій лѣшій. Все молчало кругомъ, иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночного сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часового. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки. это былъ конскій топотъ, который непмовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дому на всякій случай, осмотрѣлъ кремень, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль, и наконецъ показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 30-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

— Стой! — закричалъ Юрій, — не приближайся! или я размозжу тебѣ голову. Кто ты таковъ?

— Или ты не узнаешь [illegible], — отвѣчалъ хриплый голосъ: —неужели ты хочешь убить [illegible]

— Какъ? Это ты, Оедосей?—воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его черты;—но зачѣмъ ты здѣсь? — продолжалъ онъ строго,—мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?.. Говори!..

— Эхъ, баринъ, баринъ!.. ты грѣшишь! я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ... и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка!.. Времена тяжкія... да ужь Оедосей тебя не оставитъ; гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; Онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ... а кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать? Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, но я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной, и въ воду и въ огонь кинусь для тебя.. ужь таково дѣло холопское, ты меня поилъ и кормилъ до сей поры... теперь пришла моя очередь... сгибну, а господъ не выдамъ...

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Если ты говоришь правду, Оедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою... но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...

— Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ-одинехонекъ?..

— Оедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ ему скрыться... и ѣду...—Юрій призадумался и наконецъ, отворотясь, молвилъ отрывисто:—Я хочу видѣться съ Ольгой.

— Вотъ что!—подумалъ Оедосей, поглаживая усы,—время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ.—Эй, баринъ,—молвилъ онъ, осмѣлившись, — брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...

— Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...

— Плохо!—пробормоталъ Оедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ, ни другой не умѣя или не желая возобновить разговора. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

— Баринъ,—воскликнулъ вдругъ Оедосей,—посмотри-ка, кажись, наши гумна видѣются... Такъ, такъ!.. остановись-ка, баринъ. Послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу, — я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ петлю добровольно... бережёнаго Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...

Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. — Какъ! — думалъ онъ, — и я для нея побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью?—Но скоро, съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и— увы! — согласился... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Оедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я... противъ правды словъ нѣтъ. Я уже прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга онъ былъ человѣкъ, какъ и другой—просто добрый, умный юноша.— Что дѣлать?..

Когда Оедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой вѣтвѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю; напрасно онъ думалъ, что хладный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладятъ кровь, успокоятъ волнующуюся грудь... всѣ призраки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все далѣе и далѣе, какъ иногда блуждающій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь злокознаго генія, заводитъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее. Такъ врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства—но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ:—ужели ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являются ко мнѣ? — И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянныя имъ на дорогѣ жизни, но увы! эти чувства не принесли плода; одни, какъ сѣ-

меня притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потонтаны странниками, иныя упали на камень и сгнили отъ дождей безполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокурымъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитанникомъ природы, играющимъ на колѣняхъ няни, трепещущимъ при словѣ «бука»; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы и какъ невозвратно они погибли.

Но вотъ насталъ возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдаютъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ. Анютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній — какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! — Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны и какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ коридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рощѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первые, сначала непорочные, [illegible] и подъ конецъ преступные поцѣлуи, какъ [illegible]горались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетянутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста его впивались въ ея [illegible] солнечнымъ зноемъ.

[illegible]ятъ, что пора служить... онъ [illegible]гъ, зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15 ти лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16-ть. Итакъ... итакъ... [illegible] бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости, воля, и рощи, и поля, прости, счастье, прости, Анюта!.. Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижные, полные слезами; она изъ-за двери долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щечки, онъ какъ вихорь промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его...—О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня! — думалъ онъ тогда... но что же! Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась дюжей, толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... очарованіе разлетѣлось какъ дымъ; настоящее отравило прелесть минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую дѣвочку... и принесъ эту жертву своему самолюбію, почти безъ всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава!.. вотъ его кумиръ... Война!.. вотъ его наслажденіе... Походъ!—въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ попирать разрубленныя, нечестивыя чалмы поклонниковъ корана! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвитъ:—молодецъ, хватъ! лучше меня!.. Помилуй Богъ!—О, Суворовъ вѣрно ему скажетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, сквозь огонь и градъ пуль турецкихъ, на окровавленный валъ и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя бездѣльной раны, водрузитъ въ чужую землю первое знамя съ двуглавымъ орломъ!.. О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!..

Но войска перешли черезъ границу русскую— и пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, которыя, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится чрезъ дикія поляны... О, какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо!.. Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любопытныхъ и нескромныхъ? Кто она? — О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ, если Богу есть какое-нибудь дѣло до сердца человѣческаго.

Онъ нашелъ ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; непъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его, и онъ поднялъ Зару—и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ незрима и прекрасна, какъ ангелъ. Въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея [illegible], исчерченная лиловыми жилками, [illegible]тельна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ,

въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ, ея душа была или чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ эти волосы, разсыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій, и предался прекрасной мусульманкѣ, предался и тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... о, какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампа догорала въ углу, и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабель, отбитыхъ у врага и живописно развѣшанныхъ надъ ложемъ юноши. Юрій спалъ, но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ ненасытно лобзалъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя—но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно всѣ упреки, всѣ обиды... О, въ ней точно кипѣла южная кровь!

— Неблагодарная, змѣя!—воскликнулъ Юрій: —говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на всѣ мои ласки ты не знала другого отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже! Создатель! такая наружность—и такая душа! О, если всѣ твои ангелы похожи на нее, то какая [illegible] и рожъ? Нѣтъ, Зара! нѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори, чего ты хочешь?

— Я хочу свободы,—отвѣчала Зара.

— Свободы!.. а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ минаретахъ, о своей хижинѣ—но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчизной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!.. Божій міръ великъ, найди себѣ домъ, друзей... ты видишь: и безъ моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое, какъ бѣлый туманъ, обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользила по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула— и снова скрылась... Прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный, съ мутнымъ взоромъ, безпокойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только-что начинало разгораться и проникать одежду... Вдругъ въ одномъ шатрѣ Юрій слышитъ ропотъ поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи; онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорванномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!.. онъ узнаетъ свою Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстителенъ; не злоба, но глубокая печаль проникала въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть — и не умеръ, рѣшился забыть Зару — и, [illegible], забылъ ее!

Наконецъ, кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной — [illegible] чрезвычайно покойная и умная выдумка!.. Не одна 30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій съ злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней, съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и всѣ ея соперницы блѣднѣли. О, какъ Юрій забавлялся сей тайной, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горькія, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепелъ, сухой, горячій пепелъ! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факелъ, окропленный водою, съ усиліемъ и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножомъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплесть, перерубитъ, подобно Александру.

Глава XX.

Өедосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и, наконецъ, спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли; казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ оставался неподвиженъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь—и вошелъ; но, переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся,—и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить ея формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что (это) или злой духъ или злой человѣкъ. Когда Өедосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и грубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія. На полу свернувшись, лежала Ольга, прислонивъ голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правою рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестройно, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ. Можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который неумолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызетъ желѣзо,—а сердце 18-лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе бури туманитъ его какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья. Ручей—это надежда: покуда она бѣжитъ и живетъ, то въ нѣсколько мгновеній слѣды изглажены, но если однажды [illegible]—тогда нужно до [illegible] неизгладимыхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда вошелъ Өедосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ, и дрожащій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тѣнь на круглое гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой, роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и хладные какъ снѣгъ, почти совсѣмъ обнаженные, не волновались какъ прежде: взоръ мужчины безпрепятственно покоился на нихъ, и ни малѣйшая краска не пробѣгала ни по шеѣ, ни на ланитахъ. Женщина, (только) потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ—это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ нею стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ, онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

— Вставай, вставай—время дорого.

— Ты опять здѣсь!..—простонала она, не приподнимая головы.

— Какой чортъ опять! да ты меня не узнала, што ли? Вставай—время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня (съ нимъ) что случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...

— Что ты, матушка, бредишь? Помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Өедосей—чай, меня не забыла... да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

Какъ пробужденная отъ сна, вскочила Ольга, не вѣря глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдого ловчаго и, наконецъ, воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ:—Такъ онъ меня не забылъ? такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко, далеко...—И она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника,—и смѣялась, и плакала...—Нѣтъ,—продолжала она, немного успокоившись,—нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили; нѣтъ, онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ, вездѣ мой; я купила его слезами, мученьями, мольбами, тоской, онъ созданъ для меня, нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю,—прервалъ хладнокровно Өедосей,—ужь вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что намъ пора... если ужь не поздно...

— Но куда? какъ?

— Ужь это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Өедосей, если ты обманываешь, оборони Боже...

— Что я за басурманъ!.. да скорѣе... Юрій [illegible] за гумнами на дорогѣ... [illegible] проглядѣлъ...

— Я [illegible]...

[illegible], подавъ ей знакъ молчать, приблизился [illegible], отворилъ ее до половины и высунулъ [illegible] съ намѣреніемъ смотрѣть, все ли [illegible] пусто и тихо. Довольный своимъ [illegible], [illegible] что-то про [illegible] вился совершенно [illegible], схватился [illegible] — и въ судорогахъ упалъ [illegible]; что-то [illegible] брызнуло на руки и [illegible] Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла [illegible],—не могла... Передъ нею [illegible] въ крови [illegible], а надъ [illegible] съ топоромъ въ [illegible] [illegible] Ольгу гла[illegible] [illegible] какъ Геркулесъ. [illegible]

— Ты видишь! [illegible]

[illegible] мозгъ?.. кто?.. я, я, я, ха! ха! ха!—презрѣнный нищій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ!.. да! да!—неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга: не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія... Ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастіе—мечту, а я обѣщалъ месть—и вѣрную месть. Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужь такъ давно отвергнутъ Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ!—господинъ, повелитель, царь твой; насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства, — мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей... —Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались, какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала въ воздухѣ: онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣпко, что слышно было, какъ захрустѣли [illegible], и, принявъ торжественный видъ жреца, произнесъ: — Свершилось первое мое желаніе! онъ палъ, — вотъ онъ, убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, губитель моего перваго блаженства,— [illegible] и въ могилѣ, и берегись, [illegible] на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга, [illegible], куда хочешь, — между [illegible]; я тебѣ заплатилъ — [illegible] все равно. Прощай, сестра! [illegible] юноша!

И [illegible] плечами, приподнялъ голову мертваго за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо—вздрогнулъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе, — вдругъ закричалъ и отскочилъ, какъ бѣшеный. [illegible]

лемъ, то слишкомъ дорого купитъ побѣду. Но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неугомонная волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить; и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка? Воля—заключаетъ въ себѣ всю душу; хотѣть — значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, еслибъ волю можно было [illegible] на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытьи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры. Свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ платьемъ убитаго, и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой: такъ высоко взвивались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой, полузапекшейся кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Ѳедосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнулъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно, и розовый блескъ змѣей обрисовывалъ нижнія части большого сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отдѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ, и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и [illegible], и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто— въ груди Вадима какая буря!

Глава XXI.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ, и гибкіе верхи деревъ едва колебались, перешептываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка напѣвали странствующія птицы, изрѣдка вѣщая кукушка повторяла свой любимый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина; ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями, и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большого платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидалъ разсѣянные взгляды то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умѣ его: по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза—и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро [illegible], какъ будто бы пораженные [illegible] лучами солнца.

— Ты задумчивъ! — сказала она, — но отчего?—[illegible] прошла, я съ тобою... ничто не [illegible] любви, небо ясно, Богъ милостивъ!... зачѣмъ грустить, Юрій!—Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но за то, какъ они, свободны—пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы—нашими наставниками, посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...

— Да, — отвѣчалъ Юрій, — счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!.

— Развѣ лучше, если я буду плакать!..

— Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О, еслибъ ты знала, какія грозныя предчувствія тѣснятся въ душѣ моей!.. И какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ [illegible]гло разливались въ народѣ? Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? А теперь!—русскіе [illegible] гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простого казака, подлаго самозванца, и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ, которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ, о, змѣи! [illegible] я бы раздавилъ васъ... И вдругъ, [illegible] все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... [illegible] холодъ, жизнь нищаго — а тамъ висѣлица, пытки, позоръ... Боже! что мы сдѣлали? О, казни меня

Самъ, не зачѣмъ поручить орудье казни этой грязной, подлой толпѣ рабовъ?

— Юрій! успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ, и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царицѣ, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери...—При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею: дѣвственныя груди облились румянцемъ и заволновались, стараясь вырваться изъ-подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прилѣпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

— Ты права!—говорилъ онъ,—чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ!.. чего болѣе для меня... я видалъ смерть близко на ратномъ полѣ и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ, и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно умереть, я умру не вздрогнувъ, не простонавъ... Клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣна передъ низкими палачами!..

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ сломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листахъ, коими усѣяна была земля

— Пойдемъ по этому слѣду, Ольга,—сказалъ онъ, подумавъ немного,—онъ приведетъ насъ куда-нибудь... быть можетъ къ мѣсту спасенія... Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голоду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значитъ, что Онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и забросанные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій, они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревами возвышались три намъ уже знакомые кургана.

— Что это значитъ?—воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіеся выходы пещеръ.

— Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари Провидѣніе... мы спасены.

— Но что такое? я не понимаю тебя!

— Я слышала много разсказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались. Но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто,—если всѣ эти разсказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь... или другой негостепріимный пустынникъ...

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову—точно! но что это значитъ? ужь не занята ли ихъ квартира?—Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула:—Пойдемъ отсюда... пойдемъ... не медли ни минуты...

— Идти... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ синяго неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы?.. что намъ за дѣло... Если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники, подобные намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... Къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не боятся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показать свои лица въ народѣ...

— Но я боюсь, Юрій,—твои убѣжденія ничтожны,—я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и, устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... Ради любви моей, не ходи въ пещеру; пойдемъ далѣй: это западня... Какъ тамъ темно, какъ страшно...

— Послушай... если мы пойдемъ далѣе, то, не зная окрестностей, забредемъ Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбѣжно погибъ,—развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдемъ

вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ, что суждено!

Съ сими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣняхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе, и, ощупью подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было идти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему навстрѣчу, и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи, онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ. Сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвесть какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій вошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четвероугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казалось, не обращалъ на него вниманія Юрій рѣшился подойти поближе и, приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?.. вставай!.. что ты за человѣкъ?.. другъ или недругъ?.. отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и, схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся, не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы, и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался вѣроятно несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красные уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во всѣ стороны.

— Остановись,—сказалъ Юрій,—или я тебя пронжу насквозь.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться, и произнесъ довольно невнятно:—кто ты?

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ:—сынъ мой! сынъ мой!

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и машетъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потерянаго волчонка, а Борисъ Петровичъ былъ человѣкъ, какъ вамъ это извѣстно, то есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка,—по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ натуралисты и философы... а эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы грѣшные наши утреннія и вечернія молитвы,—сравненіе чрезвычайно справедливое.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо, имъ совершенно чуждое, существо забытое, но прекрасное, нѣжное, — женщина съ огненной душой, съ душой чистой и свѣтлой какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разсказалъ сыну, какимъ образомъ, съ помощью бѣдной, но гостепріимной солдатки, онъ былъ отведенъ въ это уединенное убѣжище, то прибавилъ: — Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ. Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ пухъ и въ прахъ — это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобъ посмотрѣть, какъ трупъ ихъ прежняго господина мотается на висѣлицѣ?.. Адъ и проклятіе! кто бы ожидалъ!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣрилъ? — напасть Божія на насъ грѣшныхъ, да и только!.. Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ, и не смѣй носа высунуть... сиди,—не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня по утру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!.. чай, солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висящія на ея рѣсни-

нихъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась; какъ восковая кукла, неподвижно прислонившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: милліонъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ, и нерѣдко и лицо, и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма—наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька, — сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ,—ты въ пору зачванилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе,— отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ!.. Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ [illegible]... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица, хоть куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ; но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца, и, отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но [illegible]:

— Если хотите быть [illegible] отцомъ, [illegible] то мнѣ [illegible] сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка [illegible] святыня, на которой [illegible] останется [illegible] пятна... Вы меня [illegible]... прости... [illegible] кровь кипитъ при [illegible]... я не [illegible] сила и [illegible] [illegible]... [illegible] ли [illegible]... въ противномъ случаѣ, [illegible]... [illegible] правилъ, а любовь—никакихъ.

Глава XXI.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился [illegible] сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду—вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Неудача за неудачей! досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей [illegible] мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ [illegible] и [illegible] поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлеѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у под[illegible] забора... И вдругъ [illegible]ръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!.. точно!.. онъ [illegible] [illegible] кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! Она бѣжала: это ясно — но съ кѣмъ? съ кѣмъ?.. развѣ нужно спрашивать? О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превращается въ желчь.—Нечего дѣлать!—думалъ горбачъ, скрежеща зубами,—тебѣ удалось меня поддѣть, ты изъ рукъ моихъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливымъ нищимъ, дерзкій безумецъ, — но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!—Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... Въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмѣльного напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ, по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, [illegible] взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни, слѣдуя за ними, перешептывались и порою громко отпускали лихія шутки на счетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага [illegible] ихъ [illegible] и мыслями; они [illegible] себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и [illegible] были примѣтно [illegible]. Но оставимъ буйную молодежь и послушаемъ. Объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобородыми старшинами— отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... Увы! къ несчастію казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія! они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже подымалъ свою толстую плеть надъ головою старосты, и его товарищи ужь произносили слово пытка; [illegible] тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ, и вскорѣ возвратились, таща [illegible] казачика на арканѣ. Урядникъ, по [illegible] Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усастый, съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на блѣднаго приказчика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ, съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицко! — сказалъ урядникъ маленькому казаку,—что это за кликуша?.. отчего реветъ, какъ волъ? ужь не онъ ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ!—отвѣчалъ Грицко,—говоритъ, што приказчикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не добьешься... Я его нашелъ подъ лавкой въ кухнѣ и насилу выкурилъ оттуда головешкой.

Улыбка показалась въ устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть свои приговоръ.

— Такъ ты приказчикъ?—спросилъ Орленко, обратясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и запнулся.

— Чтожъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ кинжаломъ расщѣплю зубы...

— Виноватъ! я приказчикъ...

— А! такъ ты виноватъ!—сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться:—въ чемъ же ты виноватъ? сейчасъ признавайся... а не то, видишь!—Онъ пальцемъ указалъ на свои пистолеты.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виноватъ! ваше жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня запираться!..

— Виноватъ!—опять заревѣлъ приказчикъ,—сжальтесь... я отъ страху не знаю, что говорю... я приказчикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господа, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ полюбовался на ихъ висѣлицу... я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будто бы! точно ли?

— Да убей меня Богъ! если я бы хоть одинъ голосокъ за нихъ отдалъ, злодѣевъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?.. да такъ... а что, родимый?

— Эй, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство!—сказалъ приказчикъ, привставъ, съ большею увѣренностью,—изволите спросить у всѣхъ мірянъ: любилъ ли я господъ своихъ...

— Эй, вы! правду ли онъ говоритъ?

Мужики переминались, почесывали затылки, кашляли.

— Видишь, молчатъ!—сказалъ насмѣшливо Орленко.—Да я подозрѣваю... ужь не самъ ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... Эй, мужички! какъ вы думаете, ха, ха, ха!

Увы! народъ молчалъ.

Приказчикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, но, не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу, и, не зная что дѣлать, закричалъ:—Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не приказчикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первый разъ меня видите... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы канальи!—развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется...

Лукавые мужики покачивали; наконецъ, одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ:—Поротъ-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь-то ты насъ этимъ, любезный, не настращаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... А теперь... не хочешь ли теперь на себѣ примѣрить?

— Что же? ты его признаешь за барина своего?—спросилъ Орленко.

— Баринъ-то онъ не совсѣмъ баринъ,—сказалъ мужикъ,—да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда попъ—туда и попова собака!

— Чтожъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все равно... какъ присудишь,—заговорило нѣсколько голосовъ.

Приказчикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ:—Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряной... что я тебѣ сдѣлалъ... неужто нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ...

— А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты! вашей братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть... дѣлайте изъ него, что хотите!

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: «смерть», «висѣлица», отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались... всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припоминалъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею.

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея,—и человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту, съ изорванными одеждами, явился передъ казаками... Когда урядникъ его увидалъ, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому; но Вадимъ,—ибо это былъ онъ,—не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ:—отойдите подальше, мнѣ надо него-

ворить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...— Мужики смотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чьемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу, и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ урядинку.

— Здравствуй, Орленко,—сказалъ онъ отрывисто,—звѣря я сослѣдилъ, а поймать ваше дѣло

— Ужь ты молодецъ, Красная Шапка, знаемъ мы тебя...—Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли еще однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

— Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю,—только съ условіемъ... и чортъ даромъ не трудится...

— Т[illegible] укажи [illegible],—сказалъ, улыбаясь, Орленко,—а ужь за наградой дѣло не станетъ: сколько бы денегъ на немъ ни нашли.—вотъ тебѣ крестъ,—десятую долю тебѣ.

— Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ...

— Чего жъ ты хочешь... крови?..

— Да, крови!—съ дикимъ хохотомъ отвѣ[illegible] горбачъ.

— Чтожъ, и за этимъ дѣло не станетъ...

— О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть!.. Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова; чтобъ я насытился его мученіями, — одинъ, слышите ли, одинъ; чтобъ ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка... слыш[illegible] ли!

Нѣкоторые казаки [illegible] и поражены его [illegible]ными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, на которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей! Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его т[illegible].

— Ахъ ты, уродъ,—с[illegible];—ну, [illegible] ожидалъ отъ тебя та[illegible] ха, ха, х[illegible]

[illegible] взглядъ, который былъ его [illegible] [illegible]улъ ногою, заскр[illegible] [illegible] могли прочитать его [illegible] [illegible]ихъ. Всѣ с[illegible] [illegible]немъ.

— Коня!—закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна,—дайте мнѣ коня... я васъ проведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же...—Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ, и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась... и слѣдъ простылъ...

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный приказчикъ на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколіемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его или засѣчь, или уморить съ голоду въ холодномъ амбарѣ. Послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому амбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сіи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобы описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на завалинкахъ и запѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада съ топотомъ, пылью и блеяньемъ, возвращаясь съ паствы, разсыпались по улицѣ, и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

Глава XXIII

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ безмолвствовалъ; онъ мечталъ о сестрѣ, о родной крови,—онъ прощался съ этими мечтами—навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми казаками; они также молчали; иногда вырывалось шутливое замѣчаніе, за нимъ появились три-четыре улыбки—и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ:—[illegible], братцы! Кто это намъ ѣдетъ навстрѣчу, слышите топотъ... видите пыль, тамъ за пригоркомъ... Ужь не наши ли это изъ села Красного... то-то, я думаю, была пожива,—не то, что мы,—чай пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э!.. да посмотрите... вѣдь точно, видно, они! Ахъ, разбойники... черти ихъ душу возьми... Экъ сколько телѣгъ за собою везутъ, цѣлый об[illegible]!

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ навстрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала. Впереди ѣхало человѣкъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ сѣдымъ наѣзднико̀мъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человѣкъ десять мужиковъ съ связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однѣхъ рубашкахъ; потомъ слѣдовало нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ поклажею, виномъ, вещами, деньгами, и, наконецъ, двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружало сіи кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ саженъ на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, пріударилъ коня нагайкой и поскакалъ къ каравану. — Здравствуй, молодецъ,— сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ привѣтливой улыбкой,— откуда и куда путь держишь?

— А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлбородкѣ.... онъ имъ совьетъ веньковое ожерелье... не будутъ въ другой разъ бунтовать.

— Я отгадалъ, старый, что ты вѣрно въ Красномъ пировалъ... да, кажется, и теперь не съ пустыми руками.

— Да, нельзя пожаловаться на судьбу... бочки три вина веземъ къ Бѣлбородкѣ.

— Къ Бѣлбородкѣ! Все ему? А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣсто того, чѣмъ везти туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ казачковъ не попотчивать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына, и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся...

Старый обратился къ своимъ и молвилъ:— Эй, ребята, какъ вы думаете? Вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать привалъ... своихъ обдѣлять не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... а тамъ что будетъ, то будетъ. утро вечера мудренѣе...

— Стой!—раздалось по всему каравану.

Стой!—скрипучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телѣги, съ завистью слушали разсказы послѣднихъ про богатыя добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою собственность. Между тѣмъ нѣкоторые отправились къ рощѣ, возлѣ которой пробѣгалъ небольшой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала. Вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телѣги и кибитки и, наконецъ, остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ...

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія новѣйшей добычи, особенно имѣя передъ глазами двѣ миловидныя бочки вина, то, подъѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ:—Итакъ, сегодня нѣтъ надежды!

— Да, братъ, наврядъ;—да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужь я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ, скорѣе сочту волосы въ хвостѣ моего коня.

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отъѣхалъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ толстой березѣ и сѣлъ на землю; прислонясь къ березѣ, сложа руки на груди, онъ смотрѣлъ на приготовленія казаковъ, на ихъ беззаботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, сколибъ вы знали, что онъ увидѣлъ? Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣдая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью,—да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности... Но рокъ измѣнилъ... Онъ уже перешагнулъ двѣ ступени къ гибели: сопротивленіе, плѣнъ; теперь осталась третья— висѣлица

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматривался въ эти черты, отлитыя въ [illegible] величія и благо[illegible], исчерченныя когтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, осѣненные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину, развернутую передъ ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть [illegible] могло, казалось, [illegible] проникающаго взгляда; но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки,— и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, [illegible] на сѣдыя рѣсницы и чуть-чуть не у[illegible]

поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голова, женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозою и стопами прохожаго и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близкой разлуки, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ страсти, святая печаль, попечительное сожалѣніе отца, опасенія балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голову сестры, которая лежала у нея на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ казаковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... Они однако не смѣли подойти къ старику: его строгій, пронзительный взоръ поражалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣчки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатили первую бочку,—началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разсказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную музыку, но скоро шумъ началъ возрастать, возрастать, какъ грозное кресчендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя, вольныя! какія разноцвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ согласно съ догорающимъ западомъ озаряло картину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

— За здравіе пана Бѣлбородки! — говорилъ одинъ, вычивая разомъ полный ковшикъ,—онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!

— Чортъ его побери!—отвѣчалъ другой, покачиваясь:—славный малый! пьетъ, какъ бочка, дерется, какъ звѣрь... и умнѣе монаха.

— Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ нынѣшній день на тѣлѣ зарубкою, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!..

— Ахъ, ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за амбаромъ... ха, ха, ха!

— А ты, рыжій, гдѣ спрятался, признайся, когда старикъ-то заперся въ свѣтелкѣ, да началъ отстрѣливаться?

— Я? а гдѣ бишь... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я, подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна...

— Да это было прежде... Ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старый бояринъ, когда нашъ Грицко удалой повалилъ его сына?

— Что? ничего...

— Такъ врешь! онъ положилъ его поперекъ окна и, прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятскаго.. вотъ повалилъ-то, какъ снопъ! Ужь я цѣлилъ, цѣлилъ въ его меньшую дочь... вѣдь разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружья... по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на постеляхъ...

— А много нашихъ легло?

— Да человѣкъ десятокъ есть... За то ужь мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покрошили, кромѣ господъ... да этимъ суждено умереть немолоденкой смертью...

— Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...

— Да власти нѣтъ.. старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!

— Эхъ, кабы я былъ старшина...

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

— Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить! развѣ боитесь своихъ старшинъ?—сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха. —Кто мѣшаетъ!—заревѣли пьяные казаки,—кто смѣетъ намъ мѣшать!.. мы дѣлаемъ, что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми!.. Убить, да! убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте, ребята! — И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ сталъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все поняли!..

— Чего вы хотите?— сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воронъ! старый филинъ!.. мы тебя выучимъ воздушной пляскѣ... пожалуйка сюда... Да выходи-же!—сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плети.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье. — Не бойся, — шепнулъ онъ ей, обнявъ одной рукой, — не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ

намъ сдѣлать, если же... — Онъ отвернулся... О! какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки! сколько прелестей, сколько отчаянія!

— Разнимите ихъ!—закричалъ одинъ кривой исполинъ, приготавливая петлю, — что они лижутся!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку. — Перестань, — сказалъ отецъ твердымъ голосомъ, — ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ басурману...—Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь...—Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись...— Она отрывисто качнула головой и заплакала... Боже! какія слезы!

Несмотря на это, ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ, прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

— Теперь пойдемте, — сказалъ старикъ. Его глаза заблистали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ и — раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился кверху; мученикъ сорвался, ударился о-земь и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. — Убійцы, — прохрипѣлъ онъ, — вотъ вамъ мое проклятье, проклятье! — Заткни ему горло, — сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе: два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика и онъ умолкъ.

Когда казаки, захотѣвъ увѣриться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костянымъ пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить неслѣвшая — разорвалось... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не усладило отлета души твоей рѣзвой, чистой, какъ радужный мотылекъ, невинной, какъ первый вздохъ младенца... Грозныя лица окружили твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! Какая будущность! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака дымныя, багряныя, лиловыя, гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хороводы, и замокъ съ башнями и зубцами, чудный, какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ—и разлетѣлись облака, и упадаютъ росою на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, да ангелъ твой хранитель снесетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощенья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика такъ-же равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физическій опытъ,—онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ — и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка—и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенесть никто не въ силахъ. Это ему подало надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына — увидать его у ногъ своихъ, грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха,—надежда усладительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужь было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала, и многіе ужь спали безъ заботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

— Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ сердишь, задумчивъ, горбачь? — сказалъ онъ, ударивъ его по плечу

— Ты видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виснетъ надъ мѣсяцемъ? — отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ презрительной усмѣшкой.

— Вижу.

— Ну, а какъ ты думаешь, что таится въ глубинѣ его?

— Что? по-моему, громъ и молнія... вишь какъ насупилось...

— И ты спрашиваешь, зачѣмъ я угрюмъ и молчаливъ?

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Глава XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемся въ знакомую намъ деревеньку, въ избу бѣдной солдатки. Дѣло подходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенныя кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокій, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина, и по временамъ раздавался рѣзкій, грубый голосъ солдатки, [illegible] отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый—и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ [illegible] пропустилъ эту непріятную, пошлую сцену, если-бъ она не служила необходимымъ изъясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не почитаю за необходимость долѣе извиняться.

— Ахъ, ты лѣнтяй! чтобъ тебѣ сдохнуть... собачій сынъ!—говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

— Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду!—ревѣлъ длинный балбесъ, утирая глаза кулаками.—Я вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, я шелъ... шелъ... да меня лѣнь и обошла... а я усталъ, да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно ѣсть захотѣлось... я все и съѣлъ...

— Ахъ, ты разбойникъ... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти...—И удары снова градомъ посыпались ему на голову.—Чай онъ, мои голубчикъ, — продолжала солдатка, — тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался въ руки душегубамъ... а ты, нечесаная голова, и не подумалъ объ этомъ... Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ живого зажарятъ... Вотъ родила я какого негодя на свою голову... ужь кабы знала, не видати бы [illegible] отцу отъ меня ни к... а!—И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который, прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! бѣдные изгнанники по милости негодя болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души! И въ самомъ дѣлѣ, какъ выйти, гдѣ искать помощи, когда по всѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы?

Между тѣмъ, пока солдатка била своего пария, кто-то перелѣзъ черезъ частоколъ, ощупью пробрался черезъ дворъ, заставленный дровнями и колодами, и вошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во всѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и, узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь и вошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его блѣдное, исхудавшее лицо; не говоря ни слова, онъ въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незваного гостя, но вскорѣ, вѣроятно узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

— Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ, Матерь Божія? да какъ ты зашелъ сюда... [illegible] Богу! Я думала, что тебя злодѣи-то [illegible] давно извели!..

— Случайно я нашелъ батюшку въ Чертовомъ Логовищѣ, — отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ,—ты его спасла! благодарю... Я пришелъ за хлѣбомъ...

— Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный,—закричала она, обратясь къ сыну,— [illegible] твоей милости... собачій сынъ... —И снова удары посыпались на бѣдняка.

— Дай мнѣ чего-нибудь,—сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, [illegible] горшокъ снятого молока, и съ [illegible] костью кинулся на предлагаемую пищу. В эту минуту онъ забылъ все: долгъ, [illegible], Ольгу, все, что не касалось до этого [illegible] молока и хлѣба. Если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный [illegible] подумалъ бы [illegible] или утишить голодъ и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца,— онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоцѣнный часъ. Востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выйти изъ гостепріимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку... Она подбѣжала къ

окну, всплеснула руками, и простодушное, загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего,—сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость,—не правда ли, я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвѣстности!..

Но хозяйка не отвѣчала; она приподняла половицу возлѣ печи и указала на отверстіе пальцемъ; Юрій понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

— Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили со мной, баринъ, не выходи отсюда прежде двухъ дѣнъ, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станетъ!..—И тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній, стала возиться у печи, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками?—спросилъ Вадимъ у солдатки,—гдѣ они?

— На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И, помилуйте, отцы родные, да что мнѣ его прятать?.. вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твой! — подхватилъ Орленко, и, ударивъ ее плетью, продолжалъ:

— Ну, живо поворачивайся, укажи, гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно, — сказала хозяйка, качнувъ головою,—а я знать не знаю, вотъ вамъ Христосъ и Святая Богородица! Ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приставивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя:—Онъ здѣсь, непремѣнно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ?—сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь, — я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!..

— Хорошъ подарокъ!—замѣтилъ кто-то сзади.

— По какія доказательства? и какъ его найти?—спросилъ Орленко.

Гришко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: пытка, она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ, быть можетъ, новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать,—подхватили казаки, и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними, и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку, и, перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій палати, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу, и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

— Что, разбойница,—сказалъ Орленко,—теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ на ганки.

— Хоть зарѣжьте, не знаю, — отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше!—было приказаніе Орленки, и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ... Глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... Палачи опять остановились, и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моля о пощадѣ.

— Ага! такъ, наконецъ, разжала зубы, признавая... Небось, какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки заговорятъ... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?

— Да, гдѣ онъ?—повторилъ горбачъ.

— Охъ!.. охъ!.. батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... опустите на землю...

— Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ!.. охъ, Господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее,—сказалъ Орленко

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе вопросы.

— Онъ убѣжалъ!—сказала она,—въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по

сряду... Больше, вотъ вамъ Христосъ, я ничего не знаю.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замаслennаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

— Кто ты таковъ?—спросилъ Орленко.

— Петруха,—отвѣчалъ парень.

— Да, дурачина, кто ты таковъ?

— А почемъ я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ.

— Хорошъ!—сказалъ, захохотавъ, Орленко,— да гдѣ вы его нашли?

— Зарылся въ соломѣ по уши около амбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отмели...

— Послушай, Орленко, — прервалъ Вадимъ, — мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы — его матери.

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ.

— И то правда. Выведите-ка его на дворъ,— сказалъ Орленко,—а эту чертовки мы запремъ здѣсь.

Услышавъ это, хозяйка вспыхнула; глаза ея засверкали.

— Послушай, Петруха,—закричала она звонкимъ голосомъ,—если скажешь хоть единое слово, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью.

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ столькихъ незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздались на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вскорѣ мысль, что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всѣмъ ея существомъ... Она и молилась, и плакала, и бѣгала по избѣ, въ нерѣшимости, что ей дѣлать; даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ, сперва утихли крики... потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за однимъ за горота, и на улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были насмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой, остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать, содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не выказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ.....

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ

РОМАНЪ

I.

Поди! поди! раздался крикъ.
Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, на Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народа, и между прочимъ шелъ одинъ молодой чиновникъ. Замѣтьте день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе, отъ котораго тянутся ряды длинныхъ приключеній, постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ, по Вознесенской шелъ одинъ молодой чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента, утомленный однообразною работой и мечтая о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузъ неопредѣленной формы, и синяя ваточная шинель со старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ—и сумерки; казалось, онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ магазиновъ и кондитерскихъ. Порою, поднявъ глаза кверху съ истинно-поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и, смутившись, извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извиненія... Напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался, чтобы поглазѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотою; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы, и, опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики,—и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ. — Баринъ! куда извольте?—прикажите подавать!—подавать-съ?—Это была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: берегись, поди!... Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ и развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ груди, и паръ, вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна, обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю, и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалась кругомъ: «задавилъ, задавилъ!» Извозчики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами—и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣна у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь притти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ, и съ этой минуты перенесъ онъ всю ненависть, къ какой только его

душа была способна, съ извозчиковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ, бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль по канавѣ, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семіоновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверьми, съ мѣдною блестящею отдѣлкой.

— Ну, сударь,—сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистой рыжей бородой,—Васька нынче показалъ себя!

Надобно замѣтить, что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки жестокосердымъ господамъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не «Ахелъ» и не «Некторъ»,—а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно, и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снялъ шинель, закиданную снѣгомъ, и вошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастію, вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ, вообще нескладенъ, и казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты. Хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ; но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ довѣрчивости или изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ заикаться, и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе,—и въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности... толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу, что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю, чтобы немного скрасить его наружность во мнѣніи строгихъ читателей. Виноватъ, забылъ включить, что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменьки (папеньки ужь не было на свѣтѣ), не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощью Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла, лакей вошелъ и доложилъ ему, что, дескать, барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволила ужь откушать.—Я обѣдать не буду,—былъ отвѣтъ:—я завтракалъ.—Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей куртцѣ, быстроглазый, бѣленькій, и съ виду большой плутъ, и подалъ, не говоря ни слова, визитную карточку. Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ, кто принесъ.

— Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ,—отвѣчалъ Оедька,—и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ (такъ называлась мать Печорина).

— Что жъ ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ, что это все равно-съ... Можетъ быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть, тебѣ хочется узнать, кто тутъ записанъ?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ.—сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ.—Набей мнѣ трубку.

Но эта визитная карточка, видно, имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчъ—она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и разстроить очаровательный эффектъ камиинаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло,—онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано готическими буквами: Князь Степанъ Степанычъ Лиговскій, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улы-

баясь, то хмуря брови; наконецъ, онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня:—увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая сверпулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать: Степанъ Степ... Печоринъ положилъ эти бренные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ лицо руками; и хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физіономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не [illegible], но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову, и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ, на что подумать,—такъ далеко были его мысли—если не отъ міра, то, по крайней мѣрѣ, отъ этой комнаты.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Я!—отвѣчалъ принужденный контральто,—и раздался звонкій женскій хохотъ.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать—оно покойнѣе!

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ такъ скучно! Вы всѣ ищете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить,—возразилъ Жоржъ, зѣвая,—изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...

— Я почему знаю! И что мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало! — Повѣряйте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны? — у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ несносны.

— Большая часть изъ нихъ не привыкла къ женскому обществу.

— Пускай привыкаетъ,—они и этого не хотятъ попробовать!

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливой улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю, что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ея преспокойно опять опустился въ свои кресла. Между тѣмъ подали свѣчи, и пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ, и гостиная, и соединялась коридоромъ съ другою частью дома. Свѣтло-голубые французскіе обои покрывали ея стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ, или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя шторы,—противоположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую-то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый кипою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей; по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткой зеленаго плюща; по другую — кресла, на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ, разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ, находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшаны были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы—подарки сослуживцевъ, погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя каррикатурки Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя, кругомъ и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны, обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры,—она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ, не знавшимъ своего генія, и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было написана прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо; казалось, вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины. Волосы гладко упадали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и, казалось, имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ, казалось, слѣдовалъ за вами во всѣ углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ, когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія,

и онъ, какъ партизанъ Байрона, назвалъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ, Варенька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ не замѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала, чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руку полусгорѣвшая визитная карточка.

— Что это такое? Степанъ Степ... А! это вѣрно у насъ нынче былъ князь Лиговскій!.. Какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ. Она была такая добрая... Я вчера слышала, что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!

— Кажется я, — отвѣчалъ Жоржъ: — раскуривалъ трубку.

— Прекрасно! я бы желала, чтобъ Вѣрочка это узнала, ей было бы очень пріятно! Такъ-то, сударь, ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу скажу, непремѣнно! Впрочемъ нѣтъ, теперь ей должно-быть все равно, она вѣдь замужемъ.

— Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ, — отвѣчалъ ей братъ, и зѣвнулъ, не зная, что прибавить.

— Для моихъ лѣтъ! что я за ребенокъ! маменька говоритъ, что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна, какъ мужчина въ двадцать пять.

— Ты очень хорошо дѣлаешь, что слушаешься маменьки.

Эта фраза, повидимому похожая на похвалу показалась [illegible]: такимъ образомъ согласіе опять разстроилось, и они замолчали. Мальчикъ вошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

— Какая тоска! — воскликнулъ Жоржъ. — Надо ѣхать.

— Тамъ будетъ mademoiselle Negouroff!.. возразила ироническимъ тономъ Варенька. — Она еще вчера о тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза! прелесть!..

— Какъ угль въ горнилѣ раскаленный...

— Однако сознайся, что глаза чудесные!

— Когда хвалятъ глаза, то это значитъ, что остальное никуда не годится.

— Смѣйся!.. а самъ неравнодушенъ.

— Положимъ.

— Я и это разскажу Вѣрочкѣ.

— Давно ли ты увѣряла, что я для нея — все равно.

— Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски, — я не монастырка.

— О! совсѣмъ нѣтъ! очень далеко...

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить, что это былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самою нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы ее называть впослѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ, неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ, самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку, который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ конвертъ и надписалъ: «Милостивой государынѣ Елизаветѣ Львовнѣ Негуровой въ собственныя руки», потомъ кликнулъ Оедьку и велѣлъ ему отнесть на городскую почту, — да чтобъ никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великою довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и черезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако, въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

II.

Давали Фенеллу (4-е представленіе). Въ узкой лазейкѣ, ведущей къ кассѣ, толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю, продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ лѣвой стороны, и съ краю — важное преимущество для тѣхъ, которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще съѣхались. Между прочимъ, прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ была пустая ложа; возлѣ пустой ложи сидѣли Негуровы: отецъ, мать и дочь. Дочка была бы не дурна, если-бъ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмѣвали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушивали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

«Видно, еще письмо не дошло по адресу!» — подумалъ онъ, и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество бальныхъ знакомыхъ, съ которыми иногда кланялся,

иногда нѣтъ, смотря по тому, замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить о себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ: ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ,—въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру, и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому, что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ, что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ, гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но увы, друзья мои, за то какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ съ своей невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки,—а съ этими-то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе — сатира. Стоя внѣ круга мазурки, онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что, когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно, и даже ему показалось, что его начали принимать съ большимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что, по кореннымъ законамъ общества, въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается!

Загремѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень, наконецъ, увидать людей, которые пропустили увертюру Фенеллы.

Занавѣсъ взвился,—и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ. Печоринъ поднялъ голову, но могъ только видѣть пуховый беретъ и круглую бѣлую божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной, чтобъ разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ, что могъ-бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ея лица. У него заболѣла шея; онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Фениксъ — ресторація весьма замѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало, когда неуклюжіе рыдваны, влекомые парою хромыхъ клячъ, тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юныя нимфы, окутанныя грубыми казенными платками, прыгали на скрипучія подножки, толпа усатыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпились на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни; и тамъ, гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны,—тамъ нынче чинно прогуливаются трехъугольныя шляпы безъ султановъ: великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой!

Печоринъ вошелъ къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣлъ Печоринъ, сидѣлъ также какой-то молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и куривній собственныя нахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе томные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него вниманіе каждаго. Одѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ, разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. Но мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было от-

гадать, что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и, казалось, не слушая разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разсказывали анекдоты, запивая дымъ трубки скернымъ чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ; Печоринъ à propos разсказалъ, какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта, и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описанъ, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ, и, протянувъ руку, чтобъ взять пилюлю со стола, сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было очень умышленное: всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо незнакомому господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали исторію. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя. «Что стоитъ посуда?» Ему сказали цѣну втрое дороже.

— Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ, что разбилъ ее,—продолжалъ Жоржъ холодно,— вотъ деньги.

Онъ бросилъ деньги на столъ—и прибавилъ:

— Скажи ему, что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику, что онъ все получилъ, — и просилъ на водку! но тотъ, ничего не отвѣчая, скрылся. Толпа хохотала ему во слѣдъ; офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника, не запутавшись между тѣмъ въ исторію. О! исторія у насъ вещь ужасная! благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать, или не могли, — но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все: расположеніе общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію! ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась! Частная извѣстность ужь есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ однако у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, напримѣръ, банкрутство—безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю: въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній, чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Объявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо; его оправдываютъ фразою: и! кто этого не дѣлаетъ!.. Трусъ обласканъ вездѣ, потому что онъ смирный малый. А замѣшанный въ исторію! — о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ о немъ: Богъ его знаетъ, какой онъ человѣкъ,—и папеньки прибавляютъ: мерзавецъ!..

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку, примолвивъ: — Я имѣю съ вами поговорить! — По тренету руки онъ отгадалъ, что это его давишній противникъ. Нечего дѣлать: не миновать исторіи.

— Извольте говорить, — отвѣчалъ онъ небрежно.—Только не здѣсь на морозѣ.

— Пойдемте въ коридоръ театра, — возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался: коридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекой лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ перилламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь,—голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись, и губы побѣлѣли: — милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, — отвѣчалъ Жоржъ,—и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда-жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадалъ ваше намѣреніе; по крайней мѣрѣ разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать... и начали очень остроумно, — прибавилъ онъ, насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь,—отвѣчалъ онъ задыхаясь, — вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь, вамъ весело? А по какому праву? Потому, что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотые эполеты? Развѣ я не такой-же дворянинъ, какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости, потому что у меня нѣтъ денегъ, которыя бы я могъ бросить на столъ!.. Нѣтъ, никогда! никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было

прекрасно, какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны; назначьте часъ — и разойдемтесь; вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно, нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ салопахъ въ коридорѣ перваго яруса, начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ! пускай весь міръ меня слушаетъ!..

— Я не этого мнѣнія... Если угодно, завтра въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

— Драться? я васъ понимаю, — на смерть драться!.. И вы думаете, что я буду достаточно наказанъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ!.. Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ! я-бъ желалъ, чтобы вы жили вѣчно — и чтобъ я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться! нѣтъ!.. тутъ успѣхъ слишкомъ легокъ...

— Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды—и ложитесь спать,—возразилъ Печоринъ, пожавъ плечами, и хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, постойте, — сказалъ чиновникъ, придя нѣсколько въ себя:—и выслушайте меня!.. Вы думаете, что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ! Повѣрьте, что я меньше дорожу жизнью и будущностью, чѣмъ вы. Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ... я бѣденъ, такъ бѣденъ, что хожу въ стулья. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія: я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать, старушка... Я все для нея: я ея провидѣніе и подпора; она для меня и друзья, и семейство. Съ тѣхъ поръ какъ живу, я еще никого не любилъ кромѣ ея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду...

Онъ остановился, глаза его налились слезами и кровью...

— И вы думали, что я съ вами буду драться?..

— Чего-жъ, наконецъ, вы отъ меня хотите?— сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы, кажется, забыли, что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человѣка ничего?—шутка, потѣха?

— Я вамъ обѣщаюсь высѣчь моего кучера...

— О! вы меня выведете изъ терпѣнія...

— Чтожъ? мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ и, наконецъ, онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, не могу, не погублю ее!..—И убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ему вослѣдъ, и пошелъ въ кресла. Второй актъ Фенеллы ужь подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другого края, не замѣтили его отсутствія.

III.

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ Фенеллу, вы всѣ съ громомъ вызывали Повицкую и Голланда, и поэтому я перескачу черезъ остальные три акта и подыму свои занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался пьесой, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и папенекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холоду, и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе franты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали — одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы, смѣялись, говорили громко, и наводили золотыя лорнетки на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ. И одни другимъ тайно завидовали: необыкновенныя — красотѣ обыкновенныхъ, обыкновенныя—увы!— гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры; у первыхъ почтительные и важные, у вторыхъ услужливые и порой неловкіе!.. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми, ни съ другими, кружокъ зрителей. Купцы же и простой народъ проходили другими дверями. Это была миніатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу, старался продраться къ дверямъ. Онъ поравнялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на вы[illegible] ея улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ, и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серіозны, monsieur George? Не довольны спектаклемъ?

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.

— Неправда ли, что Новицкая очень мила!

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ!..

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете! — сказала она съ досадою и стараясь иронически улыбнуться.

— Я не знаю никого, кто бы нуждался въ моемъ ободреніи...—отвѣчалъ Печоринъ небрежно. — И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось, что тамъ, за колонною, мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ и долговязый лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскòва!

Съ отчаянными усиліями расталкивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ человѣка за четыре мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящій купе, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. «На Морскую! пошелъ!» Интересную карету замѣнила другая, можетъ быть не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Мучительная мысль сверлила его мозгъ. Эта ложа, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней, ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ; ея глаза [illegible] лись на немъ, — а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнетическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О, бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ! Раздосадованный, онъ пошелъ по тротуару, оттолкнувъ свои сани, разбудивъ толчкомъ кучера, который лежалъ свернувшись, покрытый медвѣжьей полостью, — и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за нею.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацію насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печоринъ, — говорилъ онъ, — нѣтъ того, чтобъ искать во мнѣ или Катеринѣ Ивановнѣ — его жена, пятидесяти пяти лѣтъ. Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ!.. Какъ бывало въ наше время? влюбится молодой человѣкъ, — старается угодить родителямъ, всей роднѣ... а не то, чтобъ все по угламъ съ дочкой перешептываться да глазки дѣлать... Что это нынче, — срамъ смотрѣть! И дѣвушки не тѣ стали!.. Бывало слово лишнее услышутъ, покраснѣютъ, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось!..

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ и она не могла произнесть ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.

— Ужъ ты всегда на нее нападаешь понапрасну! Чтожъ дѣлать, когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи;—чѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... слава Богу,—что̀ мнѣ ея наряды-то стоятъ... А ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь... Да кабы замужъ не выходили, такъ что̀ бы было...— И проч...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... Дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты, одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому, и къ новому вѣку. Прежнія понятія, полузабытыя, полустертыя новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады или во время спора: они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнитъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ, служившихъ въ канцеляріи ея мужа; женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ; добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька — для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то обѣщаюсь идти пѣшкомъ въ Невскій монастырь — слушать пѣвчихъ!..

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она вошла въ свою спальню, и кликнула горничную, Марфушу, — толстую, рябую дѣвицу!.. Дурной знакъ!.. Я бы не желалъ, чтобъ у моей жены или невѣсты

была толстая и рябая горничная!.. Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой, вымазанной чухонскимъ масломъ или приглаженной квасомъ, отъ котораго волосы слипаются и рыжѣютъ, съ руками шероховатыми, какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами, хлопающими въ башмакѣ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и (что всего хуже) четвероугольной таліей, облѣпленною пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже, чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома, подобна крокодилу на днѣ свѣтлаго американскаго колодца; такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мое мнѣніе, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки и расшнуровать корсетъ, а сама, сѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черныя ея волосы упали на плечи... Но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться поблекшими прелестями, худощавой ножкой, жилистой шеею и сухими плечами, на которыхъ обозначились красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій, вѣроятно, на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу, и раскрыла какой-то французскій романъ. Марфуша вышла. Тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула, и предалась размышленіямъ.

Конечно, ни одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она припоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушала съ притворной холодностію, притворной улыбкой— или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ слѣдствій, кромѣ лишнихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно: классомъ женщинъ—безъ сердца. Чтобъ легче угадать, объ чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, разсказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе, что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ—и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, а потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанимать ея родители были не въ силахъ,—англичанки дороги. Нѣмку взять было также не ловко: Богъ знаетъ какая попадется,—здѣсь такъ много всякихъ... Елизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-французски она выучилась отъ маменьки... а больше отъ гостей, потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ: въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она играла... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады... и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто, и сталъ жить открытѣе... Пятнадцати лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся.. Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резинныя помочи. Лизавета Николаевна была недурна—и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что француженки блѣдны, а англичанки худощавы... Надобно замѣтить, что прелесть блѣдности и худобы существуетъ только въ дамскомъ воображеніи и что здѣшніе мужчины только изъ угожденія потакаютъ ихъ мнѣнію, чтобъ чѣмъ-нибудь отклонить упреки въ невѣжливости и такъ-называемой «казармности»

При первомъ вступленіи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ, у нея нашлись поклонники... Это все были люди, всегда апл[illegible]ющіе новому водевилю, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею, чтобъ возбудить ре[illegible] или чтобы кольнуть [illegible]гѣ. Послѣ этихъ [illegible]: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать,

чтобъ пріятно провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна пріобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюбились не на шутку и требовали ея руки: но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... Къ тому же они всѣ были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытной и бойкой дѣвою: смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора,— и вокругъ нея стали увиваться розовые юноши, [illegible] силы въ [illegible] и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ было еще меньше [illegible]. Она съ до[illegible] разлива краснорѣчія,—и вскорѣ они увѣрились, что она [illegible] женщина. Вздыхавшій рой разлетался въ разныя стороны... И, [illegible] Лизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый мучительный и опасный сердцу отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный или безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять шутя въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ, для смѣху, скомпрометтировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ, что она отъ него безъ памяти, и стараться показать, что онъ ее жалѣетъ, что не знаетъ какъ отъ нея отдѣлаться... говорить ей нѣжности шопотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя, что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно: она болѣе и болѣе [illegible]. Наконецъ... увы... за этимъ не[illegible] только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты.

[illegible] Николаевна [illegible] въ этотъ пе[illegible] ей не безпеч[illegible] шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ [illegible].

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобы поддержать себя, пріобрѣсти то, что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то-есть: прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставши на который онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометтировать дѣвушку молодую и невинную онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть?.. Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій—значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально, и замѣтилъ, что никто ее не пригласилъ на мазурку. Знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями, устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную, чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дожидалъ ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

— Гдѣ вы скрывались, — сказалъ онъ, — я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья: такъ я сильно надѣялся, что вы мнѣ не откажете.

— Какъ вы самоувѣренны.

И неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

— Однакожъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность.

Она не отвѣчала, и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца, блистая шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что, наконецъ, онъ чуть-чуть ей не сказалъ, что обожаетъ ее до безумія (разумѣется двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль кряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется, онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постоянное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но за то дѣйствовалъ весьма отрыто. Лизавета

Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потомъ, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ, безо всякихъ видовъ, пригласили однакоже его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣивать, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона ***.—Печоринъ по обыкновенію танцовалъ первую кадриль съ Елизаветою Николаевною.

— Какъ хороша сегодня меньшая Р.,—замѣтила Елизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ, молча, и, наконецъ, отвѣчалъ:

— Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунцовые цвѣты въ ея густыхъ, русыхъ локонахъ. Я непремѣнно далъ себѣ слово танцовать съ нею сегодня, именно потому, что она вамъ нравится. Не правда-ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе.

— О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны,— отвѣчала она вспыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадриль кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р., или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала; но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила, что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ ироническою улыбкой:

— Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?

— Il est très aimable,—отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишается своего послѣдняго кавалера,—ибо остальные молодые люди, видя, что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности, которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался объ ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она напротивъ, вслѣдствіе плохого разсчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно. Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало-по-малу сама увѣрилась, что его точно любитъ. Родители ея, болѣе проницательные въ качествѣ безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: — Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда, что онъ старъ и въ параличѣ,—да что нынѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали, что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволитъ ему жениться! Чтожъ вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается.

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для нея не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться; а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну, пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постели съ книжкой въ рукахъ— и съ мыслями, бродящими въ [illegible] и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ, и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло; конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча придвинута, и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись, что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Вмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимыя въ лунѣ, которымъ [illegible] столодины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до

«Милостивая Государыня.—Вы меня не знаете, я васъ знаю: мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни такъ же мнѣ [illegible], какъ моя записная книжка, а вы моего имени [illegible] не слыхали. Я принимаю въ васъ участіе [illegible] потому, что вы никогда на меня не обращали вниманія, и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ

извѣстно, что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова вожжечь въ немъ чувства, которыя ему никогда не снились. Онъ съ вами пошутилъ. Онъ недостоинъ васъ; онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совсѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, то я клянусь вамъ, что вы никогда не узнаете моего имени.

«Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга».

(Каракуля).

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Елизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы; она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо и сдула на полъ легкій его пепелъ. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось, она плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что если бъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ спокойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу, ей встрѣтился лакей.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Доложить-съ.

— О комъ?

— Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...

— Гдѣ онъ?

— У крыльца останавился.

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла, и потомъ отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему, что дома никого нѣтъ. И когда онъ еще пріѣдетъ, — прибавила она какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу,— то не принимать.

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ее.. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по скрипучему снѣгу; утро было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петербурга, проведшіе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиною, которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замираніе, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя, подобно тяжелымъ облакамъ, осаждали умъ его, предвѣщали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани его остановились передъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но прежде чѣмъ онъ отворилъ ее, минувшее какъ сонъ проскользнуло въ его воображеніи, и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго біенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночного набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, извѣстно только Богу, но, повидимому, онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ, дверь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ:—дома ли княгиня Вѣра Дмитріевна?

— Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.

— А княгиня? — повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

— Княгиня также-съ.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нибудь, по убранству комнатъ, угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но, увы! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою, какъ всѣ улыбки и всѣ привѣтствія! Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разобла-

чить домашнія тайны: но кабинетъ такъ же непроницаемъ для посторонних посѣтителей, какъ сердце. Однако же краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину, что главное лицо въ домѣ былъ князь. «Странно,—подумалъ онъ,—она вышла замужъ за стараго, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно для того, чтобъ дѣлать свою волю. И что же, если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое,—то какая же у нея была цѣль! Какая причина?.. Но нѣтъ, любить она его не можетъ, за это я ручаюсь головой».

Въ эту минуту швейцаръ вошелъ и торжественно произнесъ:

— Пожалуйте, князь въ гостиной.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу; онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда перешелъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея на креслахъ, въ мундирномъ фракѣ, сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ, съ огромными глазами, налитыми кровью и безконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами, обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся, когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень неяснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

— Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ моего мужа.

Князь бросилъ газеты на окно, раскланялся, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

— Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама,—я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой.

— Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Печоринъ самъ не зналъ, что говорилъ. Опомнившись, и думая, что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгинѣ показалось вѣроятно, что этой фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ, какъ будто-бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: «о, да!» Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитріевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть, и такимъ образомъ, рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ, уничтожало сравненія, которыя, можетъ быть, были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттическій и прозрачность кожи необыкновенна. Безпрерывная измѣнчивость ея физіономіи, повидимому, несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но за то человѣкъ, привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны, могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую нѣжность души и постоянную раздражительность нервъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принесть счастіе въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавши же ее въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое, или, скорѣе, не знали бы вовсе, что сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи, затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою, а Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно, что она не въ своей тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали, губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ быть, домашняя сцена до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему; можетъ

быть непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и можетъ быть готовъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать, что, подобно ей, забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, то княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверстымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

— Княгиня,—сказалъ Жоржъ,—извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!.. Повѣрьте однако, что я съ этимъ намѣреніемъ спѣшилъ имѣть честь васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемѣна такъ меня поразила, что признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...

— Я постарѣла, не правда-ли, — отвѣчала Вѣра, наклонивъ головку къ правому плечу.

— О, вы шутите! Развѣ въ счастіи старѣютъ... напротивъ, вы похорошѣли, вы...

— О, конечно, я очень счастлива,—прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ, вы такъ благоразумны, что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностію, умомъ и талантами вашего супруга...—(баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой).—Княгиня чуть-чуть не улыбнулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

— Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также перемѣнились къ лучшему.

— Какъ быть! время всесильно... даже наши одежды, подобно намъ самимъ, подвержены чуднымъ измѣненіямъ—вы теперь носите блондовый чепчикъ, я, вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука, ношу мундиръ съ эполетами... Вѣроятно, отъ этого я имѣю счастіе вамъ нравиться больше, чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!

Княгиня хотѣла отомстить за эпиграмму.

— Прекрасно!—воскликнула она.—Вы отгадали... и точно... намъ, бѣднымъ москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ,—и Печоринъ на него взбѣсился.

— У васъ такой усердный союзникъ, княгиня,—сказалъ онъ,—что я долженъ признаться побѣжденнымъ. Я увѣренъ, что баронъ при-данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всей своей тяжестью

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая, что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной.—Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастію, князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты.

— Вотъ это до тебя касается,—сказалъ онъ женѣ:—новый магазинъ на-дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ,—петербургскій гостинецъ, который я вчера купилъ женѣ: всѣ говорятъ, что серьги самыя модныя, а жена говоритъ, что пѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ сафьяновую коробочку. Часто повторяемое княземъ слово жена какъ-то грубо и непріятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка недалекаго, а теперь убѣдился, что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально разсматривать.

— А какъ вы думаете,—спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукой вытаскивая накрахмаленный воротничокъ, — сколько я за нихъ заплатилъ? отгадайте.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 80 рублей, а были заплачены 75, Печоринъ нарочно сказалъ 150. Это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ размѣномъ городскихъ новостей, московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ очень откровенно, что еслибы не тяжебное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и Англійскаго клуба, прибавляя, что здѣшній Англійскій клубъ ничто передъ московскимъ. Наконецъ, Печоринъ всталъ, раскланялся и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила со своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Варепьку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить, что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему той ничего не выражающей улыбкою, которая разливается на устахъ танцовщицы, оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, онъ обернулся; княгиня

стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему во слѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

— Странно,—подумалъ Печоринъ, садясь въ сани,—было время, когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли такъ же безошибочно, какъ собственную рукопись; а теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю.

V.

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и, наконецъ, увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если бы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ, всѣ его путешествія ограничивались поѣздками съ толпою такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину рощу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ—чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было, впрочемъ, не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и эксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ-руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было, закрывши глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство, которое помѣшало ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослыя барышни, и перестѣлыя дѣвы, жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большіе. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь ко всенощной молиться, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ каравановъ. Солнце склонялось къ Воробьевымъ Горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкою. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными признаками холодности и черезчуръ притворной сердечной невинности: кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался, очертя голову, во слѣдъ отцвѣтающей кокеткѣ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній, и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ—блескъ очаровательный, внутри—смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился со своей сосѣдкою. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ стыдилась этого, какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны, какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія постороннаго развивать свои мысли.

Наконецъ, пріѣхали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую, откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія..... и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнаническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было-бы уйти, не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжаться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ, когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то, послѣ этихъ минутъ, разгоряченное воображеніе и чувства, взволнованныя звуками, давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ

очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ, чтобъ поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обоихъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была очень богатая тетушка, которая въ той же степени была родня и Р—вымъ. Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ Подмосковную недѣли на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ, всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ-то всегда находили средство быть вдвоемъ,—средство, впрочемъ, очень легкое, если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзаменъ. Жоржъ туда не явился. Разумѣется, онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился, и увѣрилъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли, и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ рокового дня (это было вечеромъ), они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ уста и руки въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но честь невинной дѣвушки была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись попрежнему, очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла, и глаза ея блистали.

Обманъ Жоржа открылся, какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Петровны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все, какъ стоикъ. Но гроза невидимая сбиралась надъ нимъ: въ комитетѣ дядюшекъ и тетушекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другого спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ

Въ это время открылась Польская кампанія. Вся молодежь спѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2-го класса не должны были идти въ походъ. Онъ почти на колѣняхъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ П..... гусарскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Москвы. Послѣ многаго плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душою, что боялся ее убить неожиданнымъ извѣстіемъ. Однако-жъ она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря, чтобъ какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Чрезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ, чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ чрезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: «Я никогда не буду принадлежать другому». Бѣдная, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Эти ощущенія были для нея такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Петровнѣ просить склянку съ какими-то каплями и спирту, потому что дескать барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску — и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли, что любовь моихъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но за то впослѣдствіи — о! впослѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ, дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ, любезничалъ со многими паннами; но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ (что почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ). Впрочемъ, Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія, сначала легкія, постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впослѣдствіи эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности—священнѣйшее изо всѣхъ правъ человѣчества.

После взятія Варшавы онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрою переѣхали жить въ Петербургъ. Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла, — ничего больше, какъ поклонъ. Печорина это огорчило,—онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ, по которымъ онъ сталъ волочиться за Лизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ, вѣроятно, дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ, что она вышла замужъ; черезъ два года пріѣхалъ въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская — и князь Степанъ Степановичъ.

Тутъ, кажется, мы остановились въ предыдущей главѣ.

VI.

Дня черезъ три послѣ того, какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Петровна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ супругою былъ, разумѣется, въ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться, чтобъ выйти въ гостиную, когда вошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

— А, Браницкій,—воскликнулъ Печоринъ,— я очень радъ, что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непремѣнно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе, останься обѣдать!

— Ты такъ убѣдительно просишь, — отвѣчалъ Браницкій, — какъ будто предчувствуешь отказъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться,—сказалъ Печоринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пустъ, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать И въ самомъ дѣлѣ, скажите, объ чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей скоро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ пускаться, о службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили вполовину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется ему стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вкругъ небольшого столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ. Браницкій искусно оживилъ непринужденной болтовней ихъ небольшой кружокъ; Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ, что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру нескромными вопросами Варенькѣ казалось очень пріятно, что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выѣзжаетъ.

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговской и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варенька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшанная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противоположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все, что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ—одни полунагія, другія живописно завернутыя въ греческія мантіи или одѣтыя въ испанскіе костюмы, въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами, брошенныя на этотъ холстъ рукою художника въ самыя блестящія минуты ихъ миѳологической или феодальной жизни — казалось, строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотнею свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ: одни не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличій или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, какъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола, уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, также какъ въ ихъ понятіяхъ, были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самой послѣдней выдумкой парижской модистки, греческія прически, увитыя гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы, вздернутые кверху à la chinoise, или букли à la Sevigné, пышныя платья на подобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мужчинъ прически à la jeune France, à la Russe, à la moyen âge, à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньолки, бакенбар-

ды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: «какая смѣсь одеждъ и лицъ!» Понятія же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую руку былъ какой-то рыжій господинъ, увѣшанный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токѣ съ перьями, и съ горнымъ видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ, что Печоринъ, какъ хозяинъ, избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка, разряженная какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными пуклями; по другую дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго француза. Послѣ второго блюда разговоръ началъ оживляться.

— Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ,— говорилъ дипломатъ княгинѣ,—то, вѣроятно, не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ, какъ все великое, современемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе, и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть лучшаго русской молодежи, какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго, здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды.

Такъ высокопарно и мудрено говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патріотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно:

— Можетъ-быть современемъ я полюблю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ, къ сожалѣнію, о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву, съ воспоминаніемъ объ ней связана память о такомъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ, что въѣхавши разъ въ петербургскую заставу, люди мѣняются совершенно...

Эти слова она сказала, улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

— Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ,—воскликнулъ онъ,—а все это старая сплетница Москва, которая изъ зависти клевещетъ на молодую свою соперницу.

При словѣ старая сплетница, разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею.

— Чтобъ рѣшить нашъ споръ,—продолжалъ дипломатъ, — выберемте посредника, княгиня, вотъ хоть Григорія Александровича,—онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгаго,— отвѣчала она.

— Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды,—возразилъ дипломатъ съ самодовольною улыбкою. — Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшать.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ Печоринъ,— что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изо всего вашего спора я слышалъ только то, что сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однако-жъ, — сказалъ онъ,—Москвѣ или Петербургу отдадите вы преимущества?

— Москва моя родина,—отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

— Однако-жъ, которая?.. — Дипломатъ настаивалъ съ упорствомъ.

— Я думаю,—прервалъ его Печоринъ,—что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастіе и веселость. А мѣняются люди за петербургской заставой и за московскимъ шлагбаумомъ потому, что сслибъ люди не мѣнялись, было бы очень скучно.

— Послѣ такого рѣшенія, княгиня,—сказалъ дипломатъ, — я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта какъ Талейранъ или Меттерних.

— Григорій Александровичъ, — возразила княгиня, — не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку.

— Это правда,—отвѣчалъ Печоринъ,—я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей, и кто не раскаивался? Теперь, по чести, я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушной любовью для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ ка-

реты! Надобно пользоваться случаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?

Этотъ неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусокъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ, она открыла уста и важно молвила:

— Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?

— Если вы позволите,—отвѣчалъ Печоринъ.

— Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я бъ желалъ вамъ передать ее совсѣмъ.

— Ахъ, избавьте!

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо; она положила себѣ на тарелку и продолжала:

— Вотъ, адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или княжескомъ титулѣ.

— Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе, — сказалъ Печоринъ,—и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ.

— Вы не первые, и вамъ это не удастся, — сказала она съ презрительной улыбкой.— Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.

— Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины.

Добродѣтель обидѣлась.

— То-есть я слишкомъ стара,—воскликнула она, покраснѣвъ.

— Напротивъ, я хотѣлъ сказать, что вы еще такъ молоды.

— Слава Богу, я ужъ не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно.

— Что дѣлать! Я вижу, что увеличилъ единицею несмѣтное число несчастныхъ, которые вамъ напрасно стараются понравиться...

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

— Кто эта дама?—шопотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

— Баронесса Штраль,—отвѣчалъ Печоринъ.

— A-a!—сдѣлалъ рыжій господинъ.

— Вы, конечно, объ ней много слыхали?

— Нѣтъ-съ, ничего формально.

— Она уморила двухъ мужей,—продолжалъ Печоринъ,—теперь за третьимъ, который (къ счастію его, нѣмецъ, и поэтому) вѣрно ее переживетъ.

— Ого!—сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ, унизанный трюфелями.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

— Если вы любите искусства,—сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ,—то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова «Послѣдній день Помпеи» ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италія, французы ее разбранили. Теперь любопытно знать, куда склонится русская публика — на сторону истиннаго вкуса или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово «картина» только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того, что краски ея полиняли и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мужчина, сидя на бархатныхъ креслахъ, обнималъ одною рукою молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ прибнижалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины и проливалъ вино ей на платье. Она, какъ бы нехотя повинуясь его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку кресель и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъза которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и, наконецъ, попросила дипломата объяснить ей ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ, и заключилъ тѣмъ, что это должна быть копія съ Рембрандта или Мурильо.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—хозяинъ ея долженъ лучше знать, что она изображаетъ.

— Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ,—сказала Вѣра Дмитріевна и опять устремила глаза на картину.

— Сюжетъ ея очень простъ,—сказалъ Печоринъ, не дожидаясь, чтобы его просили.—Здѣсь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту она, кажется, что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все, что ей хочется, она

сама откроетъ дверь — и будетъ хладнокровною свидѣтельницею убійства.

— Ахъ, это ужасно!—воскликнула княгиня.

— Можетъ быть я ошибаюсь, давъ такой смыслъ этому изображенію,—продолжалъ Печоринъ, — мое истолкованіе совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете, что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?

— Княгиня,—отвѣчалъ Печоринъ сухо, — я прежде имѣлъ глупость думать, что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ.

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ, и сталъ что-то чертить вилкою на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ, слыша такіе ужасы, и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфеля разомъ.

Остальное время обѣда дипломатъ и Печоринъ молчали; княгиня завела разговоръ со старушкою, добродѣтель горячо объ чемъ-то спорила со своей сосѣдкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За десертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ, поднявъ бокалъ, обратился къ княгинѣ:

— Такъ какъ я не имѣлъ счастія быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ, столь измѣнчивомъ; рука, державшая стаканъ съ водою, дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ грудь его: за что онъ ее мучилъ, съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принесть это мелочное мщеніе?.. Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изъ-за стола и пошли въ пріемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мужчины, не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степанычъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня, подъ предлогомъ, что у нея развились локоны, удалилась въ комнату Вареньки.

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Необъяснимыя чувства стѣснили ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала, покуда ей не пришло въ мысль, что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами, которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ скляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала, и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны, забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

Объ чемъ же она плакала? спрашиваете вы; и я васъ спрошу, объ чемъ женщины не плачутъ?—слезы ихъ оружіе нападательное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не могла дать отчета, какое изъ этихъ чувствъ было главною причиною ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили: но странно, она его за это не возненавидѣла. Можетъ быть, еслибы въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему колкой насмѣшкой и равнодушіемъ; но, казалось, въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце,—самая слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахиллеса,—и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи осталось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызывалъ на бой ея ненависть, чтобы увѣриться, такъ же ли она будетъ недолговременна, какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное: онъ это зналъ, и зналъ также, что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную, какъ вдругъ дверь легонько скрипнула, и вошла Варенька

— Я тебя искала, chère amie,—воскликнула она,—ты, кажется, нездорова?..

Вѣра Дмитріевна томно улыбнулась ей и сказала:

— У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко...

— Я за столомъ часто на тебя взглядывала,— продолжала Варенька, — ты все время молчала. Мнѣ досадно было, что я не сѣла возлѣ тебя, тогда можетъ быть тебѣ не было бы такъ скучно.

— Мнѣ вовсе не было скучно, — отвѣчала княгиня, горько улыбнувшись, — Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.

— Послушай, мой ангелъ, я не хочу, чтобы ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ — это такъ важно: точно вы будто вчерась токмо познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде,—онъ такой добрый.

— О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила; онъ мнѣ нынѣ него-

ворилъ такихъ вещей, которыя-бъ другая ему никогда не простила.

Вѣра Дмитріевна почувствовала, что проговорилась, но успокоилась тѣмъ, что Варенька, вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитріевна, къ несчастію ея, была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно осторожнѣе и скромнѣе другихъ, но въ минуты страсти проговаривается.

Поправя свои локоны передъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку, и обѣ возвратились въ гостиную; а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей, и гдѣ князь Степанъ Степановичъ съ сигаркою въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги и, какъ пріѣзжій изъ другого города, не могъ разсказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщинѣ, онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему—ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ, которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрываться, убилъ свое здоровье на службѣ, потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ однако слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги; женился же онъ потому, что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина, куря сигарку, допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ послѣдній былъ одно изъ характеристическихъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстіе, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его, впалыя и смугловатыя, мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъза галстука его выглядывала борода à la St.-Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошюру, которой никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучею дѣлъ, и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобъ докончить портретъ, скажу, что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что вы ко мнѣ никогда не заѣдете?—говорилъ ему Браницкій.

— Повѣрите-ли, я такъ занятъ,—отвѣчалъ Горшенко:—хотъ завтра самъ долженъ докладывать министру, потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тьма, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N,—всякій день гдѣнибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ, пожертвую этой зимой, а лѣтомъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами, и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.

Браницкій улыбнулся и, насвистывая арію изъ Фенеллы, удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человѣкомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинахъ лѣсу. Наконецъ, князь спросилъ у Горшенка, не знаетъ-ли онъ одного чиновника Краснскаго, у котораго въ столѣ разбираются его дѣла.

— Да, да,—отвѣчалъ Горшенко,—знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать; адресуйтесь къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ втупикъ князя Степана Степановича. Ему исказалось, что передъ нимъ въ лицѣ Горшенка стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да,—сказалъ онъ,—нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя въ какомъ департаментѣ его дѣло,

обѣщался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степановичъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII.

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ, и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ пріѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ; Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ, здѣсь-ли живетъ чиновникъ Красинскій.—Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ,—былъ отвѣтъ.—«А гдѣ входъ?»—Со двора-съ.—Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! Этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ, который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отысканіи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и угловатый дворъ по глубокому снѣгу или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ; тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе; собаки ворчатъ при вашемъ появленіи; блѣдныя лица, хранящія на себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую, какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ, вы летите двѣ ступени внизъ, и попадаете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться наверхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четвероугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы — ни на одной нѣтъ нумера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальной свѣчей, а изъ-за нея раздается брань или плачъ дѣтей.

— Кого вамъ угодно! — Сорокъ девятый нумеръ.—Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.—Кто-жъ здѣсь живетъ?—Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или какое вамъ дѣло, ступайте выше; дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ; чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что человѣкъ, приближаясь къ небу, уподобляется растенію, которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часу, вы наконецъ находите желанный сорокъ девятый нумеръ или другой столько же таинственный, и то, если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу и т. д. Печоринъ перетерпѣлъ всѣ эти мученія и, наконецъ, вскарабкавшись на четвертый этажъ, постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: здѣсь. Онъ вошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ, и хотѣлъ идти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что господинъ Красинскій не воротился еще изъ департамента. —Я подожду,—отвѣчалъ онъ, и вошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ, и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были повидимому явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, — если можно такъ назвать четыреугольную комнату, украшенную единственнымъ столомъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула,—низенькая и опрятная старушка встала съ своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я ищу господина Красинскаго, можетъ быть я ошибся?

— Это мой сынъ,—отвѣчала старушка,—онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать...— продолжалъ Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — прервала его старушка, и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окинувъ взоромъ комнату и все въ ней находящееся, ему стало какъ-то неловко: еслибъ судьба неожиданно бросила его во дворецъ персидскаго шаха, онъ бы скорѣй нашелся, нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ; хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но ранніе печали сгорбили ея станъ, изсушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ, казалось, сосредоточивались всѣ ея жизненныя силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ не зналъ, какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую

на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ. Сочиненіе П. П. Москва. Въ тип. П. Глазунова. Цѣна 25 копѣекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка, какъ пустой лотерейный билетъ, была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить себѣ въ лучшемъ видѣ печальную существенность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю,—возразилъ Печоринъ,—что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, еслибъ счастіе была наука, — дѣло другое!

— Разумѣется, — возразила старуха: — утопающій за щепку хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи, какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ бо́льшую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однакоже, я надѣюсь, скоро все поправится. Мой сынъ,— продолжала она съ нѣкоторою гордостію,—имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье.

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

— Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу? Можетъ быть вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ не угодно ли сказать мнѣ, я ему передамъ.

— Мнѣ препоручилъ, — отвѣчалъ Печоринъ,—князь Лиговскій попросить вашего сына, чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе, заѣхалъ къ нему. У князя есть тяжба, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ; я тамъ буду.

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, сказалъ почти шопотомъ:

— Милостивый государь, вспомните, что я не зналъ, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастія встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись, не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ, Эта случайная игра судьбы сильно его встревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этою встрѣчей, сѣлъ противу своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался. Когда мать передала ему препорученія Печорина, стараясь объяснить, какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объяснился самъ, тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста, — свѣтлая мысль озарила лицо его,—и воскликнулъ, ударивъ рукой по столу:— Да, я пойду къ этому князю! — Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидимому привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ, онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобъ только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну, что, Станиславъ, — сказала она,— скоро-ль тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Ты вѣрно не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, — продолжала она, — ну, что за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ... придетъ и твое время; а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ:

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ небу глаза, полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ параграфа, гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастія:

— Знаете-ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю, а что?

— Мой смертельный врагъ,—отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно онъ мнѣ не желаетъ зла, но за то я имѣю сильную причину его ненавидѣть.

Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни, и встрѣтимся не такъ холодно, какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю, какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разсказывать, какъ будто боялся, что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одной постоянной мыслію, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ быть въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобъ выучиться повязывать галстукъ и запомнить сколько пуговицъ у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге, который безсовѣстно взбилъ его мягкія и волнистыя кудри въ жосткій и неуклюжій хохолъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VII.

У князя Лиговскаго были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій вошелъ въ лакейскую.

— Князь принимаетъ?—спросилъ онъ, нерѣшительно взглядывая то на того, то на другого лакея.

— Мы не здѣшніе, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

— Нельзя-ли, любезный, вызвать швейцара?..

— Онъ вѣрно сейчасъ самъ выйдетъ,—былъ отвѣтъ,—а намъ нельзя!

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-съ.

— Доложи, что пришелъ Красинскій, — онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную и, подойдя къ Степанъ Степанычу,—сказалъ ему тихо:

— Господинъ Красинскій,.. пріѣхалъ-съ; онъ говоритъ, что вы изволите его знать

— Какой Красинскій... Что ты врешь?— воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тотъ самый чиновникъ,—сказалъ онъ, —у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ.

— А! Очень обязанъ, — отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ, и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человѣкъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канапе, возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свои кресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, разсказывалъ имъ одно изъ своихъ похожденій во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степанычъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто, чтобъ находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ, вамъ велѣли отправиться со взводомъ... въ эту деревню... — сказала молодая дама (которую Вѣра называла кузиною), продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая,—сказалъ Печоринъ.—Мнѣ велѣно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру.. Я только что былъ произведенъ въ корнеты, и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собою деревню, съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моей инструкціею.—А есть ли у вашего пана жена или дочери?—спросилъ я.—Есть, пане капитане.—А какъ ихъ зовутъ, графиню, жену вашего Острожскаго?—Графиня Рожа.—Должно быть красавица, — подумалъ я наморщась. — Ну, а дочки ея такія же рожи, какъ ихъ маменька?—Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалія и меньшая Евелина. Это еще ничего не доказываетъ,—подумалъ я.—Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ разспросы: — А что сама графиня Рожа старуха? — Ни, пане, ей всего тридцать три года.—Какое несчастіе!—Мы въѣхали въ деревню, и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть, и въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ

встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и, между прочимъ, предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей.—Помилуйте,—отвѣчалъ я,—что за церемонія...—Я признаться боялся, чтобы эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и повидимому сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отнѣкивался, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошла женщина высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ польку, и красавицу польку, въ ту минуту, какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу! — воскликнула наконецъ молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиной.

— Это бы случилось,—отвѣчалъ Печоринъ,—еслибъ я уже не любилъ другую.

— Ого! Постоянство, — сказала молодая дама. — Знаете, что этою добродѣтелью не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы однакоже вылѣчились?

— По крайней мѣрѣ лѣчусь,—отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался неоконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ, подали чай, и вошелъ князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Еслибъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р., если имѣлъ въ немъ нужду, — даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ или на шумный раутъ потолкаться между разнаго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человѣка посторонняго и никакимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепріимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, — сказала она наконецъ, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга, и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неоцѣненную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующею фразой: «ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплименты». Понялъ-ли Красинскій эту улыбку, или же самъ испугался своей смѣлости, потому что, вѣроятно, это былъ его первый комплиментъ, сказанный женщинѣ, такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ,—не знаю; но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувѣреннымъ голосомъ:

— Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя позволили вы мнѣ провесть въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться, я исполню все, что будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно правое.

— Скажите,—спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ, которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ что сказать незнакомому человѣку: — скажите, вы, я думаю, ужасно замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги, — это нестерпимо: повѣрите-ли, что мой мужъ каждый день въ продолженіе года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю.

«Какой любезный и занимательный супругъ», —подумалъ Печоринъ.

— Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? — сказалъ Красинскій. — Вашъ удѣлъ забавы, роскошь, а нашъ—трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: еслибъ не мы, кто бы сталъ трудиться.

Наконецъ, и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, то кузина княгини замѣтила, что онъ вовсе не такъ неловокъ, какъ бы можно ожидать отъ чиновника, и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: — et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..—Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту: онъ увѣрялъ, что никогда не видывалъ такихъ темноголубыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ, и увѣрялъ, что Красинскій, судя по его глубокимъ замѣчаніямъ, непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ

человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. — Я непремѣнно узнаю, — прибавилъ онъ очень серіозно,—есть ли у него университетскій аттестатъ. — Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то, выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородной красотою лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное, и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки, — и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться, что самая чистѣйшая любовь наполовину перемѣшана съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружной красотою, и обладая умомъ рѣзкимъ и проницательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ и, какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ, преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недовѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ разсчетомъ или случайностью. То, что казалось бы другому доказательствомъ нѣжнѣйшей любви, пренебрегалъ онъ часто, какъ примѣты обманчивыя, слова, сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки, брошенныя на вѣтеръ, первому, кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдуя системѣ своей и вооружаясь несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдуя какому-то закону природы, доселѣ необъясненному. Можно было навѣрное сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ, какъ буря, однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и старанія. Но это если, это ужасное если, почти похоже на «если» Архимеда, который обѣщался приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора...

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлался разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степанычъ разсказывалъ длинную исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкою зѣвали.

— Отчего вы сдѣлались такъ печальны?— спросила, наконецъ, у Печорина кузина Вѣры Дмитревны.

— Причину даже совѣстно объявить,—отвѣчалъ Печоринъ.

— Однакожъ!

— Зависть!

— Кому-жъ вы завидуете? напримѣръ...

— Не мнѣ-ли? — сказалъ князь, тонко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль, что княгиня разсказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней, какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непримѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшки для супруговъ или жертвою коварнаго заговора. Я удивляюсь, какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ, что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, между тѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ, и всякій долженъ вамъ завидовать; но признаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый даръ этого Красинскаго—нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

— Повѣрьте,—отвѣчала княгиня,—кто скоро нравится, объ томъ скоро и забываютъ.

— Боже мой! что на свѣтѣ не забывается? И если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства,—глядишь: смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія, — и всѣ труды пропали!.. А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Еслибъ меня спросили, чего я хочу: минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того, что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести...— сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало, блистая, вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща, перекатывается по его краямъ, покуда новый порывъ вѣтра не умчитъ ее Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! но онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти! Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею,—и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало-ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ быть, и ей измѣнилъ который нибудь изъ нихъ,—какъ знать!

Кто объяснитъ, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобъ уѣзжать, княгиня его спросила, будетъ-ли онъ послѣзавтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

— Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, — прибавила она: — я почти вовсе не знаю здѣшняго круга, и увѣрена, что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

«Теперь я понимаю, — подумалъ онъ, садясь въ сани,—ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня не звали: тамъ вѣрно будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да кажется они съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится...» Тутъ сани его остановились, и мысли также. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашелъ на столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы...

IX.

Баронесса Р** была русская, но замужемъ за курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11-го часа вечера кареты одна за одною стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе, остановленные любопытствомъ и опасностію быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ, онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ съ звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей, небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснились въ головѣ его. «Чѣмъ я хуже ихъ!»—думалъ онъ.—«Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ, которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и одѣ деньги, на что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непремѣнно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость».

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ, что для этого общества, кромѣ кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), имя столько уже знакомое лакейскимъ, чтобъ швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ, когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостиныхъ, спросила бы: — который это? не родня ли онъ князю В. или графу К.? Итакъ, Красинскій стоялъ у подъѣзда закутанный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брилліанты ярко сверкали между ея локонами. За нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ медвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговскій съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ; но увы! его не замѣтили или не узнали, что еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ, видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу, слѣдующему на балъ за хорошенькою женою, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ, мерзнущихъ у подъѣзда. Но Красинскій приписалъ гордости и умышленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуту тайная непріязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. «Хорошо»,— подумалъ онъ удаляясь,—«будетъ и на нашей улицѣ праздникъ»,—жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка, и балъ началъ оживляться. Тутъ было все, что есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитою, составленною изъ людей, говорящихъ очень хорошо по-французски (что, впрочемъ, вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествующій изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. За то его супруга, благородная леди, принадлежавшая къ классу blue-stockings и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности, чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморощенныхъ дипломатовъ, путешествовавшихъ на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждавшихъ рѣзко, что Россія государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее

вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ съ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому такъ безпечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены, что эти люди, затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ, не способны ни къ чему, кромѣ маниальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ, причесанныхъ à la Russe, скромныхъ подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ большею частію дамъ и страшась, приглашая незнакомую на кадриль или мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ, ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце, какъ у больного, при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящія кадрили, и ѣли мороженое—ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ, ни языка, танцовали безъ устали, садились на край стула, обратившись лицомъ къ своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, короче—исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ выраженіемъ лица, скользили небрежно по паркету, какъ бы изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамой своего vis-à-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но за то дамы... о, дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!.. Сколько блестящихъ глазъ и брилліантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ—чудеса природы, и чудеса модной лавки... Волшебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлила, звучныя фразы, заимствованныя изъ моднаго романа, брилліанты, взятые на прокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ съ своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то, что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины, протанцовавъ съ нею мазурку, все равно что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста, прочитавъ одну его статью

У двери, ведущей изъ залы въ гостиную, сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми — не танцующими. Одна изъ нихъ была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ея блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни, и вообще она была къ лицу одѣта Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣчала на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама дурно одѣтая обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе, — это впрочемъ вовсе не значитъ, что онѣ должны дурно одѣваться). Печоринъ сталъ возлѣ Елизаветы Николаевны, ожидая, чтобъ она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и, наконецъ, она принуждена была сорвать съ своихъ устъ печать молчанія.

— Отчего вы не танцуете?—спросила она его.

— Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.

— Развѣ съ нынѣшняго дня.

— Чтожъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Не правда-ли?

— Иногда бываетъ слишкомъ поздно.

— Боже мой! какое трагическое выраженіе!

Лизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться, и отвѣчала:

— Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя-ль узнать, кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?

— О, это тайна,—сказала она, взглянувъ на него пристально и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворной нѣжностію шепнулъ ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили, ужели другая важнѣе первой?

Она покраснѣла, при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминанія, не отъ осады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить современемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ, когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли, и отъ такихъ удовольствій, когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серіозный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкою:

— Вы мнѣ напоминаете вещи, объ которыхъ я хочу забыть.

— Но еще не забыли? — сказалъ онъ съ нѣжностію.

— О, не продолжайте,—я ничему не повѣрю болѣе; вы мнѣ дали такой урокъ...

— Я?

Въ этомъ «я» было больше удивленія, чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ, поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

— Да,—сказалъ онъ,—теперь я начинаю понимать: кто-нибудь меня оклеветалъ предъ вами,—у меня столько враговъ и особенно друзей; теперь понимаю, отчего намедни, когда я заѣзжалъ къ вамъ,—это было поутру, и я знаю, что у васъ были гости,—но меня не приняли. О, конечно, я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія.

— Но вы не знаете, что этому причиною,—сказала поспѣшно Елизавета Николаевна,—я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ...

— Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону,—отвѣчалъ, горько улыбаясь, Печоринъ.—О, я догадываюсь, кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однакожъ прошу васъ, вѣрьте, вѣрьте всему, что тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.

Онъ засмѣялся, и хотѣлъ отойти прочь.

— Но если я не вѣрю?—воскликнула испугавшись Елизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему... одинъ противъ двадцати, что...

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Елизаветы Николаевны боязливо обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская, и за нею князь Степанъ Степановичъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію, что на ней было слишкомъ много брилліантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшуюся передъ нею. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ, озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу, вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась, и можно было догадаться по выраженію лица, что настала минута для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора, всходящаго въ первый разъ по ступенямъ каѳедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ... Не кстати пришпиленный бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ-ли она нравиться нашимъ франтамъ, если съ перваго взгляда скажутъ: elle a l'air bourgeoise... Это выраженіе, такъ не кстати вкравшееся въ наше чисто дворянское общество, имѣетъ, однакоже, ужасную власть надъ умами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности:

«Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера...»

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетной улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея безпокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мужчинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать, когда она изъ Москвы, и пр. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣе, такъ что можно почти держать пари, что еслибъ она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце. Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобъ возобновить прерванный разговоръ; но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы,—сказала она, наконецъ, ему,—сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!.. Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства!—отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала... За кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ.

— Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ?.. Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все, что хочетъ.

— По крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать!..

— Однако она счастлива...

— Развѣ вы не замѣтили, сколько на ней брилліантовъ...

— Богатство не есть счастіе!..

— Все-таки оно ближе къ нему, нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольну своей судьбою, въ скромной хижинѣ.. за чашкою гречневой каши.

— Кто-жъ вамъ говоритъ о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...

— Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадриль кончались, музыка за-

молкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканья сапоговъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія; немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая, что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу, и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство, и между ними завязался незначительный разговоръ...

ЮНОШЕСКІЯ ДРАМЫ

ИСПАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ПОСВЯЩЕНІЕ

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ—
И дикой страсти пылъ мятежный.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ—
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья

Я знаю: все равно ему,
Душѣ-ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла:
Стралальца ты не осмѣяла,
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла.

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная...

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Донъ-Альварецъ, дворянинъ испанскій.
Эмилія, дочь его.
Донна-Марія, мачиха ея.
Фернандо, молодой испанецъ, воспитанный Альварецомъ.
Патеръ Соррини, италіанецъ-іезуитъ, служащій при инквизиціи.
Доминиканецъ, пріятель Соррини.
Моисей, еврей.
Ноэми, дочь его.
Сара, старая еврейка.
Испанцы—бродяги, подкупленные Сорринѝемъ.
Жиды и жидовки.
Служители инквизиціи.

Слуги Альварца, слуги Сорринѝя, народъ, гробовщики.

(Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната у Альвареца, столъ, портреты на стѣнахъ и зеркало на стѣнѣ. Донна-Марія сидитъ на креслахъ, Эмилія стоитъ и перебираетъ четки.

Донна-Марія. Да, съ этихъ поръ тебѣ я запрещаю
Съ Фернандо говорить. Во-первыхъ, онъ
Неблагородный. Оттого мой мужъ
Тебѣ съ нимъ не позволитъ съединиться
Супружествомъ, и я въ томъ настою!

Эмилія. Повѣрьте, благородство не въ бумагахъ,
А въ сердцѣ.

Донна-Марія. Такъ, ужь вѣрно отъ него
Ты этого наслушалась—прекрасно!..

Эмилія. Не мудрено, что мнѣ Фернандо много
Прекрасныхъ чувствъ помогъ узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, онъ,
Безвѣстный сирота, былъ взятъ моимъ отцомъ;
И съ этихъ поръ я подъ одной съ нимъ кровлей
Жила, какъ съ братомъ,—и, бывало,
Вдвоемъ гуляли мы въ горахъ Кастильскихъ:
Онъ былъ подпора и вожатый мнѣ;
И не было на тѣхъ вершинахъ розы,
Которой для меня не могъ бы онъ достать.
(Донна-Марія въ разсѣянии какъ бы поправляетъ что-нибудь въ своемъ одѣяніи, и не слушаетъ).
Однажды мы до ночи заходились;
Душистый вѣтерокъ свѣжѣе становился,
И мѣсяцъ по небу катился.
Предъ нами быстрый былъ потокъ. Фернандо,
Чтобъ перенесть, взялъ на руки меня.
Мы перешли, но я все оставалась
Въ его объятьяхъ. Вдругъ, я помню,
Онъ страннымъ голосомъ спросилъ меня:
«Эмилія меня не любитъ?»—Нѣтъ, люблю!—
Сказала я, и ужь съ того мгновенья
Люблю его нѣжнѣй всего на свѣтѣ!

Донна-Марія. Вотъ это именно меня и заставляетъ
Тебѣ совѣтовать не говорить съ нимъ:
Тебѣ я замѣняю мать, могу—
И мнѣ дано отъ Альвареца право—
Смотрѣть какъ можно строго за тобою,
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилія. А можетъ быть гаданья ваши ложны.

Донна-Марія. Повѣрь, тебя я не глупѣе, потому
Что ужь за третьимъ мужемъ; опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливы супружества, [illegible]
Мужъ и жена не равны состояни[illegible]

Эмилія Неужели умершіе мужья
Разсудку придаютъ?

Донна-Марія (будто не слыхавъ). Звонятъ къ обѣднѣ!

Эмилія. Звонятъ! (въ сторону) а онъ не приходитъ

Донна-Марія. Взяла-ли ты молитвенную книжку?

Эмилія. Ахъ, позабыла! (беретъ со стола) о, какъ долго!

(Фернандо входитъ. Донна-Марія не глядитъ его, выходитъ въ дверь. Эмилія изъ-подъ мантильи, слѣдуя за мачихой, роняетъ записку. Фернандо, глядѣвшій вслѣдъ за нею, подымаетъ).

Фернандо (открываетъ). «Я знаю, что батюшка слышалъ объ нашей любви и о твоемъ намѣреніи жениться на мнѣ. Онъ тебѣ вѣрно станетъ говорить объ этомъ. Ради Бога, не горячись съ нимъ; иначе мы никогда не будемъ счастливы».
Ты много требуешь, Эмилія! (Молчаніе).
Кто-бъ могъ подумать, что такой глупецъ,
Такой безчувственный... Чудна природа...
И это милое, небесное созданье...
Эмилія... нѣтъ, нѣтъ!—она не дочь его.
Мнѣ скажутъ: благодарность! благодарность...
За что?—За то-ль, что каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рожденъ
Я въ низкомъ состояньи, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то-ль, что ломоть вседневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это—благодарность отъ меня?
О, лучше бы отъ голода погибнуть,
Чѣмъ выносить такія укоризны!..
И какъ онъ могъ узнать мои желанія! странно!..
Но что ни будь,—а даже для нея
Малѣйшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьметъ свое... но не теперь...

(Альварецъ входитъ тихими шагами и садится въ кресла).

Фернандо. Какой же гордый видъ, какъ будто въ немъ
Соединился всѣ души предковъ (обращаясь къ портретамъ).
О вы! вы, образы людей, великихъ
Своею мудростью и силой,
Скажите мнѣ, ужель гніющія
Нѣмыхъ гробовъ безчувственныя жертвы
Отнимутъ у меня мою Эмилію?..
Смѣшно!—я не могу себѣ представить,
Чтобъ мертвые имѣли предразсудки!..
Альварецъ Фернандо, до меня доходятъ слухи,
Что ищешь ты войти въ мое семейство!..
Безумецъ ты!—клянусь Святою Дѣвой!—
И мысль одна, мой милый, быть мнѣ зятемъ
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо. Желательно, чтобы моя обида
Могла вамъ заплатить за ваши...
Алварецъ. Мои обиды!.. Слушай же, глупецъ,
Что я скажу тебѣ, да со вниманьемъ.
Фернандо (насмѣшливо). Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ, оказавъ
Добро одинъ разъ въ жизни человѣку,
Бранить его глупомъ сто разъ—и каждый день!
Алварецъ. Узнать ты долженъ, наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я
Тебя почти совсѣмъ какъ бы родного;
Но съ этихъ поръ перемѣнилось все!
Я повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
Съ слугой однажды шелъ я изъ Бургоса
(Тогда еще я только-что женился);
Ужь смерклось и сырой туманъ покрылъ
Вершины горъ. Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь—
Забытая, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачъ — и на крыльцѣ
Находимъ бѣднаго ребенка,—то былъ ты;
Я взялъ тебя, принесъ домой—и воспиталъ.
(Насмѣшливо):
Но для чего тебя тамъ положили,
И кто родители твои—Богъ знаетъ!
А я такъ не хочу и знать: да, да!
Фернандо (пораженный, про себя).
Такъ, такъ, совсѣмъ, совсѣмъ забытый сирота!..
Въ великомъ Божьемъ мірѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колѣнихъ. Чуждый голосъ
Училъ меня родному языку
И пѣлъ надъ колыбелью моей (Молчаніе).
(Ходитъ взадъ и впередъ, потомъ опять приходитъ въ спокойное положеніе).
Алварецъ. О чемъ печаленъ? точно, вотъ какъ было.
Возможно-ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что послѣ скажутъ
Другіе благородные испанцы?..
Фернандо. Поговорятъ—и замолчатъ.
Алварецъ. Не замолчатъ: не слыхано у насъ,
Чтобы на улицѣ найденный человѣкъ
Съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ
Могъ сблизиться.
Фернандо. Сказать вамъ отчего?
Боятся эти люди, чтобъ тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали...
(Алварецъ подходитъ къ портретамъ).
Алварецъ. Вотъ этотъ, здѣсь, мой первый предокъ, жилъ
При Карлѣ Первомъ, при дворѣ, въ благоволеньи
У короля; второй при инквизиціи
Священной былъ не въ малыхъ людяхъ;
Вотъ тутъ написано, что сдѣлалъ онъ;
Три тысячи невѣрныхъ сжегъ и триста
Въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ.
Фернандо (насмѣшливо). О, этотъ былъ безъ спору мужъ святой;
Конечно онъ уже причисленъ къ лику?
Алварецъ (равнодушно). Нѣтъ еще!..
Вотъ третій здѣсь, въ военномъ одѣяньи,
Съ перомъ на шляпѣ краснымъ, и съ усами:
Вторымъ служилъ на флотѣ онъ, и утонулъ
Въ сраженьи противъ англичанъ проклятыхъ.
Еще-жъ пятнадцать прадѣдовъ моихъ ты видишь
(Дай Богъ, чтобъ и меня сюда вписали
И родъ нашъ до трубы послѣдней продолжался).
И ты—ты захотѣлъ вступить въ число ихъ?
Гдѣ, гдѣ твои родители, бродящіе
По свѣту негодяи – подлые... или..
Несчастные любовники, или какіе
Нибудь еще похуже... Дерзкій! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь,
И явишь все,—тогда я замолчу.
Фернандо. О, если-бъ только я хотѣлъ молчать
Заставить васъ (трогая шпагу), то безъ пергаментовъ
Я-бъ это могъ.
Алварецъ. Ужь слишкомъ ты забылся
Бродяга! Покажи-жъ сейчасъ,
Какъ ты меня молчать заставишь; а не то
Велю тебя прибить,—и это вѣрно,
Какъ то, что папа есть апостоловъ намѣстникъ!
Какъ ты меня молчать заставишь?
Бѣдняга, плутъ, найденышъ!.. Ты не помнишь,
Что я, испанскій дворянинъ, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (топнувъ): видишь ты передъ собою
Изображенія отновъ моихъ?
Кто-жъ твой отецъ?.. Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви?.. Вѣрно ужь жидовка,
А съ христіанкой быть сего не можетъ.
И такъ, смирись, жидовское отродье,
И кланяйся сейчасъ передо мной,
Чтобъ я тебя изъ жалости простилъ!..
Фернандо (въ безпокойствѣ). Послушай, Алварецъ! теперь, теперь я
Ничѣмъ тебѣ не долженъ!.. Алварецъ,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй отъ меня. Кровь благородная
Текла понынѣ въ жилахъ этихъ. (Минута молчанія).
Вотъ эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставитъ.
Алварецъ. Вонъ! вонъ скорѣй изъ дома моего,
Чтобъ никогда ни самъ, ни дочь моя
Тебя близъ этихъ мѣстъ не увидали.

Но если-жъ ты замыслишь потихоньку
Видаться съ нею, — то, клянусь Мадридомъ,
Клянусь портретами отцовъ моихъ,
Заплатишь кровью мнѣ.

Фернандо. Ты можешь кровь мою
Испить до капли всю, но честь, но честь
Отнять не въ силахъ, Альварецъ!..

Альварецъ. Вонъ! вонъ, глупецъ!.. Когда ты хлѣба
Имѣть не будешь,—къ моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.
(Въ сторону). Каковъ же негодяй Фернандо
сталъ!..

Фернандо. О адъ и небо!.. ну, прощай!..
Но бойся, если я рѣшусь на что-нибудь.

(Убѣгаетъ въ бѣшенствѣ и сталкивается въ дверяхъ съ патеромъ **Соррини**, котораго не замѣчаетъ. Соррини на минуту пораженъ, но, наконецъ, сгибаетъ спину и съ поклономъ входитъ. Альварецъ идетъ радостно іезуиту навстрѣчу).

Альварецъ. А! добрый день отцу Соррини! (онъ его сначала въ безпокойствѣ не замѣтилъ).
Какъ поживаете, святой служитель Божій?

Соррини (кланяясь съ притворствомъ, глаза къ небу):
Помилуйте, я лишь смиренный рабъ
Его, и вашъ слуга покорнѣйшій
Да что у васъ за шумъ въ дому случился?
Какъ бѣшеный тутъ кто-то пробѣжалъ
И даже мнѣ не поклонился.

Альварецъ. Да, я теперь лишь изъ дому прогналъ
Питомца своего; давно пора ужь было.

Соррини. И я давно уже замѣтилъ это,
Но не хотѣлъ лишь безпокоить васъ...
Повѣса онъ большой и пылкій малый,
Съ мечтательной и буйной головой;
Такіе люди не служить родились,
Но всѣмъ другимъ приказывать,—
Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно въ прахъ,
Чтобъ чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми дѣлами
Купить себѣ прощенье за грѣхи.
А что онъ сдѣлалъ, должно-ли мнѣ знать?
Быть можетъ, противъ церкви или короля,
Такъ мнѣ не худо знать...

Альварецъ. Бѣдняга этотъ...

Соррини. Бѣдняга?

Альварецъ. Какъ же! я его нашелъ
Ребенкомъ, брошеннымъ на улицѣ.

Соррини. Такимъ бы людямъ надобно прощать:
Они наказаны ужь Богомъ...

Альварецъ. Какъ прощать?
Да я вамъ разскажу, что сдѣлалъ онъ.

Соррини (въ сторону). Какъ жалко, что его карманы пусты,
А то набилъ бы я свои потуже:
Такъ въ мірѣ все изъ рукъ въ другія переходитъ.

Альварецъ (съ таинственнымъ видомъ).
Когда онъ былъ еще ребенкомъ, позволялъ
Ему я съ дочерью моей играть;
Они играли, да играли,—я не думалъ,
Что выйдетъ что-нибудь изъ этого худое.
Бывало спросишь: что вы, дѣти?—Мы играемъ.—
Во что?—Въ любовь!—И нѣжно цѣловались,
Какъ горлицы. Фернандо, ставъ постарше,
Ужь понялъ, что нейдетъ такъ вольно обращаться,
И началъ думать, какъ бы продолжать
Игру когда-нибудь... Изъ словъ его я видѣлъ
Нерѣдко, что желалъ бы онъ жениться
На дочери моей... Какъ я взбѣсился,
Вы можете понять, отецъ Соррини!..
Съ тѣхъ поръ я сталъ съ нимъ грубъ, суровъ, хоть противъ воли.
Какъ вы ни говорите,—взялъ его
Еще ребенкомъ я подъ эту крышу,
Онъ жилъ со мною двадцать лѣтъ,
Былъ будто первенцомъ моимъ... Недавно
Я вновь хотѣлъ съ нимъ показаться нѣжнымъ—
Какъ вдругъ узналъ я отъ жены моей
Что хочетъ у меня просить Фернандо
Эмилію въ замужество... Ну-жъ, меня
Вы знаете: хоть сѣдъ—но какъ взбѣшусь...
Ну!.. я и уговаривалъ его,
И представлялъ всѣ важныя причины;
Онъ много мнѣ грубилъ,—и я рѣшился
Прогнать его изъ дома наконецъ.
И не увидитъ христіанская душа
Его ноги въ дверяхъ моихъ, — въ томъ я увѣренъ!..

Соррини. Хмъ, хмъ! чтожъ ваша дочь?

Альварецъ. Не знаю, у обѣдни
Она теперь сидитъ съ моей женою,
И вѣрно молится о немъ. Да какъ вы
Мальчишкѣ этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже онъ?
Какъ вы его не удержали тотчасъ,
Чтобъ должнаго потребовать почтенья?

Соррини. Слѣпымъ дорогу должно очищать.

Альварецъ. Слѣпымъ? Да онъ глядѣлъ вѣдь въ оба глаза.

Соррини (съ презрительной улыбкой). Конечно, вы не поняли меня;
Покуда ни одной сѣдинки не видать
На головѣ, пока огнемъ живымъ
Какъ розами красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнѣли,
Пока трепещетъ сердце отъ всего—
Отъ радости, печали, ревности, любви,
Надежды, счастья,—и пока все это
Не пронеслось — и навсегда, есть страсти, страсти
Ужасныя: какъ тучею они

Взоръ человѣка покрываютъ; ихъ гроза
Свирѣпствуетъ въ душѣ несчастной, и она
Достойна сожалѣнія безспорно.
Такіе люди слѣпы; вашъ Фернандо
Изъ ихъ числа: такъ чтожъ мнѣ было дѣлать?—
Я долженъ былъ дорогу уступить,
Совсѣмъ не отъ того, чтобъ я боялся...
А... безъ причинъ съ опасностію спорить
Нейдетъ ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь (показывая на крестъ): этотъ крестъ смиренью учитъ
Меня. Тотъ, Кто на немъ былъ распятъ,
Моимъ примѣромъ долженъ быть, и я,
Какъ могъ, свою обязанность исполнилъ!..

(Слуга Соррини входитъ съ письмомъ и отдаетъ его своему господину).

луга. Отецъ Соррини! вотъ письмо отъ бѣдной;
Лишь только вы ушли, она явилась въ домъ нашъ.

Соррини. Да отъ кого письмо, какая крайность?

Слуга. Отъ бѣдной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

Соррини (прерываетъ его). И нынче приходить вмѣлъ...

Слуга. О господинъ мой, какъ она жалка:
Я, слыша рѣчь ея, расплакался:
Шесть, семь ребятъ въ лохмотьяхъ,
Лежащихъ на соломѣ безъ кусочка хлѣба
Насущнаго. Какъ я вообразилъ ихъ крикъ:
«Мать! дай намъ хлѣба, хлѣба... мать! дай! хлѣба!..»
Признаться, сердце сжалось у меня.

Соррини. Молчи, молчи,—не то и я заплачу!..
О Боже мой, пошли благословенье
На бѣдную, забытую семью,
Услыши недостойнаго молитву. (Слугѣ громко):
Дай пять серебряныхъ монетъ—дай отъ меня.

(Слуга смотритъ на него. Соррини подходитъ и говоритъ тихо):

Ступай, дай ей одну!..

Слуга. Да сжальтеся!..

Соррини (топнувъ, громко). Какъ? Много?..
Добра не дѣлаемъ мы никогда довольно...

(Слуга въ смущеніи уходитъ).

Алварецъ. Я удивляюсь вамъ, святой отецъ.

Соррини. Ахъ! замолчите,—я молю васъ; слышать страшно...
Я самый, самый бѣдный грѣшникъ.

Алварецъ (глядитъ въ окно). Вотъ и жена моя идетъ изъ церкви,
А съ ней Эмилія съ своими четками.

Соррини (въ сторону). Идетъ, прелестная! Пусть бережется! если
Заронитъ искру пламя въ эту грудь,
Оледенѣвшую отъ лѣтъ, то не легко
Она избѣгнетъ рукъ моихъ; мнѣ трудно
Носить понынѣ маску—но чтожъ дѣлать?
Того ужь требуетъ мой санъ. Ха! ха! ха! ха!..

(Эмилія и Донна Марія входятъ).

Какъ счастливъ я, что вижу, наконецъ,
Прелестную Марію—и тебя,
Невинную Эмилію. О Алварецъ!
Не долженъ тотъ роптать на Провидѣнье
Кто обладаетъ этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было отъ солнца
Ихъ защитить.

Алварецъ. Эмилія, поди сюда!
Я объявилъ отцу Соррилію,
Что влюблена ты.

Эмилія (покраснѣвъ). Батюшка!

Алварецъ. Молчи.
Отецъ святой тебя наставить хочетъ
Въ томъ, какъ вредна любовь, а ты —
Ты слушай со вниманьемъ, чтобъ ни слова
Не кинулъ онъ на воздухъ. Сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь; онъ тебѣ откроетъ
Опасность страшную любви.

Соррини. Да, если мнѣ позволилъ вашъ родитель,
То я готовъ неопытность ввести
На лучшій путь: тамъ нѣтъ цвѣтовъ,
Тамъ терніи, но цѣль, къ которой мы
Приходимъ, веселитъ насъ, а былое
Печально или весело, смотря по тѣмъ
Мгновеніямъ, когда о немъ воспоминаешь;
И такъ всего важнѣй послѣдствіе:
Коль къ доброму концу дѣянья наши,
То способы всегда ужь хороши,
Какіе-бъ ни были... Страшись Фернандо!
Онъ льститъ тебѣ, обманетъ или,
Положимъ, на тебѣ онъ женится,
Но это для того, чтобъ быть богаче.

Алварецъ. Да этого не будетъ никогда;
Скорѣй всѣ мертвые воскреснутъ.

Соррини. Не говорите этого—бываютъ
Такіе случаи. Но васъ, Эмилія,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть можетъ, притворяется Фернандо?
Послушайте, я разскажу вамъ случай,
Которому свидѣтель былъ въ Мадридѣ,
При инквизиціи святой.
У дѣвушки одной любовникъ былъ,
Красивый, молодой и умный малый,
И такъ сказать на все удалый;
И онъ красавицу мою любилъ,
И очень долго это продолжалось,
Какъ, наконецъ, замѣтила она,
Что, отъ нея безъ грусти удаляясь
Подъ разными предлогами, не сталъ
Онъ находить веселья въ разговорѣ нѣжномъ,
Что къ ней онъ вовсе охладѣлъ,
Что не дивился ужь красѣ ея наряда,

И призывающаго взгляда
Онъ понимать ужь не умѣлъ:
Какъ женщинѣ все это не замѣтить,
Когда вся жизнь ея въ томъ только состоитъ?..
Вотъ ревность въ грудь ея какъ червь закралась,
И долго сердце горькое точила...
Ну, просто безъ обиняковъ скажу,
Она любимца отравила
И онъ скончался въ двое сутокъ...
Но такъ какъ бѣдный сей испанецъ
Служилъ при инквизиціи писцомъ,
То въ дѣло всѣ вошли по праву мщенья;
Преступницу наказывали долго,
Имѣнье въ пользу церкви обративъ,
И, наконецъ, замучили до смерти!.. (Всѣ содрогаются).
Вотъ слѣдствія любви!.. страшись, Эмилья!
На мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько,
И онъ не тронется; но разъ толкнувъ,
За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.
Не такъ-ли говорю я?

Альварецъ. Точно такъ,
Вы совершенно справедливо поступили
Съ несчастною преступницей. . Какъ? Отравить
Служителя священной инквизиціи?
Она мученья смерти заслужила.

Соррини. Нѣтъ! я совсѣмъ не говорю сего! (Кидая взоръ на Эмилію).
Я слишкомъ жалостливъ... насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Всѣ члены у меня хладѣя трепетали,
И осуждалъ мой умъ, что пальцы написали...
Но такова судьба судей земныхъ!..
Всѣ люди мы, и ослѣпленье страсти,
Безумное волненіе души должны мы
Прощать, когда мы излѣчить не въ силахъ.

Донна-Марія. Ахъ! я и прежде такъ судила.

Альварецъ. И въ самомъ дѣлѣ правда это.

Соррини (радостно въ сторону). Они меня боятся!

Эмилія. Позволь тебя спросить мнѣ, батюшка,
Къ чему все это клонится?

Альварецъ. Къ тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Объ томъ, что болѣе Фернандо не увидишь:
Онъ нагрубилъ мнѣ нынче, и навѣки
Его изъ дому я прогналъ.
Не смѣй съ нимъ видѣться тихонько; иначе,
Страшися оскорбленнаго отца...
Прощаю я твою любовь, какъ бы порокъ,
Въ которомъ ты исправилась. Надѣюсь,
Что это будетъ такъ, по крайней мѣрѣ.

Соррини. Утѣшься, [illegible] Эмилія!
Любовь пройдетъ, самимъ вамъ будетъ легче.

Эмилія (сквозь слезы). Довольно и того, что сдѣлали,
Но для чего смѣяться надо мной?.. (Плачетъ).

(Эмилія уходитъ, закрывъ глаза платкомъ. Всѣ въ изумленіи).

Соррини. Какъ рѣзко вы сказали, Альварецъ!
Нечаянный ударъ во слѣдъ себѣ
Ведетъ раскаянье нерѣдко.

Альварецъ. Э! нужды нѣтъ, отецъ Соррини!
Вѣдь надо было бы открыть;
А чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

Соррини. Не всегда.
Вы знаете-ли, женщина—цвѣтокъ,
Который, если вы его согнете вдругъ,
Изломится.

Донна-Марія. Да не угодно-ль вамъ
Позавтракать, отецъ Соррини.

Соррини. Благодарю, прекрасная Марія!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владѣетъ. До свиданья, донна! до свиданья
И вы, почтенный другъ мой Альварецъ!
Желаю, чтобъ небесъ благословенье
Сошло на домъ вашъ... и чтобъ ваша дочь...
Утѣшилась скорѣй; я думаю,
Она и не замедлитъ. Ха! ха! ха! прощайте!
(Уходитъ, низко кланяясь).

Альварецъ. Когда еще намъ сдѣлать честь придетъ
Вамъ въ голову, то, вѣрьте мнѣ,
Открыты будутъ ежедневно двери
Мои для васъ... какъ сердце... (кланяясь) одолжите!

(Соррини, провожаемый до двери, уходитъ наконецъ).
Ну, слава Богу!.. онъ такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему;
Боюсь такихъ людей, которые всегда
На языкѣ своемъ имѣютъ: да! и да!
Хоть серятся они—не знаешь извиниться,
Затѣмъ что съ виду всѣмъ довольны.
Но съ кѣмъ бранился я, съ тѣмъ можно помириться! (Уходятъ всѣ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ночь. Театръ являетъ садъ и балконъ съ лѣвой стороны. На него выходитъ Эмилія. Балконъ соединенъ ступенями съ садомъ. Эмилія сидитъ. Мѣсяцъ надъ деревьями.

Эмилія. Все тихо, только это сердце безпокойно;
Неблагодарный! я его просила,
Чтобы хоть для меня онъ удержался.
Ужели для меня не могъ онъ?—вотъ мужчины!
Ужели мнѣнье моего отца
Ему дороже, чѣмъ любовь моя?

Теперь ужь некому меня утѣшить. (Молчаніе).
Ужь эти мачихи! презлобныя творенья!
И этотъ сэуптъ!—вѣдь надобно-жъ
Мнѣ окруженной быть такимъ народомъ!..
О, если-бъ могъ прекрасный мѣсяцъ озарить
Хотя послѣднее свиданье наше!
Фернандо разлюбилъ меня конечно,
А то бы онъ пришелъ проститься; я прощаю
Его горячность,—но зачѣмъ нейдетъ
Онъ извиниться въ этомъ предо мною...
Ему грозилъ отецъ мой,—это правда!
Попробую сойти (Сходитъ съ балкона). Тамъ
кто-то шевелится!
Какъ бьется сердце!. но чего бояться,
Вѣдь я одна.. а если кто-нибудь!.
Кто тамъ?.. тѣнь шевелится на землѣ...
Ахъ, Боже мой!.. куда уйду..
(Слышенъ голосъ). Эмилія!..

Эмилія. Ахъ, ахъ! святой Доминго, помоги!
Злой духъ ко мнѣ идетъ. (Въ страхѣ не знаетъ,
что дѣлать).

Фернандо (выходитъ въ черномъ плащѣ). Эмилія!
Мой голосъ страненъ для тебя... ты испугалась!

Эмилія. Нѣтъ!. нѣтъ!. ахъ, слѣмъ, я дрожу...

Фернандо (беретъ ее за руку). Ты права!
Но отчего я испугалъ тебя такъ сильно? (Она
садится на скамью).

Эмилія. Ну чтожъ ты скажешь?

Фернандо. Я пришелъ проститься!..
Проститься!. въ первый разъ такое слово
Должно меня печалить... Знаешь-ли,
Я думаю, что былъ бы счастливѣй,
Когда бы не съ кѣмъ было мнѣ проститься...
Ты будешь плакать,—мнѣ двойная мука...

Эмилія. Самъ виноватъ; вѣдь я тебя просила. .
Ты не хотѣлъ. Кто-жъ виноватъ? Кто-жъ
виноватъ?

Фернандо. Нѣтъ, я не могу, клянуся Небомъ!
Ты знала нравъ мой—для чего писала?..
Но все ужь кончилось... не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватымъ
Мнѣ было-бъ тяжело,—ты это знаешь...
Что сдѣлано—то сдѣлано..

Эмилія. Гдѣ будешь
Ты жить теперь, Фернандо?

Фернандо. Гдѣ? гдѣ жить?..
Ты мнѣ напомнила ужасное!..
Зачѣмъ такой вопросъ?.. ты знала,
Что не имѣю я ни друга, ни родни,
Ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ-бъ
Я могъ найти пріютъ. Послѣдній нищій
Имѣетъ то, чего я не имѣю:
Онъ равнодушно и спокойно проситъ хлѣба.
Вообрази: лишь ты одна на свѣтѣ
Сказала мнѣ «люблю»; тебѣ одной
Я повѣрялъ всѣ мысли, всѣ желанья;
Ты для меня: родня, друзья—ты все мнѣ!..
Гордися этимъ!.. такъ, Эмилія,
Мы созданы Небеснымъ другъ для друга;
Ты все для сердца этого,—и Богъ
Не такъ жестокъ, чтобъ все отнять
У человѣка! (Молчаніе). Дай мнѣ свой портретъ.

Эмилія. (Она снимаетъ съ шеи и даетъ)
А я сама его хотѣла дать тебѣ,
За тѣмъ и принесла сюда съ собою;
Но знаешь, говорятъ, не должно
Съ мужчиной дѣвушкѣ сидѣть въ полночь...

Фернандо. Со мной сидѣть не бойся никогда.

Эмилія (кидается ему на шею). О, милый! какъ
мнѣ грустно! будто
Свинецъ въ груди вмѣсто сердца...
Какъ вспомню, что въ послѣдній разъ тебя
Здѣсь вижу,—слезы остановятся, дыханье
Рѣдѣетъ... то боюсь, чтобъ не пришелъ отецъ
мой,
То, чтобы часъ прощанья не пришелъ...
Ко мнѣ ужасныя тѣснятся мысли;
Вчерась я видѣла во снѣ, что ты
Меня хотѣлъ зарѣзать.

Фернандо (мрачно и быстро). Перестань
Взгляни на тихую луну! о, какъ прекрасна!
И облачка вокругъ нея! Луна,
Луна! какъ много въ этомъ звукѣ чувствъ,—
Что будетъ, что теперь, и что прошло—все
въ немъ
Соединяется—и что прошло!
И кто-бъ подумать могъ, что та-жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой... у ручья.. въ горахъ—ты
помнишь?—
Что та-жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!..
Взгляни опять: подобная Армидѣ,
Подъ дымкою серебристой мглы ночной,
Она идетъ въ волшебный замокъ свой;
Вокругъ ея и слѣдомъ тучки
Тѣснятся, будто рыцари-вожди,
Горящіе любовью, и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной,
Оно блеститъ; когда же отвернутъ
Къ соперникамъ, то ревность и досада
Его нахмурятъ тотчасъ; посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются на шлемахъ—помнишь, помнишь—
Въ тотъ вечеръ все такъ было—кромѣ
Судьбы Фернандо; небо и земля
Все тѣ же—только люди! Если-бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я-бъ ихъ про-
клялъ.

Эмилія. Да развѣ ты не человѣкъ же?

Фернандо. О, я себя бы вмѣстѣ съ ними проклялъ!..

Эмилія. За что это?

Фернандо. За то, что не могу
Я видѣть хладнокровно, какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло,
Съ притворной добротой, когда совсѣмъ
Не просятъ ихъ; за то, что не могу
Я видѣть общаго стремленья къ ничему
Или для золота разбитыя сердца!..
За то... Эмилія... О! я злодѣй—
Я могъ бы сдѣлать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но какъ взгляну на будущность... на жизнь
Безцвѣтную, съ прошедшимъ ядовитымъ...
Тогда... Эмилія... тогда я жертвовать
Готовъ твоимъ блаженствомъ, чтобъ имѣть
Близъ этой груди существо такое,
Которое понять меня-бъ могло.
Желаю, чтобы вѣчно часъ такой
Не приходилъ... Но... не люби меня,
Ты видишь правъ мой,—позабудь меня...
Забудешь-ли?

Эмилія. Что, если-бъ я сказала «да»?
Не говори въ другой разъ то, чего не мыслишь...

Фернандо. Мой ангелъ, ангелъ... ты понять не можешь, какъ
Любовь твоя меня терзаетъ! (Фернандо обнимаетъ ее и она его).
О, если счастье неба будетъ
Имѣть такъ много горечи, какъ этотъ
Единый поцѣлуй, то я бы отказался
Отъ рая добровольно! Ахъ, Эмилія!
Ступай ты лучше въ монастырь,
Ступай въ обитель, скрой себя отъ свѣта,
Умри!.. Предвижу много страшнаго!..
О, если-бъ никогда ее не зналъ я! (Звонъ).
Полночь... прости!.. Но что за шорохъ?
(Молчанье). Мы пропали!
Я позабылъ калитку затворить...
Бѣги!.. бѣги!..

Эмилія. Спаси насъ, Царь Небесный!
(Уходитъ на балконъ и скрывается).

Фернандо (вынимаетъ шпагу). Кто тамъ?.. Заплатишь дорого
За это любопытство мнѣ!
(Ударяетъ по кусту. Вскрикнувъ, выползаетъ жидъ сѣдой и бросается на колѣни).

Моисей. Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.

Фернандо. Вздоръ, вздоръ... ты слышалъ — и умрешь.
Признайся, ты подосланъ! (Шпагу подставляетъ къ горлу).

Моисей (на колѣняхъ). Нѣтъ.

Фернандо. Ты лжешь!

Моисей. Страшись убить напрасно старика!
(Кидается въ ноги, обнимаетъ колѣни).
Спаси меня... У насъ вѣдь Богъ одинъ...
Меня преслѣдуютъ... Быть-можетъ твой
Отецъ въ живыхъ... я самъ отецъ... о, для него—
Спаси меня отъ инквизиціи...
Возьми имѣнья половину... но зачѣмъ
Ругаться попусту надъ сѣдинами...
Тебѣ заплатитъ Богъ твой... у меня
Есть дочь: что будетъ съ нею, если ты
Меня не пощадишь?.. Что будетъ съ нею?..
О, сжалься, сжалься!

Фернандо. У тебя есть дочь!..
А я хотѣлъ... о... нѣтъ! довольно въ свѣтѣ
Спроть и безъ нея... Возьми. (Кидаетъ ему не глядя плащъ и шляпу).
Надѣнь!...
Иди за мной; ни слова... или смерть!..
Ни слова,—я хочу тебя спасти!..

Моисей. Какъ!.. какъ!.. (Молчаніе. Жидъ въ изумленіи. Испанецъ съ презрѣніемъ гладитъ на него).
Клянусь Ерусалимомъ,
Что онъ не христіанинъ... это вѣрно. (Надѣваетъ плащъ и шляпу).

Фернандо. Собака! что сказалъ ты... что сказалъ ты?..
Не смѣй законъ мой поносить при мнѣ...
Пойдемъ. (Являются издали факелы и люди съ другой стороны).

Моисей (тихо про себя). Но, если онъ меня предастъ,
Но если онъ...

Фернандо (топнувъ). Ты видишь факелы! пойдемъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Въ домѣ Соррини; комната, гдѣ онъ угощаетъ бродягъ, чтобъ они ему служили. Нѣсколько испанцевъ сидятъ за двумя столами, кричатъ, смѣются и пьютъ. Слуги разносятъ вина.

1-й испанецъ (бродяга). Да, если инквизиція святая
На тотъ конецъ учреждена была,
Чтобъ насъ кормить, то дай Богъ ей здоровья...
Соррини впрочемъ очень добрый малый:
Хотя ханжитъ немного, но съ лѣтами,
Когда придетъ пора разсудка, можно
Надѣяться на исправленье.

2-ой испанецъ. Ты конечно
Ослѣпъ и бѣлое за черное берешь,
Какъ всѣ слѣпые... Ха! ха! ха!... не такъ-ли? (Пьетъ).

1-й испанецъ. Могу завѣрить васъ, друзья мои,

Что молодъ патеръ нашъ—не тѣломъ такъ душой:
Какъ любятъ женщины его понынѣ,
И какъ онъ самъ ихъ любитъ, вопреки закону!

3-й испанецъ. Онъ женщинами столько же любимъ,
Какъ нами...

1-й испанецъ. Развѣ ты его не любишь?

3-й испанецъ. Ну да! когда накормитъ хорошо.
Но, ergo, эта нѣжная любовь
Проходитъ съ голодомъ и съ жаждой...

4-й испанецъ. А я готовъ побиться объ закладъ,
Что нашъ Соррини плутни затѣваетъ
Опять. Ужь эти угощенья не къ добру.
Такъ, помнишь-ли, ему хотѣлось,
Чтобъ мы зарѣзали Донъ-Педро
И домъ его сожгли?.. Ужь то-то пиршество
Онъ задалъ намъ... Или въ другой разъ,
Предъ тѣмъ, чтобъ намъ велѣть похитить для него
Красавицу бургосскую отъ тетки,—
Вотъ дьявольское было дѣло!—positum:
Теперь онъ также затѣваетъ плутни...

1-й испанецъ. Эхъ, что намъ въ томъ! вѣдь надо-жъ ѣсть и пить! притомъ же
Онъ нашъ заступникъ въ инквизиціи.

3-й испанецъ. Однако же, не худо бы ему
Своимъ гаремомъ подѣлиться съ нами,
Не то всѣ гуріи завянутъ—или
Имъ будетъ слишкомъ тѣсно наконецъ.

5-й испанецъ (за другимъ столомъ).
Вина! (Кричитъ).

Слуга. Сейчасъ... въ минуту...

5-й испанецъ. Къ чорту—ждать! вина!
Будь проклятъ ты съ своимъ Сорриніемъ!

Слуга (подаетъ стаканъ). Вотъ вамъ вино.

5-й испанецъ. Прегадкое, съ водой.
Поди ты къ чорту съ нимъ, ракалія...
(Бросаетъ стаканъ на полъ и обливаетъ 2-го испанца).

2-й испанецъ (горячо). Послушай!—будь впередъ поосторожнѣй:
За это бьютъ у насъ.

5-й испанецъ (вскочивъ). Чего ты хочешь, ты?

2-й испанецъ. Я говорю, чтобъ ты впередъ остерегался...
Не то... (схватываетъ стулъ) я стуломъ разсчитаюсь...

5-й испанецъ. Клянуся честью, ты въ живыхъ не будешь!
Я вырву твой языкъ... и псамъ
Голоднымъ на обѣдъ отдамъ! (Вынимаетъ кинжалъ).
Ужь я тебя достану... (Бросается на него).

3-й испанецъ. Погодите! (Другіе удерживаютъ ихъ).
Оставь кинжалъ, а ты свой стулъ, и станьте
Какъ должно въ поединкѣ; шпаги вынь те,
А секундантовъ будетъ ужь довольно.
(Они вынимаютъ шпаги и становятся).
Вотъ такъ. Начните! (начинаютъ) хладнокровнѣй только...
А ты ужь слишкомъ близко наступаешь...
Зачѣмъ такъ горячишься ты?..

2-й испанецъ (переставъ). Я тронулъ.

5-й испанецъ. Нѣтъ!..

1-й испанецъ. Смотрите, чтобъ при первой крови кончить.

5-й испанецъ (нападая). Онъ жизнью мнѣ своей заплатитъ!

1-й испанецъ (четвертому). Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый...
(2-й испанецъ отступаетъ, тотъ на него нападаетъ, и вдругъ раненъ въ плечо; ихъ разнимаютъ).

3-й испанецъ. Товарищи, довольно; помиритесь.

4-й испанецъ. Конечно, миръ за бранью слѣдуетъ всегда.

5-й испанецъ. Пожалуй, я готовъ... Твоя побѣда.

2-й испанецъ. И такъ мы вновь друзья.

4-й испанецъ. Но знаешь-ли,
Когда бъ они меня не удержали,
То я сдержалъ бы обѣщанье—
И вѣрно-бъ твой языкъ собаки съѣли!
(Входитъ Соррини; они всѣ низко ему кланяются).

Соррини. Какой я слышалъ шумъ?

5-й испанецъ. Да, мы немножко
Повздорили, почтенный патеръ... но
Все кончилося примиреньемъ... такъ-ли? (Къ другимъ).

Соррини. А я пришелъ вамъ дать препорученье:
Столь важнаго давно не исполняли вы...
Вопросъ: вы знаете-ли Альвареца?

Всѣ. Знаемъ.

Соррини. Есть у него жена...

Всѣ. Жену?

Соррини. Нѣтъ, нѣтъ!.. не то!..
Я къ ней поддѣлаться хочу, чтобы она
Не помѣшала вамъ похитить дочку;
Она на это вѣрно согласится,
Затѣмъ, что если дочери не будетъ,
То ей имѣнье все достанется
По смерти мужа... а его кончины часъ
Она приблизитъ ужь по-своему.
Но дѣло не о томъ теперь.
У Альвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы ужь знаете,—зачѣмъ
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мнѣ ужасно... я горю
Любовью къ ней... готовъ я всю казну
Мою отдать вамъ... только-бъ вы
Эмилію мнѣ привезли! Что только можно:
Ядъ, страхъ, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачиху, служителей, отца,

Лишь мнѣ испанку привезите...
И все, все тайно доведите
До этого счастливаго конца.
Тогда, друзья мои .. вы не видали
Такого пиршества, какое будетъ.
Но слушайте!—я вѣрилъ тайну вамъ;
Страшитесь измѣнить!—О, если
Хоть искра заговора выскочитъ...
То всѣхъ подъ инквизицію отдамъ.

3-й испанецъ. Я знаю Альварена, дочь его
И мачиху... но есть еще Фернандо,
Который въ домѣ ихъ воспитанъ...
Онъ молодецъ.. я видѣлъ, какъ въ аренѣ
Предъ нимъ ужасный буйволъ упадалъ.
Его ты не подкупишь... и не такъ-то
Легко съ нимъ будетъ справиться.

4-й испанецъ. Конечно!
Да онъ же и влюбленъ въ Эмилію...

Соррини (вспомнивая). Фернандо—кто такое? да... Фернандо...
Знакомо это имя что-то мнѣ!..
А!.. вотъ судьба!. онъ выгнанъ изъ дому
Два дня тому назадъ безмозглымъ Альвареномъ
За вздоръ какой-то .. нечего бояться!..
Но... правда... можетъ онъ узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортитъ дѣло все... Нѣтъ!.. прежде
Убейте мнѣ его... найдите... справьтесь...
Какъ вамъ тогда придетъ на умъ...
Потомъ Эмилію похитить можно...
Клянусь... я выдумалъ прекрасно ..

Всѣ (кричатъ). Пожалуй!.. какъ ты хочешь, патеръ.

Соррини. Прощайте! я надѣюся на вашу скромность. (Половина уходитъ).
(Про себя). Когда ты хочешь непремѣнно,
Чтобъ что-нибудь не сдѣлали иль сдѣлали,
То говори, что ты увѣренъ въ людяхъ,—
И самолюбіе заставитъ ихъ
Исполнить трудное твое желанье.

(Остальная половина уходитъ. Соррини садится въ кресла).

Что значитъ золото? Оно важнѣй людей:
Черезъ него мы можемъ оправдать
И обвинить; черезъ него мы можемъ,
Купивши индульгенцію,
Грѣшить безъ всякихъ дальнихъ опасеній,
И несмотря на то попасть и въ рай.
И вотъ послѣдній годъ мой ужь насталъ,
Однако-жъ не уйдетъ Эмилія
Изъ рукъ моихъ,—я отомщу ей
За смѣхъ вчерашній; о, повѣрь мнѣ,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на колѣняхъ,
И плакать, и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмѣешься ты, когда скажу,
Что и старикъ любить умѣетъ сильно;
И въ томъ признаешься невольно ты...
Любить!—смѣшно, какъ это слово
Употребляю я съ самимъ собою...
Но я ей отомщу за гордый смѣхъ,
Хотя-бъ она была моей послѣдней жертвой...
Послѣдней?.. Будто нѣту денегъ у меня,
Чтобы купить еще на десять лѣтъ
И больше отпущеніе грѣховъ?
Грѣховъ! ха! ха! ха! ха!—на что оно годится
Для тѣхъ, которые ему душой не вѣрятъ?
А я и безъ него умѣю обойтиться.

Входятъ съ радостью толпой испанцы и ведутъ пѣвца съ гитарой .

Испанцы. Вотъ мы пѣвца поймали на дорогѣ:
Не хочешь ли послушать, онъ споетъ
Про старину, про гордыхъ нашихъ предковъ;
Не хочешь ли, почтенный патеръ?

Соррини (поглядывая на пѣвца). Благодарю я васъ, друзья мои. Пойдетъ
Мнѣ быть свидѣтелемъ мірскихъ веселій,
И юности пировъ гремящихъ.
Сѣдинамъ этимъ преклоняться должно въ прахѣ
Передъ Распятымъ, а не украшаться
Вѣнцами радости: не пѣть я долженъ, но
Рыдать, молясь за грѣхи свои
И ваши—небо стадо съ пастыремъ одно.
(Уходитъ нагнувшись)

5-й испанецъ (въ сторону). Чтожъ! безъ тебя такъ намъ еще вольнѣе.

3-й испанецъ. Признаться, я не вѣрю, чтобъ у насъ
У каждаго одни грѣхи съ нимъ были:
Мы дѣлаемъ злодѣйства, чтобы жить,
А онъ живетъ, чтобы злодѣйства дѣлать...

Пѣвецъ. Чтожъ мнѣ вамъ спѣть, ей-Богу я не знаю...

2-й испанецъ. Ну, полно, братъ, садись и начинай играть;
А пѣсни выплются невольно.
Люблю я пѣсни: въ нихъ такъ живо
Являются душѣ младенческіе дни;
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить;
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
И вспомнишь дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

3-й испанецъ. Ха! ха! ха! ха! разнѣжился опять...
Опять принесъ ты вздоръ давнишній;
Опять воспоминанья, чортъ бы съ ними...

5-й испанецъ. Баба!..

4-й испанецъ (показываетъ на пѣвца). Тсъ, тсъ.
1-й испанецъ. Онъ начинаетъ! Слушать!..

БАЛЛАДА.

Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ,
Въ ней блещутъ вершины церквей;
Но въ прежніе годы невѣрные тамъ
Купали своихъ лошадей.
На томъ берегу,—поклянусь, что не лгу,—
Хранимый рукой христіанъ,
Съ чалмой и крестомъ надъ чугуннымъ столбомъ
Стоитъ превысокій курганъ.

Недалеко отсюда обитель была;
Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пиръ садились ночной.
Вотъ чаши гремятъ... и поютъ, и кричатъ...
И дверь отворяется вдругъ:
Взошелъ сарацинъ, безоруженъ одинъ—
И смутился пирующій кругъ.

Невѣрный, склонясь челомъ, говоритъ:
«Я желаю проститься съ чалмой,
Крестите меня, какъ законъ вашъ велитъ.
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обманъ изъ далекихъ странъ
Привели меня къ вашимъ стѣнамъ;
Я узналъ вашъ законъ, мнѣ понравился онъ;
Я жизнь свою Богу отдамъ».

Но монахи его окружили толпой,
И въ сердце вонзили кинжалъ,
И съ золотомъ сняли алмазъ дорогой,
Который на шеѣ сіялъ.
И ругались надъ нимъ, со смѣхомъ пустымъ,
Пока день не взошелъ молодой,
И кровавый трупъ на прибрежный уступъ
Былъ брошенъ злодѣйской рукой.

Не прошло трехъ ночей, какъ высокій курганъ
Воздвигся съ крестомъ и чалмой,
И подъ нимъ тотъ пришлецъ изъ восточныхъ странъ
Зарытъ—но не силой земной.
И съ тѣхъ поръ каждый годъ, только мѣсяцъ взойдетъ,
Въ обитель приходитъ мертвецъ;
И монахамъ кричитъ (такъ молва говоритъ),
Чтобъ крестили его наконецъ...

(Многіе хлопаютъ въ ладоши).

1-й испанецъ. Прекрасно! очень хорошо.
Всѣ испанцы. Благодаримъ.
Не хочешь-ли вина, искусный трубадуръ.
(Ему подаютъ, и онъ пьетъ.)
Пѣвецъ. За здравье паны... а потомъ за ваше!
3-й испанецъ. Товарищи, пойдемте же теперь
Искать свою любезную добычу,
Пойдемте, съ помощью святого Доминика.
Намъ Богъ проститъ... вѣдь надо людямъ жить...
(Уходятъ всѣ съ громкимъ хохотомъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната у жида. Богатые ковры вездѣ и сундуки. Тутъ стоитъ на столбикѣ лампа горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ.—Все богато.—
Нозми сидитъ у стола облокотившись.

Нозми. Нѣтъ, не могу работой заниматься;
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
Дрожатъ, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ
Молиться я хотѣла — тоже все.
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко...
И занимаетъ все воображеніе
Прекрасный образъ незнакомца,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо...
Какъ будто бы евреи уже не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго—и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Іерусалимѣ.
Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ—но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга какъ они?
Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ,
Но этого пока мы не видали. (Молчаніе).
Однакожъ есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ:
Кто-бъ ожидалъ? Какъ жалко, что его
Я не увижу... но отецъ мой
Его такъ живо описалъ, такъ живо...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... Но зачѣмъ объ немъ я мыслю?..
Что пользы?.. Ахъ, какой же я ребенокъ?
Молчаніе).
Мнѣ скучно—вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня... Сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ.
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день;

Все нѣснь одна: низать и распускать свой
жемчугъ,
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить,
И спать... Однако-жъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ.
(Молчаніе).
Что пользы? (Кличетъ). Няня! Сара, Сара,
Поди ко мнѣ! поди сюда! ну, что же?..

Сара (старуха, идетъ). Что, милая Ноэми, что тебѣ?
Иль жемчугъ распустила? Но вѣдь я
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ такъ невозможность; такъ-ли?

Ноэми. Нѣтъ, Сара, жемчугъ я оставила низать.

Сара. Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ свои года не тѣмъ была довольна;
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно!—Что-жъ меня звала ты?

Ноэми. Такъ!
Мнѣ скучно... я больна...

Сара. Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...
Есть у меня знакомый, прескусный...

Ноэми. Не надо... Я не то чтобы больна—
А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ;
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я...
Мнѣ грустно... Разскажи мнѣ сказку
Про старину... садись и разскажи...

Сара. Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба.
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

Ноэми. Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!.. растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась,
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
«Смотри: я братъ твой...» но, клянуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: «перестань молиться!
Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіанинъ—и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться».
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что-жъ?—въ рукахъ
Остался погребальный саванъ... я проснулась...

Сара. Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

Ноэми. Но это вздоръ; я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду...

Сара. О, Ноэми!
Не говори... случиться это можетъ...

Ноэми Какъ можетъ? Какъ?.. Нѣтъ, это невозможно.

Сара. Послушай, у тебя былъ братъ;
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ
И для того тебѣ объ немъ не говорили.
А можетъ быть, онъ живъ—какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима.

Ноэми. Ахъ, Сара, Сара! нѣтъ, онъ умеръ...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и, какъ цвѣтъ
Полей, засохнулъ... Такъ, онъ былъ рожденъ
для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О, Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ...
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитается по свѣту; родина,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше!
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ...
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ?—Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И если-бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то вѣрно-бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣсняли...
Однако-жъ и межъ нихъ есть добрые.

Сара. Да, да, вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея.
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истолталъ, сказавъ:
«Собака, жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твои!..» Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то,
Что спасъ онъ одного изъ гибнущихъ сыновъ
Израиля.

Ноэми. Прости ему, Всевышній!..

Сара (подходитъ къ окну). Какая ночь! Въ такую точно ночь
Я стала жертвою любви... Іосифъ мой!
О, если-бъ ты меня теперь увидѣлъ,
Ты испугался бы. Въ то время я цвѣла;

Мои глаза блистали какъ алмазы,
И щеки были нѣжны точно пухъ...
Увы, Ноэми! кто-бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ... То-то время!..

Ноэми. Что мой отецъ пейдетъ!

Сара. Чу, вотъ сова кричитъ... ужасный крикъ!
Я не люблю его... во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ...
(Стучатъ въ дверь).
Ахъ, вѣрно твой отецъ пришелъ!.. ну-жъ поздно!..

Голосъ. Скорѣе отоприте! отоприте!

(Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ; входитъ **Моисей**, ведетъ **Фернандо** съ перевязанной рукой; сей едва идетъ).

Моисей. Ноэми! Сара! помогите! помогите!..
Измученъ я усталостью и страхомъ...
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье
Злодѣямъ!.. Дайте кресло и подушки...
Онъ истекаетъ кровью...
(Даютъ длинную подушку и кладутъ на полъ. Его сажаютъ и поддерживаютъ голову ослабѣвшую).
Будь Авраамъ свидѣтель—эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ:
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь...
О Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!..

Фернандо. Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
Освободить отъ мукъ. Такъ земляки мои
Всегда добро другъ другу дѣлаютъ.
О, перестаньте! (Какъ отъ сна). Гдѣ я?.. Кто со мной?..
(Поднимаетъ голову). Благодарю того, кто спасъ меня—но кто онъ?

Моисей. Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь, передъ тобой,—еврей, гонимый
Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня—
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ.
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель...

Ноэми (становится на колѣни и цѣлуетъ руку).
Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,
Испанецъ... (Она остается на колѣняхъ и держитъ руку).

Фернандо (Моисею). Что сказалъ ты, иновѣрный?
Отчизна, родина—слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей...

Ноэми. Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь;
Ты добръ, испанецъ—Небо справедливо!..

Фернандо. Я былъ добръ...

Моисей (стоя надъ нимъ). Кровь течетъ изъ раны...
Перевяжите... какъ онъ поблѣднѣлъ...

Фернандо. У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы;
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно—могилу...
Чудовище, зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу?.. Всѣ старанья ваши—зло!
Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло... безумцы!
Прочь!.. пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!..
Одни евреи бѣдные... что нужды?
Они все люди же—а кровь
Пріятна людямъ... Прочь!.. (Срываетъ перевязи).

Ноэми. Отецъ мой! (въ отчаяніи).
Онъ сорвалъ перевязку! онъ умретъ!
(Всѣ бросаются опять навязать).

Сара. О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки;
Какъ жалко!..

Фернандо. Дайте пить мнѣ, я горю...
Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога!
(Сара уходитъ за питьемъ).

Ноэми. Испанецъ, успокойся! успокойся!
Ты былъ несчастливъ; это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ, какъ бы я желала,
Чтобъ ты сталъ здоровъ и веселъ.

Фернандо. И веселъ! (Стонетъ).

Ноэми. Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей — отецъ твой,
И воображеніе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!

Фернандо. Дѣвушка, ты дочь его?

Ноэми. Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ! —
И онъ тебя спасетъ. Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ: перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь... (Сара приноситъ стаканъ).
На, выпей!

Фернандо. Благодарю! твои слова напитка лучше...
Когда о мнѣ жалѣетъ женщина,
Я чувствую двойное облегченье...
Послушай,—что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?

Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего
И бросили въ крови вблизи дороги...
О, это все коварство!.. я предвижу,
Что это лишь начало... а конецъ!..
Конецъ... (Вздрагиваетъ). Что вздрогнулъ я?
Чтобъ ни было,
Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ.
Оставь меня покуда! (Она встаетъ и отходитъ. Издали все на него смотритъ).

Сара (подходитъ къ Моисею). Скажи, молю тебя,
какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова...

Моисей. Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ
долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ карманъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ,
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужь отсюда
Густымъ лѣскомъ—и слышу звукъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ...
Сижу—дрожу... Передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами;
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ—
И слышу: «этой самою дорогой
Идти онъ долженъ нынѣ... ну-жъ, не знаю,
Какъ выдержитъ кинжалы наши онъ!
Мнѣ жалко бы его убить до смерти,
Онъ малый славный и къ тому-жъ бѣднякъ...
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отправить въ дальнюю дорогу!»
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кин-
жаловъ...
Онъ долго защищался... наконецъ
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались,—
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живого...
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Не былъ несчастной жертвою злодѣйства,—
И что-жъ? — мой благодѣтель, мой спаси-
тель!..
Я различалъ черты его при свѣтѣ
Луны... Онъ раненъ былъ легко.
Онъ, видно, не узналъ меня,
И, [illegible] природному влеченью,
[illegible] все шепталъ,
Но я не понялъ словъ... потоки крови
[illegible]... Такъ я принесъ
[illegible]... Богъ сдѣлалъ это чудо!..

Сара. И точно: это чудо, Моисей!
[illegible] къ ногамъ Фер-
[illegible]. Что? Утихаетъ боль твоя или нѣтъ?

Фернандо. Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

Моисей (Сарѣ). Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда.

Сара. Да какъ
Его зовутъ, кто онъ таковъ, нельзя-ль узнать?
(Уходитъ).

Моисей (подходитъ). Позволь, одно я у тебя
спрошу:
Кто ты, и какъ тебя зовутъ?

Фернандо. Когда я жизнь свою подвергнулъ для
твоей,
То спрашивалъ-ли, какъ тебя зовутъ?..
(Молчаніе).
Меня зовутъ Фернандо!
Вотъ все, что я могу сказать; другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ
твоихъ отцовъ
Въ землѣ сырой... Я не скажу—моихъ отцовъ:
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично объ такихъ вещахъ.
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

Нозми. Я буду для тебя сестрой.

Фернандо. Ты для меня сестрой не будешь.

Нозми. Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь повѣрить горесть
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?..

Фернандо. Богъ сохрани меня отъ этой мысли!
Ты—цвѣтъ пустыни, ты—дитя свободы:
Безъ правилъ любишь ты,—испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ.
У нихъ и рай и адъ—все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король народомъ, а народъ свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка—
Есть дѣло добродѣтели великой!
О, Боже сохрани меня отъ [illegible].
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Нѣтъ! вѣрь, что есть на небѣ Богъ—и только!
И самъ я больше этого не вѣ[illegible]...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангелъ
Души моей... Но замолчу объ [illegible]...

Нозми. Ты горячишься—это увеличитъ

Твое страданье съ болью ранъ твоихъ;
Не хочешь-ли чего-нибудь?.. Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... Чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанемъ, только будь спокоенъ,
Иль кровь опять начнетъ течи изъ ранъ.

Фернандо (въ сторону). Эмилія далеко отъ меня...
О, если-бъ эта милая еврейка
Была Эмилія!.. какъ скоро бы всѣ раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу...
Эмилія! Эмилія! быть-можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь,
И отъ послѣдней отъ тебя я буду
Забытъ!.. забытъ!..

Моисей. Усни! постель уже готова.
Эй, Сара! помоги поднять его.

Двѣ еврейки, слуга-еврей, Сара и Моисей поднимаютъ слабаго Фернандо и уводятъ. Ноэми одна остается).

Ноэми. Проникло сожалѣнье въ грудь мою...
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины...
Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ:
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими-жъ черными кудрями,
Являлся воображенью моему,
И [illegible] непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ...
Отецъ мой такъ его подробно описалъ.(Молчаніе).
О, какъ судьба людьми играетъ!..
Кто-бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему—не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!..
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ, точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться.
Когда-жъ произношу его названье—
Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
Фернандо!—то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь...
Чего стыдиться я не понимаю.
Любви? Всѣ любятъ,—что же тутъ худова?
Такъ точно, ничего худова нѣтъ въ любви;
Къ чему же совѣсть тутъ мѣшается
И будто сердце предостерегаетъ?..
Но какже слушаться ея?..
Какъ не любить? Ахъ, б[illegible] любви такъ сладко!
И даже думать не о чемъ! О, Боже,
Храни его! храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою!.. я не могу иначе!..

(Она стоитъ въ задумчивости).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Въ домѣ Алвареца. Спальня Донны Маріи. Большое зеркало, столъ и стулья. Алварецъ въ креслахъ. **Марія** передъ зеркаломъ надѣваетъ что-то на голову.

Алварецъ. Желалъ бы я узнать, зачѣмъ сюда
Эмилія здороваться пойдетъ?
Ужь вѣрно плачетъ о своемъ любезномъ
Иль съ цитрою мечтаетъ на балконѣ.
Вотъ дочери! отъ нихъ заботъ гора,
А нѣтъ ни утѣшенья, ни добра.

Донна Марія (оборачиваясь). Какъ думаешь, любезный мой супругъ,
Идетъ-ли мнѣ вотъ это ожерелье,
И можно-ли такъ показаться въ люди?
Оно не дурно?..

Алварецъ. Все къ тебѣ идетъ!
И если-бъ ты явилась мнѣ теперь
Въ измаранномъ и самомъ гадкомъ платьѣ,
То—я клянусь мечомъ отцовскимъ —
Любилъ бы я тебя какъ прежде,
И столько же прекрасна ты-бъ казалась
Моимъ глазамъ.

Донна Марія. Неужли? ахъ, мой милый!..
(Въ сторону). Онъ думаетъ, что только для него
Я одѣваюсь, какъ прилично мнѣ.
Возможно-ль быть самолюбиву такъ,
Возможно-ль быть такъ глупу, какъ мужья?..
Да, странно, что такъ много требуютъ отъ насъ
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь въ свѣтѣ?

Алварецъ. Говорилъ я
Тебѣ ужь о намѣреньи своемъ,
Иль нѣтъ?

Донна Марія. А что такое?

Алварецъ. Слушай:
Хочу я замужъ выдать дочь свою,—
Боюсь, чтобъ не ушла она съ Фернандо;
Женихъ готовъ: богатъ онъ и умѣетъ..

Донна Марія. Ахъ, милый другъ, не ра[illegible]ли?
Нѣтъ, погоди; она такъ молода.

Алварецъ. Да слушай: вѣдь женихъ-то рѣдкій;
Онъ храбръ, въ честяхъ, любезенъ и богатъ...

Дона Марія. Да хочетъ-ли онъ самъ жениться?

Алварецъ. Я покажу тебѣ письмо его,
Оно вотъ въ этомъ ящикѣ лежало.
(Хочетъ отпереть ящикъ у стола. Марія смущенная подходитъ. Онъ дергаетъ).
Да чтожъ? Онъ запертъ у тебя; дай ключъ...
Донна Марія. Что хочешь ты?
Алварецъ. Дай ключъ.
Донна Марія. Что?
Алварецъ. Ключъ мнѣ!
Донна Марія. Ключъ?
Ахъ, Боже мой, я вѣрно затеряла.
Да послѣ мы найдемъ...
Алварецъ. Какъ послѣ? Для чего не тотчасъ?
Донна Марія (въ сторону). Если онъ увидитъ, я пропала!
(Ему). Да послѣ я найду письмо твое...
Зачѣмъ сердиться изъ пустова, — какъ смѣшно!..
Алварецъ. И ключъ потерянъ — чортъ возьми! досадно!
Слуга (входитъ). Ждетъ лошадь у крыльца, и все готово.
Алварецъ. А я совсѣмъ забылъ, что надо ѣхать;
Прощай, моя Марія! до свиданья! (Цѣлуетъ и уходитъ).
Донна Марія (одна). Ахъ!.. наконецъ отъ сердца отлегло!
Переложу въ другое мѣсто я
Подарокъ патера Соррилія съ письмомъ
Его. (Вынимаетъ ключъ. Изъ стола вынимаетъ ящикъ).
Прекрасный жемчугъ, нечего сказать!..
Алмазы въ кольцахъ точно звѣзды блещутъ!
За это мнѣ не должно помѣшать
Увесть Эмилію... О, старый сластолюбецъ,
Богатъ ты... оттого твои подарки малы;
Но такъ и быть, согласна я
На предложеніе твое, Соррили...
Эмилія самой мнѣ надоѣла;
Но, впрочемъ, этимъ ей не много зла
Я сдѣлаю... Невинной дѣвушкѣ
Пріятно быть любимой старикомъ,
Какъ старой—молодымъ, затѣмъ
Что пылкость одного безчувствіе другого
Обыкновенно замѣняетъ...
Наскучила ужь мнѣ Эмилія давно;
Покуда здѣсь она, боюсь
Я пригласить къ себѣ кого-нибудь,
И хорошо, что патеръ захотѣлъ
Избавить отъ нея; и жалко только,
Что мужа моего увезть никто не хочетъ...
(Смотритъ на ящикъ Соррилія).
Какое множество природныхъ недостатковъ
Покроютъ эти малые алмазы,
Какъ много тѣней въ блескѣ ихъ погонетъ .
И за подобное благодѣяніе
Мнѣ не пожертвовать безсмысленной дѣвчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? ха! ха! ха! ха!
Смотритъ письмо Соррилія, которое было въ ящикѣ).
Мой мужъ, я думаю, уѣхалъ надолго,
И ночче нашъ монахъ пришлетъ людей,
Которымъ я вручу подарокъ свой.
А для меня же лучше, чтобъ Соррили
Ее имѣлъ, чѣмъ мужъ законный:
Алмазы, жемчугъ градомъ на меня
Посыплются, и я поѣду въ городъ,
И удивленье поразитъ монхъ соперницъ,
Когда явлюсь въ арену; я сто глазъ
У нихъ украду силой красоты...
Никто не отгадаетъ, что сей жемчугъ
Цѣною слезъ невинныхъ купленъ...
Но я придумала: въ Мадридъ отправлюсь,
Тамъ получу прощеніе грѣховъ,—
И совѣсть успокоится моя.
Ставитъ ящикъ съ жемчугомъ на кровать и оборачивается. **Эмилія** входитъ блѣдная, въ черномъ покрывалѣ и съ крестикомъ на груди своей).
Донна Марія. Здорова-ли, моя Эмилія?
Какъ ты спала?..
Эмилія. Благодарю васъ;
Спросите лучше, какъ я не спала.
Ужь сонъ давно бѣжитъ монхъ рѣсницъ...
Съ тѣхъ поръ...
Донна Марія. О, знаю, знаю, милый другъ!
Я чувствую вполнѣ твое несчастье,
И все бы отдала, чтобы помочь тебѣ,
Клянусь душой!
Эмилія (съ нѣжнымъ упрекомъ). И такъ, одно лишь слово
Всего дороже было вамъ.
Донна Марія. Ты мнѣ простишь:
Не знала я, что любишь ты такъ сильно,
И только остеречь тебя желала;
Но нынѣ я ошибку ту заглажу.
Эмилія. Одинъ Спаситель мертвыхъ воскрешалъ.
Донна Марія Зачѣмъ ты такъ блѣдна, и въ черномъ платьѣ,
И въ черномъ покрывалѣ?
Эмилія. Я слыхала,
Что черный цвѣтъ—печали цвѣтъ.
Донна Марія (беретъ ее за руку). О, не грусти, я все поправлю.
Эмилія. Что отнялъ Богъ, того не отдадутъ
Намъ люди. А что люди взяли,
То можетъ возвратить одна могила...
Донна Марія Ты отъ Фернандо это слышала навѣрно?
О, памятлива ты! (Эмилія отворачивается). Но успокойся!
Тотъ, кто достоинъ былъ воспоминанья,
Тотъ и тебя достоинъ; испытанья

Пройдутъ. И я тебѣ клянусь,
Что упрошу жестокаго отца:
Позволитъ онъ соединиться вамъ,
И счастіе опять украситъ
Твои ланиты пламеннымъ румянцемъ.
Не плачь, не плачь! не все гроза бушуетъ:
Проглянетъ солнце и цвѣтокъ, измятый
Порывомъ вѣтра, встанетъ обогрѣться...

Эмилія. Не смѣйтесь надъ несчастьемъ, чтобъ вамъ
Не заплатило Небо тѣмъ же.

Донна-Марія. Боже
Храни меня смѣяться надъ тобой.
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будетъ мужъ твой.
Повѣрь: мои старанья совершатъ
Блаженство то, къ которому такъ сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.

Эмилія (съ рыданьемъ бросается къ ногамъ Маріи, обнимаетъ колѣни).

Я не ищу блаженства—нѣтъ его,
Нѣтъ въ свѣтѣ ничего,—Фернандо умеръ!
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки...
О, плачьте обо мнѣ всѣ люди, всѣ созданья,
Всѣ плачьте: если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь съ моими,
Мой стонъ могилу потрясетъ. О, плачьте!..
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки!..

Донна-Марія О, поднимись! ты бредишь, ангелъ мой;
Встань, встань.

Эмилія (все на колѣняхъ, поднявъ голову). Исполни просьбу сироты.

Донна-Марія. Исполню, все исполню, только встань
И отдохни,—встревожилась ты слишкомъ.

Эмилія (встаетъ) Такъ выслушай, о чемъ прошу тебя. (Цѣлуетъ руку).
Когда прощались мы въ послѣдній разъ,
Въ ту ночь, онъ мнѣ сказалъ: «иди
Скорѣе въ монастырь, иди въ обитель,
Сокрой отъ свѣта добродѣтель сердца...»
Молю тебя, молю тебя, какъ нищій,
Не помѣшай уйти мнѣ въ монастырь
Сегодня... помоги мнѣ, заклинаю,—
Тебѣ заплатитъ Тотъ, Кто всѣмъ заплатитъ!
(Кинувъ умоляющій взглядъ на Донну-Марію).
Фернандо умеръ! я хочу исполнить
Его желанье... онъ меня любилъ!.. (Молчаніе).

Донна-Марія. Но если онъ не умеръ, если
Тебя пустые обманули слухи!..
Но если станетъ онъ искать тебя,
Чтобъ къ алтарю вести невѣстою своей,
И вдругъ увидитъ въ черномъ покрывалѣ
Въ ряду монахинь,—что съ нимъ будетъ?
Ужели ты объ немъ не пожалѣешь?
Не пожалѣешь ты о счастіи,
Котораго-бъ могла дождаться?..
Какая слабость! гдѣ твое терпѣнье?..

Эмилія. Мое терпѣнье? (Поднимаетъ глаза къ небу). (Тихо въ сторону). Онъ былъ живъ, и я
Терпѣла!

Донна-Марія. Выкинь изъ ума
Твой глупый замыселъ. Повѣрь мнѣ,
Пустые слухи обманули
Тебя... повѣрь мнѣ... я ужь знаю,
Что говорю.

Эмилія (съ укоризной). Его не воскресить вамъ,
Вы не имѣете подобнаго искусства.
Я васъ просила объ одномъ,—вы не хотѣли
Исполнить просьбы самой униженной...
(Хочетъ уйти, Донна-Марія удерживаетъ ее).

Донна-Марія. Такъ слушай же: вчера бродила я
Въ саду и подъ вечеръ зашла я въ рощу;
Вдругъ вижу, человѣкъ ко мнѣ подходитъ,—
Онъ издали все слѣдовалъ за мною.
То былъ Фернандо... Онъ упалъ къ моимъ ногамъ;
Онъ плакалъ, обнималъ мои колѣна
И сдѣлалъ то, что обѣщалась я
Составить ваше счастье. Твой отецъ
Уѣхалъ на два дня; межъ тѣмъ
Вы можете видаться, и потомъ,
Къ ногамъ родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

Эмилія. О, это слишкомъ!.. Я не вѣрю...

Донна-Марія. Клянусь тебѣ, что живъ онъ,—и увидишь
Его ты скоро.... Что съ тобой?

Эмилія. Мнѣ дурно!
О, Боже!.. голова кружится... кто-бъ подумалъ?
(Упадаетъ въ слабости на стулъ).

Донна-Марія. Какое дѣтство! что съ тобой?.. Скрпишь!..
(Въ сторону). Я заманю голубку въ сѣти,
Я поведу на тайное свиданье;
Тамъ будетъ шайка дожидаться вѣрно,
И тутъ же схватятъ и умчатъ ее.
Благодари мой умъ, Соррини,—онъ искусенъ!

Эмилія (встаетъ). Нѣтъ! ничего—простительная слабость!..
Такъ тяжело я мучилась, что счастье
Мнѣ тяжело... Онъ живъ! о Боже!
Прости мой ропотъ!.. какъ я легковѣрна;
Служанка мнѣ сказала, и я тотчасъ
Повѣрила обманчивымъ разсказамъ!
О, видно, что печаль родня намъ, людямъ,
Когда мы ей скорѣй веселья вѣримъ. (Маріи).
Благодарю васъ... мой укоръ напрасный
Васъ огорчилъ... простите вы меня?
Я слишкомъ мучилась! Скажите:
Гдѣ я съ нимъ встрѣчусь?

Донна-Марія. Сегодня мы пойдемъ въ густую рощу,
Тамъ на полянѣ есть высокій дубъ
Съ дерновою скамьей,—и тамъ увидишь ты
Фернандо... Не счастлива-ль ты
Одной надеждой? для чего
Смущала такъ предчувствіемъ себя?
Повѣрь, невинную любовь
Хранятъ святые ангелы, какъ стражи!
Дитя! дитя!—и вотъ вся горесть
Разсѣялась,—и въ монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячествомъ своимъ:
Оно есть добродѣтель, потому
Что, какъ все доброе, не долговѣчно.

Эмилія. И я его увижу? Онъ не умеръ?

Донна-Марія. Увидишь и повѣришь мнѣ совсѣмъ.

Эмилія устремляетъ на Марію взоръ, хочетъ что-то сказать, но волненіе мѣшаетъ ей. Она цѣлуетъ крышечихѣ руку и, закрывъ лицо, уѣзжаетъ.

Донна-Марія (глядитъ вслѣдъ). Ступай, ступай! и жди спокойно
Свиданья, вмѣсто гибели своей:
Ступай! тебя старикъ излѣчитъ скоро
Отъ бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься,—но наслажденье
Прогонитъ ужасъ,—послѣ все пройдетъ!..
Создатель мой! ужели точно
Мое такъ дурно предпріятье, что сама
Я это чувствую? Чтожъ тутъ худого?
Она счастливѣй будетъ у Соррини,
Чѣмъ здѣсь; когда она ему наскучитъ,
Съ приданымъ выдастъ замужъ онъ ее.
Быть-можетъ, такъ случится, что Фернандо
Получитъ руку бѣдной дѣвы...
Но, что бы ни было, я все избавлюсь
Отъ любопытныхъ глазъ, и мой любимецъ
Безстрашнѣй будетъ навѣщать меня...
Такъ все взаимно въ этомъ свѣтѣ:
Соррини благодаренъ мнѣ, а я ему... (Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Въ горахъ передъ жилищемъ Моисея, дикое мѣстоположеніе. Скамья направо подъ большимъ дубомъ возлѣ коего сдѣлано въ родѣ бѣлой палатки, гдѣ сидятъ служанки и слуги жида и работаютъ и поютъ [illegible].

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Плачь, Израиль! о, плачь!—твой Солимъ опустѣлъ!..
На чужѣ въ раздольи печально житье;
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.
Объ родинѣ можно-ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте! досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ.
Изгнанное пепломъ посыпьте чело
И молитесь вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, Кто явился Пророку въ огнѣ.
Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

Фернандо (медленно входитъ). Что золото? Какая это вещь.
Когда оно могло-бъ составить счастье
Мое?.. Металлъ какъ и другой!
Или далъ Богъ ему такое право,
Какимъ лишь рѣдко люди обладаютъ?.. (опять начинаютъ пѣть).
Какой печальный голосъ! Эти люди
Поютъ объ родинѣ далеко отъ нея,
А я въ моемъ отечествѣ не знаю.
Что значитъ это сладкое названье...
Я въ мірѣ не имѣю ничего почти,
А все желалъ бы больше,—но зачѣмъ?..
Чтобъ новыми желаньями томить
Себя? чтобы опять ловить мечты?
Нѣтъ! пусть останусь я каковъ теперь.
Пусть никогда не буду счастливъ, чтобъ
Не сдѣлаться похожимъ на другихъ...
Въ страданьяхъ жизнь—я въ нихъ живу, и къ нимъ привыкъ,
Никто ихъ не раздѣлитъ... И тѣмъ лучше
Для тѣхъ людей, которые-бъ хотѣли
Ихъ раздѣлить... (Ноэми входитъ). Гдѣ твой отецъ?

Ноэми. Ушелъ
По дѣлу онъ... на что тебѣ отецъ мой?

Фернандо. Хотѣлъ бы я благодарить его...
Онъ спасъ мнѣ жизнь, и я его стараньемъ
Теперь здоровъ, какъ прежде.

Ноэми (быстро). Ты здоровъ?..

Фернандо. Да, я здоровъ какъ человѣкъ, который
Такъ часто боленъ былъ, что старую болѣзнь
Болѣзнью не считаетъ... (Садится на скамью. Она возлѣ него).

Ноэми. Ты долженъ долѣе у насъ остаться.
Повѣрь, не вовсе залѣчились раны
Твои... и чѣмъ тебѣ здѣсь худо?..
Останься здѣсь еще; ты самъ вѣдь говорилъ,
Что у тебя пристанища нѣтъ въ свѣтѣ...
Ты вѣрно здѣсь останешься, испанецъ?..

Фернандо. Нѣтъ!..

Я не хочу обременять васъ больше
Моимъ присутствіемъ, мнѣ надо...
Ноэми. Ужели благодарность тяготитъ
Тебя? Я этому не вѣрю.
Не говорилъ отецъ мой такъ,
Когда отъ гибели его ты самъ избавилъ...
Фернандо. Я разъ ужь былъ неблагодарнымъ,
и боюсь
Вторично быть такимъ; но, впрочемъ,
Я не могу остаться здѣсь никакъ,
Я не могу... не долженъ... не хочу!..
Ноэми (в сторону, тихо). И такъ, намъ разлучиться должно;
И такъ, моя любовь... О сжалься, Небо! (Ему).
Послушай: я твои лѣчила раны,
Моя рука была въ крови твоей,
Я надъ тобой сидѣла ночи, я старалась
Всѣмъ, чѣмъ могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, какъ раба, чтобъ даже
Малѣйшій стукъ тебя не потревожилъ...
Послушай, я за всѣ мои старанья
Прошу одной, одной награды...
Она тебѣ не стоитъ ничего;
Исполни-жъ малую награду:
Останься здѣсь еще недѣлю...
Фернандо. Не искушай меня лукавой рѣчью:
Я ужь сказалъ, что не могу; мнѣ должно
прочь! (сильно).
Ты хочешь знать зачѣмъ! (Показывая ей портретъ Эмиліи).
О! на, взгляни сюда!..
(Она отворачивается, взглянувъ, и закрываетъ лицо).
Вотъ женщина! она не можетъ видѣть
Лица, которое не уступаетъ
Ей въ красотѣ... (Молчаніе). Такъ! такъ! я
долженъ къ ней.
Съ опасностью жизни я увижу
Эмилію! (Ей). Гдѣ твой отецъ? (Подходитъ и видитъ, что она плачетъ).
О чемъ ты плачешь?
Ноэми. Не думала я плакать!
Фернандо. Стало быть,
Ты плакала, не думавши. Скажи,
О чемъ?.. скажи, не я-ль виновенъ въ томъ?
Остаткомъ горькихъ слезъ, въ груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
Въ лѣта надеждъ не прячутъ слезъ... о чемъ
ты плачешь?
Ноэми. О томъ, чего ты дать не можешь мнѣ:
О внутреннемъ спокойствіи...
Фернандо. Какъ рано
Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь...
Ноэми (въ сторону). Скажу ему, что онъ
Въ томъ виноватъ; скажу, что я его
Люблю—и упаду въ его объятья;
Онъ не погубитъ, онъ великодушенъ...
Но что хотѣла я? Другая ужь владѣетъ
Душой Фернандо... Что хотѣла я?
Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ — она любить не можетъ,
Какъ я; она не обтирала крови
Съ его глубокихъ ранъ, она не просидѣла
У ногъ его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сонъ не превратился
Въ сонъ безпробудный! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Она любить его, какъ я, не можетъ!..
(Входитъ Моисей. Ноэми примѣчаетъ его, идетъ медленно навстрѣчу. Онъ ее обнимаетъ).
Моисей (печально). Ну, дочь моя, скажу тебѣ я
новость...
Сегодня...
Фернандо (подходитъ). Моисей! благодарю тебя
За попеченія твои... (Протягиваетъ руку. Моисей медлитъ).
Дай руку:
Не думай, что боюсь я осквернить,
Не почитай Фернандо за глупца:
Ты человѣкъ... и ты мой благодѣтель.
Благодарю... я ухожу отсюда...
Моисей. Такъ скоро? Какъ?
Фернандо. Не возражай, еврей!
Я до тебя имѣю просьбу... лишь одну,
Одну: дай мнѣ червонцевъ пять въ займы.
Я знаю, что жиды всѣ—деньги любятъ,
И христіанамъ не вѣряютъ ихъ,
И въ этомъ правы,—но меня ты знаешь!
Я преступленье свершу, но всѣ отдамъ
Твои червонцы... вотъ вся просьба.
Моисей. Куда-жъ ты хочешь? Для чего идешь?
Фернандо. Не далеко живетъ отсюда
Донъ Альварецъ; въ его саду когда-то
Мы встрѣтились съ тобою. Я къ нему
Хочу идти просить гостепріимства.
Я былъ воспитанъ тамъ отъ юныхъ лѣтъ...
Но здѣсь мнѣ оставаться невозможно.
На это есть причины... Я клянусь,
Что возвращу тебѣ червонцы...
Ты знаешь, въ свѣтѣ деньги нужны,
Чтобы исполнить предпріятье.
И въ случаѣ, что онъ меня не приметъ
Въ свой домъ...
Моисей (съ удивленіемъ). Донъ-Альварецъ! Донъ-Альварецъ!..
Ахъ, Боже мой! тотъ бѣденъ, кто постигнутъ
Твоимъ палящимъ гнѣвомъ... У меня
Есть дочь... я понимаю это горе...
Невѣроятно... страшно!
Фернандо. Что случилось?
Моисей. Несчастіе большое... Ахъ, злодѣи!
Злодѣи!.. адъ не такъ искусенъ...
Мнѣ нынче самовидецъ разсказалъ...

Фернандо. Зловѣщій воронъ! (Въ сильномъ движеніи).

Моисей. Ада мало имъ...
Такого ангела... вотъ вы услышите!
Горою встанетъ волосъ вашъ; не слезы—камни
Уроните изъ глазъ вы... вотъ испанцы!
(Къ Фернандо).
Вотъ ваша инквизиція святая!..
Теперь не смѣйте презирать евреевъ...

Фернандо. Зловѣщій воронъ!.. что такое?..
Сейчасъ скажи! гранитнымъ этимъ небомъ
Клянусь, клянусь твоимъ закономъ, я какъ тигръ
Тебя на части раздеру...
(Еврей въ изумленіи. Фернандо хватаетъ его за руку; тише, дрожащимъ голосомъ). Ты видишь,
Я ума лишаюсь!.. Человѣкъ!..
Молю тебя, скажи мнѣ, что случилось?..

Ноэми Какъ онъ дрожитъ! отецъ мой, говори
Скорѣй... взгляни, какая блѣдность!..

Моисей. У дона-Альвареца дочь была!

Фернандо (вскрикнувъ)
Была!.. (молчаніе). Я твердъ! не бойся продолжать;
Какая мнѣ нужда до этой дочери,
И мало-ль дочерей на свѣтѣ... (принужденно)
ха! ха! ха!..
Я твердъ!..

Моисей. Еврей знакомый разсказалъ мнѣ
Печальный случай... (Онъ подслушать гдѣ-то
Умѣлъ злодѣевъ). Есть доминиканецъ,
Иль езуитъ, по вашему,—не знаю,
По имени Соррини... и хоть старъ,
Онъ любитъ женщинъ. Подкупивъ злодѣевъ,
Онъ имъ велѣлъ похитить непремѣнно
Дочь Альвареца... Нынче жертву
Негодные на гибель повлекли.
Не понимаю только, какъ могли
Они успѣть въ своемъ ужасномъ дѣлѣ...
Отца-то дома не было, я слышалъ.
Погибнетъ дѣвушка... А жалко! жалко!
Я четверть бы имѣнія тотчасъ далъ,
Чтобъ ее спасти... но врядъ-ли можно.
(Фернандо хочетъ что-то сказать, поднимаетъ руки, ругъ съ невольнымъ стономъ опускаетъ и быстрыми шагами съ отчаяньемъ уходитъ въ горы).

Моисей (пораженный). Куда?.. Куда?.. Остановите, удержите
Его!.. Онъ въ бѣшенствѣ!..

Ноэми (смотритъ вслѣдъ). Взгляни, вотъ онъ взбѣжалъ
Ужь на гору... бѣжитъ... остановился...
Надъ самой пропастью... онъ упадетъ... но нѣтъ!..
Идетъ сюда... (бросается отцу на шею).
Зачѣмъ, зачѣмъ, отецъ мой,
Сказалъ ему ты эту новость?..

Моисей. Дочь моя,
Все воля Божія! никто изъ насъ не можетъ
Противустать ей. Тотъ, Кто сотворилъ насъ,
Имѣетъ право съ нами поступать
Какъ хочетъ...

Ноэми. Для чего-жъ Онъ далъ намъ душу?
Зачѣмъ способность далъ любить, страдать,
Когда онъ вѣрно зналъ, что муки есть
Неизлѣчимыя, что можно обмануть
Любовь?.. Зачѣмъ насъ Богъ оставилъ?..
(Она уходитъ).
(Фернандо возвращается).

Фернандо (подходитъ). Ты думалъ, я запла́чу, старый!
Ты этого хотѣлъ,—но женская печаль
Не устыдитъ моихъ ланитъ!—Безчеловѣчный!
Я отомщу... чтобъ цѣлый міръ... я то свершу,
Что́, я не знаю самъ еще, но землю
Мой подвигъ испугаетъ... Ты подумалъ,
Что... я заплачу? Нѣтъ! клянусь:
Скорѣе разорвется это сердце,
Чѣмъ я заплачу...

Моисей (беретъ его за руки). Успокойся! объясни мнѣ
Твое отчаянье... не сожалѣнье
Одно...

Фернандо. Старикъ, старикъ!.. ты жилъ покойно,
Не зналъ страстей... во мнѣ онѣ кипѣли
Сильнѣй, чѣмъ всѣ земныя бури. О! проклятье
Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Несправедливый Богъ,
Зачѣмъ казнить меня черезъ другихъ,
И ангела губить, чтобъ наказать безумца
Ничтожнаго? Иль также въ небесахъ
Есть пытки?.. Я терпѣлъ—и полно мнѣ терпѣть!
Повиновался я судьбѣ довольно...
Я могъ быть счастливымъ!.. довольно,
Довольно!.. никогда не буду счастливъ...
Отнынѣ отдаюся мести,
Союзъ съ землей и небомъ разрываю...
Старикъ, дай денегъ!.. съ этимъ я прорвусь
Въ его жилище.

Моисей (даетъ денегъ). Вотъ! возьми!

Фернандо. Эмилія—моя!
Живая или мертвая—моя;
Въ безчестьи иль невинная—моя!..
О! какъ я отомщу... Прощай, отецъ...
Я своего не знаю. (Обнимаетъ его крѣпко).
Мстить прекрасно...
Благослови меня!.. иду на смерть... прощай!
(Уходитъ).

Моисей (поднимаетъ руки). Услыши, Богъ, молитву іудея, —

Храни его отъ преступленья!
Ты можешь удержать порывъ страстей,
Вселить покорность, вѣру такъ легко,
Какъ усмиряешь вихри горъ... Ты, Богъ
Израиля! Ты, Богъ Іерусалима!.. (Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ домѣ у жида, какъ во 2-мъ дѣйствіи

Ноэми (за нею Сара). Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь,—любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ навѣки.
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. О, я люблю
Его, какъ Бога—онъ одинъ мой Богъ.
И Небо запретить любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ, другую любитъ,—
Другую, слышишь-ли,—другую!.. я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
(Ломаетъ руки).

Сара. Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить...

Ноэми. Плакать!
Тебѣ-ль со мною плакать?.. Любила-ль ты,
Какъ я?.. Любила-ль чужеземца,
Любила-ль христіанина, была-ли
Имъ презрѣна, какъ я?.. Ахъ! Сара, Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ...
О, сжалься надо мною, Небо!
Скорѣй въ сырую землю; поскорѣй,
Покуда я себя ронтаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ.

Сара. Старайся
Разсѣяться! въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ: теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ и важномъ;
Онъ новостью тебя займетъ.

Ноэми. Я проклинаю
Всѣ эти новости: одна ужь
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его.—Ахъ, Сара!
Все кончено! все кончено!
(Моисей вбѣгаетъ какъ бѣшеный).

Моисей. Дочь! дочь! дочь! онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ нашелся?
Твой братъ... мой сынъ!.. сынъ!.. я не зналъ...
Жестокій случай! такъ... я не прижалъ
Его къ груди, и не прижму... пайденъ
И въ тотъ же мигъ потерянъ. О, судьба!
Земля и небо, вѣтры, бури, громъ,
Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... и христіанинъ!
Возможно-ли? Мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его—моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О, Израиль,
Израиль!.. ты скитаться долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился!
Мой сынъ! мой сынъ!

Сара. Гдѣ-жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто-жъ онъ... и кто сказалъ... что сынъ твой?

Моисей. О, горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ.
Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Ноэми! горе, горе для тебя!
Фернандо—братъ твой!
Испанецъ—братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!.. онъ христіанинъ!.. онъ твой братъ!

(Ноэми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара спѣшитъ къ ней).

Пускай умретъ и дочь, и я!.. У Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ!
мой сынъ!
(Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Въ домѣ Соррини. На столѣ бумаги и книги и песочные часы.

Соррини (входитъ). Сегодня, можетъ быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! зачѣмъ же нѣтъ?
Она моя, такъ вѣрно, какъ я плутъ.
Когда я самъ-съ собою, то никакъ
Себя я не щажу. Зачѣмъ? Я плутъ,
Я это знаю самъ, зачѣмъ скрываться
Передъ собой? Я плутъ, но умный плутъ.
Да впрочемъ, я не вижу тутъ худова;
Я сотворенъ, чтобъ жить и наслаждаться,
И всѣми средствами я долженъ достигать
Предположенной цѣли. Я достигъ—
И умный человѣкъ, не удалось—глупецъ!
Такъ судятъ люди, большей частью.
Великій инквизиторъ обѣщалъ
У нашего отца святого выпросить

Мнѣ шапку кардинала, если я
Явлюсь ея достойнымъ, то есть,—
Обманывать и лицемѣрить научусь.
О, это важная наука въ мірѣ!
Наука женщинъ! съ нею прямо въ паны!
И этому есть доказательства у насъ. (Молчаніе.
Въ кровавый путь отправленъ ужь Фернандо...
Одинъ лишь Алварецъ,—да этотъ плохъ!
О, бѣдная Эмилія, давно-ли
Сказала ты, что старику смѣшно
Любить и невозможно?.. Но сегодня
Ты мысли перемѣнишь... (Садится). Говорятъ,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья, что законъ велитъ...
Ужель законъ въ сей толстой книгѣ
Сильнѣй закона вѣчнаго природы?
Безумецъ тотъ, кто думалъ удержать
Ничтожнымъ правиломъ, постановленьемъ
Движеніе природы человѣка:
Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ—и только,
Далъ лишній совѣсти укоръ, и между тѣмъ
Желаніе усилилъ запрещеньемъ.
Постриженъ былъ насильно я въ монахи —
Почти насильно (въ пылкой юности
Не можемъ понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за все отвѣтятъ,
Что сдѣлалъ я; пускай въ аду горятъ
Они... Но что такое адъ и рай,
Когда металлъ, въ землѣ отрытый, можетъ
Спасти отъ перваго, купить другой?
Не для толпы-ль довѣрчивой, слѣпой,
Сочинена такая сказка? Я увѣренъ,
Что проповѣдники объ раѣ и объ адѣ
Не вѣрятъ ни въ награды рая,
Ни въ тяжкія мученья преисподней.
Да, впрочемъ, добрый смыслъ велитъ не вѣрить.
Что души будетъ вѣчный жечь огонь,
Что черти за ноги повѣсятъ тѣхъ,
Которые ни рукъ, ни ногъ имѣть не будутъ.
(Беретъ книгу, перо и бумагу).
Займусь! (Кладетъ). Нѣтъ, что-то я не въ духѣ!
Кто бы повѣрилъ, что въ мои лѣта
Хорошенькой дѣвчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, безпокоить?
Я все не понимаю, для чего
Мнѣ не годится женщину любить:
Какъ будто бы монахъ не человѣкъ!
(Смотритъ на часы).
Часы бѣгутъ—и съ ними время, вѣчность,
Коль есть она, все ближе къ намъ, и жизнь,
Какъ дерево отъ путника, уходитъ.
Я жилъ!—Зачѣмъ я жилъ?—Ужели нуженъ
Я Богу, чтобъ пренебрегать Его законъ?
Ужели безъ меня другой бы не нашелся?
Я жилъ, чтобъ наслаждаться, наслаждался —
Чтобъ умереть... умру... а послѣ смерти?—
Исчезну! какъ же?.. да совсѣмъ исчезну...
Но если есть другая жизнь?.. нѣтъ! нѣтъ!..
О, наслажденье! я твой рабъ, твой господинъ!..
(Звонитъ; слуга входитъ).
Не позабудь, что я тебѣ сказалъ:
Когда подъѣдутъ близко удальцы
Мои, то кинься ты съ оружіемъ толпой,
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорѣе приведите...
Да чуръ не забывать, что вы безъ языковъ,
А то... меня... ты знаешь коротко!
Возьми-жъ себѣ заранѣе награду (даетъ кошелекъ)
И раздѣли другимъ... Ступай же.
(Слуга беретъ кошелекъ и цѣлуетъ руку).
Слуга. Все исполню.
Соррини (Подходитъ къ окну). Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они сговорили все дѣло? Донна
Марія лакомка на жемчугъ,
Какъ видно; впрочемъ, сей мѣшала
Моя красавица, какъ лишнее бревно
Въ стропилахъ дома; самъ его не дашь,
А какъ попросятъ, такъ легко разстаться!
(Глядитъ въ окно).
Они, такъ точно! ближе подъѣзжаютъ.
Вотъ и мои спасители бѣгутъ... сраженье!
Желѣзо о желѣзо бьется и стучитъ
Безвредно... искры сыплются кругомъ.
Такъ въ спорѣ двухъ глупцовъ хоть много шуму,
Да толку нѣтъ... Какъ кровь моя кипитъ
Въ полузасохшемъ сердцѣ! Ну! (смотритъ)
Эмилію и тащутъ... Торжество!
Victoria!.. Теперь я говорю
Отважно: veni-vici—потому
Что я еще дѣвицу не видалъ! (Отходитъ отъ окна; слуга входитъ).
Въ лицѣ твоемъ побѣду я читаю;
Веди сюда... (Слуга ушелъ). Victoria, Соррини!..
(Потираетъ руками). Поплачетъ Алварецъ, поплачетъ, покричитъ,
Порветъ сѣдые волосы... и не узнаетъ,
Гдѣ дочь его... ха! ха! ха! ха! побѣда!
(Вводятъ Эмилію; Соррини даетъ знакъ; люди уходятъ).
Эмилія. Гдѣ мой спаситель?.. Ахъ, отецъ Соррини,
Не вамъ-ли я обязана спасеньемъ?
Вознагради васъ Боже такъ, какъ я
Желала-бы!.. о, мой спаситель!
Соррини. Я христіанскій долгъ исполнилъ только,
(Идетъ и запираетъ дверь).
Эмилія. О, возвратите поскорѣй меня
Родительскому дому... Мой отецъ
Въ отчаяніи будетъ, если онъ

Узнаетъ про ужасный этотъ случай!
Со мной гуляла мачиха моя
Въ саду, и вдругъ злодѣи ухватили
Меня, связали, повлекли съ собою.—
Окончите благодѣянье ваше,
Велите отвезти меня домой,
Какъ можно поскорѣй... Что мой отецъ
Подумаетъ, что скажетъ онъ? (Плачетъ).

Соррини. Эмилія, ты вся дрожишь, — какъ можно
Теперь тебѣ домой отправиться. Теперь
Ты такъ слаба... Нѣтъ отдохни подолѣ здѣсь,
Побудь подолѣ у меня... зачѣмъ лишать
Меня такого счастья?..

Эмилія. Ради Бога!
Я не могу остаться здѣсь у васъ!
Я не должна.

Соррини. Зачѣмъ же ты не можешь?
Мой ангелъ, кто тебѣ мѣшаетъ
День, два и три здѣсь отдохнуть

Эмилія. День, два и три!

Соррини. Чему дивиться тутъ?

Эмилія. Я васъ не понимаю.

Соррини. День, два, три
И болѣе останешься ты здѣсь;
И ежели понравится тебѣ,
То можешь ты остаться вѣчно... то есть (въ сторону).
Пока лианы не поблекнутъ и глаза
Не потеряютъ пламень свой волшебный.

Эмилія. Отецъ Соррини!

Соррини. Да, я не шучу;
Ты тамъ была рабой,—здѣсь будешь ты царицей.
Мой домъ и все, что въ немъ—твое,
А ты—моя!

Эмилія. Какое право?

Соррини. Силы.
Я спасъ тебя,—вотъ, право, и довольно!

Эмилія. Вы позабыли, кто вы! какъ могу
Я съ вами жить! что это значитъ?

Соррини. Не горячись (держа ей руку), красавица,—любовь
Не смотритъ на лѣта своихъ печальныхъ жертвъ.
Ты видишь, я былъ правъ, когда сказалъ,
Что можетъ и старикъ любить.

Эмилія. Соррини! (вырываетъ руку).
Оставь меня... Безчестный человѣкъ!
Когда судьба меня случайно отдала
Во власть твою, ты оскверняешь
Гостепріимство... Что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, Святая Дѣва!..

Соррини. Скажу тебѣ, святыхъ здѣсь нѣтъ... и такъ...

Эмилія. Конечно, только демоны одни
Живутъ съ подобнымъ извергомъ... Но Богъ
Услышитъ вопль невинной дѣвушки!

Соррини. Насъ опытъ научаетъ въ свѣтѣ
Не упускать благопріятный случай.
Ну, поцѣлуй меня на первый разъ!

Эмилія (отворачивается дрожа)
Такъ вотъ моя судьба! (Ему). Прочь, прочь, злодѣй!

Соррини. Ты думаешь, что ты теперь царица
Въ моемъ дому? Нѣтъ, это будетъ послѣ,
Когда все сдѣлаешь, что я скажу,
Когда въ мои объятья упадешь.

Эмилія. Въ твои объятья... никогда!

Соррини. Послушай:
Тебѣ слова пустыя не помогутъ;
Да или нѣтъ—два слова могутъ только
Подѣйствовать на сердце это; если
Ты скажешь да... то для тебя-къ пріятнѣй!
А если нѣтъ... то берегись упрямства!
Оно къ добру не доведетъ; покорность
Одна лишь облегчитъ твою судьбу...
Но, впрочемъ, я не вижу твоего несчастья...
Любовь мою нельзя назвать несчастьемъ...
Умѣю я любить и награждать,
И не одна прекрасная дѣвица
Не вырывалась изъ моихъ объятій,
Когда почувствовала пламень груди
Моей... Повѣрь, старикъ, такой какъ я,
Любить умѣетъ лучше юноши:
Все опытность, мой другъ...

Эмилія (послѣ минуты молчанія). Зналъ-ли ты
Спокойствіе души, зналъ-ли ты
Надежду, радость... счастье...
Всѣмъ тѣмъ, что ты зналъ и не зналъ,
Чему ты вѣрилъ, отъ чего страдалъ,
Всѣмъ тѣмъ, что страшно для души твоей,
Коль есть въ тебѣ душа, безсовѣстный злодѣй,
Я заклинаю на колѣнахъ... пощади! (Становится на колѣни).
О, пощади... оставь меня! я буду
Молчать о всемъ, что слышала, о всемъ,
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грѣхи твои—и самыя злодѣйства
Проститъ тебѣ Всевышній. Такъ, Соррини!
Но если ты... тогда умру я! и къ тебѣ
Придетъ моя страдальческая тѣнь,
И блѣдною рукой отгонитъ сонъ...
О, пощади!.. клянусь молчать до гроба!..

Соррини. Глупецъ, кто вѣритъ женскимъ обѣщаньямъ,
А пуще женской скромности—да, да!
Не все-ль равно—на нитку привязать
Медвѣдя и надѣяться, что онъ
Не перервetъ ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается языкъ твой...

Нѣтъ, я теперь въ такомъ ужъ положеньи,
Что предо мною смерть или побѣда
На волосѣ висятъ... а такъ, какъ вѣрно
Я изберу побѣду, а не смерть,
То всѣ твои мольбы напрасны,
Эмилія...

Эмилія. И такъ, спастися нечѣмъ. (Плачетъ).

Соррини. Мнѣ кажется...

Эмилія. Пошли мнѣ смерть, о Боже,
А не безчестье. (Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо).

Соррини. Все притворство это!
Не вѣрю я, чтобъ дѣвушка могла
Съ упрямостью такою защищаться.

(Хочетъ у нея поцѣловать руку, она ему даетъ пощечину. Онъ, грозя пальцемъ, съ тихою злостью говоритъ).

Ты такова, сердитая дѣвчонка!..
О! о! я справлюсь, нѣтъ, я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себѣ спасенья;
Скорѣе эти стѣны всѣ заплачутъ,
Чѣмъ я, твой стонъ услышавъ; такъ! скорѣй,
Скорѣй земля разступится, чтобъ въ мигъ
Испанію со мною поглотить, чѣмъ сердце
Мое разступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожалѣнья... Ты увидишь,
Каковъ Соррини!.. онъ просить умѣетъ,
Умѣетъ и приказывать какъ надо.

(Она отнимаетъ лицо и смотритъ съ ужасомъ).

Умѣю и кинжалъ употребить
При случаѣ, чтобы заставить васъ,
Сударыня, повиноваться мнѣ. (Злобно).
Ха! ха! ха! ха!.. о, ты меня узнаешь! —
Эй! кто тамъ?

(Соррини отпираетъ дверь; подходитъ къ ней; вдругъ слышенъ шумъ и [illegible]).

Вы зачѣмъ? какая дерзость!

Одинъ испанецъ. Мы
Пришли за награжденьемъ.

Соррини. За какимъ?

Другой испанецъ. А какъ же, развѣ ты намъ,
патеръ, не велѣлъ
Дочь Альварена увезти... иль позабылъ?
Что? Видно только предъ услугой
Твой кошелекъ открытъ издалека.

Третій испанецъ. А какъ достали мы твою красотку,
Такъ тотчасъ обѣднялъ?

Соррини. Бездѣльники! (Бросаетъ большой кошель золота).
Терпѣнья не было?..

Всѣ (берутъ золото и уходятъ).
Прощай, отецъ Соррини!
(онъ уже не запираетъ дверь).

Соррини. Эмилія! рѣшись же наконецъ...

Эмилія (встаетъ съ кресель). Такъ ты ихъ посылалъ меня похитить?
О, верхъ злодѣйства въ человѣкѣ! я погибла,
Погибла... нѣтъ надежды.

Соррини (насмѣшливо). Нѣтъ надежды!
(Беретъ ее за руку).
Пойдемъ со мной (цѣлуетъ), мой другъ безцѣнный!
Такъ долго защищаться, плакать,
Просить... чтобъ наконецъ признаться побѣжденной!

Эмилія. Ты думаешь, я вынесу позоръ свой?
Нѣтъ, я умру, старикъ!..

Соррини (съ гордой улыбкой). Старикъ! шути...
Старикъ тебѣ покажетъ, что довольно
Онъ палокъ.

Эмилія (сложивъ руки). Матерь Божія! ужель
Ты не спасешь меня!..

Соррини. Пойдемъ... пойдемъ...
Не скажутъ, что Соррини уступилъ
Кому-нибудь. О, я наединѣ
Не тотъ, какимъ кажуся въ людяхъ. (Беретъ ея руку).

Эмилія. Оставь меня, твое прикосновенье,
Какъ зараженнаго чумой, ядовито...

Соррини (злобно). Пойдемъ же, я велю...
(Вдругъ стучится кто-то въ дверь, оба останавливаются. Езуитъ отходитъ прочь; отворяетъ дверь человѣкъ, окутанный плащемъ пилигрима; снявъ шляпу, входитъ).

Неизвѣстный (онъ входитъ быстро, потомъ пугается). Впустите ради
Христа!.. я такъ усталъ! прошу
Кусочка хлѣба только. Здравствуйте,
Пошли вамъ Богъ свое благословенье,
Честной отецъ!.. я бѣдный, бѣдный странникъ.

Соррини (въ сторону). Не кстати онъ пришелъ,
зачѣмъ его пустили?
(Скрипитъ зубами. Глядитъ). Онъ подозрителенъ.
(Ему) Садись... садись!
Тебѣ велю тотчасъ подать вина и хлѣба.
Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвѣстный. Я бѣдный странникъ!
Ходилъ въ Ерусалимъ.. иду назадъ...
Усталъ... и голоденъ, иду домой...
Пока языкъ мой смерть не охладитъ,
Вездѣ тебя я буду прославлять,
Кто-бъ ни былъ ты, гостепріимный.

Соррини. Я исполняю только долгъ свой.

Неизвѣстный. Долгъ?
Немногіе тебѣ подобно мыслятъ.
Благодарю!—и Богъ тебя благодаритъ!..

Соррини (къ Эмиліи). Сестра! вели принесть вина и хлѣба... (Страннику).

Живемъ съ сестрой мы вмѣстѣ.
(Видя, что Эмилія идетъ, — дрожитъ и подходитъ къ ней).
Ступай! когда я говорю: иди!
Неизвѣстный (про себя). Меня ты не обманешь, крокодилъ!
Соррини (громко). Ступай же...
Неизвѣстный. Стой!
Соррини (испугавшись). Какъ! кто ты?
Неизвѣстный. Я... (сбрасываетъ плащъ съ себя и вынимаетъ кинжалъ).
Эмилія. Фернандо!..
Фернандо.
(Беретъ быстро за руку Эмилію и уводитъ на другую сторону сцены, становится предъ ней, держа ее одной рукой).
Теперь я требую съ тебя отвѣта...
Соррини. Кто ты? Фернандо не воскреснетъ!
Ты духъ иль человѣкъ?
Фернандо. Я тотъ,
Кто не боится адскихъ умысловъ,
Кто можетъ наказать тебя кинжаломъ,
И чья рука не дрогнетъ предъ убійствомъ,
Когда оно ее спасетъ... отдай ее. (Схватываетъ Соррини за горло).
Я ничего не жду на небесахъ,
Я ничего не жду подъ небесами;
Я мести душу подарилъ; не жди,
Чтобъ я помедлилъ отослать
Тебя туда, гдѣ ждетъ судъ Божій
Тебѣ подобныхъ! Видишь этотъ ножъ —
Онъ надъ тобой. Оставь же добровольно
Свой умыселъ.
Соррини. Но если ты убьешь меня,
То все-таки Эмилію нельзя
Спасти: тебя не выпустятъ
Отсюда слуги. Такъ пусти-жъ меня!
Я закричу...
Фернандо (пускаетъ его). Ты правъ: я не палачъ!..
(Въ сторону). Ужели я боюсь увидѣть кровь?
(Ему). Отдашь-ли мнѣ Эмилію?
Соррини. Нѣтъ, не отдамъ...
(Подбѣгаетъ къ двери все ближе).
Фернандо. Отдашь! ты вѣрно содрогнешься
Предъ тѣмъ, что я предпринялъ. А! Соррини!
Она моя... и честь ея моя.
Когда-бъ ты далъ мнѣ тысячу міровъ
За эту дѣвушку... я-бъ ихъ отвергнулъ всѣ!
Не принуждай меня, не принуждай
Къ убійству.
Соррини. Не отдамъ ее.
Фернандо. Ты камень, но передъ моимъ отчаяньемъ
Ты содрогнешься.
Соррини. Нѣтъ!..
Фернандо. Соррини!
Соррини, рѣдко лишь прошу кого-нибудь
Я на колѣнахъ... но узнай сперва,
Что тотъ, предъ кѣмъ стоялъ я на колѣнахъ,
Не долго проживетъ.
Соррини (со смѣхомъ). Опять за то же.
Фернандо. Ты мнѣ отдашь Эмилію, не то
Я отниму... не доведи меня
До этой крайности. Я ужь готовъ
На все; я съ нею потерять готовъ
И Небо, чтобъ избавить отъ твоихъ когтей.
Я не шутить пришелъ... О, слушай! слушай
Въ послѣдній разъ... отдай ее.
Соррини. Посмотримъ!
(Бросается въ дверь и зоветъ на помощь).
Сюда! сюда! сюда! разбой! эй, слуги! (Шумъ и крикъ за сценой).
Эмилія (бросивъ томный взоръ). Фернандо...
Фернандо. Ну, все кончено! напрасно
Желалъ я крови не пролить; прощай,
Мой другъ! (обнимаетъ ее) прощай! мы долго
Съ тобою не увидимся... (Отворачиваясь). О, Боже!
И такъ Ты хочешь, чтобъ я былъ убійца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ея —
Моя! она другого не обрызжетъ...
Безумецъ! какъ искать въ томъ сожалѣнья,
О комъ Самъ Богъ ужь не жалѣетъ!
Часъ билъ! часъ билъ! — послѣдній способъ
Удастся — или кровь!.. Нѣтъ, я судьбѣ
Не уступлю... хотя бы демонъ удивился
Тому, чего я не могу не сдѣлать.

(Эмилія устремляетъ молящій взоръ на него. Во время этого разговора входятъ слуги Соррилія и онъ; всѣ съ оружіемъ).

Соррини. Посмотримъ, кто сильнѣй изъ насъ!..
эй, слуги!..
Фернандо. Узнай же клятву: мы стоимъ предъ Богомъ...
Живая или мертвая — она
Моя... ты видишь. (Показываетъ кинжалъ).
Эмилія. Ахъ! (склоняетъ голову на грудь Фернандо).
Соррини. Меня не настращаешь!
Мнѣ мертвую не нужно... Слуги, эй!
Схватите, бейте, рѣжьте наглеца! (Онъ самъ защищенъ слугами).
Фернандо. Ни съ мѣста! (Всѣ останавливаются).
Соррини. Что же вы? (Они опять хотятъ броситься).
Фернандо. Ни съ мѣста вы, рабы!..
Соррини). Въ послѣдній разъ, въ виду небесъ и ада,
Отдашь-ли мнѣ ее?
Эмилія (едва слышнымъ голосомъ). Хранитель, ангелъ мой! спаси меня!
Соррини. Живую не отдамъ!..
Что-бъ ни было.

Фернандо. О... такъ смотри сюда!

(Прокалываетъ ей грудь; въ эту минуту всѣ поражены; онъ поднимаетъ ея трупъ съ полу и уноситъ сквозь толпу удивленную. Слуги хотятъ броситься вслѣдъ).

Соррини (послѣ молчанья, остановивъ слугъ).
Оставьте! иначе хочу я сдѣлать. (Онъ дрожитъ).
(Даетъ знакъ, чтобъ всѣ ушли; уходятъ).
Какая дерзость!.. да! онъ мнѣ заплатитъ.
Я самъ въ опасности. Онъ можетъ...
Что можетъ онъ?.. Я золъ теперь,
Какъ дьяволъ... Отомщу-жъ ему, —
Сожгу его, сдеру съ живого кожу,
Сорву желѣзомъ ногти, ощипію
Горячими щипцами, на гвоздяхъ
Его ходить заставлю, мѣдь кипящую
Волью безумцу въ горло, и упьюсь,
Упьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,
Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!..
Спади съ меня личина скромности;
Пускай узнаютъ всѣ, что итальянецъ
Соррини, по его веселію и плескамъ,
Когда Фернандо будетъ издыхать
Въ огнѣ иль подъ ударомъ палача.
Чѣмъ медленнѣй конецъ его придетъ,
Тѣмъ будетъ счастіе мое полнѣй.
Оклевещу его; хоть самъ не вывернусь,
Но все же я упьюсь его мученьемъ.
О клевета, приди на помощь! никогда
Такъ не нуждался я въ тебѣ, какъ нынѣ;
Дай тысячу мнѣ жалъ змѣиныхъ, чтобъ
Я могъ облить врага холоднымъ ядомъ
Твоимъ... (ударяетъ себѣ двумя пальцами въ лобъ).
Мой планъ почти готовъ...
Да, да... вотъ такъ... а тамъ, богиня
Души моей, тебѣ съ сихъ поръ я отдаю
Себя... возьми! я твой—и за могилой!
(Входитъ Доминиканецъ, пріятель Соррини).

Доминиканецъ. Соррини, здравствуй!

Соррини. Здравствуй! кстати ты пришелъ.

Доминиканецъ. А что такое?

Соррини. Я тебѣ скажу
Сейчасъ.

Доминиканецъ. Должно быть, ты узналъ
Пристанище богатаго жида
Или, что все равно, еретика.
Веселье на лицѣ твоемъ блистаетъ!
Такъ точно, ревностный служитель вѣры,
Я отгадалъ, что хочешь ты сказать.

Соррини. Ты отгадалъ. Зналъ-ли ты
Ты Дона Альвареца; у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Онъ еретикъ! онъ вѣритъ Лютеру
И чтитъ его!.. сегодня онъ убилъ
Дочь Альвареца въ домѣ у меня.
Я спасъ ее отъ хищниковъ, но, Боже!
Не могъ спасти отъ остраго кинжала!
Его сыскать намъ надо и вести
На казнь преступника двойного.
Онъ трупъ несчастной дѣвушки
Понесъ съ собой!.. да! я его найду;
Я по слѣдамъ его пойду кровавымъ
И жизнію заплатитъ онъ...

Доминиканецъ. Конечно!
Да, кажется, я на дорогѣ встрѣтилъ
Убійцу... но случайно не замѣтилъ,
Что несъ онъ мертвую: такъ быстро
Онъ шелъ!.. такъ страшенъ онъ казался!

Соррини (послѣ минуты задумчивости).
Дай руку мнѣ! клянись быть заодно...

Доминиканецъ (протягиваетъ руку). Возьми съ моей рукою обѣщанье.

Соррини. Быть заодно во всякомъ случаѣ!

Доминиканецъ (кинувъ болѣзненный и подозрительный взглядъ).
А развѣ ты виновенъ въ чемъ-нибудь?

Соррини. Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь знаешь ты: мы вѣчно правы.

Доминиканецъ. Брось шутки! ты тутъ невиновенъ?

Соррини. Нѣтъ, нѣтъ! но если-бъ даже былъ..

Доминиканецъ. Безъ если, просто
Какъ съ другомъ говори...

Соррини. Да нѣтъ!

Доминиканецъ. Простѣ?
Скажи: невиненъ ты?

Соррини. Какъ голубь!

Доминиканецъ (съ коварной улыбкой).
Вотъ такъ! ха! ха! ха! ха! давай бумаги;
За друга всѣмъ готовъ, душой и тѣломъ,
Пожертвовать. А еретикъ Фернандо
Погрѣется у насъ, пока
Охолодѣетъ прахъ его проклятый.
(Садится и береть перо съ бумагой).
Я напишу, какъ ты мнѣ говорилъ,
А тамъ и въ судъ съ убійственной бумагой!
Уменъ былъ тотъ, кто изобрѣлъ письмо:
Перо терзаетъ иногда сильнѣе,
Чѣмъ пытка! Чтобы уничтожить царство —
Движенія пера довольно; даже рай
Даетъ перо отца святого папы;
Ты вѣришь въ эту власть?

Соррини. Какъ въ добродѣтель!

Доминиканецъ. И такъ начну писать я свой доносъ. (Начинаетъ писать).

Соррини (пока онъ пишетъ, подходитъ къ мѣсту, гдѣ лежитъ Эмилія; гладя низъ).
На этомъ мѣстѣ кровь ея текла!
Вотъ пятна: вотъ одно, другое!
Впервые мнѣ на кровь глядѣть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещетъ,
И волосы невольно дыбомъ

Встаютъ при мысли о убійствѣ!..
Жалѣть-ли мнѣ Эмилію? Да чтожъ?
Всѣмъ должно умереть!.. Но если тѣнь
Ея предстанетъ мнѣ во мглѣ ночной,
Какъ говорила дѣва? если я
Преслѣдуемъ, терзаемъ буду
Ея рукой холодною повсюду,
Какъ совѣстью мятежной? если
Кровавое пятно и день, и ночь
Глазамъ безсоннымъ станетъ представляться?..
Какъ? Я боюсь? Соррини сталъ бояться?
Кого? себя!.. стыдися... нѣтъ тѣней,
Нѣтъ призраковъ; могила слишкомъ крѣпко
Свою добычу держитъ, чтобъ она
Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
Но совѣсть!.. совѣсть вздоръ, однакожъ...
Какъ, Соррини,
Ты совѣсти боишься, и давно-ль? (ударяетъ ногой въ землю).
Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

Доминиканецъ. Доносъ готовъ.

Соррини (подписываетъ). Я подписалъ.

Доминиканецъ. И я.

Соррини. Идемъ!

Доминиканецъ. Ужель доносъ подать боишься?
Товарищъ, ты дрожишь?..

Соррини. Отъ радости (беретъ шляпу и палку).
Вотъ все мое оружіе, пойдемъ.

Доминиканецъ. И горе
Врагамъ закона нашего—и нашимъ!
Пощады нѣтъ! клянемся.

Соррини. Нѣтъ пощады!
Какое же мученіе избрать,
Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
Всю тягость нашихъ рукъ, всю тягость
Закона для отступника; не сжечь-ли?—
Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой домъ.

Доминиканецъ. Нѣтъ, четверить.

Соррини. Свинца кипящаго
Ему влить въ горло.

Доминиканецъ. Или на гвоздяхъ
Его заставить спать.

Соррини. О, если-бъ онъ имѣлъ
Сто жизней, я бы каждую инымъ,
Ужаснѣйшимъ терзаньемъ истощилъ...
Однако, цѣль моя достигнута... (потираетъ руками).

Доминиканецъ. Пойдемъ!
И съ помощью святого Доминика
Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ!
(Уходятъ въ радости).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Домъ Алварецца. Столъ. Свѣча на столѣ.

Алварецъ (сидитъ у окна). И такъ, она бѣжала отъ меня
Съ Фернандо... убѣжала съ негодяемъ.

Донна-Марія. Какъ я тебѣ сегодня объяснила;
Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
За этого бродягу выйти замужъ?

Алварецъ. Такъ не хочу же плакать объ негодной,
Неблагодарной.

Донна-Марія (насмѣшливо). Плачь, нѣтъ, плачь!
Объ дочери такой нельзя не плакать!

Алварецъ. И какъ она была привязана ко мнѣ!

Донна-Марія. Да, это видно!

Алварецъ. Гдѣ тутъ стыдъ?
Покрыть сѣдые волосы отца
Безчестьемъ, посмѣяться надъ отцомъ,
Любовницею быть бездомнаго бродяги,
Въ такихъ лѣтахъ... А, это слишкомъ много!
Нѣтъ!.. звѣри благороднѣй! звѣри лучше!..

Донна-Марія. Побереги себя!..

Алварецъ. Пускай она съ Фернандо,
Какъ нищая, подъ окнами блуждаетъ.
Я отвергаю отъ себя ее!
Эмилія—не дочь мнѣ; пусть она
Найдетъ отца себѣ другого; я отвергнулъ
Безстыдную отъ сердца своего.
Когда-бъ она пришла къ моимъ дверямъ,
Усталая, голодная, худая
Какъ смерть, когда-бъ она просила
Кусочка хлѣба у меня,—и этого
Я-бъ не далъ ей; пускай она умретъ
На обезчещенномъ моемъ порогѣ...

Донна-Марія. Ты боленъ, другъ, не хочешь-ли прилечь?

Алварецъ. Такъ! мнѣ покой необходимъ теперь:
Я чувствую, что я совсѣмъ разстроенъ.

Донна-Марія (въ сторону). Бѣднякъ вѣдь точно весь измученъ.

Алварецъ. Боже!
Зачѣмъ Ты далъ мнѣ дочь, зачѣмъ послалъ
Ты съ ней безчестье на главу мою?
О, накажи ее, прошу Тебя...
Молю Тебя... Изъ древняго семейства,—
И такъ бѣжать съ Фернандо? пылъ вражду
Я воскормилъ змѣю въ дому своемъ... (Уходитъ).

Донна-Марія. Что дѣлаетъ теперь любезный патеръ
Соррини?—Вѣрно онъ уже сорвалъ

Цвѣтокъ невинности и наслажденья!..
Прилетъ-ли онъ еще подарокъ мнѣ,
Его сотрудницѣ!.. Конечно, онъ прилетъ...
Мнѣ кажется, что начинаю я
Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбья?
А я была вѣдь главною причиной...
О, совѣсть, для чего терзать меня
Не кстати? Прежде бы терзала:
Теперь помочь едва-ли могутъ люди.

(Открываетъ ящикъ стола и вынимаетъ подарки Сорвина смотритъ на нихъ и кладетъ на мѣсто опять).

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
И камни дорогіе!—руки, пальцы
Мои дрожатъ, когда я ихъ держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы;
Прочь! прочь!.. (Кладетъ въ ящикъ). Какъ могъ меня прельстить
Подобный гадкій жемчугъ?.. Совѣсть, ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постомъ, богатымъ подаяньемъ
Загладить я хочу проступокъ свой,
Лишь дайте сонъ мнѣ, дайте мнѣ покой!

(Входитъ Алварецъ встревоженный).

Алварецъ. Жена, послушай! здѣсь блуждаютъ тѣни;
Мнѣ кажется... сейчасъ я видѣлъ что-то,
Я слышалъ голосъ... голосъ мнѣ знакомый!..
Мнѣ дурно... (Садится).

Донна-Марія. Успокойся, другъ мой!
Гдѣ тѣни? Тѣней не бывало здѣсь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть-можетъ, эти призраки рождаетъ.

Алварецъ. Мнѣ дурно... (звонитъ) эй! слуга! воды! (Слуга входитъ).
Воды!.. какъ можно поскорѣе. (Уходитъ слуга
Жена! я говорю, здѣсь бродятъ тѣни;
Ужель ты не слыхала голосъ томный?
Ужель ты не могла примѣтить ихъ?

Донна-Марія. Твои глаза отъ слезъ устали!

Алварецъ. Какъ?
Нѣтъ: я не плакалъ и не стану плакать!..
Я проклинаю дочь свою.

(Слуга приноситъ стаканъ; онъ пьетъ; слуга уходитъ).

Донна-Марія (въ сторону). Мнѣ страшно!..
Есть мертвецы, есть тѣни, говорятъ
Ученые монахи... мы должны
Имъ вѣрить... это право страшно!

Алварецъ. Ну, если умерла Эмилія...
Ну, если въ эту самую минуту
Ея душа разсталась съ нею... если...

Донна-Марія. Что говоритъ онъ?.. Небо!

Алварецъ. Нѣтъ! за гробомъ
Проклятіе отцовское не тронетъ;
За гробомъ есть другой Отецъ... прощаю
Тебя, когда тебя не будетъ
Между живыхъ... пусть тѣнь твоя не бродитъ
Вокругъ меня, не отгоняетъ сонъ
Отъ глазъ моихъ, пусть ужасъ не подыметъ
Сѣдые волосы, покрытые тобою
Стыдомъ и поношеньемъ—нѣтъ!.. въ могилѣ
Проклятіе отцовское не тронетъ!
Тамъ есть другой Судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о Небо! Небо!

(Открывается дверь настежь съ шумомъ; является Фернандо, держа трупъ Эмиліи. Старикъ вскакиваетъ; ужасъ во всѣхъ лицахъ).

Донна-Марія. Ахъ!.. все пропало! (Бросается въ другую комнату).

Алварецъ. Что такое значитъ?.. (Фернандо кладетъ тѣло на стулъ).
Чья кровь? Чье это тѣло? (Фернандо стоитъ надъ нею мраченъ).
Кто она? Кто ты?

Фернандо. Я дочь тебѣ принесъ.

Алварецъ. Эмилія!.. мертва!..

Фернандо. Мертва!

Алварецъ. Такъ ты ея убійца?

Фернандо. Я...

Алварецъ. Такъ ты!.. О, если-бъ я имѣлъ довольно силы,
Чтобъ растерзать тебя! ты, похититель,
Убійца!.. и съ такой холодностью
Принесъ сюда .. О, милое созданье!
Дочь! дочь моя! и кровь ея течетъ...
И я!..

Фернандо. Не правда-ли, она прекрасна?

Алварецъ. Чего ты ждешь? Ступай хоть въ адъ,
Но прочь отъ глазъ моихъ, убійца! кровь ея,
Пока ты здѣсь, течи не перестанетъ...
О, если бы не слабъ я былъ... Прочь, демонъ!
Прочь, прочь отъ дочери моей!

Фернандо. Я здѣсь остаться
Рѣшился...

Алварецъ. Ты рѣшился?

Фернандо. Да! въ живыхъ
Она была твоя... теперь моя.
Геройскимъ преступленьемъ я купилъ
Кровавый этотъ трупъ... онъ мой... Смотри
На эти блѣдныя черты и отрекись
Отъ дочери...

Алварецъ. Такъ подожди! ты скоро
Меня увидишь!.. Тигръ, змѣя коварства!
Я средство отыщу тебѣ отмстить...
Я инквизицію на помощь призову.

Фернандо. Кто не боялся уничтожить это (показывая на трупъ).
Того ничто не испугаетъ въ мірѣ...

(Алварецъ убѣгаетъ и запираетъ двери за собой).

Онъ заперъ двери! ха! ха! ха! прекрасно!

Старикъ, исполнилъ ты мое желанье!
Я съ нею быть хочу наединѣ,
Какъ съ другомъ... Духи тишины!
Вы будете свидѣтелями свадьбы
Моей... Здѣсь я клянусь любить
Ее одну, чтобъ ни было... Вы, стѣны,
Смотрите на Эмилію мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Блѣдна! блѣдна!—мертва!..
(Бросается къ ногамъ ея и плачетъ. Молчаніе).
Ты мнѣ простишь? Не правда-ли, мой ангелъ?
Я спасъ тебя!.. смотрите,—улыбнулась!—
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой! (Беретъ за руку).
Рука ея какъ ледъ! (цѣлуетъ руку) позволь поцѣловать?
О, какъ пріятно мертвыхъ цѣловать... (Встаетъ).
Что, ежели отрѣжу я косу
Волосъ и съ ней умру, не легче-ль будетъ мнѣ
Терпѣть послѣднія мученья тѣла?
(Отрѣзываетъ косу волосъ кинжаломъ).
Залогъ ея любви!
Какъ я великъ!
Пожертвовалъ собой, своей душой!
Пожертвовалъ такимъ созданьемъ, чтобъ
Освободить Эмилію, хоть вѣчно
Я не увижусь съ ней!.. Одинъ, одинъ,
Какъ жилъ, такъ и умрешь, Фернанъо.
Зачѣмъ же Небо довело меня
До этого? Богъ зналъ заранѣ все,—
Зачѣмъ же Онъ не удержалъ судьбы!..
Онъ не хотѣлъ!.. (Молчаніе). Эмилія!
Теперь, какъ прежде, всѣми ты забыта,
Но я съ тобой... (Подходитъ ближе). Кровь на груди засохла!..
И предадутъ ее сырой землѣ;
Глаза, волшебныя уста, къ которымъ
Мой дерзкій взоръ приkованъ былъ такъ часто,
И грудь, и эти длинныя рѣсницы
Песокъ засыплетъ; червь переползетъ безъ страха
Недвижное, безцвѣтное, сырое,
Холодное чело... Никто и не помыслитъ
Объ томъ... И можетъ быть надъ той
Могилой проклянутъ мое названье,
Гдѣ будетъ гнить все, что любилъ я въ жизни...
О, я тебя навѣки потерялъ!
Рай не отдастъ божественный твой образъ
Душѣ моей; я навсегда простился
Съ тобой, когда ударъ судьбы свершился!
Я самъ разрушилъ... самъ отвергнулъ, самъ
Свою надежду уничтожилъ... О, прощай!
Прощай! прощай! ты, спящій ангелъ!..
Блѣдна! блѣдна! Мертва...

Шумъ за дверями и голоса, но Фернандо стоитъ съ опущей головой и ничего не слышитъ. Входятъ служители инквизиціи съ начальникомъ и веревками и прочими приготовленіями).

Начальникъ. Онъ здѣсь—Фернандо нашъ возлюбленный!
Здѣсь еретикъ! схватите поскорѣй!
(Подходятъ, берутъ, онъ недвижимъ, ничего не чувствуетъ).
Свяжите руки.
Фернандо (какъ отъ сна). Что вамъ надобно?
Начальникъ. Ты на кострѣ пылающемъ увидишь,
Что хочетъ инквизиція святая.
Фернандо. За что?
Начальникъ. Мы не привыкли отвѣчать, за что!..
Свяжите!
Фернандо. Я не дамся (вырывается).
Начальникъ. Мы увидимъ!..
Фернандо. Кто хочетъ жить?
Начальникъ. Я знаю: ты не хочешь.
Вотъ для чего пришли мы за тобой.
Фернандо. Не думайте, что я боюся васъ.
Я не хочу оставить этотъ трупъ!..
Прочь отъ меня: своимъ присутствіемъ
Вы осквернite это мѣсто; посмотрите:
Она святѣй, чѣмъ всѣ святые ваши!
Своею кровію она купила рай,
А ваши—кровію другихъ мечтаютъ
Его купить... Прочь! прочь отсюда!
Начальникъ. Я не люблю пустое толковать.
Схватите же его!
Фернандо (вынимаетъ кинжалъ). Приди на помощь
Вторично, мой кинжалъ... Кто будетъ первый?
(Они отступаютъ).
Никто!.. Да сколько васъ?.. Ужель одинъ
Такъ страшенъ!
Начальникъ (своимъ). Что намъ торопиться, други...
Онъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ навѣрно...
Пускай придетъ отецъ Соррини самъ:
Онъ насъ прислалъ... пусть онъ съ нимъ справится;
А изъ чего намъ жертвовать собой!
(Становятся у двери).
Фернандо. Что, если брошусь я на нихъ, какъ тигръ,
И всѣхъ въ крови къ ногамъ своимъ повергну?..
Но нѣтъ,—зачѣмъ лишить ихъ бренной жизни,
Зачѣмъ лишить того, что имъ безцѣнно...
Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!..
Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!..
(Входитъ Доминиканецъ съ бумагою въ рукахъ).
Доминиканецъ. Фернандо!
Фернандо. Что?
Доминиканецъ. Противъ тебя доносъ есть
Фернандо. Немудрено!
Доминиканецъ. И судъ ужь подтвердилъ
Чтобъ взять тебя.

Фернандо. Гдѣ судъ въ Испаніи?—
Есть сборище разбойниковъ!..
Доминиканецъ. А ты,
Ты не разбойникъ?
Фернандо. Нѣтъ.
Доминиканецъ (показавъ трупъ). А это что?
Фернандо. Я спасъ ее! она меня любила,
Любила!.. О, знавалъ-ли ты любовь?
Нѣтъ, не знавалъ!.. какъ воскъ бы ты растаялъ,
Взглянувъ на эти блѣдныя черты!
Она меня любила! какъ еще любила!..
Доминиканецъ. Не о любви пришелъ я говорить:
Ты обвиненъ, что вѣришь Лютеру
И всѣмъ еретикамъ; вотъ для чего
Пришли мы взять тебя, мой другъ!
Ты вѣришь въ Лютера?
Фернандо. Какъ странно:
Безъ пытки спрашиваетъ онъ меня!
Я вѣрю, что есть Богъ...
Доминиканецъ. Что папа
Намѣстникъ Бога?
Фернандо. Кто его поставилъ?
Доминиканецъ. Такъ ты не вѣришь?
Фернандо. Развѣ Богъ велѣлъ
Вамъ жечь людей?
Всѣ (кричатъ). Онъ еретикъ! онъ еретикъ!
Доминиканецъ (къ другимъ). Зачѣмъ его вы тотчасъ не связали?
Начальникъ. Не сладили.
Доминиканецъ. Такъ смѣлъ онъ защищаться! (Къ Фернандо).
Ты долженъ умереть, мой другъ.
Фернандо. Я это знаю!
Я это зналъ давно... и ты умрешь!
О, не хвались своей минутной властью!
Вотъ образъ смерти! (Показывая на Эмилію).
Если рокъ Эмилію
Не пощадилъ, то пощадитъ-ли васъ?
Доминиканецъ. Ты слышалъ приговоръ, и такъ, сдавайся!..
(Соррини входитъ и крадется дальше отъ Фернандо).
Фернандо. Соррини, здравствуй! вѣрно ты пришелъ
Послѣдній мигъ страдальца усладить!
Не бойся! я тебѣ не сдѣлаю
Вреда: я прежнее забылъ.
Я совершилъ свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совѣсти.
Не вѣчно спятъ они; граница есть
Всему... но полно ужь объ этомъ!
Соррини. Глупецъ, ты смѣешь угрожать?
Фернандо. Соррини!
Ты побѣдилъ; но просьба есть одна:
Исполни... Если ты ее исполнишь,
То на кострѣ я буду за тебя
Молиться; въ лютой пыткѣ буду имя
Твое благословлять.
Соррини (съ улыбкой). Скажи мнѣ, что такое! (Насмѣшливо).
Скажи мнѣ, если только можно...
Фернандо (вынимаетъ косу Эмиліи).
Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ!
Пускай они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзалъ съ головы ея (указывая на тѣло Эмиліи).
Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня,
Они вамъ не мѣшаютъ.
Соррини. Нѣтъ, нельзя!
Никакъ нельзя.
Фернандо. Послѣдняя мольба! (Скрежеще[illegible]).
Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которые желѣзо пытки
Исторгнетъ!..
Соррини. Нѣтъ! никакъ нельзя!..
Ихъ видъ твои страданья облегчитъ,
Но этого не хочетъ судъ.
Фернандо. Соррини!
Ты хочешь...
Соррини. Я хочу, чтобъ ты повиновался!
Служители! еретика схватите
Сейчасъ, и волосы изъ рукъ его
Нечистыхъ вырвите; канатами свяжите
Преступника! онъ слышалъ приговоръ,
И глупо мѣшкать... (Въ сторону). Ты заплатишь мнѣ;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умѣетъ; впрочемъ, мы виновны оба,—
А кто взялъ верхъ, тому и слава!
(Въ это время всѣ приблизились къ Фернандо, но онъ отталкиваетъ одного ближайшаго, бросается на Соррини и ранитъ его въ руку)
Фернандо. Издохни!
Соррини (который упалъ отъ удара, встаетъ). Помогите!
Фернандо (тихо и мрачно). Живъ!
Соррини. Я живъ,
Чтобъ насладиться муками твоими!
Доминиканецъ. Перевяжите руку! (Перевязываютъ).
Фернандо. Нынѣ вижу,
Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Желѣзо обмануло,
И онъ живетъ... Презрѣнный человѣкъ!
Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки (бросаетъ кинжалъ на землю).
Прочь, невѣрный
Металлъ! ты мнѣ служилъ какъ люди:

Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... (топчетъ) прочь, измѣнникъ!
(Видя, что кинжалъ не въ рукахъ его, бросаются всѣ на него, схватываютъ и связываютъ руки).

Доминиканецъ. Теперь онъ безопасенъ намъ! схватите,
Свяжите!

Соррини Какъ мы мѣшкаемъ!—О, сердце
Мое трепещетъ, хочетъ увидать
Огонь, гдѣ этотъ еретикъ погибнетъ
Во имя Бога! Дѣти! ну, ступайте!

Начальникъ. Чтобъ онъ не вырвался! держите крѣпче!

Фернандо. Не бойтесь! я не стану вырываться. (Насмѣшливо).
Кто отослать хотѣлъ на небеса
Такого ангела (показывая на Соррини), заслуживаетъ тотъ
Ужаснѣйшую казнь!..

Моисей (за дверью). Впустите поскорѣе! (вбѣгаетъ въ отчаяніи).
Мой сынъ! Фернандо! гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ?
Фернандо, ты мой сынъ! недавно я
Узналъ,—раввинъ мнѣ объявилъ.—Что сдѣлалъ ты?
Нашелъ... и вновь теряю навсегда!
Мой сынъ! мой сынъ! о, Небо!

Фернандо (вздрагиваетъ). Я твой сынъ? (Молчаніе).
Старикъ... неправда! говори: неправда!
Что пользы мнѣ найти отца въ подобный часъ?
Старикъ... ты обманулся!.. я не сынъ твой:
Никто не требуй больше отъ меня любви!

Моисей. Нѣтъ, я тебя спасу! (Бросается къ ногамъ Соррини).
О, господинъ!
Я сожалѣнья не прошу у христіанъ:
Я знаю, господинъ, оно—проступокъ!
Но вся моя казна—твоя! (Обнимаетъ колѣна).
Вотъ здѣсь червонцы!.. (Вынимаетъ мѣшокъ).
Спаси его! позволь ему бѣжать!
Онъ сынъ мой!.. за него я все отдамъ.

Фернандо. Встань! встань! не унижай себя предъ нимъ,
Будь гордъ, какъ я,—пль ты не мой отецъ!
Встань—и учися ненавидѣть, презирая.

Моисей (на колѣнахъ). Возьми мое богатство, все оно...
Передъ тобой!.. я дочь еще имѣю!..

Фернандо. Старикъ, молчи! когда-бъ я не былъ связанъ,
Я-бъ ротъ тебѣ зажалъ...

Моисей. Помилуй!.. (Обнимаетъ колѣна).

Соррини. Нѣтъ!

Моисей. На казнь?..

Соррини. Ну, что жъ?

Начальникъ (одному изъ служителей). Иди впередъ.

Фернандо (къ Моисею и Эмиліи). Прощайте. (Его уводятъ).

Соррини (Моисею). Ну, что ты?

Моисей. Увели!.. нельзя-ль помочь!

Соррини (беретъ мѣшокъ съ деньгами).
Попробую! всѣ средства не исчезли:
Въ судѣ имѣю я довольно власти.—
Да ты—еврей! ага!.. зачѣмъ ты здѣсь?
О, погоди! я и съ тобою справлюсь. (Уходитъ, смѣясь).

Моисей. Ушелъ!—и деньги взялъ, и сына взялъ,
Оставилъ съ мрачною угрозой!.. О, Творецъ!
О, Богъ Іерусалима!—я терпѣлъ,—
Но я отецъ!—Дочь лишена разсудка,
Сынъ на краю позорныя могилы,
Имѣніе потеряно... О, Боже! Боже!
Нѣтъ! Аврааму было легче—самому
На Исаака ножъ поднять, чѣмъ мнѣ!..
Рвись, сердце, рвись, прошу тебя... и вы
Долой, густые волосы, чтобъ громъ
Небесъ разилъ открытое чело! (Рветъ волосы).
Сынъ! дочь! имѣніе! червонцы!
Все, все (ломая руки) потеряно навѣкъ!
(Входятъ два человѣка съ носилками).
О горе! горе мнѣ! о горе! горе! (Жидъ убѣгаетъ).
(Два человѣка съ удивленіемъ глядятъ).

1-й гробовщикъ. Вездѣ одно отчаянье-да казни;
Конечно, этотъ человѣкъ не мало
Имѣлъ несчастья (показывая на дверь, откуда ушелъ Моисей).

2-й гробовщикъ. Да! какъ волосы онъ рвалъ!

1-й гробовщикъ. Онъ жидъ; однакожъ я его жалѣю.

2-й гробовщикъ. Примѣтилъ-ли, когда насъ посылалъ.
Донъ-Альварецъ за тѣломъ дочери,
Какъ онъ едва держался на ногахъ
И крупная слеза катилась по щекѣ?

1-й гробовщикъ. Да! это приключенье занимаетъ
Весь городъ!

2-й гробовщикъ (съ помощью другого кладетъ на носилки тѣло Эмиліи).
Миръ душѣ твоей, дѣвица!..

1-й гробовщикъ. Ей пышныя готовятъ похороны,
Я слышалъ.

2-й гробовщикъ. Вотъ чего не понимаю,—
Не все-ль равно усопшему: въ парчѣ
Или въ холстѣ онъ будетъ съѣденъ червемъ?

1-й гробовщикъ. Такъ принято.

2-й гробовщикъ (обвивая покрываломъ тѣло на носилкахъ, чтобы оно не упало).
Вотъ брачная постель твоя,
Красавица! (Молчаніе). Куда была она прекрасна!..
Хоть я привыкъ къ такимъ работамъ, а теперь
Мнѣ какъ-то жалко, какъ-то тяжело

На сердцѣ (поднимаетъ носилки съ Эмиліею).
1-й гробовщикъ. Полно тутъ болтать. За дѣло!
Пойдемъ... Вотъ такъ! Смотри, держать ровнѣе.
(Уносятъ тѣло).

—

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Улица въ городѣ близко жилища Альвареца; народъ.

1-й испанецъ. А! здравствуй! добрый день! Ты слышалъ-ли
Печальную исторію Фернандо?
2-й испанецъ. Онъ въ городъ приведенъ сегодня, взятъ
Въ тюрьму; ужь судъ надъ нимъ оконченъ,
Костеръ стоитъ готовъ,—я видѣлъ самъ.
У насъ не любятъ очень долго мѣшкать:
Когда какой-нибудь монахъ обиженъ,—
Сейчасъ сожгутъ, хотя не виноватъ.
3-й испанецъ. Однакоже Фернандо виноватъ.
Зачѣмъ
Онъ бѣдную Эмилію зарѣзалъ,
Жестокосердый!.. Нѣтъ, пускай горитъ онъ!
4-й испанецъ. Онъ смерть предпочиталъ позорной жизни
И думалъ сдѣлать ей добро, не зло.
2-й испанецъ. Народъ валитъ толпой, чтобъ посмотрѣть,
Какъ умираетъ человѣкъ. (Показывая на толпу).
Кто скажетъ,
Что эти люди сами смертные?
Сара (за сценой). О, помогите удержать ее!
(Ноэми входитъ съ растрепанными волосами, а за нею Сара).
До самаго до города она
Все такъ бѣжала... я измучилась!
Ноэми! ахъ! она сошла съ ума.
Ноэми. Пусти меня!.. мой братъ! мой братъ!
мой братъ!
Куда ты?.. я тебя люблю, люблю такъ нѣжно.
Законъ—тиранъ! Какой уродливый
И гадкій видъ!.. Дай руку мнѣ!—о нѣтъ!
Какъ?.. Эти пальцы пахнутъ смертью!
Отдайте ожерелье мнѣ назадъ...
Мой братъ! мой братъ! мой братъ!
Я знала, онъ погибнетъ. Сара,
Пойдемъ домой. (Сара беретъ ее за руку). Нѣтъ!
такъ я не хочу!
(Бросается на колѣна).
О, люди добрые! скажите мнѣ,
Гдѣ братъ мой?
2-й испанецъ. Кто она?
Сара. Ахъ!.. сжальтесь!
Вы видите, она сошла съ ума,
Никто ее не можетъ удержать...
2-й испанецъ. Когда бы всѣ жиды съ ума сошли,
Какъ эта дѣвушка,—намъ было-бъ лучше.
Ноэми. Гдѣ братъ мой?
4-й испанецъ. Бѣдная еврейка.
Ноэми (вставъ). Вы думали, что я бѣдна; но мой отецъ
Стократъ богаче васъ—и въ столько-жъ лучше.
Вы думали, что долго буду я
Стоять предъ вами на колѣнахъ,—такъ ошиблись!
Я буду пѣть, плясать и веселиться!
(Обтираетъ глаза).
Прочь! прочь, вы, слезы! вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться!
Прочь, слезы! мой отецъ богатъ... (Стонетъ).
Сара. Что говоритъ она? Все бредитъ!
Мы бѣдные евреи!..
2-й испанецъ (глядя на Ноэми). Какъ жалка!
Ноэми. Гдѣ онъ?
Пылаетъ небо, люди гибнутъ,
Земля трепещетъ... тамъ въ огнѣ, въ огнѣ
Мой братъ! мой братъ! Я не пойду къ нему!..
Пустите!..
Сара. Что ты дѣлаешь?
Великій Боже! образумь ее!
5-й испанецъ (вбѣгаетъ). Все кончилось! я былъ въ судѣ; Фернандо
Ведутъ на казнь, его пытали долго;
Вопросы дѣлали,—онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя.
2-й испанецъ. Пойдемте посмотрѣть на казнь Фернандо.
(Нѣкоторые идутъ. Народъ толпится черезъ улицу).
Ноэми. Чья казнь? (упадаетъ на землю). Я слышала, Фернандо, (тихо).
Мой братъ, чтожъ? смѣйтесь—казнь и смерть!
Какъ это больно! (Группа составляется вокругъ нея).
Сара. Помогите ей!
Воды! я заклинаю Богомъ, помогите! (становится на колѣна возлѣ).
Она еще тепла... О, демоны, не люди!
Что я могу, безсильная старуха?
О помогите, помогите ей!
6-й испанецъ (сухо). Жидовка умереть одна не можетъ?
Пускай она издохнетъ! И Фернандо,
Какъ говорятъ, былъ сынъ жида.
Сара. Онъ сынъ
По крайней мѣрѣ человѣка,—ты же камень!
Проклятье на тебя, кто-бъ ни былъ ты!
(Склонясь къ Ноэми).
Ноэми! ты оставить хочешь насъ?
Ужасная судьба отца: и дочь, и сына
Въ одну минуту потерять!

Ноэми (тихо). Фернандо!..
(Молодой человѣкъ изъ толпы подходитъ ближе).
7-й испанецъ. Прелестныя черты!—когда-бъ печаль
И смерть не истощили ихъ
Красы до половины. Что за блѣдность!
(Сара беретъ ее за руку и вздрагиваетъ).
Свинцу подобны сдѣлались губы,
. . . . . .
(Послѣдняя четвертка подлинной рукописи утрачена).

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN.

(ЛЮДИ и СТРАСТИ).

EIN TRAUERSPIEL.

ПОСВЯЩАЕТСЯ.....

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.

Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный,
На зло враждующей судьбѣ.
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметѣ:
Всю душу посвятить тебѣ, —
И больше никому на свѣтѣ!..

Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья...
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.

Прочти,— онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И, если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь объ немъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Мароа Ивановна Громова, 80 лѣтъ.
Николай Михалычъ Волинъ, 45 лѣтъ.
Юрій Николаичъ, сынъ его, 22 лѣтъ.
Василій Михалычъ Волинъ, братъ Ник. Мих., 48 лѣтъ.
Любовь, дочери его. 1-я—17-ти лѣтъ,
Элиза, дочери его. 2-я—19-ти лѣтъ.
Заруцкій, молодой офицеръ, 24 лѣтъ.
Дарья, горничная Громовой, 38 лѣтъ.
Иванъ, слуга Юрія.

Василиса, служанка двухъ барышень.
Слуга Волиныхъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Громовой).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Утро.—Стоитъ на столѣ чайникъ, самоваръ и чашки.

Дарья.—Что, Иванъ, сходилъ-ли ты на погребъ? Тамъ, говорятъ, все замокло отъ вчерашняго дождя... Да видѣлъ-ли ты, гдѣ Юрій Николаичъ.

Иванъ.—Ходилъ, матушка Дарья Григорьевна, и перетеръ все, что надобно... а барина-то я не видалъ,—вишь ты, онъ вѣрно пошелъ къ батюшкѣ на верхъ; дѣло обыкновенное,—кто не хочетъ съ подобнымъ отцомъ быть; вѣдетъ же онъ въ чужіе края, такъ что мудренаго... А не знаете ли, матушка, скоро мы съ барином-то молодымъ отправимся или нѣтъ? Скоро-ли вы съ нимъ проститесь?

Дарья.—Я слышала, барыня говорила, что черезъ недѣлю; для того-то и Николай Михалычъ со всей семьей привалилъ сюда; да знаешь ли, вотъ тебѣ Христосъ, съ тѣхъ поръ, какъ они пріѣхали сюда, съ тѣхъ самыхъ поръ (я это такъ твердо знаю, какъ то, что у меня пять пальцевъ на рукѣ)—я двухъ серебряныхъ ложекъ не досчиталась. Ты не вѣришь?

Иванъ.—Какъ не вѣрить, матушка, коли ты говоришь? Однакожъ это мудрено—вѣдь у тебя все припёрто—надо быть большому искуснику, чтобъ подтибрить двѣ серебряныя ложки. Да! тутъ какъ хочешь экономію наблюдай и давай намъ меньше жалованья и одежи и все что хочешь; а какъ всякій день, да всякій день пропажи, такъ ничего не поможешь...

Дарья.—Это же вина все на мнѣ, да на мнѣ; а я, видитъ Богъ, такъ вѣрно служу Маріѣ Ивановнѣ, что нельзя больше; — пускаютъ этихъ... прости Господи мое согрѣшеніе!—въ домъ, угощаютъ; а сдѣлалась пропажа, — я отвѣчаю. Ужь ругаютъ, ругаютъ! (Притворяется плачущею).

Иванъ.—А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михалычемъ? — Кажись бы не отчего,—близкіе родня...

Дарья.—Нѣ отчего?—какъ нѣ отчего?—погоди, я тебѣ все это дѣло-то разскажу (садится). Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна, дочь нашей боярыни, скончалась, оставя сынка. Всѣ плакали какъ сумасшедшіе,—наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрья Николаича; отецъ-то сначала не согласился, но, наконецъ, его улакомили,—и онъ, оставя сынка, да и отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ, ему и вздумалось къ намъ пріѣхать, — а слухи-то и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрья Николаича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они и въ ссорѣ еще...

Иванъ.—Да какъ-ста же за это можно сердиться? По-моему, такъ отецъ всегда волент взять сына,—вѣдь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалычъ такой добрый, что онъ сжалился надъ горемъ тещи своей; а другой бы не сдѣлалъ того и не оставилъ бы своего дѣтища.

Дарья.—Да, посмотрѣла бы я, какъ онъ сталъ бы его воспитывать: у него у самого жить почти нечѣмъ, хоть онъ и нарохтится въ важные люди; какъ бы онъ сталъ за него платить по четыре тысячи въ годъ за обученье разнымъ языкамъ?

Иванъ.—Э-эхъ! матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не въ помощь богатство. Что въ этихъ учителяхъ: коли уменъ, такъ все умекъ, а какъ глунъ, такъ все напрасно.

Дарья (съ улыбкой).—А! я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча, — онъ, видно, тебя прикормилъ, сердешный; таковъ-то ты, добро, добро...

Иванъ (въ сторону). — По себѣ судитъ. (Съ гордымъ видомъ). Я всегда за правую сторону заступаюсь, и положусь на всю дворню, которая знаетъ, что меня еще никто никогда не прикармливалъ.

Дарья.—Такъ и ты оставляешь нашу барыню.. хорошо, хорошо, Иванъ! (Топнувъ ногой). Такъ я одна остаюсь у нея, къ ней привязанная всѣмъ сердцемъ... Несчастная барыня! (Притворяется плачущею).

Иванъ (въ сторону).—Асиндъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Василиса съ молочникомъ.

Василиса.—Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышнямъ сливокъ. Вы прислали молока, а онѣ привыкли дома пить чай со сливками; такъ не прогнѣвайтесь.

Дарья.—Онѣ у васъ все сливочки попивали! (Въ сторону). Видишь, богачки! (Ей). У меня нѣтъ сливокъ; теперь постъ, такъ я не кипятила.

Василиса.—Я такъ и скажу?

Дарья.—Такъ и скажи! Ну, чего ждешь, я тебѣ сказала, что у меня нѣтъ. (Василиса уходитъ. Она продолжаетъ). Экія какія сливочныя! вѣдь голь, настоящая голь, — а туда же: сливокъ, да сливокъ! ради, что къ тѣмъ попали,

гдѣ есть сливки. Пускай же знаютъ, что я не ихъ слуга! Экія какія...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ—входятъ.

Ник. Мих. (Дарьѣ).—Здравствуй, Дарья!..

Дарья.—Здравствуйте, батюшка! хорошо-ли почивали?

Ник. Мих.—Хорошо; да у васъ что-то жарко наверху. Послушай, пошли мнѣ моего человѣка.

Дарья (Ивану). — Пошли! Что ты стоишь! (Онъ уходитъ).

Ник. Мих. (брату).—Посмотри-ка, братъ, какъ утро прекрасно, какъ все свѣжо! Ахъ, я люблю ужасно это время,—пойдемъ прогуляться въ саду—пойдемъ...

Вас. Мих.—Изволь, я готовъ. (Уходятъ. Дарья отворяетъ имъ дверь. Дарьѣ). Подай намъ чаю въ садъ, слышишь?

Дарья. — Каковы! — принеси имъ туда чаю. Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждутъ, или сами приходятъ; о-охъ, время пришло, времечко: всякій командуетъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Квартира Заруцкаго въ избѣ. — Ребятишки на полатяхъ; люлька и баба за пряжей въ углу.

Заруцкій (сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ бутылка и два стакана; онъ въ гусарскомъ мундирѣ). —Вотъ, кажется, я нашелъ еще товарища моей молодости. Какъ полезно это общественное воспитаніе: на каждомъ шагу жизни мы встрѣчаемъ собратій, раздѣлявшихъ наши занятья. Шалости, конечно, милы бываютъ, только пока мы молоды. Какъ старое воспоминаніе, намъ любезенъ старый другъ. (Молчаніе). А Волинъ былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ— ни въ буйствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ первый, и я завидовалъ ему! Но онъ скоро будетъ,—я послалъ сказать ему, что старый его пріятель здѣсь. Посмотримъ, вспомнитъ-ли онъ меня? (Пьетъ). Славное вино, то-то попотчиваю. (Беретъ гитару и играетъ и поетъ; гитара лежала на столѣ):

Или 1-е.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смирись,—
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ,
Настоящее уныло.
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило...

Или 2-е.

Смертный, мнѣ ты подражай:
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. (Пьетъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Въ эту минуту дверь отворяется и Юрій быстро входитъ въ избу и бросается на шею Заруцкому. Молчаніе.

Юрій.—Заруцкій!.. Какъ неожиданно...

Заруцкій.—Давно, братъ Волинъ, не видались мы съ тобой. Я ожидалъ тебя и зналъ навѣрно, что ты меня не забылъ. Каковъ же я пророкъ.

Юрій.—Какъ ты перемѣнился со времени разлуки нашей, — ужасъ! Однако не постарѣлъ и такой же веселый и удалой.

Заруцкій.—Мое дѣло гусарское; а вѣдь и ты перемѣнился ужасно...

Юрій.—Да, я перемѣнился; посмотри, какъ я постарѣлъ. О, если-бъ ты зналъ всѣ причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнулъ бы.

Заруцкій.—Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше всматриваюсь, ты мраченъ, угрюмъ печаленъ; ты не тотъ Юрій, съ которымъ мы пировали бывало такъ беззаботно, какъ гусары, наканунѣ кровопролитнаго сраженія.

Юрій.—Ты правду говоришь, товарищъ. Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостію кидался въ объятья всякаго; не тотъ, котораго занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живымъ румянцемъ. — О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить.

Заруцкій.—Полно! полно! я не вѣрю ушамъ своимъ. Ты что-ли? это ты говоришь? Скажи мнѣ, что съ тобою сдѣлалось, объясни мнѣ,—я чортъ возьми, ничего тутъ не могу понять;

изъ удальца сдѣлался такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ! Полно, братецъ, оставь свои глупыя бредни.

Юрій.—Немудрено, что ты меня не понимаешь; ты вышелъ двумя годами прежде меня изъ пансіона и не могъ знать, что со мной случилось... Много, много было безъ тебя со мною; ахъ, слишкомъ много! (Начинаетъ разсказъ; Заруцкій закуриваетъ трубку).

Заруцкій.—Да что же могло съ тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого въ шесть лѣтъ не могъ забыть? Полно, полно! что-нибудь другое томитъ и волнуетъ твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple!

Юрій.—Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Что за смѣшная мысль! Ха! ха! ха! (Молчаніе).

Заруцкій.—Да что же? Мнѣ любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стаканъ! (Взявъ за руки). Не знаю, чѣмъ тебя мнѣ угостить, дорогого гостя...

Юрій (выпивъ).—Помнишь-ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь-ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей.

Заруцкій.—Вотъ мы, гусары, такъ этими пустяками не занимаемся; намъ жизнь—копѣйка, за то и проводимъ ее хорошо.

Юрій.—Безъ тебя у меня не было друга, которому могъ бы я на грудь пролить всѣ мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомнѣнья... Я не знаю,—отъ колыбели какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда вспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ—кромѣ тебя; но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба—все посыпалось на голову мою, какъ будто бы тучи, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась,—а я стоялъ какъ камень—безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку—и услышалъ насмѣшливый хохотъ—и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ: меня никто послѣ тебя не понималъ... Однако-жъ, ты мнѣ возвращенъ снова! не правда-ли?..

Заруцкій.—О, государь! нашъ мудрый государь! если бы ты зналъ, какимъ гидрамъ, какимъ чудовищамъ, какимъ низкимъ нравственнымъ уродамъ препоручаешь лучшій цвѣтъ твоего юношества! Но гдѣ тебѣ знать?.. одинъ Богъ всевѣдущъ!.. Чортъ меня дери, если я не изрублю этого... злодѣя, когда онъ мнѣ попадется,—онъ многихъ сдѣлалъ несчастливыми.—Продолжай, другъ мой!..

Юрій.—Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадаетъ. Наконецъ, я тебѣ скажу, не проходитъ дня, чтобы новыя непріятности не смущали насъ,—я окруженъ такими подлыми тварями, все такъ мнѣ противорѣчитъ...

Заруцкій.—Эхъ, любезный! чортъ съ ними!.. всѣхъ не исправишь!

Юрій.—Еще (беретъ его за руку) знаешь-ли? Я люблю...

Заруцкій.—Ну, такъ! безъ этого не обойтись!—Въ кого, скажи мнѣ, въ кого ты влюбленъ,—я помогу тебѣ! На то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику и попировать на его свадьбѣ.

Юрій.—На свадьбѣ? Кровавая будетъ свадьба: Она никогда не будетъ мнѣ принадлежать,—зачѣмъ же называть ее? Я хочу погасить послѣднюю надежду, я не хочу любить,—а все люблю!..

Заруцкій.—Послушай, братъ! знаешь-ли, я самъ люблю и не знаю, любимъ-ли я; мнѣ стало жалко тебя, ты очень несчастливъ. Послушай! зачѣмъ ты не пошелъ въ гусары? Знаешь, какое у насъ важное житье—какъ братья! А повѣрь, куда бабы вмѣшаются, тамъ хорошаго не много будетъ!

Юрій (въ сторону).—О, если-бъ ты зналъ, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивалъ бы себя со мною. (Вслухъ). Я ѣду въ чужіе края,—оставляю всѣхъ, родину; можетъ быть, это поможетъ моему разсѣянью.

Заруцкій.—Твой отецъ здѣсь и дядя и кузины... ихъ двѣ?

Юрій (съ примѣтнымъ смущеніемъ). Да... да—они всѣ пріѣхали со мною проститься!.. И мы съ тобой снова разстанемся!..

Заруцкій.—Твое воображеніе разстроено, мой милый! ты боленъ.—Зачѣмъ тебѣ ѣхать отъ насъ? Повѣрь мнѣ, «той страны нѣтъ краше и милѣе, гдѣ наша милая, иль гдѣ живетъ нашъ другъ».

Юрій.—Зачѣмъ разувѣрять меня, зачѣмъ останавливать несчастнаго? Неужели и ты противъ меня, неужели и ты хочешь моей гибели, и ты измѣнилъ мнѣ; скажи мнѣ просто, что ты думаешь? Быть можетъ, ты хочешь посмѣяться надо мной, надъ безнадежной моей любовью такъ, какъ нѣ-

когда у меня былъ другъ, который хохоталъ—долго этотъ хохотъ останется въ моемъ слухѣ! Ахъ! имѣй немного состраданія,—столько, сколько человѣкъ можетъ имѣть: оставь меня лучше!

Заруцкій.—Бѣдный, въ какомъ онъ безуміи; зачѣмъ я коснулся его живой струны? (Къ Юрію). Послушай, запомни мои слова: дома лучше!.

Юрій.—Я ѣду,—я долженъ ѣхать,—я хочу ѣхать... (Кидается на стулъ и вдругъ закрываетъ лицо руками).

Заруцкій (стоитъ въ безмолвіи надъ нимъ, покачавъ головой).—Бѣдный!.. кто виноватъ? Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость раздражаетъ его до такой степени? (Ударивъ себя по сердцу). Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, братъ, вставай-ка—ты боленъ... опомнись! (Трогаетъ его).

Юрій.—Да! я боленъ! смертный ядъ течетъ по моимъ жиламъ. (Заруцкій поднимаетъ его. Какъ ото сна всталъ). Гдѣ я, у кого я?

Заруцкій.—Въ объятіяхъ твоего друга.

Юрій (обнимаетъ его. Съ восторгомъ).—У меня есть другъ!..

Заруцкій.—Утѣшься, братъ! не вѣкъ горе!

Юрій (не слыша его).—Ты на меня не сердишъ? А?—Прости мнѣ, если я что-нибудь тебѣ обидное сказалъ,—не я говорилъ—мои страсти, мое безумство; прости меня...

Заруцкій.—Тебѣ нуженъ свѣжій воздухъ... и такъ пойдемъ отсюда... въ поле... (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Комната барышень. **Любинька** сидитъ и читаетъ; **горничная** имѣетъ платье, а **Элиза** передъ трюмо. Все тихо.

Элиза (примѣривая шляпу). — Посмотрите, ma sœur, какъ эта шляпка на мнѣ сидитъ... не правда-ли, что прекрасно?..

Любовь.—Да, это правда. (Положивъ книгу). Ахъ, если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза.—А что такое, позвольте спросить?

Любовь.—Вудстокъ или Всадникъ, Вальтеръ-Скотта. Я остановилась на томъ мѣстѣ, когда Алина удерживаетъ короля и полковника... Ахъ, какъ я ей завидую..

Элиза.—Но мнѣ ничего тутъ нѣтъ прекраснаго; пускай бы ихъ сражались, да шею себѣ ломали. Ха, ха, ха! какая дура твоя Алина!..

Любовь.—У всякаго свой вкусъ...

Элиза.—Кстати. Помнишь-ли: какъ мы были въ Москвѣ, я танцовала съ однимъ прехорошенькимъ молодымъ мальчикомъ; онъ мнѣ писалъ письмо; познакомился съ кузинами для меня.

Любовь (съ презрѣніемъ). — И ты приняла письмо?

Элиза.—Экая важность! я очень рада... Когда мы пріѣдемъ опять въ столицу, онъ на мнѣ женится... А ты не хочешь замужъ, душенька моя?—Будь спокойна, не возьметъ тебя никто!

Любовь.—Гдѣ-жъ намъ съ вами, большими барышнями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза (какъ будто не слышитъ ее).—Какое прекрасное время,—пойду въ садъ. (Уходитъ).

Любовь.—За что меня батюшка меньше ея любитъ? Боже мой! что я сдѣлала? Неужели должна любовь отца раздѣляться не ровно! Ахъ, какъ мнѣ грустно!—Кажется, я привязана къ нему съ такой же нѣжностью, какъ и сестра моя; никогда не огорчала его непослушаніемъ—никогда, никогда... Ахъ, если бы маменька была жива, если-бъ было кому съ участіемъ, нѣжностью меня прижать къ груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.—(Василиса, служанка, встаетъ и уходитъ). Какъ я помню ея послѣднія слова: «не плачь, дочь моя! что дѣлать, если отецъ тебя не любитъ! Молись, дочь моя! Божеская любовь равна любви родительской». И блѣдное болѣзненное лицо ея сдѣлалось совершенно спокойно — какъ смерть!.. (Молчаніе). Видно, мнѣ вѣчно быть сиротой! Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой Лавры и мнѣ схимникъ предсказалъ много горестей. О, святой старикъ! зачѣмъ твое предсказаніе исполнилось? (Она садится за книгу. Вдругъ входитъ Заруцкій. Она въ испугѣ вскакиваетъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Заруцкій подходитъ къ ней.

Любовь.—Чего вамъ надобно, милостивый государь, здѣсь, когда я одна? Вы, вѣрно, ошиблись комнатой—вы не сюда хотѣли войти...

Заруцкій.—Нѣтъ, сударыня, я точно тамъ, гдѣ хотѣлъ быть... Это ваша комната?..

Любовь.—Кажется...

Заруцкій.—Не пугайтесь, прошу васъ, не пугайтесь...

Любовь.—Мнѣ нечего васъ пугаться! только этотъ поступокъ очень удивителенъ...

Заруцкій.—Если вы узнаете причины его, то, клянусь вамъ, не будете удивляться... если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которой покоряетъ все въ природѣ... то исполните мою просьбу...

Любовь.—Мнѣ кажется, у васъ никакой просьбы до меня, 17-лѣтней дѣвушки, не можетъ быть. Что я могу вамъ сдѣлать?..

Заруцкій.—Я гусаръ, а гусары говорятъ то, что думаютъ: позволяете-ли мнѣ говорить откровенно? (Она въ смущеніи молчитъ). Знавали-ли вы страданья любви? Вы носите ея имя... отвѣчайте, протекалъ-ли огонь ея по вашимъ жиламъ?

Любовь.—Какой странный вопросъ...

Заруцкій.—Знавали-ли вы любовь?.

Любовь.—Это слишкомъ много, слишкомъ дерзко,—я не привыкла къ такимъ разговорамъ! оставьте меня!—вы не хотите—я вамъ приказываю, не то я позову людей... ибо я не хочу вамъ сдѣлать эту непріятность. Оставьте меня...

Заруцкій.—Въ послѣдній разъ заклинаю васъ, скажите мнѣ, любили-ли вы какого-нибудь юношу... одного на цѣломъ свѣтѣ?

Любовь (съ досадою).—Это слишкомъ вольно, милостивый государь; повторяю вамъ, если вы меня не оставите...

Заруцкій (вскакиваетъ какъ громомъ пораженъ. Въ сторону).—И такъ всѣ надежды мои провалились сквозь землю... Попробую еще... быть можетъ она мыслитъ, что Заруцкій ее любитъ—ахъ! счастливая мысль—еще есть спасенье. (Подходитъ къ ней съ спокойнымъ видомъ). Я обожаю сестру вашу...

Любовь.—Что же вамъ до меня? Зачѣмъ тревожить мое спокойствіе такимъ неожиданнымъ приходомъ? Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Вашъ поступокъ невозможно понять...

Заруцкій.—Я для того пришелъ къ вамъ, чтобы вымолить, выплакать помощь. Будьте увѣрены въ чистотѣ моихъ желаній,—я хочу, клянусь вамъ, хочу на ней жениться, но прежде доставьте мнѣ случай съ ней говорить наединѣ; скажите ей, что она любима—страстно,—столько, сколько гусаръ можетъ любить. Я хочу узнать ее ближе, вы будете свидѣтелемъ,—умоляю васъ! Но что это значитъ? Вы отворачиваетесь? Какъ можно отказываться сдѣлать доброе дѣло, когда мы въ состояніи?

Любовь.—Я не въ состояніи этого сдѣлать!..

Заруцкій.—Какъ! имѣя довѣренность сестры вашей, ея дружбу,—и вы...

Любовь.—Вы ошибаетесь... я не имѣю ничьей довѣренности, ничьей дружбы...

Заруцкій.—И такъ, мнѣ идти безъ надежды—а?..

Любовь.—Нѣтъ,—останьтесь... Слушайте... поклянитесь мнѣ, что вы во зло не употребите ея снисхожденіе... Но чѣмъ вамъ клясться... Нѣтъ... лучше... скажите мнѣ, положивъ руку на сердце: правда-ли, что мужчины такъ злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ? Правда-ли, что ихъ душѣ ничего не стоитъ погубить дѣвушку наивную?

Заруцкій (подумавъ, рѣшительно). — Неправда. (Слышенъ шумъ).

Любовь.—Я постараюсь убѣдить Элизу; но помните, что грѣшно будетъ употребить во зло мою и сестрину довѣренность... Слышите,—она идетъ; бѣгите скорѣй, бѣгите...

Заруцкій.—Я буду надѣяться. (Уходитъ. Чрезъ минуту входитъ Элиза).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Элиза.—Ахъ, какой смѣхъ! Grand Dieu! Grand Dieu! Кабы ты знала, Любинька, что тамъ за шумъ внизу. Мароа Ивановна такъ раскапризничалась, что хоть изъ дому бѣги!.. Ужасть!.. дѣвокъ по щекамъ такъ и лупитъ. Ха! ха! ха! ха! Стоитъ посмотрѣть! И за что?.. ахъ, дай отдохнуть, — самая глупѣйшая глупость.—Ахъ, какъ я устала!.. послѣ тебѣ разскажу...

Любовь.—А у меня есть дѣло очень важное до тебя... и на твой счетъ ..

Элиза.—Что такое? Скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь.—Пойдемъ со мной. (Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната Мароы Ивановны. Она сидитъ на креслахъ; передъ ней стоитъ Дарья.

Мароа Ив.—Какъ ты смѣла, Дашка, выдать на кухню нынѣшній день двѣ курицы—и безъ моего спросу?—а? отвѣчай!

Дарья.—Виновата... я знала, матушка, что двѣ-то много; да некогда было вашей милост доложить...

Мароа Ив.—Какъ, дура, скотина! двѣ много. Да намъ ѣсть нечего будетъ — ты меня этакъ пожалуй съ голоду уморишь! Да знаешь-ли, что я тебѣ сейчасъ вотъ при себѣ велю надавать пощечинъ ..

Дарья (кланяясь). — Ваша власть, сударыня! Что угодно,—мы ваши рабы...

Мароа Ив.—Что? Не было-ли у васъ какого нибудь крику съ Николай Михайловичемъ?..

Дарья.—Нѣтъ-съ, какъ-съ можно-съ намъ

ссориться; а вотъ что-съ: нынче ко мнѣ барышни присылали просить сливокъ, и у меня хошь нѣ были, да...

Марѳа Ив.—Чтожъ ты, вѣрно, отпустила имъ?

Дарья.—Никакъ нѣтъ-съ...

Марѳа Ив.—Какъ же ты смѣла...

Дарья.—Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ этакъ если всякимъ давать сливокъ, — коровъ, сударыня, не достанетъ... У насъ же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата, не дала, не дала густыхъ сливочекъ... Слыхано-ли во свѣтѣ— безъ барскаго позволенія?..

Марѳа Ив.—Ну, такъ хорошо сдѣлала... Не знаешь-ли ты, гдѣ мой внукъ, молодой баринъ?..

Дарья.—Кажется, сударыня, онъ у своего батюшки...

Марѳа Ив.—Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ! Экой какой онъ сдѣлался... Бывало, прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, пока малъ былъ. И напрасно я его удаляла отъ отца,—таки умѣли Юрьюшку увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣнье,—какъ будто не ему же это имѣнье достанется!.. ахъ! злые люди!..

Дарья. Ваша правда, матушка! злые люди.

Марѳа Ив.—Кто станетъ покоить мою старость! и я-ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Посила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться,—а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... и все пошло не въ прокъ... Ужь, кажется, всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды: ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье, всѣмъ святымъ поклонялась, ему-ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всѣхъ родныхъ—все не помогло! Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось, не то бы...

Дарья.—Что это вы, сударыня, такъ сокрушаетесь? Все еще дѣло поправное: можно Юрья Николаича разжалобить чѣмъ-нибудь, а онъ ужь извѣстенъ: какъ если разжалобится,—куда хочешь, для всякаго на ножъ готовъ... Есть, Марѳа Ивановна, поговорка: желѣзо тогда и куется, пока горячо...

Марѳа Ив.—Вотъ какъ врешь! можно-ли это? Какъ его разжалобишь, — онъ ужь ничему не повѣритъ?..

Дарья.—Какъ вашей милости у насъ, рабовъ, объ такихъ вещахъ спрашивать?.. вамъ-ли не знать...

Марѳа Ив. (смотря кверху).—Видитъ Богоматерь, я не теряла молитвъ; постараюсь, попробую поступать по твоему совѣту. Дашка... Да слушай, что они тамъ ни будутъ говорить съ отцомъ, все узнавай, и приходи сказывать мнѣ...

Дарья.—Слушаю-съ! ужь на меня, Марѳа Ивановна, извольте надѣяться.

Марѳа Ив.—Ну, я надѣюсь: ты всегда мнѣ вѣрно служила.

Дарья.—Видитъ Богъ-съ, не обманывала никогда и вѣчно въ точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольна. (Кланяется).

Марѳа Ив.—Но вотъ ужь черезъ недѣлю Юрьюшка поѣдетъ, и я избавлюсь отъ этихъ несносныхъ Волиныхъ. То-то, кабы дочь моя была въ живыхъ (Молчаніе). Эй, Дашка, возьми-ка евангеліе и читай мнѣ вслухъ.

Дарья.—Что прикажете читать?

Марѳа Ив.—Что попадется...

(Дарья открываетъ книгу и начинаетъ читать).

Дарья (читаетъ вслухъ довольно внятно).—«Ведяху же и ина два злодѣя съ Нимъ убити. И егда пріидоша на мѣсто нарицаемое лобное, ту распяша Его, и злодѣя, оваго убо одесную, а другаго ошуюю. Іисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ. Раздѣляюще же ризы Его, метаху жребія».

Марѳа Ив.—Ахъ, злодѣи-жиды! нехристи проклятые! какъ они поступили съ Христомъ!.. всѣхъ бы ихъ переказнила безъ жалости... Нѣтъ, правду сказать, если-бъ я жила тогда, положила бы мою душу за Господа, не дала бы Его на растерзаніе... Переверни-ка назадъ и читай что-нибудь другое...

Дарья (читаетъ).—«Горе вамъ, книжницы и фарисеи лицемѣри, яко подобитеся гробамъ повапленнымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвыхъ и всякія нечистоты. Тако и вы, внѣуду убо являетеся человѣкомъ праведни, внутрьуду же есте полни лицемѣрія и беззаконія».

Марѳа Ив.—Правда, правда говорится здѣсь!.. ахъ, эти лицемѣры!.. Вотъ у меня сосѣдка Зарубова... такая богомольная, кажется, всякій праздникъ у обѣдни; а намедни велѣла загнать своихъ коровъ и табунъ на мои озими, — всѣ потоптали,—злодѣйка!..

Дарья.—Да еще, сударыня, бранитъ васъ повсюду, по домамъ,—такая змѣя... И людямъ-то своимъ велитъ на васъ клепать ни вѣсть что. Мы хоть рабы, а какъ услышимъ что-нибудь такое, такъ кровь закипитъ, такъ бы и вцѣпилась ей въ волоса...

Марѳа Ив.—Продолжай..

Дарья (читаетъ).—«И вы исполните мѣру отецъ вашихъ. Змія, порожденія ехиднова, како убѣжите отъ суда огня геенскаго».

Марѳа Ив.—Не убѣжитъ она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое...

Дарья.—Изъ чьего евангелія прикажете?

Марѳа Ив.—Отъ Марка.

Дарья.—«Сего ради глаголю вамъ: вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ. — И егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отецъ Вашъ, Иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша».

(Слышенъ громкій стукъ разбитой посуды, объ вздрагиваютъ).

Марѳа Ив. — Что это?.. Вѣрно, мерзавцы что-нибудь разбили... Сбѣгай-ка, да посмотри!..

(Дарья уходитъ. Черезъ минуту приходитъ).

Дарья.—Ваша хрустальная кружка, съ позолоченной ручкой и съ вензелемъ.

Марѳа Ив.—Она...

Дарья.—Въ дребезгахъ лежитъ на полу...

Марѳа Ив.—Ахъ, злодѣи! кто разбилъ? Кто этотъ окаянный?..

Дарья.—Васька поваренокъ. .

Марѳа Ив.—Пошли его сюда... скорѣй... ужь я ему дамъ, разбойнику, березовой каши. (Дарья призываетъ его).

Марѳа Ив. Какъ ты это сдѣлалъ, мерзавецъ?.. Знаешь-ли, что она 15 рублей стоитъ?.. Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю.—Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну, чтожъ ты? Говори. (Мальчишка хочетъ говорить). Какъ? Ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети, на конюшню!.. (Мальчикъ кланяется въ ноги). Вздоръ! я этимъ поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чортомъ, прости Боже мое согрѣшеніе... (Мальчикъ идетъ). Убирайся... (Топнувъ ногой). Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!.. Нельзя-ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть какъ-нибудь...

Дарья.—Ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ.

Марѳа Ив.—Экая бѣда какая! (Входятъ Николай Михайловичъ и Василій Михайловичъ Волины. Дарья уходитъ съ книгой).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Ник. Мих.—Здоровы-ли вы, матушка, нынче, и хорошо-ли почивали? Я слышалъ, что вы долго не засыпали.

Марѳа Ив.—Да, батюшка, мнѣ что-то не спалось, — я все думала объ моемъ Юрьюшкѣ... какъ-то онъ поѣдетъ путешествовать; я боюсь за него... Вотъ вы, отцы, не такъ безпокоитесь объ дѣтяхъ!.. а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться...

Ник. Мих.—Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь, позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобъ воспитать его такъ, какъ вы могли.

Марѳа Ив. (Къ Василію Михайловичу).—Что, батюшка! какъ ваше дѣло? что говоритъ сенатъ?

Вас. Мих.—Сенатъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще курятъ да мутятъ въ уѣздномъ судѣ, да въ губернскомъ правленіи... Такіе жадные канальи, эти крючки-подьячіе со всей сволочью, что когда туда пріѣдешь, такъ и обступятъ; — чутье собачье! знаютъ, что у тебя въ карманахъ есть деньги... И вотъ ужь пять лѣтъ тянется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совсѣмъ не смѣшная, потому что я дѣйствующее лицо.

Марѳа Ив. (къ Николаю Михайловичу).— Знаете-ли, Николай Михайловичъ, я хочу, чтобъ Юрьюшка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ; — я терпѣть не могу нѣмцевъ! Чему у нихъ научишься?.. Все колбасники, шмерцы!..

Ник. Мих.—Позвольте перервать рѣчь вашу, матушка... Нѣмцы хотя въ просвѣщеніи общественномъ и отстали отъ французовъ, т. - е. имѣютъ нѣкоторыя странности, имъ приличныя, въ обхожденіи не такъ ловки и развязны, но за то глубокомысленнѣе французовъ, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы; и Юрій въ его лѣта очень даже можетъ самъ располагать собою: ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч...

Вас. Мих.—Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

Марѳа Ив.—Сохрани Богъ!.. нѣтъ, ни за что.

Вас. Мих.—Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марѳа Ив.—Какъ же быть! а я не хочу, чтобъ онъ жилъ съ нѣмцами,—они дураки...

Ник. Мих.—Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣ-нибудь!—Неужто Кантъ былъ дуракъ?..

Марѳа Ив.—Сохрани Богъ отъ философіи!.. Чтобъ Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ?..

Ник. Мих.—(съ неудовольствіемъ).—Неужели я желаю больше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю, что говорю. Философія не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ истинный счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ; и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. (Василій Михайловичъ въ тайномъ удоволь-

ствіи). И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится...

Марѳа Ив.—Стало-быть, я его совсѣмъ не имѣю... Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣряю васъ...

Ник. Мих.—Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка... Я, сжалясь надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать... но я ожидалъ благодарности, а не всякихъ непріятностей, когда пріѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрій великъ, ужь онъ сдѣлался почти мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливъ противу отца, недостоинъ уваженія отъ сына... Я говорю правду; вы ее не любите—прошу вашего извиненія... Впрочемъ, знайте, что я не похожъ на низкихъ вашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую: я очень огорченъ вашимъ противъ меня нерасположеніемъ... но чтожъ дѣлать, вы задѣли меня за живое; я отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ... Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и попеченіемъ, но я ничѣмъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ,—но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для тещи... Ужь не говорю объ имѣніи... прошу извинить.

Марѳа Ив. (привставъ).—Какъ, и вы тоже меня упрекать, ругать, какъ послѣднюю рабу — въ моемъ домѣ... Ахъ! (Упадаетъ въ изнеможеніи злобы на кресло и звонитъ въ колокольчикъ). Дашка, Дашка, палку!

Дарья.—Сію минуту (приноситъ палку и выводитъ ее изъ комнаты подъ-руку).

Ник. Мих.—О, Боже мой! можетъ-ли сумасшествіе женщины дойти до такой степени (ходитъ взадъ и впередъ).

Вас. Мих. (подходитъ къ нему).—Вотъ что значитъ, братецъ, спорить съ бабами! А отчего это все, отчего не могъ ты взять просто сына своего отъ нея? Не хотѣлъ заплатить 3000 р. за бумагу крѣпостную? Вѣдь она тебѣ отдавала имѣніе... что за глупое великодушіе не брать или брать на честное слово, что все равно. Вотъ она и сдѣлала условіе, что если ты возьмешь къ себѣ сына, такъ она его лишитъ наслѣдства, а тебя не сдѣлала опекуномъ. Что, братъ, видно поздно?

Ник. Мих.—Но ея слово, увѣренія брата ея?.. Я почему могъ отгадать, что они меня обманутъ...

Вас. Мих. — Что, скажи мнѣ,—ты шутишь? Честное слово? ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по лѣвую сторону единицы. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Садъ.—Сумерки, и луна на небѣ; налѣво бесѣдка.—**Любовь** въ длинной черной шали въ волосахъ и бѣломъ платьѣ, съ письмомъ въ рукѣ.

Любовь (читая).—Онъ желаетъ говорить со мною здѣсь наединѣ, въ это время,—что такое значитъ? Юрій хочетъ со мною говорить,—объ чемъ? Между нами не можетъ быть и не должно быть ничего такого, чтобы нельзя было сказать при свидѣтеляхъ. Однакожъ, я не должна опасаться, хотя говорятъ, что дѣвушки должны бояться мужчинъ. Зачѣмъ мнѣ Юрія бояться?.. Ахъ! часто, когда на меня устремлялъ онъ свои взоры, неподвижные, свѣтлые,—что-то чудное происходило въ груди моей, сердце билось... Быть-можетъ, онъ въ меня влюбленъ? Нѣтъ! нѣтъ! сему не случиться никогда! я не вѣрю этой любви: онъ не можетъ на мнѣ жениться, такъ на что ему безнадежною страстью себя мучить?.. Зеркало мнѣ говоритъ, что я хороша собой, что могу нравиться, но онъ... онъ столько зналъ красавицъ лучше меня. И если бы это было въ самомъ дѣлѣ, если я любима, то онъ долженъ столько уважать меня; онъ долженъ думать, что добродѣтель не позволитъ мнѣ явно отвѣчать ему; къ тому-жъ я, кажется, не показала ему ничего такого, чтобы могло возбудить его страсти; неужели онъ примѣтилъ біеніе моего сердца. Ахъ, нѣтъ!.. онъ самъ, Юрій, былъ со мною всегда мраченъ, холоденъ, онъ врядъ-ли способенъ любить нѣжно... Но зачѣмъ ему было свиданіе? Это письмо?.. Не понимаю, что хотѣлъ онъ... (молчаніе). Но вотъ луна взошла, все тихо и прохладно; а онъ пейдетъ (молчаніе). Какъ я глупо сдѣлала, что пришла сюда: непонятное влеченіе управляло моими шагами... (садится возлѣ бесѣдки). Что если насъ увидятъ вмѣстѣ... моя честь погибла,—о безумная!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Юрій (въ плащѣ, безъ шляпы, тихими шагами подходитъ къ ней и беретъ ее за руку). — Любовь!.. вы здѣсь уже?..

Любовь (испугавшись) —Ахъ!

Юрій.—Вы испугались?..

Любовь.—Нѣтъ... Вы мнѣ что-то хотѣли сказать,—я готова слушать со вниманіемъ.

Юрій. - Да, я много хотѣлъ сказать вамъ... Вы помните: съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами знакомы, вы никогда не отказывались отъ маловажной и легкой для васъ просьбы моей... те

перь... я васъ прошу дать мнѣ честное слово: сказать мнѣ правду, правду чистую, какъ ваше сердце...

Любовь.—Мое слово? Хорошо! (смотритъ ему въ глаза).

Юрій (въ сильномъ движеніи беретъ ее за руку). —Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснулъ спокойно, удивительный сонъ началъ тревожить мою душу. Я видѣлъ отца, бабушку, которая хотѣла, чтобъ я успокоилъ ея старость на счетъ благополучія отца моего; съ презрѣньемъ отвернулся я отъ корыстолюбивой старухи... и вдругъ ангелъ-утѣшитель встрѣтился со мной; онъ взялъ мою руку, утѣшилъ меня однимъ взглядомъ, однимъ непзъяснимымъ взглядомъ обновилъ къ жизни... и... упалъ въ мои объятья. Мысли, въ которыхъ крутилась адская ненависть къ людямъ и къ самому себѣ, —мысли мои вдругъ прояснились, возвелись къ Небу, къ Тебѣ, Создатель; я снова сталъ любить людей, сталъ добръ по-прежнему. Не правда-ли? Это величайшее подъ луною благодѣяніе? И знаешь-ли еще, Любовь,—въ этомъ утѣшителѣ, въ этомъ небесномъ существѣ — я узналъ тебя! Ты блистала въ чертахъ его; это была ты, прекресная какъ теперь; никто на свѣтѣ, ни самый адъ меня не разувѣритъ!.. Ахъ, это была минута, но минута блаженная; это былъ сонъ, но сонъ божественный... Послушай, Любовь, теперь исполни свое обѣщаніе, отвѣчай, какъ на исповѣди: можетъ-ли этотъ сонъ осуществиться... Умоляю тебя всѣмъ, чѣмъ ты дорожишь теперь, или когда-нибудь будешь дорожить, — говори, какъ на исповѣди... знай, что одно твое слово, одно слово можетъ много сдѣлать добра и зла... (Любовь въ сильномъ перѣшеніи). И ты молчишь!.. Любовь...

Любовь.—Нѣтъ!..

Юрій.—Какъ! что нѣтъ, говори, что нѣтъ?..

Любовь.—Сонъ твой никогда не сбудется!..

Юрій.—Небо!.. что она хочетъ дѣлать? Скажи: да!.. (Молчаніе) Отчего не хочешь сказать: да!.. это слово, этотъ звукъ могъ бы возстановить мою жизнь, возродить меня къ счастію!.. Ты не хочешь? Что я тебѣ сдѣлалъ, за что такъ коварно мстишь мнѣ? Неужели женщина не можетъ любить, неужели она не радуется, когда видитъ человѣка, ей обязаннаго своимъ блаженствомъ, когда знаетъ, что это стоитъ одного слова, хотя бы оно выходило и не отъ сердца... Скажи: да!

Любовь.—Нѣтъ!

Юрій.—И въ тебѣ есть совѣсть!..

Любовь.—Я не могу сказать: да; на что искушать тебя? Моимъ ты никогда, никогда не будешь,—узы родства, которыя связываютъ насъ вмѣстѣ, разрываютъ сердце наше... Забудь свои мечты!... ты не хочешь погубить бѣдную дѣвушку, не правда-ли? Такъ забудь свои безумныя желанья, забудь ихъ!. (Молчаніе). Ты поѣдешь въ чужіе края, разные новые предметы развлекутъ твои мысли, тебѣ понравится другая...

Юрій.—Я не поѣду... У ногъ твоихъ,—я говорю тебѣ,—у ногъ твоихъ, счастье цѣлой жизни человѣка — не раздави безжалостно! А если ты меня отвергнешь, ахъ! то вѣрно никакая дѣва не будетъ больше мнѣ нравиться,—я окаменѣю быть-можетъ навѣки.

Любовь (садится на скамью возлѣ бесѣдки и сажаетъ его).— Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ. Посмотри на эти разсѣянныя облака, свѣтлыя какъ минуты удовольствія и мимолетныя какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушные...(Она закрываетъ лицо платкомъ). Перестань страдать, другъ мой,— полно!.. (Въ слезахъ упадаетъ на грудь Юрія, который въ сильномъ оцѣпененіи сидитъ недвижно, глаза къ небу).

Юрій (послѣ долгаго молчанія).—Ахъ!.. (беретъ ея руку; между тѣмъ слышна вдали пѣсня русская со свирѣлью, что удаляется, то приближается, въ концѣ которой вскакиваетъ и, какъ громомъ пораженный, отбѣгаетъ отъ Любови).

Юрій.—Какіе звуки! они поразили мою душу... Кто ихъ произвелъ? Не съ неба-ли, не изъ ада-ли?.. нѣтъ... но вотъ опять, опять... Всесильный Богъ!.. (Кидается къ ногамъ Любови, которая встала со скамьи). Пускай весь міръ на насъ обрушится... я люблю тебя!.. скажи и ты: люблю!..

Любовь (черезъ силу). Нѣтъ; (хочетъ бѣжать).

Юрій (у ногъ ея).—Не вѣрю... не обманешь... я прочелъ въ глазахъ твоихъ... только... я недоволенъ, скажи, люблю!

Любовь (хочетъ что-то сказать, но вдругъ остановилась).—Зачѣмъ тебѣ признаніе, если ты прочелъ все въ глазахъ моихъ...

Юрій (вскакиваетъ съ восторгомъ).—Я любимъ... любимъ... любимъ!.. теперь всѣ бѣдствія земли осаждайте меня, — я презираю васъ; она меня любитъ... она, такое существо, которымъ бы гордилось Небо... и оно мнѣ принадлежитъ! Какъ я богатъ!.. (Къ ней). Ты не знаешь, дѣвушка, какъ много добра сдѣлала ты въ сію минуту... (обнимаетъ ее). О, если бы мой отецъ видѣлъ это, какъ восхитился бы онъ взаимнымъ пламенемъ двухъ сердецъ.

Любовь.—Твой отецъ!.. что ты говоришь?..

Юрій (дрожащимъ голосомъ, ударивъ въ грудь). —Да... да... ты говоришь правду, я не долженъ

никому объ этомъ сказывать; все восхищеніе, вся сладость сихъ незабвенныхъ минутъ должны остаться здѣсь, здѣсь, въ груди моей; всякій день я буду упиваться воспоминаніемъ, ни одно горькое чувство ненависти и раскаяніе не проникнетъ туда, гдѣ я схороню мое сокровище... (Къ Любови). Теперь одинъ поцѣлуй на прощанье... (цѣлуетъ ее). О!.. я слишкомъ счастливъ для человѣка!.. (Завернувшись въ черный плащъ, быстро уходитъ).

Любозь.—Какъ онъ любитъ... добрый юноша!.. (Молчаніе). Кажется, я ничего дурного не сдѣлала, ни одно преступленіе не тяготѣетъ на мнѣ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещетъ какъ птичка, попавшаяся въ сѣть нечаянно!... (Молчаніе). Однако, ночь сгущается и мѣсяцъ дошелъ до половины небесъ, меня будутъ искать вездѣ, а здѣсь такъ пусто, страшно... (Становится на колѣни и поднявъ руки наверхъ). Ангелъ-хранитель! не допусти случиться чему-нибудь съ бѣдной дѣвушкой! она предается тебѣ, прости ей слабости и охрани отъ нечистаго духа. (Встаетъ и уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Галерея, откуда виденъ садъ.—**Элиза** идетъ съ зонтикомъ одна

Элиза. — Какъ жарко нынче, такъ и жжетъ лицо и шею... Если-бъ не этотъ благодѣтельный зонтикъ, я-бъ сдѣлалась черной арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais, для предложеннаго свиданія... Ха! ха! ха! Какъ Любинька смѣшна была вчерась. Начинаетъ мнѣ говорить про этого Зарецкаго и про его желаніе съ такой важностью, comme si c'était une affaire d'état!... ха! ха! ха! ха! Бѣдненькая начиталась романовъ и скоро съ ума сойдетъ,—она судитъ цѣлый свѣтъ по себѣ... Напримѣръ, нынче всю ночь проплакала; вѣрно ей кто-нибудь комплиментъ сказалъ, и она воображаетъ, что въ нее влюблены... и плачетъ! съ сожалѣнія! Нѣтъ, moi je me moque de tout cela! Вотъ ужь вѣрно нынче будетъ страстное объясненіе: онъ упадетъ на колѣни, я ему скажу маленькій equivoque,— и онъ долженъ быть доволенъ... чего же ему еще больше?... Впрочемъ, этотъ Зарецкій вѣрно посѣщалъ большой свѣтъ, онъ ни мало не похожъ на этихъ армейскихъ его собратій... Ха! ха! ха! армейскій?... одно это слово чего стоитъ?.. Но кто-то идетъ, а мнѣ нужно нынче быть одной. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Юрій и Василій Михалычъ идутъ по галереѣ и Василій Михалычъ что-то ему говоритъ, ведя за руку.

Вас. Мих.—Экой ты упрямый человѣкъ,—да выслушай только, что я тебѣ говорю. Твой отецъ нынче со мной приходитъ къ Мареѣ Ивановнѣ; она насъ хорошо приняла; а у нея стояла эта змѣя, Дарья, причина всѣхъ нашихъ непріятностей... Вотъ, слушай, братъ и начинаетъ говорить...

Юрій (отходя прочь).—И мнѣ нѣтъ спокойствія ни одной минуты... Эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжитъ каждый день вокругъ ушей моихъ... (Къ дядѣ). Дяденька! въ другое время... теперь я...

Вас. Мих.—Да, теперь, а не въ другое время; слушай: ты долженъ это все знать, чтобы умѣть цѣнить людей, окружающихъ тебя.

Юрій.—Я только цѣню тѣхъ, которые не мучатъ меня вѣчно своими клеветами...

Вас. Мих.—Я понимаю, что ты это на мой счетъ говоришь, но я не сержусь... Не для себя я говорю,.. но хочу тебѣ показать, кто твой отецъ и бабка.

Юрій (твердо).—Ну, такъ и быть, я слушаю.

Вас. Мих.—Во-первыхъ, твой отецъ началъ говорить ей о тебѣ, о твоемъ отъѣздѣ... Она расхандрилась по обыкновенію, увѣряла, что она тебя больше любитъ, нежели онъ, вообрази?— Потомъ онъ ей сталъ представлять доказательства противныя очень учтиво; она вздумала показывать, что ему и дѣла нѣтъ до тебя; тутъ Николай Михалычъ не выдержалъ, признался: объяснилъ ей коротко, что она передъ нимъ виновата, а что онъ не обязанъ былъ тебя оставлять у нея, но что были у него причины посторонніе, и что она измѣнила своему слову... Она взбѣсилась до невозможности, ушла, теперь она насъ выгонитъ изъ дому... Прощай, мой племянничекъ, надолго, потому что вѣрно ни я, ни братъ больше сюда не заглянемъ.

Юрій (всплеснувъ руками).— Всемогущій Боже! Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри... зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу васъ, я измученъ...

Вас. Мих.—Нѣтъ... ты долженъ рѣшиться въ чью-нибудь пользу.

Юрій.—На что?.. Къ чему я долженъ? Кто приказалъ?

Вас. Мих.—Честь.

Юрій.—Честь? Кто вамъ внушилъ это слово!.. О, адская хитрость... какъ ничтожно это слово, а какъ много власти имѣетъ оно надо мной... Мой долгъ, долгъ природы и благодарность,—въ какой вы ужасной борьбѣ между собой... Дядюшка! зачѣмъ вы произнесли это слово: я рѣшился...

Вас. Мих.—Для кого, другъ мой?

Юрій.—Отецъ обладаетъ моею жизнью... Но знайте, что если бабушка будетъ укорять въ неблагодарности, если она станетъ показывать глазамъ моимъ всѣ свои попеченія о моей юности, всѣ свои благодѣянія, все, чѣмъ я ей обязанъ, если она будетъ проклинать меня за то, что я отравилъ ея старость, сжегъ огнемъ терзаній сѣдые ея волосы, за то, что я оставилъ ее безъ причины, если, наконецъ, я самъ изсохну отъ раскаянія, если я буду отвергнутъ за это преступленіе небомъ и землею, если тогда я прокляну васъ отчаяннымъ языкомъ моимъ... если... о, берегитесь, берегитесь!.. вся свинцовая тягость грѣха сего погрязнетъ на васъ... Откажитесь отъ вашего свидѣтельства, оно ложно,—спасите свою душу! Оно ложно, говорю вамъ... признайтесь, что вы солгали...

Вас. Мих.—Нѣтъ, я не откажусь, когда я самъ видѣлъ и слышалъ, что насъ съ братомъ выгоняютъ изъ дому.

Юрій.—И такъ, все кончено,—вотъ мое слово.

Вас. Мих.—Ну, слава Богу, наконецъ ты рѣшился... Я пойду къ отцу твоему и объявлю, что ты рѣшился не оставлять его. Какъ онъ будетъ радъ, и я увѣренъ, что тебя больше прежняго полюбитъ.

Юрій.—Радоваться? Кто радоваться?.. Мой отецъ! Не дай Богъ, чтобы это была большая радость въ его жизни... Что онъ будетъ думать, обнимая неблагодарнаго... (Ударяя себя въ лобъ и ломая руки). Но мое честное слово!..

Вас. Мих.—Неблагодарнаго? Какъ это ты сдѣлаешься неблагодарнымъ? Противъ кого? Да, ты бы сдѣлался неблагодарнымъ и преступникомъ, если бы оставилъ Николая Михалыча, который дышетъ однимъ тобою... А эта бабушка, она, повѣрь пожалуйста, больше сдѣлала тебѣ зла, нежели добра, — я мои слова готовъ повторить при самомъ императорѣ...

Юрій.—Но крайней мѣрѣ, она желала дѣлать добро.

Вас. Мих. (съ коварной улыбкой).—Мы знаемъ желанія этой злодѣйки.

Юрій.—Еще пытка... скоро-ль вы насытитесь?.. Но говорите,—пускай ударъ будетъ ужасенъ, но вдругъ; пускай вся мѣра зла, яда подземнаго прольется въ мою грудь... но только вдругъ,—это все легче, нежели съ нестерпимой, ѣдкой болью день за днемъ отщипывать кусокъ моего сердца... Говорите! я твердъ. Не бойтесь, видите!.. (дико) видите!.. ха! ха! ха! видите, какъ я веселъ, равнодушенъ, холоденъ, точно какъ вы... (съ сильнымъ движеніемъ, хватая его за руку) только чуръ говорить правду...

Вас. Мих.—Вотъ тебѣ Христосъ (крестится). Я начну разсказывать съ начала всего дѣла, чтобъ совершенно изобличить хитрую старуху и ея помощниковъ, этихъ сестрицъ и братцевъ и служанокъ... За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери (еще тебѣ было три года), когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Мароу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее предъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михалыча, какъ родного сына; она говорила ей: «Маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу,—замѣните ему меня... Я чувствую, что умираю». Тутъ слова ея пересѣкались, она смотрѣла на тебя; молчаливый, живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать на счетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ, она вытребовала обѣщаніе старухи... и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Иванычъ и повелъ твоего отца для разсѣянія погулять, и говоритъ ему, что Мароа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось...— Чрезъ три мѣсяца Николай Михалычъ пріѣзжаетъ сюда, чтобъ тебя видѣть,—пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя,—говорятъ нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Братъ сдѣлался боленъ, душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь наконецъ... и что же? Она охладѣла совсѣмъ къ нему. Имѣніе, которое Мароа Ивановна ему подарила при жизни дочери и для котораго онъ не хотѣлъ сдѣлать акта, полагаясь на честное слово, оказалось совсѣмъ уже не въ его распоряженіи. Онъ уѣзжаетъ и черезъ полгода снова здѣсь является.

Юрій.—Я предчувствую ужасную исторію, стыдъ всему человѣчеству... Но буду слушать

[illegible], [illegible]... только... помните уговоръ.

Вас. Мих.—Помилуй!.. Да будь я анаѳема проклятъ, если хоть слово солгу! Слушай больше. Когда должно твоему отцу пріѣхать, [illegible] подлыя сосѣдки недаромъ получили, посредствомъ ханжества, [illegible] Марѳа Ивановны: сказали ей, что онъ пріѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходятъ же люди до такого сумасшествія!

Юрій—Отецъ... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣетъ полнаго права надо мной, развѣ я не его собственность?.. Но нѣтъ, я вамъ снова говорю, вы смѣетесь надо мною...

Вас. Мих.—Доказательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ Павлу Иванычу, и онъ на другой день пріѣзда брата прискакалъ... Николай Михалычъ сталъ ему говорить, что слово не сдержано; что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь на счетъ сына какъ посторонній, что это ни на что не похоже... Но этотъ езуитъ снова уговорилъ его легко, потому что отецъ твой благородный человѣкъ и судитъ всѣхъ по добротѣ души своей. И передъ отъѣздомъ братъ согласился оставить тебя у бабушки до 16 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы на счетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ; но второе обѣщаніе такъ же дурно сдержано было, какъ первое...

Юрій.—И это все? Не правда-ли?

Вас. Мих.—Нѣтъ, это еще половина.

Юрій.—Ахъ, зачѣмъ не все... (Молчаніе) Скорѣе продолжайте; пощади меня, пощади, Царь Небесный...

Вас. Мих.—Марѳа Ивановна то же лѣто поѣхала въ губернскій городъ и сдѣлала актъ. Какой актъ? Самъ адъ вдохнулъ въ нее эту мысль: она уничтожила честное слово, почла отца, отца твоего за ничто, и вотъ короткое содержаніе: «Если я умру, то братъ Н. Н. опекуномъ имѣнью, если сей умретъ, то другой братъ, а если сей умретъ, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалычъ возьметъ сына своего къ себѣ, то я лишаю его наслѣдства навсегда». Вотъ почему ты здѣсь живешь: благородный отецъ твой не хотѣлъ дѣлать исторій, писать государю и лишить тебя состоянія... Но онъ надѣялся, что ты ему заплатишь за эту жертву...

Юрій. (Послѣ минуты молчанія, когда онъ стоялъ, какъ убитый громомъ).—Чтобы ей подавиться ненавистнымъ имѣньемъ!.. О!.. теперь все ясно... Люди, люди... люди!.. Зачѣмъ я не могу любить васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть, жажда мщенія... мщенія... Ха! ха! ха!.. какъ это сладко, какой нектаръ земной!..

Вас. Мих.—А непріятности послѣдовавшія очень натуральны... Къ тому-жъ старуха любитъ, чтобы ей никто не противорѣчилъ, и эти окружающіе... эта повѣренная Дарья — преопасная змѣя...

Юрій.—Довольно! прошу васъ, не продолжайте,—остальное мнѣ все извѣстно...

Вас. Мих.—Нѣтъ, мой другъ, еще... еще...

Юрій.—Я больше не желаю знать... вы разсказали такъ прекрасно... Какъ пріятна ваша повѣсть... (впадаетъ въ задумчивость).

Вас. Мих. (въ сторону, съ улыбкой).—Мое дѣло кончено, и все пришло въ порядокъ, я не буду сказывать обо всемъ брату... Онъ такой... онъ не любитъ подобныхъ штукъ... (Смѣется). Какъ онъ горячился, бѣдненькій...

Юрій (между тѣмъ взглянувъ на Василія Михалыча).—Вамъ смѣшно мое страданье... не правда-ли?..

Вас. Мих.—Нѣтъ... помилуй... что ты?

Юрій (въ сторону).—Нѣтъ... нѣтъ... какое ледяное слово... А... онъ, это видно, онъ изъ любви мнѣ открылъ злодѣйство... Такъ всегда со мною дѣлали... изъ привязанности я былъ обманутъ когда-то дружбой... О, тщетныя увѣренья... нынче... (Къ дядѣ). Оставьте меня, прошу васъ: мнѣ надо побыть одному... я весь въ огнѣ, мнѣ надо отдохнуть.

Вас. Мих.—Хорошо, другъ мой... до свиданья. (Уходитъ, потирая руки). А мое дѣло сдѣлано, слава Богу... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Юрій.—Какъ я разстроенъ, какъ я боленъ... Желчь поднялась въ голову... Грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... Отъ избытка чувствованій я лишился чувствъ... Но отдохнемъ... Я увижу ее, утѣшителя-ангела: она мнѣ возвратитъ, на минуту, потерянное спокойствіе... Пойду, пойду... (Закрывъ лицо руками, уходитъ въ галлерею медленными шагами).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ **Марѳа Ивановна**, за ней **Дарья** и подаетъ ей стулъ. Она садится.

Марѳа Ив.—Каковы неучи!.. въ моемъ домѣ, мнѣ грубить... Ну, можно ли послѣ этого имъ хоть день здѣсь остаться... Вонъ ихъ, вонъ ихъ!..

Дарья.—Ваша правда, сударыня... такія безпокойства... Полно, смотрите на себя, вѣдь лица нѣтъ... Не угодно-ли капель гофманскихъ?..

Марѳа Ив.—На что, на что... лучше позовите мнѣ Юрьюшку...

Дарья.—Сейчасъ. (Уходитъ)

Марѳа Ив.—Ну, можетъ-ли какая-нибудь холопка болѣе быть привязана къ своей госпожѣ, какъ моя вѣрная Дашка... (Молчаніе). Ну, вотъ однакожъ я скоро отдѣлаюсь отъ этихъ Волынскихъ-братцевъ... однако и Юрьюшка уѣдетъ и оставитъ меня одну... видно, такъ на небесахъ написано... Я буду безъ него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свѣчу передъ Богоматерью, поѣду въ Кіевъ... а онъ ко мнѣ будетъ писать. (Кашляетъ). Какой же у меня кашель отъ нынѣшняго крику... То-то и есть, что надо слушаться евангелія и святыхъ книгъ: не даромъ въ нихъ говорятъ, что не надо сердиться... и нельзя. Вотъ какъ начнутъ спорить младшіе себя, сердце и схватитъ; то-то нынѣшній вѣкъ зятья зазнаются, внуки умничаютъ, молодежь никого не слушается. Не такъ было въ наше время... Бывало, какъ меня свекровь [illegible]... а все молчу,—и вымолчалась!.. Какъ умерла моя свекровушка и оставила мнѣ денегъ рублей 30,000, да серебра, да золота... а нынче все наше русское богатство, все золото идетъ не на образа, а къ басурманскимъ [illegible]амъ. (Молчаніе). Какъ посмотришь, посмотришь на нынѣшній свѣтъ... такъ и вздрогнешь: дѣвушки съ мужчинами въ одинѣхъ комнатахъ сидятъ, говорятъ—видно мнѣ, старухѣ, за нихъ стыдно... Ахъ, а прежде, какъ съѣдутся бывало, такъ и разойдутся по сторонамъ, чинно и скромно... Эхъ, вѣкъ-то вѣкъ!.. перемѣнились русскіе... (Смотритъ назадъ на галлерею). Да вотъ и Юрьюшка идетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Юрій мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за нимъ **Дарья**.

Юрій (блѣдный, разстроенный, съ неудовольствіемъ, не смотря на Мароу Ивановну).—Вы меня изволили спрашивать?

Марѳа Ив.— Да, мой другъ! Я давно желала говорить съ тобою... да какъ-то это рѣдко мнѣ удавалось.

Юрій (холодно).—Мнѣ самому очень жалко...

Марѳа Ив.—Ты все съ отцомъ да съ дядей, ко мнѣ и не загляпешь... Видно я ужь стара стала и глупа, что ли? брежу, не такъ-ли?..

Юрій.—Я отъ самой колыбели такъ мало былъ съ отцомъ, что вы мнѣ передъ отъѣздомъ позвольте съ нимъ поговорить... по крайней мѣрѣ я такъ думаю...

Марѳа Ив. — Кто-жъ тебѣ запрещаетъ... Однакожъ, я бы хотѣла тебѣ сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

Юрій. — Я буду слушать. (Дарьѣ). Ступай вонъ...

Марѳа Ив.—Зачѣмъ... она можетъ слышать...

Юрій.—Мнѣ совсѣмъ не нравятся такіе свидѣтели... прошу васъ выслать ее... (Марѳа Ивановна даетъ знакъ, и она уходитъ).

Марѳа Ив.—Знаешь-ли, что твой отецъ наговорилъ мнѣ тьму грубостей и мы поссорились, и онъ ѣдетъ завтра отсюда?

Юрій.—Знаю-съ... но чтожъ тутъ до меня касается... Я самъ ѣду съ нимъ, если такъ...

Марѳа Ив.—Ты... съ нимъ... ѣдешь... ты съ ума сошелъ.—Я тебя... не пущу.

Юрій.—Вы меня не пустите? Вы? Да что вы между отцомъ и сыномъ? Развѣ я тотъ же ребенокъ, который равнодушно глядѣлъ на ваши поступки? Или не знаете: между отцомъ и сыномъ одинъ Богъ... и вы осмѣлились взять это мѣсто...

Марѳа Ив.—Такъ вотъ плоды моего воспитанія? вотъ нынѣшняя благодарность?.. И на что я дожила до сего времени... Юрій хочетъ меня оставить: въ заплату всѣмъ моимъ благодѣяніямъ... и никто не закроетъ мнѣ глаза нѣжною рукой?..

Юрій.—А ваша Дарья?..

Марѳа Ив.—И ты смѣешь, неблагодарный! почему ты знаешь?

Юрій (въ сторону). — Вотъ совѣсть? Я только назвалъ, а она все отгадала.

Марѳа Ив.—Говори, злодѣй, не я-ли тебя воскормила и образовала...

Юрій.—Много мукъ, много безсонницъ стало мнѣ ваше образованіе... Вы хотѣли поселить во мнѣ ненависть къ отцу, вы отравили его жизнь... вы... но довольно; вы сами знаете свои поступки и—вините себя!..

Марѳа Ив.—Такъ ты точно меня оставляешь для отца, злодѣя, негодяя, котораго я ненавижу и который за меня поплатится?.. Для него, неблагодарный?..

Юрій.—Теперь я вамъ ничѣмъ больше не обязанъ... О!.. эти слова заплатили за все... за все... простите...

Марѳа Ив. (пораженная, сидитъ безмолвно в креслахъ и въ ужасномъ смущеніи). Онъ все знаетъ!..

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мареа Ивановна и Дарья; первая на большихъ креслахъ въ своей комнатѣ.

Мареа Ив.—Дай капель гофманскихъ, Дашка.

Дарья.—Сейчасъ, матушка; что это съ вами дѣлается?..

Мареа Ив. — Меня Юрій покидаетъ... меня, которая его воспитала.

Дарья (притворно).—Во всемъ, матушка, воля Божія видна. Стало, вамъ такъ на роду было написано, горе мыкать въ старости; ужь я, сударыня, надъ вами нынче плакала, инде глаза красны.

Мареа Ив.—Онъ меня покидаетъ, оставляетъ, какъ подлую нищенку на большой дорогѣ. Вѣрно это злодѣи, отецъ да дяди, его научили...

Дарья.—Извѣстимо, сударыня, они; да и кому-жъ кромѣ ихъ.

Мареа Ив. — Какъ будто не знаютъ, что я его за это лишу имѣнія; ужь не достанется Юрью ни гроша, хоть провались деньги мои.

Дарья.—Ахъ, Мареа Ивановна! есть у насъ поговорка: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

Мареа Ив.—Юрій меня для нихъ покидаетъ, кто-жъ утѣшитъ мою старость? (Закрываетъ лицо платкомъ и рыдаетъ).

Дарья. — Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь, матушка. (Въ сторону). Теперь я могу сдѣлать славную штуку, заставя ее поссориться съ зятемъ и внукомъ, сама ихъ межъ собой перессорю, да послѣ, если это откроется, свалю на нее... а отнявъ имѣнье у Юрья Николаича, вѣрно барыня мнѣ дастъ много денегъ; куда-жъ ей ихъ дѣвать? Сама не издержитъ. (Къ ней). Не угодно-ли лечь?..

Мареа Ив.—О! я никогда на Тебя не роптала, Боже мой! а теперь не могу...

Дарья.—И то сказать правду, какъ вы ни старались переманить его къ себѣ, а все понапрасно: ужь не вы-ли его ссорили съ отцомъ, не вы-ли наговаривали, не вы-ли имѣніемъ прельщали Николая Михалыча, если онъ оставитъ сына у васъ, — нѣтъ-таки не удержали молодого барина.

Мареа Ив. — А не ты-ли мнѣ все это совѣтовала, не по твоимъ-ли словамъ я поступала?.. Право, если бы мы не хитрили, гораздо бы лучше шли всѣ дѣла мои... Ты, дьяволъ, мнѣ жужжала поминутно про эти адскія средства, ты... ты хотѣла моей печали и раздора семейственнаго.

Дарья (кланяясь).—Власть ваша... а мое дѣло холопское, могу-ли вамъ совѣтовать? Если вы послушаете моихъ глупыхъ рѣчей, такъ это вашей же милости?.. Да и какая же мнѣ прибыль ваше горе... Вотъ хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу—развѣ мнѣ легко по ночамъ-то не спать, сударыня... Нѣтъ-съ, мы, вся дворня, только и молимъ Господа объ вашемъ спокойствіи, только и блюдемъ, что ваше здоровье... (Молчаніе).

Мареа Ив.—Не знаешь-ли, какое въ моемъ положеніи средство осталось? Какъ помочь?..

Дарья (подумавъ). — Средствъ много... да врядъ-ли одно изъ нихъ вашей милости понравится...

Мареа Ив. — Нужды нѣтъ, говори все, смѣло.

Дарья. — Просить прощенья у Николай Михалыча и уговорить, чтобы онъ остался, такъ же какъ и Юрія Николаича, а послѣ второго можно какъ нибудь и совсѣмъ оставить, притворясь больной... Тогда онъ ужь не поѣдетъ въ нѣмеччину.

Мареа Ив.—Охъ, нѣтъ, это не удастся... они намъ ужь не повѣрятъ... Да къ тому-жъ мнѣ просить прощенье у зятя? Мнѣ? Я развѣ дѣвчонка передъ нимъ; ни за что, ни за что въ свѣтѣ. (Молчаніе). Нѣтъ-ли другого способа?..

Дарья.—Насильно удержать.

Мареа Ив.—Нельзя; за это отвѣтишь.

Дарья (кинувъ пронзительный взглядъ). — Клевета!

Мареа Ив.—Клевета? Что это! Клевета? Какъ, объясни...

Дарья.—Это, сударыня, послѣднее средство.

Мареа Ив.—Говори же скорѣй...

Дарья. — Надобно, думаю такъ, — поссорить Юрья Николаича съ батюшкой его, тогда онъ поневолѣ къ вамъ оборотится, вы же приласкайте его... Говорится, что если человѣкъ тонетъ, такъ готовъ за плывущую траву ухватиться. Тутъ же какъ молодой баринъ будетъ въ отчаяніи, можно у него выманить честное слово, а на его слово и подозрительный жидъ радъ будетъ положиться—нечего сказать!..

Мареа Ив. (въ смущеніи). — Полно, полно, — да какъ намъ поссорить ихъ?.. Гдѣ средство?

Дарья.—Я сказала ужь сударыня: клевета.

Мареа Ив.—Да какъ это?..

Дарья.—Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрій Николаичъ вамъ говоритъ одно, а ему другое, — вотъ и дѣло съ концомъ съ; другого средства наврядъ кто найдетъ...

Мареа Ив. — Я тебѣ это дѣло препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь...

Дарья (подумавъ). — Вотъ что мнѣ кажется, Мареа Ивановна: мы этакъ ихъ перессорить-то перессоримъ, а Юрій Николаевичъ все васъ покинетъ.

Мареа Ив. — Какъ?.. Отчего? стало-быть этотъ способъ негодится.

Дарья (въ сторону). — Рѣшительная минута. (Ей). Другого средства нѣтъ.

Мареа Ив.—Мнѣ надо непремѣнно Юрьюшку въ руки... я безъ него жить не могу.

Дарья. — Право, это вамъ такъ только кажется-съ...

Мареа Ив.—И ты противъ меня.

Дарья. — Какъ можно, сударыня, а я говорю, что намъ не удастся перехитрить Волиныхъ... а если удастся, такъ что пользы: молодой баринъ васъ не успокоитъ больше... ужь кончено... только васъ же станетъ укорять, вамъ же безпокойства...

Мареа Ив.—Я хочу...

Дарья. — Какъ угодно, матушка, я готова на всѣ ваши приказанія.

Мареа Ив. (въ сторону). — Однако-жъ она правду говоритъ,—внукъ все знаетъ, такъ мнѣ только на совѣсть свинецъ, если онъ будетъ жить въ моемъ домѣ да укорять меня; Богъ съ нимъ. (Дарьѣ). Ну, я съ тобой соглашаюсь, видно мнѣ суждено промыкать старость сиротой,—весело за то прежде живали. Однако-жъ мнѣ хочется имъ отомстить!

Дарья (въ сторону).—Подѣйствовало. (Ей). Да мое для мщенья лучшее средство. Ужь наказанье Юрью Николаичу лучше не будетъ: у него негдѣ будетъ головы преклонить, какъ развѣ на улицѣ... Да и Николай Михалычу будетъ жутко... много крови у нихъ обоихъ попортится...

Мареа Ив. — Я хочу видѣть ихъ мученья... месть... месть!.. Злодѣи, прости, Боже, мое согрѣшенье... Не въ силахъ... мать Богородица и святые угодники, простите мнѣ... Поѣду въ Кіевъ, половину имѣнья отдамъ въ церковь, всякое воскресенье 10-ти фунтовую свѣчу предъ каждымъ образомъ поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мнѣ!.. (въ разслабленіи). Капель... Дашка! — дурно!..

Дарья (подаетъ). — Такъ я нынче же начну дѣло... Только, сударыня, не безпокойтесь, не огорчайтесь, весь домъ на васъ не наплачется...

Мареа Ив.—Какъ не огорчаться...

Дарья. — Ваша воля будетъ исполнена, матушка...

Мареа Ив.—Моя воля!.. ахъ!.. послушай... ты такъ поступай, чтобы никто не зналъ...

Дарья.—Слушаю-съ... ужь я...

Мареа Ив. — То-то же!.. Отведи меня на постель. (Дарья ее доводитъ до двери). Да, послушай — поди возьми шкатулку... а я ужь сама дойду съ палкой. (Уходитъ)

Дарья (беретъ шкатулку, вернувшись).—Ха! ха! ха!... теперь рыбки поплящутъ на сковородѣ... Эта старуха вертится по моему хотѣнью, какъ солдатъ по барабану... Я теперь вижу золотые, серебряные... ха! ха! ха! въ рукѣ моей звенятъ кошельки... безъ нихъ вѣдь я буду хозяйкой здѣсь... барыня-то слаба: то-то любо!... Не дай Богъ, однако-жъ, чтобъ умерла... При ней-то мнѣ тепло, а тогда... придетъ дѣло плохое за всѣ мои козни, особливо если они откроются... Мнѣ скажутъ, грѣхъ тяжкій эти сплетни, Богъ накажетъ... какъ-бы не такъ... я слыхала отъ господъ старыхъ, что если на исповѣди все скажешь попу, да положишь десять поклоновъ земныхъ,—и дѣло кончено, за цѣлый годъ поправа.—Да и что за грѣхъ штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца съ сыномъ — не убить, не обокрасть... помирятся вѣдь... Экая важность поссорить отца съ сыномъ... ха! ха! ха! (хочетъ идти въ комнату госпожи съ ларчикомъ, но на пути останавливается).— Да! я позабыла подумать, какъ распустить мои ложныя вѣсти... (Подумавъ). Всего лучше чрезъ людей Василія Михалыча, какъ ненарочно, — а онъ, узнавъ, не помѣшкаетъ объявить пріятную вѣсточку брату своему. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Садъ. День. Декорація послѣдней сцены 2-го дѣйствія. **Юрій** входитъ... разстроенный видъ.

Юрій. — Дурно кончаются мои дни въ этой деревнѣ... послѣдніе дни... Какія сцены ужасныя... Мое положеніе ужасное — какъ воспоминаніе безъ надежды... Чрезъ день, мы ѣдемъ... Но куда: отецъ мой имѣетъ едва довольно состоянія, чтобъ содержать себя... и я ему буду въ тягость... въ тягость... О! какую я сдѣлалъ глупость... Но тутъ нѣтъ поправки... нѣтъ дороги, которая бы вывела изъ сего лабиринта. — (Молчаніе). Что я говорю?... Нѣтъ, моему отцу я не буду въ тягость... лучше есть сухой хлѣбъ и пить простую воду въ кругу людей любезныхъ сердцу... нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дѣло... (Слышенъ разговоръ). Но кто идетъ въ аллеѣ... двѣ тѣни... Заруцкій...

...го мундиръ... а это... Элиза... нѣтъ, нѣтъ... это Любовь... Отчего сердце мое такъ молотомъ и бьется, будто бы хочетъ выскочить? Что все это значитъ?.. Опять искушенье — опять. (Прячется). (Межъ тѣмъ Любовь и Заруцкій входятъ въ полномъ разговорѣ и останавливаются такъ, что ему нельзя слышать словъ, но можно видѣть, не будучи примѣчены)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Заруцкій. — Умоляю васъ, сдѣлайте меня счастливымъ: вы не знаете, какъ горячо мое сердце пылаетъ, если вы никогда не любили; но если когда-нибудь Купидонъ заглядывалъ въ ваше сердце... то судите по себѣ... Во имя того юноши, которымъ милъ вамъ, заклинаю васъ, приведите ее сюда...

Любовь. — Вы слишкомъ дерзки, сударь... Почему вы знаете, люблю-ли я кого-нибудь... Поймали меня въ саду нечаянно... и не даете мнѣ покою. Думаете: я не могу осрамить васъ, велѣть прогнать или пожаловаться папенькѣ... другая бы этого не сдѣлала и то для того, что вы пріятель Юрія Николаича.

Заруцкій (въ сторону). — Хорошо! (Ей). Именемъ его заклинаю васъ (становится на колѣно). Заклинаю васъ, выведите Элизу... Вы будете тутъ...

Юрій (за деревомъ). — И она можетъ терпѣть это... Злой духъ испортилъ ея сердце... О! (хочетъ; Заруцкій береть ея руку) — Довольно!... пистолеты будутъ готовы въ минуту... и (съ злою радостью) онъ мнѣ поплатится своимъ... (Уходитъ).

Любовь (въ сторону). — Если бы онъ не былъ такъ, какъ Юрій, могъ-ли бы онъ быть съ другомъ; а онъ меня сдѣлалъ такой счастливой; тѣмъ же завидовать сестрѣ. (Ему). Дайте мнѣ вторично слово: во зло не употребить списхожденія Элизы.

Заруцкій. — Клянусь.

Любовь. — Я не нуждаюсь въ вашихъ клятвахъ, дайте мнѣ только честное слово: но я не хочу насильно его у васъ вырвать; пускай это будетъ добровольно.

Заруцкій (вставая). — Мое (...)

Любовь. — Точно? Ну, я согласна, только чуръ помнить уговоръ. (Уходитъ).

Заруцкій. — Ну, вотъ и мои дѣла приходятъ къ окончанію. — это славно. Что за важность, если я измѣню своему слову. Женщины такъ часто насъ обманываютъ, что и не грѣшно иногда имъ отплатить тою же монетою. (Закуривая). Элиза эта препитересная штука, хотя немного кокетится — да это ничего. Первое свиданье при свидѣтеляхъ, а второе tête à tête можно отважиться, — а если нѣтъ, ну, такъ можно жениться; впрочемъ, мнѣ этого не очень хочется. Гусарское житье, говорятъ, повеселѣе.

(Юрій быстро входитъ съ пистолетами)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Юрій. — Господинъ офицеръ...

Заруцкій. — Мой другъ!..

Юрій. — Такъ вы меня называли прежде

Заруцкій. — И теперь надѣюсь.

Юрій (подаетъ ему пистолетъ). — Вотъ на(...) дружба.

Заруцкій. — Какъ?.. Что это значитъ?

Юрій (отвернувшись). — Берите.

Заруцкій. — Я не хочу. Растолкуй мнѣ, за что и на что?.. Я не возьму... можетъ-быть ошибка... и за это, чортъ возьми... я не стану съ другомъ стрѣляться.

Юрій (съ горькимъ тономъ). — Трусъ!..

Заруцкій. — Ты, братъ, съ ума сошелъ или шутишь. (Отталкиваетъ подаваемые пистолеты).

Юрій (въ сторону). — Если онъ меня убьетъ, она ему не достанется; если я его убью... (...) миценье!... она ему никогда не достанется, ни ему, ни мнѣ... Пусть такъ... Теперь я понимаю, отчего онъ не хочетъ стрѣляться — онъ не хочетъ ея лишиться... Какъ желалъ-бы я быть на его мѣстѣ. Смерть ему, похитителю послѣдняго моего сокровища, послѣдняго счастья души моей... Смерть и проклятье!... (Ему). Трусъ, слабодушный ребенокъ... Не тебѣ быть гусаромъ, ты способенъ стоять на колѣнкахъ (...) женщинами... Ха! ха! ха! стыдись, (...) ри-ка пистолетъ.

Заруцкій (подходя). — Такъ Юрій въ (...) дѣлѣ не шутитъ?

Юрій (показывая на оружіе). — Моя послѣдняя шутка (...) (Кидаетъ одинъ пистолетъ на землю).

Заруцкій. — О! это много для шутки. (...) (Хочетъ). Мы стрѣляемся здѣсь?..

Юрій. — Въ самомъ дѣлѣ?.. Небо или адъ мнѣ послало это блаженство? Благодарю тебя, мои помощники!..

Заруцкій. — Только ты мнѣ долженъ объяснить...

Юрій. — Дай честное слово, что будешь стрѣляться.

Заруцкій. — Вотъ оно!..

Юрій. — Ты похитилъ у меня ея сердце, сердце той... что была сейчасъ здѣсь... Да! этого, кажется, довольно... слишкомъ для меня довольно...

Заруцкій.—Я очень радъ, что это такъ, ибо ты ошибаешься... Выслушай только...

Юрій. — Я не слушаю... Я не вѣрю ничему больше на свѣтѣ, этотъ мигъ перемѣнилъ мое существованіе...

Заруцкій. — Да я не стану безъ того стрѣляться.

Юрій (съ [illegible] радост[illegible]). — А [illegible] честное слово?

Заруцкій ([illegible] сторону). — Проклятое честное слово...

Юрій.—Стрѣляй!

Заруцкій. — Я готовъ. (Про себя). Выстрѣлю на воздухъ.

Юрій (въ сторону). — Можетъ быть онъ еще не виновенъ, можетъ быть она меня обманула... Развѣ онъ не имѣлъ права ее любить, если былъ любимъ... Однако-жъ это требуетъ крови, крови... Пускай моя кровь прольется... (Беретъ его [illegible] руку). Будемъ стрѣляться друзьями...

Заруцкій.—Что это? Откуда эта перемѣна?

Юрій.—Позволь мнѣ умереть твоимъ другомъ.

Заруцкій.—Къ чему-жъ стрѣляться?

Юрій. — Ахъ!.. я хочу умереть или тебя убить; тайна тяготитъ мое сердце... короче, я долженъ съ тобою стрѣляться...

Заруцкій.—Но какая тайна?

Юрій. — О, нѣтъ! не испытывай меня... не принимай участія, его не должно для меня существовать... не срывай покрова съ души, гдѣ весь адъ, все бѣшенство страстей... Позволь лучше, позволь мнѣ тебя обнять въ послѣдній разъ. (Обнимаетъ; поднявшись). Такъ все кончено... Я сдѣлалъ должное... Послѣдняя слеза всѣхъ моихъ слезъ, свинцовая слеза моихъ страданій упала ему на грудь... Ее можетъ-быть пробьетъ мой свинецъ; чтожъ... онъ будетъ тогда счастливѣй меня. (Къ [illegible]). Добрая ночь, другъ... а попы намъ отпоютъ вѣчную память. ([illegible]новятся).

Заруцкій (наводитъ пистолетъ).—Разъ... два...

Юрій.—Постой...

Заруцкій.—На что?

Юрій. — Ты долженъ мнѣ клясться, что если я буду убитъ... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкій... Заруцкій!... Не забудь, что мы еще друзьями... Ты долженъ отомстить меня, — я для тебя все сдѣлалъ, что нужно. У меня въ карманѣ бумага, гдѣ написано, что я самъ застрѣлился... А ты бѣги!... Совѣсть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкій. — Твой умъ разстроенъ: ты не знаешь про кого говоришь...

Юрій. — Не говори, не оправдывай ее: она черна какъ [illegible]... Не эта-ли дѣвушка клялась въ любви на груди моей, не здѣсь-ли хранится ея клятва?.. Я преклонялъ мои колѣна, какъ передъ ангеломъ, ангеломъ невинности. — Боже Всемогущій, прости, что я оклеветалъ Твое чистѣйшее творенье...

Заруцкій. — Коли дѣло дѣлать, такъ скорѣй; намъ могутъ помѣшать...

Юрій (въ задумчивости). — Какой адскій духъ толкнулъ меня за это дерево... Зачѣмъ я долженъ былъ увидѣть обманъ, мнѣ приготовленный; зачѣмъ, выпивая чашу яда, мнѣ должно было узнать о томъ въ ту минуту, когда напитокъ уже былъ на языкѣ моемъ... Можетъ-быть, безъ этого я бы скоро ее разлюбилъ или провелъ мѣсяцы наслажденья спокойнаго, на груди измѣнницы... Но теперь, теперь, когда я самъ видѣлъ... теперь... змѣя ревности клубится въ груди моей... ненависть пожираетъ мою душу... я долженъ отомстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкій.—Волинъ! готовь[illegible]...

Юрій (не слышитъ).—Ужели это была необходимость, ужели судьбѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ—терзать меня... Она знаетъ, что человѣкъ слабѣе ея. Ты, грудь моя, бывшая [illegible] жертвенникомъ однихъ высокихъ чувствъ, [illegible] менѣй подобно ея сердцу... Пускай въ тебѣ дымится мщенье!.. О! для чего въ первыя минуты любви закрыты [illegible] ревности?.. Но онъ, онъ... мой другъ... ахъ! зачѣмъ? Я-бъ раздробилъ его черепъ... Теперь я долженъ умереть... И что для меня жизнь? Что снова блеснетъ разочарованной душѣ двадцатилѣтняго старика?.. (Подумавъ). Такъ; я старъ... довольно жить!..

Заруцкій (бьетъ его по плечу). — Теперь не время размышлять... Или ты боишься?..

Юрій (как[illegible] отъ сна).—Я готовъ! (О[illegible] и открываетъ лобъ). Дай я буду считать... Когда скажу три: спускай... Разъ — два — (останавливается) не могу... Чудо! сердце охладѣло... Слова не льются... Но я возьму верхъ. (Слышенъ крикъ. Вбѣгаетъ Любовь).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Любовь (подбѣжавъ къ Юрію, видитъ пистолетъ). —Ахъ!.. что это такое?..

Юрій (отходя прочь).—Ничего!..

Любовь (къ Заруцкому). — Ради [illegible]!.. что это значитъ? ([illegible]). Даже ты не хотите мнѣ сказать... (Къ Юрію). Зачѣмъ эти пистолеты!.. и стволъ къ тебѣ...

Юрій ([illegible]).—Спроси у него... у этого

гусара въ золотомъ ментикѣ и съ длинными усами; онъ и теперь лучше удовлетворитъ тлѣю желанію, чѣмъ я.

Любовь (съ нѣжнымъ укоромъ). — Юрій!.. зачѣмъ такой холодный тонъ... Какъ ты скоро перемѣнился...

Юрій (въ сторону). — О, непостижимое женское притворство! (Ей). Оставьте меня... я сказалъ вамъ, спросите Зарудкаго!..

Зарудкій (подходитъ къ Юрію). — Намъ помѣшали;—и такъ, до завтрашняго... (Уходитъ).

Юрій.—Какъ знать, что будетъ завтра... Можетъ-быть я буду счастливъ, можетъ-быть я буду лежать на столѣ... (Любови). Что вы не пошли за нимъ, онъ васъ любитъ больше меня...

Любовь. — Какая холодность!.. но мы теперь одни, растолкуй мнѣ эту тайну, умоляю тебя Самимъ Богомъ.

Юрій.—Не Имъ-ли ты клялась любить меня...

Любовь.—Я сдержала мою клятву.

Юрій. — Я и позабылъ, что она не клялась любить меня одного... быть-можетъ она права, то знаетъ женское сердце... говорятъ, оно способно любить многихъ вдругъ...

Любовь (съ грустью).—О, какъ ты несправедливъ...

Юрій. — Противъ тебя? Я несправедливъ? И ты можешь такъ равнодушно говорить, какъ будто... О трепещи, если я докажу тебѣ.

Любовь. — Чего мнѣ бояться? Совѣсть моя чиста...

Юрій. — Ея совѣсть? Адъ и проклятье... Я тебя любилъ безъ всякой цѣли, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я былъ готовъ отдать душу; за одинъ твой веселый часъ я заплатилъ бы цѣлыми годами блаженства... и ты... мнѣ измѣнила!..

Любовь.—Какъ! такая клевета, ужасное подозрѣнье вышло изъ твоего сердца?.. Не вѣрю! ты хотѣлъ испугать меня... (беретъ его за руку) ты шутишь... о, скажи: ты шутишь? Юрій, перестань, я не... вынесу... этого...

Юрій (въ бѣшенствѣ). — И ты не стыдишься передъ этими деревами, передъ этимъ голубымъ сводомъ, которые были свидѣтелями нашихъ взаимныхъ обѣщаній... Посмотрите, деревья, съ какой адской улыбкой, притворной невинностью, она стоитъ между вами, недвижна, какъ жена Лотова... Взгляни и ты, дѣвушка, на нихъ: они качаютъ головами, укоряютъ тебя... смѣются надъ тобой... Нѣтъ, надо мной они хохочутъ... Слышишь, говорятъ: безумецъ, какъ могъ ты повѣрить женщинѣ?.. Клятвы ея на пескѣ, вѣрность... на воздухѣ... Бѣги, бѣги, уже заараза смертельная въ крови твоей... Бѣги далеко изъ родины... гдѣ для тебя ничего больше нѣтъ... Бѣги туда, гдѣ нѣтъ женщинъ... Гдѣ-жъ этотъ край благословенный?.. Пущусь искать его... Стану бродить по свѣту, пока найду и погибну... Гдѣ? Лишь бы дальше отъ нея... а то мнѣ все равно! Простите, мѣста моего дѣтства, прости, любовь, надежда, мечты дѣтскія... все свершилось для меня (хочетъ бѣжать. Любовь, какъ пробудившись, вдругъ останавливаетъ его).

Любовь. — Остановись, на минуту!.. Не погуби невинную дѣвушку. (Жалобно). Слушай, жестокій другъ: клянусь, въ первый разъ, клянусь всѣмъ страшнымъ для меня, что я тебя одного любила и люблю... чего тебѣ еще больше, неужели эти слова тебя не увѣряютъ? Юрій... отвѣчай мнѣ ласково, иначе ты убьешь меня. (Сильнѣе прижимаетъ къ себѣ его руку).

Юрій (почти не слыхавъ ея словъ).—Какой сильный духъ остановилъ меня? Отчего я еще здѣсь... моя голова пылаетъ, мысли мѣшаются... (Старается вырваться). Пусти... пусти...

Любовь. — Юрій! не пущу тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тѣхъ поръ смерть не оторветъ меня отъ ногъ твоихъ; я обниму колѣна; если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мнѣ тебѣ все объяснить!..

Юрій (холодно).—Вы справедливы...

Любовь.—Ты говоришь не отъ сердца.

Юрій. — Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь (пускаетъ слабже его руку, но Юрій не выдергиваетъ свою, и она остается). — Помнишь-ли ты прошедшее? ты самъ признавался, что моя нѣжность сдѣлала тебя счастливѣйшимъ человѣкомъ; я вѣрю, ибо люблю тебя со всѣмъ пламенемъ первой страсти... вспомни, что ты мнѣ разсказывалъ давно уже; ты говорилъ, что предметъ первой любви твоей своею холодностью сдѣлалъ твой характеръ мрачнымъ и подозрительнымъ, что съ тѣхъ поръ твое сердце страдаетъ отъ нанесенной язвы... (Юрій глядитъ въ сторону, дабы скрыть смущеніе). — А ты губишь первую любовь бѣдной дѣвушки... суди по себѣ... ты сдѣлался мраченъ, а я не перенесу этого... Неужели ты такой эгоистъ, что почитаешь себя одного съ чувствомъ и душою... О, Юрій! ты такъ обманулъ меня, ты говорилъ о привязанности своей ко всему міру, ко всѣмъ людямъ, а нынѣ не имѣешь сожалѣнія къ бѣдной дѣвушкѣ... (Юрій въ сильномъ смущеніи). Но ты плачешь... о, не вѣрю, что ты совсѣмъ меня отвергнулъ, нѣтъ, я еще любима—не вѣрю твоей холодности; она пройдетъ, ревнивый муж-

чина!.. Видишь, я у ногъ твоихъ, прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье... (Съ рыданьемъ упадаетъ передъ нимъ и обнимаетъ его колѣна, Юрій въ сильномъ движеніи, рыданья останавливаютъ вырывающіяся слова; онъ плачетъ).

Юрій (дрожащимъ голосомъ).—Прочь, прочь... сирена... прочь отъ меня...

Любовь (встаетъ и поднимаетъ глаза къ небу. Тихо).—О, Боже, Боже мой!..

Юрій (отошелъ въ сторону).—Слабость! слабость! она мнѣ напомнила про первую любовь, про первыя муки душевныя—и я заплакалъ. Но она не тверже меня духомъ: я заставлю ее, блѣднѣя и дрожа, признаться въ измѣнѣ... (Молчаніе). Я не знаю, она еще такъ много власти имѣетъ надо мною, что надо призвать всю твердость, чтобъ совершенно окаменѣть... Такъ, я не долженъ имѣть ни малѣйшей жалости къ прекрасному личику этому... я желалъ бы ее сдѣлать безобразной... чтобы... чтобы совершенно истребить изъ груди любовь. (Беретъ пистолетъ и подходитъ къ ней). Видишь-ли это оружіе... я могу чрезъ одно пожатіе пальца превратить тебя въ окровавленный трупъ... Видишь... (Прицѣливается).

Любовь.—Стрѣляй, если можешь...

Юрій (бросаетъ пистолетъ съ досадой). —Женщина!

Любовь.—Неужели ты думаешь, что я дорожу теперь жизнью... Нѣтъ, я никогда не наслаждалась ею и умѣю не бояться убійцы. (Опускаетъ снова въ задумчивости голову и руки).

Юрій (мрачный приближается къ ней). — Наши сердечныя связи расторгнуты,—виновна ты, или нѣтъ. Я не буду любить тебя и не могу, если-бъ даже и хотѣлъ. (Глядитъ ей пристально въ глаза и беретъ руку). Вотъ перстень, который ты мнѣ дала недавно; возвращаю его тебѣ, какъ ненужнаго свидѣтеля любви моей,—возьми его назадъ.—Я ѣду изъ родины въ чужіе края, ничто больше здѣсь меня не задержитъ... (Тронутый). Благодарю тебя за лучшіе часы моей жизни, и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливу у сердца нѣжной женщины, и что это блаженство короче всѣхъ блаженствъ... (Жметъ руку ей). Благодарю тебя, Любовь!.. (Молчаніе. Послѣ чего Юрій съ жаромъ продолжаетъ). О, другъ мой! оставь свое безполезное упрямство; ты меня не разувѣришь, ибо я самъ все видѣлъ... но признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда быть-можетъ я снова полюблю тебя...

Любовь (гордо).—Нѣтъ! я на свою честь не буду клеветать... Впрочемъ мое признаніе было-бъ безполезно, если-бъ я была въ самомъ дѣлѣ виновна передъ тобою...

Юрій.—И такъ, ты не хочешь?..

Любовь (твердо).—Не могу и не должна!..

Юрій.—Прощай (идетъ, но воротится). Дай мнѣ послѣдній поцѣлуй. (Беретъ ея руки). Прощай, Любовь, прощай надолго!.. (Цѣлуетъ ее въ губы; въ восторгѣ). Нѣтъ! нѣтъ! эти уста никогда не могли быть преступными, я-бъ никому не повѣрилъ, если-бъ... Проклятое зрѣнье!.. Богъ Всевѣдущій! зачѣмъ Ты не отнялъ у меня прежде этого зрѣнья?.. Зачѣмъ попустилъ видѣть? Что я Тебѣ сдѣлалъ, Богъ!.. О! (съ дикимъ стономъ) во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ Тебѣ ни вѣры, ничего нѣтъ въ душѣ моей... но не наказывай меня за мятежное роптанье, Ты... Ты... Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любитъ и ненавидитъ до крайности... Ты виновенъ!.. Пусть громъ упадетъ на меня, я не думаю, чтобъ послѣдній вопль давно погибшаго червя могъ Тебя порадовать... (Въ отчаяньи убѣгаетъ. Молчаніе).

Любовь (оглядывается; жалобно).—Онъ ушелъ! О, я несчастная дѣвушка!.. (Упадаетъ въ слабости на скамью дерновую).

(Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Комната Николая Михайловича: сундуки и чемоданы готовы къ отъѣзду.

Вас. Мих. (входя, слугѣ, который идетъ за нимъ). —Что? что? не можетъ быть; неужели это правда?

Слуга.—Точно такъ-съ...

Вас. Мих.—Такъ, такъ; мнѣ самому это все казалось... Экой шельма... Поди, позови брата сюда моего... Экое несчастное дѣло! (Уходитъ слуга). Ну, какъ объявить ему? Теперь просто... да, просто надобно за одинъ разъ кончить эти сплетни. (Садится). Надобно порядкомъ распечь племянника моего,—экую онъ заварилъ кашу; однако я пощажу его немного. Молодость, все молодость! хотя это такой порокъ, отъ котораго всякій день мы исправляемся. Можетъ-быть онъ и не совсѣмъ такъ говорилъ, или что-нибудь да не такъ тутъ есть... Впрочемъ, я не думалъ бы никакъ, чтобъ Юрій дошелъ до такой низости, если-бъ... (Въ задумчивости опускаетъ голову). Ба! что это за записка? «Ma chère...» Это любопытно. (Поднимаетъ записку, вдругъ вскакиваетъ въ изумленіи и долго молчитъ, смотря на

[illegible] съ досадой говоритъ). Какъ?!.. Къ Любови, къ моей дочери, любовное письмо—свиданіе... Юрій... Нѣтъ, этого я не стерплю. (Молчаніе). Видно, да это давно написано, потому что на полу валяется, какъ все старое. (Молчаніе). Ну, говори, что я несправедливо дѣлалъ, любя дочерей моихъ неодинаково. Я напередъ какъ предчувствовалъ это... Вотъ Лизушка такой штуки не сдѣлаетъ... Съ братомъ двоюроднымъ любовное свиданье, — гдѣ это на свѣтѣ видано?.. О! я ему отомщу: будетъ теперь меня помнить; послѣ этого чего нельзя отъ него ожидать, отъ обольстителя двоюродной сестры!.. (Ходитъ взадъ и впередъ). Однако припрячу записку до случая. (Кладетъ въ карманъ). [illegible] вотъ и братъ идетъ, кажется...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Николай Михайловичъ входитъ.

Ник. Мих.—Что это, братъ, такое? Что опять за [illegible] дѣло? У меня право ихъ теперь такъ много, что не знаю куда съ ними дѣваться.

Вас. Мих.—Да, дѣло не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Ник. Мих.—Мароа Ивановна что-нибудь еще можетъ сочинить,—неправда-ли?

Вас. Мих.—Нѣтъ, до нея тутъ ничего не касается...

Ник. Мих.—Эхъ, братецъ! такъ что же тутъ можетъ быть важнаго; ты меня только оторвалъ [illegible] занятья... объ этомъ послѣ можно поговорить.

Вас. Мих.—То-то нельзя...

Ник. Мих.—Что же это?..

Вас. Мих.—Твой сынъ...

Ник. Мих.—Мой сынъ—лучшій изъ сыновъ: благороденъ, справедливъ, хотя мечтателенъ, и меня любитъ, несмотря на всѣ происки старухъ...

Вас. Мих.—Хмъ! хмъ! хмъ!

Ник. Мих.—Что ты такъ смотришь? Неужели кто-нибудь можетъ сказать «нѣтъ»?

Вас. Мих.—Нѣтъ!—не то чтобы не любилъ совсѣмъ, а это еще подлежитъ сомнѣнію.

Ник. Мих.—Какъ сомнѣнію? Что это? Неужели ты такъ объ немъ думаешь, братецъ?

Вас. Мих.—Да, думаю... И можетъ-быть ты самъ скоро начнешь думать.

Ник. Мих.—По крайней мѣрѣ онъ до сихъ поръ не подалъ мнѣ повода почитать его безчестнымъ человѣкомъ.

Вас. Мих.—Вотъ видишь: есть люди, которые умѣютъ такъ скрыть цѣль свою и свои поступки, что...

Ник. Мих.—Братецъ! Юрій не изъ такихъ людей...

Вас. Мих.—Человѣкъ неблагодарный не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

Ник. Мих.—Въ немъ этого нѣтъ...

Вас. Мих.—А какъ есть?—Развѣ Мароа Ивановна не воспитала его, развѣ не старалась объ его дѣтствѣ, развѣ не ему же хотѣла отдать все свое имѣніе,—а онъ оставитъ... Ну, да это для отца,—да какъ поступаетъ съ ней: со стороны жалко смотрѣть,—грубъ съ нею, какъ съ послѣдней кухаркою.

Ник. Мих.—Что же изъ этого всего ты хочешь вывесть?.. Ради Бога, объяснись!..

Вас. Мих.—А то хочу вывесть, что онъ, обманувъ ее, можетъ обмануть и тебя. Видишь: тебѣ кажется, что онъ съ ней такъ дурно поступаетъ, ее оставляетъ, про нее дурно говоритъ... А кто знаетъ, можетъ-быть, и ей онъ на тебя Богъ знаетъ какъ клевещетъ.

Ник. Мих.—Стыдись! это все одни несправедливыя подозрѣнія! помилуй! что ты дѣлаешь?

Вас. Мих.—Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ; и у меня, повѣрь, не одни подозрѣнія,—безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить

Ник. Мих.—Да тутъ нѣтъ добраго смысла братецъ!..

Вас. Мих.—Отчего же?

Ник. Мих.—Ну, ты вѣрно согласишься, что Юрій уменъ.

Вас. Мих.—Глупый человѣкъ не можетъ быть такъ лукавъ...

Ник. Мих.—Итакъ, согласенъ? Какая же тутъ цѣль? Онъ долженъ бы былъ понять, что эти сплетни, какъ ты говоришь, ни къ чему не послужатъ?

Вас. Мих.—То-то и дѣло: онъ уменъ, потому-то я еще и не совсѣмъ дошелъ до цѣли; а въ томъ, что я теперь тебѣ разскажу,—я увѣренъ; слушай же: вчерась, въ ея комнатѣ, онъ говоритъ своей бабкѣ: довольны ли вы теперь моей привязанностію! вамъ тяжко присутствіе моего отца! я ему про васъ наговорилъ, онъ съ вами побранился,—и теперь вы имѣете полное право ему указать порогъ...

Ник. Мих.—Ужасное безстыдство...

Вас. Мих.—Да! но это не все...

Ник. Мих.—Что еще можетъ быть хуже этого!.. но нѣтъ, не вѣрю... не вѣрю... кто слышалъ это? (Беретъ его сильнымъ движеніемъ за руки). Отвѣчай, кто слышалъ?.. Кто?

Вас. Мих. (въ сторону). —Бѣда! надобно солгать (Ему). Я... я слышалъ... право я...

Ник. Мих.—Непостижимый случай,—сынъ... не могу подумать этого—извергъ!

Вас. Мих.—Успокойтесь!.. успокойтесь!..

Ник. Мих.—Мнѣ успокоиться?.. ха! ха!.. (Молчитъ. Человѣкъ входитъ). Сына моего поищи, сію минуту отыщи его, хотя-бъ онъ былъ у самого чорта... слышишь!.. (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

Вас. Мих.—Но я тебя прошу, братецъ, поменажируй, поменажируй его... пожалуйста;—вѣдь я такъ только тебѣ сказалъ, а не для того, чтобы сдѣлать изъ этого цѣлую исторію... Пощади его, вѣдь онъ еще молодъ, видишь-ли... братецъ...

Ник. Мих. (въ бѣшенствѣ).—Никогда, никогда! мнѣ его пощадить—нѣтъ—я ему дамъ нагонку. Кто-бъ подумалъ, такое злодѣйство; хотя бы капля совѣсти — ничего! До тѣхъ поръ меня обмануть... О! онъ дорого мнѣ это заплатитъ. (Ходитъ взадъ и впередъ).

Вас. Мих. (въ сторону).—Вотъ кажется и Юрій идетъ сюда—сяду на это кресло и, какъ ни въ чемъ не бывало, стану слушать. Да, я-бъ желалъ, чтобъ ему хорошенько досталось: вѣдь видно, что родства не знаетъ,—любовное свиданіе съ моей дочерью!.. Боже, Боже мой! Экая нынче молодежь! Ну-жъ, я ему отплатилъ! въ такихъ случаяхъ солгать простительно. (Садится возлѣ стола).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе и Юрій (входитъ тихо).

Юрій.—Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Ник. Мих. (въ сторону). — Любезный! Я ему задамъ такой любезности, что онъ будетъ помнить.

Юрій (ближе).—Батюшка! что вамъ угодно?..

Ник. Мих. (оборачиваясь, сердито и строго). — Кажется вамъ бы можно со мной поучтивѣе обращаться... (Юрій въ удивленіи отступаетъ назадъ).

Вас. Мих. (въ сторону). — Идетъ хорошо покуда.

Ник. Мих.—Кто тебѣ велѣлъ сюда придти? (Юрій все еще смотритъ на него). Повторяю: зачѣмъ ты сюда пришелъ?

Вас. Мих.—Да вѣдь ты, братецъ, за нимъ кажется посылалъ!..

Ник. Мих.—Знаю самъ. Да я хочу, чтобы онъ отвѣчалъ... (Съ презрѣньемъ). Видишь, какъ смотритъ, что быкъ. (Юрію). Что ты молчишь, негодяй?

Юрій.—Что такое?.. Но вы вѣрно шутите, батюшка,—перестаньте, прошу васъ; нынче такія шутки мнѣ слишкомъ тяжело легли на сердце... кончите.

Ник. Мих. (сердито).—Смотри, пожалуйста, я съ нимъ шучу!.. Нѣтъ, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человѣкъ...

Юрій (горячо).—Батюшка! я не заслужилъ этого!

Ник. Мих.—Ты заслужилъ больше... ты стоишь, чтобъ я тебя прибилъ... и еще больше...

Юрій (гордо съ увеличивающимся жаромъ). — Вспомните, что я уже не ребенокъ... не доведите меня до крайности, — моя голова довольно нынче разгорячена... Я невиненъ... ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвѣчать!.. не...

Ник. Мих. (прерываетъ).—Отецъ всегда имѣетъ право надъ сыномъ... а ты хочешь идти противъ меня, неблагодарный!..

Юрій.—Такъ! я неблагодаренъ, только не къ вамъ. Я обязанъ вамъ одною жизнью... возьмите ее назадъ, если можете... О! это горькій даръ...

Ник. Мих.—Что ты хочешь сказать этимъ..

Юрій.—Для васъ я покидаю несчастную старуху, хотя могъ бы быть опорой послѣднихъ дней ея... Она мнѣ дала воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я ее приблизилъ къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... Я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность человѣчества должна была занять мое сердце... Но для васъ я сдѣлалъ великое преступленье... и вы меня обвиняете, вы, мой отецъ... Нѣтъ, это свыше границъ возможнаго...

Ник. Мих.—Ты можешь такъ безстыдно лгать, лицемѣръ; ты, который своими низкими сплетнями увеличилъ нашу ссору; который, надѣвъ маску привязанности, являлся къ каждому и вооружалъ одного противъ другого; черезъ котораго я, какъ послѣдній нищій, выгоняемъ изъ этого дома... Несчастный, если-бъ я это зналъ, я-бъ тебя удушилъ при твоемъ рожденьи... чтобъ никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

Юрій (бросается къ ногамъ его). — Ради всего страшнаго, не продолжайте, отецъ мой... Я почти понимаю, что вы хотите сказать... Клевета... клевета... все клевета... Не вѣрьте никому... кромѣ мнѣ... Я васъ люблю, я это доказалъ...

Ник. Мих.—Змѣя!..

Юрій.—Разсмотрите, узнайте... Но берегитесь меня доводить до отчаянія: я невиненъ!..

Ник. Мих.—Я все знаю... Теперь поздно твое коварство, тебѣ не удалось нынче! Сквозь этотъ огорченный видъ невинности, сквозь эти блѣдныя черты я вижу адскую душу... Отрекаюсь отъ нея: ты больше мнѣ не сынъ... Прочь, прочь отсюда съ твоимъ наслѣдствомъ... Ты мнѣ

золотомъ не закленишь языкъ... Я все тебя отвергну, хотя-бъ съ тобой были милліоны... Такое коварство... почти отцеубійство, если не хуже, потому что я тебя любилъ... И въ такихъ... молодыхъ лѣтахъ... Прочь, прочь!.. Я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояніе самое опасное; можетъ быть — и скоро — совсѣмъ разорюсь... Буду просить милостыню... Повѣрь мнѣ, даже не подойду къ твоему окошку... я не захочу встрѣтить на немъ печать моего проклятья... Сердце мое тогда бы облилось сожалѣньемъ... Я этого не хочу—прочь!...

Юрій (вздрагиваетъ при словѣ проклятіе и, бывъ прежде въ ужасномъ движеніи, вдругъ становится какъ окаменѣлый. Молчаніе).

Вас. Мих. (подходитъ къ брату).—Не довольно-ли? Посмотри, какъ онъ блѣденъ... какъ мертвецъ...

Ник. Мих.—Такъ его и надо... Нужды нѣтъ!.. Онъ еще можетъ раскаяться...

Юрій (вдругъ съ дикимъ смѣхомъ).—Ха! ха! ха! Отецъ проклялъ сына... Какъ это легко!.. Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо... Посмотрите на эти спокойныя черты: этотъ отецъ проклялъ сына. (Уходитъ въ сильномъ, но молчаливомъ отчаяніи).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе безъ Юрія.

Ник. Мих.—Онъ ушелъ?..

Вас. Мих.—Кажется, братецъ, кажется...

Ник. Мих.—Я такъ утомился; мнѣ надобно отдохнуть... О! не дай Богъ имѣть такіе дни въ жизни никакому отцу!

Вас. Мих.—Ты правъ, братецъ... Не дай Богъ...

Ник. Мих. (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Вас. Мих. (одинъ).—Ужь досталось тебѣ, негодяй!.. Если-бъ я еще послѣднее сказалъ да представилъ это письмо, такъ не то бы еще было; да такъ ужь пожалѣла моя душа... Теперь пойду; однако-жъ, дочку свою не стану еще бранить... будетъ время... И безъ насъ здѣсь шуму и горя довольно... Охъ! охъ! охъ!.. (Уходитъ за братомъ своимъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Дарья (которая подслушивала за противоположной дверью, выходитъ на цыпочкахъ). — Все кончено, слава Богу; мнѣ удалась эта штука, какъ многія другія; однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить, такъ прекрасно черезъ людей передала я свою выдумку Василію Михалычу; а тотъ сдуру и повѣрилъ... Ну-жъ, мнѣ будетъ благодарность отъ госпожи моей... Денегъ-то, денегъ-то!.. А ужь этотъ Волинъ, зажгла я его хоромы, и моремъ не потушитъ... Теперь все наше... хоть заранѣ молебенъ святымъ угодникамъ служу... Однако-жъ, поторопліюсь объявить свою новость барынѣ... Добро вамъ, незванные гости!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Дарья хочетъ уйти, но встрѣчается въ дверяхъ съ Маріей Ивановной.

Марѳа Ив. (входитъ съ палкой).—Дашка! Дашка! что тутъ случилось? Скажи скорѣй! Я слышала шумъ... Вижу радость на твоемъ лицѣ... Что такое? Дашка! подай стулъ...

Дарья (подвинувъ стулъ).—Что случилось, сударыня?..

Марѳа Ив.—Ну, да! Говори же...

Дарья.—Что случилось?!...

Марѳа Ив.—Какое дурацкое эхо!.. Отвѣчай же скорѣй...

Дарья.—Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынкомъ... Не извольте бояться, это ничего: Юрья Николаича батюшка побранилъ, да въ шутку и проклялъ; а тотъ огорчился; вотъ вамъ все, сударыня.

Марѳа Ив.—Проклялъ... Ты этому виною, негодяйка... ты (поднимаетъ руку на нее) своими сплетнями это сдѣлала...

Дарья.—Да вѣдь вы сами, матушка, приказывали (кланяясь), чѣмъ же я могла васъ прогнѣвить...

Марѳа Ив.—Въ ссылку сошлю, засѣку... Я тебѣ сказала, чтобъ поссорить ихъ... но развѣ не ты мнѣ это присовѣтовала?.. Теперь что съ нимъ будетъ, съ Юрьюшкой, — погубитъ онъ свою душу... Прочь, адскій духъ, прочь!.. съ глазъ моихъ долой!.. въ Сибирь!.. въ адъ!.. Охъ, я несчастная... окаянная!.. Что это мы надѣлали?!..

Дарья (повалившись ей въ ноги). — Помилуйте!.. мать родная... золотая... серебряная!.. Государыня... спасите меня!..

Марѳа Ив.—Какъ могло это до того дойти?.. Кто-бъ подумалъ?.. О, эта змѣя проклятая!.. О! если-бъ я знала, я бы скорѣй помирилась тысячу разъ съ Волинымъ... лишь-бы не дошло до этого... На старости лѣтъ такой грѣхъ

на мнѣ... Онъ погибъ теперь... и я погибла... и всѣ... всѣ... Уфъ! какъ темно... какъ холодно... будто... будто желѣзная рука выдавила послѣднюю каплю крови изъ моего сердца!.. Тамъ свѣтло... вотъ чаша... въ ней вода... въ водѣ ядъ... (Молчаніе. Тихо). Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди! Чего ты отъ меня хочешь?... Ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нѣтъ... откуда тебѣ взяться?.. Охъ! охъ!.. не трогай руки моей!.. Я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. (Уходитъ съ признаками сумасшествія).

Дарья (вставъ).—Она сошла съ ума,—теперь опять все наше, опять дѣло выиграно. (Уходитъ съ веселымъ лицомъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Комната **Юрія**. Темно. Онъ стоитъ возлѣ стола, опершись на него рукою; возлѣ него стаканъ воды. **Иванъ**, слуга его, стоитъ недалеко.

Иванъ.—Здоровы-ли вы, баринъ?..

Юрій.—На что тебѣ?..

Иванъ.—Вы такъ блѣдны...

Юрій.—Я блѣденъ?.. Можетъ-быть, скоро буду еще блѣднѣе...

Иванъ.—Вашъ батюшка только погорячился, онъ скоро васъ проститъ...

Юрій.—Поди, добрый человѣкъ, это до тебя не касается.

Иванъ.—Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить...

Юрій.—Ты лжешь!.. Здѣсь нѣтъ никого, кто-бъ занимался мною... Я здоровъ; поди же прочь.

Иванъ.—Напрасно, сударь, хотите меня въ томъ увѣрить: вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное...

Юрій (вынимаетъ изъ шкатулки, на столѣ стоящей, кошелекъ. Въ сторону).—Я слыхалъ, что въ людяхъ это (показывая на кошелекъ) многое можетъ произвести. (Ивану). Возьми это,—и ступай отсюда... Здѣсь тридцать червонцевъ...

Иванъ.—За тридцать сребряниковъ продалъ Іуда Іисуса Христа... А это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ... хотя рабъ, а не рѣшусь взять отъ васъ денегъ за такую услугу.

Юрій (бросаетъ въ окно).—Такъ пусть кто-нибудь подыметъ.

Иванъ.—Что это съ вами, сударь, дѣлается, утѣшьтесь... Не все горе; не все печаль на свѣтѣ, успокойся, батюшка.

Юрій (тяжело).—Ахъ! о, однако-жъ...

Иванъ.—Богъ пошлетъ вамъ счастье... Хотя-бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали: никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ...

Юрій.—Точно?..

Иванъ.—Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Бога молить.

Юрій.—Такъ у тебя есть жена и дѣти?..

Иванъ.—Да еще какія... какъ съ неба: прекрасная, добрая жена... И малютки: сердце радуется, глядя на нихъ...

Юрій.—Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу...

Иванъ.—И тѣломъ, и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Юрій.—У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда... (Отходитъ въ сторону).

Иванъ. (Смотритъ на него съ сожалѣніемъ. Его кто-то изъ-за кулисъ вызываетъ къ Маріѣ Ивановнѣ. Онъ уходитъ медленно. Юрій остается одинъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Юрій одинъ.

Юрій.—А онъ, мой отецъ, меня проклялъ! И такъ ужасно... Въ ту минуту, когда я для него жертвовалъ всѣмъ: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего, моею благодарностью... Въ эту самую минуту... Ха! ха! ха! О, люди, люди!.. Два, три слова, глупѣйшая клевета сдѣлала то, что я стою здѣсь на краю гроба .. Прекрасная вѣчность! Прекрасныя воспоминанія!... Но это все должно было такъ кончиться... Гдѣ золото есть главный предметъ, дѣло тамъ не кончится лучше... И въ этотъ день онъ меня проклялъ! Въ тотъ самый день, когда я столько страдалъ, обманутый любовью, дружбой... Мое терпѣнье кончилось... кончилось... Я терпѣлъ, сколько могъ... но теперь... это выше силъ человѣческихъ!.. Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?.. Что смерть? Переходъ изъ одной комнаты въ другую, подобную сей. (Указывая на стаканъ). Какъ подумать, что эта ничтожная вещь побѣдитъ во мнѣ силу творческой жизни, что бѣлый порошокъ превратитъ въ пыль мое тѣло, уничтожитъ созданіе Бога?.. Но если Онъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не препятствуетъ ужасному преступленью, самоубійству? Зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца?.. Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденья, зная про мою гибель?.. Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнью я могу умереть или жить?.. О, человѣкъ! несчастное, брошенное созданье... Онъ сотворенъ слабымъ; его доводитъ судьба до крайности... и сама его наказываетъ; животныя безсловесныя счастливѣе насъ; они не различаютъ ни добра, ни зла; они не имѣютъ вѣчности; они могутъ...

О! если-бъ я могъ уничтожить себя! Но нѣтъ!.. Да! нѣтъ! Душа моя погибла. Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... Я молился... не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло его тронуть!.. (Сыплетъ порошокъ въ стаканъ). О! я умру... Объ смерти моей вѣрно больше будутъ радоваться, нежели о рожденіи моемъ. Отецъ меня отвергнулъ, проклялъ мою душу и долженъ этого раскаиваться. (Молчаніе небольшое). Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда дерево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человѣческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производитъ искры, природа — людей: однихъ — глупѣе, другихъ — умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мірѣ, другіе — неизвѣстны; такъ искры не равны межъ собой, но всѣ онѣ равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ большихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно, страдалъ-ли я, веселился-ли,—все умру. Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ.—Безумцы! безумцы мы!.. желаемъ жить.. Какъ будто два, три года что-нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или міръ стоятъ нашихъ заботъ, тщетныхъ какъ жизнь. Счастливъ умершій въ то время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ свинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его.—Прощай, мой отецъ: мы никогда не увидимся... Не отъ тебя я умру... ты только помогъ мнѣ образумиться... Ахъ!.. и она!.. эти прекрасныя, обманчивыя черты—потеряютъ свою привлекательность, — кто-бъ повѣрилъ?.. Мнѣ ихъ жалко. О! скоро... скоро. Вы всѣ пройдете, какъ тѣни... (Беретъ стаканъ и пьетъ, потомъ вздрагиваетъ). За здоровье ваше... Меня утѣшаетъ мысль: всѣ люди погибнутъ... Глупо было бы желать быть исключену изъ этого числа. Но... зачѣмъ холодъ бѣжитъ по моимъ жиламъ, зачѣмъ я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще—четверть часа, смерть,—и я твой!... (Садится въ кресла. Небольшое молчаніе).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Любовь и Элиза входятъ въ разговорѣ. **Юрій**, видя ихъ, вскакиваетъ и отходитъ въ сторону. Въ комнатѣ темно.

Элиза. — Что тебѣ сказалъ Заруцкій, отчего тебя не было въ саду?.. Это что все значитъ?.. Твое безпокойство не къ добру. Ты блѣденъ; ты отъ меня бѣгаешь—и вѣрно чего-нибудь ищешь.

Любовь.—Не видала-ли ты, гдѣ Юрій?..

Элиза.—На что тебѣ его?..

Любовь. — Ахъ, сестрица! ты всему вѣрь. Они хотѣли стрѣляться... Заруцкій меня на колѣнахъ просилъ, чтобъ я тебя привела для свиданья: Юрій видѣлъ и принялъ совсѣмъ иначе... О, я несчастная дѣвушка!.. Онъ меня оставилъ, онъ думаетъ, что я измѣнила ему... Онъ не хочетъ даже выслушать меня. — О! если-бъ онъ зналъ... Если-бъ онъ видѣлъ мои слезы!..

Юрій (въ сторону). — И я только теперь это слышу!.. безумецъ я!

Элиза. — Чего же ты теперь хочешь, ma soeur?

Любовь. — Дядюшка его проклялъ... Онъ въ отчаяньи... Вѣрно понапрасну. Богъ его за меня наказалъ. Я хочу его сыскать... хочу утѣшить Юрія... Ахъ! сестрица, сестрица! если-бъ онъ видѣлъ мои слезы... но... онъ меня любитъ, въ немъ еще есть жалость... О, если-бъ онъ зналъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ.— (Юрій въ это время подходитъ и отходитъ въ нерѣшимости).

Любовь.—Я его утѣшу, пойду къ его отцу, на колѣнахъ выпрошу прощенье... или умру... Я боюсь .. О! гдѣ-бы мнѣ его найти!.. Одна моя любовь можетъ его утѣшить... Онъ всѣми такъ жестоко покинутъ!..

Юрій (въ отчаяньи).—Злодѣй! самоубійца!..

Элиза.—Что это?..

Любовь (бросается).—Юрій! Юрій! онъ здѣсь. (Юрій встаетъ). Какъ блѣденъ... Какой страдальческій взглядъ!

Юрій.—Ты меня любишь?.. А я всегда любилъ тебя...

Любовь (рыдаетъ у него на шеѣ).—Люблю-ли я тебя?.. Благодарю Небо!.. наконецъ, я счастлива... Другъ мой... другъ мой... я тебѣ всегда была вѣрна...

Юрій.—Да! да!—это мое послѣднее утѣшеніе.

Любовь (все еще на груди его).—Тебя всѣ покинули.

Юрій.—Ты ошибаешься: я всѣхъ покидаю... Ты этого не знала? (Любовь подымается и смотритъ съ удивленіемъ). Я ѣду въ далекій, безконечный путь...

Любовь. — Что это?.. Ты ѣдешь?.. Какъ, куда?..

Юрій.—Мы никогда, никогда не увидимся...

Любовь. — Если не здѣсь, то на томъ свѣтѣ...

Юрій. — Другъ мой! нѣтъ другого свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... И мы въ немъ исчезнемъ... Мы никогда не уви-

димся... Разныя дороги... всѣ къ ничтожеству... Прощай, мы никогда не увидимся. Нѣтъ рая, нѣтъ ада... Люди — брошенныя, безпріютныя созданія.

Любовь. — О, Всемогущій! что сдѣлалось съ нимъ?.. онъ не знаетъ, что говоритъ...

Юрій (смотритъ на нее пристально). — Какъ ты прекрасна въ эту минуту... Вотъ послѣднее удовольствіе мое... оно велико... Я согласенъ... Нѣтъ, не потревожу... Это нѣжное выраженіе глазъ, эти полуоткрытыя уста... Не стану говорить ей... не хочу видѣть ее въ ужасѣ... Ахъ!.. но нѣтъ, пусть она узнаетъ: что мнѣ? Я умру!.. пусть все откроется... Если-бъ былъ здѣсь мой отецъ... какъ насладился-бъ онъ видомъ моихъ предсмертныхъ судорогъ!..

Любовь. — Что онъ говоритъ?.. Юрій! Юрій!.. я предчувствую ужасное...

Юрій (беретъ ее за руку). — Знай, что можетъ сдѣлать обманутое сердце, что можетъ проклятіе вѣчное отца... узнай... и да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась въ твоихъ жилахъ... А! подумай! отгадай!.. ха! ха! ха! ха! нѣтъ, смѣйся лучше, пой, веселись, пляши... я — не бойся... я — только... принялъ—ядъ!..

Элиза. — Ай! помощь скорѣй!... (Убѣгаетъ. Любовь дрожитъ, блѣднѣетъ и упадаетъ въ обморокъ на кресло; онъ стоитъ надъ ней).

Юрій.—Такъ! я это зналъ! женщины! женщины! вы не сотворены для подобныхъ ощущеній!.. Какъ она блѣдна... Образъ смерти... О, если-бъ она не просыпалась... если-бъ могла не видать моего труна... (становится на колѣна). Не приходи въ себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы съ тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишкомъ пылко,—твое слишкомъ нѣжно... слишкомъ слабо... (Цѣлуетъ ея руку). Рука тепла.

Любовь (приходитъ въ себя, подымается на стулъ и кидается къ нему на шею).—Молись!

Юрій.—Поздно! поздно! .

Любовь. — Никогда не поздно... Молись! . молись!..

Юрій (вскакиваетъ). — Нѣтъ, не могу молиться...

Любовь (встаетъ).—О, ангелы! внушите ему! Юрій!...

Юрій.—Мнѣ дурно. .

Любовь.—Дурно...

Юрій. — Пора!.. Скажи моему отцу, что я желалъ бы простить ему... (Упадаетъ на [illegible].

Любовь. — Онъ падаетъ... (Смотритъ на небо). Помоги! помоги! (Становится на колѣна возлѣ Юрія). Останови его душу... Богъ! сдѣлай первое чудо... онъ вернется къ Тебѣ...

Юрій (умирающимъ голосомъ). — Плачь... плачь... плачь... Богъ мнѣ... никогда... не проститъ!.. (Умираетъ. Любовь, рыдая, падаетъ на него. Молчаніе).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Николай Михалычъ, Василій Михалычъ, Элиза, Иванъ, Дарья.

Дарья (съ ужасомъ). — Умеръ!..

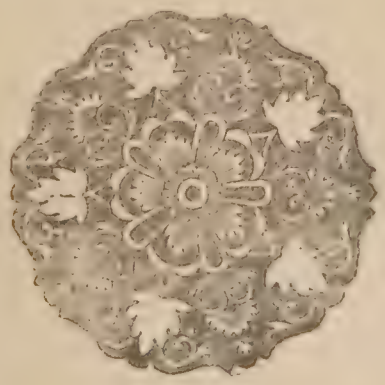
Ник. Мих.—Мой сынъ... отъ моего проклятья... Не можетъ быть!.. Онъ еще живъ... не вѣрю... онъ живъ!..

Дарья (указывая на трупъ—холодно). — Отчего же? Посмотрите сюда, — вы хотѣли: онъ умеръ...

Вас. Мих. (поднимая Любовь). — Дочь моя!.. спирту!.. Ахъ!.. и она едва дышитъ... Спасите, спасите хоть ее!.. (Любовь уносятъ. Василій Михалычъ и Элиза уходятъ).

Иванъ. — Боже! прости душу моего господина!.. (Всѣ стоятъ въ безмолвномъ пораженіи).

ЗАНАВѢСЪ ОПУСКАЕТСЯ.



СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА

Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня, и всю жизнь, можетъ-быть, занимать не перестанетъ.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны; тогда раскаяніе, вѣрно, посѣтитъ дѣти тѣхъ людей... Но пускай они не обвиняютъ меня: я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго!..

Справедливо-ли описано у меня общество,— не знаю; но крайней мѣрѣ, оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня.

И этому обществу я отдаю себя на судъ.

The Lady of his love was wed with one
Who did not love her better. . . .

. . . . . .

And this the world calls phrensy; but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancoly is a fearful gift:
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!

The Dream *Lord Byron.*

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Утромъ 26-го августа.

Комната въ домѣ Павла Григорьевича Арбенина. Шкапъ съ книгами и бюро.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ).

Пав. Григ. (запечатываетъ письмо).—Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ, пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ надобно ухаживать, учить и нянчить его; а двадцатилѣтняго опредѣляй на службу, да каждую минуту трепещи, чтобы онъ какою-нибудь шалостью не погубилъ на-вѣки себя и честное имя... Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ пойдетъ въ военную службу, во-первыхъ, потому, что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своевольнъ, а во-вторыхъ, потому, что онъ не силенъ въ математикѣ. Куда же опредѣлиться? Въ штатскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Къ

тому же—нехорошо! Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: «ну, все теперь кончилось!» не тутъ-то было,—только начинается!.. Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами достигъ до нѣкоторой значительности... Тогда я же буду виноватъ: про меня же скажутъ, какъ намедни, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой же въ его лѣта характеръ? Самый его характеръ есть безхарактерность. — Такъ, я вижу, что не довольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли?.. Однако-же я не отстану отъ своихъ плановъ: велю ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ, и поправлю тѣмъ его состояніе. Оно, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу вспомнить безъ бѣшенства, какъ она меня обманывала. О, коварная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяньемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь увидать тебя снова. Не дѣлалъ-ли я все, чего ей хотѣлось? И обезчестить такого мужа! Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые бы помогали... (Молчаніе). Кажется, кто-то сюда идетъ? Такъ точно. (Входитъ Владиміръ Арбенинъ).

Владиміръ.—Батюшка, здравствуйте!

Пав. Григ. Я очень радъ, что ты пришелъ теперь. Мы кой объ чемъ поговоримъ. Это касается до будущей твоей участи. Но ты что-то невеселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

Владиміръ (бросаетъ на отца быстрый и мрачный взоръ).—Гдѣ я былъ, батюшка?

Пав. Григ. — Что значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ-ли встрѣчаютъ ласки отца?

Владиміръ.—Отгадайте, гдѣ я былъ.

Пав. Григ.—У какого-нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ.

Владиміръ. — Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она почти нищая; весь міръ смѣется надъ ней и никто объ ней не жалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка, я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣна, я... я былъ у моей матери! Чего вамъ больше?

Пав. Григ.—Ты?

Владиміръ. — О, если-бъ вы знали, если-бъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторю это передъ цѣлымъ міромъ и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

Пав. Григ. (его лицо пылаетъ).—Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

Владиміръ.—Нѣтъ! вы мнѣ простите! я себя не помню... Но посудите сами: какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣнахъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью, ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... И теперь, когда она, въ нищетѣ, пріѣхала сюда, могъ-ли я не упасть къ ея ногамъ?.. Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я умоляю... Если мое счастье для васъ что-нибудь значитъ... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе съ вашего сердца и удалитъ предразсудки!..

Пав. Григ. — Слушай, дерзкій! я на нее не сердитъ, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться!.. что скажутъ въ свѣтѣ!..

Владиміръ (кусая губы). — Что скажутъ въ свѣтѣ!..

Пав. Григ.—И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Аннѣ Дмитревнѣ; я бы далъ тебѣ порученье...

Владиміръ. — Которое бы убило послѣднюю ея надежду?—не такъ-ли?

Пав. Григ.—Да, да! она еще недовольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владиміръ.—Она моя мать.

Пав. Григ.—Если опять ее увидишь, то посовѣтуй не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенья, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

Владиміръ.—Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ порученій...

Пав. Григ. (съ холодной улыбкой). — Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ,— не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя; также тебѣ дамъ я прочитать письмо отъ графа, на счетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о своей матери... Я прошу, когда могу приказывать! (Уходитъ).

Владиміръ долго смотритъ ему вслѣдъ).—Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я пустыми мольбами,—теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренья, какъ будто это

вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!.. Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенья ихъ прихотей, что я — средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно. (Входитъ Бѣлинскій, разряженный).

Бѣлинскій.—А! здравствуй, Арбенинъ! Здравствуй, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!.. Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, объ чемъ ты думалъ.

Владиміръ.—Руку! (Жметъ ему руку).

Бѣлинскій.—Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или заставить ее признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако, я скорѣй возьмусь сдѣлать первое, нежели послѣднее, потому что...

Владиміръ.—О чемъ ты болтаешь тутъ?

Бѣлинскій.—О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!.. Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!.. Ты вѣрно ждалъ, чтобъ твоя любезная прилетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира!.. Нѣтъ! потрудись-ка самъ слетать... Другъ мой! кто разберетъ женщинъ?.. Въ ту минуту, когда ты думаешь...

Владиміръ (прерываетъ его). — Гдѣ былъ ты вчера?

Бѣлинскій. — На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ, по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ,—и для нихъ, и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостямъ, которыхъ было очень много, было очень скучно.

Владиміръ.—Смѣшной народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейственныя удовольствія.

Бѣлинскій.—Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями; каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и уловя время, когда бѣдный отецъ обращался въ противную сторону, каждый зѣвалъ безпощадно... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

Владиміръ.—А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастію ближняго, какого бы рода оно ни было. Все хотятъ, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ уязвляютъ сердце, не имѣя средствъ излѣчить. Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... И это такъ тяжело, такъ тяжело!..

Бѣлинскій. — Эхъ! полно, братецъ, говорить пустяки!.. Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какія-нибудь другія непріятности, то надо умѣть переносить ихъ съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро...

Владиміръ.—Переносить! переносить!.. Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что такимъ увѣщаніямъ почти никто не слѣдуетъ... Нѣкогда и я былъ счастливъ, невиненъ! но тѣ дни слишкомъ давно соединились съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о нихъ могло меня утѣшать. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, и все прочее время было только приготовленіе или слѣдствіе сихъ мгновеній... Тебѣ трудно понять мои мечты,—я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?..

Бѣлинскій.—Въ своемъ сердцѣ. У тебя есть великій источникъ блаженства, умѣй только почерпать изъ него. Ты имѣешь скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ,—а въ тебѣ больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ: вынь да положь!.. А кто послѣ терпитъ?

Владиміръ.—Не суди такъ легкомысленно,—войди лучше въ мое положеніе. Знаешь-ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей, а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся,—зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предупрежденныя сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить—но ты вѣдь знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрять то, что составляетъ несчастіе моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія...

Бѣлинскій.—Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился.—Разскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?.. Ты нахмурился?.. Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

Владиміръ.—Давно.

Бѣлинскій. — А гдѣ живутъ Загорскіны?.. Ихъ двѣ сестры, отца нѣтъ,—такъ-ли?

Владиміръ.—Такъ.

Бѣлинскій.—Познакомь меня съ ними. У нихъ бываютъ вечера, балы?

Владиміръ.—Нѣтъ.

Бѣлинскій.—А я думалъ... Однако, все не мѣшаетъ... Познакомь меня.

Владиміръ.—Изволь.

Бѣлинскій. — Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

Владиміръ. — Она очень обыкновенна и тебя не займетъ.

Бѣлинскій. — Знаешь-ли ты кузину Загорскихъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

Владиміръ.—Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно объ ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного слова отъ нея. А ты знаешь, что я вѣрю предчувствіямъ.

Бѣлинскій.—Суевѣръ!

Владиміръ.—Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла идти въ ворота; я ее принудилъ; она бросилась и чуть-чуть я не ударился головой объ столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка... а смотришь,—онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью!..

Бѣлинскій (смотритъ на часы). — Ахъ, Боже мой! а мнѣ давно вѣдь пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ вѣдь на секунду.

Владиміръ.—Я это вижу. Куда ты спѣшишь?

Бѣлинскій.—Къ графу Проскому. Скука смертельная, а надо ѣхать...

Владиміръ.—Зачѣмъ же надобно?

Бѣлинскій.—Да такъ.

Владиміръ.—Важная причина... Ну, прощай!

Бѣлинскій.—До свиданья. (Уходитъ).

Владиміръ.—Люблю Бѣлинскаго за его веселый характеръ. (Ходитъ взадъ и впередъ). Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ въ ней, какъ въ домѣ, гдѣ пьянъ хозяинъ... Поѣду... Увижу Наташу, этого ангела! Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою спокойствіе. (Садится и вынимаетъ изъ кармана бумагу). Странно! вчерась я отыскалъ это въ своихъ бумагахъ и былъ пораженъ. Каждый разъ, какъ посмотрю на этотъ листокъ, я чувствую присутствіе сверхъестественной силы, и неизвѣстный голосъ шепчетъ мнѣ: «не старайся избѣжать судьбы своей! такъ должно быть!» Годъ тому назадъ, увидавъ ее въ первый разъ, я писалъ объ ней въ одномъ замѣчаніи... Она тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь... когда вспомню, то вся кровь приходитъ въ волненіе... и сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ... Можетъ-быть, она меня любитъ... ея глаза, румянецъ, слова... Какой я ребенокъ! Все это мнѣ такъ памятно, такъ дорого, какъ-будто одними ея взглядами и словами я живу на свѣтѣ. Что пользы?.. Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ прошлаго года!.. Боже! Боже! чего желаетъ мое сердце?.. Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что скажу ей; какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только съ нею,—все забыто: я истуканъ! душа утонетъ въ глазахъ; все пропадетъ—надежды, опасенья, воспоминанія!.. О, какой я ничтожный человѣкъ! не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданья! (Съ горькой улыбкой). Чѣмъ-то кончится жизнь моя, а началась она недурно! Впрочемъ, не все-ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... О, какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ нихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ. (Уходитъ тихо).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ввечеру 28-го августа.

Диванная въ домѣ **Загорскихъ**; дверь одна отворена въ гостиную, другая въ залу. Хозяйка **Анна Николаевна**; ея дочь **Наталья Ѳедоровна**. (**Софья**, княжна, вскорѣ). Иные сидятъ, другіе разговариваютъ стоя. — Бьетъ 8 часовъ.

Анна Ник. (одному изъ гостей). — Были вы вчера у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ... и еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты были—это чудо, по-царски!

Гость 1-й. — Какъ же-съ, я былъ тамъ. До пяти часовъ утра танцовали, и всего было довольно, всякаго рода людей...

Нат. Ѳед. — Какіе вы насмѣшники! А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?..

Гость 1-й.—Два князя Шумовыхъ, Бѣлинскій, Арбенинъ, Слѣновъ, Чанкій и другіе: однихъ не помню, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? Премилый малый, прелюбезный,—не правда-ли?

Анна Ник.—Да, я слыхала.

Одна изъ барышень.—Скажите, пожалуйста, кто такое этотъ Арбенинъ? Мнѣ объ немъ много разсказывали.

Гость 1-й.—Во-первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хотите, впрочемъ, очень умный человѣкъ. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности,—нѣтъ, всѣ объ немъ этого мнѣнія.

Нат. Фед.—Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю объ немъ; я его знаю давно—онъ къ намъ ѣздитъ—и я не замѣтила его злости; по крайней мѣрѣ онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

Гость 1-й.—О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ, можетъ быть, очень любезенъ, но...

Другая барышня. — Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

Гость 2-й (подойдя). — А мнѣ кажется, наоборотъ...

Нат. Фед. (одной изъ барышень).—Ma chère, знаешь-ли ты что-нибудь глупѣе комплиментовъ?

Гость 3-й (недавно подошедшій).—А знаете-ли вы исторію Арбенина?

Одна изъ дамъ. — Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ: это доказываетъ его веселый характеръ,—а исторія счастливыхъ людей не бываетъ никогда занимательна.

Гость 3-й.—Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ борьбѣ съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего-то дикаго; если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: этотъ переломъ доказываетъ только, что человѣкъ не можетъ совершенно скрыть чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются,—вотъ лица счастливцевъ!

Нат. Фед.—О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3-й.—Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ понапрасну?

Нат. Фед.—Напротивъ! вотъ я третьяго дня цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ не заслуживаетъ названія дворянина, что у него злой языкъ и такъ далѣе; а я знаю, что Арбенинъ такъ понимаетъ хорошо честь, какъ никто, и что у него доброе сердце,—онъ это доказалъ многимъ.

Гость 1-й (обращаясь къ другому).—Посмотрите, какъ она покраснѣла.

Гость 4-й. C'est une coquette!

Нат. Фед. (смотритъ въ дверь).—Кто это еще пріѣхалъ?—Ахъ, вообразите: я не узнала издали кузину.

(Княжна Софья входитъ. Кузины цѣлуются).

Княжна Софья (тихо Наташѣ).—Я сію минуту, выходя изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что если-бъ самъ императоръ проѣхалъ мимо его съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. (Улыбается). Будетъ онъ здѣсь?

Нат. Фед.—Почему же мнѣ знать? Я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

Княжна (въ сторону). — А я надѣялась еще разъ его увидать. (Громко). У меня сегодня что-то голова болитъ.

Гость 2-й.—Лишь бы не сердце.

Княжна (въ сторону).—Какъ плоско! (Ему). Вы вчера прекрасно играли у графа, особливо во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами (онъ кланяется). Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

Гость 2-й.—У меня заболѣла голова.

Княжна Софья (съ улыбкой).—Что за важность? Это не сердце!

Анна Ник. (подходитъ). — Барышни! господа кавалеры! не хотите-ли играть въ мушку?.. Столы готовы.

Многіе.—Съ большимъ удовольствіемъ. (Всѣ, кромѣ Наташи и Софьи, уходятъ).

Княжна.—Кузина! мнѣ кажется, ты совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... Ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю. Или я еще не заслужила?..

Нат. Фед.—Душенька, къ чему такіе упреки? (Цѣлуетъ ее). Впрочемъ, это неправда... (Беретъ княжну за руку). Не сердитесь же, Софья Николаевна! (Смѣется).

Княжна.—О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, незнающія никакой преграды, и перемѣнчивость склонностей—вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

Нат. Фед.—Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

Княжна.—Потому что я тебя люблю—и предостерегаю...

Нат. Фед.—Да почему тебѣ такъ знать его?

Княжна.—О! я наслышалась довольно...

Нат. Фед.—Отъ кого?

Княжна.—Да отъ самого Арбенина. (Наташа отворачивается и уходитъ). Она ревнива! она любитъ его! а онъ, онъ... Какъ часто, когда я ему говорила что-нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ, и когда Наташа подходила, я слѣ-

ловала за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О, я несчастная!.. но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! Онъ часто разговариваетъ со мною, но почти все о Наташѣ. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства,— превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся; какая душа блещетъ въ его темныхъ глазахъ! какой голосъ!.. О, я безумная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ, и не могу растолковать собственную страсть. (Молчаніе). Нѣтъ! они не будутъ счастливы... клянусь этимъ небомъ, клянусь душой моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе... Пусть тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ скажу: «онъ не веселится, когда я плачу! его жизнь не спокойнѣе моей!».. Я рѣшилась! какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась... (Въ это время въ глубинѣ театра проходитъ нѣсколько гостей, одни уѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, хозяйка провожаетъ и встрѣчаетъ. Владиміръ Арбенинъ тихо выходитъ изъ гостиной).

Княжна (увидавъ Арбенина).—Какъ смѣла я рѣшиться!

Владиміръ.—Ахъ, княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь.

Княжна.—Давно-ли вы пріѣхали?

Владиміръ.—Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ по 5 копѣекъ въ мушку. Я посмотрѣлъ; почти никому слова не сказалъ; мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія ни для глазъ, ни для ума, нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, пошлое самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку себѣ и другимъ...

Княжна.—Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

Владиміръ (пожавъ плечами).—Зачѣмъ!

Княжна (язвительно).—Я догадываюсь...

Владиміръ.—Такъ! заблужденіе, заблужденіе!.. Но скажите, можетъ-ли быть тотъ счастливъ, кто своимъ присутствіемъ въ тягость? я не сотворенъ для людей теперешняго вѣка и нашей страны; у нихъ каждый обязанъ жертвовать толпѣ своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я вездѣ одинаковъ, и потому нигдѣ не гожусь. Неправда-ли, вотъ очень ясное доказательство...

Княжна.—Вы на себя нападаете.

Владиміръ.—Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ ласковый взглядъ, за одно не слишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени, и со мною случится скоро горе—не отъ ума, но отъ глупости...

Княжна.—Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствія?—Я васъ не понимаю. Все проходитъ: и ваши печали, и (я не знаю даже какъ назвать) ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли-ли вы мою кузину, Наташу?

Владиміръ.—Когда я вошелъ, какой-то адъютантикъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошлый разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму, и какъ мужъ ея, вступившись за нее, съ-дуру обнаружилъ, кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ я буду веселъ сегодня. (Уходитъ въ гостиную).

Княжна (глядитъ ему вслѣдъ). — Желаю вамъ много успѣховъ! Нынче же начну приводить въ исполненіе мои планъ. И скоро увижу я конецъ всему... Боже мой! Боже мой! для чего я такъ слабодушна, такъ не тверда! (Уходитъ въ гостиную).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

15 го сентября, днемъ.

Комната въ домѣ **Маріи Дмитріевны** (матери Владиміра). Зеленые обои. Столикъ и кресла. У окна **Аннушка**, старая служанка, шьетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя.

Аннушка.—Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ заподздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе?.. Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончится. Оставляетъ же онъ насъ почти съ голоду умирать: стало-быть не любитъ совсѣмъ и никогда не любилъ, а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитріевнѣ все любить такого антихриста. Вотъ ужь охота пуще неволи! За то молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ; такой ласковый. Шесть лѣтъ, нѣтъ больше... восемь лѣтъ я его не видала; какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ. Еще помню, какъ его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный: что ни увидитъ, все —зачѣмъ? да что?—а ужь вспыльчивъ-то былъ

словно порохъ. Разъ, вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему,—бросилъ и успокоился... А бывало, помню (ему еще было три года),—бывало, барыня посадитъ его на колѣна къ себѣ и начнетъ играть на фортепьянахъ что-нибудь жалкое,—глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся!.. Ужь вѣрно ему Павелъ Григорьевичъ много наговаривалъ противъ матери, да, видишь, въ прокъ не пошло худое слово. Дай Богъ здоровья Владиміру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ. (Входитъ Марья Дмитріевна съ книгой въ рукѣ).

Марья Дм.—Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслію за буквами? Тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостію! Къ чему служили мои дѣтскія мечты? Развѣ есть необходимость: предчувствовать напрасно?.. Будучи ребенкомъ, я часто, подъ вліяніемъ свѣтлаго неба, свѣтлаго солнца, веселой природы, создавала себѣ существа такія, какихъ требовало мое сердце; они слѣдовали за мною всюду, я разговаривала съ ними днемъ и ночью, они украшали для меня весь міръ. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имѣли нѣкоторое сходство съ моими идеалами; въ обхожденіи съ ними я сама становилась лучше. Ангелы-ли были они? не знаю,—но очень близки къ ангеламъ... Но теперь холодная существенность отняла у меня послѣднее утѣшеніе: способность воображать счастіе!.. Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобы получить прощеніе мужа. Прощенія? Мнѣ просить прощенія!—Боже! Ты знаешь дѣла человѣческія, Ты читалъ въ моей и въ его душѣ, и Ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!.. (Задумывается; потомъ подходитъ медленно къ кресламъ и садится) Аннушка! ходила-ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ развѣдывать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги! Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

Аннушка.—Ходила, матушка, и разспрашивала.

Марья Дм.—Что же? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала-ли ты?

Аннушка.—Ничего онъ, сударыня, объ васъ не говорилъ. Если-бъ не было у васъ сына, то никто не зналъ бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

Марья Дм.—Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произносить мое имя; онъ презираетъ меня!.. Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу—какъ смерть и жизнь!

Аннушка. — Однакоже, говорятъ, что Владиміръ Павловичъ васъ очень любятъ. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять васъ.

Марья Дм.—Да! мой сынъ меня любитъ! я это видѣла вчера, я чувствовала жаръ его руки, я чувствовала, что онъ все еще мой. Такъ! душа не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣнахъ, въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще возстановить противъ меня Небо и людей!.. (Закрываетъ лицо руками).

Аннушка.—Эхъ, матушка! что плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься. Говорятъ, Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать.

Марья Дм.—О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, слабая, больная, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! это противъ природы!.. Аннушка! въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

Аннушка.—Въ самомъ дѣлѣ-съ.

Марья Дм.—И онъ запретилъ моему сыну видѣть меня? Точно?

Аннушка.—Запретилъ-съ, точно!

Марья Дм.—(Помолчавъ).—Послушай! онъ думаетъ, что Владиміръ не его сынъ, или самъ никогда не зналъ матери!.. (Вѣтеръ сильнѣе ударяетъ въ окна. Обѣ содрагаются). И я пріѣхала искать примиренья? съ такимъ человѣкомъ?.. Нѣтъ! союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ Небесами, хотя мой супругъ и орудіе небеснаго гнѣва... Но, Творецъ! взялъ-ли бы Ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные-ли люди бываютъ на землѣ палачами?

Аннушка.—Какъ вы блѣдны, сударыня! Не угодно-ль отдохнуть? (Смотритъ на стѣнные часы). Скоро пріѣдетъ докторъ: онъ обѣщался быть въ двѣнадцать часовъ.

Марья Дм.—И пріѣдетъ въ послѣдній разъ! Какъ смѣшна я кажусь себѣ самой! думать, что лѣкарь вылѣчитъ глубокую рану сердца! (Молчаніе). О! для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время! А теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно,—вотъ что меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за мгновенный проступокъ ты грызешь мою душу! Какое униженіе! я принуждена подъ *другимъ именемъ* пріѣзжать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... Передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и зло-

дѣвъ—есть міръ, нынѣшній міръ... Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

Аннушка (посмотрѣвъ въ окно). — Докторъ пріѣхалъ. (Докторъ входитъ).

Марья Дм. — Здравствуйте, Христофоръ Васильичъ. Милости просимъ.

Докторъ (подходитъ къ рукѣ).—Что? Какъ вы?

Марья Дм.—Благодаря вамъ мнѣ гораздо лучше.

Докторъ (щупая пульсъ).—Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! вы слабѣе! у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе! у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лѣчиться долго, постепенно, по методѣ, — а вы все хотите вдругъ...

Марья Дм.—Но если не достаетъ способовъ?

Докторъ. — Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (Пишетъ рецептъ).

Марья Дм.—Откуда вы теперь, Христофоръ Васильичъ?

Докторъ.—Отъ господина Арбенина.

Марья Дм. и **Аннушка** вмѣстѣ).—Отъ Арбенина? (Обѣ въ замѣшательствѣ).

Докторъ.—А развѣ вы его знаете?

Марья Дм.—Нѣтъ! А кто такое Арбенинъ?

Докторъ. — Этотъ господинъ Арбенинъ, коллежскій ассесоръ, въ разводѣ съ своей женой, — то есть не въ разводѣ, а такъ: она покинула мужа, потому что была невѣрна...

Марья Дм.—Невѣрна! *она* его покинула?

Докторъ. — Да, да!—невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого же Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати или двадцати, шалунъ, повѣса, заслуживший въ свѣтѣ очень дурную репутацію; говорятъ даже, что онъ пьетъ... Да, да!.. Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ господинъ Арбенинъ, сынъ такой негодай! Если его принимаютъ въ хорошія общества, то это только для отца!.. И еще вообразите, онъ смѣется все надо мной и надъ моей ученостью!.. онъ! надъ моей ученостью! смѣется!..

Марья Дм. (въ сторону). — Личность!.. я отдыхаю!

Докторъ. — Ахъ, у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

Марья Дм. — Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость, и позвольте мнѣ съ вами проститься. Вы почти знаете въ какомъ я положеніи! я скоро ѣду изъ Москвы. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ меня возвратиться въ деревню.

Докторъ. — Какъ! не возвративши здоровья?

Марья Дм. — Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить! болѣзнь моя не по ихъ части...

Докторъ. — Какъ! Вы не вѣрите благому вліянію медицины?

Марья Дм. — Извините! я очень вѣрю... однако не могу ею пользоваться...

Докторъ. — Есть-ли что-нибудь невозможное для человѣка съ твердой волею...

Марья Дм. — Мнѣ должно, моя воля—ѣхать въ деревню. Тамъ у меня тридцать семействъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья. Тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится,—тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все... Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

Докторъ (беретъ деньги). — Однако вы еще очень нездоровы! вамъ бы надобно...

Марья Дм. (значительно взглянувъ на него). — Прощайте! (Докторъ, раскланявшись, уходитъ, съ недовольною миной). Этотъ человѣкъ въ состояніи высосать послѣднюю копѣйку!

Аннушка. — Вы совсѣмъ разстроены! ваше лицо перемѣнилось! ахъ, сударыня! присядьте,— ваши руки дрожатъ!

Марья Дм. — Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной!

Аннушка (поддерживая ее). — Видно вамъ, сударыня, такъ ужь на роду написано терпѣть!

Марья Дм.—Я хочу умереть.

Аннушка.—Смерть никого не обойдетъ... Зачѣмъ же звать ее, сударыня! Она знаетъ кого въ какой часъ захватить... и позовешь-то ее неравно въ недобрый часъ... такъ хуже будетъ!.. Молитесь Богу, сударыня, да святымъ угодникамъ!—вѣдь они все страдали не меньше насъ! А мученики-то, матушка?

Марья Дм. — Я вижу, что близокъ мой конецъ... Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только примириться съ моимъ мужемъ прежде смерти, пускай ничей справедливый укоръ не слѣдуетъ за мной въ могилу... Аннушка! доведи меня въ мою комнату. (Уходятъ обѣ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

17-го октября, вечеръ.

Комната студента Рябинова. Бутылки шампанскаго на столѣ и довольно много безпорядка. Снѣгинъ, Челясовъ, Рябиновъ Заруцкій, Вышневскій. Курятъ трубки. Ни одному нѣтъ больше 20 лѣтъ.

Снѣгинъ. — Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

Челяевъ.—Чѣмъ-нибудь обидѣлся.

Заруцкій. — Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то шутитъ и хохочетъ, то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ проваливался надъ нимъ...

Снѣгинъ.—За здоровье Арбенина; sacré-dieu! онъ славный товарищъ!

Рябиновъ.—Тостъ!

Вышневскій. — Челяевъ, былъ ты вчера въ театрѣ?

Челяевъ.—Да, былъ.

Вышневскій.—Что играли?

Челяевъ. — Обманныхъ «Разбойниковъ» Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно; жаль, что этотъ прекрасный актеръ не всегда въ духѣ; случиться могло-бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

Вышневскій.—И ты вѣрно крѣпко боялся въ театрѣ...

Челяевъ.—Боялся? Чего?

Вышневскій. — Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

Всѣ.—Браво! браво! фора!—Тостъ!

Снѣгинъ (беретъ въ сторону Заруцкаго).—Правда-ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

Заруцкій.—Да... и довольно хорошо...

Снѣгинъ.—То-то! Не можешь-ли ты мнѣ достать что-нибудь?

Заруцкій. — Изволь... Да кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ піэсъ.

Снѣгинъ.—Ради Бога, покажи... пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь...

Заруцкій (вынимаетъ нѣсколько листковъ изъ кармана, и они садятся въ другой комнатѣ у окна).—Вотъ первая. Это отрывокъ, фантазія. Слушай хорошенько!.. Создатель! какъ они шумятъ!.. Между прочимъ я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбленъ въ Загорскину.—Слушай.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта,—но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ,
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями; но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ;
О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.

3.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

Снѣгинъ. — Онъ это писалъ въ геніальную минуту!.. Другую...

Заруцкій.—Это посланіе къ Загорскиной:

Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенныя мечты?
Я буду веселъ, но—ошибкой:
Причину—слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь шумный, хладный свѣтъ,
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!
Ты счастлива, а я—я нѣтъ!
Какъ небо утро молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой,
Въ немъ дышетъ чувство всѣмъ родное,—
А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину:
Ея надежды—бредъ больнова,
Имъ вѣрить—значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ,
Онъ проклятъ строгою судьбой,
Какъ счастье безъ тебя—онъ мраченъ.
Прости!.. прости же, ангелъ мой!..

---

*) *Въ черновой рук. „Стр. Чел.“, вмѣсто вышеприведеннаго отрывка изъ обширнаго стихотворенія: „Москва, іюня 11“, — написано, но перечеркнуто слѣдующее стихотвореніе:*

Не удалось мнѣ сжать руки твоей
Въ тотъ часъ, который долженъ быть
Послѣднимъ часомъ двухъ счастливыхъ дней
И мнѣ лишь сердце отравить.
Ты не хотѣла слушать клятвъ любви,
И, я обманутый, не сталъ
Тебя просить.—Къ чему слова мои?
Ты не повѣрила-бъ... я зналъ.
Я зналъ: ты не должна меня понять,—
И вдругъ очнулся я душой
И устрашился мысленно сковать
Твою судьбу съ моей судьбой,
И если-бъ нынѣ взоръ твоихъ очей
Блаженство обѣщалъ мнѣ вновь...
Я прекратилъ бы жизнь свою скорѣй,
Чтобъ не принять твою любовь.

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. Я его люблю за это.

(Сильный шумъ въ другой комнатѣ).

Многіе голоса.—Господа! мы (честь имѣемъ объявить) пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и ... й!

Рябиновъ. — Тостъ!.. еще тостъ!.. господа! Коперникъ правъ: земля вертится!.. (Шумъ утихаетъ; потомъ опять бьютъ въ ладоши).

Снѣгинъ. — Оставь! не слушай ихъ! читай далѣе...

Заруцкій. — Погоди (вынимаетъ еще бумагу). Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ только замѣчателенъ, что онъ картина съ природы. Арбенинъ описываетъ то, что съ нимъ было, просто; но есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы.— Она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе «The Dream» Байронову. Все это мнѣ сказалъ самъ Арбенинъ. (Читаетъ).

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ *)
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужь на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ — и въ нихъ онъ былъ еще прекраснѣй!..
Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Въ безпорядкѣ
Минувшее являлося ему —
Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій довѣрчивую душу.
Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преградъ!..

Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И, проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно: окно и домъ.
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и шумны, шумны воды.
Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя-бъ укоръ
Произнесли ея уста? О, нѣтъ! —
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня—и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе...
И вотъ ужь онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Взбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный коридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *Ея сестра*
Идетъ къ нему на встрѣчу. О, когда-бъ
Я могъ изобразить его страданье! —
Какъ мраморъ блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ.—Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... И долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній,—наконецъ
Онъ былъ теперь не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна,—такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться,—но очей не освѣжитъ.

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ не сплится воображенье,
Его орудья пытки—ничего
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу...

Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами полными огнемъ и жизнью, *)
И рядомъ съ ней сидѣлъ въ молчаньи мнѣ
Знакомый юноша, и оба, обѣ
Старалися довольными казаться;
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.

---

*) *Стих. это, подъ заглавіемъ „Видѣніе“, съ незначительными варіантами, находится и въ одной изъ черновыхъ тетрадей Лермонтова.*

*) Съ очами полными душой и жизнью,

И юноша спокойнѣй, милось, былъ
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось—безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее — *)
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его,—
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ серебристыхъ облаковъ отрывки,
И съ сжатою душой не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный или
Не получить отвѣта на моленья!.. **)

Все, что тутъ описано, было съ Арбенинымъ; для другого эти приключенья ничего бы не значили, но вещи дѣлаютъ впечатлѣніе на сердце, смотря по расположенію сердца.

Снѣгинъ.—*Странный человѣкъ* Арбенинъ! (Оба уходятъ въ другую комнату).

Вышневскій.—Господа, когда-то русскіе будутъ русскими?

Челяевъ.—Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова здорово.

Вышневскій.—Прекрасное средство. Если-бъ тебѣ твой докторъ только такіе рецепты предписывалъ, то я бьюсь объ закладъ, что ты теперь не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы на столѣ!

Заруцкій.—А развѣ мы не доказали въ 12-мъ году, что мы русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара Москвы; мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ.—Ура! господа! здоровье пожара московскаго!.. (Звукъ стакановъ).

---

*) Хотя объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ,
Хотя лишь ею дорожилъ онъ больше
Своей непобѣдимой, гордой чести;

**) *Въ черновой рукописи слѣдуетъ окончаніе:*
Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ проговорился тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной!..

СЦЕНА ПЯТАЯ.

10-го января, утромъ.

Въ домѣ у **Бѣлинскаго**; его кабинетъ по модѣ отдѣланный. — Окна замерзли; на столѣ табачный пепелъ и пустая чайная чашка.

Бѣлинскій (одинъ прохаживается по комнатѣ).—Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что же? Женитьба лѣкарство очень полезное отъ многихъ болѣзней—и отъ *карманной* чахотки особенно. Теперь я занялъ *денегъ*, чтобъ купить деревню; но тысячи рублей *недостаетъ*, а гдѣ ихъ взять?.. Женись! *женись!* кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! но на комъ?.. Вчера я познакомился съ Загорскими. *Наташа* мила, очень мила; у ней кое-что есть... но Владиміръ влюбленъ въ нее. Чтожъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я нахожусь въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужь такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, *другой*—другое! самъ себѣ противорѣчитъ; а все, какъ заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ-нибудь,—конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не добьешься: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли... (Молчаніе). Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ не кончу дѣла. Буду покамѣстъ ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ... (Входитъ Арбенинъ скоро).

Владиміръ.—Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

Бѣлинскій.—А! здравствуй, Арбенинъ! Это—планы... планы...

Владиміръ.—И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

Бѣлинскій.—Нѣтъ! если я твердо намѣренъ сдѣлать что-нибудь, то рѣдко мнѣ не удается. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего-нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться: судьба—женщина!

Владиміръ.—А я такъ часто былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаивался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего,—живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого всѣ стараются чѣмъ-нибудь возбудить меня, какъ-нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... И знаешь-ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобъ чѣмъ-нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!.. Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

Бѣлинскій.—Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для большаго романтизма.

Владиміръ.—Нѣтъ! нѣтъ, говорю я тебѣ,—я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня—слишкомъ подлы.

Бѣлинскій.—Какъ? ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты любезенъ въ обществѣ: дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь, и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

Владиміръ (съ горькой улыбкой).—Я вижу, ты хочешь меня утѣшить!

Бѣлинскій.—Когда ты былъ у Загорскихъ? Могутъ-ли тамъ тебя утѣшить?

Владиміръ.—Вчера я ихъ видѣлъ.—Странно: она меня любитъ—и не любитъ. Она со мною иногда такъ добра, такъ мила, такъ много говорятъ глаза ея, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви... а иногда, особливо на балѣ гдѣ-нибудь, она совсѣмъ другая,—и я больше не вѣрю ни ея любви, ни своему счастью.

Бѣлинскій.—Она кокетка.

Владиміръ.—Не вѣрю; тутъ есть тайна...

Бѣлинскій.—Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто, когда ей весело, тогда твоя Наташа объ тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется,—вотъ и вся тайна.

Владиміръ.—Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе!

Бѣлинскій (покачавъ головой).—Ты не въ духѣ сегодня.

Владиміръ (вынимаетъ изорванное письмо).—Видишь?

Бѣлинскій.—Что такое?

Владиміръ.—Это письмо я написалъ къ ней. Прочти его! Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ; улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной... Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться!.. Смѣяться!.. Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Бѣлинскій.—Я подозрѣваю хитрость княжны Загорскиной не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе... Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

Владиміръ.—Хитрость, хитрость! Я ее видѣлъ, провелъ съ нею почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера... Неужели она равнодушно стала бы слушать разсказъ моихъ страданій? (Схватываетъ руку Бѣлинскаго). Что, если-бъ я могъ прижать Наталію къ этой груди и сказать ей: «ты моя, моя навѣки!..» Боже! Боже! я не перенесу этого! (Смотритъ пристально въ глаза Бѣлинскому). Не говори ни слова,—не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

Бѣлинскій.—Послѣ! (Въ сторону). Какъ? уже-ли онъ предугадываетъ судьбу свою?

Владиміръ.—О! какъ сердце умѣетъ обманывать! (Безпокойно ходитъ взадъ и впередъ).

Бѣлинскій (въ сторону).—И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ?.. Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?.. Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ показываетъ; жизнь не романъ. (Входитъ слуга Бѣлинскаго).

Слуга.—Дмитрій Василичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

Бѣлинскій.—Вели ему взойти. (Слуга уходитъ). (Входитъ мужикъ, сѣдой, и бросается въ ноги Бѣлинскому).

Бѣлинскій.—Встань, встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

Мужикъ (на колѣняхъ).—Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ.... (кланяется).—Мы слышали, что ты баринъ добрый...

Бѣлинскій. — Да встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!..

Мужикъ (вставъ).—Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

Бѣлинскій.—Да говори же...

Мужикъ (кланяясь).—Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяться тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ заступникомъ... всѣ бы стали Богу молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ?

Бѣлинскій.—Что же? Вамъ не хочется съ госпожей своей разставаться, что ли?

Мужикъ (кланялся въ ноги).—Нѣтъ! купи, купи насъ, родимый!

Бѣлинскій (въ сторону). — Странное приключеніе (Мужику). А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

Мужикъ.—Охъ, тяжко!.. за грѣхи наши!.. (Арбенинъ начинаетъ вслушиваться).

Бѣлинскій.—Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что-ли, госпожа поступаетъ съ вами?

Мужикъ.—Да, такъ, баринъ, что вѣдь, ей-

Богу, терпѣнья ужь нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Бѣлинскій.—Что же она дѣлаетъ? (Лицо Владиміра мрачно).

Мужикъ.—Да что вздумается ея милости...

Бѣлинскій.—Напримѣръ... Сѣчетъ часто?

Мужикъ.—Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару въ полдень, пока не прикажетъ надѣть; а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

Бѣлинскій.—Какія злоупотребленія!

Мужикъ.—Разъ какъ-то барынѣ донесли, что-дескать «Оедька дурно про тебя говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться...»—а Оедька мужикъ былъ славный; вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барской дворъ, дѣти кричали, жена плакала... Вотъ стали руки вывертывать. «Господинъ управитель!—сказалъ Оедька,—что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь!»—«Вздоръ!»—сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Оедька и сталъ безрукой. На печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденье...

Бѣлинскій.—Да что, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

Мужикъ.—Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей! У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ же оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжко стало намъ! Посмотришь въ другое село,—сердце кровью обливается!.. живутъ покойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась, такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... Охъ, больно... А какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (Падаетъ на колѣна передъ Бѣлинскимъ). О! кабы ты намъ помогъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! (Рыдаетъ).

Владиміръ (въ бѣшенствѣ).—Люди! Люди!.. и до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!.. все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство.

Бѣлинскій.—Въ самомъ дѣлѣ ужасно

Мужикъ.—Купи насъ, родимой.

Владиміръ.—Дмитрій, есть-ли у тебя деньги?.. Вотъ все, что я имѣю: вексель на 1000 рублей... ты мнѣ отдашь когда-нибудь. (Кладетъ на столъ бумажникъ).

Бѣлинскій (сосчитавъ).—Если такъ, то я постараюсь купить эту деревню. Поди, добрый мужичекъ, и скажи своимъ, что они въ безопасности. (Владиміру). Какова госпожа?

Мужикъ.—Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ долгую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что душѣ ни пожелается!.. Прощай, родимой! Благослови тебя Царь Небесный. (Уходитъ).

Владиміръ.—О, мое отечество! мое отечество! (Ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ).

Бѣлинскій.—Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь купить эту деревню! какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчать страждущее человѣчество! Такъ; это доброе дѣло!.. Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владиміръ.—Есть люди болѣе достойные сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія внѣшнія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія... тотъ, кто желаетъ и не надѣется... тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его... тотъ... но для чего говорить объ такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

Бѣлинскій.—Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно-ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

Владиміръ.—Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина или имѣть выборъ; второй—никогда. Имъ играетъ слѣпой случай; и страсти его и безчувственность другихъ — все соединено къ его гибели.

Бѣлинскій.—Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, Который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

Владиміръ. (смотритъ на небо).—Вѣрю-ли я? Вѣрю-ли я?..

Бѣлинскій.—Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владиміръ (помолчавъ).—Послушай; не прав-

да-ли, теперь прекрасная погода? Пойдемъ на бульваръ.

Бѣлинскій. — Чудакъ! (Входитъ слуга Марьи Дмитріевны)? Что тебѣ надобно? Кто ты?

Владиміръ.—Слуга моей матери!

Слуга.—Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ-полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

Владиміръ.—Что случилось?

Слуга.—Да барыня-съ...

Владиміръ.—Что?

Слуга.—Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

Владиміръ.—Нездорова, говоришь ты? больна?

Слуга.—Очень нездорова-съ!

Владиміръ (задумчиво).—Очень!.. да, я пойду! (Подавая руку Бѣлинскому). Не правда-ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ? (Уходитъ. Въ продолженіе этой рѣчи онъ мѣняется въ лицѣ, и голосъ его дрожалъ).

Бѣлинскій (глядя вслѣдъ ему).—Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ-ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ излѣчить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (Слуга Бѣлинскаго входитъ). Что тебѣ?

Слуга.—Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

Бѣлинскій.—Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (Про себя). Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ: играютъ скверно; тѣсно, душно... А нечего дѣлать! весь beau-monde! (Закуриваетъ трубку и уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

10-го января, день.

Въ домѣ у **Загорскиныхъ**. Комната барышень. **Княжна Софья** сидитъ на постели; **Наташа** поправляетъ волосы передъ зеркаломъ.

Кн. Софья.—Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

Наташа.—Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

Кн. Софья.—Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться... онъ вовсе не такой человѣкъ.

Наташа.—Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

Кн. Софья (насмѣшливо).—Неправда-ли, какъ онъ интересенъ, какъ милы его глаза, полные слезъ?

Наташа.—Да, для меня очень занимательны.

Кн. Софья.—Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

Наташа.—Ему не отчего быть увѣрену.

Кн. Софья. — А попробуй показать холодность,—тотчасъ отстанетъ!

Наташа.—Я попробовала, и онъ не отсталъ, а только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

Кн. Софья.—Но ты не умѣешь притворяться, ты...

Наташа.—Повѣрь, не хуже тебя.

Кн. Софья.—Арбенинъ точно также куртизанилъ прошлаго года Лидиной Полинѣ; а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею,—ты помнишь? То же будетъ и съ тобой.

Наташа.—Я не Полина.

Кн. Софья.—Посмотримъ.

Наташа.—Да что ты такъ на одно наладила?

Кн. Софья.—Ужь что я знаю, то знаю. Вчера...

Наташа.—Что такое? Впрочемъ,—я и знать не желаю.

Кн. Софья.—Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

Наташа.—Ну, чтожъ?

Кн. Софья.—Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма! Вѣрь имъ послѣ этого... Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? (Молчаніе). А еще, знаешь: мнѣ сказывали—навѣрное, что онъ хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не вѣрю.

Наташа (въ сторону).—Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!.. Хвалится! кто-бъ подумалъ! это слишкомъ!.. (Громко). Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій! Un jeune homme charmant! прелесть какъ хорошъ, уменъ и любезенъ. Вотъ ужь не надуетъ губы! Какъ воспитанъ, точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

Кн. Софья.—Поздравляю. И ты, я надѣюсь, ему очень понравилась. (Въ сторону). Я въ вос-

хищенію: мои слова дѣйствуютъ! (Громко). Вчерась же Арбенинъ чуть-чуть но поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, такой тихій, степенный, осторожный, а Вольдемаръ этого не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и общественное мнѣніе, и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своею доброй славой, такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и побѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: «Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе,—онъ достигъ своей цѣли; это правда: я потерянъ для свѣта... но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ!» Ха-ха-ха! Не правда-ли, Наташа, это показываетъ твердость характера!

Наташа. — Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ объ немъ мало заботится; и этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (Наташа подходитъ къ окну).

Кн. Софья.—Повѣрь мнѣ: Арбенина такъ же огорчаетъ злословіе, какъ и другого; онъ только не хочетъ этого показать. (Молчаніе).

Наташа (съ живостію).—Ахъ! сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

3-го февраля, утро.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Онъ сидитъ въ креслахъ. Противъ него стоитъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ, съ сѣдыми бакенбардами

Пав. Григ.—Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи своему господину, что я не намѣренъ ждать. Долженъ?—плати. Нечѣмъ?—на что задолжалъ. Въ Россіи на это есть судъ. Ну, если-бъ я былъ бѣднякъ? Развѣ два мѣсяца пождать ничего не значитъ?

Повѣренный.—Хоть двѣ недѣли, сударь. Надняхъ мы денегъ ждемъ съ завода. Неужели ужь мы обманемъ васъ?

Пав. Григ.—Ни дня ждать не хочу.

Повѣренный.—Да гдѣ же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

Пав. Григ.—Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время... и съ процентами... слышишь...

Повѣренный.—Да помилуйте-съ!..

Пав. Григ.—Ни слова больше! ступай! (Повѣренный уходитъ). Видишь, какой ловкій! все бы ему ждали! Нѣтъ, братъ, нынче деньги дороги, хлѣба дешевы, да еще плохо родятся. Пускай графскіе сынки да вельможи проматываютъ имѣнье,—мы, дворяне простые, отъ этого выигрываемъ; пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами,—а мы будетъ тише да выше, и наконецъ они оглянутся, и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. (Встаетъ съ кресель). Ухъ! замотали меня эти дѣла... А все-таки какъ-то весело видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей, и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Почему же нѣтъ? И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка, и человѣкъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условленные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... (Зѣваетъ). Уфъ! спать хочется!.. Гдѣ-то сынъ мой? Онъ вѣрно опять задолжалъ, потому что третій день дома обѣдаетъ. Вотъ! прошу покорно имѣть дѣтей. (Владиміръ, блѣдный, быстро входитъ).

Владиміръ (громко и скоро).—Батюшка!

Пав. Григ.—Что тебѣ надобно?

Владиміръ.—Я пришелъ, чтобы... У меня есть одна, единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! поѣдемте! заклинаю васъ! Одна минута замедленья,—и вы сами будете раскаиваться.

Пав. Григ.—Куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

Владиміръ. — Немудрено... Если-бъ даже вы увидали, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

Пав Григ.—Это ужь ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, выводишь меня изъ терпѣнія.

Гладиміръ.—Такъ вы не хотите со мною ѣхать? такъ вы мнѣ не вѣрите! А я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть, эта женщина...

Пав. Григ,—Что мнѣ за дѣло до нея?

Владиміръ.—Она ваша супруга...

Пав. Григ. (съ досадой).—Владиміръ!

Владиміръ.—Вы вѣрно думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!.. Да! если вы будете далѣе противиться мольбамъ моей матери!.. О, нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія: я говорю прямо. Я вашъ сынъ—и ея сынъ. Вы счастливы, она страдаетъ на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ,—не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы и рыданья, и по-

слѣдній нищій назвалъ бы меня подлецомъ, если-бъ я могъ еще любить васъ!

Пав. Григ.—Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви; но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

Владиміръ.—Я ужъ просилъ васъ не уничтожать во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновей, чтобъ я не повторялъ эти обвиненья передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Пав. Григ.—Боже мой! до чего я дожилъ? (Ему). Знаешь-ли...

Владиміръ.—Я знаю: вы сами терзаемы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ, вы виноваты во многомъ...

Пав. Григ.—Замолчи!

Владиміръ.—Не замолчу! Не просить пришелъ я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!.. Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!.. Батюшка! (бросается на колѣни) батюшка, пойдемте со мною!

Пав. Григ.—Встань! (Онъ встревоженъ).

Владиміръ.—Вы пойдете?

Пав. Григ. (въ сторону).—Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

Владиміръ.—Такъ вы не хотите? (Встаетъ).

Пав. Григ. (въ сторону).—Она умираетъ, говоритъ Владиміръ; желаетъ получить мое прощенье!.. Правда! я бы... Но ѣхать туда! Если узнаютъ, что скажутъ?

Владиміръ.—Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ, она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ Судія! Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ. (Горько улыбается).

Пав. Григ. (принужденно).—Оставь меня.

Владиміръ.—Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... (Горько). Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ! (Тихо идетъ къ дверямъ). О, если-бъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! (Останавливается и смотритъ на отца). Боже! вотъ человѣкъ!

Пав. Григ. (про себя).—Однако, для чего мнѣ не ѣхать? что за бѣда? Передъ смертью помириться ничего: смѣяться никто надъ этимъ не станетъ... а все бы лучше!.. Да, такъ и быть, отправлюсь! Она, вѣрно, безъ памяти и меня не узнаетъ... скажу ей, что прощаю!—и дѣлу конецъ! (Громко). Владиміръ! послушай... погоди! (Владиміръ недовѣрчиво приближается). Я пойду съ тобою... я рѣшился... насъ никто не увидитъ?.. Но я вѣрю... Пойдемъ... Только смотри, въ другой разъ думай объ томъ, что говоришь.

Владиміръ.—Такъ вы точно хотите идти къ моей матери? точно? Это невѣроятно! Нѣтъ, скажите: точно?

Пав. Григ.—Точно

Владиміръ (кидается ему на шею). — У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ. (Плачетъ). Боже, Боже! я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!.. Вижу! вижу, что трудно бороться съ природными чувствами!.. О! какъ я счастливъ!.. Видите-ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза прояснѣли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. (Обнимаетъ его). О, мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! се надобно застать при жизни.

Пав. Григ. (хочетъ идти. Въ сторону).—Итакъ, я долженъ увидѣться... хорошо. Да нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь сѣти? Однако, отчаяніе Владиміра... Но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?.. развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть... кого бы ни было?.. О! я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ, — и теперь все ясно!.. Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость. Она пожалуй его подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! прехитрѣйшій! Однако, не на того напали. Хорошо, что я во-время догадался. Не пойду-же я! пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

Владиміръ.—Вы медлите?

Пав. Григ. (холодно).—Да! я медлю...

Владиміръ.—Вы... эта перемѣна... вы...

Пав. Григ. (гордо).—Я остаюсь. Скажи своей матери и *бывшей* моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть... скажи, что я благодарю за приглашеніе, и желаю ей веселой дороги. (Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ).

Владиміръ.—Какъ! (Съ отчаяніемъ). Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью! съ такой адской улыбкой!.. И я вашъ сынъ?.. Такъ, я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго; врагомъ вашимъ... изъ благодарности!.. О! если-бъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, кото-

рый потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ.

Пав. Григ.—Замолчи, сумасшедшій! страшись моего гнѣва!.. Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя!.. Я тебя примѣрно накажу...

Владиміръ (закрывъ лицо руками).—А я мечталъ найти жалость!..

Пав. Григ.—Неблагодарный, неблагодарный! чудовище! Мнѣ-ли ты не обязанъ?.. И съ такими упреками...

Владиміръ.—Неблагодарный!.. Вы мнѣ дали жизнь, возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!

Пав. Григ.—Вонъ скорѣй изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя *бѣдная* супруга! (Со смѣхомъ). Посмотримъ, скоро-ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая-ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шуму и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говорилъ,—и тогда, тогда, если осмѣлишься, покажись мнѣ опять на глаза! (Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою).

Владиміръ (который стоялъ какъ вкопанный, смотритъ вслѣдъ. Послѣ краткаго молчанія).—Все кончилось! (Уходитъ въ другую дверь. Рѣшительная безнадежность примѣтна во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ оставляетъ за собою дверь растворенную, и долго видно, какъ онъ то пойдетъ скорыми шагами, то остановится; наконецъ, махнувъ рукой, онъ удаляется).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

3-го февраля, день.

Спальня **Марьи Дмитріевны**. Столъ съ лѣкарствами. Она лежитъ въ постели; **Аннушка** стоитъ возлѣ нея.

Аннушка.—У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно-ли чаю горяченькаго, или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя родная! Какія руки-то холодныя! точно ледяныя! Не прикажете-ли, матушка, послать за лѣкаремъ?

Марья Дмитр.—Послушай, что давитъ мнѣ грудь?

Аннушка.—Ничего, сударыня,—очень легкое. Отчего бы, кажется, давить?

Марья Дмитр.—Аннушка! я сегодня умру!

Аннушка. — И, Марья Дмитревна! выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

Марья Дмитр.—Зачѣмъ?..

Аннушка.—Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора-ли лѣкарство принять?

Марья Дмитр.—Я не хочу лѣкарства... Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его послала. Посмотри въ окно: нейдетъ-ли онъ? Поди къ окну... Что? нейдетъ?.. Какъ долго!

Аннушка.—На улицѣ пусто.

Марья Дмитр. (про себя). — Онъ уговоритъ отца,—я увѣрена! О, какъ сладко примириться передъ концомъ; теперь я не стыжусь встрѣтить его взоръ. (Погромче). Аннушка! что ты такъ смотришь въ окно?

Аннушка.—Я?.. Нѣтъ... это такъ...

Марья Дмитр.—Нѣтъ, вѣрно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. — Похороны, сударыня, да какія пребышныя! сколько каретъ сзади: вѣрно, богачъ! Какія лошади! покровъ такъ и горитъ!.. два архіерея... пѣвчіе!.. Ну-жъ, нечего сказать...

Марья Дмитр.—Аннушка, и мнѣ пора... я чувствую близость послѣдней минуты. О, поскорѣе, поскорѣе, Царь Небесный!

Аннушка.—Полноте, сударыня, что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?.. Не бывать этому. Да я лучше по міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накормятъ.

Марья Дмитр.—Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

Аннушка.—Да еще перенесетъ-ли онъ вашу смерть? Вы знаете, какой онъ горячій: изъ малости ужь вонъ себя, а тогда... Боже упаси!

Марья Дмитр. — Ты права... я должна тебя наградить: у меня въ шкатулкѣ есть 80 рублей... дай нѣсколько и старику Павлу; онъ всегда вѣрно мнѣ служилъ, и тобой я всегда, всегда была довольна... (Смутная радость изображается на лицѣ Аннушки). О, какъ сердце бьется!.. Что хуже: ожиданье или безнадежность?

(Дверь отворяется. Тихо входитъ **Владиміръ**. Онъ мраченъ. Молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ).

Аннушка.—Владиміръ Павловичъ пришелъ.

Марья Дмитр. (быстро).—Пришелъ! (Приподымается и опять опускаетъ голову). Владиміръ... ты одинъ!.. а я думала... ты одинъ!..

Владиміръ.—Да.

Марья Дмитр.—Другъ мой! ты звалъ его сюда? сказалъ, что я умираю? онъ скоро придетъ!

Владиміръ (мрачно).—Какъ вы себя чувст-

вуете? Довольно-ли вы крѣпки, чтобъ говорить и слушать?

Аннушка.—Барыня безъ васъ все плакала, Владиміръ Павловичъ.

Владиміръ.—Боже, Боже! Ты всесиленъ. Зачѣмъ непремѣнно *я* долженъ убить мать мою?

Марья Дмитр. — Говори скорѣе, не терзай меня понемногу... Придетъ-ли твоей отецъ? (Молчаніе). Гдѣ онъ... Какъ предстать передъ Бога?.. Владиміръ, безъ него я не умру спокойно!

Владиміръ (тихо).—Нѣтъ.

Марья Дмитр. (не слыхавъ). — Что сказалъ ты?.. Дай мнѣ руку, Владиміръ.

Владиміръ (слезы начинаютъ падать изъ глазъ его; онъ бросается на колѣна возлѣ постели и покрываетъ поцѣлуями ея руку).—Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого?.. Развѣ вамъ не довольно меня?.. Кто-нибудь любитъ-ли васъ сильнѣй, чѣмъ я?

Марья Дмитр.—Встань... Ты плачешь?..

Владиміръ (вставъ, отходитъ въ сторону).—Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу... то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ! я долженъ былъ силою притащить его сюда, угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... (Съ бѣшеной радостью). Послушайте, послушайте, что я вамъ скажу! мой отецъ веселъ, здоровъ, и не хотѣлъ васъ видѣть!.. (Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается).

Марья Дмитр. (вздрагиваетъ; послѣ молчанія).—Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!..

Аннушка.—Ей дурно, дурно!..

Марья Дмитр.—Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди!.. Я умираю... отдаю душу правосудному Богу, и хочу, чтобъ ты, ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... я сама произнесу свой приговоръ. (Останавливается). Я виновна: молодость была моей виною!.. Я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... если-бъ мой мужъ хотѣлъ,—я забыла бы прежнее. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь,—и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!.. упрекай лучше самыми жестокими словами! я твоя злодѣйка!.. мой проступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяньемъ я загладила свой проступокъ. Слушай: онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла заглушить совѣсть, и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженіемъ я упала къ ногамъ его... Я надѣялась, что онъ великодушно проститъ мнѣ... Но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмѣшки свѣта .. Онъ жестоко со мной поступилъ!.. Я умираю... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владиміръ! ты осуждаешь мать свою?... Ты не смотришь на меня?.. (Голосъ ея подъ конецъ становится все слабѣе и слабѣе).

Владиміръ (Въ сильномъ движеніи; про себя).—Вижу! вижу! природа вооружается противъ меня!.. я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобъ разрушать естественный порядокъ!—Боже! Боже! здѣсь умирающая мать,—и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?.. Горе, горе тому, кто изсушилъ мое сердце!.. Онъ мнѣ заплатитъ! я сдѣлался черезъ него преступникомъ... Съ этой минуты прочь сожалѣнье!.. День и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ дыбомъ волосы и раскаяніе начнетъ грызть его душу! (Обращаясь къ матери). Ангелъ, ангелъ! не умирай такъ скоро! еще нѣсколько часовъ...

Аннушка (съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривая на госпожу).—Владиміръ Павловичъ! (Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руку Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается). Прости, Господи, ея душу! (Крестится. Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ; удерживается рукой за спинку стула и такъ остается недвиженъ нѣсколько минутъ).

Аннушка.—Какъ тихо скончалась-то, родимая моя! Что буду я теперь? (Плачетъ).

Владиміръ (подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, быстро отворачивается).—Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ!.. Но я отомщу,—жестоко, ужасно отомщу!.. Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ—и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать,—буду смѣяться! (Убѣгаетъ. Долгое молчаніе).

Аннушка.—И сынъ родной ее оставляетъ. Теперь все, что я могу захватить, мое... Что же? Тутъ по мнѣ нѣту грѣха; лучше, чтобы мнѣ досталось, чѣмъ кому другому... а Владиміру Павловичу не нужно. (Подноситъ зеркало къ губамъ усопшей). Зеркало гладко... послѣднее дыханье улетѣло... Какъ блѣдна! (Уходитъ изъ комнаты и призываетъ остальныхъ слугъ для совершенія обрядовъ).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

5-го февраля, пополудни.

Комната у **Загорскиныхъ, Наташа** и **Княжна. Анна Николаевна**, входя, вводитъ двухъ старухъ.

Анна Ник.—А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! Прошу садиться! Какъ ваше здоровье, Марѳа Ивановна? (Садятся).

1-я старуха.—Эхъ, мать моя! что у меня за здоровье! все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала щеку. (Къ другой старухѣ). Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только что на дворъ, и вы за мною, какъ будто сговорились навѣстить Анну Николаевну.

2-я старуха (къ хозяйкѣ).—Я слышала, что вы были больны.

Анна Ник.—Да... благодарю, что навѣстили. Теперь получше... А что новаго не слыхать-ли чего нибудь?

2-я старуха.—У меня, знаете, Егорушка въ Петербургѣ; такъ онъ пишетъ, что турокъ въ пухъ разбили наши... взяли пашу!..

1-я старуха—Дай-то Богъ!.. А я слышала, что Горинкинъ женился... Да на комъ! Знавали вы Болотину?—такъ на ея дочери. Славная партія. Ведь сколько жениховъ за нею гонялось! такъ нѣтъ... кому счастье!

Анна Ник.—А я слышала: графъ Свитской умеръ. Ведь жена, дѣти...

1-я старуха—Да, какая жалость! И что разсказываютъ!—слыхали вы?

Анна Ник.—Что такое?

2-я старуха.—Что такое?.. Странно! я не слыхала!

1-я старуха.—Говорятъ, что покойникъ, прости его Господи, почти все свое имѣніе продалъ и небольшимъ дѣтямъ оставилъ деньги. Есть же люди! И говорятъ также, будто бы въ духовной онъ написалъ, чтобъ его похороны не стоили больше ста рублей.

2-я старуха.—Нечего сказать, какъ въ колыбелькѣ, такъ и въ могилку! Всегда былъ чудакъ покойникъ! Царство ему Небесное! Чтожъ исполнили его завѣщаніе?

1-я старуха.—Какъ можно! Пожалуй онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули? Нѣтъ, матушка, шесть тысячъ стоили похороны, въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея было.

Анна Ник.—Стало-быть, очень, очень было...

Наташа.—Будто не все равно.

1-я старуха.—Какъ такъ? Развѣ можно графа похоронить какъ нищаго?

2-я старуха (послѣ общаго молчанія).—Анна Николаевна! вы меня извините! я вѣдь только на минуточку къ вамъ заѣхала! спѣшу къ золовкѣ на крестины. (Встаетъ).—Прощайте.

Анна Ник.—Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! (цѣлуются). До свиданья, матушка! (Провожаетъ ее).

1-я старуха.—Какова? Какъ разрядилась наша Мавра Петровна! пунцовыя ленты на чепцѣ! ну кстати-ли? Вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!.. А который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете!

Анна Ник.—Да лѣтъ пятьдесятъ есть! Она такъ говоритъ...

1-я старуха.—Кралѣтъ съ десятокъ. Я замужъ выходила, а у нея ужь дѣти бѣгали.

Наташа (тихо Софьѣ).—Я думаю, потому что она замужъ вышла тридцати лѣтъ.

Княжна Софья.—Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

Наташа.—Помилуй, это очень весело. (Слуга входитъ).

Слуга.—Дмитрій Васильичъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

Анна Ник.—Что это значитъ? (Слугѣ). Проси въ гостиную. (Слуга уходитъ. Тихо старухѣ). Пойдемте со мною, матушка. Я угадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ: мнѣ ужь говорили. Онъ самъ не такъ богатъ, но дядя при смерти; а у дяди 1,500 душъ.

1-я старуха.—Понимаю! (Въ сторону). Посмотримъ, что за Бѣлинскій. (Наташѣ). О, плутовка! (Обѣ уходятъ).

Княжна Софья.—Отчего ты такъ покраснѣла?

Наташа.—Я?

Княжна Софья (махнувъ рукой).—Ну ужь! ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа! твои щеки пылаютъ, ты дрожишь, ты внѣ себя... Что такое значитъ?

Наташа (схвативъ княжну за руку). — Такъ... это ничего... Кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ! знаешь-ли... я отгадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... Теперь все рѣшится... Не правда-ли?

Княжна Софья.—Что рѣшится?

Наташа.—Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня, и...

Княжна Софья.—Я тебя понимаю: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, чтожъ? (Наташа отворачивается). Это очень натурально.

Наташа (съ живостью).—Послушай! какъ онъ милъ, какъ онъ любезенъ?

Княжна Софья.—Бѣдный Арбенинъ!

Наташа.—Чѣмъ же бѣдный?

Княжна Софья.—Онъ тебя такъ любитъ!.. Бѣлинскій свататься пріѣхалъ; ты навѣрное ему не откажешь,—такъ-ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень, очень любитъ! (Насмѣшливо улыбается).

Наташа.—Разлюбитъ поневолѣ... Впрочемъ, онъ очень умѣлъ притворяться прежде съ другими, почему же не притворялся онъ со мной, кто можетъ поручиться? Правда, онъ мнѣ сначала немного нравился: въ немъ что-то необыкновенное... А за то какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображенье!.. Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не меньше его чувствуютъ, а веселы...

Княжна Софья. — Ты хотѣла бы все смѣяться! (Смотритъ на нее пристально). Однажды, въ сумерки, пріѣхалъ къ намъ Арбенинъ... сѣлъ за фортепьяно и съ полчаса фантазировалъ. Я заслушалась. Вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ. Слезы были у него на глазахъ. «Что съ вами?» спросила я. «Припадокъ», отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой: «музыка приводитъ мнѣ на мысли Италію! Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое отвѣчало бы моему! Все, что я люблю, убѣгаетъ отъ меня; прошу сожалѣнья — нѣтъ! Я похожъ на чумнаго: все, что меня любитъ, то заражается этою болѣзнью несчастія, которую я принужденъ называть жизнію!» Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто ожидая отвѣта... я догадалась... Но ты не слышишь?..

Наташа —Оставь меня! Какая мнѣ нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь! Клянусь тебѣ, не стану ревновать. Слышишь... вотъ... кажется, кто-то сюда идетъ... кажется, маменька...

Княжна Софья (въ сторону).—Небо прекрасно исполняетъ мои желанья! судьба метитъ за меня. Хорошо! онъ почувствуетъ всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я не даромъ старалась охладить къ нему Наташу: это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?.. Я отомстила... за что?.. Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!.. Но узнаетъ!.. я ему докажу, что есть женщины... (Входятъ Анна Николаевна).

Анна Ник.—Наташа! подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ— не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій; но разсудокъ также не долженъ молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку. Согласна ты или нѣтъ? Нравится-ли онъ тебѣ?

Наташа (въ смущеніи).—Я... не знаю...

Анна Ник. — Какъ не знаю! Помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ! Кому же знать... рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать-ли ему надежду. Что ты молчишь?.. Онъ молодой человѣкъ превоспитанный, честный; состоянье есть, а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ожидаетъ богатое наслѣдство, — подумай. 1500 душъ! Разсуди. Ты ужь въ лѣтахъ, скоро стукнетъ 19. Теперь не пойдешь замужъ, такъ, можетъ быть, никогда не удастся: сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь: женховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться, мотаютъ себѣ въ волю; а старые? что въ нихъ! глупы или бѣдны! Рѣшись, Наташа! вѣдь онъ тамъ ждетъ! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ нравится?

Наташа.—Нравится...

Анна Ник.—Такъ ты согласна?.. Я пойду...

Наташа (останавливаетъ мать).—Maman! подождите!.. такъ скоро!.. Ей-Богу, я все это вижу какъ во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... (Слезы показываются на глазахъ; она закрываетъ ихъ руками). — Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?..

Анна Ник. (ласкаетъ ее). — Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? Развѣ не сама сказала, что онъ тебѣ нравится? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила; однако, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ! не надо упускать жениха! Вѣдь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна—я тотчасъ ему скажу; нѣтъ—такъ нѣтъ! бѣда не велика.

Наташа (утирая слезы).—Онъ мнѣ нравится... Только... дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ какъ женихъ... только... я сама не знаю... вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Maman, вы сами сумѣете какъ ему сказать... я напередъ на все согласна.

Анна Ник. — Ну, и давно бы такъ... Объ чемъ же плакать, мой ангелъ? (Креститъ ее). Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (Уходитъ).

Наташа.—Ахъ!

Кн. Софья.—Ты побѣдила, кузина! Поздравляю тебя!—невѣста!

Наташа. — Какъ скоро все это сдѣлалось! (Уходитъ).

Княжна.—Правда. Когда мы чего-нибудь желаемъ, и желаніе наше исполнится, то намъ всегда кажется, что оно исполнилось слишкомъ скоро. Мы лучше любимъ видѣть радость въ будущемъ, нежели въ минувшемъ... Она счастлива... А я?.. Зачѣмъ раскаиваться? Люди не виновны, если судьба нечаянно исполняетъ ихъ дурныя желанья: стало-быть они справедливы!.. стало-быть мое сердце должно быть покойно, — должно-бы было быть покойно!..

———

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Февраля 4-го, вечеръ.

Зала въ домѣ **Павла Григорьевича**; **слуги** зажигаютъ лампы.

Первый. — Онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ: отъ вчерашняго еще не опомнился.

Второй.—Какъ сказалъ ему баринъ?

Третій. — «Проклинаю тебя!» сказалъ онъ ему.

Второй.—Владиміръ Павловичъ не заслужилъ этого.

Первый.—А гдѣ старый баринъ?

Третій.—Уѣхалъ въ гости.

Второй. — Былъ-ли онъ встревоженъ, когда ты ему подавалъ одѣваться?

Третій.—Нимало. Ни разу меня не ударилъ. Проклясть сына, уѣхать въ гости — эти двѣ вещи для него такъ близки между собою, какъ выпить стаканъ вина и стаканъ воды.

Первый. — А крѣпко поговорилъ молодой баринъ своему батюшкѣ; тотъ сначала и не опомнился.

Второй.—Оно все такъ, а только жалко, ей-Богу жалко! Отцовское проклятіе не шутка! Лучше жерновъ положить себѣ на сердце.

Третій. — Ивану не велѣно отъ него отходить... Вотъ отецъ! вѣдь проклялъ, а все боится, чтобъ сынъ на себя рукъ не наложилъ.

Второй.—Кровь говоритъ.

Третій. — А по моему, такъ лучше убить, чѣмъ проклясть.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Февраля 4-го, вечеръ.

Комната **Владиміра**. Луна свѣтитъ въ окно. **Владиміръ** возлѣ стола, опершись на него рукою. **Иванъ** у двери.

Иванъ.—Здоровы-ли вы, сударь?

Владиміръ.—На что тебѣ?

Иванъ.—Вы блѣдны.

Владиміръ.—Я блѣденъ?.. Когда-нибудь буду еще блѣднѣе.

Иванъ.—Вашъ батюшка только погорячился: онъ скоро васъ проститъ.

Владиміръ.—Поди, добрый человѣкъ; это до тебя не касается.

Иванъ.—Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить.

Владиміръ.—Ты лжешь: здѣсь нѣтъ никого, кто-бы занимался мною. Оставь меня, — я здоровъ.

Иванъ.—Напрасно, сударь, хотите меня увѣрить въ томъ. Вашъ разстроенный видъ, бродящіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное.

Владиміръ (вынимаетъ кошелекъ; про себя). — Я слышалъ, что деньги дѣлаютъ изъ людей все. (Громко). Возьми—и ступай отсюда; здѣсь тридцать червонцевъ.

Иванъ.—За тридцать серебренниковъ продалъ Іуда нашего Спасителя; а это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ; хотя я рабъ, а не рѣшусь отъ васъ взять денегъ за такую услугу.

Владиміръ (бросаетъ кошелекъ въ окно, которое разбивается; стекла звенятъ, и кошелекъ упадаетъ на улицу). — Такъ пусть кто-нибудь подыметъ!

Иванъ.—Что это, сударь, съ вами дѣлается! Утѣшьтесь—не все горе...

Владиміръ.—Однако-жъ...

Иванъ.—Богъ пошлетъ вамъ счастье, хотя-бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали. Никогда я, видитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ.

Владиміръ.—Точно?

Иванъ. — Я всегда велю женѣ и дѣтямъ за васъ Богу молиться.

Владиміръ (разсѣянно). — Такъ у тебя есть жена и дѣти?

Иванъ.—Да еще какія, — будто съ неба... Добрая жена... а малютки! — сердце радуется, глядя на нихъ.

Владиміръ — Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

Иванъ. — И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Владиміръ (беретъ его за руку).—У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда! (Отходитъ въ сторону къ окну; Иванъ глядитъ на него съ сожалѣніемъ).—А онъ, онъ, мой отецъ, меня проклялъ, и въ такой мигъ, когда я бы могъ умереть отъ словъ его! Но я сдѣлалъ должное: она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго.—Теперь испытаю послѣднее на землѣ: женскую любовь.—Боже, какъ мало Ты мнѣ оставилъ! Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется, и я буду съ Тобой. Ты сотворилъ мое сердце для Себя, проклятіе человѣка не имѣетъ вліянія на гнѣвъ Твой. Ты милосердъ, — иначе я бы не могъ родиться! (Смотритъ въ окно). Какъ эта луна, эти звѣзды стараются меня увѣрить, что жизнь ничего не значитъ... Гдѣ мои исполинскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? Все прошло! я это вижу. Такъ точно вечернее облако, покуда солнце не коснулось до небосклона, принимаетъ видъ небеснаго го-

рода, блеститъ золотыми краями и обѣщаетъ чудеса воображенію; но солнце закатилось, дунулъ вѣтеръ,—и облако растянулось, померкло, и наконецъ упадетъ росою на землю!

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Февраля . . . . вечеръ.

Комната у Загорскихъ. Дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей, **Анна Николаевна и княжна Софья** входятъ.

Княжна Софья.—Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ, и купили все, что надобно. Не знаю, понравится-ли вамъ; но мнѣ хорошо!—только блонды дорого.

Анна Ник.—Теперь некогда, Сонюшка: послѣ посмотрю. (Входитъ гость). Ахъ, здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я васъ совсѣмъ не ожидала; вы такіе стали спѣсивые,—и знать насъ не хотите.

Гость 1-й.—Помилуйте!—я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена, и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастья.

Анна Ник.—Покорно васъ благодарю. Дай-то Богъ! человѣкъ, кажется, хорошій.

Гость 1-й.—И, я слышалъ, съ прекраснымъ состояніемъ.

Анна Ник. — Какъ же-съ! Да вы, я думаю, знаете г-на Бѣлинскаго?

Гость 1-й. — Видалъ-съ. Прелестнѣйшій молодой человѣкъ.

Анна Ник.—Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! (Уходятъ оба въ гостиную).

Княжна Софья.—Все идетъ по моему. Отчего же я безпокоюсь? Развѣ у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радуетъ и огорчаетъ? Какъ согласить внутреннее самодовольствіе съ исполненіемъ желаній?—Нѣтъ, главная моя цѣль еще далеко. Я желала бы знать, какъ все это подѣйствуетъ на Владиміра. Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые съ такимъ жаромъ разсуждаютъ о пустякахъ—и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и приноситъ мнѣ какое-нибудь новое мученье! Гдѣ несчастливцы? На всѣхъ лицахъ я встрѣчаю только улыбки! Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... Если-бъ онъ ихъ увидалъ, то сталъ-бы меня любить. Онъ бы не устоялъ! Невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну!..

Наташа (вбѣгаетъ; весело). — Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай: если-бъ ты была тамъ, то насмѣялась бы до-сыта... ха-ха-ха! Боже мой!.. Ахъ! я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

Княжна Софья.—Кому?

Наташа.—Пасилу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравлять, смѣшался, запнулся, забормоталъ... Я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорилъ,—умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

Княжна Софья.—Какъ ты весела!.. Гдѣ Бѣлинскій?

Бѣлинскій (входитъ). — Слава Богу! я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди, только нестерпимо скучны. Они все толкуютъ о прошедшемъ, — а я въ настоящемъ такъ счастливъ!

Княжна Софья.—Это видно по вашему лицу.

Наташа. — Mon cher ami! оставимъ ее: она не въ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. (Садятся).

Бѣлинскій (цѣлуетъ у нея руку). — Теперь я имѣю право вызывать завистниковъ.

Княжна Софья (про себя). — Этотъ человѣкъ думаетъ, говоритъ о счастьѣ, отнявъ послѣднее у своего друга... Отчего же я, хотя менѣе виновна, должна чувствовать раскаянье?—О, какъ бы я замѣнила Владиміру эту потерю, если-бъ... если-бъ только...

(Гость, молодой человѣкъ, выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и приближается къ ней).

Гость.—Здорова-ли княгиня, ваша матушка?

Княжна Софья.—Нѣтъ, она очень больна.

Гость.—Вы, вѣрно, знаете Владиміра Арбенина?

Княжна Софья.—Онъ къ намъ ѣздитъ.

Гость.—Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

Княжна Софья.—Я всегда замѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться, къ чему такіе вопросы?

Гость.—Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у его отца. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется, и вбѣгаетъ Владиміръ... Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. «Убійца!» воскликнулъ Владиміръ. «Ты мнѣ не вѣрилъ,—поди же поцѣлуй ея мертвую руку!»— и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю. Слуги вбѣжали; его подняли. Отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ—и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю...

Княжна Софья (въ сильномъ волненіи). — Про-

кликъ, говорите вы... Онъ упалъ, но ему ничего не сдѣлалось?.. Вы не знаете, что значили слова его?—Нѣтъ, это не сумасшествіе... что-нибудь ужасное съ нимъ случилось...

Гость (съ улыбкой).—Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое большое участіе.

Княжна Софья.—Въ самомъ дѣлѣ? (Съ досадой въ сторону). Боже, нельзя показать сожалѣнья!

Гость. — Наконецъ я узналъ, что въ этотъ самый день умерла у Владиміра мать, которая съ отцомъ была въ разводѣ;—но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! Это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко: онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

Княжна Софья. — По словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ-нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ сумасшествіе...

Гость. — О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите... Мнѣ стало жалко его; вотъ для чего я спросилъ...

Княжна Софья.—Вы видите, что я не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

Гость (помолчавъ). — Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна?—Славная музыкантша будетъ на арфѣ играть. Вы не слыхали еще? Она изъ Парижа... Это очень любопытно! Если угодно, я билетъ...

Княжна Софья.—Я не любопытна, я не имѣю этого порока!

Гость.—Извините! я желалъ вамъ услужить.

Княжна Софья.—Вы очень милостивы...

Гость (раскланиваясь).—Прошу васъ повѣрить, что если я что-нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (Уходитъ).

Княжна Софья (одна). — Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ меня обрадовать этими новостями! Придти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того только, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить другого! (Молчаніе). Что ждетъ меня? Ужасно темнѣетъ предо мною будущность, какъ бездна, которая хочетъ поглотить все, что во мнѣ радуется жизни! Владиміръ потерялъ мать, любовь отца, и долженъ лишиться Наташи... Но первыя два несчастья помогутъ ему перенести послѣднее съ твердостію; нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая, къ которой прикованы всѣ думы, которая отравляетъ всѣ чувства одинаковымъ ядомъ. Да! онъ мужчина, онъ крѣпокъ духомъ!.. а тамъ... тамъ... я могу еще надѣяться; я примѣчала нѣсколько разъ, что глаза его пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть...

Наташа.—Что онъ тебѣ разсказывалъ?

Княжна Софья.—Про Арбенина.

Бѣлинскій.—Что такое про Арбенина?

Княжна Софья.—Не бойтесь.

Бѣлинскій.—Чего же мнѣ бояться?

Княжна Софья.—Вы лучше знать должны.

Наташа (тихо).—Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

Княжна Софья. — За его друга? — Нѣтъ!.. Арбенинъ потерялъ мать, и отъ этого онъ въ отчаяньи. Его приняли за сумасшедшаго... Не знаю, вынесетъ-ли онъ второй ударъ...

Бѣлинскій. — О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

Княжна Софья.—Разумѣется, вы это должны знать лучше насъ: вы были его другомъ.

Бѣлинскій. — Я дружбу принесъ въ жертву любви.

Княжна Софья.—Это очень хорошо—для васъ.

Бѣлинскій.—Впрочемъ, не думайте, что я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели въ нашъ вѣкъ—двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ.

Княжна Софья (Наташѣ).—Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и вѣрно господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ! Наташа при этихъ словахъ покраснѣла.

Наташа. — Да, это правда: Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, — не напоминай мнѣ болѣе объ немъ.

Княжна Софья.—Я не совсѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

Наташа.—Кузина, къ чему это?

Бѣлинскій. — Можетъ-быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

Княжна Софья.—Однако, послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она съ давнишнихъ поръ носитъ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. — Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она ихъ показала. А-а! поналась, душа моя!

Бѣлинскій —Я могу просить, и то, если она позволитъ... Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

Княжна Софья.—Излишества всегда опасны!

Наташа.—Чтобы доказать моей кузинѣ, что я ни мало не дорожу этими глупостями... (снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и отвязываетъ бумажку). Возьмите! Эта старинная бумажка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ... эти стихи довольно порядочно написаны.

Бѣлинскій.—Это его рука!

Княжна Софья (въ сторону).—Безстыдный! онъ такъ же спокоенъ, какъ будто читаетъ театральную афишу! Ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели искусство? Нѣтъ! я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа.—Прочти, мой другъ.

Бѣлинскій (читаетъ).

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья
Твой другъ оставитъ межъ людей:
Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,
Ты будешь-ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?
Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними,—
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.
Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ;
Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ! *)

Прекрасно! очень мило! (Отдаетъ).

Наташа (разрываетъ бумагу).—Теперь спокойны-ли вы, кузина?

Княжна Софья.—О, я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

Бѣлинскій (въ сторону).—Эта княжна вовсе не по-мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло? (Дверь отворяется, входитъ Владиміръ; кланяется. Всѣ смущены. Онъ хочетъ подойти, но взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается — и быстро входитъ въ гостиную).

Наташа (только что Владиміръ вошелъ).—Ахъ! Арбенинъ!

Бѣлинскій (про себя).—Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! Онъ взбѣсится; онъ вѣрно еще не знаетъ, что я женюсь, и на комъ!.. Надо убраться, чтобъ не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (Громко). Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете ..

Княжна Софья (кинувъ на него косвенный взглядъ) —Это правда!

Бѣлинскій.—И такъ, прощайте! (Уходитъ въ кабинетъ)

Наташа.—Невольный трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ; сердце бьется... Отчего? Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Но можетъ-быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Бѣлинскому слово, онъ будетъ моимъ мужемъ — и Арбенина должно удалить. Это будетъ мнѣ легко! (Удаляется).

Княжна Софья.—Славу Богу! (Про себя). Я думала, что этотъ Бѣлинскій не мучимъ совѣстью... теперь я вижу совсѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго человѣка! Такъ, онъ виновнѣе меня!.. Я замѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ .. Ему-ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія Небесъ? (Удаляется въ глубину театра. Владиміръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижны)

Наташа.—Что скажете новаго?

Владиміръ.—Говорятъ, вы выходите замужъ.

Наташа.—Это для меня не ново...

Владиміръ.—Я вамъ желаю счастья.

Наташа.—Покорно васъ благодарю.

Владиміръ.—Такъ это точно, точно правда?

Наташа.—Чтожъ удивительнаго?

Владиміръ (помолчавъ).—Вы не будете счастливы.

Наташа.—Почему же?

Владиміръ.—Я слыхалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

Наташа.—Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто-нибудь да умираетъ въ мірѣ, — и такъ ..

Владиміръ.—Послушайте, скажите мнѣ по чести: это шутка или нѣтъ?

Наташа.—Нѣтъ.

Владиміръ.—Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. Въ васъ есть жалость!.. Послушайте: я потерялъ мать, ангела; отвергнутъ отцомъ,— я потерялъ все, кромѣ одной искры надежды!

---

*) *Въ черновой рукописи написано другое стихотвореніе:*

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой—
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?..
О, будь!.. о, вспомни нашу младость!
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ,—чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ земѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!..

Одно слово — и она погаснетъ! Вотъ какая у васъ власть... Я пришелъ сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту.. что пользы вамъ лишить меня изъ шутки такой минуты?

Наташа.—Я не думала шутить... Я очень понимаю, какъ ваше несчастіе велико; я бы достойна была презрѣнія, если-бъ могла съ вами шутить теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго!

Владиміръ (смотритъ на нее нѣсколько времени). —Помните-ли, давно-давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить противъ злословій свѣта... и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу! съ тѣхъ поръ я васъ люблю больше Бога! О, какимъ голосомъ было сказано это «обѣщаю!»— и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ. Вѣчно! на языкѣ другого это слово мало значитъ... но я поклялся любить васъ вѣчно, поклялся самому себѣ,—а клятва благороднаго человѣка неизмѣнна, какъ воля Творца... Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово... солгите... и я буду... доволенъ. Что стоитъ одно слово?.. Оно спасетъ человѣка отъ отчаянія.

Наташа (въ сторону).—Что мнѣ дѣлать? Мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему?.. Я могла бы отвѣчать ему!.. онъ такъ жалокъ!.. Я его не люблю, но мнѣ какъ-то страшно его огорчить...

Владиміръ. — Женщина... ты колеблешься? Послушай: если-бъ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ,—ужели ты не отдала бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба назначенъ былъ совсѣмъ для другого употребленья? Такъ я прошу у тебя одного слова любви!..

Наташа (помолчавъ; значительно). — Я выхожу замужъ за Бѣлинскаго! (Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно).

Владиміръ. — Онъ? Онъ?.. Какъ?.. Стало-быть мои подозрѣнья...

Наташа.—Чего вы испугались?

Владиміръ.—И я его называлъ другомъ! Адъ и проклятье! Онъ мнѣ заплатитъ!—за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь... онъ мнѣ заплатитъ своею кровью! (Хочетъ идти).

Наташа.—Остановитесь! Остановитесь! (Онъ неподвиженъ). Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго, и вы хотите убить его!—Опомнитесь! его смерть заставитъ меня ненавидѣть васъ!..

Владиміръ.—Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, я не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія! Презрѣнье и любовь несовмѣстны!.. Моя рука тебя избавитъ отъ этой ехидны.

Наташа.—Владиміръ, останьтесь... я умоляю...

Владиміръ (посмотрѣвъ на нее, со вздохомъ).— Хорошо! Что еще я долженъ сдѣлать?

Наташа.—Намъ не надобно больше видѣться... Я прошу: забудьте меня! это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало-ли есть разсѣяній для молодого человѣка! Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будемъ друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости... До тѣхъ поръ, я прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна слушать вашихъ жалобъ!

Владиміръ. — Прекрасные совѣты. (Ходитъ взадъ и впередъ; съ сухимъ смѣхомъ). Въ какомъ романѣ... у какой героини вы переняли такія мудрыя увѣщанія?.. Вы желали бы во мнѣ найти Вертера!.. прелестная мысль... Кто-бъ могъ ожидать?

Наташа.—Разсудокъ вашъ то же говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

Владиміръ.—Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому!—я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разсудкѣ: они годятся другъ для друга... И что мнѣ за дѣло? Пускай себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ; пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія,—вотъ ихъ занятія!.. Ахъ! а я за одинъ ея веселый мигъ заплатилъ бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость!

Наташа. — Мои слова непріятны вамъ; но правда, говорятъ, никому не нравится. Я сама вамъ теперь признаюсь, что вы, вашъ характеръ, вашъ умъ сдѣлали на меня сначала довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и мы должны разстаться: я люблю другого... Такъ я подамъ вамъ примѣръ: я васъ забуду!..

Владиміръ.—Ты меня забудешь? ты? О, не думай: совѣсть вѣрнѣе памяти; не любовь— раскаяніе будетъ тебѣ напоминать обо мнѣ! Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если-бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя! Бѣлинскій тебя не стоитъ; онъ не будетъ въ состояніи цѣнить твою любовь, твой умъ; онъ пожертвовалъ другомъ для... о, не для тебя!.. деньги, деньги—вотъ его божество!.. и тебя принесетъ онъ имъ въ жертву! Тогда ты про-

клянешь свою легковѣрность... и тотъ часъ, тотъ часъ... въ который подала мнѣ пагубныя надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтобъ лишить меня небеснаго!..

Наташа. — Еще разъ говорю вамъ: перестаньте. Вы слишкомъ вольно говорите. (Помолчавъ). Мы не должны больше видѣться. Какая вамъ охота смущать семейную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ — послѣ мы будемъ друзьями...

Владиміръ.—Не слишкомъ-ли вы полагаетесь на свою добродѣтель! Нѣтъ, я не способенъ жить остатками сокровища, принадлежащаго другому!.. Что осмѣлились вы предложить мнѣ? Создатель! Теперь я вѣрю, что демоны были прежде ангелами.

Наташа.—Господинъ Арбенинъ, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! Вы несносны!

Владиміръ.—Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

Наташа. — Вы правы: я смѣшна, глупа... Какъ хотѣть, чтобъ сумасшедшій поступалъ какъ разсудительный человѣкъ!.. Оставляю васъ, и признаюсь, — раскаиваюсь въ первый и послѣдній разъ въ томъ, что хотѣла кого-нибудь утѣшить! Вы пренебрегли всѣ приличія, и я не намѣрена терпѣть долѣе. (Уходитъ, но останавливается въ глубинѣ театра и смотритъ на него).

Владиміръ.—Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!.. Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты Самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы.. Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ также ненавидѣть! Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову: я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ Тебя порадовать!.. (Въ это время взошелъ Бѣлинскій, Наташа говоритъ ему что-то на ухо съ видомъ просьбы, и уходитъ. Онъ смотритъ издали. Владиміръ ломаетъ себѣ руки). Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, улыбка, глаза, все, все это для меня стало ядъ! Какъ можно подавать надежды, только чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ обмануть ихъ! (Обтираетъ глаза и лобъ). Женщина, стоишь ли ты этихъ кровавыхъ слезъ! (Бѣлинскій подходитъ).

Бѣлинскій. — Владиміръ! (Въ сторону). Мнѣ должно его умаслить, уговорить, а то онъ чортъ знаетъ что надѣлать радъ! Наташа правду говоритъ: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. (Громко). Владиміръ!

Владиміръ (не оборачиваясь).—Что?

Бѣлинскій.—Ты на меня сердитъ?

Владиміръ.—Нѣтъ.

Бѣлинскій.—О! я вижу, что ты сердитъ; но развѣ не она сама выбирала?

Владиміръ (все не оборачиваясь).—Разумѣется.

Бѣлинскій.—Время тебя вылѣчитъ.

Владиміръ.—Не знаю. (Голосъ его дрожитъ).

Бѣлинскій.—Арбенинъ! я вижу по всему: ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясняю твои поступки, чѣмъ свои собственные.

Владиміръ. — Ты знаешь меня? Ты говоришь это? (Со смѣхомъ). Если такъ, то Павелъ Василичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ и первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

Бѣлинскій.—Скорѣе первое, чѣмъ послѣднее.

Владиміръ.—Поздравляю.

Бѣлинскій. — Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинаковаго права съ тобой на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ! Вѣрь мнѣ,—твоя печаль одно оскорбленное самолюбіе.

Владиміръ.—Мнѣ, вѣрить?.. тебѣ?..

Бѣлинскій.—Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность? развѣ я открылъ какую-нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, положимъ, а теперь моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился!..

Владиміръ. — Я совѣтую оставить меня: не надѣйся на мое хладнокровіе! Я хотѣлъ, готовъ былъ тебѣ отомстить, упиться твоей кровью... кровью! слышишь ли? и я тебя прощаю, и ни въ чемъ не виню, только оставь меня. Я не могу отвѣчать на твои искреннія ласки! (Смѣется дико). Теперь я свободенъ. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ... слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаивайся. Что за важность? Я лишній! Ты искусный, осторожный, умный человѣкъ! Замѣтилъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала,—и однимъ ударомъ отнялъ все. Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужь нѣтъ завиднаго?

Бѣлинскій. — Ты не прощаешь мнѣ: эта холодность, эта язвительная улыбка...

Владиміръ. — О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ; съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ... мои долги тебѣ заплочены, денежные и другіе...

Бѣлинскій.—И такъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце? Ужели мы снова не можемъ сойтись, если я докажу...

Владиміръ.—Начто?

Бѣлинскій.—Я заклинаю тебя.

Владиміръ (въ сторону). — Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить!..

Бѣлинскій.—Именемъ ея прошу тебя.

Владиміръ.—Полно, полно! развѣ можно что-нибудь еще у меня отнять?

Бѣлинскій (сквозь зубы).—Непреклонный! (Ему). Послушай, прости мнѣ. Теперь перемѣнить нельзя; но впередъ, даю тебѣ честное слово...

Владиміръ.—Довольно и одного раза!

Бѣлинскій.—Одумайся! Современемъ...

Владиміръ (въ сторону). — Современемъ, современемъ! Всемогущій, какъ Ты позволилъ ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!..

Бѣлинскій.—И ты даже не хочешь выслушать опытнаго друга, который тебѣ желаетъ добра!..

Владиміръ (внѣ себя).—Боже!..

Бѣлинскій.—Такъ! я не долженъ тебя оставлять,—это моя обязанность, и ты самъ будешь послѣ благодаренъ. Преступленіе было бы не удержать безумца на краю пропасти. (Беретъ его за руку). Пойдемъ къ ней! Наташа смягчитъ твою горесть; ты мнѣ сказывалъ, что взоръ ея можетъ усмирять твою душевную бурю... пойдемъ къ ней! (Хочетъ его увлечь; Владиміръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ свою руку и бѣжитъ вонъ). Остановись, остановись! (Молчаніе) Онъ ушелъ!—Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, а судьба исполнила все! Но почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? Вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны. Арбенинъ — ребенокъ, который, испугавшись розги, бросается въ рѣку. Что за глупая ревность! онъ ненавидитъ меня — и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей, ума, подавлено безсмысленной страстью! и какъ не умѣть себѣ приказать! (Княжна Софья входитъ).

Кн. Софья.—Гдѣ Арбенинъ?

Бѣлинскій. — Ушелъ. Не слышитъ и не видитъ; какъ бѣшеный бросился въ дверь.

Кн. Софья.—И вы его не удержали? И онъ все любитъ Наташу?

Бѣлинскій.—Больше, чѣмъ когда-нибудь.

Кн. Софья (поблѣднѣвъ, упадаетъ въ кресла).—Итакъ, все напрасно!..

Бѣлинскій. — Что съ вами? Человѣкъ! эй, спирту! воды!

Кн. Софья.—Оставьте меня!

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

12-го м....

(Эпилогъ).

Въ домѣ графа И. Много гостей; вечеръ; подаютъ чаи.

1-й гость. — Слышали вы, графъ, новость? Завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытны-ли посмотрѣть?

Графъ.—Свадьба? чья, напримѣръ?

1-й гость.—Загорскина выходитъ замужъ за Бѣлинскаго.

1-я дама.—Вы знаете жениха?

2-й гость.—Знаю-съ.

1-я дама.—Онъ богатъ?

2-й гость.—Имѣетъ состояніе, слѣдовательно и долги...

1-я дама.—Хорошъ собой?

2-й гость. — Молодецъ; только слишкомъ занимается своимъ лицомъ.

1-я дама.—Стало-быть, занимается хорошимъ.

2-я дама.—А невѣста?

2-й гость.—Недурна, une figure piquante!

2-я дама (къ другой). — Ma chère! я слышала,—она кокетка до невозможности.

2-й гость. — Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3-й гость. — Да! бѣдный Арбенинъ! Вы знаете, онъ сошелъ съ ума.

Многіе.—Какъ сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слыхали!

3-й гость. —Какъ же, отъ любви къ Загорскиной! Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащутъ: онъ прицѣпляется ко всему, какъ будто противится невидимой силѣ; плачетъ и смѣется въ одно время; зарыдаетъ — и вдругъ захохочетъ. Иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ.

2-й гость.—Я-бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

1-й гость.—Я слыхалъ, что онъ былъ величайшій негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

4-й гость.—Да, Павелъ Григоричъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

3-й гость (полуулыбаясь).—Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это къ скупости.

2-я дама.—И Загорскину не мучитъ совѣсть?

3-й гость.—Про то знаетъ ея духовникъ.

1-й гость.—Неужели нельзя вылѣчить Арбенина? Можетъ-быть, тутъ есть какія-нибудь физическія причины. Странно! съ ума сойти отъ любви?—

3-й гость.—Если это странно вамъ, то я желалъ бы, чтобъ одна изъ этихъ дамъ взяла на себя трудъ доказать вамъ противное!

1-й гость.—Но я говорю про Арбенина. Онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было—мыльный пузырь!..

3-й гость.—Вы, конечно, не ученикъ Ляфа-

тера? Впрочемъ, если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только личина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную, и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла! Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостію: въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества! Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе. У него нашли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза, есть глубокія мысли и огненныя чувства! Я увѣренъ, что если-бъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній. .

2-я дама.—Но мнѣ такъ сумасшедшіе очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

3-й гость. — А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. У нихъ душа не лишается природныхъ способностей; но органы, которые выражали ощущенія души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія. Въ ихъ головѣ всегданній хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое вѣрно не легко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, вялые мутные глаза признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину,—и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; и если они еще сохраняютъ въ себѣ что-нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошедшемъ. Чувство настоящаго и надежда для нихъ не существуетъ. Такое состояніе люди называютъ сумашествіемъ — и смѣются надъ его жертвами! (Между тѣмъ многіе разошлись).

2-й гость (другому). — А я зѣваю!

4-й гость (тихо). —Къ чему это ораторство? Познанія свои что-ли онъ хочетъ показать?

5-й гость (Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 19. Подходитъ къ третьему гостю). — Сдѣлайте милость, нельзя-ли вамъ достать мнѣ что-нибудь изъ сочиненій Арбенина?

3-й гость. — Съ удовольствіемъ, если можно будетъ.

(Входитъ слуга и подаетъ билетъ графу, который кончилъ играть).

Слуга. — Отъ Павла Григорича Арбенина! (Уходитъ. Всѣ въ изумленіи).

Многіе (межъ собой).—Что это значитъ?

3-й гость.—Съ черною каймою... приглашеніе на похороны.

Графъ.—А вотъ увидимъ! (Надѣваетъ очки и читаетъ вслухъ).

«Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ, съ душевнымъ прискорбіемъ, извѣщаетъ о кончинѣ сына своего Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая 11-го дня, пополудни, покорнѣйше проситъ пожаловать на вынось тѣла въ собственный домъ мая 13-го дня, пополуночи въ десятомъ часу.. Отпѣваніе въ приходской церкви»... etc.

3-й гость (про себя). — Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскаго!

Нѣкоторые.—Боже мой! какая жалость!

2-я дама.—Бѣдный отецъ!

5-й гость. — Бѣдный молодой человѣкъ! онъ могъ бы еще вылѣчиться.

3-я дама (къ третьему гостю). —Не правда-ли, какая жалость?

3-й гость (въ сторону). — Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы! но что въ этомъ сожалѣніи? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы! Но такая слеза едвали упадетъ на могилу Арбенина: онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь!

Одна старуха.—Вотъ, чай, пышныя будутъ похороны: вѣдь единственный сынъ!

3-й гость (одному изъ гостей).—Мнѣ кажется, что старухи любятъ говорить о погребеніяхъ для того только, чтобы пріучиться къ мысли: «скоро и насъ потащутъ въ тѣсную могилу!»

1-й гость. — Забудемъ мертвыхъ; Богъ съ ними!

3-й гость. —Если всѣ такъ станутъ думать, то—горе великимъ людямъ!

1-й гость. — Я надѣюсь, вашъ Арбенинъ не великій человѣкъ... Онъ былъ странный человѣкъ!—вотъ все!

(Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь),

ДВА БРАТА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дмитрій Петровичъ въ креслахъ, **Юрій** возлѣ него на стулѣ, **Александръ** въ сторонѣ стоитъ у стола и перебираетъ бумаги.

Дм. Петр. — Я думалъ, Юрій, что тебя совсѣмъ ко мнѣ не отпустятъ. Признаюсь, умереть, не видавши тебя, было-бы грустно, — я старъ, слабъ, много жилъ, иногда слишкомъ весело, иногда слишкомъ печально... и теперь чувствую, что скоро Богъ призоветъ меня къ себѣ; даже нынче, когда мнѣ объявили о твоемъ пріѣздѣ, то старость напомнила о себѣ... Не знаю, какъ перенесъ я эту послѣднюю радость.

Юрій. — Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не такъ слабы, какъ говорите.

Дм. Петр. — А что мудренаго? Александръ, скажи-ка, ужь не въ самомъ-ли дѣлѣ я помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ.

Александръ. — Точно! — вы никогда со мною не были такъ веселы, какъ теперь съ братомъ.

Дм. Петр. — Не пеняй, братъ, не пеняй; вѣдь я съ тобой всегда, а его сколько лѣтъ не видалъ. (Цѣлуетъ его). Ты, Юрій, точно портретъ твоей покойной матери.

Александръ. — Да, вотъ уже четыре года, какъ братъ не былъ дома... И самъ онъ много перемѣнился, и здѣсь въ Москвѣ все, кромѣ насъ, перемѣнилось... Я думаю, онъ не узнаетъ княгиню Вѣру.

Юрій.—Какая княгиня?

Дм. Петр. — Развѣ не знаешь?.. Вѣрнька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть.

Юрій. — А! такъ она вышла замужъ, и за князя?

Дм. Петр. — Какъ же, 3000 душъ и человѣкъ пречестный, предобрый; они у насъ нанимаютъ бель-этажъ, и сегодня я ихъ звалъ обѣдать.

Юрій. — Князь! и 3000 душъ!.. А есть-ли у него своя въ придачу.

Дм. Петр. — Онъ человѣкъ пречестный — и жену обожаетъ, старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столѣ... Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе.

Александръ. — Батюшка, что прикажете дѣлать съ этими бумагами?

Дм. Петр. —Послѣ!.. до бумагъ-ли мнѣ теперь.

Юрій. — Признаюсь... я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода.

Дм. Петр.—Охъ! вы, молодые люди! а вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила бы безразсудно, если-бъ надѣялась на ребяческую твою склонность.

Юрій.—А!.. она сдѣлалась разсудительна.

Александръ (въ нѣкоторомъ волненіи). — Батюшка! повѣренный ждетъ... нужно.

Дм. Петр.—А теперь, когда она вышла замужъ... твое самолюбіе тронуто: тебѣ досадно, что она счастлива; это дурно.

Юрій.—Она не можетъ быть счастлива.

Александръ (прерывая). — Батюшка... позвольте... очень нужное дѣло. (Въ сторону). Неужели этотъ разговоръ никогда не кончится!..

Дм. Петр. — Я сказалъ тебѣ, что послѣ... Ты вѣчно съ дѣлами; вѣдь видишь, что я говорю серьезно. Нѣтъ, Юрій, это нехорошо. Впрочемъ, ты самъ увидишь, какъ она любитъ мужа.

Юрій.—Не можетъ быть.

Дм. Петр.—Всѣ ея родные говорятъ, и она сама.

Юрій. — А я говорю вамъ, батюшка, что я по наслышкѣ ужь имѣю понятіе о томъ, что такое князь... она любить его не можетъ.

Александръ.—Она его любитъ страстно.

Дм. Петр. — Ну, братецъ, ты объ этомъ судить не можешь. (Юрію). Онъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что, право, я часто желалъ-бы лучше, чтобъ онъ былъ вспыльчивъ и вѣтренъ... Вотъ ужь можно держать пари, что никогда не влюбится и не надѣлаетъ глупостей.

Александръ. — Я остороженъ, батюшка; берегу другихъ и себя.

Дм. Петр. — У него всегда готово оправданіе... а тебѣ, Юрій, я долженъ дать совѣтъ и прошу тебя имѣть, на этотъ разъ хоть, ко мнѣ полную довѣренность. Я старъ, опытенъ и понимаю молодость. Я съ цѣлію завелъ этотъ разговоръ; выслушай: она теперь счастлива, я въ этомъ увѣренъ, но она молода, она тебя любила прежде и во всякомъ случаѣ ваша встрѣча произведетъ въ ней нѣкоторое волненіе. Если ты не покажешь никакого желанія возвратиться къ прежнему, если ты будешь обращаться съ нею, какъ съ женщиной, которую бы ты встрѣтилъ два раза на балѣ... то, повѣрь, въ скоромъ времени вы оба привыкнете къ мысли, что между вами не должно уже быть ничего общаго; но слушай, Юрій, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить ихъ супружеское счастіе: это удовольствіе низкое, оно отзывается чѣмъ-то похожимъ на зависть... Большая слава обольстить бѣдную, слабую женщину!.. Обѣщай мнѣ вести себя благоразумно.

Юрій.—Я обѣщаю не дѣлать перваго шага.

Дм. Петр.—Юрій!

Юрій.—Я не обѣщаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дм. Петр. — Я прошу тебя!.. ты знаешь, какъ я друженъ съ ея семействомъ.

Слуга (входитъ). — Князь Лиговскій съ княгинею.

Александръ (въ сторону). — Рѣшительная минута.

Юрій.—Батюшка, вы будете мною довольны.

(Входятъ **Княгиня** и **Князь**. **Княгиня** и **Юрій** медленно раскланялись, наблюдая другъ друга).

Князь. — Дмитрій Петровичъ! честь имѣю васъ поздравить съ пріѣздомъ Юрія Дмитрича; я думаю, вы очень рады.

Дм. Петр.—Благодарю васъ, князь, отъ всей души... Когда вы будете отцомъ, тогда и сами вполнѣ меня поймете.

Князь (съ улыбкою).—Я надѣюсь, что это будетъ скоро. (Вѣра отворачивается; потомъ).

Вѣра. — Monsieur Радинъ! рекомендую вамъ моего мужа, прошу его полюбить.

Юрій.—Я буду стараться, княгиня.

Князь.—А я надѣюсь, что мы сойдемся: я, какъ говорятъ военные, въ полномъ смыслѣ добрый малый.

Юрій. — Увидавъ васъ, князь, я это тотчасъ угадалъ; (въ сторону) ея хладнокровіе меня бѣситъ.

Дм. Петр. — Княгиня, милости просимъ; князь... (садятся).

Вѣра.—Какъ вы находите, monsieur Радинъ, я постарѣла?

Юрій. — Въ счастіи не старѣются, княгиня; вы не постарѣли нисколько, хотя перемѣнились.

Дм. Петр. — Довольны-ль вы, князь, вашей квартирой.

Князь.—Очень!.. прекрасныя комнаты, только довольно странное расположеніе: столько дверей, закоулковъ и лѣстницъ въ задней половинѣ, что я въ первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переѣхалъ и теперь все занимаюсь уборкой комнатъ.

Вѣра. — Ахъ, вообразите, какъ мой Пьеръ милъ!.. Сегодня я просыпаюсь, и вдругъ вижу у себя на туалетѣ цѣлую модную лавку... чтожъ вышло: это все онъ мнѣ подарилъ на новоселье.

Юрій. — Княгиня! это показываетъ, какъ дорого князь цѣнитъ вашу любовь.

Князь.—О, помилуйте! мнѣ такъ пріятно ее тѣшить... за каждую ея ласку я готовъ дать десять тысячъ.

Александръ (въ сторону). — За такую ласку я ужь отдалъ спокойствіе, теперь отдамъ жизнь.

Князь.—Что вы такъ задумчивы, Александръ Дмитріевичъ? Вчера у насъ вы были гораздо веселѣе.

Вѣра. — Онъ всегда печаленъ, когда другіе веселы.

Александръ.—Если вамъ угодно, я буду веселъ...

Вѣра. — Пожалуйста; это любопытно посмотрѣть.

Александръ.—Чтожъ, извольте. Не разсказать-ли, какъ толстая жена откупщика потеряла башмакъ въ собраніи, это очень смѣшно; но вы такъ добры, что вамъ будетъ жалко. Разсказать, какъ князь Иванъ битыхъ три часа толковалъ мнѣ объ устройствѣ новой водяной мельницы, и самъ махалъ руками на подобіе вѣтряной; вы сами видѣли эту картину и не смѣялись. Повторить, что разсказываетъ онъ про своего дядю, какъ тотъ на 20 году отъ роду получилъ пощечину, 72 года все искалъ своего непріятеля, на 92-мъ нашелъ, замахнулся... и отъ натуги умеръ, — это смѣшно, только когда онъ самъ разсказываетъ. Наконецъ, говорить мнѣ свои глупости,—вы къ нимъ ужъ слишкомъ привыкли и онѣ мнѣ самому надоѣли больше, чѣмъ кому-нибудь.

Вѣра.—Вы сегодня расположены къ злости.

Александръ. — Право?—ну, такъ оправдаю вашу догадку и разскажу, какъ наша сосѣдка плакала, когда дочь отказала жениху съ милліономъ, потому что онъ только разъ въ недѣлю бреетъ бороду.

Юрій.—Вотъ ужъ это было бы вовсе не смѣшно, и я бы на ея мѣстѣ слегъ въ постелю... Милліонъ! да тутъ не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени,—господинъ милліонъ—тутъ все.

Дм. Петр.—Полно, Юрій, это слишкомъ по петербургски.

Юрій.—Батюшка! вездѣ такъ думаютъ, и въ Петербургѣ такъ говорятъ; но повѣрьте мнѣ, женщина, отданная милліону, позже или рано [illegible]—и горько раскается. Сколько прелести въ милліонѣ! наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извиненіе всѣхъ слабостей, недостатковъ, уваженіе, любовь, дружба... Вы скажете: это будетъ все одинъ обманъ; но и безъ того мы вѣчно обмануты, такъ лучше быть обмануту съ милліономъ.

Дм. Петр. — Я не полагаю, чтобъ многіе такъ думали.

Юрій. — Я знаю людей, которые поступаютъ по этимъ правиламъ.

Вѣра (въ сторону).—(Онъ меня мучитъ.) (Громко). [illegible], вы хотѣли показать Дмитрію П[illegible], какъ убраны наши комнаты, и объ чемъ-то съ нимъ переговорить.

Князь. — Ахъ, точно, я имѣю до васъ маленькую просьбу на счетъ условія.

Дм. Петр.—Къ вашимъ услугамъ, князь.

(Уходятъ, Александръ приближается къ Вѣрѣ, и Юрій; съ минуту молчаніе).

Юрій (насмѣшливо). — Да, княгиня, милліонъ вещь ужасная.

(Уходитъ. Она погружена въ задумчивость).

Александръ (беретъ ее за руку).—Вѣра, твой мужъ... всѣ ушли, мы одни. . Вотъ ужъ сутки, какъ я жду этой минуты; я видѣлъ по твоему лицу, что ты хочешь мнѣ что-то сказать. О, я читаю въ глазахъ твоихъ, Вѣра. (Она отворачивается). Ты отворачиваешься... конечно, у тебя на душѣ какая-нибудь новая мучительная тайна,-скорѣй, скорѣй влей ее въ мою душу... тамъ много ей подобныхъ, и она съ ними уживется. Какое-нибудь сомнѣніе? Чтожъ? Ты знаешь, какъ искусно я умѣю разрѣшать всѣ сомнѣнія.

Вѣра.—О! я помню.

Александръ. — Ты помнишь, сколько мнѣ стоило труда уничтожить твой единственный предразсудокъ, и какъ потомъ ты мнѣ была благодарна — потому что я люблю тебя, Вѣра! люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить, люблю какъ человѣкъ, который въ первый разъ любимъ и счастливъ.

Вѣра. — Да, я слишкомъ все это хорошо помню.

Александръ.—Что это? упрекъ? раскаяніе?... И отчего же именно теперь, послѣ двухъ лѣтъ!.. О, я не хочу угадывать... нѣтъ, это минута неудовольствія; ты чѣмъ-нибудь огорчена... и зная, какъ я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... Хорошо, Вѣра, хорошо, продолжай — это тебя успокоитъ; я съ радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательствомъ твоей любви.

Вѣра (оборачивается).—Я имѣю до васъ одну просьбу!..

Александръ (отступаетъ шагъ назадъ).—Просьбу? Вы?.. А! это ужь еще что-то новое... это холодное *вы*, послѣ столькихъ клятвъ и увѣреній, послѣ столькихъ доказательствъ искренней нѣжности, похоже на проклятіе. Посмотримъ, сударыня... Прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежитъ вамъ, зачѣмъ же тутъ слово: просьба! Нѣтъ жертвы, которыя бы я не принесъ вашей минутной прихоти.

Вѣра —О, я не требую никакой жертвы!..

Александръ. — Тѣмъ хуже, Вѣра! [illegible] я бы могъ доказать тебѣ свою любовь.

Вѣра (въ сторону). — Любовь... это несносно.

Александръ. — Вижу, я начинаю докучать тебѣ; это мудрено. Я [illegible]! Зачѣмъ не употреблялъ я [illegible]. Но что дѣлать? Я желалъ хоть одинъ разъ попробовать любви искренней, открытой... [illegible]. Говорите, что вамъ угодно?

Вѣра.—Я хотѣла васъ просить, чтобъ вы сказали вашему брату...

Александръ.—Брату?

Вѣра (скоро). — Да, скажите ему, что онъ меня чрезвычайно обидѣлъ, намекая на богатство мужа моего... вы сами знаете, отъ того-ли я за него вышла... это было безуміе, ошибка... скажите ему, просите его, чтобъ онъ, ради прежней нашей дружбы, не огорчалъ меня болѣе... Если это для васъ не жертва, то прошу васъ сказать ему... (Молчаніе).

Александръ.—Хорошо, Вѣра, я скажу... Но это, вопреки тебѣ, будетъ служить доказательствомъ моей нѣжности болѣе всего на свѣтѣ.

Вѣра (протягивая руку). — О, мой другъ, какъ тебѣ благодарна.

Александръ. — Нѣтъ, ради Бога, лучше не благодари. (Уходитъ; въ сторону). Конечно, я ничего ему не скажу!..

Вѣра (одна). — Съ нынѣшняго дня, я чувствую, что я погибла!.. я не владѣю собою: какой-то злой духъ располагаетъ моими поступками, моими словами.

Князь (высунувшись изъ двери). Вѣрочка, Вѣрочка! venez ici, — посмотри, какой чудесный трельяжъ у Дмитрія Петровича; завтра же купимъ тебѣ такой же точно.

Вѣра (какъ бы проснувшись, встаетъ).—О, Боже! и всю жизнь слышать этотъ голосъ!..

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Въ комнатахъ князя Лиговскаго. Князь и Вѣра.

Князь. — Вѣра! посмотри, какъ передѣлали твой брилліантовый фермуаръ.

Вѣра. — Очень мило; но тутъ есть новые камни.

Князь.—Это любезность брилліантщика.

Вѣра.—А! понимаю... ты не хочешь моей благодарности... ты съ каждымъ днемъ дѣлаешься княземъ...

Князь.—Я радъ, что угодилъ тебѣ...

Вѣра (въ сторону). — Угодилъ!.. право, другой подумаетъ, что онъ мой управитель.

Князь.—Мнѣ очень понравился второй сынъ Дмитрія Петровича; не знаю какъ тебѣ.

Вѣра.—Я его давно знаю.

Князь.—Онъ веселаго нрава?

Вѣра.—Слишкомъ веселаго.

Князь.—Признаюсь, я самъ таковъ и люблю посмѣяться, и право ты наконецъ надоѣшь мнѣ своей задумчивостью; а вѣдь Юрій Дмитричъ недуренъ; мнѣ выраженіе лица его очень нравится.

Вѣра. — Какая-то насмѣшливая улыбка, — я боюсь говорить съ нимъ.

Князь. Какое предубѣжденіе!.. напротивъ, у него въ улыбкѣ-то именно есть что-то доброе, простое... Я его разъ видѣлъ, а ужь полюбилъ.. а ты?..

Слуга (входитъ).—Юрій Дмитричъ Радинъ.

Юрій (входитъ).—Князь, я почелъ обязанностію засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе...

Князь. — Мы съ женой постараемся превратить эту обязанность въ удовольствіе! Прошу садиться... А вы легки на поминѣ,—мы съ женой сейчасъ лишь объ васъ говорили, и я ее выведу на свѣжую воду. Вообразите, она утверждаетъ, что у васъ въ лицѣ есть что-то ядовитое, злое...

Юрій.—Можетъ быть княгиня права: несчастіе дѣлаетъ злымъ.

Князь.—Ха-ха-ха! Какимъ у васъ быть несчастіямъ;—вы такъ молоды.

Юрій.—Князь! вы удивляетесь, потому что слишкомъ счастливы сами.

Князь.—Слишкомъ! О, да это въ самомъ дѣлѣ колкость,—я начинаю вѣрить женѣ.

Юрій —Вѣрьте, прошу васъ, вѣрьте, — княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вѣра (быстро прерываетъ его). — Скажите: вы прямо къ намъ, или были ужь гдѣ-нибудь?

Юрій. — Я сегодня сдѣлалъ нѣсколько визитовъ... и одинъ очень интересный. Я былъ такъ взволнованъ, что сердце и теперь у меня еще бьется какъ молотокъ...

Вѣра.—Взволнованы?..

Князь. — Вѣрно встрѣча съ персоной, которую встарину обожали, — это вѣчная исторія военной молодежи, пріѣзжающей въ отпускъ.

Юрій.—Вы правы, — я видѣлъ дѣвушку, въ которую былъ прежде влюбленъ до безумія.

Вѣра (разсѣянно). — А теперь?

Юрій.—Извините, это моя тайна; остальное, если угодно, разскажу...

Князь.—Пожалуйста; писанныхъ романовъ я не терплю, а до настоящихъ страстный охотникъ..

Юрій.—Я очень радъ; мнѣ хочется также при комъ-нибудь облегчить душу. Вотъ видите, княгиня, — года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, живущимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ какъ родной. Дѣвушка, о которой хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы

портретомъ; имя же ея для меня трудно произнесть.

Князь.—Вѣрно очень романическое?

Юрій.—Не знаю; но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить какъ молитву; оно моя собственность, я его храню какъ образъ—благословеніе матери, какъ татаринъ хранитъ талисманъ съ могилы Пророка.

Вѣра.—Вы очень краснорѣчивы.

Юрій.—Тѣмъ лучше. Но слушайте. Съ самаго начала нашего знакомства, я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ ней, сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ пріятно—и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую-то пылкость, твердость и благородство, рѣдко замѣтные въ нашихъ женщинахъ; однимъ словомъ, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки,—много-ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?.. Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею; вокругъ нея былъ какой-то волшебный очеркъ; вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ, она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь, я предался ей какъ судьбѣ; она не требовала ни обѣщаній, ни клятвъ, когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо,—но сама клялась любить меня вѣчно. Мы разстались; она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни,—я одинъ зналъ причину... Я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя,—я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоцѣнное чувство слѣдовало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забыться на мгновенье; но послѣ первой вспышки, я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ,—ни одна меня не привязала, и вотъ наконецъ я вернулся на родину.

Князь.—Завязка романа очень обыкновенна.

Юрій.—Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ,—я проглотилъ свое бѣшенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что происходило здѣсь.

Князь.—Чтожъ? нельзя было ей ждать васъ вѣчно.

Юрій.—Я ничего не требовалъ, — обѣщанія ея были произвольны.

Князь.—Вѣтреность, молодость, неопытность; ее надо простить.

Юрій.—Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

Княгиня (дрожащимъ голосомъ).—Извините,—но можетъ быть она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

Юрій.—Онъ старъ и глупъ.

Князь.—Ну, такъ очень богатъ и знатенъ.

Юрій.—Да.

Князь.—Помилуйте — да это нынче главное! ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

Юрій (подумавъ).—Съ этимъ не спорю.

Князь.—На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то вѣроятно она васъ еще любитъ.

Вѣра (быстро).—Не можетъ быть.

Юрій (пристально взглянувъ на нее).—Извините, княгиня! теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. (Хочетъ идти).

Князь.—Куда вы?

Юрій.—Куда-нибудь.

Князь.—Поѣдемте вмѣстѣ на Кузнецкій. (Два слова на ухо).

Юрій.—Извольте, куда хотите. (Выходятъ).

Князь.—Прощай, Вѣринька. (Идетъ и въ дверяхъ встрѣчаетъ Александра). Извините, Александръ Дмитричъ, — а вотъ жена цѣлое утро дома. (Уходитъ).

(Александръ входитъ медленно, смотритъ то на нихъ, то на Вѣру. Вѣра, опрокинувъ голову на спинку стула, закрыла лицо руками).

Александръ (про себя).—Онъ былъ здѣсь, она въ отчаяньи. (Глухо). Я погибъ.

Вѣра (открывъ глаза).—А! опять передо мною.

Александръ.—Опять и всегда, какъ жертва, на которую ты можешь излить свою досаду; какъ другъ, которому ты можешь вѣрить печаль; какъ рабъ, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

Вѣра.—О, поди, оставь меня... Ты живой упрекъ, живое раскаянье; я хотѣла молиться,—теперь не могу молиться.

Александръ.—Если-бъ я умѣлъ молиться, Вѣра, то призвалъ бы на твою голову благодать Бога Вѣчнаго... но ты знаешь, я умѣю только любить.

Вѣра.—Я ничего не знаю... Уйди, ради неба, уйди.

Александръ.—Ты меня не любишь.

Вѣра.—Я тебя ненавижу.

Александръ.—Хорошо!.. Это немножко легче равнодушія... За что же меня ненавидѣть?... за что?.. Говори, за что?..

Вѣра.—О, ты нынче недогадливъ... Ты не понимаешь, что послѣ проступка можетъ оставаться въ сердцѣ женщины искра добродѣтели;

ты не понимаешь, какъ ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не смѣть объ этомъ думать, не смѣть дать себѣ этого имени...

Александръ. — Да, понимаю! несносно для самолюбія.

Вѣра.—Если-бъ не ты, не твое адское искусство, если-бъ не твои ядовитыя рѣчи, я бы могла еще требовать уваженія мужа и по крайней мѣрѣ смѣло смотрѣть ему въ глаза.

Александръ.—И смѣло любить другого.

Вѣра (испугавшись).—Нѣтъ, неправда, неправда! такая мысль не приходила мнѣ въ голову.

Александръ. — Къ чему запираться? Я не мужъ твой, Вѣра; не имѣю никакихъ правъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ любовь твою... И чтожъ мнѣ удивляться!.. Я третій, которому ты измѣняешь,—современемъ будетъ и двадцатый!.. Если ты почитаешь себя преступной, то преступленія твои не любовь ко мнѣ—а замужество!.. союзъ неровный, противный законамъ природы и нравственности... Признайся же мнѣ, Вѣра: ты снова любишь моего брата?

Вѣра.—Нѣтъ, нѣтъ.

Александръ.—Если хочешь, то я уступлю тебя брату; стану издали, украдкой смотрѣть на ваши свѣжія ласки и стану думать про себя: такъ точно и я былъ счастливъ... очень недавно...

Вѣра.—Да ты мучитель... палачъ... И я должна терпѣть!

Александръ.—Я палачъ? Я, самый снисходительный изъ любовниковъ!.. я, готовый быть твоимъ безмолвнымъ повѣреннымъ,—плати только мнѣ по одной ласковой улыбкѣ въ день. Многіе платятъ дороже, Вѣра!

Вѣра.—О, лучше убей меня.

Александръ.—Дитя, развѣ я похожъ на убійцу?...

Вѣра —Ты хуже!

Александръ.—Да! такова была моя участь со дня рожденія... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали,—и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство,—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ, я чувствовалъ себя выше его, меня ставили ниже,—я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ: меня никто не любилъ,—и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго,—меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни,—а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы... Въ груди моей возникло отчаянье, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаянье, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе,—я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ... и для этого избралъ тебя!..

Вѣра (смотря на него пристально).—О, Боже!.. И ты надо мной не сжалился...

Александръ.—Богъ меня послалъ къ тебѣ, какъ необходимое въ жизни несчастіе; но для меня ты была ангеломъ-спасителемъ. Когда я увидѣлъ возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствій; всей силой неутомимой воли, всей силою отчаянья я уцѣпился за эту райскую мысль... Всѣ средства были хороши, я кажется сдѣлалъ бы самую неслыханную низость, чтобъ достигнуть моей цѣли... Но вспомни, вспомни, Вѣра, что я погибалъ... нѣтъ, я не обманулъ, не обольстилъ тебя,—нѣтъ, было написано въ книгѣ судьбы, что я не совсѣмъ еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вѣра! Никто на свѣтѣ меня не разувѣритъ, никто не вырветъ у меня изъ души воспоминаній о моемъ единственномъ блаженствѣ! О, какъ оно было полно, восхитительно, необъятно... Видишь, видишь слезы... не изобрѣтено еще муки, которая бы вырвала такую каплю изъ глазъ моихъ... а теперь плачу, какъ ребенокъ плачу... когда вспомнилъ, что былъ одинъ разъ въ жизни счастливъ... (упадаетъ на колѣна и хватаетъ ея руки). О, позволь, позволь мнѣ по крайней мѣрѣ плакать.

Вѣра.—Послушай, Александръ, послушай... что же мнѣ дѣлать?.. Мнѣ жаль, но я не люблю тебя; не могу, не могу больше любить... Я всегда ошибалась,—мы не созданы другъ для друга... Что же мнѣ дѣлать!.. (Александръ встаетъ). Послушай, забудь, оставь меня... Или нѣтъ, я уѣду далеко, далеко... Не обращай на меня вниманія, я не ангелъ, я слабая, безумная женщина, я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. Презирай меня, если тебѣ отъ этого будетъ легче, но оставь, не мучь...

Александръ.—Хорошо, хорошо, Вѣра. Я тебя оставлю,—ты меня не увидишь... Но я, моя мысль, мой взоръ, мой слухъ будутъ вѣчно съ тобой; когда ты будешь весела и довольна, то я объ себѣ не напомню, но въ минуты печали я буду тебѣ являться,—и ты утѣшишься, видя, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который несчастнѣе тебя!

Вѣра.—Но зачѣмъ же, зачѣмъ?.. Попробуй

полюбить другую,—я знаю много женщинъ, которымъ ты нравишься... А меня оставь жить, какъ судьбѣ угодно!.. Что можетъ быть между нами общаго—безъ любви... Я тебя прощаю!.. Прощаю отъ всего сердца.

Александръ.—Какое великодушіе!

Вѣра.—Обѣщаюсь забыть всѣ мученія, которымъ ты былъ причиной.

Александръ.—И ты думаешь обмануть меня! и ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю въ глубинѣ души твоей? Меня обмануть? Да знаешь-ли, что это почти невозможно... Ты выбрала минуту слабости, ты думала, что слезы помѣшаютъ мнѣ видѣть всю тонкость твоего намѣренія! Я знаю, что ты хочешь избавиться отъ моего надзора, какъ отъ любви моей, чтобъ на свободѣ отдать мое мѣсто другому... Эта мысль еще не развилась въ умѣ твоемъ, ты говоришь по какому-то невольному побужденію... но я вижу эту мысль во всей ея ужасной наготѣ... и этого не будетъ .. Нѣтъ, что хоть разъ мнѣ принадлежало, то не должно радовать другого... А этотъ другой—мой братъ Юрій. Слышишь-ли, я и это знаю.

Вѣра (съ гордостью).—Такое подозрѣніе слишкомъ обидно... Съ сей минуты мы чужды другъ другу... Прощайте, я васъ не знаю... позволяю вамъ мстить всѣми возможными, даже низкими средствами.

Александръ.—Какъ? неужели и ты, и ты не нашла въ душѣ моей ничего благороднаго...

Вѣра.—Не знаю.

Александръ.—О?

Вѣра.—Оставьте, оставьте меня... еще одна минута и я умру. (Упадаетъ на кресла).

Александръ.—Я иду... Только онъ никогда не будетъ твоимъ,—никогда. (Подойдя къ двери, оборачиваясь). Слышишь-ли: никогда!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Дмитрій Петровичъ входитъ. **Александръ** его ведетъ подъ руку и сажаетъ.

Александръ.—Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дм. Петр.—Старость, братъ, старость,—пора убираться... Да, ты что-то мнѣ хотѣлъ сказать.

Александръ.—Да, точно... есть одно дѣло, объ которомъ я непремѣнно долженъ съ вами поговорить.

Дм. Петр.—Это вѣрно насчетъ процентовъ въ опекунскій совѣтъ... Да не знаю, есть-ли у меня деньги...

Александръ.—Въ этомъ случаѣ деньги не помогутъ, батюшка.

Дм. Петр.—Что же такое?

Александръ.—Это касается брата...

Дм. Петр.—Что?.. Что такое съ Юринькой случилось?

Александръ.—Не пугайтесь, онъ здоровъ и веселъ.

Дм. Петр.—Не проигралс-ли онъ?

Александръ.—О, нѣтъ!

Дм. Петр.—Послушай... если ты мнѣ скажешь про него что-нибудь дурное, такъ объявляю заранѣ... я не повѣрю... Я знаю, ты его не любишь!

Александръ.—И такъ, я ничего не могу сказать... а вы одни могли бы удержать его.

Дм. Петр.—Ты во всѣхъ предполагаешь дурное.

Александръ.—Я молчу, батюшка.

Дм. Петр.—Видно я правду говорю, коли ты не смѣешь и защищаться!..

Александръ.—Я чувствую, что человѣку не дано силы противиться судьбѣ своей!

Дм. Петр.—Ты меня выведешь изъ терпѣнія... Ну, скажи, что-ли, скорѣе, что ты еще открылъ,—въ чемъ предостерегать?

Александръ.—Юрій влюбленъ въ княгиню Вѣру.

Дм. Петр.—Да, я самъ подозрѣваю, что онъ не совсѣмъ ее забылъ... а она?

Александръ.—Она—его любитъ страстно; о, я это знаю... я имѣю доказательства... я вамъ клянусь честью... Спасите хоть ее... еще два, три дня... и она не будетъ въ силахъ ни въ чемъ противиться... Вы до этого не допустите брата.

Дм. Петр.—Да, да,—это нехорошо... Но Юрій не захочетъ, не рѣшится.

Александръ.—А минута страсти, самозабвенія!.. одна минута!

Дм. Петр.—Это нехорошо... Ты правъ... Благодарю, что сказалъ... Да что же дѣлать? Поговорить развѣ Юрію...

Александръ.—О, это хуже всего... Онъ ужь слишкомъ далеко зашелъ... Надо, чтобъ князь уѣхалъ... Потомъ брату кончится отпускъ... И они никогда, по крайней мѣрѣ долго не увидятся...

Дм. Петр.—Бѣдная женщина!..

Александръ.—О, еслибъ вы видѣли, какъ она страдаетъ въ борьбѣ съ собою... Но я ее знаю... еще нѣсколько дней... и она погибнетъ!..

Дм. Петр.—Я хвалю тебя, Александръ!.. Ты

всегда былъ строгихъ правилъ, хотя не очень чувствителенъ... Но какъ же быть?

Александръ.—Предупредить князя! сказать ему просто!..

Дм. Петр.—Разссорить его съ женой?..

Александръ.—Онъ благоразумный и добрый человѣкъ... Скажите ему только, что Юрій влюбленъ въ княгиню... Это вашъ долгъ, долгъ отца и честнаго человѣка... Объясните ему, что вы нимало не подозрѣваете его жены... но что живя въ одномъ домѣ, ея репутація можетъ пострадать, братъ можетъ проболтаться, похвастаться двусмысленнымъ образомъ — изъ самолюбія... Мало-ли!.. Однимъ словомъ, князь долженъ уѣхать...

Слуга (входитъ).—Князь Лиговскій.

Дм. Петр.—Надо подумать... Какъ же такъ опрометчиво поступать,—надо бы подумать.

Александръ.—Минуты дороги... Вы видите, сама судьба его вамъ посылаетъ. (Входитъ князь).

Князь.—А я сейчасъ съ Кузнецкаго моста; покупалъ все женѣ наряды къ празднику... Столько хлопотъ, что ужасть... Вотъ эти молодые люди не знаютъ, что такое жениться.

Дм. Петр.—Пріятно со стороны смотрѣть, какъ вы любите вашу супругу, князь.

Князь.—Я жену очень люблю Однако, видите, я со всѣмъ тѣмъ мужъ благоразумный: хочу, чтобъ меня слушались, и въ случаѣ нужды имѣю твердость; о, я очень твердъ!—Какъ вы нынче въ своемъ здоровье?

Дм. Петр.—Благодарю... Я нынче что-то слабъ... И къ тому же разстроенъ... Охъ, дѣти, дѣти!

Князь.—Разстроены... Помилуйте, вы кажется такъ счастливы дѣтьми.

Дм. Петр.—Это правда... Но иногда и самыя лучшія дѣти дѣлаютъ глупости.

Князь.—Да помилуйте!.. вы несправедливы. Какія же глупости... Но извините, это слишкомъ нескромно...

Дм. Петр.—Ничего, князь,—напротивъ... Это дѣло даже больше касается до васъ, нежели до меня.

(Александръ дѣлаетъ знакъ отцу и уходитъ).

Князь —До меня?

Дм. Петр.—Мой долгъ повелѣваетъ мнѣ сказать... Но я не знаю, какъ рѣшиться.

Князь.—Развѣ это что-нибудь...

Дм. Петр.—Вотъ видите, я не знаю, какъ вы примете.

Князь. - Да развѣ?..

Дм. Петр.—Успокойтесь; это еще не опасно.

Князь.—Слава Богу... Такъ еще не опасно?.. уфъ!..

Дм. Петр.—Мой сынъ Юрій...

Князь.—Юрій Дмитричъ? Онъ со мной никакихъ не имѣлъ сношеній!..

Дм. Петр.—Я не говорю, чтобъ онъ имѣлъ сношеніе съ вами или съ кѣмъ-нибудь изъ вашего дома... Но ваша жена... еще до замужества... ея красота... любезность!..

Князь.—Вотъ видете, Дмитрій Петровичъ... Я этихъ достоинствъ еще самъ въ ней хорошенько не разсмотрѣлъ... Не потому говорю такъ, что она моя жена,—но вѣдь я не поэтъ! О, вовсе не поэтъ!.. Я женился потому, что надо было жениться,—женился на ней потому, что она показалась мнѣ добраго и тихаго нрава; люблю ее потому, что надобно любить жену, чтобъ быть счастливу... Я васъ прервалъ; пожалуйста продолжайте!

Дм Петр.—Это не такъ легко, князь.

Князь.—Прошу васъ, для меня себя не принуждайте.

Дм. Петр.—Однимъ словомъ, мой сынъ Юрій былъ влюбленъ въ вашу супругу до ея замужества,—и кажется былъ нѣсколько ей пріятенъ.

Князь.—О, я увѣренъ, что теперь эта страсть прошла.

Дм. Петр.—Къ сожалѣнію, не прошла—со стороны моего сына.

Князь.—Тѣмъ хуже для него.

Дм. Петр.—Я боялся, чтобъ это и вамъ было непріятно! по долгу честнаго человѣка рѣшился васъ предупредить, на всякій случай...

Князь.—Лишь бы жена была мнѣ вѣрна,—больше я и знать не хочу!

Дм. Петр.—Я не сомнѣваюсь въ добродѣтели княгини.

Князь.—И я также.

Дм. Петр. (со вздохомъ).—Вы очень счастливы...

Князь.—Не спорю-съ. (Вдругъ какъ бы вспомнивъ что-то, хватается за голову и вскакиваетъ).—О, я дуракъ! о, я пошлая дурачина! о, глупая, ослиная голова!.. Вы правы,—а я дубина!.. Теперь вспомнилъ... О, пошлая недогадливость!.. Теперь понимаю... понимаю этотъ анекдотъ!.. все было на мой счетъ сказано... а я—сумасшедшій,—ему же совѣтую волочиться за моей женой... А ея смущеніе... Вѣдь надо было мнѣ жениться—въ 42 года!.. съ моимъ добрымъ, простосердечнымъ нравомъ—жениться!..

Дм. Петр.—Успокоитесь, прошу васъ,—все еще поправить можно.

Князь.—Нѣтъ, никогда не успокоюсь (садится).

Дм. Петр.—Я вамъ это сказалъ по долгу честнаго человѣка... и потому, что знаю сына: онъ легко можетъ надѣлать глупостей—и невиннымъ образомъ въ свѣтѣ компрометировать

княгиню; притомъ она молода,—можетъ завлечься невольно; скажутъ, что живя въ одномъ домѣ...

Князь.—Вы правы... Посудите теперь; ну, не несчастнѣйшій-ли я человѣкъ въ мірѣ!

Дм. Петр.—Утѣшьтесь... Я очень понимаю ваше положеніе, но что же дѣлать.

Князь.—Что дѣлать?—вотъ видите, я человѣкъ рѣшительный: завтра же уѣду изъ Москвы въ деревню, нынче же велю все готовить.

Дм. Петр.—Это самое лучшее средство, самое вѣрное: тихо, безъ шуму.

Князь.—Да, тихо, безъ шуму!.. уѣхать изъ Москвы, зимой, наканунѣ праздниковъ, — вотъ женщины! О, женщины! Прощайте, Дмитрій Петровичъ, прощайте! о, вы увидите, что я человѣкъ рѣшительный!

Дм. Петр.—Не взыщите, я говорилъ отъ сердца, князь—по-стариковски; притомъ я всегда былъ строгихъ правилъ... (Хочетъ встать).

Князь.—Не безпокойтесь... Вы истинный мой другъ... Прощайте!.. О, я человѣкъ рѣшительный... (Уходитъ).

(Юрій входитъ и хохочетъ во все горло).

Юрій.—Вообразите, ха, ха, ха, ха... Нѣтъ, я вѣкъ этого не забуду... Князь, ха, ха, ха! Я подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь... что поваго... а онъ—ха, ха, ха! скорчилъ кошачью мину и руку положилъ въ карманъ: «Ничего-съ,—къ несчастію, все старое»... Потомъ шагъ назадъ и сталъ въ позицію... Я скорѣй бѣжать, чтобъ не фыркнуть ему въ глаза... Не знаете-ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дм. Петр.—А ты хочешь волочиться за женой и чтобъ мужъ тебѣ въ ноги кланялся! Кабы въ наше время, такъ ему бы надо тебя не такъ еще проучить.

Юрій (серьезно).—Я волочусь за его женой? Кто ему это сказалъ?

Дм. Петр.—Ну, вѣдь признайся: ты въ нее влюбленъ!

Юрій.—Онъ о прежнемъ ничего не знаетъ и слишкомъ глупъ, чтобъ теперь догадаться.

Дм. Петр.—Долгъ всякаго честнаго человѣка былъ ему сказать.

Юрій.—А позвольте: кто-жъ этотъ черезчуръ честный человѣкъ?

Дм. Петр.—А если-бъ даже я.

Юрій.—Вы, батюшка?

Дм. Петр.—Да, я не терплю безнравственности, безчинства.., Въ мои лѣта трудно смотрѣть на такія вещи и молчать... Хорошій отецъ долженъ удерживать сына отъ безчестныхъ поступковъ, а если сынъ его не слушаетъ, то мѣшать ему всѣми средствами

Юрій.—А, такъ вы ему сказали?

Дм. Петр.—Да, не прогнѣвайся,—и князь завтра же увозитъ жену въ деревню.

Юрій.—О! это нестерпимо!

Дм. Петр.—Вздоръ, вздоръ!.. Что такое за упрямство, будто нѣтъ другихъ женщинъ.

Юрій.—Для меня нѣтъ другихъ женщинъ... Я хочу, хочу... Да знаете-ли, батюшка, что это ужасно... Кто вамъ внушилъ эту адскую мысль?

Дм. Петр.—Кто внушилъ?.. И ты смѣешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любитъ больше жизни, тобою только и дышетъ—вотъ благодарность! развѣ я такъ ужь старъ, такъ глупъ, что не вижу самъ, что дурно, что хорошо!.. Нѣтъ, никогда не допущу тебя сдѣлать дурное дѣло; опомнишься, самъ будешь благодаренъ и попросишь прощенія!

Юрій.—Никогда!.. Прощенія!.. Мнѣ еще васъ благодарить,—за что? Вы мнѣ дали жизнь,—а теперь ее отняли, на что мнѣ жизнь?.. Я не могу жить безъ нея... нѣтъ, я вамъ никогда не извиню этого поступка.

Дм. Петр.—Юрій, Юрій! подумай, что ты говоришь.

Юрій.—Я не уступлю. Борьба начинается,—я радъ, очень радъ! Посмотримъ! всѣ противъ меня—и я противъ всѣхъ!..

Дм. Петр.—Сжалься, Юрій, надъ старикомъ—ты меня убиваешь.

Юрій.—А вы надо мной сжалились? Вы пошутили... милая шутка!

Дм. Петр.—О, ради Бога, перестань!

Юрій.—Князь завтра ѣдетъ, а нынче Вѣра будетъ моя. (Идетъ къ столу).

Дм. Петр.—Александръ! Александръ! Онъ убилъ меня,—мнѣ дурно! (Александръ вбѣгаетъ, поднимаетъ и ведетъ его подъ руку).—Онъ злодѣй—онъ убилъ меня!

Юрій (одинъ).—Нынче она будетъ моя—нынче или никогда... Они хотятъ у меня ее вырвать,—развѣ я даромъ три года думалъ объ ней день и ночь? Три года сожалѣній, надеждъ, недоспанныхъ ночей; три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, непзлѣчимой, — и послѣ этого я ее отдамъ безъ спору, и въ ту самую минуту, когда я на краю блаженства. Да какъ же это возможно! (Пишетъ записку и складываетъ). Кажется, такъ оно удастся (Отворяетъ дверь и кличетъ). Ванюшка! (Входитъ молодой лакей въ военной ливреѣ). Послушай, отъ твоего искусства теперь зависитъ жизнь моя.

Ванюшка.—Вы знаете, сударь, что я вамъ всѣми силами радъ служить.

Юрій.—Когда ты сдѣлаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка.—Слушаю-съ.

Юрій.—Если же нѣтъ,—ты погибъ!

Ванюшка.—Слушаю-съ.

Юрій.—Видишь эту записку. Черезъ часъ, никакъ не позже, она должна быть въ рукахъ у княгини Лиговской. (Александръ показывается въ другой двери).

Ванюшка.—Помилуйте, сударь, да это самое пустое дѣло. Я познакомился ужь съ ея горничною; а у насъ въ пустой половинѣ такіе закоулки, что можно вездѣ пройти днемъ также безопасно, какъ ночью...

Юрій.—Я на тебя надѣюсь. Только смотри, не позже какъ черезъ часъ. (Уходитъ).

Ванюшка. — Черезъ пять минутъ, сударь... (Про себя). Мы съ барином видно не промахи,—четыре дня какъ здѣсь, а ужь дѣла много сдѣлали. (Хочетъ идти).

Александръ (Подкравшись сзади и схватываетъ его за руку).—Постой.

Ванюшка (испуганный).—Что это вы, баринъ!

Александръ.—У тебя вотъ въ этой рукѣ записка...

Ванюшка.—Никакъ нѣтъ-съ.

Александръ (хочетъ взять).—А вотъ увидимъ.

Ванюшка. — Я закричу-съ, вашъ братецъ услышитъ!

Александръ (въ сторону).—Попробую другой способъ! (Ему). Видишь вотъ этотъ кошелекъ, въ немъ 20 червонцевъ; они твои, если ты дашь мнѣ ее прочесть, — такъ, изъ любопытства.

Ванюшка.—Только никому сами не извольте сказывать.

Александръ.—Я буду молчаливъ, какъ могила. (Высыпаетъ деньги въ руку).

Ванюшка.—А если изорвете, сударь, такъ я скажу своему барину.

Александръ (про себя).—Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. (Читаетъ). «Вашъ мужъ все знаетъ... Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, вы меня любите, — въ этомъ я также увѣренъ... Сегодня вечеромъ, въ 12 часовъ, я долженъ съ вами говорить; будьте въ этотъ часъ въ большой залѣ пустой части дома; вы спуститесь по круглой лѣстницѣ и пройдете черезъ коридоръ. Если черезъ два часа я не получу желаемаго отвѣта, то иду къ вашему мужу, заставлю его драться и, надѣюсь, убью. Въ этомъ клянусь вамъ честію... Ничто его не спасетъ, въ случаѣ вашего отказа. Выбирайте». — А! искусно написано!..

Ванюшка.—Пожалуйте, сударь, записку—мнѣ порт.

Александръ. — А если я ее изорву, говори, что ты хочешь за это; все, что попросишь... Тысячу, двѣ?..

Ванюшка.—И милліона не надобно-съ.

Александръ.—Я тебя умоляю!..

Ванюшка.—Вотъ видите, сударь, мнѣ велѣно ее отнести и я отнесу; объ томъ, чтобъ ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вамъ показалъ.

Александръ (подумавъ). — Хорошо, отнеси ее! (Слуга уходитъ). (Про себя). Я все-таки найду средство имъ помѣшать.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Большая заброшенная комната; развалившійся камин; съ лѣвой стороны виденъ коридоръ, освѣщенный въ окна луной, въ коридорѣ спускается лѣстница; направо двѣ ступени и дверь, а въ серединѣ стеклянная дверь на балконъ. Лунное освѣщеніе.

Александръ (входитъ съ правой стороны изъ двери и запираетъ ее ключомъ, онъ въ широкомъ плащѣ).—Хоть старъ замокъ, а не скоро его сломаешь... и покуда я здѣсь царь!.. Жалкая власть! жалкое удовольствіе, украденное изъ рукъ судьбы... и горькое, какъ хлѣбъ нищаго. За то я, по крайней мѣрѣ, хотя противъ ея воли, но еще разъ прижму ее къ груди своей; мой огненный поцѣлуи, какъ печать, останется на устахъ ея, и она будетъ мучиться этой мыслію; оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ были счастливы, вмѣстѣ и страдать!—Въ темнотѣ, подъ этимъ плащемъ она не скоро меня узнаетъ! Можетъ-быть, даже вѣроятно, что мнѣ удастся подъ чужимъ именемъ выманить два-три ласковыя слова... О! какой ангелъ внушилъ мнѣ эту мысль.—Богъ, видимо, хочетъ вознаградить меня за 30-лѣтнія муки, за 30 лѣтъ жизни пустой и напрасной. (Задумывается). Да, мнѣ 30 лѣтъ... а что я сдѣлалъ? Зачѣмъ жилъ?.. Говорятъ, что я эгоистъ; и такъ, я жилъ для себя?.. Нѣтъ... я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслажденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зло никому умышленно не сдѣлалъ... И такъ, я жилъ для другихъ?—Также нѣтъ... я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ,—одинъ, всегда одинъ, отверженный какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе. И потомъ одинъ разъ встрѣтить что-то похожее на любовь—одинъ только разъ,—и тутъ видѣть, знать, что я обязанъ этимъ искусству, случаю, даже можетъ-быть лишней чашкѣ

шоколаду... Наконецъ, противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, — потерять все—и остаться опять одному съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы. (Ходитъ взадъ и впередъ). Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю въ душѣ своей, какъ въ открытой книгѣ? Отчего самыя обыкновенныя чувства у меня такъ мертвы? Отчего теперь, въ самую рѣшительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, умъ свѣжъ, голова холодна?.. Я, право, кажется, могъ бы теперь съ любымъ глупцомъ говорить битый часъ о погодѣ; видно, я такъ созданъ, видно, недостаетъ какой-нибудь звучной струны въ моемъ сердцѣ... О! лучше бы ужь я родился слѣпъ, глухъ и нѣмъ... обо мнѣ бы, по крайней мѣрѣ, сожалѣли. (Вѣра показывается на лѣстницѣ). Это она... такъ точно: теперь я долженъ призвать на помощь всю свою твердость.

Вѣра. — Его еще нѣтъ... темно, страшно... Боже! какъ я могла рѣшиться... Но чтожъ дѣлать?—я его знаю—онъ сдержалъ бы свое обѣщаніе; у меня сердце бьется, какъ молотокъ Шорохъ... О, кто это?.. Юрій!..

Александръ (беретъ ее за руку).—Это я!..

Вѣра.—Довольны-ли вы... Что можетъ сдѣлать женщина больше?.. но это дурно, дурно принудить меня такимъ средствомъ.

Александръ.—Я также выбралъ между жизнью и смертью.

Вѣра.—Рѣшившись вамъ повиноваться, я рѣшилась также васъ забыть...

Александръ (хочетъ ее обнять). — О, это женская хитрость.

Вѣра.—Нѣтъ... нѣтъ: я вамъ скажу также, что я люблю васъ.

Александръ.—Меня одного?

Вѣра.—Одного, клянусь небомъ! Я могла заблуждаться, — но теперь чувствую, что сердце мое никогда не измѣнялось. (Александръ вздыхаетъ). Однако, несмотря на это, мы должны разстаться навсегда .. Мнѣ трудно такъ же, какъ и вамъ, объ этомъ думать; но теперь мы будемъ благоразумнѣе, чѣмъ въ минуту первой разлуки нашей; я ужь не могу быть счастлива, но спокойствіе для меня еще возможно,—оставьте мнѣ хоть это!

Александръ.—У меня и этого не останется.

Вѣра. — Вѣрьте мнѣ: женщина благородная можетъ на минуту забыть свой долгъ, но всегда приходитъ время, когда она чувствуетъ, что должна возвратиться къ нему; время это для меня настало: никакое искусство, никакія угрозы не поколеблютъ моей твердости. Юрій! дайте мнѣ руку, обѣщайте, какъ другу, какъ женщинѣ, которой постоянной мыслью были вы,—обѣщайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину отъ ея обязанностей. Это ужасно Юрій!.. это иногда хуже убійства.

Александръ. — О, молю, одинъ прощальный поцѣлуй!

Вѣра. — Нѣтъ, разстанемся друзьями, — зачѣмъ такое испытаніе?

Александръ.—Я буду покоренъ во всемъ, — только одинъ поцѣлуй—ты непремѣнно должна... непремѣнно... Одинъ... только одинъ... и потомъ пусть между нами обрушится вѣчность. (Увлекаетъ и цѣлуетъ ее; лучъ мѣсячный упадаетъ на его лицо, и она узнаетъ... вскрикиваетъ громко).

Вѣра.—О, опять онъ, опять!

Александръ. — Я ужь сказалъ тебѣ опять и всегда,—никто не займетъ моего мѣста.

Вѣра. — Это обманъ неслыханный, — пусти, пусти мнѣ руку... Я къ тебѣ чувствую отвращеніе!..

Александръ. — Знаю, знаю все; но ты не уйдешь отсюда... И ты подумала, что я не останусь вѣренъ своей клятвѣ?.. Да, я здѣсь, а твой страстный любовникъ теперь сидитъ крѣпко за двумя замками... Видишь эту дверь, за нею еще дверь: онѣ обѣ заперты... Онъ долженъ сломать замки... можетъ-быть это ему и удастся... Но тогда онъ увидитъ тебя въ моихъ объятіяхъ...

Вѣра.—Боже мой, Боже мой! я должна была знать, что онъ на все способенъ!

Александръ. — Ха, ха, ха! развѣ ты этого прежде не знала! Развѣ годъ тому назадъ, когда ты въ упоеніи страсти лежала въ моихъ объятіяхъ, когда твои поцѣлуи горѣли на губахъ моихъ, развѣ тогда еще я не предварялъ тебя? Развѣ я не говорилъ: Вѣра, ты любишь человѣка ужаснаго, который не имѣетъ ничего святого, кромѣ тебя, и то пока онъ любимъ, человѣка съ душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничѣмъ не дорожитъ; развѣ я не говорилъ: берегись, ты будешь раскаиваться... Но ты не вѣрила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу... Мнѣ шутить въ такія минуты! — Ты думала, что я все это говорилъ, чтобъ показаться интереснымъ, удивить тебя, что я, слѣдуя модѣ, фанфаронъ порока и эгоизма; ты даже хотѣла меня увѣрить, что я почти ангелъ доброты... потому что тогда кровь волновалась въ твоихъ жилахъ, тебѣ нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нѣжность, покуда, на время, до появленія другого, достойнѣйшаго... Не дрожи, не поднимай глаза къ небу... Наказаніе упало тебѣ оттуда... Ты не мученица добродѣтели, не жертва страсти и обмана,—ты просто слабая, вѣтреная, непостоянная женщина... Ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трехъ человѣкъ: одному

назначила покорность, другому вздохи и признанія, третьему, самому послушному, ты назначила мученія ревности, пытки презрѣнія, муки любви отверженной, обманутой... и этотъ послѣдній теперь мститъ за себя...

Вѣра (упадая на колѣна).—Не подходи, не подходи...

Александръ (поднимая ее за руку). — Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... Послѣ вашей надменности, это ужь слишкомъ смѣшно... На колѣнахъ—и передъ кѣмъ? Одумайтесь... Что это? страхъ! Чего же вы боитесь? Времена кинжаловъ прошли, — развѣ я вамъ угрожаю?..

Вѣра (почти безъ чувствъ). — Я не переживу этого.

Александръ.—Черезъ два года, Вѣра, назначаю тебѣ свиданіе гдѣ-нибудь на балѣ; на лицѣ твоемъ будетъ играть улыбка, въ волосахъ будутъ блистать жемчугъ и бриллианты, а въ сердцѣ твоемъ будетъ пусто и свѣтло...

(Слышенъ стукъ отломаннаго замка).

Вѣра.—Это Юрій,—онъ идетъ сюда...

Александръ.—Наконецъ! (Вѣра хочетъ бѣжать). Постой! Мнѣ пришла мысль. Зачѣмъ оставлять дѣло неоконченнымъ: я хочу, чтобъ онъ нашелъ тебя въ моихъ объятіяхъ, чтобъ онъ насладился пріятной картиной. Это было бы божественно, какъ ты думаешь? (Обнимаетъ ее).

Вѣра.—Мнѣ все равно,—дѣлай что хочешь: у меня нѣтъ силъ противиться.

Александръ.—Слышишь—вотъ его шаги... Послѣдній замокъ сейчасъ разлетится... Бѣшенство удваиваетъ его силы. (Молчаніе). Нѣтъ, я вижу, это ужь слишкомъ много для тебя—обморокъ? Пустое, я хочу, чтобъ ты съ нимъ говорила; останься здѣсь, скажи ему, что ты его не любишь, не любишь нисколько... Я отойду въ сторону... Слышишь-ли, отвергни его ласки такъ же холодно, какъ мои, — иначе я стану между вами; и тогда горе вамъ обоимъ. (Отходитъ и прячется; дверь съ трескомъ отворяясь, и входитъ Юрій).

Юрій.—А! меня заперли... это не даромъ—это съ умысломъ сдѣлано. Но кто же? Братъ?—Зачѣмъ ему?.. О, если я опоздалъ... Вѣра!.. Ничего не слышно... Чу! шорохъ платья... Она здѣсь, здѣсь!.. Вѣра! (Подходитъ и видитъ). О, какъ я счастливъ (беретъ ее за руку). — Вѣра, княгиня, — простите меня.

Вѣра. (слабо).—Васъ... я прощаю.

Юрій.—Это былъ мигъ сумасшествія... Но я хотѣлъ васъ видѣть передъ тѣмъ, чтобъ разстаться снова—и можетъ-быть навсегда... Я хотѣлъ—о, я самъ не знаю чего... Да, только васъ видѣть, только... Я надѣялся, я полагалъ, что вы не можете любить вашего мужа, потому что онъ не стоитъ васъ... Я хотѣлъ найти вамъ въ умѣ своемъ извиненіе... Я даже мечталъ, что вы меня еще любите...

Вѣра.—Вы совершенно ошиблись.

Юрій. — Однако, вы здѣсь... Вы не хотѣли огорчить меня, — вы здѣсь, ваша рука горитъ въ рукѣ моей... Женщина, не любя, не сдѣлаетъ этой жертвы...

Вѣра.—Вы правы, я пожертвовала собой изъ любви,—но не къ вамъ.

Юрій.—Вы хотѣли спасти мужа?

Вѣра.—Да.

Юрій (обидясь).—Если такъ, то прошу отъ меня его поздравить.

Вѣра (послѣ молчанія).—Забудьте меня.

Юрій.—Я не ожидалъ такого привѣтствія.

Вѣра.—Чего-жъ вы ожидали?

Юрій.—Въ васъ нѣтъ и тѣни той женщины, которая нѣкогда любила меня такъ нѣжно, которой обязанъ я лучшими минутами въ жизни... Отчего-жъ бы кажется имъ не воскреснуть... зачѣмъ дарить сокровище тому, кто ему не знаетъ цѣны?.. А я, я, такъ долго жившій одной надеждой обладать имъ,—я брошенъ въ сторону... со мной поступаютъ какъ съ игрушкой: то кидаютъ огненный взоръ, то ледяное слово...

Вѣра.—Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрій.—Боже! какъ вы перемѣнились... Бывало, вамъ стоило подумать, и я ужь зналъ эту мысль; пожелать, и я невольно желалъ того же; бывало, намъ почти не нужно было словъ для разговора... Теперь, признаюсь,—теперь я васъ не понимаю.

Вѣра —О! слава Богу.

Юрій.—Слава Богу... Ужель вы хитростью хотѣли избавиться отъ моей любви, обманомъ испугать меня?—этому не бывать... Вы теперь въ моей власти... Я не упущу этого случая... Теперь или никогда!.. вы моя, вы будете моею... Судьба этого хочетъ...

Вѣра.—Юрій, Юрій! одна минута восторга—и вѣки раскаянія.

Юрій.—Я не буду раскаиваться.

Вѣра.—А я?

Юрій.—Вы меня любите.

Вѣра.—Я слабая женщина... я имѣю обязанности.... я знаю, что такое раскаянье.

Юрій. — Ты объ немъ забудешь въ моихъ объятіяхъ.

Вѣра.—Пощади!..

Юрій.—Не доводи меня до крайности... Я за себя не ручаюсь.

Вѣра. — Шорохъ... насъ подслушиваютъ... здѣсь кто-то есть.

Юрій.—Шорохъ... кто же смѣетъ?.. (Осматривается).

Вѣра (убѣгаетъ). — Прощай, Юрій!.. Прощай!

Юрій (бѣжитъ за нею). — Нѣтъ, я васъ не пущу... Невозможно... Я не хочу такъ разстаться. (Въ двери хватаетъ ее за руку и упадаетъ на колѣна. Александръ является).

Вѣра (указывая пальцемъ на Александра). — Уйдите, уйдите! это онъ... онять онъ! (Убѣгаетъ).

Юрій (оборачивается).—А! что такое?..

Александръ.—Свидѣтель твоихъ глупостей!..

Юрій. — Этого свидѣтеля можно достойно наградить за труды.

Александръ. — Его награжденіе... здѣсь... (Указываетъ на сердце).

Юрій.—Братъ... съ этой минуты—я разрываю узы родства и дружбы, ты мнѣ сдѣлалъ зло, невозвратимое зло,—и я отомщу!..

Александръ (холодно). — Какимъ образомъ?..

Юрій.—Ты мнѣ заплатишь.

Александръ (улыбаясь). — Съ удовольствіемъ, только чѣмъ?

Юрій (въ бѣшенствѣ).—Цѣною крови...

Александръ. — Въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь.

Юрій.—Подслушивать!.. такъ коварно отравлять чужое счастіе... Знаешь-ли, что это дѣло подлецовъ...

Александръ.—А обольщать жену другого?

Юрій.—Она меня любитъ.

Александръ. — Неправда!.. Развѣ это видно изъ ея поступковъ...

Юрій.—Я знаю, что она меня любитъ... любила меня одного.

Александръ.—А я знаю кое-что другое.

Юрій.—Что ты знаешь? Говори, сейчасъ говори!..

Александръ.—Я знаю, что въ твоемъ отсутствіи она имѣла любовника.

Юрій.—Клевета, низкая клевета!

Александръ.—Я тебѣ покажу письма...

Юрій.—Кто же онъ?.. Назови его мнѣ...

Александръ (подумавъ). — Изволь, я тебѣ его назову.

Юрій.—Сейчасъ... сію минуту...

Александръ. — Завтра... когда она уѣдетъ. (Уходитъ).

Юрій (задумчиво). — Что, если онъ говоритъ правду?

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната князя. Онъ сидитъ; передъ нимъ **управитель** съ бумагами.

Управитель. — Ваше сіятельство, честь имѣю рабски донести, что все въ подмосковной готово для пріятія вашего сіятельства; и домъ отопленъ, и обозъ долженъ сегодня туда пріѣхать.

Князь. — Хорошо... Ты останешься здѣсь и сдашь квартиру... Нынче, часа черезъ два, мы ѣдемъ,—вели укладывать карету.

Управитель.—Слушаю-съ! за что, ваше сіятельство, изволили такъ на Москву прогнѣваться...

Князь.—Не твое дѣло разсуждать, дурачина...

Управитель. — Слушаю-съ, ваше сіятельство. (Вѣра входитъ). Княгиня изволила пожаловать.

Князь. — Пошелъ вонъ. (Управитель уходитъ. Женѣ). Я очень радъ, сударыня, что вы пришли — сдѣлали мнѣ эту честь; очень радъ, въ восторгѣ... Я долженъ съ вами поговорить, — сдѣлайте милость, садитесь.

Вѣра.—Что вамъ угодно?

Князь.—Если-бъ вы всегда мнѣ дѣлали этотъ вопросъ, то было-бъ лучше.

Вѣра.—Вы этого не требовали...

Князь. — Тогда было другое, — тогда я былъ вашъ покорный слуга, вашъ прислужникъ, ваша постельная собачка, — только вы не умѣли цѣнить этого, сударыня... Чего я не дѣлалъ?.. Надобны брилліанты — и брилліанты являются; балъ?—и балъ готовъ; коляски, кареты, шали, шляпы—я для васъ разорялся, сударыня.

Вѣра.—Я всегда была благодарна.

Князь. — И изъ благодарности сами хотѣли мнѣ подарить головной уборъ въ новомъ вкусѣ. (Вѣра хочетъ встать). Сидите, останьтесь... Я вашъ мужъ и теперь попробую приказывать; однимъ словомъ, — мы нынче ѣдемъ въ подмосковную, а какъ только будетъ можно, то оттуда въ симбирскую деревню...

Вѣра.—Я пришла васъ просить не откладывать отъѣзда.

Князь. — Сами просите! вотъ новость!.. Знаете-ли, что это очень хитро, — тутъ что-нибудь кроется... И я, право, изъ любопытства въ состояніи остаться.

Вѣра.—Нѣтъ! вы этого не сдѣлаете... это невозможно!.. Мы должны ѣхать сегодня же... сейчасъ... я васъ умоляю.

Князь (про себя). — Хоть убей не понимаю... (Ей). Я хочу узнать, сударыня, отчего вы желаете ѣхать такъ скоро?

Вѣра.—Я не могу вамъ этого объяснить.

Князь.—Не можете,—и не надо, я самъ догадываюсь... Вы желаете доказать мнѣ, что вы добродѣтельная супруга, которая избѣгаетъ своего любовника; а мнѣ, сударыня, извѣстно, что вы любите сами Юрія Дмитрича,—мнѣ извѣстно...

Вѣра.—Нѣтъ, нѣтъ!.. я его не люблю... но боюсь...

Князь.—Полюбить его?

Вѣра.—Женское сердце такъ слабо...

Князь.—И такъ обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кромѣ меня.

Вѣра. — Я всегда старалась не подать вамъ повода думать...

Князь. — Теперь я буду стараться... Запру васъ въ степной деревнѣ, и тамъ извольте себѣ вздыхать, глядя на прудъ, садъ, поле и прочія сельскія красоты, а подобныхъ франтиковъ за версту отъ дому буду встрѣчать плетьми и собаками... Ваша любовь мнѣ не нужна, сударыня! я, слава Богу, не такъ глупъ, но ваша честь—моя честь! О, я отнынѣ буду ее стеречь неусыпно.

Вѣра.—Я рѣшилась искупить вину свою безпредѣльной покорностью.

Князь. — Образумиться надо было немного раньше.

Вѣра.—Конечно, это было не въ моей власти.

Князь. — Что же! судьба, во всемъ виновата судьба! Вотъ модные романы! вотъ свободныя женщины... философія—чортъ ее возьми, сударыня. Вы слишкомъ учены для меня, отъ этого все зло!.. Отнынѣ не дамъ вамъ ни одной книги въ руки, — извольте заниматься хозяйствомъ.

Вѣра.—Я сказала, что буду покорна во всемъ; только прошу одного: ради Бога—никогда не напоминайте мнѣ о прошедшемъ... Я буду вашею рабою, каждая минута моей жизни будетъ принадлежать вамъ... Только не упрекайте меня.

Князь.—Вотъ мило! вотъ хорошо! Нѣтъ, сударыня, отнынѣ дѣлаю все вамъ напротивъ: вы хотите обѣдать,—я велю подавать завтракъ, хотите ѣхать, — я сижу дома, хотите сидѣть дома,—везу васъ на балъ... Я вамъ отплачу, вы узнаете, что значитъ кокетничать, можетъ-быть, вѣрно больше... съ петербургскими франтиками, имѣя такого мужа, какъ я! (Уходитъ).

Вѣра.—И вотъ мнѣ раскрылась цѣлая жизнь страданій; но я рѣшилась терпѣть до конца! (Входитъ слуга).

Слуга.—Князь приказалъ вамъ доложить, ваше сіятельство, что извольте дескать одѣваться,—возокъ закладываютъ.

Вѣра.—Скажи, что я иду. (Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната у Дмитрія Петровича. — **Дмитрія Петровича** несутъ на креслахъ. **Александръ** входитъ.

Дм. Петр.—Такъ, такъ,—остановитесь здѣсь, я хочу, чтобъ свѣтлый лучъ солнца озарилъ мои послѣднія минуты: въ той комнатѣ темно, страшно, какъ во гробѣ... здѣсь тепло, здѣсь можетъ-быть снова жизнь проснется во мнѣ... Дѣти... Юрій... гдѣ вы... Ушли—никого.

Александръ.—Я возлѣ васъ, батюшка!

Дм. Петр. — Другъ мой, я умираю; я замѣтилъ, какъ докторъ нынче покачалъ головой и уѣхалъ, не сказавъ ни слова. Ты говорилъ съ докторомъ?

Александръ.—Нѣтъ, батюшка.

Дм. Петр.—Ты боялся спросить... Ты былъ всегда добрый сынъ; не правда-ли, ты любилъ меня... Гдѣ Юрій?..

Александръ. — Его здѣсь нѣтъ. (Уходятъ за Юріемъ по знаку Александра).

Дм. Петр.—Ради неба, позовите его—моего милаго Юрія... Я умираю... Я хочу его благословить... Онъ, вѣрно, не знаетъ, что я такъ дуренъ; вѣрно, ты не сказалъ ему?

Александръ.—Я боялся его огорчить.

Дм. Петр. — Такъ стало-быть я въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ смерти.

Александръ (отвернясь).—Не знаю, батюшка.

Дм. Петр.—О! ты камень! когда ты будешь умирать, то узнаешь, какъ тяжело не встрѣчать утѣшенія.

Александръ.—О, конечно, я тогда это узнаю!

Дм. Петр. — Тебѣ не жаль меня,—ты даже не проснешь моего благословенія. (Юрій входитъ въ волненіи).

Александръ.—Батюшка, вотъ пришелъ братъ...

Юрій (подходитъ; про себя). — Боже мой! какъ онъ перемѣнился со вчерашняго дня...

Александръ (Юрію). — Онъ умираетъ... и ты убилъ его...

Юрій (закрывъ лицо). — О! говорить это... и въ такую минуту!..

Дм. Петр.—Юрій!

Юрій. — Я у вашихъ ногъ (стоя на колѣняхъ возлѣ него).

Дм. Петр.—Я тебя прощаю—и благословляю отповскимъ благословеніемъ.

Александръ (отходя къ окну). — А мнѣ простить нечего; надо мной нельзя показать великодушія... и потому нѣтъ благословенія!.. (Стоитъ у окна).

Юрій (встаетъ).—Батюшка, я передъ вами злодѣй—я недостоинъ.

Дм. Петр.—Полно, полно! пылкость, ребячество—я это понимаю, но мнѣ было больно...

Федосей (за столомъ—Юрію).—Уговорите его, баринъ, лечь въ постель; ему такъ сидѣть трудно: посмотрите, лишается чувствъ, ослабѣваетъ.

Юрій.—Погоди, надо дать успокоиться.

Дм. Петр. (слабо). — Я ничего не вижу, — здѣсь-ли ты, Юрій... Свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ... Пошлите за священникомъ.

Юрій.—Онъ безъ чувствъ, руки холодны.

Федосей (Юрію). — Вотъ ужь дней пять, сударь, какъ съ ними это часто бываетъ.

Юрій.—Боже, сколько мученій!.. Здѣсь умирающій отецъ; тамъ...

Александръ (хватаетъ брата за руку и тащитъ къ окошку).—Посмотри... посмотри—вотъ она выходитъ на крыльцо, даже сюда не смотритъ — блѣдна!.. Но что за диво — ночь, проведенная безъ сна!.. Садится... улыбается мужу, а тотъ и не замѣчаетъ... Посмотри... еще разъ выглянула въ окно и опустилась въ карету! Вѣра! Вѣра! чего ищутъ глаза твои? (Слышенъ стукъ кареты).

Юрій.—Все кончено.

Александръ.—Вздыхай, терзайся, воображай ея слезы — и мысли, что вы никогда не увидитесь, — воображай, какая ужасная борьба происходила въ душѣ ея, когда она рѣшилась противиться твоей страсти!.. О великій, святой примѣръ добродѣтели... чистая душа... Ха! ха! ха!.. Это былъ страхъ, страхъ, — она знала, что я тутъ за дверью.

Юрій. — Замолчи, замолчи!.. видишь, здѣсь умирающій отецъ.

Александръ.—Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ, — я потерялъ все, послѣднее родство погибло, послѣднее чувство умерло... На что мнѣ жизнь... хочешь взять ее? Возьми и хорошо сдѣлаешь, — вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебѣ наскажу такихъ вещей, отъ которыхъ и у тебя засохнетъ сердце, и у тебя въ душѣ родится сомнѣніе и ненависть... Глупецъ! глупецъ!.. Ты думалъ, что когда разъ понравился 17-лѣтней дѣвушкѣ, то она твоя на-вѣки,— что она не можетъ любить другого, видѣвши разъ такое совершенство,какъ ты...А я тебѣ скажу теперь, подтверждая клятвою, что знаю человѣка, для котораго она забыла мужа, долгъ, законъ, честь, даже самолюбіе; человѣка, для котораго она была готова отдать жизнь, служить ему рабой; человѣка, который тысячу разъ долженъ былъ задушить ее въ своихъ объятіяхъ,—если-бъ отгадалъ будущее...

Юрій. — Наконецъ ты долженъ мнѣ сказать, кто онъ? Я вырву у тебя изъ горла это проклятое имя.

Дм. Петр. (слабо). — Федосей... что они дѣлаютъ? Позови ихъ, я хочу проститься.

Федосей. — Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрій. — А, ты молчишь! Такъ я тебя принужу (хватаетъ на столѣ саблю).

Дм. Петр.—Дѣти, дѣти!.. убійство... остановите ихъ... братъ на брата... Господи—возьми меня скорѣй... (Упадаетъ).

Федосей.—Помогите!.. холоденъ! (упадаетъ на колѣна и цѣлуетъ руку старика).

Александръ (вырываетъ саблю и бросаетъ на полъ). — Дитя! и ты думаешь, что силой, страхомъ изъ меня можно что-нибудь выпытать... Ты грозишь смертью, кому?.. Брату... Что, если-бъ я позволилъ тебѣ убить себя... Но я не такъ жестокъ, — я самъ скажу, все... Твой соперникъ, счастливый соперникъ—я!

Юрій.—Ты?

Александръ.—Теперь продолжай вѣрить женщинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели; твой ангелъ лежалъ здѣсь, на этой груди, слѣды твоихъ поцѣлуевъ выжжены моими... я вырвалъ изъ сердца Вѣры все, что въ немъ было похожаго на добродѣтель, и на твою долю не осталось ничего.

(Юрій закрылъ лицо руками).

Дм. Петр. (умирая).—Дѣти... Юрій... Юрій...

Юрій.—Мое имя... отецъ... онъ умираетъ... (Бросается къ нему).

Федосей.—Скончался.

Юрій.—Не можетъ быть... (Хватаетъ руку). О!..

(Юрій упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Александръ стоитъ надъ нимъ и качаетъ головою).

Александръ.—Слабая душа... И этого не могъ перенести

АРБЕНИНЪ

(МАСКАРАДЪ ВЪ ИСПРАВЛЕННОМЪ ВИДѢ)

АРБЕНИНЪ

(Маскарадъ въ исправленномъ видѣ).

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Евгеній Александровичъ Арбенинъ.
Нина, его жена,
Олинька.
Казаринъ.
Князь Звѣздичъ.
Шприхъ.
Игроки.
Гости.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Игроки, князь Звѣздичъ, Казаринъ и Шприхъ.
(За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ).

1-й понтеръ. Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

Банкометъ. Извольте.

1-й понтеръ. Сто рублей.

Банкометъ. Идетъ.

2-й понтеръ. Ну, добрый путь!

3-й понтеръ. Вамъ надо счастіе поправить
И не мѣшало бы загнуть.

2-й понтеръ. На все?.. Нѣтъ, жжется.

4-й понтеръ. Послушай, милый другъ, кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

3-й понтеръ (тихо первому). Смотри во всѣ глаза.

Князь Звѣздичъ. Ва—банкъ.

2-й понтеръ. Эй, князь.
Гнѣвъ только портитъ кровь; играйте не сердясь!

Князь. На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

Банкометъ. Убита.

Князь. Чортъ возьми!

Банкометъ. Позвольте получить...

2-й понтеръ (насмѣшливо). Я вижу, вы въ пылу
готовы все спустить.
Что стóятъ ваши эполеты?

Князь. Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Арбенинъ.

Арбенинъ (входитъ, кланяется, подходя къ столу; потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ).

Арбенинъ. Ну что, ужь ты не мечешь?.. а?
Казаринъ?

Казаринъ. Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій! женатъ, богатъ, сталъ баринъ,
И позабылъ товарищей своихъ!

Арбенинъ. Да, я давно ужь не былъ съ вами.

Казаринъ. Дѣлами занятъ все?

Арбенинъ. Любовью... не дѣлами.

Казаринъ. Съ женой по балáмъ?

Арбенинъ. Нѣтъ.

Казаринъ. Играешь?
Арбенинъ. Нетъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые, кто этотъ франтикъ.
Казаринъ. Ширихъ.
Адамъ Петровичъ!.. я васъ познакомлю разомъ—
(Ширихъ подходитъ и кланяется).
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ,
Арбенинъ.
Ширихъ. Я васъ знаю.
Арбенинъ. Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.
Ширихъ. По разсказамъ...
И столько я о васъ слыхалъ того сего,
Что познакомиться давнымъ давно желаю.
Арбенинъ. Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

Раскланивается опять. Ширихъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ).

Онъ мнѣ не нравится... видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать и рочно:
Улыбка злобная, глаза... стекл. русь точно;
Взглянуть — не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.
Казаринъ. Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ—да человѣкъ онъ нужный!
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи, сказать не знаю смѣло;
На всѣхъ языкахъ говоритъ,—
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло:
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей — езуитъ, межъ нами злой картёжникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь,—я увѣренъ.
Арбенинъ. Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вотъ тотъ высокій и въ усахъ.
И нарумяненный вдобавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой—не въ дѣлѣ,
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?
Казаринъ. Почти... онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга... потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужь въ самомъ дѣлѣ.
Арбенинъ. А этотъ маленькій каковъ?
Съ крестомъ, растрёпанный?..
Казаринъ. Трущовъ.
Онъ малый необыкновенный!
Не знаю, въ штатской иль военной,
Но въ Грузіи когда то онъ служилъ
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Кого-то тамъ изъ-за угла хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
И крестъ на шею получилъ.
Игроки (кричатъ Казарину). Пожалуйте сюда.
Казаринъ. Иду.
1-й понтеръ. Скорѣй!
Казаринъ. Какая тамъ бѣда?

(Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются; Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ).

Арбенинъ. Князь, какъ вы здѣсь? Ужель не въ первый разъ?
Князь (недовольно). Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.
Арбенинъ. Я вашъ отвѣтъ предупрежу, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни... пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною.
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!
Князь (съ чувствомъ беретъ его за руку).
Я проигрался!
Арбенинъ. Чтожъ?.. Топиться?..
Князь. О, я въ отчаяньи!
Арбенинъ. Два средства только есть:
Дать клятву за игру во-вѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобъ у нихъ выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рукъ;

Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы—
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ,
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»

(Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи).

Князь. Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

Арбенинъ. Что хотите.

Князь. Быть можетъ, счастіе...

Арбенинъ. О, счастія здѣсь нѣтъ!

Князь. Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

Арбенинъ. Совѣтовъ не даю.

Князь. Ну, сяду...

Арбенинъ (вдругъ беретъ его за руку). Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды—я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе;
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже.
Если-бъ (останавливается) кто-нибудь меня остановилъ,
То... (смотритъ на него пристально).
(Перемѣнивъ тонъ). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!

(Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто).

Не откажите пивалиду;
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ-ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она старинаго раба?

Казаринъ. Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!

(Тихо). Ну, не ударься въ грязь лицомъ,
И докажи имъ, что такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

Игроки. Извольте, вамъ и книги въ руки; вы хозяинъ,
Мы гости.

1-й понтеръ (на ухо второму). Берегись, имѣй теперь глаза!..
Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы; въ продолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола).

(Шприхъ отводитъ на авансцену Казаринна).

Шприхъ (лукаво). Столпились въ кучку всѣ; кажись, пашла гроза.

Казаринъ. Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

Шприхъ. Видно, Что мастеръ!

Казаринъ. Былъ.

Шприхъ. Былъ? а теперь...

Казаринъ. Теперь?
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ, а, право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить! Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ (ударивъ по плечу), хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.

(Подходятъ игроки).

Что, господа, иль не подъ силу—а?..

1-й игрокъ. Арбенинъ вашъ мастакъ.

Казаринъ. Ш! что вы, господа?

(Волненіе у стола между игроками).

3-й понтеръ. Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

4-й понтеръ (въ сторону). Обрѣжется...

5-й понтеръ. Посмотримъ.

Арбенинъ (въ слухъ). Баста!

(Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ).

Князь. Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!..
Вы жизнь мою спасли...

Арбенинъ. И деньги ваши тоже.
(Горько). А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

Князь. Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

Арбенинъ. Ничуть.
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь;
Я сѣлъ играть — какъ вы пошли бы на сраженье.

Князь. Но проиграться вы могли.

Арбенинъ. Я? Нѣтъ!.. Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь... всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

Князь. Вы убѣгаете признательность мою...

Арбенинъ. По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ,
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, что былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

(Арбенинъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, кромѣ Арбенина.

Князь. Мнѣ кажется, онъ говорилъ съ презрѣньемъ...
Досадно!.. деньги я не долженъ былъ принять.
Казаринъ. Задумались... о чемъ, нельзя-ль узнать?
Князь. Смущенъ я страннымъ приключеньемъ,
Великодушіемъ...
Казаринъ. Арбенинъ не таковъ—
Онъ никого безъ видовъ не обяжетъ!
За то вы можете сегодня-жъ безъ чиновъ
Въ пухъ обыграть его,—онъ ничего не скажетъ.
Князь. Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться непріятно
Тому, кто по-сердцу для насъ совсѣмъ чужой.
Казаринъ. Особенно, когда онъ знатный
И требуетъ покорности нѣмой,
Или когда хотимъ мы волочиться
За дочерью его иль за его женой—
Все это можетъ же случиться!
Жена Арбенина собою недурна,
И, кажется, въ него не очень влюблена;
И я замѣтилъ вотъ недавно,
Какъ у Нероновыхъ движеньемъ томныхъ глазъ
Она кругомъ искала васъ... да, васъ!
Э, князь! да вы себя ведете славно,
Но нашимъ вы ступаете слѣдамъ.
Мое благословенье вамъ.
Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряютъ
Себя для службы и наградъ,
О добродѣтели кричатъ,
И возлѣ женщины порядочно зѣваютъ.
Жить не умѣютъ, мой отецъ!
Стыдятся неудачъ, боятся приключеній,
И чѣмъ кончаютъ наконецъ?
Лѣтъ въ двадцать пять всѣ женятся отъ лѣни.
Князь. Да кто же вамъ сказалъ? Какъ догадаться вамъ?
Казаринъ. Когда Арбенинъ былъ въ деревнѣ,
Вы ѣздили къ Настасьѣ Алексѣвнѣ,
По вечерамъ и по утрамъ.
Князь Вы правы,—что же тутъ дурного?
Казаринъ. Напротивъ...
Князь. Я боюсь молвы.
И потому надѣюся, что вы
Объ этомъ никому ни слова...
Казаринъ. Мнѣ измѣнить вамъ? Васъ предать?
Князь. Но вы Арбенину пріятель.
Казаринъ. Ха! ха! ха! ха! о мой Создатель!
Да, онъ мой другъ; вамъ не угодно-ль знать
Начало дружбы нашей: я былъ молодъ—
Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ;
Но онъ—въ его груди ужь крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ онъ гордится всюду!
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ,—я разбирать не буду.
Разъ онъ меня завелъ подъ-вечеркомъ
Къ себѣ. Я вѣрилъ счастью! кошелекъ
Мой полонъ былъ... я сѣлъ играть (признаться,
Страстишка эта ужь владѣла мной)
И проигралъ... Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ; я вздумалъ отыграться!
Но онъ меня въ когтяхъ своихъ держалъ
И я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью: тутъ были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... Онѣ въ немъ возбудили
Одинъ холодный смѣхъ—о! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ!.. И съ того мгновенья
Покинулъ я забавы юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ:
Міръ безобразныхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отвергнутыхъ людей,
Самолюбивыхъ думъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій!
Я увидалъ, что деньги—царь земли,
И поклонился имъ... Года прошли,
Все снова унеслось—богатство и здоровье,
Навѣкъ передо мной закрылась счастья дверь...
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье,
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь:
Умѣренный игрокъ и наблюдатель строгой,
Не дѣйствую нигдѣ, за то ужь вижу много.
Князь. Послушать васъ — Арбенинъ вамъ злодѣй!
Каз. Однако-жъ явно мы поссорились, хотя въ душѣ, ей-ей!
Я не терплю его..
Князь. Поѣду завтра къ Нинѣ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

БАЛЪ.

(Музыка въ другой комнатѣ).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

1-й гость. Уголокъ?
Нина. Я не танцую;
А васъ сейчасъ рекомендую
Премилой дамѣ.
1-й гость. Жертвую собой
Для вашей прихоти.
Нина. Вы истинный герой!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Князь. Охота вамъ такъ много суетиться.
Нина. Всѣмъ надо угодить.
Князь. Нельзя-ли, хоть на смѣхъ,
Меня въ число поставить всѣхъ...
Нина. Неблагодарный! есть за что сердиться!
Подумайте, мы не одни...
Князь. Для свѣта—все, а мнѣ
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нѣжнаго промолвить.
Нина. Погодите! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Арбенинъ (Олинькѣ). Гдѣ Нина? Отчего ты не танцуешь?
Олинька. Съ кѣмъ!
Арбенинъ. А! не охотница до пляски...
Послушай, Олинька, когда пріѣдутъ маски,
Вели отказывать не всѣмъ. (**Олинька** уходитъ).
(Гостю). Вотъ истинная компаньонка!
Какъ не скучаетъ съ ней жена?
Всегда молчитъ: блѣдна, грустна,
За то послушнѣе ребенка!..
Гость. Давно-ль у васъ она живетъ?..
Арбенинъ. Ужь скоро третій годъ;
Я взялъ ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сиротка съ раннихъ дней.
Гость. Да, если такъ—а то я-бъ подивился.
(**Арбенинъ**, пожавъ плечами, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(**2-й гость** выходитъ изъ залы съ **Дамой**).

Дама. Вы съ нѣкоторыхъ поръ на міръ, какъ на Содомъ,
Глядите строгимъ мудрецомъ!..
2-й гость. Премудрость нынѣшняго свѣта
Не смотритъ за предѣлъ балета!
Балетъ на сценѣ—въ обществѣ балетъ—
Страдаютъ ноги и паркетъ—
Куда какъ весело, ей-Богу!
Захочется у насъ кому
Въ beau monde открыть себѣ дорогу,
Работы нѣтъ его уму,
Умѣй онъ поднимать лишь ногу.
И все, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду тамъ...—Есть изъ чего стараться!
Тоска!..
Дама. Зачѣмъ же вы сюда
Пріѣхали?
2-й гость. Куда же мнѣ дѣваться?
Дама. Вамъ не понравится, боюсь, мой совѣтъ...
2-й гость. Здѣсь отъ передней до гостиной
Все такъ высоко, холодно и чинно,
Такъ притворно и такъ невинно,
Что мочи нѣтъ!
Дама. Тѣмъ лучше...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

3-й гость. Объ закладъ побиться не хотите-ль,
Что онъ московскій житель;
Но впрочемъ не дивлюсь, что здѣсь скучаетъ онъ:
Блестящій балъ, да что за тонъ,
La société est si melée
De ces figures qu'on voit passer
Au boulevard, à l'assamblée.
Madame, voudrez vous bien valser.
(Музыка, всѣ уходятъ).
Олинька (одна). Имъ весело, для нихъ судьбою
Жизнь такъ роскошно убрана,
А я одна, всегда одна!
Всѣмъ быть обязанной, всѣмъ жертвовать собою,
И никого не смѣть любить,—
О! развѣ это значитъ жить?..
Счастливыя царицы моды!
Имъ не измѣнитъ свѣтъ, ихъ не измѣнятъ годы.
За что же?.. Красота моя
Ихъ красотѣ поддѣльной не уступитъ:
Жемчугъ, алмазы, кисея
Морщинъ и глупости собою не искупитъ.
Но счастье—ихъ!.. восторга своего
Несутъ имъ дань мужчины ежечасно!
Я лучше, я умнѣй... Напрасно!..
Никто не видитъ ничего!
(Сзади проходитъ нѣсколько гостей и между ними маска).
И онъ, онъ также какъ другіе
Бѣжитъ за вѣтреной толпой,
И мимоходомъ лишь порой
Мнѣ кинетъ взглядъ.... мечты пустыя!
И какъ его винить, и какъ ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземнова,
Что я ему готова жизнь отдать
За мигъ одинъ... за слово!..
Все ждать, да ждать... О, Боже... это онъ!
Разстроенъ, кажется, смущенъ...
Князь (быстро подходитъ). Ахъ, извините! я васъ принялъ за другую
Олинька. И потому лишь подошли.
Князь. Вы размышляли!.. Отъ земли
Мечты васъ вѣрно унесли

Въ міръ лучшій, жизнь другую.
Я не прощу себѣ! такъ дерзко помѣшать...
Олинька. Чему?
Князь. Мечтамъ.
Олинька. Дай Богъ вамъ не мечтать!
Вдаваться вредно въ заблужденье...
Князь. Вы правы: чувства, страсти—все обманъ.
Олинька. О! для чего-жъ отъ нихъ такое намъ мученье.
Князь. Васъ взволновалъ какой-нибудь романъ?
Олинька (въ сторону). Нѣтъ, истинное приключенье.
Князь. Не вѣрьте сердцу, ни уму,
Когда они бываютъ въ спорѣ.
Олинька. Чѣму же вѣрить?
Князь. Ничему.
Отходя въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Князь. Не въ духѣ я болтать о вздорѣ,
А компаньонка мнѣ нужна.
Нина (входитъ). Измучилась!..
Князь. Но къ вамъ идетъ усталость.
Нина. Я думала найти въ васъ жалость.
Князь. Гдѣ есть любовь, тамъ жалость ужь смѣшна.
Нина. О! вы не знаете, какъ тягостно, какъ скучно
Жить для толпы; всегда въ ея глазахъ,
Не смѣть ни передъ кѣмъ открыться простодушно;
Вездѣ съ улыбкою являться на губахъ;
Для выгодъ мужа быть съ однимъ любезной.
Холодностію мстить другому за него,
И слышать: «Нина, это мнѣ полезно:
Благодарю тебя!» и больше ничего.
Князь. Восторгъ толпы и свѣта удивленье
Замѣнятъ счастіе легко.
Нина. Къ толпѣ я чувствую презрѣнье.
Князь. Чего-жъ вамъ надобно?
Нина. Любви хоть на мгновенье!
Князь. О, вамъ искать недалеко!..
Любви вы ищете, глубокой, сильной, страстной
Она предъ вами здѣсь, въ груди моей;
Вы это знаете,—и сколько, сколько дней
Я мучился и думалъ все напрасно!
Но я любимъ, я былъ любимъ всегда?
О, я молю, скажите: да!..
Когда, вы помните, на балѣ
Мы увидались въ первый разъ,
Лежало облако печали
На свѣтломъ небѣ вашихъ глазъ;
Они, усталые, безъ цѣли
Бродили медленно вокругъ,
И не искалъ ихъ встрѣчи вашъ супругъ,
И на него поднять вы ихъ не смѣли.
И онъ стоялъ близъ васъ безчувственный какъ сталь,
Съ лицомъ исполненнымъ безстрастья,
Какъ неизбѣжная печаль
Близъ неожиданнаго счастья.
Тогда во мнѣ проснулся чудный звукъ...
Я поклялся любить—и клятву не нарушу;
Я чувствовалъ: вамъ нуженъ другъ—
И въ жертву я принесъ вамъ душу.
Нина. Насъ могутъ слышать; умоляю васъ,
Уйдите!..
Князь. Нѣтъ, скажите мнѣ хоть разъ,
Что я любимъ; скажите, обѣщайте...
Нина. Да! я люблю васъ!.. Боже мой, ступайте!..
Князь ([illegible] руку) Одинъ лишь поцѣлуй на счастіе въ залогъ.
Одинъ, не больше, видитъ Богъ.
Нина (не вырывая руки). Неблагодарный! вотъ мужчины;
Похожи всѣ на одного!
Теперь вамъ мало сердца Нины;
Теперь вамъ хочется всего!
Вамъ надо честь мою на поруганье!
Чтобъ встрѣтившись на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье,
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она, и [illegible]
([illegible]).
Князь. Обидно ваше подозрѣнье,
И я васъ долженъ наказать ([illegible]).
Вотъ мнѣ залогъ любви. Доволенъ я! Прощайте!
Нина (въ испугѣ). Ахъ! что вы сдѣлали? Отдайте мнѣ, отдайте!
Мой мужъ замѣтитъ, онъ меня убьетъ!
Да—нѣтъ, вы шутите? о, это злая шутка!
Отдайте, я лишусь разсудка.
Вы такъ-то любите? Всѣ обѣщанья... Вотъ,
Вотъ за довѣренность какъ нынче отвѣчаютъ!..

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Олинька ([illegible]ловится между ними). Скорѣй, скорѣй,
[illegible]
Нина [illegible]

Князь (задумываясь). Мнѣ кажется... что
я ее люблю.
Олинька. Хотя-бъ сказалъ: благо-
дарю!
Ни взгляда, ни привѣта...
Онъ вѣрно думаетъ, что платятъ мнѣ за это,
Нѣтъ, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки—жертвовать собой.
(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Князь. Что дѣлаешь ты здѣсь, таинственная
маска?
Маска. Смотрю на вашъ романъ...
Завязка дѣльная, да будетъ-ли развязка?
Князь. Узнать нельзя-ль, кто вы?
Маска. Изъ дальнихъ странъ
Пріѣзжій... Вамъ знакома Чукаска?
Князь. Пусть такъ, на этотъ разъ;
Тамъ, вѣрно, принято у васъ
Подсматривать, подслушивать стараться
И не въ свои дѣла мѣшаться!
Но это здѣсь, мой милый другъ,
Не такъ свободно сходитъ съ рукъ!
Маска. Угрозы!.. и еще какія?..
Гостепріимства нѣтъ въ Россіи!..
Князь (увидавъ Арбенина). Теперь не время... но...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Казаринъ (снимаетъ маску и хохочетъ).
Арбенинъ (подходитъ). Что Звѣздичъ такъ
взбѣшенъ?
Ужь вѣрно зацѣпилъ его ты эпиграммой.
Казаринъ. Нѣтъ, сердится за то, что видѣлъ
я, какъ онъ
Любезничалъ съ одною дамой!
Арбенинъ. Съ кѣмъ?.. Съ Олинькой?
Казаринъ. Быть можетъ... не совсѣмъ.
Арбенинъ. Ты для друзей и слѣпъ, и
нѣмъ,
А помнится глаза-то были зорки...
Бывало, тотчасъ различатъ
Хоть за версту пятерку отъ шестерки:
Подобный глазъ для мужа кладъ!
Вотъ я такъ ничего не вижу и не знаю,
Женѣ свободу полную даю,
Мечтаю, что любимъ,—о вѣрности мечтаю,
Лишь потому, что вѣренъ и люблю.
Казаринъ. Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна!
Безпечность рѣдкая въ такихъ, какъ ты, мужьяхъ.
Ты правъ, я не молодъ.
Казаринъ. И опытенъ... Обидно
такимъ умомъ...
Арбенинъ. Ну, что же?
Казаринъ. Ахъ!
Не спрашивай.
Арбенинъ. Ужь вѣрно подозрѣнье.
Казаринъ. Нѣтъ, я тебя оставлю въ заблужденьи,
Тебя, мой старый, первый другъ.
Вступилъ ты въ новый, лучшій кругъ,
И знанье сердца, знанье свѣта
Ты презрѣлъ для любви законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрѣта.
Я не дивлюся, Богъ съ тобой!
Вѣдь это иногда бываетъ:
Кто въ дѣтствѣ разсуждалъ, тотъ въ старости мечтаетъ;
Но я все тотъ, каковъ и былъ...
Арбенинъ. Чужого счастія отчаянный Зоилъ...
Ну, что же? продолжай! вѣдь цѣлый часъ хлопочешь:
Обманутъ я женой моей...
Прищурься, ха-ха-ха! поохай, пожалѣй.
Казаринъ. Такъ... если самъ ты этого ужь хочешь...
Арбенинъ. Ужь эти мнѣ разносчики вѣстей!
Казаринъ. Я радъ, что ты какъ прежде хладнокровенъ,
И стану говорить смѣлѣй:
Союзъ вашъ нѣсколько неровенъ,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе безъ расчета...
Пожалуй, есть мужья—
Имъ подражать кому охота!—
Ревнуютъ, бѣсятся, шумятъ.
Провелъ меня ты славно, братъ!
И надо-бъ отомстить, да шутка мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушіемъ прямымъ
Князька ты одурачилъ славно;
Началомъ пользуясь такимъ,
Ты оберешь его исправно.
Пускай женѣ въ отсутствіи твоемъ,
Онъ платитъ нѣжные визиты,
Тебѣ же платится за карточнымъ столомъ,
И [illegible]—ни крохи!
Арбенинъ (въ негодованіи). Казаринъ!
Казаринъ. Видѣть я сейчасъ.
Какъ нѣжничалъ, [illegible] здѣсь
онъ съ нею...
Я издали смотрѣлъ, и утверждать не смѣю—
Трельяжъ ихъ закрывалъ отъ любопытныхъ
глазъ—
Два вздоха слышалъ я, да звуки поцѣлуя,
И больше ничего, поклясться въ томъ могу я.
Арбенинъ. Ты видѣлъ, слышалъ, помни,
что сказалъ!
Я доберусь до истины! Терпѣнья

Достанетъ у меня, но если ты солгалъ,
Казаринъ, о! тогда не жди спасенья,
Ты въ десять лѣтъ успѣлъ меня узнать.
Я въ жизни разъ лишь былъ обманутъ—
разъ—не болѣ,
И отомстилъ, и отомщу опять!
И страшно отомстить—въ моей, ты знаешь,
волѣ..

Казаринъ. Мой бѣдный другъ, все
тотъ же онъ,
Все тотъ же чортъ, когда взбѣшенъ!
Дни, объ которыхъ я тоскую,
Невольно мнѣ напомнилъ ты теперь,
Жизнь безпокойную, кипучую, лихую...
Тогда ты былъ не человѣкъ, а звѣрь.
(Смѣясь уходитъ).

Арбенинъ. О, кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя
надежды,
Васъ, нестерпимые, но сладостные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой—не для меня они!
Мнѣ-ль быть супругомъ и отцомъ семей-
ства?
Мнѣ-ль, мнѣ-ль, который испыталъ
Всѣ ужасы и сладости злодѣйства
И съ нимъ лицо къ лицу ни разу не дро-
жалъ.
(Погружается въ задумчивость; музыка играетъ, и онъ
садится).
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ,
Любимъ былъ часто нѣжно, страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.
И скучно стало мнѣ и тяжко жить,
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавой
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужь ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену—покорное созданье,
Она была скромна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена;
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся!
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ,—и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить... ужаснулся!
И снова ревность, бѣшенство, любовь,
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ;
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ
море!
Вернусь-ли къ пристани я вновь?

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Арбенинъ (одинъ). Ночь, проведен-
ная безъ сна,
Страхъ видѣть истину—и милліонъ сомнѣній!
Съ утра по улицамъ бродилъ, подобно тѣни,
И не усталъ—и въ сердцѣ мысль
одна!..
Одинъ лишь злой намекъ, обманчивый быть-
можетъ,
Разбилъ въ куски спокойствіе мое!
И все воскресло вновь — и все меня трево-
житъ:
Былое, будущность, обманъ и правда—все!..
Но я рѣшился, буду твердъ... узнаю прежде,
Увѣрюсь... доказательства... да!.. да!..
Мнѣ доказательствъ надо... и тогда...
Тогда... конецъ любви... конецъ на-
деждѣ!..

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Арбенинъ (входитъ **Нина**). А, здравствуй, Ни-
на!.. Наконецъ...

Нина. Недавно я проснулась.

Арбенинъ. Поздно...
Я жду тебя ужь цѣлый часъ...

Нина. Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!..

Арбенинъ. А думаешь:
глупецъ?..

Нина. Вотъ ты опять не въ духѣ,
смотришь грозно
И на тебя ничѣмъ не угодишь...

Арбенинъ. Скучаю я съ тобою
розно.

Нина. А встрѣтимся—
ворчишь.
(Ласкаясь). Скажи мнѣ просто:
«Нина.
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ
корсетъ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ;
А я лишь часъ какой на дню
Могу сказать тебѣ два слова!»
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревню молодость свою я схороню.
Но что меня умчало
Воображенье... и къ чему?

Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!
Арбенинъ. Какъ быть, я жить привыкъ безпечно,
А ревновать смѣшно.
Нина. Конечно.
Ты столько видѣлъ, испыталъ,
И ревность и любовь тебѣ не новы...
Ты отдыхаешь...
Арбенинъ (въ сторону. Въ продолженіе этого монолога онъ по временамъ останавливается и наблюдаетъ Нину).
О, не долго отдыхалъ.
(Ей). Послушай, насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда,—ошибкой, можетъ быть,
Не мнѣ и не тебѣ судить!..
Ты молода лѣтами и душою;
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой:
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ, и любишь,—вѣрю я,—
Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвясь какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего—страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья.
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли;
Такъ годы многіе прошли!
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но нынѣ черствая кора
Съ моей души слетѣла,—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный;
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ,
Боясь осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
(Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ).
Нина. Тебя понять, ей-Богу, трудно;
Чего ты требуешь, могу-ль я отгадать.
Арбенинъ. Да! требовать любви конечно безразсудно,
Я и не требую,—мнѣ поздно покупать
Лукавый поцѣлуй признаньями и лестью;
Моя душа съ твоей душой
Не встрѣтились... что дѣлать, — Богъ съ тобой...
Позволь мнѣ дорожить по крайней мѣрѣ честью!
Честь, имя—вотъ чего я требую отъ васъ
Вы ихъ толпѣ на поруганье дали!
Я внятно говорю... вы все не понимали,
Поймите же меня, хотя на этотъ разъ.
Нина. Мнѣ отвѣчать вамъ было-бъ стыдно.
Арбенинъ. Стыдъ... такъ... пора!.. его давно не видно...
Зачѣмъ явился онъ теперь!
Гоните прочь его скорѣй, въ окно иль въ дверь,
Откуда входитъ къ вамъ любезный,
Чувствительный, услужливый князекъ.
Нина. Такъ вотъ что? Это мнѣ урокъ.
Арбенинъ. И вѣрно безполезный.
Нина. Не знаю, кто оклеветалъ меня!
Я это заслужила:
Смѣялася, рѣзвилася, шутила;
Нѣтъ, съ нынѣшняго дня
Не будетъ смѣть ко мнѣ приблизиться мужчина
На разстояньи въ три аршина!
(съ ироніей),
Рѣшусь не говорить, рѣшуся не смотрѣть,
Не танцовать, за картами сидѣть,
Какъ кукла, какъ статуя
Тогда на васъ конечно угожу я.

Тогда вы скажете: вотъ вѣрная жена!
Какъ зло на всѣхъ глядитъ она!
(смѣясь).
Смѣшно, смѣшно, ей-Богу.
Не стыдно-ли, не грѣхъ,
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

Арбенинъ. Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой
послѣдній смѣхъ.

Нина. О, если ваши продолжатся бредни,
То это вѣрно не послѣдній.

Арбенинъ. Увидимъ.

Нина. Я тебя люблю,
Мнѣ жаль тебя, Евгеній.

Арбенинъ. Ну, по чести,
Признанье въ пору...

Нина. Выслушай, молю;
Я оправдаюсь.

Арбенинъ. Нѣтъ!

Нина. Чего-жъ ты хочешь?

Арбенинъ. Мести!

Нина. Кому-жъ ты хочешь мстить?

Арбенинъ. О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!

Нина. Не мнѣ-ль?

Арбенинъ. Геройство къ вамъ
нейдетъ.

Нина. Кому-жъ?

Арбенинъ. Вы за кого боитесь?

Нина. О, это нестерпимо!.. Чтожъ онъ
самъ
Не явится сюда, мой тайный обвинитель?
Пусть повторитъ при мнѣ, пускай покажетъ
вамъ
Всѣ доказательства. Вы этого хотите.
А если онъ не явится? Какой
Найдете вы предлогъ, чтобъ оправ-
даться?
(Плача). Но, право, вы слезы не стоите одной
И мнѣ приличнѣе смѣяться.

Арбенинъ. Такъ суждено мнѣ, можетъ
быть,
Весельемъ оскорблять, страданіемъ смѣшить.
И что за диво? У другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ;
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ
кровь.—
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и
трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился;
Богатъ, и безъ гроша былъ скукою томимъ,
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни,—это ты,
Созданье слабое, но ангелъ красоты:
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье—
Я человѣкъ, пока они мои:
Безъ нихъ — нѣтъ у меня ни счастья, ни
души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ, если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта,—если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ за-
очно?..
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья!
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ безъ слезъ и сожалѣнья
Двѣ наши жизни разорву!
(Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сто-
рону)

Нина. Не подходи... о, какъ ты страшенъ!

Арбенинъ. Неужели?
Я страшенъ! нѣтъ, ты шутишь, я смѣ-
шонъ;
Да, ты своей достигла цѣли;
Зачѣмъ-же не пришелъ полюбоваться онъ
Моимъ отчаяньемъ!.. теперь-бы очень кстати
Вчерашній разговоръ вамъ повторить живой.
Чай, въ промежуткахъ ласкъ,
объятій,
Смѣялись вы жестоко надо мной?

Нина. Вчера!..

Арбенинъ. Вчера на балѣ.

Нина (въ сторону). Онъ все знаетъ!
(Ему). Такъ вотъ причина! А ты ви-
дѣлъ самъ?
Ты видѣлъ?.. Нѣтъ!.. Кто-жъ
обвиняетъ
Меня?.. Никто... ты слѣдуешь мечтамъ,
Тебѣ спокойствіе и счастье надоѣло!
Прекрасно! продолжай-же смѣло!..
Ты хочешь правды? Вѣрь или не вѣрь,
Тебѣ я все скажу теперь.
Князь любитъ Олиньку... давно-ли,—я не
знаю.
И безъ тебя онъ для нея одной
Бѣжалъ сюда... онъ не бывалъ со мной,
Онъ избѣгалъ меня... вчера,—я понимаю!..
Вчера онъ съ ней, отъ бала удалясь,
Былъ здѣсь... и на меня подумать!. Этотъ
князь

Хвастунъ, мальчишка... Да, я ихъ заслала
Вчера; вдругъ Олинька, красивая, убѣжала.
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозрѣнья!..
Арбенинъ. Я вѣрю... и сейчасъ за Олинькой пошлю.
Нина. Избавьте хоть ее отъ пытокъ и мученья.
Чего еще вамъ надо?
Арбенинъ. Убѣжденья!
Нина. Но не теперь, въ другой хоть разъ...
Арбенинъ (звонитъ; лакей входитъ). Поди и позови мнѣ Олиньку сейчасъ.
Нина. Евгеній, я прошу, не говори съ ней строго,
Она такъ молода... вина ея скорѣй
Простая вѣтреность...

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Олинька.

Нина (подбѣгая къ Олинькѣ, тихо ей говоритъ) Не бойся, будь смѣлѣй.
Олинька. Что вамъ угодно?
Арбенинъ. Много! очень много!..
Олинька. Что сдѣлалось?
Нина (ей тихо). Не погуби меня! (упадая въ кресла).
Молчи, молчи!..
Олинька. Готова слушать я...
Арбенинъ. Скажи мнѣ, Олинька... на сердце руку смѣло...
Всю правду, какъ предъ Богомъ, все скажи.
Олинька. Я не охотница, вы знаете, до лжи.
Арбенинъ. О, да! я знаю, ты всегда умѣла
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить;
Ты чувствовать умѣла одолженья,
Не замѣчать, не помнить зла.
Какъ ангелъ-примиритель, ты жила
Въ семействѣ нашемъ... Но ужасныя мученья
Столпились къ сердцу моему,
И я теперь не вѣрю ничему.
Клянись... но можетъ быть моленье
Отвергнешь ты мое?
И что мудренаго! кому моей судьбою
Заняться! я суровъ, я холоденъ душою...
Одинъ лишь разъ, одинъ пожертвуй ты собою
Не для меня, нѣтъ—для нее.
Олинька. О, мнѣ конечно ничего не стоитъ
Собой пожертвовать для васъ.
Вы точно знаете, васъ это успокоитъ?
Извольте... гдѣ? когда? сейчасъ?.
Арбенинъ. Вотъ, видишь, это дѣло важно: въ свѣтѣ
Смѣюсь надъ этимъ самъ,
А въ сердцѣ цѣлый адъ... такъ знай, въ твоемъ отвѣтѣ
Жизнь или смерть обоимъ намъ.—
Я былъ въ отлучкѣ долго... слухъ промчался,
Что Звѣздичъ въ Нину былъ влюбленъ;
Онъ каждый день сюда являлся,
Но для кого? Свѣтъ часто ошибался:
Его сужденья не законъ;
Вчера здѣсь слышали признанья, объясненья,
Вы обѣ были тутъ,—съ которой же изъ васъ?
Я долженъ знать сейчасъ...
О, если не съ тобой,—то нѣтъ ему спасенья!.
Олинька. Теперь я понимаю... онъ убьетъ,
Убьетъ его...
Арбенинъ. Ты видишь, рѣчь идетъ
О жизни, счастіи и чести.
Я истины хочу! она сказала мнѣ,
Что съ княземъ здѣсь вы оставались вмѣстѣ?
Олинька. Она сказала? съ нимъ? наединѣ?
Арбенинъ. Она! а ты молчишь?
Олинька. Что дѣлать, Боже!
Арбенинъ. Я вашу связь не осуждаю... что-же..
Но если это такъ, то домъ оставить мой
Должна ты завтра же: не ссорюсь я съ тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку свѣта я предъ свѣтомъ обнаружу.
Олинька. А я? Куда я дѣнусь?.. Ни родныхъ,
Ни друга на землѣ... чѣмъ жить... въ презрѣньи
У всѣхъ... въ мои лѣта... за что? О, въ этотъ мигъ
(Нинѣ) Отъ васъ я требую, да, требую спасенья.
Защиты—вы должны, вы можете одни...
Арбенинъ (на ухо Нинѣ). Она не признается.
Для терпѣнья
Граница есть...
Нина. Но что же дѣлать мнѣ?
Арбенинъ. Подумай, Олинька! одно лишь средство
Окончить все: скажи мнѣ—да иль нѣтъ:
Скорѣй, скорѣй, какой-нибудь отвѣтъ!
Но также вспомни время дѣтства:
Заботы, ласки матери ее
Тебя не покидали на мгновенье;
Чужая ей, ты съ ней дѣлила все...
Есть сердце у тебя? Смущенье,

Страхъ, обморокъ!.. Ну, право, я не звѣрь,
Прошу лишь слово правды... Не хотите...
Ошибся я,—не надобно, идите.
Олинька (черезъ силу). Минуту погодите!..
Да... я всему виной... довольны-ль вы теперь?
Арбенинъ. О, наконецъ! (Послѣ молчанія, женѣ).
Здѣсь на колѣна
Я упадаю предъ тобой;
Прости, прости меня... глупецъ я злой
И недостойный! можетъ-ли измѣна
Такую душу омрачить?
Я чувствую: я недостоинъ жить.
Здѣсь, здѣсь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветникъ,
Какъ я передъ тобой теперь, у ногъ моихъ
Не будетъ умолять о жизни и прощеньи.
На Божій судъ пойду я съ нимъ...
Скажи мнѣ: я прощенъ? я вновь тобой любимъ?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Казаринъ. Я утверждалъ всегда:
Чего судьба упрямая захочетъ,
Пусть цѣлый міръ хлопочетъ,
А сбудется навѣрно! да!
Князь Звѣздичъ, напримѣръ, была ему острастка,
А нынче самъ ко мнѣ на вечеръ назвался.
Играть не станетъ онъ, посмотримъ; только сказка,—
Ужь быть тому, за что я разъ взялся!
Вотъ кажется онъ самъ... Какое нетерпѣнье:
Явился прежде всѣхъ (отворяя дверь). А, князь, мое почтенье.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Казаринъ и Арбенинъ.

Казаринъ (оправившись). Ну, братъ, не ждалъ я, виноватъ!
Я, впрочемъ, очень радъ.
Арбенинъ. Не торопись заранѣ веселиться!
Казаринъ. Мой бѣдный другъ, какъ пріунылъ!
Да чтожъ могло съ тобой случиться?
Ахъ, помню, видишь-ли, я правду говорилъ!
Изъ благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умѣрь себя, ко мнѣ сегодня будетъ князь.
Хоть нынче помолчи, его я обыграю,
А завтра дѣлай съ нимъ, чего душа
Попроситъ...
Арбенинъ. Мысль отмѣнно хороша;
Я князю не скажу ни слова.
Казаринъ. Вотъ сердце доброе! да, въ свѣтѣ нѣтъ такова!
Арбенинъ. Тебѣ же я скажу всю правду, какъ привыкъ:
Ты милый мой, презрѣнный клеветникъ!
Клеймомъ стыда я васъ, сударь, отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.
Казаринъ. Ахъ, Боже мой... меня, за чтожъ меня?
Вотъ хлопочи, совѣтуй другу!
Зло за добро; брань за услугу!
Что? Этакъ дѣлаютъ друзья?
Арбенинъ. Да, да! я помню, время было,
Когда съ тобой однимъ путемъ
Стремленіе страстей насъ уносило;
Я нуженъ былъ тебѣ: искусствомъ и умомъ
Я защищалъ тебя въ опасныя мгновенья,
Съ тобой добычу я дѣлилъ—
И только! вотъ твое о дружбѣ мнѣнье,
Иначе въ жизни ты ни разу не любилъ.
Когда всю ночь я въ шумномъ кругѣ
Сидѣлъ и хохоталъ съ истерзанной душой,
Искалъ ли я въ тебѣ, какъ въ другѣ,
Надежды, жалости?.. бывалъ-ли я съ тобой
Таковъ, какъ иногда бываю
Одинъ съ моимъ Творцомъ, когда подъ гнетомъ бѣдъ
За преступленья юныхъ лѣтъ
Я, горько плача, умоляю?
Нѣтъ, нѣтъ!
Ты мнѣ завидуешь, тебя-жъ я презираю!
Казаринъ. Пусть такъ! возьми назадъ, возьми
Ты дружбу глупую, — все кончено межъ нами;
Я никогда не дорожилъ людьми,
Тѣмъ болѣ гордецами!
А чѣмъ же лучше ты меня?
Тѣмъ, что бѣснуешься, кричишь ты безъ разбору?
А я, разсудокъ свой храня,
Немного говорю, да въ пору?..

Чѣмъ виноватъ я, что жена
Тебѣ немного не вѣрна...
Съ такою совѣстью, измученной и грозной,
Тебѣ бы въ монастырь; а ужь влюбиться поздно.
А хочешь ты купить прощеніе грѣховъ,
Молчи, терпи...

Арбенинъ. О нѣтъ, я не таковъ!..
Я не терплю стыда и оскорбленья
При первомъ подозрѣньи,
Тебѣ я это ужь сказалъ;
И все-жъ ты на нее безстыдно клеветалъ.
Но я открылъ глаза... и будешь ты наказанъ,
Да, совѣстью моей не такъ еще я связанъ,
Какъ ты, быть можетъ, полагалъ.

Казаринъ. Твоихъ угрозъ я не пугаюсь, право.

Арбенинъ. Посмотримъ! помнишь-ли, совѣтникъ мой лукавый,
Второе сентября, семь лѣтъ тому назадъ...

Казаринъ (смущаясь). Чтожъ, помню.

Арбенинъ. Очень радъ.
Я стану говорить короче:
Дольчини, ты и Штраль, товарищъ твой,
Играли вы до поздней ночи;
Я рано убрался домой;
Когда я уходилъ, во взорахъ итальянца
Блистала радость; на его щекахъ
Безжизненныхъ игралъ огонь румянца;
Колода картъ тряслась въ его рукахъ
И золото передъ нимъ катилось; вы же оба
Казались тѣнями, возставшими изъ гроба;
Ты это помнишь-ли?..

Казаринъ. Ну, чтожъ?

Арбенинъ. Сейчасъ
Я кончу мой разсказъ.
Предъ вашимъ домомъ утромъ рано
Дольчини былъ найденъ на мостовой
Въ крови, съ разбитой головой.
Вы всѣхъ увѣрили, что пьяный
Онъ выскочилъ въ окно;
Такъ это и осталось! Но
Волшебной сказкою меня не обморочишь,
И кѣмъ онъ былъ убитъ, скажу я, если хочешь.

Казаринъ. Ты доказать не можешь ничего.

Арбенинъ. Конечно!.. вотъ письмо, кто написалъ его?

Казаринъ (упадая на стулъ). Злодѣй! вѣдь я погибъ...

Арбенинъ. Твой другъ мнѣ проигрался
И отдалъ свой бумажникъ. Въ немъ
Нашелъ я этотъ кладъ,—кто въ дуракахъ остался?
Ты мнѣ хотѣлъ вредить... за зло плачу я зломъ.

Казаринъ. Помилуй, сжалься, я твой рабъ отнынѣ!
Конечно, что ужь дѣлать,—согрѣшилъ.
Но я клянусь...

Арбенинъ. Какой святыней?

Казаринъ (плача). Я ужь разскаялся.

Арбенинъ. А! плачешь, крокодилъ!

Казаринъ (вскакивастъ).
(Въ сторону). Одно осталось средство для спасенья.
(Громко). Постой, смотри, вотъ шкапъ и отъ него ключи,
Тамъ тысячъ пятьдесятъ, съ условіемъ—молчи,
Тебѣ все, все мое имѣнье!

Арбенинъ. Ха-ха-ха-ха? смѣшное предложенье!..

Казаринъ. Не хочешь?

Арбенинъ. Я богатъ.

Казаринъ. Онъ правъ! но если такъ,
Я остаюсь при первомъ мнѣньи.

Арбенинъ. Что? что?

Казаринъ. Я, просто, былъ дуракъ,
Что испугался,—докажи сначала,
Что я солгалъ... да, докажи сперва,
Что мнѣ вредить имѣешь ты права,
И что жена тебѣ не измѣняла.
Ты мужъ, какихъ на свѣтѣ мало:
Всѣмъ вѣрилъ! прежде мнѣ,
Потомъ проказницѣ женѣ;
Съ тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбенинъ. Изволь, тебя утѣшить можно!
Ты знаешь Олиньку,—она,
Бѣдняжка, въ князя влюблена;
Онъ для нея ѣзжалъ ко мнѣ; межъ ними
Что было, я не знаю, только все
Упало на жену; намеками своими
Ты очернилъ ее!
Но я хотѣлъ знать правду... и не много
Трудился: Олинька призналась... Строго
Я поступилъ,—но требуетъ нужда:
Она мой домъ оставитъ навсегда.

Казаринъ. Сама призналась?

Арбенинъ. Да!

Казаринъ. Заставили признаться?

Арбенинъ. Сама!

Казаринъ. Не можетъ быть! уговорить легко!

Арбенинъ. Мнѣ любопытно знать, какъ можетъ далеко
Такая дерзость простираться.

Казаринъ. Я милости прошу: минутъ чрезъ пять

Князь будетъ здѣсь!—дай слово не мѣшать.
Арбенинъ. Въ чемъ?
Казаринъ. Ради Бога!
Арбенинъ. Про жену ни слова!
Казаринъ. Пусть, ни-гугу!
Арбенинъ. Посмотримъ, это ново!
Послѣднее то будетъ шельмовство.
Пѣснь лебедя... а тамъ къ расчету.
Казаринъ. Заплатишь, милый, за охоту
Знать верхъ искусства моего. (Ходитъ по комнатѣ).
Онъ скоро будетъ... кажется идетъ...
Нѣтъ, если онъ не будетъ,—право
Злой духъ меня толкнетъ
Съ нимъ заключить расчетъ кровавый.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Князь.

Казаринъ (тихо). Наслу! Кажется, еще на этотъ разъ
Судьба меня спасти взялась.
(Князю). Князь, поздно, поздно! что? откуда?
Князь. Я былъ въ театрѣ.
Казаринъ. Что даютъ?
Князь. Балетъ.
Казаринъ. А я про васъ здѣсь слышалъ чудо—
И вѣрить не хотѣлъ...
Князь. Конечно не секретъ?
Казаринъ. Сказать бы радъ,—да мудрено рѣшиться:
Не вздумали бы разсердиться.
Князь. За правду не сержусь, а если ложь,
На васъ сердиться мнѣ за чтожъ?
Казаринъ. Люблю за это нашу молодежь!
Разсудитъ прежде, послѣ скажетъ
Бывало, намъ ничто языкъ не свяжетъ:
Врутъ, хоть сердись, хоть не сердись,
За то и доврались.
Князь. Да чтожъ вы про меня узнали?
Казаринъ. Да вотъ что! бѣдная... ее вы наказали
За жертвы, за любовь... Люби васъ, шалуновъ.
Потомъ терпи. Кто-жъ виноватъ—она-ли?
Анъ нѣтъ! Чай, сколько просьбъ и словъ,
Угрозъ и ласкъ, и слезъ и обѣщаній
Вы расточили передъ ней,
И все зачѣмъ?—изъ сущей дряни:
Повеселиться пять, шесть дней!
Прекрасно, князь, прекрасно!
Скажите-ка: она васъ любитъ страстно?
Вы долго волочились?.. О, злодѣй!
Князь. Позвольте хоть узнать, о комъ вы говорите?
Казаринъ. Не знаетъ, о невинности посмотрите.
Какой серьезный видъ и недовольный взоръ:
Да я не зналъ, что вы такой актеръ!
А для кого, скажите-ка по чести,
Бѣжали вы къ нему такъ часто въ домъ?
А кто съ утра ждалъ подъ окномъ,
Какъ вы проѣдете?.. Ужь я на вашемъ мѣстѣ
Теперь, когда открылося, когда
Она безъ крова, жертвою стыда,
Осуждена искать дневного пропитанья,
Ужь я женился бы... хотя-бъ изъ состраданья...
Князь. Да ради Бога, кто-жъ она? И въ чемъ
Я виноватъ?
Казаринъ. Нашли же вы на комъ,
На компаньонкѣ пробовать искусство...
И трудно-ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя?
За это я возьмусь шутя!
Князь. Послушайте, зашли вы дальше шутки.
Казаринъ. Да я и не шучу... я правду вамъ сказалъ!
Арбенинъ Олиньку прогналъ...
Чтожъ дѣлать, у него свои есть предразсудки.
Князь. Помилуйте, да вы сошли съ ума,
Кто такъ наклеветалъ безбожно?
Казаринъ. Она сама призналась.
Князь. Какъ?
Казаринъ. Она сама.
Князь. Не можетъ быть.
Казаринъ. Случилось, — такъ возможно
Князь. Не можетъ быть. Ея признанье ложно!
Я не хочу, чтобъ за меня она
Страдала. Я помочь не въ силахъ, право...
Я не люблю ее... жениться—мысль смѣшна.
Арбенинъ. И то, зачѣмъ?.. Ужь вы покрылись славой.
Князь. Съ чего вы вздумали, что я женюсь на ней?
Арбенинъ. Ну, князь, я думалъ вы честнѣи...
Князь. Вы это думали?.. А! это оскорбленье!
Останьтесь же при первомъ мнѣньи
И, прежде чѣмъ рѣшить свинецъ

Я докажу, что я не трусъ и не подлецъ.
Хотите-ль правду знать?
Арбенинъ. Посмотримъ... Что же?
Князь. Вы не раскаетесь?
Арбенинъ. У васъ спрошу я то же.
Князь. Хотите?
Арбенинъ. Да!
Князь. Скажите лучше: нѣтъ!
Арбенинъ. Хочу.
Князь (подавая браслетъ). Смотрите: чей браслетъ?
Узнали-ль?
Арбенинъ. Да—узналъ!
Князь. Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись?..
Арбенинъ. Нѣтъ! вы его украли!..
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, какъ съ мальчикомъ... глупцы вы оба, дѣти...
Вы видите, какъ ваши сѣти
Я разорвалъ одной рукой...
А, князь! вы сами захотѣли
Себя достойно наказать!
Какъ вы рѣшились, какъ вы смѣли
Въ глаза все это мнѣ сказать!
Скорѣе на колѣни, на колѣни!..
Нѣтъ!.. очень радъ! тѣмъ меньше затрудненій!
Вамъ жизнь наскучила—не странно... жизнь глупца,
Жизнь площаднаго волокиты...
Утѣшьтесь же теперь, вы будете убиты;
Умрите-жъ съ именемъ и смертью подлеца.
Князь. Скорѣе—часъ и мѣсто!
Казаринъ. Ну, насилу
Избавлюсь отъ него: не въ крѣпость,—такъ въ могилу.
Арбенинъ. Я жду васъ завтра къ девяти часамъ.
И у себя (Подходитъ къ Казарину).
Казаринъ (смѣясь). Не спорь со мною.
Арбенинъ. Не веселись по пустякамъ,
Твои дѣла сегодня-жъ я устрою. (Уходитъ быстро).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Казаринъ (нѣсколько времени пораженъ, потомъ вскакиваетъ).
Князь, я вашъ секундантъ! угодно?
Князь. Очень радъ!
(Въ сторону). Я глупо поступилъ, да ужь нельзя назадъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Комната Арбенина. Нина спитъ на канапе.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Арбенинъ (входя оборачивается въ дверь).
Князь Звѣздичъ скоро долженъ быть.
Ко мнѣ
Его проси. Ступай! Какъ ты сюда попала?
Служанка. Тихонько-съ! барыня сейчасъ започивала;
Ждала васъ цѣлу ночь и бредила во снѣ...
Потомъ чѣмъ-свѣтъ одѣлась, встала,
Изволила придти къ вамъ въ кабинетъ,
Да и уснула здѣсь на креслахъ.
Арбенинъ. Я исправить
Хочу вину свою... ты можешь насъ оставить.
(Служанка уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Арбенинъ и Нина.

Арбенинъ (подходя къ Нинѣ). Спитъ! точно спитъ
Сомнѣнья нѣтъ:
Улыбка по лицу струится,
И грудь колышится и смутныя слова
Межъ губъ скользятъ едва-едва!
Понять не трудно кто ей снится.
О! эта мысль запала въ грудь мою,
Бѣжитъ за мной и шепчетъ: мщенье мщенье!
А я, безумный, все еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомнѣнье!
И кто подумалъ бы и кто смѣлъ ожидать?
Меня... меня... меня продать
За поцѣлуй глупца—меня, который
Готовъ былъ жизнь за ласку ей отдать!
Мнѣ измѣнить! мнѣ—и такъ скоро!
(Задумывается).
Да... да... я этого хочу,
Я вырву у нея признанье
Угрозой, страхомъ!.. Я ей отомщу,
Какъ прежде мстилъ—безъ состраданья. (Молчаніе).
Бывало, я искалъ могучею душой
Заботъ, трудовъ, глубокихъ ощущеній;
Въ страданіяхъ моя пробуждался геній,
И весело боролся я съ судьбой;
И былъ я гордъ, и силенъ, и свободенъ,
На жизнь глядѣлъ какъ на игрушку я,

И въ злобѣ былъ я благороденъ,
И жалость не смѣшна казалася моя...
Но часъ пришелъ, и я упалъ — ничтожный
Безумецъ, безоруженъ противъ мукъ и зла.
Добро, какъ счастіе, мнѣ стало невозможно,
И месть какъ жизнь мнѣ тяжела.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Арбенинъ, Нина и Олинька.

Олинька (входя, увидавъ). Ахъ, Боже мой!.. онъ здѣсь.

Арбенинъ. Не разбуди... (увидавъ узелъ).
Что это значитъ?

Олинька. Я пришла проститься...

Арбенинъ. Къ кому же ты пойдешь?

Олинька. Къ кому случится... Прощайте!

Арбенинъ. Погоди!
Мнѣ жаль тебя... бѣдняжка! ни родного,
Ни друга на землѣ...

Олинька. Чтожъ? Я на все готова.

Арбенинъ. Легко сказать... презрѣнье, нищета...
Ужасно!

Олинька. Да, ужасно!..

Арбенинъ. Тебѣ упрекомъ будетъ красота,
Пройдутъ и скажутъ: да, она прекрасна!
Съ подобнымъ личикомъ невинность сохранить
Задача трудная! Къ тому-жъ, вѣдь надо жить!..

Олинька. О, я умру!

Арбенинъ. Кто виноватъ, не ты-ли?..
Подумай.

Олинька. Я одна.

Арбенинъ. Признайся мнѣ: вы въ заговорѣ были;
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь. Если нѣтъ — признайся — спасена!
Есть время...

Олинька. О, не искушайте!

Арбенинъ. Я жду послѣдній твой отвѣтъ.

Олинька (уходя). Прощайте!

Арбенинъ. Постой... войди сюда... и черезъ часъ
Я кликну... можетъ быть, и прежде.

Олинька. Для чего же?

Арбенинъ. Узнаешь. (Она уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арбенинъ и Нина.

Арбенинъ. Боже! Боже!
Дай твердость мнѣ въ послѣдній разъ.
(Подходя къ **Нинѣ**).
Проснись... пора...

Нина. Ахъ, это ты, Евгеній!
Какой тяжелый сонъ... толпа видѣній
Въ умѣ моемъ еще тѣснится... Снилось мнѣ,
Что ты ласкалъ меня такъ страстно,
А говорятъ, что все во снѣ
Наоборотъ,—и вѣрить снамъ опасно..
Боюсь, что ждетъ меня бѣда!

Арбенинъ. Предчувствіямъ я вѣрю иногда.

Нина. Тебя я жду всю ночь,— была готова
Послать искать.

Арбенинъ. О, рѣдкая жена!

Нина. Послушай, милый другъ, я что-то нездорова.

Арбенинъ (въ сторону). Судьба мнѣ помогаетъ снова.

Нина. Я очень, кажется, больна.

Арбенинъ. Мнѣ жаль.

Нина. Послушай, я сказать тебѣ должна,
Со мною ты ужасно измѣнился,
Сталъ холоденъ и принужденъ;
И отчего?

Арбенинъ. Какъ быть, мнѣ также снился
Зловѣщій сонъ!..

Нина. Все грустенъ, все ворчишь, — мнѣ въ тягость жизнь такая.

Арбенинъ. Ты права! что такое жизнь? Жизнь вещь пустая!
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость, и отрада;
Пройдутъ года желаній и страстей,—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь? Давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее... а цѣлое—обманъ.

Нина. О, нѣтъ! я жить хочу.

Арбенинъ. Пустое!

Нина. И умереть боюсь...

Арбенинъ. Жизнь—вѣчность, смерть—лишь мигъ.

Нина. Нельзя-ль отъ шутокъ мнѣ твоихъ

Избавиться. Я слушать все готова,
Но теперь... Евгеній, я молю:
Пошли за докторомъ,—я очень нездорова,—
И голова кружится.

Арбенинъ. Не пошлю.

Нина. О, ты меня не любишь...

Арбенинъ. А за что же
Тебя любить?.. За то-ль, скажи,
Что былъ обманутъ я, ты требуешь любви...
Насмѣшка горькая...

Нина. О, Боже!

Арбенинъ. Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну я все до капли проигралъ;
Тогда я зналъ ужь цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи,—ушелъ и яду
Купилъ и возвратился вновь
Къ игорному столу. Въ груди кипѣла кровь;
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ. Рискъ, право, былъ великъ,
Но счастье вынесло, и въ часъ я отыгрался!
Завѣтный порошокъ я долго сберегалъ
Среди волненій жизни шумной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,—
Хранилъ на черный день, и этотъ день насталъ.

Нина. Что хочешь ты сказать? Не мучь меня, Евгеній!
Но ты дрожишь? Ты сталъ блѣднѣе тѣни?

Арбенинъ. Тутъ былъ стаканъ—онъ пустъ... кто выпилъ лимонадъ?

Нина. Я выпила... Смѣешься?..

Арбенинъ. Да,—я радъ!

Нина. Чтожъ было въ немъ?

Арбенинъ. Что? Ядъ!

Нина. Не вѣрю, невозможно! и съ такою
Холодностью смѣяться надо мною!
И въ чемъ виновна я?—ни въ чемъ;
Что балы я люблю, вотъ вся бѣда въ одномъ.
Ядъ! о, это было бы ужасно!
Нѣтъ, поскорѣй развѣй мой страхъ...
Зачѣмъ терзать меня напрасно.
Взгляни сюда! О, смерть въ твоихъ глазахъ!

Арбенинъ (бросая браслетъ на столъ). Ты измѣнила мнѣ;—вотъ обвиненье!

Нина. Не вѣрь, не вѣрь... Изъ сожалѣнья...

Арбенинъ. Признайся!

Нина. Не могу.

Арбенинъ. Пожалуй; ты умрешь.

Нина. Но я невинна!

Арбенинъ. Ложь!

Нина. Такъ нѣтъ спасенья?

Арбенинъ. Нѣтъ спасенья! (Нина плачетъ).
Да, горько я ошибся... возмечталъ
О счастьи,—думалъ снова
Любить и вѣровать... Но часъ судьбы насталъ,—
И все прошло, какъ бредъ больнова.
Я могъ бы воскресить погибшія мечты,
Я могъ бы, вѣруя надеждѣ,
Быть снова тѣмъ, чѣмъ былъ я прежде:
Ты не хотѣла—ты!
Плачь, плачь, — но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—Вода!
Я-жъ плакалъ! я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ—да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ!
Въ тотъ мигъ къ нему не подходи—
Смерть у него въ рукахъ, и адъ въ его груди.

Нина (упадая на колѣни). О, ты ужасенъ! о, помилуй, пощади!
Я все исполню, я признаюсь... поскорѣе,
Еще есть время,—говори, чего
Ты хочешь... смерть всего страшнѣе...
Смерть, смерть,—да, я люблю его...
Нѣтъ, нѣтъ, — то было заблужденье,
Ребячество, обманъ воображенья;
Я не любила никого.
Позволь обнять твои колѣни.
Ты видишь, я у ногъ твоихъ, Евгеній!
Скажи, скажи, какой цѣной
Купить мнѣ жизнь... цѣной мученій...
Чѣмъ хочешь буду я,—твоей рабой...
Я молода, жизнь такъ прекрасна...
О, ты меня спасешь—ты не злодѣй.
Я знаю, жалость есть въ душѣ твоей,
Помучишь и простишь... Напрасно, все напрасно...

Мнѣ кажется, я чувствую въ груди
Огонь, огонь — о! сжалься, пощади!..
(Бросается къ дверямъ).
Сюда, сюда... на помощь!.. умираю!..
Ядъ, ядъ! не слышатъ... понимаю!
Ты остороженъ, и никто... нейдутъ...
Но помни, я тебя, жестокій, проклинаю!
И ты придешь на Божій судъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Арбенинъ, Нина и Олинька.

Олинька. Я здѣсь! Что съ вами?
Нина. Ахъ! скорѣе, ради Бога!
Покуда время есть! я жить хочу, — жить, жить,
Ужели и тебя мнѣ надо такъ молить.
Олинька. О, что вы сдѣлали!..
Арбенинъ (помолчавъ). Перепугалъ немного!
Хотѣлъ знать правду и узналъ...
Опомнитесь и встаньте, — я солгалъ;
Я не ношу съ собою яда...
Въ васъ сердце низкаго разряда,
И ваша казнь — не смерть, а стыдъ!
Что вы дрожите? Будьте вновь спокойны,
Вамъ долго жить на свѣтѣ суждено,
И счастье вамъ еще возможно, — но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да! нынѣ чувствую, я старъ,
Измученъ долгою борьбою;
Послѣдній на меня упалъ судьбы ударъ,
И я поникъ покорной головою.
Желаній нѣтъ, надежды нѣтъ,
Я выброшенъ изъ круга жизни шумной,
Съ несносной памятью невозвратимыхъ лѣтъ,
Страдалецъ мрачный и безумный.
(Садится. Входитъ князь съ пистолетомъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

Арбенинъ, Нина, Олинька, Князь и Казаринъ.

Князь. Что это значитъ, смѣю васъ спросить?
Дуэль въ кругу семейства — очень ново!
Тѣмъ лучше, случая такова
Мнѣ, вѣрно, больше не нажить.
Казаринъ. По чести, странный выборъ секундантовъ!
Гдѣ о дуэли рѣчь, тамъ я въ числѣ педантовъ.
Князь. Мнѣ все равно, безъ дальнихъ словъ.
Вотъ пистолеты, я готовъ...
Арбенинъ (встаетъ и подходитъ къ нему).
День, часъ тому назадъ, хотѣлъ я крови, мести;
Защитникъ правъ своихъ и чести,
Съ надеждой трепетной въ груди,
Я думалъ отразить позоръ и обвиненье,
И я ошибся. Съ глазъ слетѣло заблужденье!
Вы правы — торжествуйте! Впереди
Васъ ждутъ побѣды славныя, какъ эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье свѣта...
И мало-ль женщинъ есть, во всемъ подобныхъ ей, —
Онѣ того, кто посмѣлѣй!
Смотрите, какъ блѣдна, почти безъ чувства,
А отчего — не отгадаешь вдругъ.
Что это? Стыдъ, раскаянье, искусство?
Ничуть! испугъ, одинъ испугъ!
Ни вы, ни я, мы не имѣли власти
Въ ней поселить хоть искру страсти.
Ея душа безсильна и черства,
Мольбой не тронется, боится лишь угрозы,
Взамѣнъ любви у ней — слова,
Взамѣнъ печали — слезы.
На что-жъ мы будемъ драться? Пусть убьетъ
Одинъ изъ насъ другого, такъ чтожъ далѣ?
Мы-жъ въ дуракахъ: на первомъ балѣ
Она любовника, иль мужа вновь найдетъ.
Теперь стрѣляться вы хотите?
Вотъ грудь моя обнажена, —
Возьмите жизнь мою, возьмите,
Она ни мнѣ, ни міру не нужна.
Казаринъ. Стрѣляйте же скорѣй, скорѣй.
Арбенинъ. Молчите?
Задумались?.. и такъ, оставьте насъ!
Мы квиты... (Князь уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Казаринъ. Обманулъ! еще разъ увернулся!
Скорѣй и мнѣ убраться съ глазъ
Покуда не очнулся. (Уходитъ)

Арбенинъ. Куда бѣжишь? постой,
постой,
Расчетъ у насъ не кончился съ тобой.
(Послѣ долгаго молчанія).
Я ѣду, Олинька! прощай!
Будь счастлива, прекрасное созданье,
Душѣ твоей удѣлъ—небесный рай,
Душъ благородныхъ воздаянье.
Какъ утѣшенье, образъ твой
Я унесу въ изгнаніе съ собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущаетъ.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бѣдность вновь тебѣ не угрожаетъ.
Олинька. Вы возвратитесь?..
Арбенинъ. Никогда!

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

ЦЫГАНЕ

[ОПЕРА]

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ, иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ.

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ [поетъ].

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,
Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане! гей цыганки!..
[и проч.]

ЦЫГАНКА [изъ «Московскаго Вѣстника» пѣсню]

[Пляшутъ и поютъ]... [Все умолкаетъ].

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ [Предъ очагомъ].

Что за жизнь одному да одному!.. Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ; она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужь и ночь—а все ея нѣтъ... Вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... [Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу]. Мой ужинъ скоро простынетъ—а дочь не приходила; видно, придется одному провесть ночь... Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

[Земфира и за нею юноша].

СТАРИКЪ

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? Я думалъ, что и ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

ЗЕМФИРА

Прости, отецъ мой! но, видишь ты,
Веду я гостя, за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла,
И въ таборъ на ночь зазвала:
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.

СТАРИКЪ

Я радъ, останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

МСТИСЛАВЪ ЧЕРНЫЙ

СЮЖЕТЪ

1. Молодежь разговариваетъ о томъ, что татары пріѣдутъ толпой и все берутъ: никто не смѣетъ и слова сказать. Зарево видно. Иные говорятъ, что лучше предаваться татарамъ, чѣмъ умирать и т. п. Мстиславъ вскакиваетъ и уходитъ. Онъ все сначала молчалъ; онъ кажется равнодушенъ къ бѣдствіямъ отечества; и его порицаютъ за это.

2. Паломникъ у Ольги; онъ разсказываетъ про Іерусалимъ, путешествія и разрушенный Кіевъ. Мстиславъ входитъ и, слыша разсказы о прежней вольности, ему приходитъ въ голову мысль освободить родину отъ татаръ. Ольгѣ одинъ богатый татаринъ далъ подарки; ея мать позволила; онъ ей нравится.

3. Въ городѣ послы татарскіе. Пиръ у князя. Униженіе князя. Одинъ посолъ за то, что русскій не низко поклонился, велитъ его казнить. Мстиславъ убиваетъ посла и скрывается.

4. Татаринъ любитъ Ольгу. Мать не противъ. Онъ обольщаетъ ее. Это длинная сцена. Между тѣмъ, множество заговорщиковъ разговариваютъ о возмущеніи противъ татаръ; они ищутъ начальника, и выборъ падаетъ на Мстислава; они идутъ искать его.

5. Мстиславъ на курганѣ; три ночи онъ молился.

МОНОЛОГЪ

Три ночи я провелъ безъ сна, въ тоскѣ,
Въ молитвѣ на колѣнахъ. Степь и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ—курганъ.
И если-бъ кости, скрытыя подъ нимъ,

Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили-бъ, загремѣвъ одеждой бранной!
О Боже! Какъ?—одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей?—
Нѣтъ, эта адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то три ночи бъ я
Ее не дожидался.—Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,
И приступила къ сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что въ немъ похоже было на любовь.
Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ—и этого довольно;
Мой часъ насталъ—часъ славы иль стыда!
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда!

Я вопрошалъ природу, и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ метели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ:
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ.
Но чувствовалъ, что не для нихъ родился:
Я небо не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,
Завидуя судьбѣ его Творца.
Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя; въ себѣ одномъ
Нашелъ спасенье цѣлому народу,
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ-быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но какъ надежда—чистой и прекрасной,
Какъ вольность—сильной и святой!..

Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ мурзой татарскимъ; это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики, избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, кои приближались [illegible], и надѣются, что Россія восстанетъ [illegible].

6. Мстиславъ возвращается домой печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна его любовь къ сестрѣ. Онъ ее спрашиваетъ: любитъ-ли его одного; она смущается; онъ приготовляетъ ее къ тому, что самъ, можетъ-быть, погибнетъ, и спрашиваетъ, готова-ли она все пожертвовать для отечества; потомъ, какъ-будто все зналъ, но чтобы испытать правда-ли, вдругъ говоритъ: «ты любишь татарина?» Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ, говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ; это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, однако не теряетъ духа.

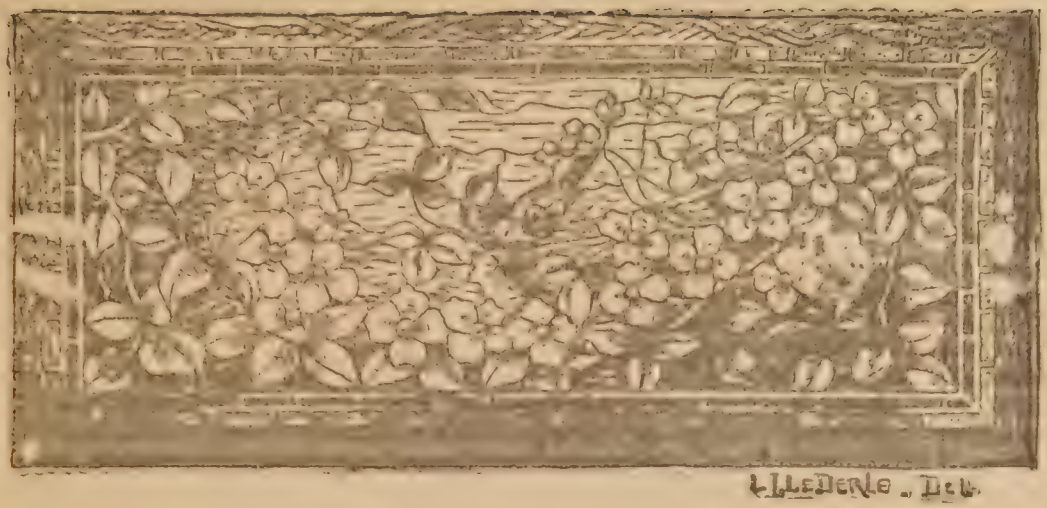
7. Ольга колеблется между отечествомъ и любовникомъ; однако придумываетъ. Въ свиданіи умоляетъ, чтобъ онъ не приходилъ къ ней, ибо его жизнь въ опасности. Мурза допытывается и догадывается, что есть заговоръ. Она бѣжитъ съ мурзой, боясь братнина гнѣва.

8. Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, баюкая ребенка. (Что за пѣснь... Злы татаровья). Онъ радуется тому, что эта пѣснь вдохнетъ ребенку ненависть противъ татаръ, и что если онъ погибнетъ, то останется еще мститель за отечество. Онъ идетъ въ назначенное мѣсто, гдѣ всѣ собрались; однакожъ удивляется тому, что мурза не пришелъ.

9. Станъ татаръ; сонный; стражи пьютъ русское вино и засыпаютъ, разговаривая о красотѣ дѣвушки, которая досталась мурзѣ. Приходятъ русскіе и убиваютъ сонныхъ; Мстиславъ считаетъ удары. Онъ входитъ въ палатку мурзы и выноситъ оттуда дѣву, говоря, что какъ всѣхъ соглашено убить, то ее жалко; вдругъ узнаетъ, что это его сестра. Она спитъ и бредитъ; и просыпается, вскрикиваетъ, узнаетъ его, упадаетъ. Онъ думаетъ, что она умерла; склоняется надъ ней. Между тѣмъ, крикъ разбудилъ нѣсколькихъ татаръ, кои еще не могутъ опомниться. «Боже, говоритъ Мстиславъ, зачѣмъ одно чувство любви должно погубить мое отечество! — Какъ я ее любилъ, какъ она прекрасна». Выбѣгаетъ мурза; онъ его убиваетъ. Начинается битва; русскихъ перерѣзали.

10. День. Мстиславъ, раненый, подъ деревомъ. Старый воинъ приходитъ. Онъ спрашиваетъ: всѣ-ли убиты, и узнаетъ, что всѣ, что татары взяли въ то же утро городъ и разграбили. Приходятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые хотятъ скрыться въ лѣсахъ, въ своемъ отчаяніи указывая на зарево. Мстиславъ спрашиваетъ, не видали-ли они женщины въ станѣ, можетъ быть, она не умерла. Тотъ его не понимаетъ. Мстиславъ умираетъ и проситъ, чтобъ надъ нимъ поставилъ крестъ, и чтобъ разсказалъ его дѣла какому-нибудь пѣвцу, чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ.

ПИСЬМА



ПИСЬМА ЛЕРМОНТОВА

I. КЪ М. А. ШАПЪ-ГИРЕЙ

(1828).

Милая тетинька! *) Наконецъ, настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я къ вамъ мало пишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ даютъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвальбы, но собственно отъ того, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ, и проч. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте пожалуста Екима рисовать контуры; мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать, однакожъ мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ въ знакъ благодарности за подвязку, посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу Невидимку, ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и будутъ восковыя фигуры играть (сдѣлайте милость пришлите мои воски); я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не забыли, я думаю, что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ братцамъ здѣсь, но я имъ напишу особливо; Катюшу же цѣлую и благодарю за подвязку.—Прощайте, милая тетинька, цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ покорный племянникъ. — М. Лермантовъ.

II. КЪ НЕЙ ЖЕ.

(Въ концѣ 1828).

Милая тетинька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ: экзаменъ кончился и вакація началась до 8-го января; слѣдственно, она будетъ продолжаться 3 недѣли.

*) Марья Акимовна Шапъ-Гирей, дочь родной сестры бабушки поэта — Екатерины Алексѣевны Хостатовой (рожденной Столыпиной). Упоминаемые ниже Екимъ и Катюша—ея дѣти.

Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20-го числа. Я вамъ посылаю баллы *), гдѣ вы увидите, что г. Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.; но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самаго экзамена, вдругъ какъ-то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ [illegible].

Папинька сюда пріѣхалъ и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего portefeuille; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!.. Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!.. Къ тому жъ Александръ Степановичъ мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи.—Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ ***), который хочетъ издавать журналъ Калліопу (подражая мнѣ!?), гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.—Каково вамъ покажется. Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!.. стало быть... стало быть... но выводите заключенія, какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однакожъ теперь гораздо лучше, а я—о! je me porte comme a l'ordinaire... bien!—Прощайте, милая тетинька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme.—Остаюсь вашъ покорный племянникъ. — М. Лермантовъ.

Я прилагаю вамъ, милая тетинька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На вакацію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе; вотъ стихи:

ПОЭТЪ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И утомленный и нѣмой
Онъ забывалъ огонь небесный.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

М. Л.

P. S. Не зная, что дядинька въ Аналихѣ *), я не писалъ къ нему, но прошу извиненія и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

III. КЪ НЕЙ ЖЕ.

(1829).

Милая тетинька! Извините меня, что я такъ долго не писалъ. Но теперь постараюсь почаще увѣдомлять васъ о себѣ, зная, что это вамъ будетъ пріятно. Вакаціи приближаются и... прости! достопочтенный пансіонъ. Но не думайте, чтобы я былъ радъ оставить его, потому (что ученіе прекратится; нѣтъ! дома я заниматься буду еще болѣе, нежели тамъ. Вы спрашивали о баллахъ, милая тетинька, увы!—у насъ въ пятомъ классѣ съ самаго новаго года еще не всѣ учителя поставили сіи вывѣски нашей премудрости **). Помните ли, милая тетинь-

---

*) Вотъ вѣдомость балловъ, которую Лермонтовъ прислалъ:

Вѣдомость о поведеніи и успѣхахъ университетскаго благороднаго пансіона воспитанника 4-го класса М. Лермонтова.

Поведеніе	Прилежаніе	УСПѢХИ								[illegible]
		[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
Весьма [illegible]		3	4	4	3	4	4	4	4	30
										За 24 балл. пер[illegible]

[illegible]

NB. 4, означаетъ высшую степень, 0 низшую. Я сижу 2-мъ ученикомъ. (*Прим. само[illegible]*).

**) Въ вѣдомости о баллахъ Лермонтовъ [illegible] ученикомъ 4 класса. Въ пансіонѣ было 6 классовъ и Лермонтовъ прошелъ 4, 5 и 6-й; онъ поступилъ въ пансіонъ въ 1828 г., а въ апрѣлѣ 1830 г. уже [illegible]

***) Мих. Григ. Павловъ, профессоръ московскаго [illegible] курсы физики и сельскаго [illegible].

*) Имѣніе Шапъ-Гирея, по сосѣдству съ селомъ Тарханы, принадлежавшимъ бабушкѣ поэта, Е. А. Арсеньевой.

**) Выраженіе одного ученика Пр. (*Примѣчаніе самого Лермонтова*).

ка, вы говорили, что наши актеры (московскіе) хуже петербургскихъ. Какъ жалко, что вы не видали здѣсь: Игрока, трагедію: Разбойники. Вы бы иначе думали. Многіе изъ петербургскихъ господъ соглашаются, что эти пьесы лучше идутъ, нежели тамъ, и что Мочаловъ во многихъ мѣстахъ превосходитъ Каратыгина. Бабушка, я и Екимъ, всѣ, слава Богу, здоровы, но M-r G. Gendroz былъ боленъ; однако теперь почти совсѣмъ поправился. Постараюсь слѣдовать совѣтамъ вашимъ, ибо я увѣренъ, что они служатъ къ моей пользѣ. Цѣлую ваши ручки, покорный вашъ племянникъ. — М. Лермантовъ.

P. S. Прошу васъ дядинькѣ засвидѣтельствовать мое почтенье и у тетиньки Анны Акимовны цѣлую ручки. Также прошу поцѣловать за меня Алешу, двухъ Катюшъ и Машу.—М. Л.

IV. КЪ С. И. ПОЛИВАНОВУ.

Москва 7-го іюня 1831.

Любезный другъ, здравствуй! протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совсѣмъ. Насъ судьба разноситъ въ разныя стороны, какъ вѣтеръ листы осени. Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будетъ (?!); впрочемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всѣ свадебные пиры. Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры. — Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что-нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой.—М. Лермантовъ.

V. КЪ М. АК. ШАНЪ-ГИРЕЙ.

Конецъ 1831 года (?).

Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если онъ великъ, то это въ «Гамлетѣ»; если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальный, т. е. неподражаемый Шекспиръ — то это въ «Гамлетѣ». Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюсиса *), который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи и выпустилъ множество характеристическихъ сценъ. Эти переводы, къ сожалѣнію, играются у насъ на театрѣ. Вѣрно, въ вашемъ «Гамлетѣ» нѣтъ сцены могильщиковъ, и другихъ, коихъ я не запомню.

«Гамлетъ» по-англійски написанъ половина въ прозѣ, половина въ стихахъ. Вѣрно, нѣтъ (въ вашемъ «Гамлетѣ» и) той сцены, когда Гамлетъ говоритъ со своей матерью, и она показываетъ на портретъ его умирающаго отца; въ этотъ мигъ съ другой стороны, видимая одному Гамлету, является тѣнь короля, одѣтая, какъ на портретѣ, и принцъ, глядя уже на тѣнь, отвѣчаетъ матери: «какой живой контрастъ, какъ глубоко!..» Сочинитель зналъ, что, вѣрно, Гамлетъ не будетъ такъ пораженъ и встревоженъ, увидѣвъ портретъ, какъ при появленіи призрака.

Вѣрно, Офелія не является въ сумасшествіи, хотя сія послѣдняя одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ. Есть-ли у васъ сцена, когда король подсылаетъ двухъ придворныхъ, чтобъ узнать, точно-ли помѣшанъ притворившійся принцъ, и сей обманываетъ ихъ.

Я помню нѣсколько мѣстъ этой сцены: они (придворные) надоѣли Гамлету, и этотъ прерываетъ одного изъ нихъ, спрашивая:

ГАМЛЕТЪ. Не правда-ли, это облако похоже на пилу? *)

1-й придворный. Да, мой принцъ!

ГАМЛЕТЪ. А мнѣ кажется, что оно имѣетъ видъ верблюда, что похоже на животное.

2-й придворный. Принцъ, я самъ лишь хотѣлъ сказать это.

ГАМЛЕТЪ. На что же вы похожи оба?—и проч.

Вотъ какъ кончается эта сцена: Гамлетъ беретъ флейту и говоритъ: «Сыграйте что-нибудь на этомъ инструментѣ».

1-й придворный. Я никогда не учился, принцъ, я не могу.

ГАМЛЕТЪ. Пожалуйста.

1-й придворный. Клянусь, принцъ, не могу (и проч. извиняется).

ГАМЛЕТЪ. Ужели послѣ этого не чудаки вы оба? Когда изъ такой малой вещи вы не можете исторгнуть согласныхъ звуковъ, какъ можете изъ меня, существа, одареннаго силою [illegible], исторгнуть тайныя мысли?..

---

*) Французскій драматическій писатель (1733—1816), передѣлыватель Шекспира.

*) Должно быть: «похоже на [illegible]», [illegible]

И это не прекрасно!..

— Теперь слѣдуютъ мои извиненія, что я къ вамъ, любезная тетинька, не писалъ; клянусь, некогда было: ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира?!

Мнѣ здѣсь довольно весело: почти каждый вечеръ на балѣ. — Но великимъ постомъ я уже совсѣмъ засяду. Въ университетѣ все идетъ хорошо.

Прощайте, милая тетинька, желаю вамъ здоровья и всего, что вы желаете. Если говорятъ: одна голова—хороша, а двѣ—лучше, зачѣмъ не сказать: одно сердце—хорошо, а два—лучше.

Цѣлую ваши ручки, остаюсь покорный вашъ племянникъ.

М. Лермонтовъ.

P. S Поклонитесь отъ меня дядинькѣ *) и поцѣлуйте дѣточекъ **).

VI. КЪ С. А. БАХМЕТЕВОЙ.

Тверь, 1832.

Ваше Атмосфераторство! Милостивѣйшая государыня, Софія, дочь Александрова!.. Вашъ рабъ, всепокорнѣйшій Михайло, сынъ Юрьевъ, бьетъ челомъ вамъ.—Дѣло въ томъ, что я обрѣтаюсь въ ужасной тоскѣ; извозчикъ ѣдетъ тихо, дорога пряма, какъ палка, на квартирѣ вонь и перо скверное!.. Кажется довольно, чтобы истощить ангельское терпѣніе, подобное моему.

Что вы дѣлаете? — Пріѣхала-ли Александра, Михайлова дочь—и какія ея рѣчи? Все пишите—а моего писанья никому не являйте. Растрясло меня, и потому къ благовѣрной кузинѣ не пишу—а вамъ мало; извините моей немощи!..

До Петербурга съ обѣими прощаюсь. Рабъ вашъ М. Lerma.

Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе тетинькѣ и всѣмъ домочадцамъ.

VII. КЪ ТОЙ ЖЕ.

(С.-Петербургъ. Августъ, 1832)

Любезная Софья Александровна! До самаго нынѣшняго дня я былъ въ ужасныхъ хлопотахъ: ѣздилъ туда-сюда, къ Вѣрѣ Николаевнѣ на дачу и проч.; разсматривалъ городъ по частямъ, и на лодкѣ ѣздилъ въ море. Короче, я ищу впечатлѣній, какихъ-нибудь впечатлѣній...

Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ! Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ въ душѣ своей?.. Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, у NN. гдѣ, просидѣвъ четыре часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ—быть можетъ, слава Богу!

Вашей комиссіи я еще не исполнилъ, ибо мы только вчера перебрались на квартиру. Прекрасный домъ, и со всѣмъ тѣмъ душа моя къ нему не лежитъ: мнѣ кажется, что отнынѣ я самъ буду пустъ, какъ былъ онъ, когда мы въѣхали.

Пишите мнѣ, что дѣлается въ странахъ вашего царства. Какъ свадьба? Все-ли вы въ Средниковѣ или въ Москвѣ? Чай, Александра Михайловна да Елизавета Александровна покою не знаютъ, все хлопочутъ!

Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ я писалъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что̀ безъ страданій жизнь поэта,
И что̀ безъ бури океанъ? *)

И пришла буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда нибудь...

Надоѣлъ я вамъ своими диссертаціями! Я короче сошелся съ Павломъ Евреиновымъ; у него есть душа въ душѣ. Одна вещь меня безпокоитъ: я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго-ли. Не скажу, чтобъ отъ горести: были у меня и больше горести, и я спалъ

---

*) Павлу Петровичу Шанъ-Гирей.

**) Екатерину Павловну и братьевъ ея: Акима, [illegible] и Николая. Письмо это напечатано въ первый разъ Лв. Ив. Поливановымъ въ Русск. Старинѣ, Январь 1889 г.

*) Въ одной изъ рукописныхъ тетрадей Лермонтова, это стихотвореніе оканчивается такъ:

Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ,
Онъ покупаетъ неба звуки,
Онъ даромъ—славы не беретъ.

крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ.

Дорогой я еще былъ туда-сюда; пріѣхавши, не гожусь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я—цыганъ!

Прощайте. Пишите мнѣ, чѣмъ поминаете вы меня? Обѣщаю вамъ, что не всѣ мои письма будутъ такія; теперь я болтаю вздоръ, потому что натощакъ. Прощайте... Членъ вашей bande joyeuse M. Lerma.

P. S. У тетушекъ моихъ цѣлую ручки, и прошу васъ отъ меня отнести поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ... во второмъ разрядѣ коихъ Achille, аранъ; и если вы не въ Москвѣ, то мысленно. Прощайте.

VIII. КЪ НЕЙ ЖЕ.

Примите дивное Посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово писанье,
Но Павелъ вамъ отдастъ его.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь—красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ силетенъ—все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!..
И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни—скукой боленъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ);
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего, поэзія души моей погасла.

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной расшибленный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ—
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ негодится и на волѣ!
Погибъ—и данъ ему покой!

Мнѣ кажется, что это недурно вышло. Пожалуста, не рвите этого письма на нужныя вещи. Впрочемъ, если бъ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, написалъ бы вовсе другое; каждый мигъ у меня новыя фантазіи. Прощайте, дражайшая. Я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъ поръ не получилъ отвѣта—стыдно; однако я прощаю—и прощаюсь. M. Lerma.

Тетинькѣ и всѣмъ нижайшее мое почтеніе. Пишите, что дѣлается, и слышится, и говорится.

У Демидовой былъ—дома не засталъ; она была у какой-то директорши — Богъ знаетъ; я письма не отдалъ и на дняхъ поѣду опять. Не имѣю слишкомъ большого влеченія къ обществу: надоѣло! Все люди, такая тоска: хоть бы черти для смѣха попадались.—(1832).

IX. КЪ МАРЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ЛОПУХИНОЙ.

S.-Pétérsb. 1832, le 28 Août.

Dans le moment où je vous écris, je suis très-inquiet, car grand-maman est très malade, et depuis deux jours au lit. Ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne. — Vous nommez toutes les personnes que je frécuente? — moi c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir. En arrivant je suis sorti, il est vrai, assez souvent chez des parents, avec lesquels je devais faire connaissance; mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi. J'ai vu des échantillons de la société d'ici, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis — tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français, bien etroit et simple, mais où l'on peut se perdre, pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du maître a ôté toute différence!..

J'écris peu, je ne lis pas plus, mon roman devient une œuvre de désespoir, j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable

de se changer en haine, et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!.. A propos de votre mariage, chère amie, vous avez deviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu; *) j'ai déjà écrit à ma cousine que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes — cette expression m'a beaucoup plu à moi-même. Dieu soit loué, que ça soit fini comme cela et pas autrement! Au reste n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé.

J'ai une qualité que vous n'avez pas; quand on me dit qu'on m'aime, je ne doute plus ou (ce qui est pire) je ne fais pas semblant de douter. —Vous avez ce défaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait clair de lune, et j'étais à ma fenêtre qui donne sur le canal; voilà ce que j'ai écrit:

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой набѣгъ бы разрушалъ,
И къ моей студеной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ;
И· страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщенъ;
Безпокойство и прохлада
Были бъ вѣчный мой законъ;
Не искалъ бы я забвенья
Въ дальнемъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ [illegible]
Жить и кончить жизнь мою!

Voici une autre; ces deux pièces, vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ... а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ;
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—(я боюсь сказать
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то грантъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете вовѣкъ.—
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разростъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготовитъ супъ—
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ—но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

Adieu!.. je ne puis plus vous écrire, la tête me tourne à force de sottises; je crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7000 ans; ce Moïse n'a pas menti.—Mes compliments à tout le monde.—Votre ami les plus sincère.—M. Lerma.

Переводъ: Въ ту минуту, какъ пишу вамъ, я очень встревоженъ, такъ какъ бабушка очень больна и уже два дня въ постели. Отвѣчая на второе письмо ваше,—отведу себѣ этимъ душу. Назвать вамъ всѣхъ, у кого я бываю? Я самъ та особа, у которой бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться; но подъ конецъ наскучилъ, что самый мой лучшій родственникъ, это я самъ. Видѣлъ образчики здѣшняго общества, дамъ, очень любезныхъ, молодыхъ людей, весьма воспитанныхъ, всѣ вмѣстѣ они производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣи, но въ которомъ съ перваго раза можно заблудиться, такъ какъ хозяйскія ножницы [illegible] всякое различіе между однимъ и [illegible]. Пишу мало, читаю не болѣе; ро[illegible] [illegible] отчаянія: я перерылъ всю душу свою, [illegible] только способно обратиться [illegible] есть, и въ безпорядкѣ излилъ это на бумагу. [illegible] бы пожалѣли меня! Относительно вашего [illegible] другъ, вы угадали мое восхищеніе при [illegible], что она не состоялась; я уже писалъ кузинѣ que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes — это выраженіе мнѣ самому очень понравилось. Слава Богу, что это кончилось такъ, а не

*) [illegible]

иначе. Впрочемъ, не будемъ больше объ этомъ говорить—и безъ того ужъ много было наговорено.— У меня есть свойство, котораго нѣтъ у васъ: когда мнѣ говорятъ, что любятъ меня, я больше не сомнѣваюсь, или (что хуже) я не показываю вида, что сомнѣваюсь. У васъ же есть этотъ недостатокъ, и я прошу исправьтесь отъ него, хоть въ такихъ милыхъ письмахъ.—Вчера, въ 10 часовъ вечера, было небольшое наводненіе, и даже трижды сдѣлано было по два пушечныхъ выстрѣла, по мѣрѣ того, какъ вода опускалась и поднималась. Ночь была лунная, и я былъ у своего окна, которое выходитъ на каналъ. Вотъ что я написалъ: (слѣдуютъ стихи). Вотъ еще стихи. Эти два стихотворенія покажутъ вамъ мое нравственное состояніе лучше, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать въ прозѣ (слѣдуютъ другіе стихи). Прощайте, не могу больше писать вамъ. Голова вертится отъ глупостей. Мнѣ кажется, что по той же причинѣ и земля вертится вотъ уже 7000 лѣтъ. Моисей не солгалъ. Всѣмъ мой поклонъ. — Вашъ искреннѣйшій другъ. М. Лерма.

X. КЪ НЕЙ ЖЕ.

2 Septembre. (1832).

Dans ce moment même je commence a dessiner quelque chose pour vous, et je vous l'enverrai peut-être dans cette lettre. Savez vous, chère amie, comment je vous écrirai? Par moments! Une lettre durera quelquefois plusieurs jours; une pensée me viendra-t-elle, je l'insererai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit, je vous en ferai part; êtes-vous contente de ceci!

Voilà plusieures semaines déjà que nous sommes separés, peut-être pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir Наталья Алексѣевна *), parcequ'elle vient de nos contrées — car Moscou est et sera toujours ma patrie: j'y suis né, j'y ai beaucoup souffert, et j'y ai été trop heureux —ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver... mais que faire?—Mademoiselle Annette m'a dit qu'on n'avait pas effacé la célèbre tête sur la muraille... **) pauvre ambition! Cela m'a réjoui... et encore comment! Cette drôle passion de laisser partout des traces de son passage!.. Une idée d'homme, quelque grande qu'elle soit, vaut-elle la peine d'être répetée dans un objet matériel, avec le seul mérite de se faire comprendre à l'âme de quelques-uns? il faut que les hommes ne soient pas nés pour penser, puisqu'une idée forte et libre est pour eux chose si rare!

Je me suis proposé pour but de vous enterrer sous mes lettres et mes vers: cela n'est pas bien amical, ni même philantropique, mais chacun doit suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer:

Бѣлѣетъ парусъ одинокій и т. д.

— Adieu donc, adieu... je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée... Je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire.—Chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité: car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant!—Je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon coeur; car ma vie — c'est moi, moi, qui vous parle—et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien. — Dieu sait, si après la vie le moi existera. C'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi!—A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue.

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos soeurs, car je ne suppose pas ma cousine de retour.

Dites moi, chère miss Mary, si monsieur mon cousin Evreinoff vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon thermomètre.—Adieu. Votre dévoué. Lerma.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question; mais elle se refuse de sortir de ma plume.—Si vous me dévinez—bien, je serai content; si—non... alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.

C'est le genre de question dont peut-être vous ne doutez pas!

Переводъ: Въ эту самую минуту я началъ кое-что рисовать для васъ, и можетъ быть пошлю съ тѣмъ же письмомъ. Знаете ли, милый другъ, какъ я стану писать къ вамъ?—Въ свободныя минуты. Иной разъ письмо продлится нѣсколько дней; придетъ-ли мнѣ въ голову какая мысль, я вношу ее; [illegible] дающееся занять [illegible] тотчасъ подѣлюсь съ вами. Будете вы довольны этимъ?—хотъ уже нѣсколько недѣль, какъ мы разстались и, можетъ быть, надолго, потому что впереди я не вижу ничего особенно отраднаго. Однако я все тотъ же, вопреки лукавымъ предположеніямъ нѣкоторыхъ людей, которыхъ не назову.

*) Родная сестра бабушки поэта, Елизаветы Алексѣевны.

**) Голову эту Лермонтовъ начертилъ углемъ на стѣнѣ въ домѣ своихъ знакомыхъ, Лопухиныхъ.

Представьте, наконецъ, что я пришелъ въ восторгъ, увидавъ Наталью Алексѣевну, потому что она пріѣхала съ нашей стороны, такъ какъ Москва моя родина, и такою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, тамъ много страдалъ, и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ! Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что дѣлать? M-lle Annette сказывала, что еще не стерли со стѣны знаменитую голову... Жалкое самолюбіе! Вѣсть эта меня обрадовала, да еще какъ! Что за глупая страсть: вездѣ отмѣчать чѣмъ-нибудь свое пребываніе! Мысль человѣка, хотя бы самую возвышенную, стоитъ-ли отпечатлѣвать въ предметѣ вещественномъ, изъ-за того только, чтобъ сдѣлать ее понятною для другихъ, немногихъ людей. Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная — большая для нихъ рѣдкость. Я намѣренъ замучить васъ своими письмами и стихами. Это, конечно, не по дружески и даже противно человѣколюбію; но каждый долженъ слѣдовать своему предназначенію. Вотъ еще стихи, которые я сочинилъ на берегу моря слѣдующіе стихи). Прощайте же, прощайте. Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую: сонъ счастливый, божественный сонъ, разстроилъ меня на нынѣшній день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Страшная вещь эти сны! Двойникъ жизни, и часто лучшій, нежели дѣйствительная жизнь. Вѣдь я вовсе не раздѣляю мнѣнія, будто жизнь есть сонъ; я ослѣпительно чувствую ея дѣйствительность, ея манящую пустоту! Я никогда не могу отрѣшиться отъ нея настолько, чтобы чистосердечно ее ненавидѣть; потому что жизнь моя—я самъ, я, говорящій теперь съ вами, и могущій черезъ минуту обратиться въ ничто, въ одно имя, т.-е. опять-таки въ ничто. Богъ знаетъ, будетъ-ли существовать это я послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не смогу сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи.—Прощайте, не забудьте напомнить обо мнѣ своему брату и сестрамъ, потому что кузина, какъ я полагаю, еще не возвратилась... — Скажите, милая Miss Mary, передалъ ли вамъ мой кузенъ Евреиновъ мои письма, и какъ онъ вамъ показался, потому что въ этомъ случаѣ я васъ выбираю моимъ термометромъ. Прощайте. Вашъ преданный Лермя. P. S. Мнѣ бы хотѣлось сдѣлать вамъ небольшой вопросъ, но не рѣшаюсь писать. Если догадываетесь, хорошо, я буду доволенъ; а нѣтъ- значитъ, если бы я и написалъ, вы не смогли бы отвѣчать на него.—Это такого рода вопросъ, какой, быть можетъ, вы и не подозрѣваете.

XI. КЪ АЛЕКСАНДРѢ МИХАЙЛОВНѢ БЕРЕШАГИНОЙ.

(Петербургъ, ноябрь 1832).

Femme injuste et crédule!—et remarquez que j'ai le plein droit de vous nommer ainsi, chère cousine. — Vous avez crû aux paroles et à la lettre d'une jeune fille sans les analyser; Annette dit qu'elle n'a jamais écrit que j'avais une histoire, mais qu'on ne m'a pas compté les années que j'ai passées à Moscou comme à tant d'autres, car il y a une réforme dans toutes les universités, et je crains qu'Alexis n'en souffre aussi, puisqu'on ajoute une année aux trois insupportables *). Vous devez déjà savoir, notre dame, que j'entre a l'ecole des gardes. — Ce qui me privera malheureusement du plaisir de Vous voir bientôt. Si vous pouviez deviner tout le chagrin que cela me fait, vous m'auriez plaint—ne grondez donc plus et consolez-moi, si vous avez un coeur.

Je ne puis concevoir ce que vous voulez dire par peser les paroles, je ne me rappelle pas vous avoir écrit quelque chose de semblable. Au surplus je vous remercie de m'avoir grondé, cela me servira pour l'avenir et si vous venez à Pétersbourg, j'espère me venger entièrement, — et pardessus le marché à coups de sabre, et point de quartier entendez vous! Mais que cela ne vous effraye pas; venez toujours, et amenez avec vous une suite nombreuse, et mademoiselle Sophie **), à laquelle je n'écris pas, parceque je boude contre elle. Elle m'a promis de m'écrire en arrivant de Voronège une longue lettre, et je ne m'aperçois que de la longueur du temps — qui remplace la lettre. Et vous chère cousine, vous m'accusez de la même chose! – et pourtant je vous ai écrit deux lettres après monsieur Paul Evreïnoff. Mais comme elles étaient adressées dans la maison Stolipine à Moscou, je suis sûr que le Léthé les a englouti, ou que la femme d'un domestique entortilla des chandelles avec mes tendres épitres.

Donc je vous attends cet hiver; point que réponses évasives — vous devez venir, un beau projet ne doit pas être ainsi abandonné, la fleur ne doit pas se faner sur sa tige ect... En attendant je vous dis adieu, car je n'ai plus rien à vous communiquer d'intéressant; je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de Dieu, je serai militaire. Encore — vous attribuez trop à l'eau de la Néva; elle est un très-bon purgatif, mais je ne lui connais point d'autre qualité. Apparemment que vous avez oublié mes galanteries passées et que vous n'êtes que pour le présent et le futur, qui ne manquera pas de se présenter à vous par la première occassion. Adieu donc, chère amie, et mettez tous vos soins à me trouver une future, il faut qu'elle ressemble à Dachinka, mais qu'elle n'aie pas comme elle un gros ventre, car il n'y aurait plus de symmétrie avec moi comme vous savez, ou comme

*) Лермонтовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, желая перевестись въ университетъ по оставленіи Московскаго, гдѣ пробылъ 3 года.

**) Софья Александровна Бахметева съ двумя сестрами жили въ Воронежѣ и пріѣзжали гостить къ богатымъ родственникамъ въ Москву или Средниково.

vous ne savez pas, car je suis devenu fin comme une allumette.

Je baise vos mains. M. Lerma.

P. S. Mes compliment aux tantes. *)

Переводъ. Несправедливая и легковѣрная женщина!—(замѣтьте, что я имѣю полное право такъ называть васъ, милая кузина!). Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Аннете говоритъ, что она никогда не писала, что у меня была исторія, но что мнѣ не хотѣли зачесть годы я обученія въ Москвѣ (въ Москов. университетѣ), какъ это имѣло мѣсто по отношенію ко многимъ другимъ, и я опасаюсь, что Алексису тоже придется пост ать, ибо прибавляютъ еще годъ къ тремъ невыносимымъ годамъ. Вы конечно уже знаете, что я поступаю въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.—Это меня лишитъ, къ сожалѣнію, удовольствія васъ скоро увидѣть. Если бы вы могли ощутить все горе, которое мнѣ это причиняетъ—вы бы пожалѣли обо мнѣ. Не браните же, а утѣшьте меня, если обладаете сердцемъ. Не понимаю, что вы хотите сказать, говоря о взвѣшиваніи словъ, я не помню чтобы я написалъ вамъ что-либо подходящее. Во всякомъ случаѣ благодарю за то, что выбранили, это мнѣ въ будущемъ послужитъ, и, если вы пріѣдете въ Петербургъ, я надѣюсь вполнѣ отомстить за себя — да и вдобавокъ сабельными ударами и безъ снисхожденія — слышите ли! Но, да не пугаетъ это васъ; пріѣзжайте все-таки и приводите за собою многочисленную свиту и M-lle Sophie, которой я не пишу, потому что сердитъ на нее. Она обѣщала мнѣ написать по возвращеніи изъ Воронежа длинное письмо, я же замѣчаю только длинноту времени, замѣнившую письмо. А вы, дорогая кузина, обвиняете меня въ томъ же, хотя я написалъ два письма послѣ г-на Павла Евреинова; однако-же такъ какъ они были адресованы въ домъ Столыпина въ Москвѣ, я увѣренъ, что ихъ поглотила Лета, или что жена одного изъ слугъ обернула моими нѣжными посланіями свѣчи. — И такъ я васъ ожидаю эту зиму, безъ уклончивыхъ отвѣтовъ! Вы должны пріѣхать! Прекрасный проектъ не долженъ быть покинутъ, цвѣтокъ не долженъ увядать на стеблѣ своемъ и т. д. Пока говорю вамъ прощайте! ничего не имѣю болѣе интереснаго сообщить вамъ. Я готовлюсь къ экзамену, и черезъ недѣлю, съ Божьею помощью, я буду военнымъ. Еще—вы слишкомъ придаете значенія невской водѣ, она отличное слабительное, другихъ же качествъ я за нею не знаю. Вѣроятно вы забыли мои былыя любезности, и только доступны для настоящаго и будущаго которое не премнетъ предстать передъ вами. Прощайте, милый другъ, приложите всѣ старанія, чтобы отыскать для меня *будущую* (жену). Надо, чтобы она походила на Дашеньку, но чтобы не имѣла такого же, какъ она, большого живота, ибо тогда не было бы симметріи со мною, какъ вамъ извѣстно, или скорѣе неизвѣстно, потому что я похудѣлъ, какъ спичка. Цѣлую ваши руки. M. Lerma.

P. S. Поклоны мои теткамъ.

---

*) Это письмо—отвѣтъ на письмо Верещагиной отъ 13 октября 1832 г.

XII. КЪ МАРЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ ЛОПУХИНОЙ.

(1832).

Je suis extrêmement faché que la lettre pour ma cousine soit perdue ainsi que la votre pour grand-maman. Ma cousine pense peut-être que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un ni l'autre ne serait juste de sa part, puisque je l'aime beaucoup trop pour m'esquiver par un mensonge et que, à ce que vous pouvez lui attester, je ne suis par paresseux à écrire;—je me justifierai peut-être avec ce même courrier, et si non, je vous prie de le faire pour moi; après demain je tiens examen et suis enterré dans les mathématiques. Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si [illegible]

Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle: moi qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idôle, voilà que je me fais guerrier. Peut-être est-ce le vouloir particulier de la Providence; peut-être ce chemin est-il le plus court: et s'il ne me mène pas à mon premier but, peut-être me mènera-t-il au dernier de tout le monde: mourir une balle de plomb dans le coeur vaut bien une lente agonie de vieillard. Aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par Dieu d'être le premier partout. — Dites, je vous en prie, à Alexis que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas. Il avait il y a longtemps desiré quelque chose de semblable, et je lui envoye la même chose, seulement dix fois mieux. Maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps: dans quelques jours l'examen. Une fois entré, je vous assomme de lettres, et je vous conjure tous et toutes de me riposter. M-lle Sophie m'a promis de m'écrire aussitôt après son arrivée le saint de Voronège lui aurait-il conseillé de m'oublier? Dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles. Que coute une lettre? une demiheure! et elle n'entre pas à l'école des gardes. Vraiment je n'ai que la nuit; vous—c'est autre chose. Il me paraît que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivée à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. Croyez ou non, mais cela est tout-à-fait vrai: je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais

Adieu donc, chère amie, je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir

i i, et entre moi et la chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. Adieu, ne soyez pas plus paresseuse que vous n'avez été jusqu'ici, et je serai content de vous. Maintenant j'aurai besoin de vos lettres plus que jamais enfermé comme serai, cela sera ma plus grande jouissance; cela seul pourra lier mon passé avec mon avenir, qui déjà s'en vont chacun de son côté, en laissant entre eux une barrière de 2 tristes, pénibles années. Prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empêcherez une vie de se démolir; à vous seule je puis dire tout ce que je pense; bien ou mal, ce que j'ai déjà prouvé par ma confession; et vous ne devez pas rester en arrière, vous ne devez pas, car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini — j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours que vont suivre seront vides de sensations...

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надежды
И вдохновеній мирныхъ! Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одежды,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!

Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
— Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

Adieu—mes poclones à tous: adieu, ne m'oubliez [illegible]. — M. Lermantoff.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreïnoff et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère est vrai. Seulement j'ai eu tort en disant qu'il était hypocrite — il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que [illegible]eur.

Переводъ: Я [illegible] тѣмъ, что мое письмо къ кузинѣ затерялось, также какъ и ваше къ бабушкѣ. Кузина, можетъ быть, думаетъ, что я лѣнюсь или лгу, говоря, что писалъ; но думать то или другое было бы несправедливо съ ея стороны, такъ какъ я слишкомъ много люблю ее, чтобъ прибѣгать ко лжи, и вы можете ее увѣрить, что я вовсе не лѣнивъ писать; я оправдаюсь, можетъ быть, даже съ этою почтой; а если нѣтъ, то прошу васъ сдѣлать это за меня; послѣ завтра я держу экзаменъ и весь зарылся въ математикѣ. Попросите ее писать иногда ко мнѣ: ея письма такъ милы. — Не могу представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя важная новость; до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я дѣлаюсь воиномъ. Быть можетъ, тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и, если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть, приведетъ къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди лучше, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія. Итакъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди. — Скажите пожалуйста Алексѣю, что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось чего-нибудь въ такомъ родѣ, и онъ получитъ только вдесятеро лучше. Не пишу къ нему теперь, потому что нѣтъ времени: черезъ нѣсколько дней экзаменъ. Какъ только опредѣлюсь, то закидаю васъ письмами, на которыя заклинаю васъ всѣхъ, и мужчинъ и женщинъ, отвѣчать мнѣ. M-lle Sophie обѣщалась писать тотчасъ по пріѣздѣ: ужь не воронежскій-ли угодникъ присовѣтовалъ ей забыть меня? Скажите ей, что мнѣ хотѣлось бы имѣть извѣстія отъ нея. Чего стоитъ письмо? Полчаса! Она же не посылаетъ въ гвардейскую школу *). Право, у меня въ распоряженіи только ночь. Вы — другое дѣло. Мнѣ кажется, что, если бы я не сообщилъ вамъ какого-нибудь важнаго случая, до меня касающагося, то на половину бы утратилась моя рѣшимость. Вѣрьте-не вѣрьте, а это такъ; не знаю почему, но, получивъ отъ васъ письмо, я не могу удержаться, чтобъ не отвѣчать ту же минуту, какъ-будто я съ вами разговариваю.

Прощайте же, мой милый другъ; не говорю до свиданья, потому что не надѣюсь увидѣть васъ здѣсь; и между мною и милою моей Москвой стоятъ непреодолимыя преграды, и, кажется, судьба съ каждымъ днемъ увеличиваетъ ихъ. Прощайте, пишите по-прежнему, и я буду доволенъ вами. Теперь ваши письма будутъ мнѣ нужнѣе, чѣмъ когда-нибудь; въ моемъ будущемъ заключеніи они доставятъ величайшее наслажденіе; они послужатъ единственною связью между моею прошедшей жизнью и той, которая предстоитъ мнѣ по милованію двухъ печальныхъ, тяжкихъ лѣтъ. Съ вашей стороны будетъ дѣломъ милосердія наполнить этотъ промежутокъ; это будетъ скучно для васъ, но вы спасете мнѣ жизнь. Вамъ однимъ я могу говорить все, что думаю, и хорошее и дурное; я ужь дѣлалъ это моею исповѣдью, и вы не должны отставать, не должны—потому что я требую отъ васъ не любезности, а благодѣянія. Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ, но теперь прошло; все кончилось: я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ, и за тѣмъ пѣть больше мѣста чувствованіямъ... (слѣдуютъ стихи). Прощайте, мои поклоны всѣмъ, не забывайте М. Лермантова.—P. S. Я никогда ничего не писалъ о васъ къ Евреинову. Вы видите, что я говорилъ правду

*) Лермонтовъ опредѣлялся тогда въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ и пробылъ съ 19 ноября 1832 г. по 22 ноября 1834 г.

объ его характерѣ; только я ошибался, называя его притворщикомъ: на это у него не хватаетъ ума, онъ просто лгунъ.

XIII. КЪ НЕЙ ЖЕ.

19 Juin, Pétersbourg. 1833.

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, et je les ai—dévorées. Il y a si longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Hier, c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain (mardi) nous allons au camp pour deux mois. Je vous écris assis sur un banc de l'école, au milieu du bruit, des préparatifs etc... Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre que, n'ayant passé à l'école que deux mois, j'ai subi mon examen pour la 1-ère classe et suis un des premiers... Cela nourrit toujours l'espérence d'une prochaine liberté! — Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange: samedi, avant de me réveiller, je vois en songe que je suis dans votre maison; vous êtes assises sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement que je me brouille avec vous, mais vous, sans répondre, m'avez tendu la main;—le soir on nous laisse partir; j'arrive chez nous et je trouve vos lettres. Cela me frappe! Je voudrais savoir, que faisiez vous ce jour là?..

Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la compagne; j'ai laissé votre lettre à la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signifie la phrase à propos du mariage du prince: удавится или женится! — ma parole d'honneur que je ne me rappelle pas avoir écrit quelque chose de semblable, car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent les promises d'après un registre.

Dites, je vous prie, à ma cousine, que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky est officier des gardes; et tout cela parce que son colonel se marie avec sa soeur!—et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à coeur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps. Eh bien, puisque c'est fini, n'en parlons plus.—Adieu, on me demande car le général est arrivé. Adieu. M. Lerma.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard. J'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi-même, quelle route je vais prendre, celle du vice ou de la sottise. Il est vrai que toutes les deux mènent souvent au même but. Je sais que vous m'exhorterez, que vous essayerez de me consoler—ce serait de trop! Je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! Les termes vous déplaisent, mais hélas: dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es! Je vous crois que mademoiselle S. est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté, d'autant plus si c'est du mal! Que Dieu la bénisse!

Quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire, je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et comme je suis paresseux de nature, ainsi que vous le savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois. Adieu!

Переводъ: Я получилъ два ваши письма, милый другъ, я — проглотилъ ихъ: такъ давно не было отъ васъ извѣстій. Вчера, послѣднее воскресенье, былъ я въ городѣ, потому что завтра (во вторникъ) мы отправляемся на два мѣсяца въ лагерь. Пишу къ вамъ, сидя на классной скамейкѣ; кругомъ меня шумъ, приготовленія и проч... Надѣюсь, вамъ будетъ пріятно узнать, что я, пробывъ въ школѣ всего два мѣсяца, выдержалъ экзаменъ въ первый классъ, и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все-таки питаетъ надежду на приближеніе свободы! Однако, нужно непремѣнно передать вамъ довольно странный случай: въ субботу, передъ тѣмъ какъ проснулся, я вижу во снѣ, будто я у васъ; вы сидите на большомъ диванѣ въ гостиной; я подошелъ и спрашиваю, не хотите-ли вы окончательно, чтобы я съ вами поссорился; а вы, вмѣсто отвѣта, протянули мнѣ руку. — Вечеромъ насъ распустили; прихожу къ нашимъ, и мнѣ подаютъ ваши письма. Это меня поразило! Хотѣлось бы мнѣ знать, что съ вами было въ [illegible] день? — Теперь надо объяснить, почему я адресую это письмо въ Москву, а не въ деревню, и почему ваше письмо дома вмѣстѣ съ адресомъ, и почему не знаютъ, гдѣ я храню ваши письма, то и не могутъ доставить его сюда. — Вы меня спрашиваете, что значитъ фраза по поводу свадьбы князя: «удавится или женится!»—честное слово, не помню, чтобъ я написалъ что-нибудь подобное, потому что я слишкомъ хорошаго мнѣнія о князѣ, и увѣренъ, что онъ не изъ тѣхъ, которые выбираютъ невѣстъ по реестру. — Прошу васъ, скажите кузинѣ, что будущей зимою у нея будетъ любезный и красивый кавалеръ Иванъ Ватковскій, офицеръ гвардіи, потому только, что его полковникъ женится на его сестрѣ! Говорите же послѣ этого, что нѣтъ случайности въ здѣшнемъ мірѣ. — Скажите откровенно, вы на меня нѣсколько [illegible] сердились? А такъ какъ это уже кончилось, то и не будемъ больше говорить объ этомъ. Прощайте, меня зовутъ, потому что пріѣхалъ генералъ. Прощайте. М. Лерма. — Кланяйтесь всѣмъ. Уже поздно. Я улучилъ свободную минуту, чтобъ продолжать письмо. Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ, путемъ-

порока или пошлости. Оно, конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постарастесь утѣшать меня—было бы напрасно! Я счастливѣе чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но увы: скажи, съ кѣмъ ты водишься—и я скажу, кто ты таковъ! Я вѣрю вамъ, что M-lle C. обманщица, потому что я знаю—вы никогда не скажете неправды, особенно же въ чемъ-нибудь дурномъ! Богъ съ нею!.. Не стану говорить о другихъ вещахъ, о которыхъ могъ бы сообщить вамъ; вѣдь одно дѣйствіе важнѣе многихъ словъ; а такъ какъ вамъ извѣстно, что я отъ природы лѣнивъ, то и засыпаю на лаврахъ, кладя трагическій конецъ и моимъ дѣйствіямъ и моимъ словамъ. Прощайте.

XIV. КЪ НЕЙ ЖЕ.

St. Pétersbourg le 4 Août. (1833).

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible. Imaginez-vous une tente, qui a 3 archines en long et en large, et $2^1/_2$ de hauteur, occupée par trois pérsonnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, chacauts etc. etc. Le temps a été horrible; une pluie, qui ne finissait pas, faisait que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits. Et pourtant cette vie ne m'a pas tout-à-fait déplu. Vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant, grâce à Dieu, j'en ai joui complétement. Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommençons nos occupations. La seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier! Et alors, alors... bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mèner!.. Oh, cela sera charmant! D'abord, des bisarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du champagne. Je sais, vous allez vous recrier; mais hélas! le temps de mes rêves est passé; le temps de croire n'est plus; il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achètte avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur, qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive!.. Voilà ce qui m'est nécessaire maintenant et vous vous apercevez, chère amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés. Quand j'ai vu mes beaux rêves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer; j'essayai, j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tâche de se désabituer du vin—mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôt je ne vis dans le passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses. Vous me dites que le prince Troubetskoï et votre soeur son épouse se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre soeur ne parait pas très disposée à la soumission, et il parait que monsieur n'est pas non plus un agneau. Je souhaite que ce calme factice dûre le plus longtemps possible, mais je ne saurai prédire rien de bon. Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez, et c'est très naturel; car maintenant si mes suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui.—Que faites vous à la compagne? vos voisins sont-ils amusants, aimables, nombreux? Voilà des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention sérieuse!

Dans un an, peut-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? me reconnaitrez-vous, et voudrez-vous le faire?—Et moi, quel rôle jouerai-je! sera-ce un moment de plaisir pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et Dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an. — Ma vie jusqu'ici n'a été qu'une suite de désappointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer touts les plaisirs, et sans en avoir joui, j'en suis dégoûté.—Mais ceci est un sujet bien triste que je tacherai de ne pas ramener une autre fois. Lorsque vous serez à Moscou, annoncez le moi, chère amie... je compte sur votre constance; adieu. M. Ler... P. S. Mes compliments à ma cousine, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

Переводъ: Я не писалъ къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли въ лагерь, да и не могъ рѣшительно, при всемъ желаніи. Представьте себѣ нашу палатку, по 3 аршина въ длину и ширину, и въ $2^1/_2$ аршина вышины; въ ней живутъ трое, и тутъ же вся поклажа и доспѣхи, какъ-то: сабли, карабины, кивера и проч. и проч. Погода была ужасная; подъ безконечнымъ дождемъ намъ случалось иногда сутокъ по двое оставаться въ мокромъ платьѣ. Тѣмъ не менѣе, эта жизнь отчасти мнѣ нравилась. Вы знаете, милый другъ, что во мнѣ всегда было явное влеченіе къ дождю и грязи — и тутъ, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь.—Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня ободряетъ — мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхити-

тельно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода, и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но, увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!.. Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы увидите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя мечты мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать, и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны, и вскорѣ прошедшая жизнь представилась мнѣ не болѣе какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій. Но поговоримъ о другомъ. Вы говорите, что князь Т. и ваша сестра, его жена, очень довольны другъ другомъ; я не совсѣмъ вѣрю этому, потому что, кажется, знаю характеръ обоихъ: и ваша сестра не очень способна къ покорности, да и князь также не агнецъ! Желаю, чтобъ это искусственное спокойствіе продолжалось какъ можно долѣе, но я не могъ бы предсказать ничего хорошаго. Не говорю, чтобы у васъ было мало проницательности; скорѣе мнѣ сдается, что вы не хотѣли сказать мнѣ всего, что думали, и очень понятно, потому что теперь, если мои предположенія справедливы, вамъ даже не нужно говорить: да.—Что вы дѣлаете въ деревнѣ? Много-ли у васъ сосѣдей, любезны ли они, забавны ли? Вотъ вамъ вопросы, въ которыхъ, кажется, нельзя видѣть никакого умысла!— Можетъ быть, черезъ годъ я навѣщу васъ. Сколько перемѣнъ я увижу! Узнаете ли вы меня, и захотите ли узнать? А я какую роль буду играть? Пріятно ли будетъ это свиданіе для васъ, или оно смутитъ насъ обоихъ? Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть что еще изъ меня выйдетъ въ продолженіе года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и не пользовался ими. Но это очень грустный предметъ; въ другой разъ постараюсь больше не толковать о немъ. Когда пріѣдете въ Москву, дайте мнѣ знать, милый другъ... Разсчитываю на ваше постоянство. Прощайте. М. Лер. — P. S. Мой поклонъ кузинѣ, если будете писать ей, потому что я самъ очень лѣнивъ на это.

et je ne le voudrais pour rien au monde: car mon avenir, quoique brillant à l'oeil, est vide et plat. Je dois vous avouer, que chaque jour je m'aperçois de plus en plus, que je ne serai jamais bon à rien, aves tous mes beaux rêves et mes mauvais essais dans le chemin de la vie... car ou l'occasiou me manque ou l'audace!... On me dit: l'occasion arrivera un jour; l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!. . Et qui sait, quand tout cela viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que Dieu m'a donnée fort mal à propos, si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?... si enfin je ne serai pas tout-à-fait desabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence.

Je commence ainsi ma lettre par une confession, vraiment sans y penser! Eh bien, qu'elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon carastère est un peu changé, mon coeur ne l'est pas. La vue seule de votre dernière lettre à déjà été pour moi un reproche, bien mérité certainement. Mais que pouvais-je vous écrire? vous parler de moi? Vraiment je suis tellement blasé sur ma personne, que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler où je l'ai lue— et par suite de cela j'en suis venu à ne pas lire, pour ne pas penser!... Je vais dans le monde maintenant... pour me faire connaître, pour prouver, que je suis capable de trouver du plaisir dans la b o n n e s o c i é t é... Ah! je fais la cour, et à la suite d'une déclaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout-à-fait nouveau, du moins cela se voit rarement!... Vous supposerez, qu'on me renvois après cela tout de bon?... Eh bien non, tout au contraire! les femmes sont ainsi faites. Je commence à avoir de l'aplomb avec elles; rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse; je suis toujour empressé et bouillant, aves un coeur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions. N'est-ce pas, j'ai fait du chemin!... Et ne croyez pas, que ce soit une fanfaronnade: je suis maintenant l'homme le plus modeste—et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je le dis, parce que ce n'est qu'avec vous, que j'ose être sincère, ce n'est que vous qui saurez me plaindre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais pas votre générosité et votre bon sens, je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé un chagrin bien vif, peut-êtres, voudrez-vons maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie, qui se glisse dans

XV. КЪ НЕЙ ЖЕ.

S.-Pétersbourg, le 23 Décembre. (1834). *).

Chère amie!—Quoi qu'il arrive, je ne vous nommerai jamais autrememt, car ce serait briser le dernier lien, qui m'attache encore au passé—

*) Прежде это письмо, по неточной помѣтѣ Р. Архива, относили къ 1835 г., но еще съ 20-го декабря 1835 г. Л. уже былъ въ отпуску въ с. Тарханахъ, поэтому не могъ 23 декабря 1834 г. писать изъ Петербурга.

mon âme irrésistiblement, comme l'eau qui entre dans un bâteau brisé! Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien, vraiment on devrait en écrivant mettre des notes audessus des mots; car maintenant lire une lettre c'est comme regarder un portrait: point de vie, point de mouvement; l'expression d'une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!..

J'étais à Царское Село, lorsque Alexis est arrivé. Quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même; riant, me serrant les mains l'une l'autre; je suis retourné en un moment à mes joies passées; j'ai sauté deux années terribles, enfin... Je l'ai trouvé bien changé votre frère, il est gros comme j'étais alors; il est rose, mais toujours sérieux, pausé; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue—et Dieu sait de quoi?

Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre pour m-lle Catherine Souskoff... est-ce que vous le savez? Les oncles de mamselle, auraient bien voulu les marier!.. Dieu presèrve!.. Cette femme est une chauve souris, donc les ailes s'accrochent à tout ce qu'ils rencontrent!—Il y eut un temps où elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chose, dans ses manières, dans sa voix, quelque chose de dur, de saccadé, de brisé, qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettre, de la voir s'embrasser dans ses propres filets.

Ecrivez-moi de grâce, chère amie, maintenant que tous nos différents sont réglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincère, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse-amitié!.. Je voudrais bien vous revoir encore: au fond de ce dessein, pardonnez, il gît une pensée égoïste: c'est que près de vous je me retrouverais moi-même, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de dévouement; riche enfin de tous les biens, que les hommes ne [illegible] ôter et que Dieu m'a ôté, lui!—Adieu, adieu—je voudrais continuer, mais je ne puis. M. Lerma.

P. S. Mes compliments à tous ceux auxquels [illegible]ez convenable de les faire pour moi... adieu encore.

Переводъ. Милый другъ! Что бы ни случилось, я никогда не буду называть васъ иначе; потому что [illegible] мнѣ придется порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, потому что моя будущность, блистательная повидимому, въ сущности—пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и не прекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда-нибудь представится, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!.. А кто порукою, что, когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезчуръ не кстати, что моя воля не истощится отъ такого выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія? Такимъ образомъ, я начинаю письмо исповѣдью, право не думая о томъ вовсе! Пусть же она мнѣ послужитъ извиненіемъ, и по крайней мѣрѣ покажетъ вамъ, что, если характеръ мой нѣсколько [illegible], сердце осталось то же. Послѣднее письмо ваше, лишь только я взглянулъ на него, явилось мнѣ упрекомъ, и, конечно, вполнѣ заслуженнымъ. Но объ чемъ я могу вамъ писать! Говорить о себѣ? Право, я до такой степени избаловался, что, когда на меня находитъ дурь любоваться собственными мыслями, я [illegible] собою усиліе, чтобы припомнить, гдѣ я читалъ ихъ, и отъ [illegible] нарочно ничего не читаю, чтобы не мыслить!.. Я теперь бываю въ свѣтѣ, для того чтобы меня знали, для того чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ хорошемъ обществѣ... [illegible]!.. я волочусь и, вслѣдъ за объясненіемъ въ [illegible], говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня [illegible], и, хотя это не совсѣмъ ново, за то не всѣ [illegible] лаютъ!.. Вы думаете, что за такіе [illegible] нятъ прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ [illegible] ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ, ни гнѣвъ, ни нѣжность, я всегда услужливъ и горячъ, но сердце у меня довольно холодное и способно забиться только въ необыкновенныхъ случаяхъ. Неправда-ли, я проложилъ себѣ дорогу!.. И не думайте, чтобъ это было хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и притомъ мнѣ хорошо извѣстно, что этимъ ничего не возьмешь у васъ. Я говорю такъ, потому что только съ вами рѣшаюсь говорить искренно; потому что только вы одна сумѣете пожалѣть обо мнѣ, не унижая меня, такъ какъ и безъ того я самъ себя унижаю. Если бы я не зналъ вашего великодушія и вашего здраваго смысла, то не сказалъ бы того, что сказалъ. Когда-то вы облегчали мнѣ очень [illegible] горесть; можетъ, и теперь вы [illegible] ласковыми словами отогнать эту холодную иронію, которая неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно! О, какъ желалъ бы я опять васъ увидѣть, съ вами поговорить: мнѣ благотворны [illegible] самые звуки вашихъ словъ. Право, слѣдовало бы въ письмахъ ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо то же, что глядѣть на пороретъ: нѣтъ ни жизни, ни движенія; выраженіе неподвижной мысли; что-то отзывающееся смертью!.. Я былъ въ Царскомъ Селѣ, когда пріѣхалъ Алексисъ. Узнавъ о томъ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости: разговаривалъ съ самимъ собою, смѣялся, потиралъ руки. Въ одну минуту возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ: двухъ страшныхъ годовъ какъ-будто не бывало, наконецъ... На мои глаза, братъ вашъ очень перемѣнился, онъ толстъ, какъ я тогда былъ, у него здоровый цвѣтъ лица, но онъ постоянно задумчивъ и сдержанъ; тѣмъ не менѣе, увидавшись, мы хохотали какъ сумасшедшіе—Богъ вѣсть

[illegible]—Скажите, мнѣ показалось, будто онъ чувствуетъ [illegible] къ m-lle Catherine Souchkoff... извѣстно ли это вамъ?.. Дядямъ дѣвицы, кажется, очень бы хотѣлось ихъ повѣнчать. Сохрани Господи... Это женщина—летучая мышь, которой крылья зацѣпляются за все встрѣчное. Было время, когда она мнѣ нравилась. Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею... но, не знаю, есть что-то такое въ ея манерахъ, въ ея голосѣ грубое, отрывистое, надломленное, отталкивающее васъ; [illegible]раясь ей нравиться, находишь удово[illegible]омпр[illegible]тировать ее, видѣть ее запутавшейся въ собственныхъ сѣтяхъ.—Пишите мнѣ, пожалуйста, [illegible] другъ; теперь всѣ наши недоразумѣнія уладились; вамъ нечего больше пенять на меня: вѣдь я, кажется, былъ достаточно искрененъ и послушенъ въ этомъ письмѣ, чтобы заставить васъ забыть мое преступленіе противъ дружбы!.. Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться; въ сущности, это желаніе эгоистическое, потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого. Сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ, [illegible]рчивымъ, богатымъ любовью и преданностью, [illegible], [illegible], всѣми благами, которыхъ [illegible] могутъ у насъ отнять, и которыя самъ Бо[illegible] у [illegible] отнялъ!—Прощайте, прощайте, хотѣлъ бы [illegible]ть, но не могу. М. Лерма. P. S. Поклонитесь [illegible], кому сочтете нужнымъ... Прощайте еще.

XVI. КЪ АЛ. МИХ. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

(Петербургъ, 1835).

Ma chère cousine!

Je me suis décidé de vous payer une dette que vous n'avez pas eu la bonté de réclamer, et j'espère que cette générosité de ma part touchera votre coeur devenu si dûr pour moi depuis quelque temps; je ne demande en récompense que quelques gouttes d'encre et deux ou trois traits de plume pour m'annoncer que je ne sais pas encore tout à fait banni de votre souvenir;—autrement je serai forcé de chercher des consolations ailleurs (car ici aussi j'ai des cousines),—et la femme la moins aimante (c'est connu) n'aime pas beaucoup qu'on cherche des consolations loin d'elle,—et puis si vous persévérez encore dans votre silence, je puis bientôt arriver à Moscou—et alors ma vengeance n'aura plus de bornes; en fait de guerre (vous savez) on ménage la garnison qui a capitulé, mais la ville prise d'assaut est sans pitié abandonnée à la fureur des vainqueurs.

Après cette bravade à la hussard, je me jette à vos pieds pour implorer ma grâce en attendant que vous le fassiez à mon égard.

Les préliminaires finis, je comence à vous raconter ce qui m'est arrivé pendant ce temps comme on fait en se revoyant après une longue séparation.

Alexis a pû vous dire quelque chose sur ma manière de vivre, mais rien d'intéressant, si ce n'est le commencement de mes amourettes avec M-elle Souchkoff, dont la fin est bien plus intéressante et plus drôle. Si j'ai commencé par lui faire la cour, ce n'était pas un reflet du passé—avant c'était une occasion de m'occuper, et puis lorsque nous fûmes de bonne intelligence, ça devint un calcul: voilà comment:—j'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piedestal: une fortune; un nom; un titre, une faveur... j'ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivalité après.

La demoiselle S:—voulant m'attraper (mot téchnique) j'ai compris qu'elle se comprometterait pour moi facilement; aussi je l'ai compromise autant qu'il était possible sans me compromettre avec, la traitant publiquement comme à moi, lui faisant sentir qu'il n'y a que ce moyen pour me soumettre... Lorsque j'ai vu que ça m'a réussi, mais qu'un pas de plus me perdait, je tente un coup de main. Avant je devins plus froid aux yeux du monde, et plus tendre avec elle, pour faire voir que je ne l'aimais plus et qu'elle m'adore (ce qui est faux au fond); et lorsqu'elle commença à s'en apercevoir et voulut secouer le joug, je l'abandonnai le premier publiquement, je devins dûr et impertinent, je fis la cour à d'autres et leur racontais (en secret) la partie favorable à moi de cette histoire.—Elle fut si confondue de cette conduite inattendue—que d'abord elle ne sût que faire et se résigna ce qui fit parler et me donna l'air d'avoir fait une conquête entière;—puis elle se réveilla—et commença à me gronder partout—mais je l'avais prévenu, et sa haine parut à ses amies (ou ennemies) de l'amour piqué;—puis elle tenta de me ramener par une feinte tristesse et en disant à toutes mes connaissances intimes qu'elle m'aimait—je ne revins pas—et profitais de tout habilement.

Je ne puis vous dire combien tout ça m'a servi—ça serait trop long, et ça regarde des personnes que vous ne connaissez pas. Mais voici la partie plaisante de l'histoire; quand je vis qu'il fallait rompre avec elle aux yeux du monde et pourtant lui paraitre fidèle en tête-à-tête, je trouvai vite un moyen charmant;—j'écrivis une lettre anonyme: „M-elle, je suis un homme qui vous connait et que vous ne connaissez pas. ets... je vous avertis de prendre garde à ce jeune homme: M. L.—il vous séduira—etc—voilà les preuves (des bêtises) etc...“ une lettre sur 4 pages!.. je fis tomber adroitement la lettre dans les mains de la tante: orage et tonnère

dans la maison. Le lendemain j'y vais de grand matin pour que en tout cas je ne sois pas reçu.—Le soir à un bal, je m'en étonne en le racontant à mademoiselle; mad. me dit la nouvelle terrible, et incompréhensible, et nous faisons des conjectures—je mets tout sur le compte d'ennemis secrèts qui n'existent pas:—enfin elle me dit que ses parents lui défendent de parler et danser avec moi,—j'en suis au désespoir, mais je me garde bien d'enfreindre la défense de la tante et des oncles;—ainsi fut menée cette aventure touchante qui certes va vous donner une fort bonne opinion de moi. Au surplus les femmes pardonnent toujours le mal qu'on fait à une femme (maximes de la Rochefoucauld). Maintenant je n'écris pas de romans—j'en fais.

Enfin vous voyez que je me suis bien vengé des larmes que les coquetteries de M-elle S. m'ont fait verser il y a 5 ans. Oh! mais c'est que nos comptes ne sont pas encore règlés! Elle a fait souffrir le coeur d'un enfant, et moi je n'ai fait que torturer l'amour propre d'une vielle coquette, qui peut-être est encore plus... mais néanmoins, ce que je gagne c'est qu'elle m'a servi à quelque chose!—Oh, c'est que je suis bien changé. C'est que je ne sais pas comment ça ce fait, mais chaque jour donne une nouvelle teinte à mon caractère et à ma manière de voir,—ça devait arriver, je le savais toujours... mais je ne croyais pas que cela arrivât si vite. Oh, chère cousine, il faut vous l'avouer, la cause de ce que je ne vous écrivais pas, à vous et à M-elle Marie, c'est la crainte que vous ne remarquiez par mes lettres, que je ne suis presque plus digne de votre amitié... car à vous deux je ne puis pas cacher la vérité; à vous qui avez été les confidentes de mes rêves de jeunesse si beaux—surtout dans le souvenir.—Et pourtant à me voir maintenant, on dirait que je suis rajeuni de 3 ans, tellement j'ai l'air heureux et insouciant, content de moi-même et de l'univers entier; ce contraste entre l'âme et l'exterieur ne vous paraît-il pas étrange?

Je ne saurais vous dire combien le départ de grand maman m'afflige.—La perspective de me voir tout-à-fait seul la première fois de ma vie m'effraie dans toute cette grande ville il ne restera pas un être qui s'intéresse véritablement à moi...

Mais assez parler de ma triste personne—causons de vous et de Moscou. On m'a dit, que vous avez beaucoup embelli, et c'est M-me Ouglitzki qui l'a dit; en ce cas seulement je suis sûr qu'elle n'a pas menti, car elle est trop femme pour cela. Elle dit encore que la femme de son frère est charmante... en ceci je ne la crois pas tout-a-fait, car elle a intérêt de mentir. Ce qui est drôle, c'est qu'elle veut se faire malheureuse à tout prix pour attirer les condoléances de tout le monde,—tandis que je suis sûr qu'il n'y a pas au monde une femme qui soit moins à plaindre... à 32 ans avoir ce caractère d'enfant, et s'imaginer encore faire des passions!... et après cela se plaindre?

Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe *) allait se marier avec M. Bachmétieff. Je ne sais pas si je dois trop lui croire—mais en tout cas, je souhaite à M-elle Barde de vivre en paix conjugale jusqu'au célèbrement de sa noce d'argent,—et même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dégoutée...

Maintenant voici mes nouvelles: Наталья Алексѣевна съ чады и домочадцы s'en va aux pays étrangers!!! pouah!... elle va donner là-bas une fameuse idée de nos dames russes!...

Dites à Alexis que sa passion, M-elle Ladigensky, devient de jour en jour plus formidable!... je lui conseille aussi d'engraisser encore, pour que le contraste ne soit pas si frappant. Je ne sais pas si la manière de vous ennuyer est la meilleure pour obtenir ma grâce: ma huitième page va finir et je craindrais d'en commencer une neuviem... ainsi donc chère et cruelle cousine, adieu, et si vraiment vous m'avez remis dans votre faveur, faites le moi savoir, par une lettre de votre domestique,—car je n'ose pas compter sur un billet de votre main.

Adieu donc, j'ai l'honneur d'être ce qu'on met aubas d'une lettre votre très humble M. Lermantoff.

P. S. Mes respects, je vous prie, à mes tantes, cousines et cousins, et connaissances...

Переводъ: Дорогая кузина! Я рѣшился упхатить вамъ долгъ, который вы имѣли любезность съ меня не гребовать, и потому-то я надѣюсь, что это великодушіе съ моей стороны тронетъ ваше сердце, съ нѣкотораго времени ставшее жестокимъ ко мнѣ. Въ благодарность за это я прошу лишь нѣсколькихъ капель чернилъ и двѣ или три черточки пера, которыя бы извѣстили меня, что я еще не совершенно изгнанъ изъ вашей памяти. Иначе мнѣ придется искать утѣшенія у другихъ (ибо и здѣсь у меня есть кузины), а наименѣе любящая женщина (это извѣстно) не очень-то горитъ, чтобы искали утѣшеній вдали отъ нея. — Затѣмъ, если вы будете еще упорствовать въ своемъ молчаніи, я могу вскорѣ прибыть въ Москву—и тогда ищеніе мое не будетъ имѣть границъ. Дѣйствительно; на войнѣ, вы знаете, щадятъ сдавшійся гарнизонъ, го городъ, взятый приступомъ, безъ сожалѣнія пре-

Послѣ этой гусарской бравады я припадаю къ ва-

*) [illegible] Лопухин[illegible]

нимъ ногамъ, чтобы испросить себѣ прощеніе, въ ожиданіи, что вы мнѣ его дадите.

Окончивъ преліминаріи, я начинаю разсказъ того, что со мною случилось въ это время, какъ дѣлаютъ это при свиданіи, послѣ долгой разлуки.—Алексисъ могъ разсказать вамъ кое-что о моемъ житьѣ-бытьѣ, но ничего интереснаго, если не считать таковымъ начало моихъ приключеній съ m-lle Сушковой, конецъ коихъ несравненно интереснѣе и курьезнѣе *).

Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Въ началѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой нибудь недостатокъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидѣлъ, что, если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой. Я понялъ, что желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего, въ глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоденъ къ ней, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (что, въ сущности, не имѣло мѣста). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе, она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ моимъ близкимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я сознался, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ, все-таки, еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ прекрасное средство—я написалъ анонимное письмо: Mademoiselle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предваряю, берегитесь этого молодого человѣка: М. Л.—онъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разинь и дорь) и т. д. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную повость и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи и, конечно, не беру сторону дядюшекъ и тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма лестное мнѣніе. Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ (правило Ларошфуко). Теперь я не пишу романовъ. Я ихъ пер[illegible]..

Наконецъ вы видите, что я хорошо отомстилъ за слезы, которыя заставило меня проливать 5 лѣтъ тому назадъ кокетство M-elle S. О, наши счеты еще не покончены. Она мучила сердце ребенка, а я только подвергъ пыткѣ самолюбіе старой кокетки, которая можетъ быть еще... но во всякомъ случаѣ я выигралъ то, что она мнѣ поступила. О, я очень измѣнился. Я не знаю какъ это происходитъ, но только каждый день даетъ новый оттѣнокъ моему характеру и взглядамъ—оно должно было такъ совершиться, я это зналъ... но я не ожидалъ, что случится это такъ быстро. О, дорогая кузина, надо вамъ признаться, что причина тому, что не писалъ къ вамъ и m-lle Marie (Марьѣ Алексан. Лопухиной) былъ страхъ, что вы по письмамъ моимъ заключите, что я почти не достоинъ болѣе вашей дружбы, ибо передъ обѣими вами я не могу скрывать истину; передъ вами, которыя были наперсницами юношескихъ моихъ мечтаній, столь прелестныхъ, особенно въ воспоминаніи. И все-таки, если посмотрѣть на меня, покажется, что я помолодѣлъ года на три, до такой степени у меня счастливый и беззаботный видъ, довольнаго собою и всѣмъ міромъ; этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли вамъ страннымъ?—не могу сказать какъ меня опечалилъ отъѣздъ бабушки. Перспектива оставаться одинокимъ первый разъ въ жизни—меня пугаетъ. Во всемъ этомъ большомъ городѣ не останется ни единаго существа, которое бы мною интересовалось...

Но довольно говорить о моей печальной личности—поговоримъ о васъ, о Москвѣ. Мнѣ говорили, что вы очень похорошѣли и сказала это г-жа Углицкая, и только въ этомъ случаѣ, увѣренъ я, она не лгала, ибо она слишкомъ женщина для этого. Она говоритъ также, что жена ея брата прелестна... Въ этомъ отношеніи я ей не вполнѣ довѣряю—ибо она имѣетъ интересъ лгать. Что поистинѣ смѣшно, такъ это ея желаніе выказать себя несчастною, чтобы вызвать общее къ себѣ сочувствіе.—Тогда какъ я увѣренъ, нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы менѣе ея достойна сожалѣнія. Въ 32 года имѣть этотъ дѣтскій характеръ и вообще[illegible] возбуждать страсти![illegible]—Она мнѣ также сообщила, что M-lle Barbe выходитъ замужъ за г. Бахм[illegible]. Не знаю, должень ли я вѣрить ей, [illegible] завидую M-lle Barbe [illegible] и даже болѣе того, если до того вре-

*) Екатерина Александровна Сушкова, впослѣдствіи Хвостова, авторъ записокъ, изданныхъ сначала въ «Вѣстникѣ Европы», потомъ отдѣльно въ С.-Петерб. 1870 г., много говорила о любви къ ней Лермонтова и черныхъ его поступкахъ. Эти свѣдѣнія, принятыя сначала съ довѣріемъ и симпатіей, оказались фантазіею. Послѣдовали опроверженія, и слова двоюродной сестры ея, граф. Ростопчиной, рожд. Сушковой, очень смѣявшейся надъ новою самозванною Лаурою, объявившейся по смерти Ле[illegible]. Приключеніе съ Ек. Ал. Су[illegible] описалъ въ княгинѣ Лиговской, гдѣ она выступаетъ подъ именемъ Негуровой.

мени она не ощутитъ отвращенія. Теперь вамъ мои новости: Наталья Алексѣевна съ чадами и домочадцы ѣдетъ въ чужіе края!!! На! она хорошее дастъ тамъ понятіе о нашихъ русскихъ дамахъ!.. Скажите Алексису, что его пассія, М-lle Ладыженская, съ каждымъ днемъ становится внушительнѣе!.. Я ему тоже совѣтую еще больше пополнѣть, чтобы контрастъ не былъ столь разителенъ. Не знаю, хорошъ-ли способъ надоѣдать вамъ, чтобы получить свое прощеніе. Восьмая страница приходитъ къ концу и я опасаюсь начать девятую... И такъ, дорогая и жестокая кузина, прощайте, и если точно вы возвратили мнѣ свое расположеніе, дайте мнѣ знать о томъ письмомъ отъ вашего лакея — ибо не смѣю разсчитывать на собственноручную вашу записку. Имѣю честь быть тѣмъ, что помѣчаю въ концѣ письма—вашимъ покорнымъ М. Лермонтовымъ. P. S. Мои поклоны теткамъ, кузинамъ и кузенамъ да знакомымъ.

XVII. КЪ С. А. РАЕВСКОМУ.

Тарханы, 16-го января (1836) *).

Любезный Святославъ! Мнѣ очень жаль, что ты до сихъ поръ лѣнишься меня увѣдомить о томъ, что ты дѣлаешь и что дѣлается въ Петербургѣ. Я теперь живу въ Тарханахъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ (вотъ тебѣ адресъ на случай, что ты его не знаешь), у бабушки; слушаю, какъ подъ окномъ воетъ метель (здѣсь все время ужасные снѣга, въ сажень глубины, лошади вязнутъ и....., и сосѣди оставляютъ другъ друга въ покоѣ, что, въ скобкахъ, весьма пріятно), ѣмъ за десятерыхъ,... не могу, потому что....., пишу четвертый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ. — О Москва, Москва, столица нашихъ предковъ, златоглавая царица Россіи великой, малой, бѣлой, черной, красной, всѣхъ цвѣтовъ, Москва,....., преподло со мною поступила. Надо тебѣ объяснить сначала, что я влюбленъ. И чтожъ я этимъ выигралъ? — Одни..... Правда, сердце мое осталось покорно разсудку, но въ другомъ не менѣе важномъ..... происходитъ гибельное возстаніе. Теперь ты ясно видишь мое несчастное положеніе и какъ другъ, вѣрно, пожалѣешь, а, можетъ быть, и позавидуешь, ибо все то хорошо, чего у насъ нѣтъ, отъ этого, вѣрно, и..... намъ нравится. Вотъ самая деревенская философія!

Я опасаюсь, что моего Арбенина снова не пропустили **), и этой мысли подало поводъ твое молчаніе. Но объ этомъ будетъ!

Также я боюсь, что лошадей моихъ не продали и что они тебя затрудняютъ. Если бы ты объ этомъ раньше написалъ, то я бы прислалъ денегъ для прокормленія ихъ и людей, и потомъ, если онѣ не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намѣреваюсь. Пожалуйста, отвѣчай, какъ получишь.

Объявляю тебѣ еще новость: лѣтомъ бабушка переѣзжаетъ жить въ Петербургъ, т.-е. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я ее уговорилъ, потому что она совсѣмъ истерзалась, а денегъ же теперь много, но я тебѣ объявляю, что мы все-таки не разстанемся.

Я тебѣ не описываю своего похожденія въ Москвѣ въ наказаніе за твою излишнюю скромность,—и хорошо, что вспомнилъ объ наказаніи—сейчасъ кончу письмо (ты видишь изъ этого, какъ я еще добръ и великодушенъ). М. Лермонтовъ.

XVIII. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

(Царское Село. Мартъ или апрѣль 1836 г. *).

Милая бабушка, на-дняхъ Марья Акимовна **) уѣхала. Я узналъ объ ея отъѣздѣ въ Царскомъ—пріѣхалъ въ городъ на одинъ вечеръ, былъ у нея, но не засталъ, и потому не писалъ съ нею. Вы, вѣрно, получите мое письмо прежде ея пріѣзда, то и не будете безпокоиться, что я съ нею не пишу къ вамъ.

Я на-дняхъ купилъ лошадь у генерала. Прошу васъ, если есть деньги, прислать мнѣ 1580 рублей; лошадь славная и стоитъ больше, а цѣна эта не велика.

На счетъ квартиры я еще не рѣшился, но есть нѣсколько на примѣтѣ; въ началѣ мая онѣ будутъ дешевле по причинѣ отъѣзда многихъ на дачу. — Я вамъ, кажется, писалъ, что Лизавета Аркадьевна ***) ѣдетъ нынче весной съ Натальей Алексѣевной въ чужіе краи на годъ; теперь это мода, какъ было нѣкогда въ Англіи; въ Москвѣ около двадцати семействъ собираются на будущій годъ въ чужіе краи. Пожалуста, бабушка, не мѣшкайте отъѣздомъ: вы, я думаю, получили письмо мое, съ которымъ я послалъ письмо Григорья Васильевича—пожалуста, объясните мнѣ, что мнѣ лучше ему писать.

---

*) Лермонтовъ былъ въ отпуску, у бабушки въ [illegible], съ 20 декабря 1835 г. по 14 марта 1836 г.

**) [illegible] второй передѣлкѣ «Маскарада».

*) Письмо, вѣроятно, писано по возвращеніи изъ отпуска, окончившагося 14 марта.

**) Шанъ-Гирей, дочь родной сестры бабушки поэта - Екатерины Алексѣевны.

***) Дочь Аркадія Алексѣевича Столыпина, брата бабушки Лермонтова.

Прощайте, милая бабушка, прошу вашего благословенія, цѣлую ваши ручки и остаюсь покорный внукъ М. Лермонтовъ.

XIX. КЪ С. А. РАЕВСКОМУ.

(С.-Петербургъ, начало марта, 1837) *).

Милый мой другъ Раевскій.

Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаянія, когда я узналъ, что я виной твоего несчастія, что ты, желая мнѣ же добра, за эту записку пострадаешь. Дубельтъ говоритъ, что Клейнмихель тоже виноватъ... Я сначала не говорилъ про тебя, но потомъ меня допрашивали отъ Государя: сказали, что тебѣ ничего не будетъ, и что если я запрусь, то меня въ солдаты... Я вспомнилъ бабушку... и не смогъ. Я тебя принесъ въ жертву ей... Что во мнѣ происходило въ эту минуту, не могу сказать—но я увѣренъ, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойнымъ своей дружбы... Кто-бъ могъ ожидать!.. Я къ тебѣ заѣду непремѣнно. Сожги эту записку. Твой—M. L.

XX. КЪ НЕМУ ЖЕ.

(С.-Петербургъ. Мартъ, 1837).

Любезный другъ.

Я видѣлъ нынче Краевскаго; онъ былъ у меня и разсказывалъ мнѣ, что знаетъ про твое дѣло. Будь увѣренъ, что все, что бабушка можетъ, она сдѣлаетъ... Я теперь почти здоровъ—нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будетъ съ твоей хандрой? Еслибъ я могъ только съ тобой видѣться. Какъ только позволятъ мнѣ выѣзжать, то вторично приступлю къ коменданту. Авось позволитъ проститься.—Прощай, твой навѣки M. L.

XXI. КЪ НЕМУ ЖЕ.

(Мартъ или апрѣль, 1837).

Любезный другъ Святославъ! Ты не можешь вообразить, какъ ты меня обрадовалъ своимъ письмомъ. У меня было на совѣсти твое несчастье, меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай Богъ, чтобъ твои надежды сбылись. Бабушка хлопочетъ у Дубельта и Аоанасій Алексѣевичъ также. Что до меня касается, то я заказалъ обмундировку и скоро ѣду. Мнѣ комендантъ, я думаю, позволитъ съ тобой видѣться — иначе же я и такъ пріѣду. Сегодня мнѣ прислали сказать, чтобъ я не выѣзжалъ, пока не явлюсь къ Клейнмихелю, ибо онъ теперь и мой начальникъ,..... Я сегодня былъ у Аоанасья Алексѣевича и онъ меня просилъ не рисковать безъ позволенія коменданта—и самъ хочетъ просить объ этомъ. Если не позволятъ, то я все пріѣду. Что Краевскій, на меня пеняетъ за то, что и ты пострадалъ за меня? — Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и, если бы это не было очень лестно, то, право, меня бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду къ тебѣ писать про страну чудесъ — востокъ. Меня утѣшаютъ слова Наполеона: le grands noms se font à l'Orient. Видишь: все глупости. Прощай, твой навсегда M. Lermontoff.

XXII. КЪ М. А. ЛОПУХИНОЙ.

31 мая (1837), съ Кавказа.

Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie, ainsi qu'à madame votre soeur les souliers circassiens, que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver. Je suis maintenant aux eaux, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait. Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe, à vos trousses, elle vous atrapera peut-être à Londres, à Paris, à Naples, que sais-je,—et toujour d ns des endroits, où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi Dieu la garde et moi aussi! J'ai ici un logement fort agréable; chaque matin je vois de ma fenêtre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore au moment, où j'écris cette lettre, je m'arrête quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants; tant ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances, je tache de n'en pas faire du tout; je vois chaque jour sur la montagne, ce qui seul à rendu la force à mes pieds; aussi je ne fais

*) Раевскій, за распространеніе стиховъ Лермонтова на смерть Пушкина, содержался в крѣпости подъ арестомъ, съ 26 февраля по 29 марта 1837 г., а Лермонтовъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ 27 февраля 1838 г.

que marcher; ni la chaleur, ni la pluie ne m'arrêtent... Voisi à peu près mon genre de vie, chère amie; ce n'est pas fort beau, mais... dès que je serai guéri, j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens, quand l'empereur sera ici.

Adieu, chère; je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris, et à Berlin. Alexis a-t-il reçu sa permission; embrassez le de ma part. Adieu. Tout à vous M. Lermontoff.

P. S. De grâce écrivez-moi et dites, si les souliers vous ont plu.

Переводъ. Исполняю въ точности мое обѣщаніе и посылаю черкесскіе башмаки вамъ, милый и дорогой другъ мой, а также сестрѣ вашей; ихъ шесть паръ, стало-быть, дѣлежъ можно будетъ сдѣлать мирный; купилъ ихъ, какъ только отыскалъ. Я теперь на водахъ, пью и купаюсь, словомъ, по образу жизни, сталъ похожъ на утку. Дай Богъ, чтобы письмо мое застало васъ еще въ Москвѣ, потому что, если оно будетъ путешествовать по Европѣ по вашимъ слѣдамъ, то, можетъ быть, вы получите его въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ, во всякомъ случаѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно вовсе не будетъ для васъ интересно, а этого избави Боже! — У меня здѣсь очень хорошее помѣщеніе; каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; хотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надъюсь порядкомъ поскучать, покуда останусь на водахъ, и, хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно таскаюсь по горамъ, и ужь отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; постоянно хожу; ни жаръ, ни дождь меня не останавливаютъ... Вотъ вамъ и описаніе моей жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но... когда я выздоровѣю, и когда здѣсь будетъ государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ.—Прощайте, милая; желаю вамъ веселиться въ Парижѣ и Берлинѣ. Alexis получилъ-ли отпускъ? поцѣлуйте его за меня. Прощайте, весь вашъ М. Лермонтовъ. P. S. Пожалуйста пишите мнѣ и скажите, понравились-ли вамъ башмаки.

XXIII. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

18 іюля (1837)

Милая бабушка, пишу къ вамъ по тяжелой почтѣ, потому что третьяго дня по экстра-почтѣ не успѣлъ, ибо ѣздилъ на желѣзныя воды и, виноватъ, совсѣмъ забылъ, что тамъ письма не принимаютъ; боюсь, чтобы вы не стали безпокоиться, что одну почту нѣтъ письма. Эскадронъ нашего полка, къ которому баронъ Розенъ велѣлъ меня причислить, будетъ находиться въ Анапѣ на берегу Чернаго моря при встрѣчѣ государя *), тутъ же, гдѣ отрядъ Вельяминова, и, слѣдовательно, я съ водъ не поѣду въ Грузію. Итакъ, прошу васъ, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова, и напишите къ нему: онъ обѣщался мнѣ доставлять ихъ туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщеніе сюда очень трудно, и почта не ходитъ, а денежки съ нарочными отправляютъ. Отъ Алексѣя Аркадьевича *) я получилъ извѣстія; онъ здоровъ, и нѣкоторые офицеры, которые оттуда сюда пріѣхали, мнѣ говорили, что его можно считать лучшимъ офицеромъ изъ гвардейскихъ, присланныхъ на Кавказъ. То, что вы мнѣ пишите объ Гвоздевѣ, меня не очень удивило; я, уѣзжая, ему предсказывалъ, что онъ будетъ юнкеромъ у меня во взводѣ; а впрочемъ, жаль его.

Здѣсь погода ужасная: дожди, вѣтры, туманы; ноль хуже петербургскаго сентября, такъ что я остановился брать ванны и пить воды до хорошихъ дней. Впрочемъ, я думаю, что возобновлю, потому что здоровъ какъ нельзя лучше.

Для отправленія въ отрядъ мнѣ надо будетъ сдѣлать много покупокъ, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича. Пожалуйста, пришлите мнѣ денегъ, милая бабушка; на прожитье здѣсь мнѣ достанетъ, а если вы пришлете поздно, то въ Анапу трудно доставить.

Прощайте, милая бабушка, цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь вашъ вѣчно привязанный къ вамъ и покорный внукъ Михаилъ.

Пуще всего, не безпокойтесь обо мнѣ; Богъ дастъ, мы скоро увидимся

*) Въ Анапѣ императоръ Николай Павловичъ былъ 22 сентября 1837 г.

XXIV. КЪ С. А. РАЕВСКОМУ.

Пятигорскъ, осенью 1837.

Любезный другъ Святославъ!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почтѣ, либо твои ко мнѣ не дошли, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я о тебѣ знаю только изъ писемъ бабушки.

Наконецъ меня перевели обратно въ гвардію, но только въ Гродненскій полкъ, и если бы не бабушка, то, по совѣсти сказать, я бы охотно остался здѣсь, потому что врядъ-ли Поселеніе **) веселѣе Грузіи.

*) Столыпинъ, князь поэта.

**) Военныя поселенія близъ Новгорода, гдѣ стоялъ Гродненскій гусарскій полкъ.

Съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь-ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чуреkъ, пилъ кахетинское даже...

Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить — въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, за то веду жизнь примѣрную; пью вино только когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну, то, пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь...—Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣту; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, ибо Государь вынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два, три выстрѣла; за то два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался; разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы: я, одинъ офицеръ нашего полка и Черкесъ (мирный, разумѣется), — и чуть не попались шайкѣ Лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани! — Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ — бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ — ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь.

Началъ учиться по-татарски, языкъ, который здѣсь, и вообще въ Азіи, необходимъ, какъ французскій въ Европѣ, — да жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.

Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой, а, право, я расположенъ къ этому роду жизни. Если тебѣ вздумается отвѣчать мнѣ, то пиши въ Петербургъ; увы, не въ Царское Село; скучно ѣхать въ новый полкъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серіозно думаю выйти въ отставку.

Прощай, любезный другъ, не позабудь меня, и вѣрь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты черезъ меня пострадалъ.

Вѣчно тебѣ преданный

М. Лермонтовъ.

XXV. КЪ М. А. ЛОПУХИНОЙ.

Pétersbourg 15 Février (1838).

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod. J'attendais jusqu'à présent, qu'il m'arrivat quelque chose d'agréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu, et je me décide à vous écrire, que je m'ennuie à la mort. Les premiers jours de mon arrivée, à me faire voir: des presentations, des visites de ceremonie— vous savez; puis je suis allé chaque jour au spectacle; il est fort bien, c'est vrai mais j'en suis déjà degoûté. Et puis on me persécute, tous les chers parents! on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs, qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. Enfin je suis passablement découragé et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite pour aller n'importe où, que ce soit au régiment, ou au diable; j'aurai au moins alors prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce c'est pas très joli de votre part, que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire: on dirait, que vous faites la fière; pour Alexis cela ne m'étonne pas, car il va se marier un des ces jours-ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son coeur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou; mais peut-être a-t il oublié mon adresse, aussi je lui en envoie deux.

1. Въ С.-Петерб. у Пантелеймоновскаго моста, на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, въ домѣ Венецкой.

2. Въ Новгородскую губернію, въ первый округъ военныхъ поселеній, въ штабъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà a composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de com

mérages dans la maison; j'y ai mis de l'ordre autant que possible, quand on à affaire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre raison: pardonnez-moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hélas! si je vous le dis, c'est aussi une preuve que je vous crois une exception. Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des histoires, des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions; c'est quelque chose d'odieux pour moi surtout, qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare ou très peu causante (celle des géorgiennes par ex., car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien).

Je vous prie, chère Marie, écrivez-moi un peu, sacrifiez-vous — écrivez-moi toujours et ne faites pas de ces petites cérémonies — vous devez être audessus de cela! Car enfin, si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire — deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky et lui ai porté Тамбовскую Казначейшу, qu'il m'avait demandé et qu'il porta à Wiasemsky pour lire ensemle; cela leur a beaucoup plu — et cela sera inséré au prochain numero du Современникъ.

Grand-maman espère, que je serai bientôt passé au hussards de Царское Село, mais c'est parce qu'on le lui a fait espérer, Dieu sait avec quel motif, et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé; quant à moi je n'espère rien du tout.

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers, que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, mais cela ne prouve rien du tout. — Молитва странника. Я, Матерь Божія, пишѣ съ молитвою и т. д. Adieu, chère amie; embrassez Alexis et dites lui que c'est une honte et dites le aussi à mademoiselle Marie Lapoukhin. Lerma.

Переводъ. Пишу къ вамъ, милый другъ, наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ. Я все поджидалъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобъ увѣдомить васъ о томъ; но ничего такого не случилось и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ скучно до смерти. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты—вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда; но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ было бы и можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь ужъ тамъ не [illegible]ць, я таки упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту; тогда по крайней мѣрѣ былъ бы предлогъ къ сѣтованію а это все же было бы утѣшеніемъ. — Съ вашей стороны вовсе не любезно, что вы всегда ожидаете моего письма, чтобъ писать ко мнѣ; можно подумать, что вы вздумали чваниться. Отъ Алексиса это не удивительно, потому что онъ на-дняхъ, какъ говорятъ здѣсь, женится на какой-то богатой купчихѣ, естественно, что мнѣ нѣтъ надежды занимать въ его сердцѣ такое же мѣсто, какое онъ отводитъ толстой оптовой торговкѣ. Онъ обѣщался писать мнѣ черезъ два дня послѣ моего отъѣзда изъ Москвы; но, можетъ-быть, забылъ мой адресъ, вотъ два (слѣдуютъ адресы). Если послѣ этого онъ мнѣ не напишетъ, то я прокляну его толстую оптовую купчиху; я ужъ собираюсь составить формулу моего проклятія. Боже! какъ затруднительно имѣть друзей, которые готовятся къ женитьбѣ.—Пріѣхавши сюда, я нашелъ цѣлый хаосъ сплетней; стараніями моими возстановленъ порядокъ, какой возможенъ между тремя или четырьмя женщинами, у которыхъ въ головѣ безтолочь; простите, что я такъ отзываюсь о вашемъ прекрасномъ полѣ; но, ахъ, вѣдь если я вамъ это говорю, это вамъ еще доказательство, что я васъ считаю исключеніемъ. Возвращаясь домой, я всякій разъ слышу только исторіи, исторіи, жалобы, упреки, подозрѣнія, заключенія; это просто несносно, особенно для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ женщины рѣдко бываютъ въ обществѣ и вовсе неразговорчивы (въ особенности грузинки: онѣ не знаютъ по-русски, а я по-грузински).—Прошу васъ, милая Marie, пишите мнѣ немножко, пожертвуйте собою; пишите мнѣ всегда и не соблюдайте мелочныхъ церемоній; вамъ надо быть выше ихъ! Вѣдь если иногда я медлю отвѣтомъ, это, право, значитъ, что или нечего сказать вамъ, или у меня много дѣла — оба случая извинительны. — Я былъ у Жуковскаго и, по его желанію отнесъ ему Тамбовскую Казначейшу. Онъ читалъ ее съ Вяземскимъ, и она имъ понравилась: ее напечатаютъ въ ближайшей книжкѣ Современника.—Бабушка надѣется, что меня скоро переведутъ въ гусары въ Царское Село; ей это обѣщали, Богъ знаетъ зачѣмъ, оттого она не соглашается, чтобъ я вышелъ въ отставку; что до меня, то я ровно ни на что не надѣюсь. — Въ заключеніе этого письма посылаю вамъ стихи, которые попались мнѣ въ моихъ дорожныхъ бумагахъ; они мнѣ довольно нравятся именно потому, что я ихъ забылъ; но это ровно ничего не доказываетъ (слѣдуютъ стихи). Прощайте, милый другъ; поцѣлуйте Алексиса и скажите, что ему стыдно; тоже скажите m-lle Маріи Лопухиной. Лерма.

XXVI. КЪ С. А. РАЕВСКОМУ.

Іюня 8 дня (1838).

Любезный другъ Святославъ.

Твое послѣднее письмо огорчило меня: ты самъ знаешь почему; но я тебя отъ души прощаю, зная твои разстроенные нервы. Какъ могъ ты думать, чтобъ я шутилъ твоимъ спокойствіемъ или говорилъ такія вещи, чтобы отвязаться. Главное то, что я совѣмъ этого не говорилъ или пусть говорилъ, да не про то. Я сказалъ, что отзывъ непокоренъ къ начальству повредитъ тебѣ тогда, когда ты еще здѣсь

сидѣлъ подъ арестомъ и что безъ этого ты, можетъ быть, остался бы здѣсь.

Я слышалъ здѣсь, что ты просился къ водамъ, и что просьба препровождена къ военному министру; но резолюціи не знаю; если ты поѣдешь, то, пожалуйста, напиши куда и когда. Я здѣсь попрежнему скучаю; какъ быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю покойная, потому что ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но неудачно.

Романъ *), который мы съ тобой начали, затянулся и врядъ-ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ отступить отъ истины.

Если ты поѣдешь на Кавказъ, то это, я увѣренъ, принесетъ тебѣ много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтомъ, а не экономо-политическимъ мечтателемъ, что для души и для тѣла здоровѣе. Не знаю какъ у васъ, а здѣсь мнѣ послѣ Кавказа все холодно, когда другимъ жарко, а ужъ здоровѣе того, какъ я теперь, кажется, быть невозможно. О Юрьевѣ **) скажу тебѣ: вообрази, влюбился въ актрису, вышелъ въ отставку, живетъ у Балабина, табакъ и чай ужъ въ долгъ не даютъ и 30,000 долгу, и вонъ изъ города не выпускаютъ,—видишь: у всякаго свои несчастія.

Прощай, любезный другъ, и прошу тебя, будь увѣренъ во мнѣ и думай, что я никогда не скажу и не сдѣлаю ничего тебѣ огорчительнаго. Прощай, милый другъ; бабушка также къ тебѣ пишетъ.—М. Лермонтовъ.

XXVII. КЪ М. А. ЛОПУХИНОЙ.

(1839).

Il y a longtemps, chère et bonne amie, que je ne vous ai écrit et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chère personne et de toutes votres; aussi j'ai l'espérance que votre reponse à cette lettre ne se fera pas longtemps attendre; il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous, mais vous vous tromperez. Je sais, que vous êtes persuadée, que vos lettres me font un grand plaisir, puisque vous employez le silence comme punition, mais je ne mérite pas cette punition, car j'ai constamment pensé à vous; preuve, j'ai demandé un semestre d'un an — refusé, de 28 jours — refusé, de 14 jours — le grand duc a refusé de même. Tout ce temps j'ai été dans l'espérance de vous voir. Je ferai encore une tentative — Dieu veuille, qu'elle réussisse. Il faut vous dire, que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez, quand vous saurez, que je vais chaque jour au bal: je suis lancé dans le grand-monde. Pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'arrachait. C'est franc au moins. Tout ce monde que j'ai injurié dans mes vers se plait à m'entourer de flatteries, les plus jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent, comme d'un triomphe. Néanmoins je m'ennuie.—J'ai demandé d'aller au Caucase—refusé; on ne veut pas même me laisser tuer! — Peut-être, chère amie, ces plaintes ne vous paraitront-elles pas de bonne fois; peut-être vous paraitra-t-il étrange, qu'on cherche les plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons, quand on n'y trouve rien d'intéressant? Eh bien, je vous dirai mon motif. Vous savez que mon plus grand défaut c'est la vanité et l'amour propre: il fut un temps où j'ai cherché á être admis dans cette société, comme novice; je n'y suis pas parvenu, les portes aristocratiques se sont fermées pour moi; et maintenant j'entre dans cette même société non plus en solliciteur, mais en homme, qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité, on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes, qui tiennent a avoir un salon remarquable, veulent m'avoir, car je suis aussi un lion—oui, moi, votre Michel, bon garçon, au quel vous n'avez jamais cru une crinière. Convenez que tout cela peut enivrer; heureusement ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver cela par trop insupportable. Mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien, en ce qu'elle m'a donnée des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies (ce qui arrivera), j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses et de ridicules. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que cela soit, et puis avec vous je parle comme avec ma conscience, — et puis c'est si doux de rire sous cape des choses briguées et enviées par les sots, avec quelqu'un, qui, on le sait, est toujours prêt à partager vos sentiments. C'est de vous, que je parle, chère amie, je vous le répéte, car ce passage est tant soit peu obscur.

Mais vous m'ecrirez, n'est ce pas? Je suis sur,

*) С. А. Раевскій, сообщая письма эти С. А. Элпись, говорилъ, что романъ, о которомъ идетъ рѣчь, описывалъ Печорина, но что это не то, что вышло потомъ подъ названіемъ „Героя нашего времени". Дѣйствительно, романъ этотъ „Княгиня Лиговская".

**) Юрьевъ, Николай—родственникъ и товарищъ Лермонтова.

que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave. Etes-vous malade? y-a-t-il quelqu' un de malade dans la famille? Je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine prochaine j'attend votre réponse qui, j'espère, sera non moins longue que ma lettre et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage.

Adieu, chère amie, peut-être, si Dieu veut me recompenser, je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle.

Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié! Tout à vous M. Lermontoff.

Переводъ. Ужъ давно я не писалъ къ вамъ, милый другъ, и не получалъ извѣстія ни объ вашей особѣ, ни обо всѣхъ вашихъ. И такъ надѣюсь, что поэтому вы не замедлите отвѣтомъ на это письмо (фраза пошлая, скажете вы, но вы ошибетесь. Вѣдь вы убѣждены, что письма ваши доставляютъ мнѣ великое удовольствіе; оттого-то вы и употребляете молчаніе вмѣсто наказанія; но я не заслуживаю, потому что постоянно объ васъ думалъ. Вотъ доказательства: я просился въ полугодовой отпускъ — мнѣ отказали; на двадцать восемь дней—отказали, на четырнадцать дней—великій князь опять отказалъ. Все это время я надѣялся васъ видѣть. Попытаюсь еще разъ; дай Богъ, чтобъ удалось.—Надо вамъ сказать, что я несчастнѣйшій человѣкъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе нѣсяца на меня была мода, меня искали наперерывъ. Это, по крайней мѣрѣ, искренно. Весь народъ, который я оскорбилъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются. Тѣмъ не менѣе, мнѣ скучно. Я просился на Кавказъ—отказъ: не хотятъ даже допустить, чтобы меня убили. Можетъ быть, эти жалобы покажутся вамъ не искренними. Можетъ-быть, вы найдете страннымъ, искать удовольствій и скучать ими. Ѣздить по гостиннымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденія. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ — суетность и самолюбіе; было время, когда я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество аристократическія двери были для меня заперты: теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человѣкомъ, взявшимъ съ боя свои права. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы, съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже левъ; да, я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь что все это можетъ опьянять: но, къ счастью, меня выручаетъ природная моя лѣность, и мало-по-малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна тѣмъ, что она мнѣ дала оружіе противъ этого общества, и если оно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами (что непремѣнно случится), то у меня будетъ въ запасѣ средство для отмщенія; вѣдь нигдѣ не встрѣчается столько низостей и достойнаго смѣха, какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня сочтутъ чрезвычайно смѣшнымъ человѣкомъ; съ вами я говорю, какъ съ своею совѣстью. Оно же очень пріятно исподтишка смѣяться съ человѣкомъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ. Я говорю о васъ, милый другъ! Я вамъ повторяю это, ибо это мѣсто немного непонятно. Вы мнѣ напишите, не правда-ли? Вы мнѣ не писали вѣрно по какой-нибудь важной причинѣ. Здоровы-ли вы? нѣтъ ли у васъ больныхъ въ домѣ? Боюсь, мнѣ что-то такое говорили. На слѣдующей недѣлѣ жду вашего отвѣта и надѣюсь, что онъ будетъ не короче моего письма, и ужь навѣрно лучше написанъ. Боюсь, что не разберете моего маранья. Прощайте, милый другъ; можетъ-быть, если Богу угодно будетъ наградить меня, я получу полугодовой отпускъ, и тогда во всякомъ случаѣ дождусь положительнаго отвѣта. Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Весь вашъ М. Лермонтовъ.

XXVIII. КЪ АЛЕКСѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛОПУХИНУ

(С.-Петербургъ. Февраль или мартъ 1839 г.)

Милый Алексѣй.

Я былъ боленъ и оттого долго не отвѣчалъ и не поздравлялъ тебя, но вѣрь мнѣ, что я искренно радуюсь твоему счастію и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты пашелъ, кажется, именно ту узкую дорожку, черезъ которую я перепрыгнулъ и отправился цѣликомъ (и прошелъ ее всю). Ты дошелъ до цѣли, а я никогда не дойду: засяду гдѣ-нибудь въ ямѣ и поминай какъ звали—да еще будутъ ли поминать? Я похожъ на человѣка, который хотѣлъ отвѣдать отъ всѣхъ блюдъ разомъ, сытымъ не наѣлся, а получилъ индижестію, которая вдобавокъ, къ несчастію, разрѣшается стихами. Кстати о стихахъ: я исполнилъ обѣщаніе и написалъ ихъ твоему наслѣднику, они самые нравоучительные «à l'usage des enfants».

(Слѣдуютъ стихи: «Ребенка милаго рожденье»).

Je désire, que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sijet.—Увы! каламбуръ лучше стиховъ! Ну да все равно! Если онъ вышелъ изъ пустой головы, то, по крайней мѣрѣ, стихи изъ полнаго сердца. Тотъ, кто играетъ словами, не всегда играетъ чувствомъ, а ты можешь быть увѣренъ, дорогой Алексѣй, что я такъ радъ за тебя, что завтра же начну сочинять новую ар(ію) для твоего маленькаго крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый другъ, что у васъ дѣлается: я три раза зимой просился въ отпускъ въ Москву къ вамъ, хотя на четырнадцать дней—не пустили! Что, братъ, дѣлать! Вышелъ бы въ отставку, да бабушка не хо-

четъ—надо же ей чѣмъ-нибудь пожертвовать. Признаться тебѣ, я съ нѣкотораго времени ужасно упалъ духомъ... *)

XXIX. КЪ О. И. ОПОЧИНИНУ.

(1840. Апрѣля 3).

O! cher et aimable M-r Opotchinine! Et hier soir en revenant de chez vous, on m'a annoncé une nouvelle fatale avec tous les ménagements possibles, et à l'heure, au moment où vous lisez ce billet, je ne serai plus . . . . . (tournez) à Petersbourg. Car je monte la garde. Et or (style biblique et naïf) croyez à mes regrets sincères de ne pouvoir venir vous voir.

Et tout à vous Lermontoff.

Переводъ: О, дорогой и любезный Опочининъ! Вчера вечеромъ, когда я возвратился отъ васъ, мнѣ сообщили роковое извѣстіе со всѣми возможными предосторожностями. И въ тотъ часъ, въ то мгновеніе, когда вы будете читать эту записку, я больше не буду существовать . . . . . (переверните!) въ Петербургѣ, ибо я долженъ занять караулъ. Потолику же (слогъ библейскій и наивный) вѣруйте въ искренность моего сожалѣнія о томъ, что не могу болѣе прійти къ вамъ.

XXX. КЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРУ ПЛАУТИНУ.

Въ концѣ февраля 1840 года.

Ваше превосходительство, милостивый государь! Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельства поединка моего съ господиномъ Барантомъ, честь имѣю донести вашему превосходительству, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ Барантъ сталъ требовать у меня объясненія на счетъ будто мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему переданное несправедливо; но, такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ я возразилъ такою же колкостью, на что онъ сказалъ, что еслибъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. Онъ меня вызвалъ, условились и разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. Его секундантомъ былъ французъ, котораго имени я не помню и котораго никогда до сего не видѣлъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были также пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, а онъ слегка оцарапалъ (мнѣ) грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку, и мы разошлись. Вотъ, ваше превосходительство, подробный отчетъ всего случившагося между нами. Съ истинною преданностью честь имѣю пребыть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Михайла Лермантовъ

XXXI. ПИСЬМО КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ.

(1840)

Ваше Императорское Высочество! Признавая въ полной мѣрѣ вину мою и съ благоговѣніемъ покорялся наказанію, возложенному на меня Его Императорскимъ Величествомъ, я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною службой загладить мой проступокъ, но получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, что на мнѣ лежитъ еще обвиненіе въ ложномъ показаніи, самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ, дорожащій своей честью.

Графъ Бенкендорфъ предлагалъ мнѣ написать письмо къ Баранту, въ которомъ бы я просилъ извиненья въ томъ, что несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ. Я не могъ на то согласиться, ибо это было бы противъ моей совѣсти; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, можетъ-быть, [illegible] въ истинѣ словъ моихъ, мысль эта столь невыносима, что я рѣшился обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушіе и справедливость Вашу и будучи уже не разъ облагодѣтельствованъ Вами, и просить Васъ защитить и оправдать меня во мнѣніи Его Императорскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ теряю невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка.

*) Далѣе отъ оригинала письма оторвано.

Ваше Императорское Высочество позволите сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалѣю, что показаніе мое оскорбило Баранта; я не предполагалъ этого, не имѣлъ этого намѣренія, но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказавъ, что выстрѣлилъ на воздухъ, я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то, что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ, подалъ мнѣ пистолетъ, я сказалъ ему именно, что выстрѣлю на воздухъ, что и подтвердитъ онъ самъ.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановить мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ.

Съ благоговѣйною преданностью имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшій Михаилъ Лермантовъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ *).

XXXII. Къ А. А. Лопухину.

(Ставрополь) 17 іюня (1840 г.).

О, милый Алексисъ.

Завтра я ѣду въ дѣйствующій отрядъ на лѣвый флангъ въ Чечню брать пророка Шамиля, котораго, надѣюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать къ тебѣ по пересылкѣ. Такая каналья этотъ пророкъ! Пожалуйста, спусти его съ Аспелинда; они тамъ въ Чечнѣ не знаютъ индѣйскихъ пѣтуховъ, такъ авось это его испугаетъ. Я здѣсь въ Ставрополѣ уже съ недѣлю и живу вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ, который также ѣдетъ въ экспедицію и который вздыхаетъ по графинѣ Зубовой, о чемъ прошу ей всеподданнѣйше донести. И мы оба тамъ вздыхаемъ... Я здѣсь отъ жару такъ слабъ, что едва держу перо. Дорогой я заѣзжалъ въ Черкаскъ къ генералу Хомутову и прожилъ у него три дня, и каждый день былъ въ театрѣ. Что за ѳ е а т р ъ! Объ немъ стоитъ разсказать: смотришь на сцену — и ничего не видишь, ибо передъ носомъ сальныя свѣчи, отъ которыхъ глаза лопаются; смотришь назадъ — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо—ничего не видишь, потому что ничего нѣтъ; смотришь налѣво и видишь въ ложѣ полиціймейстера; оркестръ составленъ изъ четырехъ кларнетовъ, двухъ контрабасовъ и одной скрипки, на которой пилитъ самъ капельмейстеръ, а этотъ капельмейстеръ примѣчателенъ тѣмъ, что глухъ, и когда надо начать или кончить, то первый кларнетъ дергаетъ его за фалды, а контрабасъ бьетъ тактъ смычкомъ по его плечу. Разъ, по личной ненависти, онъ его такъ хватилъ смычкомъ, что тотъ обернулся и хотѣлъ пустить въ него скрипкой, но въ эту минуту кларнетъ дернулъ его за фалды, и капельмейстеръ упалъ навзничь головой прямо въ барабанъ и проломилъ кожу; но въ азартѣ вскочилъ и хотѣлъ продолжать бой и что-же? о ужасъ! На головѣ его вмѣсто кивера торчитъ барабанъ. Публика была въ восторгѣ, занавѣсъ опустили, а оркестръ отправили на съѣзжую. Въ продолженіе этой потѣхи я все ждалъ, что будетъ?— Такъ-то, мой милый Алеша! — Но здѣсь въ Ставрополѣ такихъ удовольствій нѣтъ; за то ужасно жарко. Вѣроятно письмо мое тебя найдетъ въ Сокольникахъ. Между прочимъ прощай: ужасно я усталъ и слабъ. Поцѣлуй за меня ручку у Варвары Александровны и будь благонадеженъ. Ужасно усталъ... Жарко... Уфъ!— Лермонтовъ.

XXXIII. Къ Е. А. Арсеньевой.

Пятигорскъ, іюля 28 (1840 года).

Милая бабушка. Пишу къ вамъ изъ Пятигорска, куда я опять попхалъ и гдѣ проведу нѣсколько времени для отдыха. Я получилъ вашихъ три письма вдругъ и притомъ бумагу отъ С. насчетъ продажи людей, которую надо засвидѣтельствовать и подписать здѣсь. Я это все здѣсь обдѣлаю и пошлю. Напрасно вы мнѣ не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчасъ по полученіи моего письма, пошлите мнѣ ее сюда въ Пятигорскъ. Прошу васъ также, милая бабушка, купите мнѣ полное собраніе сочиненій Жуковскаго послѣдняго изданія и пришлите также сюда тотчасъ. Я бы просилъ также полнаго Шекспира по-англійски, да не знаю можно-ли найти въ Петербургѣ; препоручите Екиму (Шанъ-Гирею), только, пожалуйста, поскорѣе. Если это будетъ скоро, то здѣсь еще меня застанетъ.

То, что вы мнѣ пишите о словахъ гр. К(лейнмихеля), я полагаю, еще не значитъ, что мнѣ откажутъ отставку, если я подамъ; онъ только

*) На письмѣ сдѣлана ген.-лейт. Дубельтомъ карандашомъ надпись: «Государь изволилъ читать», и далѣе: «Къ дѣлу. 29 апрѣля 1840».

просто не совѣтуетъ; а чего мнѣ здѣсь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили,—только выпустятъ ли, если я подамъ?

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенья.

XXXIV. КЪ А. А. ЛОПУХИНУ.

Пятигорскъ. (12) сентября 1840 года.

Мой милый Алеша.

Я увѣренъ, что ты получилъ письмо мое, которое я тебѣ писалъ изъ дѣйствующаго отряда въ Чечнѣ, но увѣренъ также, что ты мнѣ не отвѣчалъ, ибо я ничего о тебѣ не слышу письменно. Пожалуйста, не лѣнись: ты не можешь вообразить, какъ тяжела мысль, что друзья насъ забываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я на Кавказѣ, я не получалъ ни отъ кого писемъ, даже изъ дому не имѣлъ извѣстій. Можетъ-быть, они пропадаютъ, потому что я не былъ нигдѣ на мѣстѣ, а шатался все время по горамъ съ отрядомъ. У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часовъ сряду *). Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до 6 тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ—кажется хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была пѣхота, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ разскажу подробности очень интересныя—только Богъ знаетъ, когда мы увидимся. Я теперь вылѣчился почти совсѣмъ и ѣду съ водъ опять въ Чечню. Если ты будешь мнѣ писать, такъ вотъ адресъ: на Кавказскую линію, въ дѣйствующій отрядъ генералъ-лейтенанта Голофеева, на лѣвый флангъ. Здѣсь проведу до конца ноября; а потомъ не знаю, куда отправлюсь: въ Ставрополь, на Черное море или въ Тифлисъ. Я вошелъ во вкусъ войны и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными. Только скучно то, что либо такъ жарко, что наспу ходишь, либо такъ холодно, что дрожь пробираетъ, либо ѣсть нечего, либо денегъ нѣтъ—именно что со мною теперь. Я прожилъ все, а изъ дому не посылаютъ. Не знаю, почему отъ бабушки ни одного письма. Не знаю, гдѣ она, въ деревнѣ или въ Петербургѣ. Напиши, пожалуйста, видѣлъ ли ты ее въ Москвѣ. Поцѣлуй за меня руку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоровъ и счастливъ. Твой Лермонтовъ.

*) Дѣло подъ Валерикомъ.

XXXV. КЪ НЕМУ ЖЕ.

Крѣпость Грозная, 4 ноября 1840.

Милый Алеша.

Пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, въ которую мы, т.-е. отрядъ, возвратились послѣ 20-тидневной экспедиціи въ Чечню. Не знаю, что будетъ дальше, а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изо ста казаковъ—разный сбродъ, волонтеры, татары и проч., это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, и, если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то, авось, что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но, такъ какъ мы будемъ еще воевать цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить. Вотъ тебѣ обо мнѣ самое интересное.

Писемъ я ни отъ тебя, ни отъ кого другого ужь мѣсяца три не получалъ. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось: забыли, что ли? или (письма) пропадаютъ? Я махнулъ рукой. Мнѣ тебѣ нечего много писать: жизнь наша здѣсь мнѣ войны однообразна; а описывать экспедиціи не велятъ. Можетъ-быть, я когда-нибудь засяду у твоего камина и разскажу тебѣ долгіе труды, ночныя схватки, утомительныя перестрѣлки, картины военной жизни, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Варвара Александровна будетъ зѣвать за пяльцами и, наконецъ, успетъ отъ моего разсказа, а тебя вызоветъ въ другую комнату управитель, а я останусь одинъ и буду оканчивать свою исторію твоему сыну, ... Сдѣлай одолженіе, пиши ко мнѣ какъ можно больше. Прощай, будь здоровъ съ чадами и домочадцами и поцѣлуй за меня ручку у своей сожительницы.

Твой Лермонтовъ.

XXXVI. КЪ БИБИКОВУ (?) *.

(С.-Петербургъ, въ концѣ февраля 1841).

Милый Биби.

Наспу собрался писать къ тебѣ; начну съ того, что объясню тайну моего отпуска; бабушка моя просила о прощеніи моемъ, а мнѣ дали отпускъ; но я скоро ѣду опять къ вамъ, и

*) Дмитр. Серг. Бибиковъ съ 1836 1848 годъ служилъ въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ; скончался въ 1861 г.

здѣсь остаться у меня нѣтъ никакой надежды, ибо я сдѣлалъ вотъ какія бѣды: пріѣхавъ сюда въ Петербургъ на половинѣ масляницы *), а на другой же день отправился на балъ къ г-жѣ Воронцовой, и это нашли неприличнымъ и дерзкимъ. Что дѣлать? кабы зналъ, гдѣ упасть, соломки бы подостлалъ; обществомъ зато я былъ принятъ очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замѣчательная, зато развязки вѣроятно не будетъ, ибо я 9-го марта отсюда уѣзжаю заслуживать себѣ на Кавказѣ отставку; изъ Валерикскаго представленія меня здѣсь вычеркнули, такъ что даже я не буду имѣть утѣшенія носить красной ленточки, когда надѣну штатскій сюртукъ.

Я былъ намедни у твоихъ, и они всѣ жалуются, что ты не пишешь; и, взявъ это въ разсмотрѣніе, я уже не смѣю тебя упрекать. Мещериновъ, вѣрно, прежде меня пріѣдетъ къ Ставрополь, ибо я не намѣренъ очень торопиться; и такъ, не продавши удивительнаго лова на кровати, не сѣдель; вѣрно отрядъ не выступитъ прежде 2-го апрѣля, а я къ тому времени непремѣнно буду **). Покупаю для общаго нашего обихода Лафатера и Галя и множество другихъ книгъ

Прощай, мой милый, будь здоровъ. Твой Лермонтовъ.

XXXVII. КЪ Е. А. АРСЕНЬЕВОЙ.

(Москва, 1841 г. Конецъ апрѣля или начало мая).

Милая бабушка! Жду съ нетерпѣніемъ письма отъ васъ съ какимъ-нибудь извѣстіемъ. Я въ Москвѣ пробуду нѣсколько дней, остановлюсь у Розена. Алексѣй Аркадьевичъ (Столыпинъ) здѣсь еще и ѣдетъ послѣзавтра. Я здѣсь принятъ былъ обществомъ по обыкновенію очень хорошо, и мнѣ довольно весело. Былъ вчера у Николая Николаевича Анѣнкова и завтра у него обѣдаю; онъ былъ со мною очень любезенъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать про мою здѣшнюю жизнь. Еще прибавлю, что я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня; рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ; можетъ-быть, также я поздоровѣлъ оттого, что всю дорогу пилъ горькую воду, которая мнѣ всегда очень полезна. Скажите, пожалуйста, отъ меня Екиму Шанъ-Гирею, что я ему напишу передъ отъѣздомъ отсюда и кое-что пришлю... Вѣроятно Сашенькина *) свадьба уже была, и потому прошу васъ ее поздравить отъ меня, а Леонидіи (?) скажите отъ меня, что я ее цѣлую и желаю исправиться и быть какъ можно осторожнѣе вообще. Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и увѣрены, что Богъ васъ вознаградитъ за всѣ печали. Цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія. Покорный М. Лермонтовъ.

XXXVIII. КЪ НЕЙ ЖЕ.

(Ставрополь, май 1841)

Милая бабушка. Я сейчасъ пріѣхалъ только въ Ставрополь и пишу къ вамъ; ѣхалъ я съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ, и ужасно долго ѣхалъ: дорога была прескверная. Теперь не знаю самъ еще, куда поѣду; кажется, прежде отправлюсь въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава Богу, здоровъ и спокоенъ, лишь бы вы были такъ спокойны, какъ я; одного только и желаю: пожалуйста, оставайтесь въ Петербургѣ: и для васъ и для меня будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Скажите Екиму Шанъ-Гирею, что я ему не совѣтую ѣхать въ Америку, какъ онъ располагалъ, а ужъ лучше сюда, на Кавказъ: оно и ближе, и гораздо веселѣе. Я все надѣюсь, милая бабушка, что мнѣ все-таки выйдетъ прощенье, и я могу выйти въ отставку. Прощайте, милая бабушка; цѣлую ваши ручки и молю Бога, чтобы вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословенія.—Остаюсь п. внукъ Лермонтовъ.

---

* Въ 1841 году масляница начиналась 2 февраля.

**) Однако Лермонтовъ выѣхалъ изъ Петербурга только въ серединѣ апрѣля.

*) А. М. Верещагина.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ПРИЛОЖЕНІЕ

Показанія Лермонтова:

I. По дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина.

Я былъ еще боленъ, когда разнеслась по городу вѣсть о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями; одни, приверженцы нашего лучшаго поэта, разсказывали съ живѣйшей печалью, какими мелкими мученіями, насмѣшками онъ долго былъ преслѣдуемъ и наконецъ принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дуренъ собою,—они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ, и прочее... Не имѣя, можетъ-быть, возможности защищать нравственную сторону его характера—никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія.—Невольное, но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго имъ никакого зла, и нѣкогда имъ восхваляемаго; и врожденное чувство въ душѣ неопытной, защищать всякаго, невинно осуждаемаго, зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе, по причинѣ болѣзнію раздраженныхъ нервъ. Когда я сталъ спрашивать, на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго—мнѣ отвѣчали, вѣроятно, чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія.—Я удивился:—надо мною смѣялись.—Наконецъ, послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ—и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое—утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность его поступка съ мнѣніемъ (какъ меня увѣряли) высшаго круга общества увеличила въ моемъ воображеніи, очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ; — но тѣмъ не менѣе, я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства принадлежащіе къ высшему кругу, и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ, нѣкоторые, не переставали омрачать память убитаго, и разсѣвать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я взялъ горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное

толкованіе мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе ошибочно могутъ принять на свой счетъ выраженія, вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вреднымъ (какъ я прежде мыслилъ и нынѣ мыслю) для другихъ еще болѣе, чѣмъ для себя. Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужатъ хотя объясненіемъ,—ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка. Прежде я писалъ разныя мелочи, быть-можетъ еще хранящіяся у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Одна восточная повѣсть подъ названіемъ «Хаджи-Абрекъ» была мною помѣщена въ «Библіотекѣ для чтенія», а драма «Маскарадъ», въ стихахъ, отданная мною на театръ, не могла быть представлена по причинѣ (какъ мнѣ сказали) слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель недостаточно награждена.—Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина (что, къ несчастію, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя обвиненія, и по необдуманности не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ какъ новость другимъ и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія, произведеннаго ими, не могъ во-время ихъ возвратить назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ, но отрекаться отъ нихъ, хотя постигъ свою необдуманность, я не могъ: *правда* всегда была моей святынею—и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ *ней*, какъ единственной защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ царя и лицомъ Божіимъ. Корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Михаилъ Лермонтовъ.

II. По дѣлу о дуэли съ Барантомъ:

1. Показаніе отъ марта 16-го на вопросные пункты въ присутствіи военно-судной комиссіи. Зовутъ меня Михаилъ Юрьевъ сынъ Лермонтовъ, отъ роду имѣю 25 лѣтъ, вѣры грекороссійской, на исповѣди и у святого причастія ежегодно бывалъ.—Время вступленія моего въ службу его Императорскаго Величества видно изъ формулярнаго списка. Происхожу изъ дворянскаго званія, уроженецъ Московскій. Недвижимаго имѣнія за мною нѣтъ.—Службу началъ съ юнкерскаго чина Л.-гв. въ Гусарскомъ полку; произведенъ въ корнеты въ семъ же полку, изъ онаго былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, потомъ Л.-гв. въ Гродненскій и наконецъ снова поступилъ Л.-гв. въ Гусарскій полкъ, въ коемъ состою нынѣ поручикомъ. Подъ судомъ не былъ, а безъ суда подвергался штрафу, который значится въ формулярномъ моемъ спискѣ.—Въ письмѣ моемъ о дуэли*) я все изъяснилъ справедливо, содержаніе коего утверждаю въ полной силѣ въ присутствіи военно-судной комиссіи.—Находился я въ С.-Петербургѣ 18-го числа февраля съ позволенія полковаго командира;—г. Эрнестъ Барантъ сынъ французскаго посланника при дворѣ Его Императорскаго Величества. Обстоятельство, по которому онъ требовалъ у меня объясненія, состояло въ томъ: правда-ли, что я будто говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи извѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не назвалъ. Колкости же его и мои въ нашемъ разговорѣ заключались въ слѣдующемъ смыслѣ: когда я на помянутый вопросъ г. Баранта сказалъ, что никому ничего онемъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ недовѣрчивость, ибо онъ прибавилъ, что все-таки, если переданныя ему сплетни справедливы, то я поступилъ весьма дурно; на что я отвѣчалъ, что выговоровъ и совѣтовъ не принимаю, и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ. О нашемъ разговорѣ и о вызовѣ г. Баранта никто изъ бывшихъ на балѣ не слыхалъ, сколько мнѣ извѣстно, равно и о условіяхъ нашихъ; а далѣе происходило то самое, что я показалъ въ вышеупомянутомъ письмѣ. Секундантомъ при нашемъ поединкѣ съ моей стороны былъ отставной поручикъ Л.-гв. Гусарскаго полка Столыпинъ, а не донесъ я о семъ происшествіи начальству единственно потому, что дуэль не имѣла никакого пагубнаго послѣдствія.—Въ вышеозначенныхъ отвѣтныхъ пунктахъ я показалъ самую истинную правду.

2. Сего марта 22-го дня, я просилъ *письменно* графа Браницкаго 2-го (неслужащаго) сказать г. Эрнесту Баранту, что я желаю его видѣть сего же числа въ 8 часовъ вечера. Ибо до меня дошли слухи, что онъ въ городѣ говоритъ, что я несправедливо показалъ, будто выстрѣлилъ въ сторону, не цѣля, и что онъ этимъ недоволенъ. Въ 8 часовъ вечера, я вышелъ въ коридоръ между офицерскою и солдатскою караульными комнатами, какъ будто. . . . . не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, какъ всегда дѣлалъ до сего, ... въ томъ же коридорѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ г. Барантъ и вошелъ въ коридоръ, который же ведетъ и на верхъ въ комиссію. Я спросилъ его правда-ли,

*) См. отд. «Письма»: письмо къ генералъ-маіору Плаутину.

что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? онъ отвѣчалъ: точно, и не знаю, почему вы говорите, что стрѣлялъ не цѣля, на воздухъ. Тогда я отвѣчалъ что говорилъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему непріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу; но что если онъ недоволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ и когда онъ возвратится, то я готовъ буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ этого пожелаетъ. Послѣ сего г. Барантъ, отвѣчавъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ.—Л.-гв. Гусарскаго полка поручикъ Лермонтовъ. (25-го марта 1840).

3 1840 года, марта 29-го дня, въ присутствіи комиссіи. Приглашалъ я г. Баранта, ибо слышалъ, что онъ оскорбляется моимъ показаніемъ. Выходилъ я . . . . . безъ конвоя, съ тѣхъ поръ какъ находился подъ арестомъ, безъ вѣдома караульныхъ офицеровъ, полагая, что они мнѣ въ томъ откажутъ, и выбирая время, когда караульный офицеръ находился на платформѣ. Узналъ я о томъ, что г. Барантъ говорилъ въ городѣ, будто недоволенъ моимъ показаніемъ, отъ родныхъ, кои были допущены ко мнѣ съ позволенія коменданта, въ разныя времена. Сносился я съ графомъ Браницкимъ 2-мъ письменно чрезъ своего крѣпостного человѣка Андрея Иванова, а живетъ оный на Сергіевской улицѣ, въ домѣ графини Хвостовой, на квартирѣ родственницы моей Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой. Графъ Браницкій 2-й имѣетъ жительство на Невскомъ проспектѣ въ собственномъ домѣ. Караульный офицеръ того числа былъ гвардейскаго экипажа, а кто именно, не помню. Видѣлъ-ли кто мое свиданіе съ г. Барантомъ, сего я не знаю, ибо не замѣтилъ, присутствовалъ-ли кто-нибудь вблизи насъ.—Все вышеописанное показалъ по истинной правдѣ; также справедливо мною написано объясненіе 25 марта, которое отбиралъ отъ меня С.-Петербургскій плацъ-маіоръ флигель-адъютантъ баронъ Зальцъ; и утверждаю оное въ полной силѣ въ присутствіи военно-судной комиссіи.

Панорама Москвы.

Кто никогда не былъ на вершинѣ Ивана Великаго, кому никогда не случалось окинуть однимъ взглядомъ всю нашу древнюю столицу съ конца въ конецъ, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тотъ не имѣетъ понятія о Москвѣ,—ибо Москва не есть обыкновенный большой городъ, какихъ тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодныхъ, составленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ; нѣтъ! у нея есть своя душа, своя жизнь. Какъ въ древнемъ Римскомъ кладбищѣ, каждый ея камень хранитъ надпись, начертанную временемъ и рокомъ, надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствомъ и вдохновеньемъ для ученаго, патріота и поэта!.. Какъ у океана, у нея есть свой языкъ, языкъ сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, какъ уже со всѣхъ ея златоглавыхъ церквей раздается согласный гимнъ колоколовъ, подобно чудной, фантастической увертюрѣ Бетховена, въ которой густой ревъ контръ-баса, трескъ литавръ, съ пѣніемъ скрипки и флейты образуютъ одно великое цѣлое, — и мнится, что безтѣлесные звуки принимаютъ видимую форму, что духи неба и ада свиваются подъ облаками въ одинъ разнообразный, неизмѣримый, быстро-вертящійся хороводъ!..

О, какое блаженство внимать этой неземной музыкѣ, взобравшись на самый верхній ярусъ Ивана Великаго, облокотясь на узкое, мшистое окно, къ которому привела васъ истертая, скользкая, витая лѣстница, и думать, что весь этотъ оркестръ гремитъ подъ вашими ногами, и воображать, что все это для васъ однихъ, что вы—царь этого невещественнаго міра, и пожирать очами этотъ огромный муравейникъ, гдѣ суетятся люди, для васъ чуждые, гдѣ кипятъ страсти, вами на минуту забытыя!..

Какое блаженство разомъ обнять душою всю суетную жизнь, всѣ мелкія заботы человѣчества,—смотрѣть на міръ съ высоты!..

На сѣверъ передъ вами, въ самомъ отдаленіи, на краю синяго небосклона, немного правѣе Петровскаго замка, чернѣетъ романическая Чарынна роща, и предъ нею лежитъ слой пестрыхъ кровель, пересѣченныхъ кое-гдѣ пыльной зеленью бульваровъ, устроенныхъ на древнемъ городскомъ валу; на крутой горѣ, усыпанной низкими домиками, среди коихъ изрѣдка лишь проглядываетъ широкая бѣлая стѣна какого-нибудь боярскаго дома, возвышается четыреугольная, сизая, фантастическая громада—Сухарева башня. Она гордо взираетъ на окрестности, будто знаетъ, что имя Петра начертано на ея мшистомъ челѣ! Ея мрачная физіономія, ея гигантскіе размѣры, ея рѣшительныя формы—все хранитъ отпечатокъ другого вѣка, отпечатокъ той грозной власти, которой ничто не

могло противиться. Ближе къ центру города зданія принимаютъ видъ болѣе стройный, болѣе европейскій, проглядываютъ богатыя колоннады, широкіе дворы, обнесенные чугунными рѣшетками, безчисленныя главы церквей, шпицы колоколенъ съ ржавыми крестами и пестрыми, раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровскій театръ, произведеніе новѣйшаго искусства, огромное зданіе, сдѣланное по всѣмъ правиламъ вкуса, съ плоской кровлей и величественнымъ портикомъ, на коемъ возвышается алебастровый Аполлонъ, стоящій на одной ногѣ въ алебастровой колесницѣ, неподвижно управляющій тремя алебастровыми конями, и съ досадою взирающій на кремлевскую стѣну, которая ревниво отдѣляетъ его отъ древнихъ святынь Россіи!..

На востокъ картина еще богаче и разнообразнѣе. За самой стѣной, которая вправо спускается съ горы и оканчивается круглою угловой башнею, покрытой, какъ чешуею, зелеными черепицами, — немного лѣвѣе этой башни являются безчисленные купола церкви Василія Блаженнаго, семидесяти придѣламъ которой дивятся всѣ иностранцы и которую ни одинъ русскій не потрудился еще описать подробно. Она, какъ древній Вавилонскій столпъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, кои оканчиваются огромной зубчатой, радужнаго цвѣта главой, чрезвычайно похожей (если простятъ мнѣ сравненіе) на хрустальную граненую пробку стариннаго графина. Кругомъ нея разсѣянно по всѣмъ уступамъ ярусовъ множество второклассныхъ главъ, совершенно не похожихъ одна на другую; онѣ разсыпаны по всему зданію безъ симметріи, безъ порядка, какъ отрасли стараго дерева, пресмыкающіяся по обнаженнымъ корнямъ его.

Витыя тяжелыя колонны поддерживаютъ желѣзныя кровли, повисшія надъ дверями и наружными галлереями, изъ коихъ выглядываютъ маленькія окна, какъ зрачки стоглазаго чудовища. Тысячи затѣйливыхъ іероглифическихъ изображеній рисуются вокругъ этихъ оконъ: вечерняя тусклая лампада свѣтится сквозь стекла ихъ, загороженныя рѣшетками, какъ блещетъ ночью мирный свѣтлякъ сквозь плющъ, обвивающій полуразвалившуюся башню. Каждый придѣлъ раскрашенъ снаружи особенною краской, какъ будто они не были выстроены всѣ въ одно время, какъ будто каждый владѣтель Москвы въ продолженіе многихъ лѣтъ прибавлялъ по одному, въ честь своего ангела.

Весьма немногіе жители Москвы рѣшались обойти всѣ придѣлы сего храма. Его мрачная наружность наводитъ на душу какое-то уныніе; кажется, видишь передъ собою самого Іоанна Грознаго, — но таковымъ, каковъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни!

И что же?—рядомъ съ этимъ великолѣпнымъ, угрюмымъ зданіемъ, прямо противъ его дверей, кипитъ грязная толпа, блещутъ ряды лавокъ, кричатъ разносчики, суетятся булочники у пьедестала монумента, воздвигнутаго Минину, гремятъ модныя кареты, лепечутъ модныя барыни... все такъ шумно, живо, непокойно! Вправо отъ Василія Блаженнаго, подъ крутымъ скатомъ, течетъ мелкая, широкая, грязная Москва-рѣка, изнемогая подъ множествомъ тяжкихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и дровами; ихъ длинныя мачты, увѣнчанныя полосатыми флюгерами, встаютъ изъ-за Москворѣцкаго моста, ихъ скрипучіе канаты, колеблемые вѣтромъ, какъ паутина, едва чернѣютъ на голубомъ небосклонѣ. На лѣвомъ берегу рѣки, глядясь въ ея гладкія воды, бѣлѣетъ Воспитательный домъ, коего широкія голыя стѣны, симметрически расположенныя окна и трубы, и вообще европейская осанка рѣзко отдѣляются отъ прочихъ сосѣднихъ зданій, одѣтыхъ восточной роскошью или исполненныхъ духомъ среднихъ вѣковъ.

Далѣе къ востоку, на трехъ холмахъ, между коихъ извивается рѣка, пестрѣютъ широкія массы домовъ всѣхъ возможныхъ величинъ и цвѣтовъ; утомленный взоръ съ трудомъ можетъ достигнуть дальняго горизонта, на которыхъ рисуются группы нѣсколькихъ монастырей, между коими Симоновъ примѣчателенъ особенно своею, почти между небомъ и землей висящею, платформой, откуда наши предки наблюдали за движеніемъ приближающихся татаръ.

Къ югу, подъ горой, у самой подошвы стѣны кремлевской, противъ Тайницкихъ воротъ, протекаетъ рѣка, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквами, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеонъ кинулъ первый взглядъ на гибельный для него Кремль, откуда въ первый разъ онъ увидалъ его вѣщее пламя—этотъ грозный свѣточъ, который озарилъ его торжество и его паденіе!

На западѣ, за длинной башней, гдѣ живутъ и могутъ жить одни ласточки (ибо она, будучи построена послѣ французовъ, не имѣетъ внутри ни потолковъ, ни лѣстницъ, и стѣны ея распорты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки Каменнаго моста, который дугою перегибается съ одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, съ шумомъ и пѣною вырывается изъ-подъ него, образуя между сводами небольшіе водопады, которые часто, особливо весною, привлекаютъ любопытство московскихъ зѣвакъ, а иногда при-

пимаютъ въ свои нѣдра тѣло бѣднаго грѣшника. Далѣе моста, по правую сторону рѣки, отдѣляются на небосклонѣ зубчатые силуэты Алексѣевскаго монастыря; по лѣвую, на равнинѣ между кровлями купеческихъ домовъ, блещутъ верхи Донского монастыря. А тамъ, за нимъ, одѣтыя голубымъ туманомъ, восходящимъ отъ студеныхъ волнъ рѣки, начинаются Воробьевы горы, увѣнчанныя густыми рощами, которыя съ крутыхъ вершинъ глядятся въ рѣку, извивающуюся у ихъ подошвы подобно змѣѣ, покрытой серебристою чешуей. Когда склоняется день, когда розовая мгла одѣваетъ дальнія части города и окрестные холмы, тогда только можно видѣть нашу древнюю столицу во всемъ ея блескѣ, ибо, подобно красавицѣ, показывающей только вечеромъ свои лучшіе уборы, она только въ этотъ торжественный часъ можетъ произвести на душу сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

Что сравнить съ этимъ Кремлемъ, который, окружась зубчатыми стѣнами, красуясь золотыми главами соборовъ, возлежитъ на высокой горѣ, какъ державный вѣнецъ на челѣ грознаго владыки!..

Онъ—алтарь Россіи, на немъ должны совершаться и уже совершились многія жертвы, достойныя отечества... Давно-ли, какъ баснословный Фениксъ, онъ возродился изъ пылающаго своего праха?..

Что величественнѣе этихъ мрачныхъ храминъ, тѣсно составленныхъ въ одну кучу, этого таинственнаго дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лѣтъ уже не слышатъ звуковъ человѣческаго голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни въ память царей великихъ!.. Нѣтъ: ни Кремля, ни его зубчатыхъ стѣнъ, ни его темныхъ переходовъ, ни пышныхъ дворцовъ его описать невозможно... Надо видѣть, видѣть... надо чувствовать все, что они говорятъ сердцу и воображенію!..

Юнкеръ л.-гв. Гусарскаго полка Лермантовъ.

Замѣтки и сюжеты въ тетрадяхъ.

I.

— 1830. *Замѣчаніе.* Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. («въ пансіонѣ» зачеркнуто), я, какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же—это сходство меня поразило.

— Музыка моего сердца была совсѣмъ разстроена нынче. Ни одного звука не могъ я извлечь изъ скрипки, изъ фортепьяно, чтобъ они не возмутили моего слуха.

— Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры. Природа производитъ людей — иныхъ умнѣе, другихъ глупѣе; одни извѣстны, другіе неизвѣстны.—Изъ печи вылетаютъ искры, одни больше, другія темнѣе, одни долго, другія мгновенье свѣтятъ, но все-таки онѣ погаснутъ и исчезнутъ безъ слѣда; подобно имъ послѣдуютъ другія, также безъ послѣдствій, пока печь погаснетъ сама: тогда весь пепелъ соберутъ въ кучу и выбросятъ; такъ и съ нами.

— *Записка.* 1830 г., 8 іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни объ чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату; я не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названье (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ-быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мои разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованью,—это было бы мнѣ больно!.. Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы Кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ! О, эта загадка, этотъ потерянный рай — до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстію, но чаще—плакать.—Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искус-

ства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки.

— 1830. Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ее не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бъ услыхалъ ее, она бы пропзвела прежнее дѣйствіе Ее пѣвала мнѣ покойная мать.

— 1830. Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще 8-ми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое — небольшое, какъ-бы оторванный клочокъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо предо мною, какъ-будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея, будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства.

— 1830 (мнѣ теперь 15 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синій сурокъ. Онъ и теперь у меня хранится. — Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей. Какъ я былъ глупъ!..

— (1830) Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ 15 же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однако-же, если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ. — Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская, — я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности.

— *Мое завѣщаніе* (про дерево, гдѣ я сидѣлъ съ А. С.). Схороните меня подъ этимъ сухимъ деревомъ, чтобы два образа смерти предстояли глазамъ вашимъ. Я любилъ подъ нимъ и слышалъ волшебное слово: *люблю*, которое потрясло судорожнымъ движеніемъ каждую жилу моего сердца; въ то время это дерево, еще цвѣтущее, при свѣжемъ вѣтрѣ покачало головою и шопотомъ молвило: безуменъ, что ты дѣлаешь?.. (Оно засохло). Время постигло мрачнаго свидѣтеля радостей человѣческихъ прежде меня. Я не плакалъ, ибо слезы есть принадлежность тѣхъ, у которыхъ есть надежды,—но тогда же взялъ бумагу и сдѣлалъ слѣдующее завѣщаніе: «похороните мои кости подъ этой сухою яблоней, положите камень, — и пускай на немъ ничего не будетъ написано, если одного имени моего не довольно будетъ доставить ему безсмертіе!..»

— *Эпитафія плодовитаго писаки.* Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда не видалъ передъ собою бѣлой бумаги.

— 1830. Еще сходство въ жизни моей съ Лордомъ-Байрономъ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза *женатъ;* про меня на Кавказѣ предсказала то же самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя бъ я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ.

— Я помню одинъ сонъ; когда я былъ еще 8-ми лѣтъ, онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ ѣхалъ въ грозу куда-то; и помню облако, которое, небольшое, какъ-бы оторванный клочекъ чернаго плаща, быстро неслось по небу: это такъ живо предо мною, какъ-будто вижу. — Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей со шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства. Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи Фернандо, говоря съ любезной подъ балкономъ, говоритъ про луну, и употребляетъ предыдущее про рыцарей сравненіе. (*См. Монологъ* «Взгляни на тихую луну» въ «Испанцахъ»).

— (1831). Я читаю «Новую Элоизу». Признаюсь я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много, идеалы—что въ нихъ? Они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одѣтые блестящими выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они все идеалы. Вертеръ лучше. Тамъ человѣкъ—болѣе человѣкъ. У Жанъ Жака даже пороки не такіе, какіе они есть. У *него* герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи... Но краснорѣчіе удивительное. И послѣ всего, я скажу, что хорошо, что у Русо, а не у другого родилась мысль написать «Новую Элоизу».

— *2-го (4?) декабря сз. Варвары. Вечеромъ, возвратясь* Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиной страданья?

— (*1837*). Я въ Тифлисѣ у Петр. Г: , — ученый татаръ. Али и Ахметъ. Иду за Груз. въ бани; она дѣлаетъ знакъ; но мы не входимъ, ибо суббота. Выходя, она опять дѣлаетъ знакъ; я рисовалъ углемъ на стѣнѣ для забавы татаръ и дѣлаю ей черту на спинѣ; слѣдую за ней: она соглашается . . . . , только чтобъ я поклялся сдѣлать, что она велитъ:—надо вынести трупъ. Я выношу и бросаю въ Куру. Мнѣ дѣлается дурно. Такъ нашли и отнесли на гаупт-

вахту. Я забилъ ея домъ наверное. Мы рѣшаемся отыскать. Я снялъ съ мертваго кинжалъ для доказательства. Несемъ его къ Георгу. Онъ говоритъ, что дѣлалъ его русскому офицеру. Мы говоримъ Ахмету, чтобъ онъ узналъ..... Узнаютъ отъ денщика, что этотъ офицеръ долго ходилъ по сосѣдству къ одной старухѣ съ дочерью; но дочь вышла замужъ, а черезъ недѣлю онъ пропалъ. Наконецъ узнаемъ, за кого эта дочь вышла замужъ; находимъ домъ, но ея не видать. Ахметъ бродитъ кругомъ и узнаетъ, что мужъ пріѣхалъ, и кто-то ему сказалъ, что видѣли, какъ изъ окошка вылѣзъ человѣкъ намедни и что мужъ допрашивалъ и вся семья. Разъ мы идемъ по караванъ-сараю — видимъ: идетъ мужчина съ женой; они остановились и посмотрѣли на насъ. Мы прошли и видимъ, — она показала на меня пальцемъ, а онъ кивнулъ головой. Послѣ ночью однажды на меня напали на мосту. Схватили меня, и какъ зовутъ. Я сказалъ. Онъ: «я мужъ такой-то», и хотѣлъ меня сбросить, но я его предупредилъ и сбросилъ.

— (1841. *Книжка Одоевск.*). *У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ.* Сказывается и сказка: Еруланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжкаго сна, и всталъ и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и *семьдесятъ* богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать... Такова Россія.

II.

— (1830). *Программа.* Его исторія. Его любовь къ отцу. Пріѣздъ архіерея. Что про него сказалъ архіерей. Исторія одного монаха. Весна. Любовь къ неизвѣстной. Зеркало. Колокольчикъ. Родители. Несправедливости. (Пьянство. Послѣдняя игра). Постриженіе. Убійство, одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другого и посадилъ его такъ, будто онъ самъ себя убилъ. (Родители пріѣзжаютъ). Послѣдняя любовь. Разочарованіе. Болѣзнь.

— *Поэма на Кавказѣ.* — Герой—пророкъ.

— Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый нищій и дѣвушка. Онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ броситься, но останавливается и закрываетъ окно въ отчаяніи. Онъ укралъ денегъ и на другой день ищетъ ихъ, но нигдѣ не находитъ. Потомъ, не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ товарища-слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; тамъ узнали, что онъ укралъ, и онъ посаженъ въ тюрьму.

— Онъ угрожаетъ ей гибелью отца и она обѣщается завтра прислать къ нему рабу. Она заражается чумой. Онъ приходитъ, проводитъ ночь и умираетъ въ ея объятіяхъ, въ саду.

— Сюжетъ трагедіи. Отецъ съ дочерью ожидаютъ сына, военнаго, который пріѣдетъ въ отпускъ. Отецъ разбойничаетъ въ своей деревнѣ и дочь самая злая убійца. Сынъ хочетъ сюрпризъ сдѣлать отцу, и прежде нежели писалъ, отправляется; пріѣхавъ, недалеко отъ деревни становится въ *трактирѣ*. Онъ находитъ здѣсь любезную свою съ матерью. Онѣ просятъ, чтобъ онъ ночевалъ, ибо боятся разбойниковъ. Онъ соглашается. Вдругъ разбойники ночью пріѣзжаютъ. Онъ защищается и отрубаетъ руку у одного. Его запираютъ въ его комнатѣ. Когда все утихло, онъ вырывается. Уходитъ и приноситъ трупъ своей любезной, и клянется отмстить ее. Для этого спѣшитъ къ отцу, чтобъ тамъ найти помощь.—*Ночь у отца.* Дочь примѣриваетъ платья убитыхъ нѣсколько дней тому назадъ, люди прибираютъ мертвыя тѣла. Прибѣгаетъ вскорѣ сынъ. Сказываетъ о себѣ. Его впускаютъ. Онъ разсказываетъ сестрѣ свое несчастіе. Вдругъ отецъ—онъ безъ руки... Сынъ къ нему — и видитъ, — въ отчаяніи убѣгаетъ. Смятеніе въ дому. Между тѣмъ полиція узнала не о семъ, но о другомъ недавнемъ злодѣяніи и приходитъ; сынъ самъ объявляетъ объ отцѣ; вбѣгаетъ *съ ними*. Полиція; отца схватываютъ и уводятъ. Сынъ застрѣливается. Тутъ вбѣгаетъ служитель старый сына, добрый, хочетъ его увидѣть—и видитъ его мертваго.

— *Сюжетъ трагедіи.* — Въ Америкѣ. (Дикіе, угнетенные испанцами.—Изъ романа французскаго Аттала).

— Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей казакамъ на ярмаркахъ, какъ негровъ. Это въ трагедіи помѣстить.

— *Сюжетъ.* Въ Испаніи у матери дочь увезъ въ дурной домъ обманщикъ, хотя служащій при инквизиціи, который хочетъ послѣ обмануть и другую сестру. Любовникъ первой, за котораго не хотѣли отдать, ибо у него нѣтъ многихъ благородныхъ предковъ, узнаетъ происшествіе, когда сидитъ съ друзьями. Онъ спасаетъ жида отъ инквизиціи прежде. Жидъ и говоритъ, что ее увезли. Онъ клянется живую или мертвую привезти. Жидъ ему помогаетъ ее найти. Онъ находитъ—ему злодѣй не отдаетъ. Онъ ее убиваетъ и уноситъ. Злодѣй не мѣшаетъ, ибо самъ боится, чтобъ не узнали похищенія. Злодѣй идетъ къ матери. Приноситъ тотъ свою любезную мертвую. Его схватываютъ—спрашиваютъ—полиція. Входитъ злодѣй. Обвиняемый бросается къ нему на шею, цѣлуетъ и кинжаломъ колетъ въ сердце. Его ведутъ казнить.

— Когда испанецъ вынимаетъ портретъ своей

любезной, жидовка отвращается, и онъ говоритъ: вотъ что значитъ женщина; она не можетъ видѣть лица, которое не уступаетъ ей въ красотѣ.—Послѣ онъ, видя, что она огорчилась, тутъ же спрашиваетъ: что онъ долженъ дать ей? чего она хочетъ? Она говоритъ: чего я хочу, того ты не можешь мнѣ дать!—и уходитъ. Онъ: она только желаетъ и молчитъ, а какъ многіе требуютъ невозможнаго отъ насъ! («Во второй сценѣ у жида. Дѣйств. IV»).

— *Сюжетъ трагедіи.* Молодой человѣкъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками.—(Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ; учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ).—Онъ застрѣливается.

— *Дѣйствующія лица. Донъ-Альварецъ* — отецъ. Немного бѣдный, но гордый дворянинъ—но добрый. *Донна Марія*—мачиха Эмиліи, причудливая, капризная, глупая женщина. *Эмилія*—дочь Альвареца—любитъ и любима Фернандомъ. *Фернандо* — молодой испанецъ, воспитанный въ домѣ Альвареца. *Патеръ Соррини* — италіанецъ, хитрый, богатый іезуитъ. *Моисей* — жидъ. *Ноэми* — дочь его. *Испанцы* праздношатающіеся. Жиды и жидовки.—*Слуги.*—(Дѣйствіе въ Кастиліи).

— Въ первомъ дѣйствіи такъ начинается: Мачиха съ Эмиліей идутъ въ церковь. Фернандо тутъ. Эмилія изъ-подъ мантиліи роняетъ записку, гдѣ она говоритъ, что если Альварецъ ему что-нибудь станетъ говорить, то чтобъ онъ не горячился. Тутъ приходитъ Альварецъ и говоритъ ему, что хотя прежде онъ обѣщалъ за него выдать дочь, но теперь не можетъ, ибо имѣетъ другіе виды. А Фернандо побочный сынъ, не богатъ и проч.

— Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи молодой испанецъ говоритъ отцу любовницы своей, что благородные для того не сближаются съ простымъ народомъ, что боятся дабы не увидали, что они еще хуже его. — Въ томъ же дѣйствіи испанецъ говоритъ: что̀ такое золото, которое мое можетъ сдѣлать счастіе, ибо безъ него не могу обладать моей любезной? Металлъ, какъ другой. — Вѣрно, Богъ не далъ ему этого преимущества, коего многіе люди не имѣютъ?

— Въ слѣдующей сатирѣ всѣхъ разругать и одну грустную строфу. Подъ конецъ сказать, что я напрасно писалъ, и что если-бъ это перо въ палку обратилось и какое-нибудь божество новыхъ временъ пріударило въ нихъ—оно лучше. (*Передъ стих.* «Бульваръ»).

— «Демонъ». Сюжетъ. — Во время плѣненія евреевъ въ Вавилонѣ (изъ Библіи). Еврейка. Отецъ слѣпой. Онъ въ первый разъ видитъ ее спящею. Потомъ она поетъ отцу про старину и про близость ангела — *какъ прежде.* Евреи возвращается на родину. Ея могила остается на чужбинѣ.

— (*1831 г.*). Написать записки молодого монаха 17-ти лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ не читалъ. Страстная душа томится. Идеалы.

— Написать шутливую поэму — приключенія богатыря.

— Memor. Написать трагедію: *Маріи*, изъ Плутарха. 1) *Дѣйств.* Его жизнь въ Римѣ во время конс. и изгнаніе Силлою. 2) Когда Маріи въ изгнаніи бродитъ, и взятъ, и Цирскій невольникъ не смѣетъ убить его. 3) Сынъ Марія при дворѣ сатрапа освобождаемъ невольницею, и Маріи въ Карѳагенѣ. 4) Цинна въ Римѣ. Пришествіе Марія, тиранства, убійства и проч. (между прочимъ Антонія оратора убили). 5) Маріи предчувствуетъ гибель. Онъ умираетъ. Сластолюбивый сынъ его тиранствуетъ, но угрожаемъ Силлою, бѣжитъ изъ Рима и въ Пренестѣ убиваетъ себя.—Сыну Марія передъ смертью, въ 5-мъ дѣйствіи, является тѣнь его отца и повелѣваетъ умереть, ибо родъ ихъ долженъ ими кончиться.

— Memor. Ecrire une tragédie: Neron.

— При дворѣ князя Владиміра былъ одинъ молодой витязь, варягъ, прекрасный, умный, но честолюбивый и гордый; пылкость его была во всемъ. Онъ много наслаждался и все начинало ему надоѣдать. Говорили, что онъ не христіанинъ и что волшебная сила надъ нимъ владѣетъ. Однажды ночью онъ стоялъ на часахъ у дворца, при свѣтѣ лампады, вдругъ является тѣнь дѣвы и зоветъ его жалобно, умоляя спасти ее; онъ слѣдуетъ за ней, выходитъ изъ воротъ; она исчезла, взявъ отъ него клятву, что онъ спасетъ ее, и сказавъ, что она подъ властью чародѣя. На другой день витязь уѣзжаетъ, ни съ кѣмъ не простившись, ибо онъ былъ сирота. Идетъ витязь степью, лѣсомъ и горами, и видитъ крестъ на холмѣ и нѣсколько пещеръ, и слышитъ звонъ; подъѣзжаетъ, и видитъ одинъ *инокъ* звонитъ, читаетъ молитву, а двое копаютъ могилу; тутъ на травѣ лежитъ мертвая женщина, прекрасная и блѣдная. Онъ взглянулъ, и сердце его забилось; онъ не заплакалъ, но чувство полное муки и тайнаго удовольствія прошлось по его сердцу;—онъ любитъ мертвую?—нѣтъ, это одно разстройство воображенія. Витязь удаляется; подъѣзжаетъ къ рѣкѣ, и вечеромъ засыпаетъ при свѣтѣ молодого мѣсяца и при пѣсни лебедя. Видитъ страшный сонъ. Поутру его будитъ поцѣлуи: дѣва, которая манила его, стоитъ передъ нимъ и ведетъ въ свой хрусталь-

ный чертогъ; тамъ все полно нѣги, но витязь не любитъ ее; мысли его летятъ къ умершей, сердце ноетъ, и онъ долженъ подавлять его. Дѣва разсказываетъ ему свою повѣсть, какъ царь Стамфулъ превратилъ ее въ лебедя, и какъ она посредствомъ старухи избѣгнула его любви. Онъ уходитъ отъ нея, чтобъ достать цвѣтокъ жизни въ замкѣ Стамфула, который за рѣкой Великой. Онъ пускаетъ коня и садится въ лодку. Пловецъ этотъ ему разсказываетъ свою повѣсть, и за что онъ осужденъ всегда ѣздить и не можетъ вылѣзть. — Переѣхавъ рѣчку, витязь видитъ два ворона, которые все вокругъ него летаютъ. «Что?.. неужели вы мнѣ предвѣщаете смерть?» сказалъ онъ имъ. «Нѣтъ, витязь», говоритъ одинъ воронъ, «я хочу тебѣ помочь, я тебя проведу куда надо». Витязь идетъ за ворономъ и спрашиваетъ, отчего онъ говоритъ какъ человѣкъ? Воронъ разсказываетъ ему, что ихъ два брата было, и за что Стамфулъ превратилъ ихъ въ вороновъ; онъ разсказываетъ, какъ достать цвѣтокъ жизни. Они подходятъ къ древнему замку: ворота отперты, все пусто. Воронъ просилъ витязя ничего, кромѣ цвѣтка, не трогать; витязь взялъ въ садахъ цвѣтокъ, и возвращаясь видитъ мечъ золотой на воротахъ,— и едва прикоснулся, какъ раздался шумъ и звонъ. Онъ выходитъ изъ замка быстро. Стрѣла летитъ за нимъ и поражаетъ ворона. Витязь оборачивается: Стамфулъ на него несется. Послѣдній принимаетъ разные виды,—наконецъ сраженъ. Витязь бросаетъ его тѣло въ море, ибо замокъ на берегу моря, и видитъ мертваго ворона, а надъ нимъ другой умеръ. Витязь примѣчаетъ, что его преслѣдуетъ что-то свыше. Онъ помнитъ умершую дѣву и чувствуетъ, что любитъ ее. На дорогѣ онъ видитъ издали пыль и крики, и звонъ мечей; подходитъ—и что-же? Горсть воиновъ обороняется противъ толпы враговъ. Онъ бросается въ бой и освобождаетъ ихъ. Они ведутъ его къ своему царю. Царь угощаетъ витязя, но самъ печаленъ, и разсказываетъ, что у него была одна дочь, но что умерла на 17-мъ году, и что когда ее похоронили, то разсказываютъ, что три черпеца съ крестами унесли ея тѣло Богъ вѣсть куда. Царь показываетъ витязю портретъ дочери своей, говоря, что ей было предсказано паломникомъ, за то, что она его напоила и накормила, что она выдетъ замужъ за такого-то витязя. Нашъ витязь слышитъ свое имя и трепещетъ; но когда увидалъ портретъ, то упалъ безъ чувствъ, ибо узналъ умершую дѣву, которую любилъ. Онъ тотчасъ удаляется изъ дворца, взявъ лошадь только. Не беретъ проводниковъ, хотя гроза свирѣпствуетъ на дворѣ. Родъ бѣшенства или сумасшествія обладаетъ имъ. Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ къ берегамъ рѣчки, гдѣ лебедь, и бросаетъ ему цвѣтокъ жизни; лебедь тотчасъ дѣлается дѣвицей. Она выходитъ изъ воды. Онъ, онъ отвергаетъ ея ласки, говоря, что не любитъ ее. Она проситъ одинъ поцѣлуй прощанья, и только что поцѣловала, какъ исчезаетъ съ хохотомъ и визгомъ. Прекрасное мѣстоположеніе перемѣнилось въ дикое, розовые кусты, рѣка исчезли, — оврагъ или пропасть. Скалы одни остались и вихорь едва не увлекъ туда героя. Луна встала. Витязь сидитъ на берегу пропасти. Вдругъ на облакѣ является ему старецъ и говоритъ, что онъ его отецъ, что онъ былъ язычникъ и оттого долго мучился, но теперь Богъ ему простилъ, и что злой духъ преслѣдуетъ витязя, ибо онъ язычникъ. Витязь обѣщаетъ креститься, а отецъ его даетъ ему крестъ и говоритъ, что онъ чудотворный;—онъ ѣдетъ къ извѣстной могилѣ; роетъ,—и вдругъ видитъ не гробъ, но широкое подземелье, и дѣва при блескѣ свѣчей спитъ на подушкѣ; она спитъ, ибо дышитъ; онъ выноситъ ее оттуда въ изступленіи любви, кладетъ на лошадь и скачетъ въ Кіевъ. Пріѣзжаетъ туда вечеромъ и приноситъ ее въ церковь, гдѣ народъ слушалъ вечерню. Прикладываетъ крестъ къ ея груди, и она оживаетъ, и падаетъ въ ея объятья. Ихъ вѣнчаютъ, но онъ позабылъ креститься. Когда кончился обрядъ и онъ выходилъ изъ церкви, чей-то голосъ ему напомнилъ вдругъ объ этомъ, говоря: «ты не будешь счастливъ!» На другой день свадьбы она умерла. Онъ скрылся.

— Написать поэму—Ангелъ Смерти. Ангелъ Смерти, при смерти дѣвы, влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаивается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуи мучительны умирающимъ. *Ангелъ говоритъ:* море колеблется и цвѣтокъ, отраженный его волнами, долженъ колебаться: скажи, отчего ты такъ безпокоенъ?

— Написать длинную сатирическую поэму: приключенія Демона.

— «Имя героя Мстиславъ. — Черный — прозваніе отъ его задумчивости. — Его сестра Ольга.—Мстиславъ три ночи молился на курганѣ, чтобъ не погибло любезное имя Россіянъ. — Помѣстить пѣсню печальную о любви, или: *Что за пыль пылитъ;* Ольга молодая, невинная, ангелъ,—поетъ ее. — Входитъ братъ ея, посл: паломникъ. — Всѣ сначала укоряютъ Мстислава

въ равнодушіи къ бѣдствіямъ родины, ибо онъ молчитъ. Какимъ образомъ умираетъ Мстиславъ. Онъ израненный лежитъ въ хижинѣ. Хозяйка-крестьянка баюкаетъ ребенка пѣснью: *Что за пыль пылитъ.* — Входитъ мужъ ея, израненный — Юный князь Василій утонулъ въ крови во время битвы.

— (1837). Александръ. У него любовница, которую онъ взялъ изъ жалости; онъ былъ знакомъ въ Москвѣ въ одномъ знатномъ домѣ и любимъ дочерью; говорятъ, что у нея милліоны. Здѣсь его принимаютъ худо; она ничего прежняго не хочетъ помнить. А въ высшемъ кругу его не принимаютъ. Графъ за ней волочится, и хочетъ жениться. Этотъ графъ всегда былъ на дорогѣ Александра. Александръ хочетъ заставить его отказаться; тотъ надъ нимъ смѣется. Потомъ Александръ клевещетъ на него ей, но графы пріѣзжаютъ и они надъ Александромъ трунятъ.—Александръ дома съ NN. Хочетъ денегъ, но у нея, кромѣ любви, ничего нѣтъ. Онъ ее не любитъ и ту не любитъ, а хочетъ денегъ. Входитъ ростовщикъ, живущій за стѣной, и предлагаетъ ему денегъ, а тотъ даетъ ему вексель на все имѣніе; ростовщикъ открываетъ, что у нея ничего нѣтъ. — Посредствомъ денегъ Александръ пробирается въ комнату Софьи и говоритъ ей, что онъ знаетъ, и что у нея ничего нѣтъ, и что она хочетъ выдти за графа, ибо онъ богатъ, и что если она хочетъ, чтобы онъ не отказался отъ нея, узнавъ, что у нея ничего нѣтъ, то она должна его любить. Она уже колеблется; вдругъ входитъ горничная, говоря, что графъ пріѣхалъ. Александра прячутъ за гардину. Графъ изъясняется въ любви, говоритъ, что, ибо ему позволяютъ входъ во всякое время, то это показываетъ, что родители не прочь. Она ему клянется, что любитъ его одного. Въ эту минуту Александръ выходитъ и говоритъ: это правда. Смущеніе,—сцена. Вдругъ входитъ отецъ съ дядей и говоритъ, что его дочь обезчещена, что графъ долженъ жениться, что иначе они его лишатъ мѣста, убьютъ и проч. Графъ въ отчаяніи. Александра выгоняютъ, но онъ радъ. Дочь въ обморокѣ. Александръ съ ней прощается.—Александръ боленъ, онъ въ размолвкѣ съ нею. Разсказываетъ жизнь. Входитъ ростовщикъ, жалѣетъ и говоритъ, что вчера вечеромъ была свадьба графа.

Посылаютъ за графомъ. Графъ приходитъ, подноситъ свѣчу къ кровати и ужасается. Александръ ему говоритъ, что онъ отомстилъ ему, что написалъ къ своимъ пріятелямъ всю исторію. И потомъ говоритъ, что у нея ничего нѣтъ, и ставитъ въ свидѣтели ростовщика. Самъ упадаетъ безъ чувствъ. Любовница въ отчаяніи проклинаетъ графа. Александръ . . . . . и говоритъ, что жалѣетъ, что не имѣетъ милліона оставить ей, и умираетъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ ЛЕРМОНТОВА

стр.

Августа 7-го. Блистая, пробѣгаютъ облака. . I, 38
Автору Курдюковой (П. П. Мятлеву) (Въ альбомъ) . . . . . I, 87
Азраилъ . . . . . I, 213
Аллахъ-ли тамъ... Видъ горъ изъ степей Козлова . . . . . I, 93
Алябьевой. Вамъ красота, чтобы блеснуть . . I, 76
Аминтъ твой на глупца... Г-ну П. Эпигр. . . I, 269
Амуръ спросилъ меня однажды... Глупой красавицѣ . . . . . I, 287
Ангелъ. По небу полуночи . . . . . I, 3
Ангелъ смерти . . . . . I, 108
Арбенинъ. (Маскарадъ въ исправленномъ видѣ). II, 301
Арсеньеву. Н. Н. Дай Богъ, чтобъ ты. . . . I, 78
Арфа. Когда зеленый дернъ мой скроетъ. . . I, 46
Атаманъ. Горе тебѣ, городъ Казань! . . . . I, 3[illegible]
Аулъ Бастунджи. . . . . I, 157
Ахъ, братъ! ахъ, братъ!.. (Два брата). . . I, 221
Ахъ, нынѣ я не тотъ... (Изъ Байронова Ма[illegible]). . . . . I, 9[illegible]
Ахъ, сокрылась... (Къ Нинѣ). . . . . I, 9[illegible]
Ашикъ-Керибъ. Турецкая сказка . . . . . II, 102

Баллада (изъ Байрона). Берегись, берегись. . I, 2[illegible]
Баллада. Въ избушкѣ позднею порою. . . . . I, 287
Баллада. Гвадьяна бѣжитъ. . . . . II, 207
Б[illegible]. Изъ воротъ выѣзжаютъ . . . . . I. 294
Б[illegible]. Куда такъ проворно. . . . . I, 2[illegible]
Баллада. Надъ моремъ. . . . . I, 57
Баллада. Югельскій баронъ. . . . . I, 2[illegible]
Бартеньевой. Скажи мнѣ, гдѣ переняла. . . . I, 273
Бахметевой (письмо изъ Петерб.). Примите дивное посланье. . . . . I, 294
Башилову. Вы старшина собранья. . . . . I, 7[illegible]
Безумецъ я! вы правы... (Толпѣ). . . . . I, [illegible]3
Безъ васъ хочу сказать. А. О. Смирновой. . I, 86
Берегись, берегись... Баллада. . . . . I, 2[illegible]8
Благодарность. За все, за все, Тебя благодарю. I, 11
Благодарю! вчера мое признанье . . . . . I, 29

стр.

Blessé.le.(Стихотвореніе, сообщенное А. Дюма) I, 302
Блистая, пробѣгаютъ облака. (7-го Августа) . I, 38
Боденштедта, въ нѣмецкомъ переводѣ стих. Лермонтова . . . . . I, 299
Бой. Сыны небесъ однажды. . . . . I, 47
Болѣзнь въ груди моей. . . . . I, 50
Бородино. Скажи-ка, дядя, вѣдь . . . . . I, 6
Боюсь не смерти... (Предчувствіе). . . . . I, 32
Боюсь не смерти... (1830 г. мая 16). . . . . I, 2[illegible]2
Бояринъ Орша . . . . . I, 188
Будь со мною, какъ прежде бывала...(К. Д.) . I, 24
Булгакову. На вздоръ и шалости ты хватъ. . I, 76
Булеваръ. Съ минуту лишь съ бульвара. . . I, 2[illegible]6
Бухариной. Не чудно-ль, что зовутъ васъ . . I, 78
Бухарову, Н. И. (Къ). Мы ждемъ тебя. . . I, 79
(Бухарову, Н. И.) (Къ портрету стараго гусара). Смотрите, какъ летитъ. . . . . I, 79
Бѣглецъ. Горская легенда. . . . . I, 219
Бѣлѣетъ парусъ одинокой... (Парусъ). . . . . I, 3
Бѣла . . . . . II, 36

Вадимъ. Повѣсть. . . . . II, 115
Валерикъ. Я къ вамъ пишу . . . . . I, 216
Вамъ знакома вся Москва... (Щербатовой). I, 273
Вамъ красота, чтобы блеснуть... (Алябьевой). I, 76
Вблизи тебя... (Черноокой.) . . . . . I, 78
Вверху одна . . . . . I. 33
Великій мужъ, здѣсь нѣтъ награды. . . . . I, 16
Вельможи толпою... Перчатка. (Изъ Ш[illegible]). I, 94
Венеція. Поверхностью морей [illegible] . I, 49
Верзилиной. (Въ альбомъ). Надежда [illegible]. I, 2[illegible]8
Веселый часъ. Зачѣмъ вы на меня . . . . . I, 267
Весна. Когда весной разбитый ледъ. . . . . I, 30
Вечеръ. Когда садится [illegible] день. . . . . I, 51
Вечеръ послѣ дождя. Гляжу въ окно, ужъ гаснетъ небосклонъ. . . . . I, 279
Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ... (Стансы). I, 30
Взгляни на тихую луну . . . . . I, 2[illegible] — II, 2[illegible]
Взгляни на этотъ ликъ... (Портр[illegible]) . . . . I, 272

Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья... (Къ другу). I, 271
Видъ горъ изъ степей Козлова. Аллахъ-ли гамъ среди пустыни . . . . . I, 93
Видѣніе. Я видѣлъ юношу . . . . . II, 265
Воетъ вѣтеръ... (Пѣсня). . . . . II, 132
Воетъ вѣтръ и свиститъ... (Челнокъ). . . . I, 281
Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка. I, 26
Воздушный корабль. По синимъ волнамъ. . . I, 92
Война. Затѣялась, друзья мои, война. . . . I, 268
Волны и люди. Волны катятся одна. . . . . I, 42
Волшебные звуки. Есть рѣчи—значенье . . . I, 297
Воля. Моя мать—злая кручина. . . . . I, 39
Воронцовой-Дашковой. (Къ портрету графини). Какъ мальчикъ... . . . . I, 86
Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы... (Посвященіе NN). . . . . I, 267
Время сердцу быть въ покоѣ. . . . . I, 25—274
Все въ мірѣ суета... (Портреты) . . . . . I, 266
Всевышній произнесъ свой приговоръ... (Къ ***) I, 78
Всегда онъ съ улыбкой веселой... (Портреты). I, 266
Все тихо—полная луна . . . . . I, 285
Встрѣча. Она одна . . . . . I, 94
Всѣмъ жалко васъ. . . . . I, 76
Всю ночь у пушекъ... (Поле Бородина). . . I, 289
Вчера до самой ночи просидѣлъ... (Кладбище). I, 285
Въ альбомъ (изъ Байрона)... Какъ одинокая гробница... . . . . I, 91
Въ альбомъ Н. И. Поливанову. Послушай, вспомни. . . . . I, 76
Въ альбомъ. Прими, хотя и безъ вниманья. I, 278
Въ Большомъ театрѣ... По поводу представленія драмы Кукольника „Скопинъ-Шуйскій". I, 85
Въ Воскресенскѣ. I. Оставленная пустынь предо мной. . . . . I, 28
II. Предъ мной готическое зданье. . . . . I, 282
Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла... (Тамара). . I, 59
Въ избушкѣ позднею порою... (Баллада). . . I, 287
Въ минуту жизни трудную... (Молитва). . . I, 8
Въ морѣ царевичъ... (Морская царевна). . . I, 61
Въ невѣрный часъ... (Наполеонъ. Дума). . . I, 279
Въ песчаныхъ степяхъ... (Три пальмы). . . . I, 58
Въ полдневный жаръ... (Сонъ). . . . . I, 17
Въ простосердечіи невѣжды...(А.О.Смирновой). I, 85
Въ ребячествѣ моемъ... (Первая любовь). . . I, 32
Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой . . I, 296
Въ семьѣ безвѣстной я родился... (Морякъ). I, 42
Въ старинны годы жили-были . . . . . I, 278
Въ старинны годы люди... Незабудка. (Сказка). I, 65
Въ тѣ дни, когда ужь нѣтъ надеждъ...(Романсъ). I, 288
Въ тѣснинѣ Кавказа. . . . . I, 280
Въ умѣ своемъ я создалъ...(Русская мелодія). I, 22
Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ. (Ночь). I, 52
Въ шапкѣ золота литого... (Два великана). . I, 3
Вы мнѣ однажды говорили.... (Уваровой). . . I, 273
Вы не знавали-ль князь Петра . . . . . I, 76
Вы старшина собранья вѣрно... (Башилову). . I, 76
Выхожу одинъ я на дорогу. . . . . I, 18
Вѣтка Палестины. Скажи мнѣ, вѣтка. . . . I, 5

Г[illegible] бѣжитъ по цвѣт. полямъ... (Баллада) II, 207
Had we never loved so kindly. . . . . I, 77
Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокой...(Наполеонъ). I, 269
Гейне (Изъ). Они любили другъ друга. . . . I, 93
Генію (Къ). Когда во тьмѣ ночей. . . . . I, 21
Герой нашего времени. . . . . II, 35
Гёте (Изъ). Горныя вершины. . . . . I, 92
Глупой красавицѣ. Амуръ спросилъ меня однажды. . . . . I, 287
Глупой красавицѣ (Къ). Тобой плѣняться издали. . . . . I, 280
Глядися чаще въ зеркала... (Къ ***). . . . . I, 272
Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ...(Стансы). I, 41
Гляжу въ окно... (Вечеръ послѣ дождя). . . I, 279
Гляжу на будущность . . . . . I, 4
Г—ой (Къ кн. А.). Когда ты холодно внимаешь. I, 80
Hommaire de Hell à Madame . . . . . I, 88
Горе тебѣ, городъ Казань... (Атаманъ). . . I 38
Горныя вершины... (Изъ Гёте) . . . . . I, 92
Гость. Какъ пришлецъ иноплеменный. . . . I, 285
Гость. Кларису юноша любилъ . . . . . I, 290
Гошпиталь. Разсказъ (въ стихахъ). . . . . I, 202
Графиня Эмилія... (Гр. Эм. Карл. Мусиной-Пушкиной). . . . . I, 87
Гробъ Оссіана. Подъ занавѣсою тумана. . . I, 85
Гроза. Реветъ гроза, дымятся тучи . . . I, 44—278
Грузинову (Къ). Скажу, любезный мой пріятель . . . . . I, 75
Грузинская пѣсня. Жила грузинка . . . I, 56—271
Гусаръ. Гусаръ! ты веселъ и безпеченъ . . . I, 294

Давно-ли съ зеленью радушной... (Дереву). . I, 285
Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы.... (Н. Ф. П.). . . I, 78
Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся... (Н. Н. Арсеньеву). . . . . I, 78
Дай руку мнѣ, склонись... (Къ ***). . . . . I, 83
Дамонъ нашъ врачъ... (Эпиграмма). . . . . I, 269
Да охранюся я отъ мушекъ... (Моя мольба). I, 85
Дары Терека. Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ. I, 59
Да, тѣнь твою... (Эпитафія Наполеону). . . . I, 279
Два брата. Ахъ, братъ! ахъ, братъ! . . . . I, 221
Два брата. Драма въ V дѣйствіяхъ . . . . . II, 284
Два великана. Въ шапкѣ золота литого . . . I, 3
Два сокола. Степь, синѣя, разстилалась. . . I, 23
Два человѣка въ этотъ страшный годъ...(Чума) I, 283
Девятый часъ; ужь темно, близъ заставы. . . I, 275
Демонъ (восточная повѣсть) . . . . . I, 235
Демонъ. 1-й очеркъ . . . . . I, 248
Демонъ. 2-й очеркъ. . . . . I, 250
Демонъ. 3-й очеркъ. . . . . I, 256
Демонъ. 4-й очеркъ. . . . . I, 256
Дереву. Давно-ли съ зеленью радушной . . . I, 285
Джуліо. . . . . I, 146
Дитя въ люлькѣ. Счастливъ ребенокъ. . . . I, 95
Dir folgen meine Thränen. . . . . I, 299
Для чего я не родился . . . . . I, 295
Довольно толстъ, довольно тученъ...(Портреты). I, 266
Довольно любилъ я... (Къ Дурнову). . . . . I, 83
Договоръ. Пускай толпа клеймитъ . . . . . I, 15
Додо. Умѣешь ты сердца тревожить . . . . . I, 76
До лучшихъ дней... (Къ другу В. Ш.). . . . I, 79
Дробись, дробись, волна ночная... (Элегія). . I, 28
Другу (Къ). Взлелѣянный на лонѣ вдохновенья. I, 271
Другу В. Ш. (Къ). „До лучшихъ дней!"... . . I, 79
Другу (Къ). Забудь опять . . . . . I, 293
Другу (Къ). Стремится медленно толпа . . . I, 75
Друзьямъ (Къ). Я рожденъ съ душою пылкой. I, 265
Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки . . . I, 61
Дума. Печально я гляжу. . . . . I, 8
Дуракъ и старая кокетка—все равно... (Эпиграмма) . . . . . I, 267
Дурнову (Къ). Довольно любилъ я. . . . . I, 83
Дурнову. (Романсъ). Невинный нѣжною душой. I, 269
Д—ву (Къ). Я пробѣгалъ страны Россіи. . . I, 266
Душа моя должна прожить въ земной неволѣ. I, 50
Душа моя мрачна... (Евр. мел. изъ Байрона) I, 91
Душа тѣлесна! ты всѣхъ увѣряешь смѣло... (Мадригалъ) . . . . . I, 267

стр.

Дѣвѣ небесной (Къ). Когда бы встрѣтилъ я въ раю. I, 291
Дѣлись со мною... (Къ***). . . . . I, 95

Еврейск. мел. Я видалъ иногда . . . . . I, 27
Еврейск. мелод. (Изъ Байрона). Душа моя мрачна. . . . . I, 91
Еврейская мелодія. Плачь, Израиль, о плачь II, 214
Если, другъ, тебѣ сгрустнется... (Совѣтъ) . . II, 278
Есть люди странные... (Эпиграмма). . . . . I, 269
Есть мѣсто... (Завѣщаніе). . . . . I, 291
Есть подлецы, которыхъ бьютъ... (А. А. Ѳ—ву). I, 79
Есть птичка рая у меня... (Надежда). . . . I, 44
Есть рѣчи—значенье . . . . . I, 12
Есть рѣчи—значенье... (Волшебные звуки). . I, 297
Есть у меня твой силуэтъ... (Силуэтъ). . I, 21 273

Жалобы турка. Ты зналъ-ли. . . . . I, 23 270
Желаніе. Зачѣмъ я не птица, не воронъ. . . I, 37
Желаніе. Отворите мнѣ темницу. . . . . I, 3
Je l'attends dans la plaine sombre. . . . . I, 299
Желтый листъ о стебель бьется... (Пѣсня). . I, 35
Жена Сѣвера. Покрыта таинствъ легкой. . . I, 271
Жила грузинка молодая...(Грузинская пѣсня). I, 56 271
Журналистъ, читатель и писатель . . . . . I, 80
Журналъ Печорина (Герой н. врем.). . . . . II, 57

Заблужденіе Купидона. Однажды женщины. . I, 265
Забудь, любезный П...нъ... (Къ Пу—пу). . . I, 266
Забудь опять... (Къ другу). . . . . I, 293
Забывши волненія жизни мятежной . . . . . I, 272
За все, за все, Тебя благодарю... (Благодарность) I, 11
Завѣщаніе (изъ Гете). Есть мѣсто. . . . . I, 291
Завѣщаніе. Наединѣ съ тобою, братъ . . . . I, 12
За дѣло общее... (Изъ Андрея Шенье). . . . I, 52
Закатъ горитъ огнистой полосою... (Смерть) . I, 32
Затѣялась, друзья мои... (Война) . . . . . I, 268
Зачѣмъ вы на меня... (Веселый часъ). . . . I, 267
Зачѣмъ душа твоя смирна? . . . . . I, 303
Зачѣмъ семьи родной... (Іюля 15, 1830 г.). . I, 26
Зачѣмъ я не птица, не воронъ... (Желаніе) . I, 37
Звуки и взоръ. О, полно ударять рукой. . . I, 49
Звуки. Что за звуки! Неподвиженъ внемлю. . I, 32
Звѣзда. Свѣтись, свѣтись далекая звѣзда. . . I, 279
Земля и небо. Какъ землю намъ больше. . . I, 47
Зови надежду сновидѣньемъ. . . . . I, 30

И...вой Н. Ф. Любилъ сначала жизни я. . . I, 77
И день насталъ... (Наводненіе). . . . . I, 16
Измаилъ-Бей. Вост. пов. . . . . I, 113
Измученный тоскою и недугомъ. . . . . I, 276
Изъ воротъ выѣзжаютъ три витязя... (Баллада). I, 294
Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски. I, 15
И скучно и грустно. . . . . I, 11
Испанцы. Трагедія въ 5 дѣйств. въ стих. . . II, 197
Исповѣдь. (Поэма). . . . . I, 203
Исповѣдь. Я вѣрю, обѣщаю вѣрить . . . . . I, 38
Источникъ страсти есть во мнѣ... (Потокъ . I, 40
И такъ, прощай . . . . . I, 31
И ты думаешь, буду я хладенъ и нѣмъ. . . . I, 302

Іюля 15-го 1830 г. Зачѣмъ семьи родной. . I, 29

Кавказскій плѣнникъ. (Поэма). . . . . I, 136
Кавказу. Кавказъ, далекая страна. . . . . I, 280
Казказъ. Хотя я судьбой. . . . . I, 26
Казачья колыбел. пѣсня. Спи, младенецъ. . . I, 62
Казбеку. Спѣша на сѣверъ издалёка. . . . . I, 15
Казначейша. . . . . . I, 206
Казотъ. На буйномъ пиршествѣ. . . . . I, 10
Какъ васъ зовутъ, ужель поэтомъ?... (Павлову). I, 273
Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень. . . . I, 26

стр.

Какъ? вы поэта огорчили... (Сабуровой). . . I, 273
Какъ духъ отчаянья и зла . . . . . I, 24
Какъ землю намъ... (Земля и небо). . . . . I, 47
Какъ лучъ зари, какъ розы Леля). . . . . I, 26
Какъ мальчикъ кудрявый... (Къ портр. гр. В. Д.) I, 86
Какъ небеса твой взоръ блистаетъ . . . . I, 4
Какъ одинокая гробница...(Въ ал.) (Изъ Байр.). I, 91
Какъ по вольной волюшкѣ. . . . . II, 60
Какъ пришлецъ иноплеменный... (Гость). . . I, 285
Какъ солнце зимнее прекрасно .. (Солнце). . I, 274
Какъ страшно жизни сей... (Одиночество) . . I, 278
Какъ-то разъ передъ толпою... (Споръ) . . . I, 16
Какъ часто, пестрою толпою. (Первое января). I, 10
Какъ я хотѣлъ себя увѣрить... (Къ себѣ). . . I, 50
Каллы (Черк. пов.) . . . . . I, 164
Карамзиной. (Изъ альб. С. Н.). Любилъ и я. I, 87
К. Д. Будь со мною, какъ прежде . . . . . I, 24
Кинжалъ. Люблю тебя. . . . . I, 14
Кладбище. Вчера до самой ночи просидѣлъ. . I, 285
Кларису юноша любилъ... (Гость). . . . . I, 290
Клеймо домашняго позора . . . . . I, 303
Клоками бѣлый снѣгъ валитъ...(Русская пѣсня). I, 55
Кн. Л. Г—ой. Когда ты холодно внимаешь. . I, 80
Княжна Мери . . . . . II, 63
Княгиня Лиговская. (Романъ). . . . . II, 165
Коварной жизнью недовольный... (Романсъ). . I, 267
Когда-бъ въ покорности незнанья. . . . . I, 40
Когда бы встрѣтилъ я въ раю... (Къ Дѣвѣ Неб.). I, 291
Когда бы могъ весь свѣтъ узнать... (Sentenz). I, 85
Когда весной... (Весна). . . . . I, 30
Когда волнуется желтѣющая нива. . . . . I, 7
Когда во тьмѣ ночной... (Къ Генію) . . . . I, 21
Когда зеленый дернъ... (Арфа). . . . . I, 46
Когда къ тебѣ молвы разсказъ. . . . . I, 31
Когда надеждѣ недоступной. . . . . I, 43 296
Когда одни воспоминанья... (Оправданіе). . I, 12
Когда одни воспоминанья... (Романсъ). I, 56, II, 279
Когда печаль слезой невольной... (см. „Маскарадъ" въ 4 д.). . . . . II, 24
Когда послѣднее мгновенье. . . . . I, 272
Когда поспорить вамъ... (Мартыновой). . . . I, 76
Когда Рафаэль вдохновенный... (Поэтъ). . . I, 265
Когда садится алый день... (Вечеръ) . . . . I, 51
Когда ты холодно внимаешь...(Къ кн. Л. Г—ой). I, 80
Когда я унесу въ чужбину. . . . . II, 279
Колоколъ стонетъ... (Пѣсня) . . . . . I, 55
Корсаръ. (Поэма) . . . . . I, 142
Крапоткиной. Я оклеветанъ передъ вами... . I, 273
Кто-бъ ни былъ ты, печальный... (Сосѣдъ). . I, 7
Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой . . I, 292
Кто въ утро зимнее, когда валитъ. . . . . I, 292
Кто муки зналъ когда-нибудь... (Отвѣтъ). . . I, 271
Кто яму для другихъ... (Эпитафія утонувшему игроку). . . . . I, 285
Quand je te vois sourire. . . . . I, 298
Куда такъ проворно... (Баллада) . . . . . I, 293
Къ А. С. Не привлекай меня красой. . . . . I, 75
Къ В. Ш. „До лучшихъ дней!" . . . . . I, 79
Къ*** Всевышній произнесъ свой приговоръ. I, 78
Къ*** Глядися чаще въ зеркала . . . . . I, 272
Къ*** Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта. I, 83
Къ*** Дѣлись со мною тѣмъ. . . . . I, 95
Къ Л*** (Подр. Байрону). У ногъ другихъ не забывать. . . . . I, 95
Къ*** Мой другъ, напрасное старанье. . . . I, 84
Къ*** Мы случайно сведены судьбой . . . . I, 83
Къ*** Мы снова встрѣтились съ тобой . . . I, 272
Къ . . . Не говори, я трусъ, глупецъ. . . . I, 284

Къ *** Не думай, чтобъ я былъ достоинъ . . I, 28
Къ *** Не медли въ дальней сторонѣ. . . . I, 84
Къ *** Не ты, но судьба виновата была. . . I, 82
Къ NN*** Не играй моей тоской. . . . . I, 270
Къ NN. Ты не хотѣлъ!... . . . . I, 269
Къ *** О, не скрывай! ты плакала объ немъ. I, 84
Къ *** О, полно извинять разврать . . . . I, 82
Къ *** Оставь напрасныя . . . . . I, 83
Къ *** Печаль въ моихъ пѣсняхъ . . . . . I, 84
Къ портрету стараго гусара. (Бухарову). Смотрите, какъ летитъ. . . . . I, 79
Къ *** Прости! мы не встрѣтимся болѣ. . . I, 84
Къ . . . Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ. I, 284
Къ себѣ. Какъ я хотѣлъ себя увѣрить . . . I, 50
Къ чему волшебною улыбкой...(др. „Стр. Чел.“).II, 264
Къ чему ищу такъ славы я... (Слава). . . . I, 47
Къ чему мятежное роптанье... (Раскаяніе). . I, 32
Къ *** Я не унижусь предъ тобою . . . I, 76—275

Ласкаемый цвѣтущими мечтами... (Смерть). . I, 44
Ликуетъ буйный Римъ... (Умирающій гладіаторъ). . . . . I, 91
Ликуйте, друзья... (Пѣсня) . . . . . I, 292
Лилейной рукой поправляя... (Отрывокъ). . . I, 298
Листья въ полѣ пожелтѣли... (Осень) . . . . I, 265
Литвинка. (Поэма) . . . . . I, 152
Лопухиной А. А. (На рожденіе сына). Ребенка милаго рожденье . . . . . I, 297
Лукавъ, завистливъ... (Портреты)... . . . . I, 266
Луна привѣтно такъ сіяла... (Тройка). . . . I, 290
Любилъ и я... (Изъ альб. С. М. Карамзиной) . I, 87
Любилъ сначала жизни я... (П. Ф. П...вой). . I, 77
Люблю, друзья, когда за рѣчкой... (Панъ) . . I, 23
Люблю, когда борясь съ душою... (Стансы). . I, 276
Любовь мертвеца. Пускай холодною землею . I, 11
Люблю отчизну я... (Родина)... . . . . I, 13
Люблю тебя... (Кинжалъ). . . . . I, 14
Люблю я солнце... (Солнце осени). . . . . I, 48
Люблю я цѣпи синихъ горъ. . . . . I, 25

Мадригалъ. Душа тѣлесна. . . . . I, 267
Мазепа (Изъ Байронова). Ахъ, пить . . . . I, 95
Максимъ Максимычъ . . . . . II, 52
Мартыновой. Когда поспорить вамъ придется. I, 76
Маскарадъ. Др. въ 4 д. въ стихахъ. . . . . II, 3
Маскарадъ въ исправлен. видѣ. (Арбенинъ) . . II, 301
Между лиловыхъ облаковъ... (Одиннадцатаго іюля). . . . . I, 37
Межъ тѣмъ какъ Франція... (Посл. позоселье) . I, 13
Menschen und Leidenschaften. Драма. . . . . I, 230
Метель шумитъ и снѣгъ валитъ. . . . . I, 40
Много дѣвъ у насъ въ горахъ... (Черк. пѣсня). („Изм.-Бей“) . . . . . I, 122
Много красавицъ... (Черк. пѣсня). („Геро. нашв.“—„Бэла“). . . . . II, 41
Мнѣ грустно, потому что я... (Отчего). . . . I, 11
Мнѣ любить до могилы... (Стансы). . . . . I, 44
Могила бойца. Онъ спитъ послѣднимъ . . . . I, 31
Мой демонъ. Собранье золъ—его стихія . . . I, 23
Мой демонъ. Собранье золъ его стихія . . . I, 51
Мой домъ. Мой домъ вездѣ... . . . . I, 48
Мой другъ, напрасное стараньe... (Къ ***) . I, 84
Мой другъ, не плачь... (Къ пріятелю)... . . . I, 79
Молитва. Въ минуту жизни трудную . . . . I, 8
Молитва. Не обвиняй меня, Всесильный. . . I, 24
Молитва. Я, Матерь Божія . . . . . I, 4
Молча сижу... (Плѣнный рыцарь) . . . . . I, 14
Монго. . . . . . I, 199
Монологъ. Повѣрь, ничтожество есть благо... I, 23
Морская царевна. Въ морѣ царевичъ . . . I, 16
Морякъ. Въ семьѣ безвѣстной я родился. . . I, 42
Моя душа, я помню... (1831 г. іюня 11). . . I, 34
Моя душа, я помню . . . . . I, 37, II, 264
Моя мать—злая кручина... (Воля) . . . . . I, 39
Моя мать родная... (Пѣсня). („Вадимъ“, нов.). II, 134
Моя молитва. Да охранюся я. . . . . I, 85
Мстиславъ Черный. (Отрывокъ). . . . . II, 325
Мусиной-Пушкиной (къ гр. Ю. К.). Графиня Эмилія. . . . . I, 87
Мцыри . . . . . I, 221
Мы ждемъ тебя. . (Къ Бухарову П. П.) . . . I, 79
Мы пьемъ изъ чаши бытія... (Чаша жизни) . . I, 39
Мы случайно сведены судьбою... (Къ ***) . . I, 83
Мы снова встрѣтились съ тобой... (Къ ***) . I, 272
Мѣсяцъ плыветъ... (Черкес. пѣсня). („Измаилъ-Бей.“) . . . . . I, 131
Мятлеву П. П. (Въ альб. авт. Курдюковой). . I, 87

На буйномъ пиршествѣ... (Казотъ). . . . . I, 10
На буркѣ подъ тѣнью чинары... (Отрывокъ). . I, 298
На вздоръ и шалости ты хватъ... (Булгакову). I, 76
На зеленой скалѣ надъ шумящимъ Днѣпромъ.... I, 48
Надежда. Есть птичка рая у меня . . . . . I, 44
Надежда Петровна... (Верзилиной въ альбомъ). I, 298
Надъ бездной адскою... М. П. Соломирской) . I, 86
Надъ моремъ красавица... (Баллада) . . . . I, 57
Наединѣ съ тобою, братъ... (Завѣщаніе). . . I, 12
На жизнь надѣяться страшась... (Отрывокъ). I, 281
Наполеонъ. Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій... I, 269
Наполеонъ. (Дума). Въ невѣрный часъ. . . . I, 279
Напрасна враговъ ядовитая... (Изъ Наткуля). I, 293
Нарышкиной, А. Всѣмъ жалко васъ. . . . . I, 76
На свѣтскія цѣпи.. (Щербатовой) . . . . . I, 85
На серебряныя шпоры. . . . . I, 296
На склонѣ горъ, близъ водъ... (Цѣвница) . . I, 21
На смерть Пушкина. Погибъ поэтъ . . . . . I, 4
Настанетъ годъ, Россіи... (Предсказаніе). . I, 286
Настанетъ день, и міромъ осужденный . . . I, 24
На сѣверѣ дикомъ... (Сосна). . . . . I, 92
Небо и звѣзды. Чисто вечернее небо . . . . I, 40
Невинный нѣжною душою...(Романсъ. Дурнову). I, 269
Не вѣрь себѣ. Не вѣрь, не вѣрь себѣ. . . . I, 9
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ... (Варіантъ). I, 30
На говори: однимъ высокимъ. . . . . I, 30
Не говори,—я трусъ, глупецъ... (Къ ...). . . I, 284
Не даромъ она, не даромъ... (Гр. Толстой) . I, 76
Не дождаться мнѣ, видно, свободы... (Сосѣдка). . . . . I, 14
Не думай, чтобъ я былъ достоинъ... (К***) . I, 28
Незабудка. (Сказка). Въ старинны годы люди . I, 65
Не знаю, обманутъ-ли былъ я... (Пѣсня). . . I, 55
Не играй моей тоской... (Къ NN***) . . . . I, 270
Не медли въ дальней сторонѣ... (Къ ***) . . I, 84
Не могу на родинѣ томиться!.. (Стансы) . . I, 50
Не обвиняй меня, Всесильный... (Молитва). . I, 24
Не отвергай мой слабый даръ... (Посвящ. къ граф. „Испанцы“) . . . . . II, 197
Не плачь, не плачь, мое дитя . . . . . I, 15
Не привлекай меня красой... (Къ А. С.). . . I, 75
Нерѣдко люди и бранили. . . . . I, 288
Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей.. Подражаніе Байрону) . . . . . I, 96
Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою. . I, 16
Не ты, но судьба виновата была... (Къ ***). . I, 82
Не удалось мнѣ сжать руки твой... (въ др. „Стран. Чел.“ . . . . . II, 264
Не уѣзжай, лезгинецъ молодой... (Прощаніе). I, 274

	стр
И. Ф. П. Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали.	I, 78
И. Ф. П—вой. Любить съ начала жизни я. .	I, 77
Не чудно-ль, что зовутъ васъ... (Бухариной).	I, 78
Незрѣ (Къ). Скажи, для чего передъ нами. . .	I, 75
И. П. (Къ). Я недостоинъ, можетъ-быть. . .	I, 292
Ниѣ (Къ). Ахъ, сокрылась...	I, 94
(Новгородъ, 1830 г. окт. 13). Сыны снѣговъ.	I, 287
Non, si j'en crois mon espérance.	I, 299
Ночевала тучка золотая... (Утесъ).	I, 18
Ночь I. Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я.	I, 277
Ночь II. Погаснулъ день	I, 27
Ночь III. Темно, все спитъ	I, 284
Ночь IV. Одинъ я въ тишинѣ ночной	I, 48
Ночь. Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ. .	I, 52
Ну, что скажу... (Ребенку. Въ альб. Петрову).	I, 85
Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ... (Трубецкому).	I, 76
Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю	I, 18
Нѣтъ смерти здѣсь, и сердце вторитъ нѣтъ... (Очи XN).	I, 280
Нѣтъ, я не Байронъ, я другой.	I, 42
Нѣтъ, я не требую вниманья.	I, 33
Оборвана цѣпь жизни молодой... (Смерть). .	I, 45
О грезахъ юности томимъ... (Ребенку). . . .	I, 8
Одиннадцатаго іюля. Между лиловыхъ облаковъ.	I, 37
Одиночество. Какъ страшно жизни	I, 278
Одинъ я въ тишинѣ... (Ночь).	I, 48
Однажды женщины Эрота... (Заблужденіе Купидона).	I, 265
О! еслибъ дни мои текли... (Элегія). . . .	I, 272
Олегъ. Во мглѣ языческой...	I, 151
Она была прекрасна.	I, 274
Она не гордой красотой	I, 46
Она одна межъ дѣвъ... (Встрѣча).	I, 94
Она поетъ и звуки таютъ	I, 4
О, не скрывай! ты плакала объ немъ (Къ***)	I, 84
Они любили другъ друга... (Изъ Гейне). . .	I, 93
Онъ былъ въ краю святомъ	I, 43
Онъ былъ рожденъ для счастья.	I, 296
Онъ любимецъ мягкой лѣни... (Портреты) . .	I, 266
Онъ не красивъ, онъ не высокъ... (Портреты)	I, 21—266
Опъ спитъ... (Смогила бойца).	I, 31
Опасеніе. Страшись любви! она пройдетъ. . .	I, 276
О, полно извинять развратъ... (Къ ***) . . .	I, 82
О, полно ударять рукой... (Звуки и взоръ). .	I, 49
Оправданіе. Когда одни воспоминанья. . . .	I, 12
Опять вы, гордые, возстали... (1830, іюля 10).	I, 29
Опять, народные витіи.	I, 43
Опять, опять... (Сент. 28).	I, 39
Опять явилось вдохновенье... (Посящ. къ „Измаилъ-Бею“).	I, 113
Осень. Листья въ полѣ пожелтѣли.	I, 265
Оставленная пустынь предо мной... (Въ Воскресенскѣ).	I, 28
Оставь напрасныя заботы... (Къ **)	I, 83
Отворите мнѣ темницу... (Желаніе).	I, 3
Отворите мнѣ темницу... (Узникъ).	I, 7
Отвѣтъ. Кто муки зналъ когда-нибудь . . .	I, 271
Отдѣлкой золотой блистаетъ... (Поэтъ). . . .	I, 10
Отрывокъ изъ поэмы.	I, 216
Отрывки изъ начатыхъ повѣстей:	
I. У графини В*** былъ музыкальный вечеръ.	II, 106
II. Я хочу вамъ разсказать исторію женщины.	II, 113
Отчего. Мнѣ грустно, потому что я тебя. . .	I, 11
О, ты, котораго зовутъ... А. А. Ѳ—ву . . .	I, 296
Очи XN. Нѣтъ смерти здѣсь, и сердце вторитъ нѣтъ.	I, 280
Павлову. Какъ васъ зовутъ, ужель поэтомъ?	I, 273
Памяти кн. А. И. Одоевскаго. Я зналъ его .	I, 9
Панорама Москвы	II, 359
Парусъ. Бѣлѣетъ парусъ одинокой	I, 3
Паткуля (Изъ). Напрасна враговъ ядовитая .	I, 293
Первая любовь. Въ ребячествѣ моемъ... . . .	I, 32
Первое января. Какъ часто пестрою толпою.	I, 10
Передо мной лежитъ листокъ.	I, 31
Передъ отъѣздомъ на Кавказъ. Прощай, немытая Россія	I, 85
Перчатка. Вельможи толпою	I, 94
Петергофскій праздникъ.	I, 188
Петрову въ альбомъ. (Ребенку). Ну, что скажу тебѣ	I, 85
Печать въ монахъ пѣснях (К***)	I, 84
Печально я гляжу... (Дума)	I, 8
Пиръ Асмодея. (Сатира). У бѣса праздникъ .	I, 288
Пиръ. Приди ко мнѣ, любезный другъ	I, 75
Письма Лермонтова.	II, 327
Письмо. Свѣча горитъ	I, 22
Плачь, Израиль, о, плачь... Еврейская мелодія. (Тр. „Испанцы“)	II, 214
Плачь! плачь! Израиля народъ	I, 284
Пльшивый рыцарь. Молча сидуть	I, 14
Поверхностью морей отражена... (Венеція). .	I, 49
Повѣрь, ничтожество есть благо... (Монологъ).	I, 25
Повѣрю-ль я... (Щербатовой)	I, 273
Погаснулъ день, и тьма ночная своды... (Смерть) (Ночь II-я)	I, 27
Погаснулъ день на вышинахъ... (Сосѣдъ) . .	I, 51
Погибъ поэтъ... На смерть Пушкина	I, 4
Подражаніе Байрону. Не смѣйся, другъ . . .	I, 96
Подъ занавѣсою тумана... (Гробъ Оссіана). .	I, 85
Подъ фирмой иностранной... (Эпигр. О. П. Сенковскому)	I, 297
Покаяніе. Я пришла святой отецъ	I, 268
Покрыта тапистъ легкой сѣткой... (Жена Сѣвера)	I, 271
Поле Бородина. Всю ночь у пушекъ	I, 289
Поливанову. (Въ альбомъ). Послушай, вспомни.	I, 78
По небу полуночи... (Ангелъ)	I, 3
По поводу представленія драмы Кукольника „Скопинъ-Шуйскій“	I, 85
По произволу дивной власти... (Челнокъ) . .	I, 295
Пора уснуть послѣднимъ сномъ.	I, 293
Портреты: Взгляни на этотъ ликъ	I, 278
Все въ мірѣ суета	I, 266
Всегда онъ съ улыбкой веселой . .	I, 266
Довольно толстъ	I, 266
Лукавъ, завистливъ	I, 266
Онъ любимецъ мягкой лѣни . . .	I, 266
Онъ не красивъ, онъ не высокъ.	I, 21—266
Посвященіе къ п. „Аулъ Бастунджи“. Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли	I, 157
Посвященіе къ п. „Демонъ“. Прими мой даръ.	I, 71
Посвященіе къ п. „Демонъ“. Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли	I, 71
Посвященіе 1 къ п. „Демонъ“. Я буду пѣть,	I, 248
Посвященіе 2 къ п. „Демонъ“. Я буду пѣть, пока поется	I, 248
Посвящ. къ п. „Демонъ“. Я кончилъ и въ груди.	I, 72
Посвящ. къ п. „Измаилъ-Бей“. Опять явилось.	I, 113

Посв. къ др. „Искан[illegible]". [illegible] дарь . . . . . II, 197
Посв. къ др. „Mensch. u. Leidensch." Тобою только... . . . . II, 230
Посвященіе NN. Вотъ, другъ, плоды моей небрежной музы . . . . . I, 267
Посвященіе. Прими, прими мой грустный трудъ I, 71
Посвященіе. Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный... (Ангелъ смерти) . . . . . I, 108
Посвященіе. Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ . . . . I, 71
По синимъ волнамъ океана... (Воздушный корабль) . . . . . I, 92
Послушай, быть можетъ . . . . . I, 49
Послушай, вспомни обо мнѣ... (Въ альбомъ Поливанову) . . . . . I, 78
Послѣднее новоселье. Межъ тѣмъ, какъ Франція I, 31
Посреди небесныхъ тѣлъ. . . . . I, 45
Потокъ. Источникъ страсти есть во мнѣ. . . I, 40
Поцѣлуями прежде считалъ. . . . . I, 47
Почтимъ привѣтомъ островъ... (Св. Елена). . I, 37
Поэтомъ, хоть и это бремя... (Эпиграмма) I, 8[illegible]—269
Поэтъ. Когда Рафаэль вдохновенный . . . . I, 265
Поэтъ. Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ. . . . . I, 10
Предисловіе. (Къ „Герою нашего времени"). . II, 35
Предисловіе. (Къ „Журналу Печорина"). . . II, 57
Предсказаніе. Настанетъ годъ, Россія . . . I, 286
Предъ мной гот. зданье...(Въ Воскресенскѣ. II) I, 282
Предчувствіе. Боюсь не смерти я, о, нѣтъ . . I, 32
Пріятелю (Къ). Мой другъ, не плачь . . . . I, 79
Прекрасны вы поля въ землѣ моей родной . . I, 292
Прелестницѣ. Пускай ханжи глядятъ . . . . I, 77
Près d'un bou eau qui balance . . . . . I, 88
Преступникъ . . . . . I, 105
Привѣтствую тебя . . . . . I, 29
Приди ко мнѣ, любезный другъ . (Пиръ) . . I, 75
Прими мой даръ, моя Мадона!.. (Посвящен. Демона) . . . . . I, 71
Прими, прими мой грустный трудъ... (Посв.) I, 71
Примите дивное посланье... (Изъ Петербурга) I, 294
Прими, хотя и безъ вниманья... (Въ альбомъ) I, 278
Примѣтивъ юной дѣвы грудь... (Отрывокъ). . I, 288
Пророкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вѣчный Судія... I, 18
Прости. (Изъ Байрона). Прости! Коль могутъ . . . . . I, 93—284
Прости, мой другъ! какъ призракъ я лечу . . I, 281
Прости! мы не встрѣтимся... (Къ ***) . . . . I, 84
Прости, прости... (Прощаніе). . . . . I, 80
Прости, увидимся-ль мы снова... (Эпитафія) . I, 77
Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ писать. (Къ...) . . . . . I, 284
Простосердечный сынъ свободы... (Эпитафія) . I, 80
Прощаніе. Не уѣзжай, лезгинецъ молодой . . I, 274
Прощаніе. Прости, прости! . . . . . I, 80
Прощай, немыта Россія . . . . . I, 85
Пускай поэта обвиняютъ . . . . . I, 48
Пускай толпа клеймитъ... (Договоръ) . . . I, 15
Пускай ханжи... (Прелестницѣ) . . . . . I, 77
Пускай холодною землею... (Любовь мертвеца) I, 11
Ну—ну (Къ). Забудь любезный П—нъ . . . . I, 266
Пѣснь Барда. Я долго былъ въ чужой странѣ I, 57
Пѣснь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова I, 250
Пѣсня. Желтый листъ о стебель бьется . . . I, 55
Пѣсня. Колоколъ стонетъ . . . . . I, 55
Пѣсня. Ликуйте, друзья . . . . . I, 292
Пѣсня. Не знаю, обманутъ ли былъ я . . . I, 55
Пѣсня. Свѣтлый призракъ дней минувшихъ . I, 268
Пѣсня. Что въ полѣ за пыль пылитъ . . . . I, 56
Разлука. Я виноватъ передъ тобой . . . . . I, 277
Разстались мы, но твой портретъ . . . . . I, 7
Раскаяніе. Къ чему мятежное роптанье . . . I, 32
Ребенка милаго рожденье... (На рожденіе сына А. А. Лопухиной) . . . . . I, 297
Ребенку. (Въ альбомъ Петрову). Ну, что скажу тебѣ . . . . . I, 85
Ребенку. О грезахъ юности томимъ воспоминаніемъ . . . . . I, 8
Реветъ гроза, дымятся тучи... (Гроза) . . I, 44—278
Рембрандта (На картину). Ты понималъ, о мрачный . . . . . I, 41
Родина. Люблю отчизну я . . . . . I, 13
Романсъ. Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ I, 288
Романсъ. Коварной жизнью недовольный . . . I, 267
Романсъ. Когда одни воспоминанья... (Къ ***) I, 56
Романсъ. Невинный нѣжною душою . . . . . I, 269
Романсъ. Стояла сѣрая скала . . . . . I, 56
Романсъ. Ты идешь на поле битвы . . . . . I, 57
Романсъ. Хоть бѣгутъ по струнамъ . . . . . I, 62
Росписку просишь ты, гусаръ . . . . . I, 297
Ростопчиной (Гр.) Я вѣрю: подъ одной . . . I, 87
Русалка. Русалка плыла по рѣкѣ . . . . . I, 58
Русская мелодія. Въ умѣ своемъ я создалъ міръ . . . . . I, 22
Русская пѣсня. Клоками бѣлый снѣгъ валитъ. I, 55
Русскій нѣмецъ бѣлокурый... (Экспромтъ) . . I, 85
Рѣдѣютъ блѣдные туманы... (1831, янв.) . . . I, 51

Сабуровой. Какъ? вы поэта огорчили . . . . I, 273
Сашка. Поэма . . . . . I, 16[illegible]
Св. Елена. Почтимъ привѣтомъ островъ . . . I, 37
Свершилось! полно ожидать . . . . . I, 31
Свиданіе. Ужь за горой дремучею . . . . . I, 60
Свѣтаетъ, вьется дикой пеленой... (Утро на Кавказѣ) . . . . . I, 280
Свѣтись, свѣтись далекая звѣзда... (Звѣзда) . I, 279
Свѣтлый призракъ дней минувшихъ... (Пѣсня) I, 268
Свѣча горитъ.. (Письмо) . . . . . I, 22
7 августа. Блистая, пробѣгаютъ облака . . . I, 38
Сенковскому (О. И. Эпигр.). Подъ фирмой иностранной . . . . . I, 297
Sentenz. Когда бы могъ весь свѣтъ узнать . I, 85
Сентября 28. Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый . . . . . I, 39
Сидѣлъ рыбакъ веселый... (Тростникъ) . . . . I, 33
Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein . I, 293
Сижу я въ комнатѣ старинной . . . . . I, 291
Силуэтъ. Есть у меня твой силуэтъ . . . I, 24—273
Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ . . . I, 276
Скажи, для чего передъ нами... (Къ Неэрѣ) . I, 75
Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ... (Бородино) I, 6
Скажи мнѣ, вѣтка Палестины . . . . . I, 5
Скажи мнѣ, гдѣ переняла... (Бартеньевой) . I, 276
Скажу, любезный мой пріятель... (Къ Грушинову) . . . . . I, 75
Сказка для дѣтей . . . . . I, 65
Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой . . . . I, 25
Слава. Къ чему ищу такъ славы я . . . . . I, 47
Слова разлуки повторяя . . . . . I, 46
Случалось, съ вихремъ и грозой . . . . . I, 288
Слышу ли голосъ твой . . . . . I, 12
Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный... (А. Г. Хомутовой) . . . . . I, 87
Смерть. Закатъ горитъ огнистой полосой . . I, 32
Смерть. Ласкаемый цвѣтущими мечтами . . . I, 44
Смерть. Оборвана цѣпь жизни молодой . . . I, 45

стр.

Смерть. (Ночь II). Погаснулъ день. И тьма ночная . . . . . I, 27
Смотрите, какъ летитъ... (Къ портрету стараго гусара . . . . . I, 79
Смирновой А. О. Безъ васъ хочу сказать вамъ . . . . . I, 86
Смѣло вѣрь тому, что вѣчно . . . . . I. 17
Собранье золъ—его стихія... (Мой демонъ) . I. 23
Собранье золъ—его стихія... (Мой демонъ) . I. 51
Совѣтъ. Если, другъ, тебѣ сгрустнется . . . I. 278
Солнце. Какъ солнце зимнее прекрасно . . . I. 274
Солнце осени. Люблю я солнце осени, когда . I. 48
Соломирской (М. П.). Надъ бездной адскою . I. 86
Сонетъ. Я памятью живу съ увядшими мечтами . . . . . I, 49
Сонъ. Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана, I, 17
Сонъ. Я видѣлъ сонъ: прохладный таснулъ день . . . . . I. 46
Сосна. (Изъ Гейне). На сѣверѣ дикомъ . . . I. 92
Сосѣдка. Не дождаться мнѣ видно свободы . I. 14
Сосѣдъ. Погаснулъ день на вышинахъ небесныхъ . . . . . I. 51
Сосѣдъ. Кто-бъ ни былъ ты, печальный мой . I. 7
Спи, младенецъ... (Казачья колыбельная пѣсня) I. 62
Споръ. Какъ-то разъ передъ толпою . . . . I. 16
Спѣша на сѣверъ изъ далека... (Казбеку) . . I. 15
Стансы. Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ . I. 30
Стансы. Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ. I. 41
Стансы къ Д*** Я не могу не произнесть . . I. 88
Стансы. Люблю, когда борясь съ душою . . . I. 276
Стансы. Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено . . . . . I, 44
Стансы. Не могу на родинѣ томиться . . . I, 50
Стансы. Я не крушуся о быломъ . . . . . I, 280
Степь, синѣя, разстилалась... (Два сокола) . I, 23
Стихотворенія Лермонтова, изв. въ нѣм. перев. Боденштедта . . . . . I, 299
Стихотвореніе Лермонтова, сообщенное А. Дюма (Le Blesse) . . . . . I, 302
Стихотворенія, приписываемыя Лермонтову . I, 302
Стояла сѣрая скала... (Романсъ) . . . . . I, 56
Странный человѣкъ. Романтическая др. . . . II, 256
Страшись любви! она пройдетъ... (Опасеніе) . I, 276
Стремится медленно толпа людей... (Къ другу) . I, 75
Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ... (Эпиграмма) . . . . . I, 80—269
Счастливъ ребенокъ... (Дитя въ люлькѣ) . . I, 95
Съ минуту лишь съ бульвара... (Булеваръ) . I. 286
Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія... (Пророкъ) . . . . . I, 18
Сыны небесъ однажды надо мною... (Бой) . . I, 47
Сыны снѣговъ... (Новгородъ 13 окт. 1830 г.) I, 287

Тамара. Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла . . I, 59
Такъ нѣкогда въ степи безводной... (Отрывокъ) I, 7
Тамань . . . . . II, 58
Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли... (Посв. Демона) . . . . . I, 71
Тебѣ Кавказъ... (Посвященіе къ „Аулу Бастунджи“) . . . . . I, 157
Тебѣ, тебѣ мой даръ... (Посвященіе къ „Ангелу Смерти“) . . . . . I, 157
Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ... (Посв.) . . . . I, 71
Темно, все спитъ... (Ночь III) . . . . . I, 284
Теперь я вижу: пышный свѣтъ... (Отрывокъ) . I. 27
Терекъ воетъ... (Дары Терека) . . . . . I, 59
Тобою только вдохновенный... (Посв. къ Mensch u. Leidensch) . . . . . II, 230
Тобой плѣняться издали... (Къ глупой красавицѣ) . . . . . I, 280
Толпѣ. Безумецъ я, вы правы . . . . . I. 33
Толстой. Не даромъ она, не даромъ . . . . I. 76
Готъ самый человѣкъ пустой... (Эпиграмма) . I. 269
Три вѣдьмы . . . . . I. 93
Три граціи... (Экспромтъ) . . . . . I. 78
Три пальмы. Въ песчаныхъ степяхъ . . . . I. 58
Тростникъ. Сидѣлъ рыбакъ веселый . . . . I. 33
Тройка. Луна привѣтно такъ сіяла . . . . I. 290
Трубецкому. Нѣтъ! міръ совсѣмъ . . . . . I. 76
Тучи. Тучки небесныя, вѣчные странники . . I. 11
Ты зналъ-ли дикій край... (Жалобы турка) I, 23—270
Ты идешь... (Романсъ) . . . . . I. 57
Ты могъ быть... (Парижъ, 30 іюля 1830). I, 30—283
Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей . . . . . I. 42
Ты не хотѣлъ! по скоро волю рока... (Къ NN) I. 269
Ты помнишь-ли, какъ мы съ тобою . . . . I, 15
Ты понималъ, о мрачный геній... (На картину Рембрандта) . . . . . I. 41
Ты слишкомъ для невинности мила . . . . I. 295
1830 г., мая 16. Боюсь не смерти . . . . . I. 282
1830 г., іюля 10. Опять вы, гордые, возстали. I. 29
1830 г., іюля 15. Зачѣмъ семьи родной . . . I. 29
1831 г., іюня 11. Моя душа, я помню . . . I. 34
1831 г., января. Рѣдѣютъ блѣдные туманы . I. 51

У бѣса праздникъ... (Пиръ Асмодея, Сатира). I. 288
Уваровой. Вы мнѣ однажды говорили . . . . I. 273
У вратъ обители святой . . . . . I. 30
У графини В*** былъ муз. вечеръ... (Отр. изъ пов.) . . . . . II, 196
Ужасная судьба отца и сына . . . . . I. 41
Ужъ за горой дремучею... (Свиданіе) . . . . I, 60
Узникъ. Отворите мнѣ темницу . . . . . I. 7
Уланша . . . . . I. 187
Умирающій гладіаторъ. Лижетъ бойный . . . I. 91
Умѣешь ты сердца... (Додо) . . . . . I, 76
У ногъ другихъ не забывалъ... (Къ Л*** Подр. Байрону) . . . . . I, 95
Унылый колокола звонъ . . . . . I. 52
Утесъ. Ночевала тучка золотая . . . . . I. 18
Утро на Кавказѣ. Свѣтаетъ, вьется дикой пеленой . . . . . I, 280

Фаталистъ . . . . . II, 97

Хаджи-Абренъ . . . . . I. 101
Хомутовой, А. Н. Слѣпецъ страданьемъ . . I, 87
Хоть бѣгутъ... (Романсъ) . . . . . I, 62
Хоть давно измѣнила мнѣ радость . . . . I, 50
Хотя я судьбой... (Кавказъ) . . . . . I, 26

Царю небесный... (Юнкерская молитва) . . I, 85
Цейдлеру. (Къ М. П. Экспр.). Русскій нѣмецъ I, 85
Цыгане. Опера . . . . . II, 323
Цѣвница. На склонѣ горъ, близъ водъ . . . II, 21

Чаша жизни. Мы пьемъ изъ чаши бытія . . I, 39
Чего тебѣ, мой милый, пожелать?... (Въ день рожд. NN) . . . . . I. 272
Челнокъ. Воетъ вѣтръ и свиститъ . . . . I. 281
Челнокъ. По произволу дивной власти . . . I. 295
Черкесы. Поэма . . . . . I, 99
Черкешенка. Я видѣлъ васъ, холмы и нивы . I. 270
Черноокой. Вблизи тебя . . . . . I. 78
Чисто вечернее небо... Небо и звѣзды . . . . I. 40
Что въ полѣ за пыль пылитъ... (Пѣсня) . . . I, 56
Что за звуки! Неподвижень... (Звуки) . . . I. 32
Что толку жить! . . . . . I. 295

	стр.
Чума въ Саратовѣ. Чума явилась	I, 283
Чума. Два человѣка въ этотъ годъ	I, 283
Шенье, Андрея (Изъ). За дѣло общее	I, 52
Щербатовой. Вамъ знакома вся Москва	I, 273
Щербатовой (кн.). На свѣтскія цѣпи	I, 85
Щербатовой. Повѣрю-ль я, чтобъ вы хотѣли	I, 273
Экспромтъ. Три граціи	I, 78
Элегія. Дробись, дробись волна ночная	I, 28
Элегія. О! если бъ дни мои текли	I, 272
Эпиграмма. Аминтъ твой не глупца... (Г-ну П.)	I, 269
Эпиграмма. Дамонъ нашъ врачъ	I, 269
Эпиграмма. Дуракъ и старая кокетка — все равно	I, 267
Эпиграмма. Есть люди странные	I, 269
Эпиграмма на Сенковскаго. Подъ фирмой иностранной	I, 297
Эпиграмма. Поэтомъ, хоть и это бремя	I, 80—269
Эпиграмма. Стыдить лжеца	I, 80—269
Эпиграмма. Тотъ самый человѣкъ пустой	I, 269
Эпитафія Наполеону. Да тѣнь твою	I, 279
Эпитафія. Прости! Увидимся-ль мы снова	I, 77
Эпитафія. Простосердечный сынъ свободы	I, 80
Эпитафія утонувшему игроку. Кто яму для другихъ	I, 285
Это случилось въ послѣдніе годы... (Отрывокъ изъ поэмы)	I, 216
Югельскій баронъ. Баллада	I, 298
Юнкерская молитва. Царю небесный	I, 85
Я буду пѣть... (Посв. Демона)	I, 248
Я видалъ иногда... (Еврейская мелодія)	I, 27
Я видѣлъ васъ, холмы и нивы... (Черкешенка)	I, 270
Я видѣлъ разъ се	I, 32
Я видѣлъ сонъ... (Сонъ)	I, 46
Я видѣлъ тѣнь блаженства	I, 40
Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ... (Видѣніе) (др. „Стр. чел.“)	II, 265
Я виноватъ передъ тобою... (Разлука)	I, 277
Я вѣрю: подъ одной звѣздой... (Гр. Ростопчиной)	I, 78
Я вѣрю, обѣщаю вѣрить... (Исповѣдь)	I, 38
Я долго былъ... (Пѣсня Барда)	I, 57
Я жить хочу	I, 294
Я зналъ его... (Памяти кн. А. И. Одоевскаго)	I, 9
Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я... (Ночь I)	I, 277
Я кончилъ—и въ груди... (Посв. Демона)	I, 72
Я, Матерь Божія... (Молитва)	I, 4
Январь 1831 г. Рѣдѣютъ блѣдные туманы	I, 52
Я не для ангеловъ и рая	I, 271
Я не достоинъ можетъ быть... (Къ И. И.)	I, 292
Я не крушуся о быломъ... (Стансы)	I, 280
Я не люблю тебя	I, 25
Я не могу не произнесть... (Стансы къ Д.)	I, 88
Я не унижусь предъ тобою... (Къ ***)	I, 76—275
Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ	I, 16
Я оклеветалъ передъ вами... (Крапоткиной)	I, 273
Я памятью живу съ увядшими мечтами... (Сонетъ)	I, 49
Я пришла, святой отецъ... (Покаяніе)	I, 268
Я пробѣгалъ страны Россіи... (Къ Д—ву)	I, 265
Я рожденъ съ душою пылкой... (Къ друзьямъ)	I, 265
Я счастливъ! тайный ядъ течетъ въ моей груди	I, 274
Я хочу разсказать вамъ исторію... (Отр. изъ пов.)	II, 113
Ѳ—ву. А. А. Есть подлецы, которыхъ бьютъ... (Отрывокъ)	I, 79
Ѳ—ву. А. А. О! ты, котораго зовутъ	I, 296

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Драматическія произведенія.

Маскарадъ. Драма въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ 3

Романы, повѣсти и прозаическіе отрывки.

Герой нашего времени (1839—1840).
Предисловіе ко 2 изданію 25
I. Бэла 36
„Много красавицъ въ аулахъ у насъ“ . 41
II. Максимъ Максимычъ 52
Журналъ Печорина.
Предисловіе 57
I. Тамань. 58
„Какъ по вольной волюшкѣ“. (Пѣсня) . 60
II. Княжна Мери 63
III. Фаталистъ 97
Ашикъ-Керибъ. Турецкая сказка 102
Двѣ неоконченныя повѣсти:
Отрывокъ первой начатой повѣсти 106
Отрывокъ второй начатой повѣсти 113
Вадимъ. Эпизодъ изъ Пугачевскаго бунта . . . 115
„Воетъ вѣтеръ“ 132
„Моя мать родная“ 134
Княгиня Лиговская. Романъ 165

Юношескія драмы.

Испанцы. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ 197
Посвященіе: „Не отвергай мой слабый даръ“ 197
Баллада. „Гвадьяна бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ“ 207
Еврейская мелодія. „Плачь, Израиль! о, плачь!“ 214

стр.

Menschen und Leidenschaften 230
Посвященіе. „Тобою только вдохновенный“ —
Странный человѣкъ. Романтическая драма . . 256
„Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ“ 264
„Не удалось мнѣ сжать руки твоей“ . . —
„Къ чему волшебною улыбкой“ . . . . —
„Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ“ . 265
„Когда одни воспоминанья“ 279
„Когда я унесу въ чужбину“ . . . . . —
Два брата. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ 284

Арбенинъ. (Маскарадъ въ исправленномъ видѣ). 301

Драматическіе отрывки.

I. Цыгане (опера) 323
II. Мстиславъ Черный . . . . . —

Письма Лермонтова.

I. Къ М. А. Шанъ-Гирей 327
II. Къ ней-же . . . . . —
III. Къ ней-же 328
IV. Къ Н. И. Поливанову 329
V. Къ М. А. Шанъ-Гирей . . . . . —
VI. Къ С. А. Бахметевой 330
VII. Къ ней-же . . . . . —
VIII. Къ ней-же 331
IX. Къ М. А. Лопухиной . . . . . —
X. Къ ней-же 333
XI. Къ А. М. Верещагиной 334
XII. Къ М. А. Лопухиной 335
XIII. Къ ней-же 337
XIV. Къ ней-же 338
XV. Къ ней-же 339

	стр
XVI. Къ А. М. Верещагиной	341
XVII. Къ С. А. Раевскому	344
XVIII. Къ Е. А. Арсеньевой	—
XIX. Къ С. А. Раевскому	345
XX. Къ нему-же	—
XXI. Къ нему-же	—
XXII. Къ М. А. Лопухиной	—
XXIII. Къ Е. А. Арсеньевой	346
XXIV. Къ С. А. Раевскому	—
XXV. Къ М. А. Лопухиной	347
XXVI. Къ С. А. Раевскому	348
XXVII. Къ М. А. Лопухиной	349
XXVIII. Къ А. А. Лопухину	350
XXIX. Къ Ѳ. П. Опочинину	351
XXX. Къ генералъ-маіору Плаутину	—
XXXI. Къ Великому Князю Михаилу Павловичу	—
XXXII. Къ А. А. Лопухину	352
XXXIII. Къ Е. А. Арсеньевой	352
XXXIV. Къ А. А. Лопухину	353
XXXV. Къ нему-же	—
XXXVI. Къ Бибикову	—
XXXVII. Къ Е. А. Арсеньевой	354
XXXVIII. Къ ней-же	—

Приложеніе.

	стр.
Показанія Лермонтова:	
I. По дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина.	357
II. По дѣлу о дуэли съ Барантомъ	358
Панорама Москвы	359
Замѣтки и сюжеты въ тетрадяхъ Лермонтова	361

Алфавитный указатель къ произведеніямъ Лермонтова . . . . . I—VIII